

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ • 1980

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ · 1980

Первый выпуск

- 3 *С. Днепров*
ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА
- 67 *В. Авлошенко при участии Ю. Карасика*
КРУПНЫЙ РАЗГОВОР
- 97 *И. Стаднюк*
ЛИХА БЕДА НАЧАЛО
- 123 *Ю. Казаков, А. Кордон, А. Филатов*
ВЕЛИКИЙ САМОЕД
- 181 *В. Мережко*
БЫЛА — НЕ БЫЛА
- 213 *В. Владимиров, П. Финн*
ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДНЕЙ ИЗ ЖИЗНИ
ДОСТОЕВСКОГО
- 249 *С. Гервассиев*
КОНТАКТ
- ИЗ АРХИВА МАСТЕРОВ**
- 285 *В. Шкловский*
МАРКО ПОЛО
- СЦЕНАРИЙ КОРОТКОМЕТРАЖНОГО ФИЛЬМА**
- 310 *Е. Райская*
МОН ЖЕНЕРАЛЬ

Одиннадцатый выпуск альманаха «Киносценарии» открывается сценарием Семена Днепровца (Семена Кузьмича Цвигуна) — «Фронт в тылу врага», который завершает трилогию, посвященную героической эпопее партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

В этом выпуске публикуется также сценарий историко-революционного фильма Ю. Казакова, А. Кордона и А. Филатова «Великий самоед» — о становлении национального самосознания и культуры одной из народностей крайнего Севера нашей страны на основе великой ленинской национальной политики, осуществленной на деле коммунистической партией и советским государством.

В выпуске альманаха публикуются сценарии и на современные темы: В. Авлошенко «Крупный разговор» — о строителях и их жизни (это дебют автора); известного писателя И. Стаднюка «Лиха беда начало» (сценарий кинокомедии); и известного киносценариста В. Мережко «Была — не была».

Вниманию читателей предлагаются также сценарии фантастического фильма С. Гервассиева «Контакт» и В. Владимировой и П. Финна «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского». В рубрике «Из архива мастеров» в альманахе публикуется, в несколько сокращенном виде, сценарий старейшего нашего киносценариста В. Шкловского «Марко Поло».

Редакция благодарит читателей за отзывы на прошлые выпуски альманаха и ждет новых откликов.

СЕМЕН ДНЕПРОВ

ФРОНТ В ТЫЛУ ВРАГА

СЕМЕН ДНЕПРОВ (Семен Кузьмич Цвигун) родился в 1917 году. Генерал армии, Герой Социалистического Труда, кандидат в члены ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР 7-го — 10-го созывов. Член Главной редакционной комиссии многолетнего труда «История второй мировой войны 1939—1945». В 1937 году С. Днепро- ров окончил исторический факультет Одесского педагогического института. До 1939 года работал преподавателем, директором Кодымской средней школы в Одесской области. С 1939 года служит в органах государственной безопасности. Во время Великой Отечественной войны принимал участие в боевых действиях против немецко-фашистских войск на Юго-Западном, Южном, Северо-Кавказском, Сталинградском, Донском и Западном фронтах. Участвовал в обороне Москвы, Одессы, Кавказа, Сталинграда и в партизанском движении. После войны был отозван на работу в органы госбезопасности. С ноября 1967 года — первый заместитель Председателя КГБ СССР. Награжден многими советскими и иностранными орденами и медалями.

Семен Днепро- ров — автор книг «Мы вернемся», «Тайный фронт» и др. Им написаны сценарии художественных кинофильмов «Фронт без флангов» и «Фронт за линией фронта», за которые он удостоен Государственной премии РСФСР в 1979 году, премии Ленинского комсомола и золотой медали им. А. Довженко.

Последний фильм кинотрилогии по литературному сценарию Семена Днепров- а «Фронт в тылу врага», как и два предыдущих фильма, ставит на киностудии «Мосфильм» режиссер Игорь Гостев.

Часть первая. ОСОБАЯ ЗОНА

На широкой лесной поляне, под кронами высоких сосен, стояли в строю солдаты и офицеры отряда особого назначения. Среди них: майор Хват, старший лейтенант Бондаренко, командир роты капитан Бейсембаев, врач Ирина Петровна, старшина первой статьи Полищук, старшина Лукьянов, сержант Ерофеев... Ветер слегка шевелил полотнище развернутого знамени...

— Товарищи бойцы и командиры! — звонко звучал голос стоящего перед строем полковника Млынского. — Ставка Верховного главнокомандования поручила нам новое важное задание. Выполнять его будем на территории сопредельных государств... Мы идем на помощь нашим братьям: полякам, чехам, словакам...

Чуть в стороне — те, кто остается: дед Матвей с орденом Красной Звезды, Алешка с медалью. Наташа в накинутой на плечи шинели, смотрящая только на своего Семена Бондаренко... Провожает отряд секретарь обкома Николай Сергеевич Семиренко...

— Помните, мы бойцы регулярной Красной Армии, — продолжал Млынский. — Вместе с нами, в нашей памяти, в наших сердцах живут наши боевые товарищи, которые отдали свои жизни за свободу нашей священной Родины. Смерть фашизму! Свободу народам! Вот наше знамя!

— Направо! Шагом марш! — раздается команда.

Отряд зашагал, и взвился над строем голос запевалы. Бойцы проходили мимо Семиренко и деда Матвея, Алешки и Наташи, Млынского и комиссара Алиева. Дед Матвей, как и Семиренко, приложил свою

руку к фуражке, принимая парад. Последние ряды уже скрылись в лесу, когда Ерофеев, поровнявшись с пограничным столбом, на котором висел указатель «До Берлина 653 км», вышел из строя и, озорно улыбнувшись, написал поперек мелом: «Ни хрена, дойдем!».

Хроникальные кадры бомбардировок Лондона ракетными снарядами ФАУ. Разрушенные кварталы, убитые и раненые женщины и дети; госпитали, переполненные жертвами варварских бомбардировок. Пожары в городе и в лондонском порту... Люди в форме осматривают искореженные обломки ракет...

Военные летчики над Ламаншем пытаются сбивать летящие ракеты. Тревожные ночи. Женщины, старики и дети прислушиваются в бомбоубежищах к нарастающему вою очередного снаряда...

Голос диктора: «Личное и строго секретное послание от господина Черчилля маршалу Сталину. Имеются достоверные сведения о том, что немцы проводили испытания летающих ракет с экспериментальной станции в Дебице в Польше. Дебица лежит на пути ваших победоносно наступающих войск... Поэтому я был бы благодарен, маршал Сталин, если бы вы смогли дать надлежащие указания о сохранении той аппаратуры и устройств в Дебице, которые ваши войска смогут захватить после овладения этим районом. 13 июля 1944 года».

На экране хроникальные кадры — деловая и суровая Москва летом 1944 года.

Голос диктора: «Секретно и лично от премьер-министра господину Уинстону Черчиллю. Мы хотели бы выполнить вашу просьбу, изложенную в послании от 13 июля относительно экспериментальной станции в Дебице, если эта станция попадет в наши руки...»

Пасмурный вечер. Моросит мелкий дождик. Отряд полковника Млынского растянулся колонной. Тускло поблескивают мокрые каски солдат и оружие. В середине колонны лошади тянут несколько крытых фур. Ноги лошадей и ноги солдат скользят по размокшей глине. Рядом с одной из фур шагает капитан медицинской службы Ирина Петровна Быстрова.

Млынский обгоняет колонну верхом. Порывившись с Ириной Петровной, бросает поводья Ерофееву, слезает с седла.

— Здравствуйте, девушки.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — отвечают все, кроме бойкой рыжеволосой радистки Кати Ярцевой. У той свое приветствие:

— Здравия желаем, Иван Петрович. — И глаз у нее голубой, нахальный. — Почаще бы к нам заглядывали. Всегда рады вас видеть.

— Спасибо, Катя, — улыбается Млынский в ответ. — А вот рацию оставлять не следует.

— Она тут рядышком, товарищ полковник... В фургоне.

— На переправе ни на шаг от рации, сержант, — говорит строго Млынский и подходит к Ирине Петровне:

— Вероятно, без боя не обойдется. И братьям-полякам помочь придется. Как переправитесь, разверни полевой медпункт.

— Ты устало выглядишь, Иван...

— Ничего...

Они прошли вперед, а Ерофеев, не слезая с коня, выговаривал Кате Ярцевой:

— Ты что язычок распускаешь? И не тарась на меня свои бесстыжие буркалы — бесполезно!

Катя покорно опускает глаза и говорит смиренно:

— Прости, Ерофеич, как-то я не подумала...

— Вот то-то.

— Неужели совсем уже бесполезно? — спрашивает с сожалением Катя.

— Тьфу, чертова девка! — ругается с сердцем Ерофеев и, хлестнув коня, отъезжает, провожаемый дружным смехом.

Вдоль колонны навстречу ее движению галопом мчатся трое — старшина Полищук, девушка лет шестнадцати и паренек в конфедератке и с немецким автоматом за плечами.

— Товарищ полковник! — докладывает Полищук. — Связные от польских партизан.

— Ванда Милевская! — докладывает, лихо спрыгнув с лошади, девушка. — Из отряда «Варшава».

— Станислав Дановский, — подходит к полковнику парень. — Отряд «Костюшко». Швабы атакуют наш отряд на том берегу Сана, южнее Сталевои Воли...

— Ерофеич! Хвата срочно ко мне!

Млынский достает из планшетки карту. Полищук растягивает над ним плащ-палатку.

— Это здесь, — показывает Станислав на карте.

— Ясно. Часок продержитесь, и мы подойдем.

— Есть.

— Отряд «Варшава», — сообщает Ванда, — прикрывает левый фланг коридора. Плавсредства сосредоточены около села Пшедоба.

— Значит, не сгинела Польша, — улыбается Млынский.

— Не сгинела и не сгинет, пан полковник! — горячо говорит Станислав.

— За нашу и вашу свободу, товарищи! — отвечает Млынский.

Дождь перестал. Из-за туч иногда проглядывает луна, и тогда на реке видны лодки. Слышен плеск весел и приглушенные

команды. В стороне изредка взлетают ракеты, и оттуда доносятся тревожащие ночь пулеметные очереди.

Фуры, тачанки, лошадей и легкие орудия переправляют на плотах. У берега солдаты спрыгивают с плотов в воду и переносят на руках ящики с боеприпасами, помогают лошадям вытащить на берег тяжелые фуры и орудия.

Командир роты Бейсембаев и старшина Коваленко переносят на руках через прибрежную полосу воды Ирину Петровну. Другие солдаты — Катю Ярцеву и остальных девушек. Несут с шутками и уже на твердой земле отпускают не сразу.

Высадив людей на западном берегу, лодки и плоты возвращаются обратно.

— Старший лейтенант! — приказывает Млынский Бондаренко. — Прикройте своей ротой правый фланг переправы. Займите старые окопы.

В ту же ночь по шоссе двигалась колонна немецких танков.

Впереди открытая легковая машина с эсэсовскими офицерами и охраной. Рядом с водителем — штурмбанфюрер Занге.

Регулировщик с бляхой фельдполиции на шею светящимся жезлом указывает поворот, и машина съезжает с шоссе на проселок. Следом за ней один за другим скатываются шесть танков.

На западном берегу реки полковник Млынский наблюдает за переправой. Стало заметно светлее. В бинокль видно, что рядом с последними лодками плывут, держась за борта, солдаты, поднимая над головой оружие. Впереди старшина Полищук. Река широкая. Ветер и течение гонят лодки в сторону от переправы.

— После такой купели по сто граммов положено, — говорит Ерофеев.

— Не завидуй, Ерофеич, — усмехается майор Хват. — Успели б штаны обсохнуть...

Кроме Ерофеева и Хвата на пригорке

рядом с Млынским командир польского партизанского отряда Милевский и Ванда. Млынский опускает бинокль.

— Ах, молодцы! Товарищ Милевский, я думаю, через полчаса вы сможете начать отвод ваших людей.

— Есть.

— Передайте партизанам нашу сердечную благодарность.

— Дзенькую, товарищ полковник. Мы считаем за честь вместе с вами сражаться за свободу наших народов.

Последние лодки приткнулись к берегу. Комиссар отряда Алиев, поднявшись к Млынскому, докладывает:

— Последний эшелон закончил переправу, товарищ полковник. Потерь нет.

— Отлично! Управилась почти на час раньше, чем запланировано. Чья инициатива, Гасан, вплавь через реку?

— Старшины Полищука.

— Ах, морская душа... Объявить благодарность!

В это время разорвался первый снаряд. Он упал с большим недолетом. Второй и третий ударили ближе...

— Танки! — донесся чей-то крик. И его, как эхо, подхватили разноголосом: — Танки! Танки!..

Млынский видит, как от темного лесного массива отделились едва различимые в предрассветном сумраке коробки немецких танков и поползли к переправе, изредка стреляя на ходу. От переправы мимо них пробегают бойцы и занимают оборону по кромке оврага, по которому движется основная часть отряда.

Один из снарядов разрывается недалеко от медпункта.

Старшина Полищук повис на поводьях, сдерживая заметавшуюся лошадь, впряженную в телегу с ранеными.

— Гранаты и противотанковые ружья к бою! — командует Млынский.

Осколком разорвавшегося снаряда ранит командира партизан Милевского.

— Отец! — кидается к нему Ванда.

Полищук и старший лейтенант Бейсембаев подхватывают его и несут к палатке медпункта. Зажимая рану рукой, Милевский говорит сквозь стиснутые зубы:

— Ваида, дочка... Передай мой приказ бойцам: держаться! Иди, родная... иди...

Млынский бежит к палатке медпункта. Ерофеев не отстает от него ни на шаг.

Их обгоняют несколько солдат с противотанковыми ружьями, спешащие на позиции, которые занимали партизаны.

Мелькает Полищук со связкой противотанковых гранат.

Бейсембаев у палатки медпункта спокойно набивает патронами автоматный диск...

Млынский стремительно входит в палатку и застывает на пороге.

При свете нескольких керосиновых ламп, одна из которых подвешена к потолку, а две другие держат в руках солдаты с марлевыми повязками на лицах, освещают палатку и стол, накрытый окровавленной простыней, Ирина Петровна оперирует Милевского. Работает спокойно и четко. Ей ассистирует пожилая медсестра. Повернув на секунду лицо, закрытое маской, Ирина Петровна снова склоняется к ране.

— Зажим! — коротко говорит она. — Еще! Коагулятор...

Близкий разрыв снаряда колыхнул палатку, комья земли забарабанили по брезенту, но никто даже головы не поднял.

В наспех отрытых окопчиках рядом с польскими партизанами заняли оборону советские бронейщики, выставив навстречу танкам длинные стволы ПТР.

Сержант Косых наводит ружье на надвигающийся танк. Пулеметы танка ударили по окопчику, и пули, взбив фонтанчики земли, заporошили глаза сержанту.

— Ничего... Сейчас...

Из другого окопчика грохнуло противотанковое ружье, один из танков завертелся на месте с подбитой гусеницей.

— Bravo! — крикнул поляк.

Косых протер наконец глаза.

— Сейчас наш выход. Так... — Он выстре-

лил, но танк продолжал неумолимо надвигаться на окопчик...

Но вот за башней его взвился сначала едва приметный дымок, потом он стал черней и гуще, показалось пламя, и танк остановился. По танкистам, выбравшимся из люков, открыли из винтовок огонь партизаны...

— Понятно? — улыбнулся Косых соседу-полюку.

Однако остальные четыре танка продолжали рваться вперед. Укрываясь за их броней, приближались к окопам эсэсовцы. Один из танков по берегу Сана рвался в направлении палатки медпункта...

...Из палатки вынесли Милевского. Осторожно уложили на подводу. Он слабо улыбнулся Ване.

Вышедшая следом Ирина Петровна, так и не снявшая окровавленного халата, оставилась в растерянности. Со склона, на котором стояла палатка, танков не было видно, но рев их моторов и лязг гусениц слышался где-то совсем близко.

Млынский оглянулся, увидел Ирину, взбравшуюся к нему по откосу оврага. Она подошла, опустилась на землю. Улыбнулась чуть виновато:

— Прости... Ноги, как ватные... Страшно...

— Ну-ну, Ирина, по-моему, там в палатке было страшнее, — ответил Млынский, дал короткую очередь и добавил: — Свертывай медпункт и уходи...

...Ерофеев, пробравшись по краю оврага, видел, как навстречу надвигающемуся танку метнулась фигурка человека в тельняшке, как первая граната взорвалась с недолетом, не причинив стальной машине вреда... Вторую старшина Полищук метнул, когда танк был совсем уже рядом. Взрывной волной старшину отшвырнуло к обрыву. Моряк попытался встать, поднялся, но, потеряв равновесие, рухнул с обрыва в реку. И следом туда же сполз потерявший управление танк.

Когда совсем рассвело, все вокруг накрыл густой и плотный, как молоко, туман.

Отряд полковника Млынского втягивался в буковый лес. Туман медленно полз между могучими стволами деревьев. Видно было не дальше десяти-пятнадцати шагов.

Шли молча, слышались только топот сапог, фыркание лошадей, скрип колес и редкий язг оружия или саперной лопатки.

Ирина Петровна крепко спала в телеге, свернувшись калачиком в ногах у раненых. Даже сильная тряска не могла ее разбудить.

Алиев, дождавшись на обочине Млынского, зашагал рядом.

— Вот и первое боевое крещение на польской земле, Иван Петрович...

— Проклятые танки. Откуда они взялись?

— Или разведка ошиблась, или немцы их подбросили...

— Вот именно: или... Или нас уже обнаружили, или они здесь что-то тщательно охраняют... Старшина Полищук погиб.

— Ах ты!.. Как это случилось?

Шедший позади полковника Ерофеев сказал:

— А он гранату ему прямо в рыло сунул. Ну, взрывом его... И в реку. А там — течение и не видать ни черта... Моряк и душу отдал водяному богу...

Над полем, где недавно шел бой, тоже стлался густой туман, который чернили дымом догоравшие танки.

По реке плыли остатки разбитых плотов.

Проводив их взглядом, пока они не скрылись в тумане, Занге спустился к реке.

— Где он?! — спросил Занге обершарфюрера.

— Прощу сюда, штурмбанфюрер. Осторожнее — тут коряги...

На песчаной отмели, до пояса в воде, лежал старшина Полищук. Окровавленная тельняшка его была разорвана, одна рука естественным вывернута.

Занге склонился над ним, внимательно вглядываясь в лицо раненого.

— Не может быть...

Полищук чуть шевельнулся, застонал и открыл глаза.

— Полищук, — позвал его Занге. — Ты узнаешь меня? — Занге снял фуражку. — Теперь узнаешь? Ты — Полищук, верно?

Моряк с трудом приподнялся и плюнул Занге в лицо.

Берлин. Вечер. На окнах в кабинете рейхсфюрера СС Гиммлера опущены шторы.

— Фюрер приказал увеличить производство «оружия возмездия», Вольф...

Сидевший напротив Гиммлера группенфюрер СС Вольф слушал внимательно.

— Для строительства новых подземных заводов и полигонов вы можете брать из концентрационных лагерей столько рабочей силы, сколько вам нужно. Дело должно быть поставлено так, чтобы никто не подозревал о том, что там происходит. Все подступы к вашим объектам для агентуры противника необходимо намертво перекрыть. Есть данные, что русские делают отчаянные попытки проникнуть в тайну «оружия возмездия». Этого нельзя допустить, Вольф.

Запищал зуммер селектора.

— Слушаю, — отозвался Гиммлер.

— Шесть эскадрилий бомбардировщиков типа «Ланкастер» пад Ламаншем.

Гиммлер молча кивнул и поднялся. Погасив настольную лампу, он подошел к окну, поднял шторы. За толстыми стенами взвыли сирены воздушной тревоги.

— После войны... — проговорил глуховато Гиммлер. — Она когда-нибудь кончится... Миру будет диктовать свою волю тот, кто будет владеть новым оружием. Мы опередили англо-саксов, по меньшей мере, на десять лет. Правда, я боюсь, чтобы нас не опередили русские. Мы затратили миллионы, заставили работать тысячи лучших ученых, конструкторов, инженеров, сотни тысяч рабочих, создали заводы, лаборатории, испытательные полигоны... Как ты думаешь, сколько бы заплатили англичане или американцы за весь наш опыт, за специалистов, расчеты, чертежи и лаборатории, а?

Вольф благоразумно молчит.

— Этому цены нет, Вольф, — сам отвечает на свой вопрос Гиммлер. — Нет цены...

На улицах оккупированного Кракова малоллюдно. Изредка проедет военная машина, протопаёт по мостовой фашистский патруль, и снова тихо. Над воротами старого королевского замка Вавель свисает кровавое полотнище гитлеровского флага.

Тишину неожиданно разрывает треск мотоциклов.

В сопровождении мотоциклетного эскорта по улицам стремительно мчится «хорьх». Часовые у ворот крепости вскидывают винтовки на «караул».

«Хорьх» тормозит. Выскочивший оберштурмфюрер распахивает заднюю дверцу.

...На черном полированном столе рядом со старинным чернильным прибором из зеленой яшмы — несколько телефонных аппаратов. Золоченое кресло с высокой спинкой пусто. Тяжелый стальной сейф диссонансом врывается в изящную стилистику дворцовой мебели...

Генерал-полковник фон Хорн стоит у окна. Проследив, как покинувший машину Вольф входит в подъезд, фон Хорн задергивает штору и возвращается к столу. В кабинет входит адъютант генерала подполковник Крюгер.

— Группенфюрер Вольф, ваше превосходительство.

— Пригласите... — кивает фон Хорн.

Но Вольф уже в кабинете.

— Хайль Гитлер! — вскидывает он руку.

— Хайль, — как-то вяло отзывается фон Хорн. — Проходите и садитесь, Вольф. Крюгер, принесите нам что-нибудь...

— Слушаюсь. — Крюгер плотно прикрывает за собой двери.

Вольф ждет, когда генерал-полковник займет свое место и только тогда опускается в кресло.

— Рад снова видеть вас, господин генерал-полковник, вы неплохо выглядите, честное слово...

— Благодарю, — отвечает сухо фон Хорн. — Чем обязан?..

— Я часто вспоминаю, как мы работали вместе... Совсем недавно... в Белоруссии...

— Да, да... Борьба с советскими партизанами — неблагодарное дело, не так ли? Одни неприятности... И всего за несколько месяцев службы в Берлине вас повысили в звании. Что ж, поздравляю...

Вольф ничего не ответил.

Тихо вошел подполковник Крюгер с подносом, на котором стояли бутылка французского коньяка, две рюмки, кофейник и изящные чашечки. Поставив поднос на край стола, он немного подождал, но фон Хорн и Вольф молчали, и подполковник так же тихо вышел из кабинета.

— Я прибыл в Краков, — сказал Вольф, — в связи с чрезвычайными обстоятельствами, господин генерал-полковник. Вам, несомненно, уже доложили о вчерашнем бое в тылу наших войск южнее Сталево-Вои...

— И из-за этой стычки с партизанами так переполошились в Берлине?

— У нас имеются данные, что кроме польских партизан в бою принимала участие воинская часть или целое соединение регулярных войск Красной Армии.

— А вашим людям не померещилось, группенфюрер?

— К сожалению, нет. После боя начальник особой зоны «Величка» штурмбанфюрер Занге узнал найденного в реке раненого — это человек из отряда полковника Млынского.

— Млынского!.. Угу... Если мне не изменяет память, это тот русский полковник, который нам портил кровь в Белоруссии?

— Я приехал не для того, чтобы сводить старые счёты... Дело гораздо серьезнее. Под угрозой находятся секретные объекты имперского значения! — Вольф достает из портфеля, который принес с собой, бумаги и кладет на стол. — Здесь приказ Верховного командования вермахта о необходимости вашего полного содействия...

Генерал-полковник бегло просматривает бумаги.

— Подразделение авиаразведки... Полицейские части... Это я могу вам выделить хоть сегодня, — говорит фон Хорн. — Но бомбардировочную авиацию... танковый батальон и пехотный полк... Прикажете снять их с фронта, который и без того прогибается под непрерывным давлением русских?

— Я не намерен обсуждать приказы верховного командования, господин генерал-полковник. — Вольф поднялся.

Взглянув на надменно стоящего над ним Вольфа, фон Хорн снимает колпачок с автоматической ручки и быстро подписывает бумаги.

— Благодарю, — коротко говорит эсэсовец, убирая бумаги в портфель. — Да, кстати... Ваш бывший заместитель генерал Шварценберг арестован сегодня утром гестапо... за участие в заговоре... против фюрера 20 июля. — И, взглянув на Хорна, продолжил: — Надеюсь, у вас не будет из-за этого неприятностей, господин командующий. Хайль Гитлер!

Вольф, круто повернувшись, выходит из кабинета.

Фон Хорн некоторое время сидит недвижно. Потом, не торопясь, достает из ящика несколько конвертов с письмами, встает, наливает рюмку коньяка. Выпив, генерал открывает сейф, берет какие-то документы и подходит к тлеющему камину. Сев в кресло, фон Хорн просматривает пачки бумаг и бросает их в камин. Пламя торопливо и жадно набрасывается на бумагу...

Кремль. Кабинет Сталина. Сталин, раскуривая трубку, рассказывает по кабинету. За столом сидят несколько военных, президент Академии наук, ученые, нарком вооружений. У карты начальник Генерального штаба Антонов.

Голос диктора: «Личное и строго секретное послание от господина Черчилля маршалу Сталину. Благодарю вас за вашу телеграмму от 22 июля относительно Дебицы.

Я очень рад, что вы лично уделите внимание этому вопросу...»

Отложив бланк телеграммы, Сталин говорит:

— Черчилль настойчиво просит у нас информацию об испытательном полигоне немцев в районе Дебицы.

— Правильное название этой станции Дембица, товарищ Сталин, — говорит начальник Главного разведывательного управления.

— Ее координаты соответствуют тем, которые передал нам господин Черчилль?

— Соответствуют, товарищ Сталин.

— Хорошо. Продолжайте, товарищ Антонов.

Антонов показывает на карте местоположение Дембицы.

— По нашим сведениям, англичанам еще в мае удалось добыть в Польше части невзорвавшейся ракеты ФАУ-2 и вывезти их к себе...

Сталин усмехнулся в усы:

— Старая лиса... Черчилль... А нам ни словечка об этом. Продолжайте.

— Еще до окончания операции «Багратион» в направлении ракетного полигона «Близна» в районе Дембицы был задействован отряд полковника Млынского. По сведениям, полученным от него и из других источников, немцы разрабатывают два вида ракет. ФАУ-1. Первая массированная атака Лондона 16 июня произведена этими ракетами. ФАУ-2 — это совершенно новый тип ракет — баллистическая ракета с большим радиусом действия.

— Именно эти ракеты испытываются на полигоне «Близна» в районе Дембицы, — поясняет начальник разведки.

— Продолжайте, — обращается Сталин снова к Антонову.

— В последнее время немцы готовят пуски ракет ФАУ-1 с бомбардировщиков «Хейнкель-111»...

Сталин склоняется к карте.

Линия фронта все еще проходит недалеко от Ленинграда.

— Товарищ Воронов, какие приняты меры по защите наших городов, и особенно Ленинграда, от ракетного нападения?

Поднимается главный маршал артиллерии Воронов.

— В зоне ответственности ленинградской армии ПВО для действий против ракет выделено свыше ста батарей зенитной артиллерии и четыре полка истребительной авиации, оснащенных самолетами новейших конструкций и радиолокационной техникой...

Сталин мундштуком своей трубки проводит прямую от линии фронта к Кракову.

— Товарищ Антонов, поставьте задачу отряду полковника Млынского: как можно скорее выйти в район станции Дембица, уничтожить полигон и склады ракет и по возможности постараться захватить один-два экземпляра для изучения и сопоставления их с нашими ракетами... Особое внимание надо обратить на те приборы и конструктивные особенности, которые необходимо знать для организации успешной защиты наших городов... Усильте Млынского. Направьте к нему специалистов и передайте часть зафронтовой разведки, работающей в направлении «оружия возмездия»...

Лунная ночь. На широкой лесной поляне горят костры. Крутятся пропеллеры только что приземлившегося самолета.

На краю поляны самолет встречает полковник Млынский, майоры Алиев и Хват. Чуть позади них — вестовой Млынского сержант Ерофеев и бывший матрос, а ныне разведчик старшина Лукьянов.

— Товарищ полковник, — обращается к Млынскому летчик, — срочный пакет из Москвы! И пополнение...

Первым по трапу осторожно спускается худой немолодой уже человек в очках и в мешковато сидящей форме.

— Это пополнение наведет ужас на фрицев, — усмехается Ерофеев.

— Инженер-майор Шумский, Виктор Ива-

нович... — здороваются тот с Млынским.

— Здравствуйте.

Следом из самолета появляется плотный крепыш с довольно тяжелым чемоданом. Поставив чемодан, коротко докладывает:

— Капитан Озеров, командир разведгруппы «Зарево».

— Мы вас еще в Белоруссии ждали, — говорит, здороваясь с капитаном, Млынский.

— Дела задержали, товарищ полковник, — отвечает, не вдаваясь в подробности, капитан.

— Старший лейтенант Иванов прибыл для дальнейшего прохождения службы! — докладывает полковнику высокий рыжеволосый молодец, на котором туго натянутая шинель, кажется, вот-вот расползется по швам.

— Вот Ваня так Ваня... — улыбается Ерофеев.

Началась погрузка больных и раненых польских партизан и красноармейцев в самолет. Руководила всем врач отряда Ирина Быстрова.

— Ирина, сами справитесь? — подходит к ней Млынский.

— Справимся, Иван Петрович, спасибо. Хотя некоторых наших бойцов приходится чуть ли не силой...

— Пожалуйста, не ходи без шинели — ночи прохладные...

— Слушаюсь, — улыбается Ирина Петровна.

Мимо них проносят носилки с раненым Милевским. Рядом с ним Ванда.

— Не волнуйся, татуся, — говорит она. — Все будет хорошо...

Млынский склоняется к партизану:

— Счастливого пути, товарищ Милевский...

— Спасибо, за дочкой тут приглядите.

— Добре. Выздоровливайте и возвращайтесь скорее.

В шалаше из плотно сложенного елового лапника довольно просторно. На патрон-

ных ящиках, заменяющих стол, горит керосиновая лампа. Алиев подкручивает фитиль, чтобы стало немного светлее.

Млынский вздыхает, глядя, как Хват разворачивает карту.

— Да, задачка. В двухдневный срок выйти в район станции Дембица... Кто там? — спрашивает он, услышав какую-то возню около шалаша.

— Я! — отвечает из-за стенки шалаша Ерофеев.

— Людей разместили?

— Так точно. Разместили, накормили, сопли утерли и спать уложили...

— А нас покормишь?

— Хоть бы чаю дал, — говорит Алиев.

— Какой-то олух чурок сырых набросал в самовар... Дымят, шипят, а не греют.

— Гм, гм, — прокашливается Алиев, с трудом сдерживая улыбку и глядя на Хвата.

— Шишками надо было растапливать, — смеется Млынский.

— Не было под рукой, — разводит руками Хват.

— Шишек в лесу он найти не мог... — ворчит Ерофеев.

— Будь другом, отойди от шалаша, Ерофенц, — говорит Млынский. — И смотри, чтобы близко никто не подходил, понял?

— Есть.

— После боя на переправе немцы всполошились, наверное, — говорит, склоняясь над картой, Хват. — А у нас на пути еще несколько мелких речушек и две железные дороги... Без стычек с немцами не обойтись.

— Ни в коем случае, — возражает Млынский. — Переполошим все СД, они нас на нюх не подпустят к полигонам Дембицы. Надо попросить братьев-поляков потревожить немного в сторонке... Связные их еще не уши?

— Ждут, — сказал Хват.

— Шумского необходимо срочно переправить к Карасеву-Деннерту в Краков.

В Кракове, на площади перед костелом большая толпа военных и штатских. В толпе — Шумский, в костюме и в шляпе. Рядом с ним Ванда. Вдоль тротуара шпалерами стоят солдаты.

Музыка заиграла брагурный марш. Мимо трибуны, на которой стояли генерал-полковник фон Хорн, группенфюрер Вольф и несколько генералов, пошли строевым прусским шагом подразделения недавно мобилизованных солдат. Среди них — пожилые люди, подростки. Следом напозала колонна танков и бронетранспортеров...

Стоящий рядом с капитаном люфтваффе одноглазый офицер танковых войск усмехнулся:

— Да, плохо наше дело... Им курятники от лис охранять, а не сражаться с русскими.

— Обстреляются и будут воевать не хуже нас, — отпарировал капитан, внимательно наблюдая за человеком в шляпе...

— Возможно, возможно, — торопливо согласился танкист и отошел в сторону.

Когда мимо трибун поползли, лязгая гусеницами, тяжелые танки и бронетранспортеры, настроение на трибуне поднялось и офицеры в едином порыве стали приветствовать участников парада. Улыбнулся и фон Хорн...

... Заметив, что капитан наблюдает за ним, Шумский поворачивается и неторопливо идет по улице, пробиваясь в толпе. В отдалении за ним следует Ванда.

У выхода с площади Малого Рынка Шумский на секунду останавливается у витрины магазина готового платья. В стекле витрины отражается капитан люфтваффе, переходящий улицу. Шумский тут же сворачивает за угол. Капитан не отстает от него, но и не приближается. А позади капитана следует Ванда.

Узкими улочками все трое выходят на бульвары, тянущиеся к Вавельскому холму.

... На высоком берегу над Вислой Шумский останавливается и ждет, сунув руки в карманы. Место пустынное.

Подходит капитан и, глядя на город, задумчиво говорит по-немецки:

— Краков — красивый город...

— Да. Но Варшава лучше, — отвечает Шумский.

— Долго же вы таскали меня за собой. — Там было много всяких типов.

— Ладно, хватит, выньте же руку из кармана и давайте поздороваемся, — усмехается капитан. — Карасев. По документам — капитан Деннерт.

— Шумский. Так и по документам, — пожимая Деннерту руку, он передает ему небольшой пакетик: — От Млынского. Срочно.

— Как устроился?

— Неплохо. Механиком в автомастерской.

— Завтра в десять в костеле... Да, кстади, пан Шумский, носить оружие в кармане брюк не очень удобно.

— А у меня там ничего нет. — Шумский обернулся и подозвал по-польски: — Ванда! Иди сюда, девочка.

Ванда подошла и сказала серьезно:

— Здравствуйте. — Прежде, чем протянуть ладошкой вверх правую руку, она переложила маленький пистолет за пазуху. И, заметив, что Карасев проводил этот жест удивленным взглядом, сказала: — Вы тоже хороши — ходите следом за ним... Я ведь так и застрелить вас могла.

— Да, — усмехнулся Карасев, — а я думал, вы дилетант, Шумский.

Краков. Гестапо. В кабинете у Вольфа — Занге.

— Появление Млынского в Польше, глубоко в тылу наших войск, — говорит Вольф, — может означать только одно: не сегодня завтра ты должен ждать гостей на своих объектах... Выпьешь водки? — Вольф достает бутылку.

— Благодарю.

Выпив вторую рюмку, Занге говорит озобоченно:

— Я вот думаю: что именно известно Млынскому?

— Вероятнее всего — испытательный полигон «Близна» в районе Дембицы. Грохот, пламя... Скрыть невозможно от внимательных наблюдателей. Но остальные объекты — вряд ли. Мы устроим Млынскому достойную встречу... Работы на объекте «Хайделлагер» временно прекратить. Усилить контроль на объекте «Величка». Млынский рвется к ракетам — он их получит... — Вольф улынулся.

Шумский входит в костел. Следом за ним по ступенькам поднимается Ванда. После яркого солнечного утра здесь все кажется сумрачным. Мерцает несколько свечек. В костеле довольно много молящихся, в большинстве — стариков и старух. Впереди, у самого алтаря, молодая женщина — с лицом, закрытым вуалью, — сидит, сцепив руки, и то ли молится, то ли думает о чем-то...

Шумский прошел вперед, пробираясь среди молящихся, и наконец увидел Карасева-Деннерта в штатском, стоящего в узком проеме между стеной и массивной колонной. Шумский остановился чуть впереди. Ванда становится неподалеку.

— Кое-что удалось узнать, — сказал тихо Деннерт. — Нас должна интересовать особая зона «Величка».

— Почему «Величка»? Это же концлагерь в соляных копиях в двадцати километрах от Кракова. Какое отношение они имеют к полигону «Близна»?

— Сводку о погоде в районе полигона запрашивают у нас на метеостанции из особой зоны «Величка».

— Где и когда мы увидимся?

Оба шевелили губами, будто молились...

— Все, что нужно, передаст эта женщина в черной вуали. Видите ее? В первом ряду... Вы всегда найдете ее в ресторане отеля «Монополь».

В это время женщина подняла вуаль и улыбнулась Шумскому.

— Ее зовут Гелена, — продолжал Ден-нерт.

— Слишком красива.

— Вы еще сумеете убедиться, что это ее большое достоинство... И еще... передайте Млынскому: сегодня в городе неожиданно появилось много летчиков, хотя ни одно авиасоединение или часть не были перебазированы за последнее время в Краков.

— Откуда они взялись?

— Выясняю...

— Все?

— Пока все.

Шумский повернулся и направился к выходу.

Через секунду костел покинула и Ванда.

Ночь. Опушка леса неподалеку от проволоки, ограждающей полигон. На вышках только что сменились часовые. Метнулся луч прожектора и погас. Лежавшие за кустами в маскхалатах Озеров, Иванов и Бондаренко наблюдали за тем, как скрылся во тьме за деревьями сменившийся наряд.

Старший лейтенант Бондаренко жестом показывает: вперед!

К проволоке по опушке ползут трое саперов. Луч прожектора снова полоснул по земле, на которой неподвижными бугорками застыли саперы.

Прожектор погас. В темноте — короткий и стремительный последний бросок к проволоке.

Привычную работу саперы делали быстро: щупами и миноискателями проверили, есть ли мины, один из саперов ухватился двумя руками за проволоку и, как только второй разрезал ее, отогнул концы в стороны. Верхние нити перерезали, лежа на спине.

Две группы обеспечения с пулеметами, выдвинутые к вышкам, прикрывали саперов.

Проверив, нет ли мин в междурядье, саперы так же быстро сделали проход во

втором ряду заграждений. Убедились, что впереди за проволокой чисто, дали сигнал фонариком: путь свободен.

Старший лейтенант Бондаренко жестом приказывает основной группе разведчиков следовать за ним. Вскоре они проникают на полигон. Вокруг барачных бараков снова оказалась колючая проволока. Ее обошли и двинулись дальше вдоль дороги.

А в бункере испытательного полигона унтерштурмфюрер Рот ведет наблюдение через перископ. За столом, вытянув ноги и откинувшись на спинку стула, дремлет Занге.

В перископ хорошо видна площадка, на которой установлены ракеты, и все проходы к ним. Кроме часовых вокруг ничего не видно...

... Просторная площадка, на которой даже в сумерках были видны какие-то косо поставленные серебристые тела, открылась разведчикам неожиданно.

Оглядевшись и не заметив ничего подозрительного вокруг, разведчики ползком приближаются к странным объектам. Иванов непрерывно шелкает затвором фотоаппарата.

Вдруг где-то совсем рядом взвывает сирена. Разведчики прижимаются к земле. Из темноты доносятся команды, топот сапог, лай собак...

К небу взметнулись лучи прожекторов. Бондаренко махнул рукой: отходи!

... В бункере Рот продолжает вести наблюдение в перископ.

Занге докладывает по телефону:

— Группенфюрер! Мы дали возможность разведчикам Млынского уйти с полигона... Да, да, теперь цель его появления определилась окончательно. Насколько я знаю Млынского, раз уж он вцепился в объект, он не уйдет, пока не достигнет цели.

Керосиновые лампы успели закоптить потолок пещеры. На патронных ящиках

Млынский — Народный артист СССР Вячеслав Тихонов.

расстелена схема и карта, вокруг нее собрались Млынский, Хват, Алиев, Бондаренко, Иванов и Озеров.

— Вот здесь, в бараке, — докладывает Бондаренко, — заключенные, человек около ста... Отсюда до площадки — дорога. Бетон. А эти штуки — здесь, на площадке, похожи на сигары, метров пятнадцать-двадцать в длину...

— Ракеты? — спрашивает Млынский, разглядывая темный снимок.

— В этих инфракрасных лучах разве что-нибудь разглядишь толком... — говорит Алиев.

— Ракеты, конечно, — говорит уверенно Иванов.

— Я тоже так думаю, — подтверждает Озеров.

— Железнодорожная ветка куда идет? — спрашивает полковник.

— На юг, к станции Дембица.

— Вас не заметили?

— Нет, товарищ полковник. Тревога была явно воздушной.

— Да, такую махину вытащить... — говорит Алиев, с сомнением разглядывая снимки.

В пещеру осторожно вошел сержант Ерофеев.

— Разрешите, товарищ полковник? Гости к вам.

Он на шаг отступил, пропуская девушку в крестьянском платке.

— Здравствуйте, Ванда, — сказал полковник и добавил: — Вы свободны, товарищи.

Все, кроме Алиева, Ванды и Хвата, вышли. Ванда расстегнула кофточку и достала небольшой конверт.

— Спасибо, дочка. — Млынский, приняв пакет, взглянул на часы. — Устала с дороги? Поешь и отдохай, завтра встретимся.

Млынский надел очки, неторопливо разорвал конверт:

— От Карасева и Шумского. Вот что сообщают: «По данным из надежных источников, немцы ведут работы по созданию «оружия возмездия» на объекте «Величка». Полигон «Близна» в районе Дембицы должен быть эвакуирован. Комендант особой зоны «Величка» — штурмбанфюрер Занге. В особую зону входят: соляные копи «Величка», полигон «Близна» и объект «Хайделагер», летчики, приехавшие в Краков, были из «Хайделагера».

— Занге... старый знакомый, — усмехается Хват.

— Лейтенант Григорьев... — сказал Алиев.

— Данные необходимо проверить в Москве и в Берлине, через Фрибе, — сказал полковник. — Если они подтвердят, Карасева-Деннерта и Шумского целиком переключаем на копи «Величка»...

— А что это еще за «Хайделагер»? — сказал Алиев. — И что с полигоном? Эвакуирован он или нет? Сплошные загадки...

— А почему это нас должно волновать? — сказал Хват. — Если на полигоне есть ракеты, а разведка доносит, что есть, значит, полигон еще не эвакуирован или эвакуирован не полностью. Тогда надо торопиться с захватом ракет. Так, Иван Петрович?

— Так-то оно так...

За длинным полированным столом в рейхсканцелярии сидят Борман, Геринг, Геббельс, Гиммлер, фельдмаршал Кейтель, начальник технической службы имперского министерства вооружений Карл Зауэр,

министр военной индустрии Шпеер и генерал-полковник фон Хорн. Все молча ждут. Молчание тяжелое, угрюмое. Геббельс украдкой поглядывает на часы. Стрелки показывают одиннадцать...

Наконец медленно открывается массивная бронированная дверь и в кабинет, шаркая подошвами, медленно входит Гитлер. Взгляд колючий и недоверчивый. Левая рука, неестественно согнутая в локте, слегка подрагивает.

Все встают и приветствуют фюрера. В ответ он вяло поднимает правую руку, заводя ее куда-то за плечо. Медленно и тяжело усаживается за стол.

Фельдмаршал Кейтель раскрыл было папку и вставил монокль, но Гитлер останавливает его:

— Молчите. Вы обещали в этом году отбросить русских от Днепра на восток, а сами откатываетесь за Вислу. Мне надоело слышать об этом, Кейтель. Геринг, вы говорили, что Лондон будет стерт с лица земли. Рейхсминистр вооружений Шпеер, вы еще в мае обещали мне довести выпуск ракет ФАУ-1 до пяти тысяч штук, а ФАУ-2 до девяносто ежемесячно. Мы сократили производство военных кораблей, чтобы вы не нуждались в металле; у вас десятки тысяч рабов... Может, мало? Гиммлер, дайте ему еще. Гиммлер, чем занимаются ваши Каммлер и Вольф? Кто кого обманывает? Вы заверяли меня, что с саботажем на заводах покончено навсегда. Так почему же пятьдесят ракет из ста взрываются в воздухе? Молчите?.. — После паузы продолжает: — Русские выдохлись. У них больше нет резервов. Коммуникации их растянуты... Фон Хорн, вы должны задержать их на Висле. У вас, Шпеер, будет достаточно времени, чтобы закончить оснащение нашей армии «оружием возмездия». Геринг, передайте Гиммлеру еще сто... нет — двести лучших пилотов люфтваффе! Они поведут ракетноносцы и обрушат новые сверхмощные бомбы на промышленные центры России,

Англии и Америки! Мы заставим содрогнуться весь мир! Весь мир!

Начав глухо и вяло, Гитлер постепенно взвинчивает себя, все больше распаляясь. В глазах зажигается фанатический блеск, он вскакивает и грозит сжатым кулаком, как прежде на массовых выступлениях. Только левая рука, все так же неестественно согнутая в локте, бессильно висит, слегка подергиваясь...

Серое утро над серыми прокопченными домами столицы «тысячелетнего Рейха». Видны следы бомбежек. По улицам движутся колонны войск. Лица немолодых солдат устали и сосредоточены, мальчишки шагают, гордо вскинув подбородки, перетянутые ремешками касок над тонкими шейками, торчащими из мундиров.

На тротуарах редкой цепочкой стоят прохожие — в основном, женщины. Некоторые тянут руки в фашистском приветствии.

На перекрестках застыли шуцманы в высоких касках и прорезиненных, блестящих от влаги плащах.

Шпик провожает пристальным взглядом молодого, хорошо одетого человека лет тридцати с небольшим. Мужчина такого возраста в штатском платье вызывает подозрение на улицах Берлина. К тому же он не глядит на войска, а деловито шагает по тротуару. Около дома 10 по Бисмаркштрассе, у дверей которого висит скромная вывеска частной зубо-врачебной клиники доктора Курта Фрибе, он на мгновение задерживается, потом входит в подъезд.

Пока он поднимается по лестнице на второй этаж, с улицы доносится мерный стук солдатских сапог.

Двери ему открыла пожилая медсестра в крахмальной наколке на седых волосах.

— Доктор ждет вас, господин инженер, прошу.

— Бр-р, — ежится гость и входит в

зубо-врачебный кабинет. Пожилой грузный человек в пенсне указывает на кресло:

— Прошу вас, господин Кюнль. Вы запустили лечение, — Фрибе рассматривает маленький рентгеновский снимок. — Могут быть серьезные осложнения. Я положу мышьяк. Однако завтра его надо вынуть...

Кюнль со вздохом разводит руками:

— Сегодня я должен выехать в командировку...

— Ну, смотрите, ведь это ваши зубы, молодой человек.

— Всего на несколько дней. В Краков...

— Только не доверяйте ваш рот поляку. Фроляйн Анна! Приготовьте мышьяк, пожалуйста!

В лесном лагере Млынский, склоняясь к роднику, с удовольствием ополаскивает лицо студеной водой. Рядом стоит Ирина Петровна и молча смотрит, как он умывается. Потом подает ему полотенце.

Обтерев лицо, легко и благодарно касаются пальцами волос Ирины:

— Я так редко вижу тебя.

— Ничего, ничего... Я знаю — ты рядом всегда, и мне хорошо.

Ерофеев, деликатно отошедший в сторонку, замечает Хвата и Стася Дановского.

— Ты не видел полковника, Ерофеич?

Из сумерек слышится голос Млынского:

— Кто там?

— Товарищ полковник! — зовет Хват. — Свяжной от поляков.

— В чем дело? — подходит Млынский.

— У меня срочное донесение, — говорит Стась. — От Радкевича. Он велел передать, что в охотничье хозяйство «Вилена» — в сорока километрах восточнее Кракова — прибыла под видом охотников большая группа офицеров гестапо. Это близко от вас...

— Так, спасибо, Стась. Донесения от разведки были?

— Никак нет, товарищ полковник, — отвечает Хват.

Млынский, Хват и Стась уходят к пещерам, а Ерофеев спускается к роднику, около которого на сером камне одиноко сидит Ирина Петровна. Вздохнув, присаживается рядом:

— Опять не сказала? Ну, я сам ему доложу...

— Не смей, Ерофеич! Не смей! — встревоженно говорит Ирина.

— Так шила ж в мешке не утаишь, доктор. Шинелка уже не сходится, а он все не видит ни черта... Совсем ослеп, как сова, что ли?

— Ерофеич, молчи, я прошу тебя. Меня же в тыл отправят немедленно...

— А какой из вас вояка теперь? — машет рукой Ерофеев.

Ирина Петровна вдруг заплакала, спрятав лицо в полотенце.

— Ну вот, ревь-то чего уж. Баба — она и есть баба. Не надо, увидит еще кто-нибудь... — Он достает из кармана сухарь и кладет на колени Ирине Петровне. — Вот, поешьте...

— Н-не надо...

— Ешь, говорю! О себе не думаете, так о малом бы подумали! Солдат родится, небось... Так должен быть крепким. Ешь!

— А ты не скажешь, а? Ерофеич?

— Ладно. Подождем, может, сам прозреет.

— Спасибо, Ерофеич. — Ирина Петровна целует сержанта в щеку и, вздохнув, начинает грызть сухарь.

Возле отеля «Монополь» стоят несколько штабных машин. Часовой отгоняет от них бедно одетых девчонок с цветами, которые они предлагают выходящим и входящим офицерам. Среди этих девчонок — Ванда.

А в ресторане отеля безлюдно. Время послеобеденное. На небольшой эстраде певица репетирует какую-то немецкую песенку. Это Гелена.

В дальнем углу несколько офицеров — они, видимо, недавно выписаны из госпита-

ля, кое-кто еще с палочкой, — провожают на фронт товарища.

Из окна видно, как у отеля останавливается пролетка, на тротуар спрыгивает Шумский, покупает цветы у Ванды и входит в ресторан. Усевшись за столик, он раскрыл меню и тут же развернул листок, который вынул из букета. Прочел: «Из Берлина в Краков выехал инженер Кюнль. Работает у Брауна. Крупный специалист по ракетным взрывателям. 32 года. Трусоват. Номер заказан в отеле «Монополь».

Гелена, кончив песенку, улыбнулась Шумскому с эстрады. Он поднялся, прошел к эстраде и, галантно поклонившись, передал певице букет.

— Благодарю пана... — Она небрежно положила цветы на пианино и продолжала репетировать.

Шумский возвращается к своему столику.

В бункере, на испытательном полигоне, у телефонов унтерштурмфюрер Рот. Он принимает донесения и передает их Занге, который делает отметки на карте.

— Фузилерный батальон под видом рабочей команды польских военнопленных выходит в район сосредоточения.

— Отлично...

Рот кладет трубку одного телефона и тотчас же тянет руку к другому. Выслушав, докладывает:

— Третий батальон в санитарных машинах вышел на исходную, штурмбанфюрер!

— Пока все идет хорошо....

Бросив на стол карандаш, Занге подходит к перископу, снимает чехол, принакает к окуляру. В перископ хорошо видна площадка, на которой установлены ракеты. Занге опускает перископ.

— У вас все готово?

— Да, — отвечает несколько небрежно Рот. — Достаточно повернуть эту рукоятку и... — доканчивает он жестом.

Алиев сидит на топчане у стены в накинутой на плечи шинели и греет руки о

кружку с чаем. Лицо у него усталое, время от времени он с трудом сдерживает рвущийся кашель.

Млынский у стола, над картой. Сосредоточен, молчалив.

Входит лейтенант Ковалев.

— Разрешите, товарищ полковник? Последние донесения от разведгруппы.

— Давай. Ванда еще не вернулась?

— Никак нет.

— Как только появится, сразу ко мне. Все спокойненько... — с иронией говорит Млынский, просмотрев донесения.

— Что тебя беспокоит, Иван Петрович? — спрашивает Алиев.

— Все спокойненько, как на кладбище... Обозы с ранеными, строительные команды, «охотники» в «Вилсене»... А? Ничего подозрительного, просто идилия, и до сих пор ни разу не потревожили. Не такая уж тут глухомань... А ты опять простыл? Сыро тут в лесу для тебя, Гасан.

— Ничего, скоро в Баку на солнышке отогреюсь.

— Идем на воздух. — Млынский посмотрел на часы. — Кому-то выгодно, Гасан, чтоб мы тут сидели в лесу у полигона и не рыпались. Надо во что бы то ни стало выяснить, что за объект «Хайделлагер». Откуда там столько летчиков?..

... Над лесом застрекотал самолет-разведчик, и жизнь в лагере замерла.

Ерофеев, сидевший у входа в пещеру, вытянулся, когда из нее вышли Алиев и Млынский. Из палатки радистки доносилось нудное треньканье балалайки.

— Ох, надоел, — вздохнул Ерофеев.

— Самолет? — спросил Алиев. — Над нами кружит, подлец.

— Ну! Нудит и нудит целый день. И этот тоже, — кивнул Ерофеев в сторону палатки. — Охмуряет Катьку, хотя бы путное что сыграл.

... Млынский вошел в палатку, и Иванов со своей балалайкой тут же выкатился оттуда. Катя Ярцева смущенно поправила волосы, стала искать наушники.

— Я сейчас, товарищ полковник, еще де-

сать секунд. — Она надела наушники, взяла карандаш. — Есть!

Аккуратным почерком стала записывать цифры шифровки...

Гул самолета стих.

Хват, Алиев, Озеров и Иванов сидели на земле неподалеку от входа в пещеру под раскидистой кроной дерева. На широком пне была расстелена карта.

Подшел Ерофеев, нагнулся, поднял с земли балалайку, лежавшую рядом с Ивановым, потренькал. Заиграл. Играл он здорово. Увлеченные игрой Ерофеева, офицеры не заметили, как прошли к пещере Радкевич и Ванда в сопровождении лейтенанта Ковалева.

Ерофеев, кончив играть, отложил балалайку.

— Ай да Ерофеич! — сказал Озеров. — Учись, Ваня.

— Зачем такой талант прятал? — спросил Алиев.

— Для конспирации, — усмехнулся Ерофеев.

— Может, ты и не Ерофеич вовсе, — засмеялся Хват, — а Ойстрах.

— Страх для фрицев — это точно.

— Товарищи офицеры! — вскакивает Хват, увидев вышедших из пещеры полковника и Радкевича.

— Сидите, сидите, товарищи. — Млынский тоже опускается на плащ-палатку. — Ерофеич, поиграй еще, у тебя хорошо получается. Только вон там. И последи, чтобы нам никто не мешал...

— Есть поиграть немного на балалайке.

— Вот что получено из Москвы, — сообщил Млынский. — По имеющимся сведениям, противник планирует использовать бомбардировщики «Хейнкель-111» для нанесения ракетных ударов по Москве, Ленинграду, Куйбышеву и важным промышленным объектам, расположенным за Уралом...

— Ишь, куда хватили, сволочи.

— Подготовка экипажей бомбардировщи-

ков и пилотов-смертников, которые будут наводить ракету на цель, развернута где-то в степном лагере...

— Ничего себе, точные данные, — качает Хват головой. — Где в степи?..

— Необходимо во что бы то ни стало сорвать этот замысел. Подписано: Антонов... Вот так — во что бы то ни стало.

— Пошли ва-банк, — покачал головой Алиев. — Готовят пилотов-смертников.

— Найдут фанатиков, — сказал Радкевич.

— Времени на раздумья и колебания у нас больше нет, — сказал Млынский. — На рассвете атакуем полигон. Он развернул карту. — Взвод минеров передаем отряду Радкевича. Задача поляков — уничтожить ангара и склады на объекте «Хайделлагер». Группы прикрытия обязаны обеспечить время, чтобы мы успели на полигоне «Близна» снять с ракет все ценное оборудование, приняв самолет, погрузить на него приборы, раненых. Ты, Виктор Сергеевич, — повернулся он к Хвату, — сегодня же ночью с ротой Бейсембаева и всем хозяйством уйдешь в Чехословакию... Это приказ. На границе встретишься с чешскими партизанами отряда имени Яна Жижки, они помогут тебе. Маршрут согласован. Мы пойдем следом. Вопросы есть?

Алиев спросил неожиданно:

— Как будет «степь» по-немецки?

— Степпе, — ответил Радкевич.

— Почти как по-русски. Я все думаю, где у них степи в Германии, где искать этот лагерь смертников?

— Найдём, Гасан...

— А «пустыня» как?

— Одс, — сказал Радкевич.

— Вюст, — добавил Млынский. — Постой, постой... Ах ты умница, Гасан. Дай-ка я тебя расцелую!..

— Ну-ну, ты что вдруг?

— Смотри! — Млынский достал из кармана картонку. — Это принесла из Кракова Ванда.

— Так, — сказал Алиев и прочитал: — «Объект «Хайделлагер» находится северовосточнее Дембицы. Это крупный аэродром

с подземными ангарами и складами горючего. Кюньль прибыл в Краков...»

— Ты сюда смотри: «Хайделлагер». Хайде по-немецки — луг, пустошь, а можно перевести и как степь. «Хайделлагер» — «степной лагерь». Это то, что нам нужно, Гасан! Вот где они готовят смертников. Ну, Радкевич, задача наша осложняется. Взвода минеров тебе маловато будет, я думаю...

Вечер. В ресторане отеля «Монополь» полно посетителей: офицеры, чиновники генерал-губернаторства, женщины. Шумно. Накурено. Шторы на окнах плотно задернуты.

На небольшой эстраде танцевальная пара в испанских костюмах исполняет хаба-неру.

Официант, высоко поднимая над головой поднос с бутылками, ловко пробирается между тесно составленными столиками.

Карасев и Гелена сидят у окна. Гелена в смело декольтированном платье, курит, качая ножкой в открытой туфельке... Около них остановились два офицера-танкиста, по виду — недавно с фронта, оба с рыцарскими крестами.

— Разрешите, капитан? — обращается один из них к Карасеву.

— Прошу прощения, господа! — Карасев встает. — Места зарезервированы службой безопасности...

— Идем, Генрих, — говорит безразлично первый офицер, — здесь все зарезервировано тыловыми крысами...

Офицеры отходят.

— Кюньль не выходил из отеля? — спросил тихо Карасев.

— Нет, нет. Я весь вечер болтала в холле с этим болваном Зохбахом. Потом пришел Шумский...

Танцевальную пару на эстраде сменил красноносый клоун с пилой, на которой он, поломавшись, заиграл сентиментальный вальсик. И в это время в зал входит Кюньль. Окинув взглядом переполненный

зал и заметив свободные места, нерешительно приближается к столику Гелены.

— Добрый вечер,— склоняет он голову с аккуратным пробормотом. — Простите, я вам не помешаю?

— Нет. Ради бога... — отвечает Гелена.

— Благодарю. Зигфрид Кюнль. Инженер,— представляется он.

— Эрнст Деннерт,— в свою очередь поднимается и шелкает каблукими Карасев. — Фроляйн Гелена.

Кюнль садится за стол.

— Давно из Берлина? — спрашивает Карасев.

— Только сегодня. Как вы догадались?..

— Когда я слышу родной говорок...

— Так вы берлинец? — улыбается Кюнль. — Рад встретить здесь земляка. А фроляйн Гелена?..

— Гелена родилась здесь, в Кракове. Отец — немец, мать — полька,— говорит Карасев.

— А, так вот откуда в вас это... необычное очарование,— улыбается Кюнль, не отрывая глаз от Гелены.

— Благодарю. Слышишь, Эрнст? От тебя никогда не дождешься ничего подобного...

— Что с меня возьмешь? Грубый солдат,— вздыхает Карасев. — Вы раньше бывали в Кракове?

— Нет. Никого не знаю и рад знакомству с вами...

— Уютный городок. Но теперь здесь не так: фронт слишком близко...

Кюнль только кивает в ответ.

Клоун со своей пилой наконец-то убрался с эстрады. Раздаются жидкие аплодисменты, которые неожиданно переходят в овацию — к удивлению Кюнля, на эстраду выходит Гелена.

Кюнль слушает песню и не отрывает глаз от певицы. Словно почувствовав его взгляд, она улыбается в ответ.

Карасев внимательно смотрит на ключ от номера, лежащий на столе...

Млынский и Ерофеев одни в пещере. Сержант насупленно собирает вещи.

Млынский надевает поверх гимнастерки телогрейку, опоясывается ремнем. С усмешкой смотрит на Ерофеева, которому никак не удается зачихнуть в мешок сапоги.

— Ну что ты волком глядишь? Не влезают сапоги — выбрось.

— Да бог с ними, с вашими сапогами,— сказал Ерофеев, с сердцем бросив незавязанный мешок. — Сапоги... Вы людей в упор перестали замечать...

— Это ты о чем?

— А вы сами не видите, что ли? У докторши скоро живот на нос полезет, а вы ее по лесам да горам таскаете...

— Что?! Ты что говоришь?!

— А то и говорю, что за большими делами не видите ничего вокруг! Ну, какими еще словами-то втолковать: беременна Ирина-то, ребенок у нее скоро будет...

— Ерофенч... — Млынский, растерянно улыбаясь, опускается на топчан. — Ерофенч... Ах я, старый дурак... А что же вы все молчали? Что же она не сказала?

— А гордость у бабы есть? Кто она вам? Вы подумали? Если жена — так нужно оформить как полагается. Убьют вас, не приведи господи, она с дитем останется. Кто? Ни вдова, ни... На Большую землю отправлять ее надо.

— Прав ты, Ерофенч, прав во всем! — сказал Млынский. — Спасибо...

...В вечернем сумраке шевелился лагерь: люди строились, слышались приглушенные слова команд, скрип тележных колес, топот сапог и лошадиных копыт, бряцанье оружия, тихая ругань...

Санчасть сворачивала палатки. Раненых грузили на подводы. Ирина Петровна, спокойно и деловито переходя от подводы к подводе, справлялась о самочувствии раненых, поправляла повязки.

Где-то за деревьями перед построенными бойцами выступал Алиев. Речь его едва долетала сюда, к санчасти, обрывками фраз:

— Товарищи... За независимость нашей Родины... Свободу народов Европы... Уничтожить фашистского зверя в его собственной берлоге...

Ирина Петровна — артистка Валерия Заклучная.

Млынскй из-за ствола дерева долго наблюдал за Ириной Петровной. Потом окликнул:

— Ирина!

Та вздрогнула, обернулась, торопливо запахнула расстегнутую шинель.

— Иван Петрович! Ваня! Родной... Как же так? Мы уходим, а ты остаешься?

— Ирина...

— Я не хочу, я боюсь тебя потерять.

— Ирина, Ирина... — Млынскй прижался к ее щеке, зашептал горячо: — Я все знаю, я счастлив, слышишь?.. Только надо было сразу сказать, ты и ребенок были бы уже в безопасности.

— Ерофеич? Проболтался...

— Ты только будь осторожна, мы скоро увидимся... И у нас будет свадьба. Будет!

Всем смертям назло мы будем счастливы, слышишь?..

Повозки санчасти тронулись, раздался девичий голос:

— Ирина Петровна! Товарищ капитан!

— Я не пойду! Я никуда не пойду без тебя! — сказала Ирина Петровна.

Млынскй вздохнул и крепко обнял ее.

На пяточке для танцев в ресторанном зале тесно так, что пары только топчутся на месте, прижавшись друг к другу.

Гелена танцует с Кюнлем. Слегка захмелевший инженер жмет девушке пальцы и что-то шепчет на ушко. Она, смеясь, кивает...

Ключ от номера Кюнля лежит на столе, за которым в одиночестве пьет Деннерт-Карасев.

Кюньль и Гелена танцуют, нежно прижавшись щекой к щеке. Он снова шепчет ей на ухо. Но на этот раз девушка отрицательно качает головой.

— Нет, Зигфрид, это невозможно... — Ее полуоткрытый зовущий рот так соблазнителен! — Это невозможно,— повторяет она и еще теснее прижимается к партнеру.

Когда смолкает музыка, они еще некоторое время стоят неподвижно и все так же тесно прижимаясь друг к другу. Наконец возвращаются к столу.

Поцеловав с галантной благодарностью руку Гелены и усадив ее за столик, Кюньль устраивается напротив помрачневшего Карасева.

— Фроляйн Гелена прекрасно танцует...

— Да я, кажется, пьян... Я лучше уйду. А ты не ходи за мной! Все! К черту! — Карасев встает, бросает деньги на стол. — Все к черту!.. — Слегка пошатываясь, но стараясь держаться прямо, он направляется к выходу.

Гелена украдкой плачет, вытирая глаза кружевным платочком.

— Ну-ну, успокойтесь. — Кюньль ласково пожимает ее руку. — Очень жаль, что из-за меня.

— А,— машет платочком Гелена,— мне это все надоело!

— С ним часто такое?

— Каждый вечер. С тех пор, как вернулся с фронта.

— Да, это неприятно.

Гелена прячет платочек в серебряную сумочку и, вздохнув, улыбается, несколько, правда, растерянно:

— Ну вот я и свободна...

...Кюньль, пропустив вперед Гелену, входит за ней в темный номер. Повернув ключ в замке, зажигает свет...

Из кресла напротив двери поднимается Карасев. Он совершенно трезв. У зашторенного окна стоит Шумский.

— Что это значит? — высокомерно спрашивает Кюньль.

— Тихо, господин инженер,— предупреждает Карасев.

Но Кюньль повышает голос:

— Я требую объяснить...

Карасев коротким ударом сбивает инженера с ног.

— Я же предупреждал вас — тихо!

Кюньль лежит на полу и с ужасом смотрит на Карасева, а Гелену, спокойно стоящую возле окна рядом с Шумским.

Карасев молча поднимает Кюньля за ворот и тащит в ванную комнату. Здесь он рывком швыряет не на шутку испуганного и податливого Кюньля к газовой колонке, заводит его руки вокруг колонки и тут же зашелкивает наручники.

— Что вам нужно? — испуганно хрипит Кюньль.

— Сейчас узнаете. Только ведите себя хорошо, и все будет в полном порядке. — Карасев обыскивает его, достает портмоне, вынимает документы. — Оружие есть?

— Нет...

Карасев открывает край душа — зашумела вода. На секунду выходит из ванной, передает документы Кюньля Шумскому и возвращается.

— Слушайте меня внимательно, Зигфрид. Вы должны понять, что так или иначе мы добьемся, чего хотим. Поэтому вам лучше правдиво и без канители отвечать на вопросы. Вы меня поняли?

— Да...

Входит Шумский.

— На этом динстаувайсе надо поменять фотографию.

— Рискованно. Здесь приметы,— пожимает плечами Карасев.

— Глаза голубые, лицо овальное... Сойдет, я думаю.

Карасев выходит, оставив двери открытыми.

— Вы работаете в ракетном центре Вернера фон Брауна? — спрашивает Шумский у Кюньля.

— Как вам сказать...

— Как можно точнее.

— Я работаю в конструкторском бюро фирмы «Сименс», мы выполняем заказы Брауна и, разумеется, отвечаем перед ним

и особоуполномоченным группенфюрером Вольфом... Что вы собираетесь сделать со мной?

— Это зависит от многих обстоятельств, в том числе и от правдивости ваших ответов, Кюнль. Для чего вы приехали в Краков?

— В командировку. На предприятия особой зоны «Величка».

— Цель командировки? Подробнее, Кюнль.

— Я должен выяснить причины, по которым ракеты взрываются в воздухе после старта. Есть предположение, что это из-за саботажа на сборке ракет...

— Такой саботаж возможен?

— В принципе да. Небольшие отклонения в допусках, и при вибрации ракеты в полете...

На пороге появляется Гелена, делает предупредительный знак.

Шумский строго смотрит на Кюнля, но тот и без того умолк, как только вошла Гелена, и, вздохнув, отвернулся к стене...

А в коридоре, около двери в номер Кюнля, останавливается дежурный эсэсовец. Прислушивается. Из номера едва слышно доносится шум воды...

Краков. Гестапо. Вольф за столом внимательно слушает доклад Занге, стоящего у крупномасштабной карты Дембицы.

— Млынский вцепился в полигон, как мальчишка в рождественский пряник. И я полагаю, что не сегодня, так завтра он предпримет попытку захвата ракет...

— У тебя все готово?

— Еще несколько часов, и ловушка захлопнется... Сигналом к общему выступлению будет взрыв установок в тот момент, когда Млынский решит, что они уже у него в кармане.

— Хорошо. — Вольф встал из-за стола и подошел к карте. — Только не тяните с полным окружением. Не тяните, Занге. Время работает против нас. Охрана объекта «Величка» усилена?

— Так точно, группенфюрер. Мышь не проскочит...

На въезде у ворот в особую зону охраны тщательно проверяют документы Шумского. Вернув документы, открыли ворота, и как только машина проехала, один из них позвонил кому-то по телефону из будки КПП...

Машина просехала мимо складов через железнодорожный переезд, неподалеку от которого стояло несколько пассажирских составов с красными крестами на вагонах, и остановилась у небольшого двухэтажного дома, над которым возвышался шахтный копер.

Рыжий высокий шарфюрер открыл дверцу машины и приветствовал вылезшего из нее Шумского:

— Хайль Гитлер!

Небрежно вскинув руку в ответ, Шумский прошел в здание.

Рыжий шарфюрер проводил его в кабинет, сам стал у двери.

— Нас предупредили из Берлина о вашем приезде, однако штурмбанфюрера Занге сейчас нет на объекте, и вам придется подождать...

Шумский повесил плащ и шляпу, прошел к столу.

— У меня слишком мало времени, чтобы ждать, шарфюрер, и слишком важное дело. Доставьте сюда документацию и позаботьтесь, чтобы мне никто не мешал!

Покорившись, шарфюрер вышел, оставив открытой дверь.

Шумский приблизился к окну, забранному толстой решеткой. Во внутреннем дворе виднелись ряды продолговатых длинных ящиков. Их бережно и аккуратно грузили в пассажирский вагон с красным санитарным крестом.

В кабинет вернулся шарфюрер с двумя большими картонными папками и в сопровождении худой остроносой блондинки в эсэсовской форме. Шумский сел за стол, раскрыл, не снимая перчаток, первую папку

и вопросительно взглянул на оставшихся в кабинете рыжего эсэсовца и его спутницу.

— Согласно инструкции по хранению документов группы А-один, унтершарфюрер Фогель должна все время находиться при них,— сказал рыжий эсэсовец.

— На каждом объекте свои порядки,— усмехнулся Шумский и повернулся к блондинке. — Разрешите курить, унтершарфюрер?

— Пожалуйста,— сухо сказала она и села напротив Шумского.

У дорожной развилки отряд Млынского разделился на две группы.

Солдаты стараются идти, не производя шума. Копыта лошадей обернуты мешковиной.

Отдельной колонной движутся партизаны.

У развилки стоят Млынский, Алиев, Озеров, Иванов и командир польских партизан Радкевич. Чуть в стороне Стась и Ерофеев держат поводья оседланных лошадей.

— Сверим часы,— Млынский и Алиев сомкнули запястья со светящимися циферблатами. — Точно. Значит, мы начинаем через полчаса после тебя.

— Ни пуха, ни пера,— говорит Алиев.

— К черту не посылаю, сам идешь к нему в зубы, Гасан. Будь осторожен, еще раз прошу. Не нравятся мне все эти охотнички из СС и санитарные обозы неизвестно откуда...

— Я буду осторожным-осторожным, — улыбается Алиев.

— Первый сеанс связи в пять и дальше через каждые четверть часа.

— Есть.

— Ну... — Млынский обнял Алиева.

На опушке леса, за деревьями, откуда хорошо видна площадка с ракетами и часовой, лежат разведчики, Алиев, Озеров, Лукьянов и сержант Косых.

— До смены часового четверть часа,— шепчет Косых.

Озеров подтягивает поближе к себе черный чемодан.

Солдаты группы нападения ползут к проходам в проволочном заграждении...

...Тем временем в бункере Занге уступает свое место у перископа унтерштурмфюреру Роту.

— Хотите кофе? — предлагает инженер-майор, поднимая термос. — Настоящий.

— Благодарю, но я хочу спать, — Занге потягивается. — Пожалуй, сегодня они не придут...

— Я что-то не вижу часового,— встревоженно говорит Рот.

— Что?

Занге бросается к перископу, оттолкнув молодого офицера, принакает к окуляру. В перископ видно, как часовой поправляет винтовку.

— Да вот же он! Вы что, ослепли?..

...На площадке возле ракет с винтовой часовой, в его каске и плащ-накидке топчется Лукьянов. Убитый часовой лежит за небольшим бетонным выступом, а под одной из ракет уже устроился лейтенант Озеров со своим чемоданом и внимательно осматривает установку. Ощупав металлические конструкции, находит провод. Открывает чемодан, в котором аккуратно закреплены инструменты...

...Занге поворачивает перископ и начинает методично осматривать одну установку за другой. Около первой не заметил ничего подозрительного, перешел на вторую...

...Озеров проверяет тестером провод, осторожно воткнув в него иглу датчика. Стрелка прибора на светящейся шкале не двинулась с места.

Озеров вынул из провода датчик, уложил тестер на место и достал из чемодана небольшие кусачки...

...И тут Занге заметил какое-то подозрительное шевеление под одной из установок. Подрегулировал перископ и теперь довольно отчетливо увидел слегка привставшего с земли человека.

— А, черт! Тревога! Взрывайте, майор! Майор повернулся к пульту...

...Озеров перекусывает провод и разводит его концы в стороны...

...Майор торопливо включает один за другим небольшие рубильники. Занге наблюдает в перископ: установки целехоньки. Оборачивается к майору:

— Что вы там?!

— Нет контакта...

— А, черт! Прошлипили! — Занге злится, но в общем, он доволен ходом событий. — Соедини меня немедленно с Вольфом, Рот!.. Они пришли наконец. Давайте сигнал тревоги, майор!

...Над полигоном зависли две зеленые ракеты, завывли сирены, заметались лучи прожекторов. С вышек осветили ракетную площадку мощные прожектора, ударили пулеметы.

И сразу же в разных концах полигона тьму разорвали вспышки автоматных очередей.

Разведчики во главе с сержантом Косых забрасывают вышки гранатами. А Озеров спокойно вскрывает люки в корпусе ракеты.

Лукьянов с колена стреляет по набегающим немцам.

Лучи прожекторов вырывают из темноты то фигуры немецких солдат, то наших автоматчиков, то бледные лица заключенных за колючей проволокой...

Уничтожив охрану барачков, бойцы во главе с Алиевым освобождают заключенных.

— Товарищи! — кричит Алиев. — Вы свободны! Смерть фашизму!

Его обступают люди-призраки в полосатых робах.

— Дайте нам оружие, товарищ! — звучит на русском.

— Оружия, друг! — на чешском.

— Оружия! — на польском.

— Мы будем драться вместе с вами, товарищ! — на французском.

Бойцы раздают заключенным трофейные автоматы...

...В лесу, в районе полигона, слышны отрывистые команды.

Ревут моторы санитарных машин, в которые под брезент с красными крестами взирают немецкие солдаты.

Выходят на дорогу бронетранспортеры.

Эсэсовцы заводят мотоциклы.

...Занге у перископа наблюдает за ходом боя. Он видит, как люди Алиева возятся около ракет. Берет телефонную трубку:

— В четыре тридцать полигон «Близна» атакован русскими. Охрана восточного участка пропустила их. Фузилерный батальон и егерский полк подняты по тревоге...

...Вольф за столом в своем кабинете. Говорит по телефону, одновременно подписывая какие-то бумаги и поглядывая на стоящего перед ним Крюгера — бывшего адъютанта генерал-полковника Хорна, теперь он в эсэсовской форме.

— Отлично, Занге. Дай возможность Млынскому втянуть все силы на полигон. Пусть увязнет как следует, и тогда атакуй. Докладывай каждые двадцать минут.

...С площадки, где установлены ракеты, видны догорающие вышки, слышен треск автоматов и взрывы гранат. Изредка и сюда залетают шальные пули, чиркают о бетон, стучат в стальные фермы ракетных установок. Люки ракет открыты. Около одной из них что-то проверяет тестером Озеров. Увидев подошедшего майора Алиева, спрыгивает на землю.

— Товарищ майор! Горючего в баках нет.

— Так, хорошо.

— Хорошо, да не очень. Все ценное оборудование с них загодя снято.

— Вот оно что...

— В общем, оказались пирожки ни с чем.

— Видимо, ждали нас здесь, а, капитан?

— Точно. Настоящая ловушка. Уходить отсюда надо, товарищ майор, пока не поздно...

Алиев посмотрел на часы.

— Нет, капитан. Уходить отсюда не будем. Раз они ждали нас здесь, значит, не ждут в другом месте. Сокирко! Связь с полковником! Быстро.

Учебный центр «Хайделагер». Бойцы отряда Млынского и партизаны Радкевича атакуют трехэтажное здание старинного польского замка со рвом, крепостной стеной и башнями.

Около ворот горят несколько штабных машин. Сами ворота взорваны, одна их створка отброшена в ров, другая висит на одной петле.

Бойцы прорвались ко рву, но дальше путь им преграждает плотный автоматный и пулеметный огонь из окон замка, в которых мелькают лица полуодетых летчиков и солдат охраны...

На опушке леса служебные постройки — прачечная, хлебопекарня, гараж. Отсюда, из гаража, где стоит несколько легковых машин, хорошо виден замок и горящий мост. Млынский склонился к Кате Ярцевой, принимающей по рации радиogramму.

— От Алиева, — говорит Ярцева. — На полигоне «Близна» ловушка. В ракетах ничего, кроме взрывчатки... Немцы окружают нас превосходящими силами, предполагая, видимо, что здесь весь отряд. Принял решение вступить в бой...

Млынский стискивает зубы. Отобрав у Кати наушники и микрофон, кричит:

— Гасан! Гасан, ты слышишь меня? Прдержись хотя бы час. После этого отходи. Слышишь? Только час! И отходи... Все! — Млынский возвращает микрофон и наушники Кате Ярцевой: — Вызывай самолеты!

Некоторое время молча смотрит на замок, потом, подхватив автомат, срывается с места и бежит к залегшим около рва бойцам. За ним — Ерофеев.

Вокруг свищут пули, взрывают песок.

Млынский, добрав, упал рядом с Ивановым и Радкевичем.

— Почему остановились?

— Огонь...

— Вперед! — И Млынский одним из первых поднимается в атаку.

Несколько бойцов закидывают веревки с кошками и взбираются по ним на стену. Оттуда прыгают вниз — во двор. Уничтожают в рукопашной схватке солдат охра-

ны и через боковую дверь врываются в замок.

Схватки завязываются в кухне, продолжаются в столовой...

в коридорах...

в спортивном зале...

в спальнях комнатах...

Летчики — кто успел натянуть мундир, кто нет — отчаянно отстреливаются, дерутся врукопашную.

Занге в бункере продолжает наблюдение в перископ. Он видит, как советские бойцы залегли под огнем минометов и артиллерии вокруг стартовой площадки, как падает от близкого взрыва одна из ракет... Докладывает по телефону:

— Операция по уничтожению отряда Млынского началась, группенфюрер!..

...Вольф за столом.

— Отлично, Занге, — говорит он в трубку.

В это время звонит другой телефон. Адъютант Крюгер передает трубку Вольфу. Тот мрачно выслушивает новое сообщение, наконец холодно отзывается:

— Я требую принять все меры и отразить нападение. Скоро я сам буду у вас. Алло! Алло!.. — Он швыряет трубку Крюгеру и продолжает разговор с Занге, но уже суровым тоном: — Поздравляю. Атакван объект «Хайделагер». Только что с ним прервана связь. — Торопливо бросает адъютанту: — Соедини меня с фон Хорном!.. Да, я слушаю, Занге! Я же приказал тебе не начинать, пока Млынский не втянет все свои силы. Все! Увяз не Млынский, а ты! — Вольф бросает трубку и берет другую у Крюгера. — Генерал? Операция началась... Благодарю. Я требую еще один полк. Да поймите же наконец, что это дело государственной важности!..

Бойцы отряда Млынского врываются в коридоры замка.

Иванов, Мгеладзе, Полищук, а следом за

ними — Млынский и Ерофеев с боем приближаются по лестницам вверх, взламывают высокие двери и неожиданно оказываются в просторном рыцарском зале, переоборудованном в класс, где тренировали летчиков-смертников. Здесь стоят тренажеры с самолетами-снарядами ФАУ-1 в натуральную величину. Перед каждым — объемные макеты городов: Москвы, Ленинграда, Куйбышева, Челябинска, Свердловска, Горького — с основными ориентирами. На стенах плакаты и схемы наведения ракет, запускаемых с бомбардировщиков.

Все остановились на секунду, пораженные этим парадом смертоносной техники.

— Что же это за хреновина? — спросил Ерофеев. — Бомба или самолет?

— И то, и другое, Ерофеич. Что-то вроде торпеды, только крылатой, — поясняет Иванов, который, не теряя времени, снимает приборы наведения с ракеты-тренажера.

— А кабинка зачем?

— По спецзаказу. Человска в нее сажают, он наводит бомбу на цель...

— А сам?..

— И сам, — подтверждает Млынский. — Поторопитесь с разборкой, старший лейтенант.

Млынский с Ерофеевым выходят в коридор. Навстречу солдаты тащат опечатанные сургучом железные ящики.

— Осторожней с приборами, — предупредил их Млынский.

...Лейтенант Ковалев и несколько сержантов в комнате со взорванной железной дверью потрошили сейфы и, мельком проглядев бумаги, набивали ими вещмешки.

— Секретные документы, товарищ полковник! — доложил Ковалев.

На лестнице им встретился Радкевич. На голове белела повязка.

— Товарищ полковник! Остатки гарнизона и летчики-смертники заперлись в подвалах замка.

— Так...

— Предложили сдать? — отказались. Ведут сильный огонь. Разрешите рассчитывать с ними?.. За Варшаву...

Млынский кивнул.

...Ерофеев тем временем дергается в двери, на которых нарисованы два нуля.

— И что за нули? Тоже, небось, секретная часть...

Ударом сапога вышибает двери, и оттуда тотчас раздается выстрел. Пуля бьет в стену над головой полковника...

Ерофеев бросается в туалетную комнату, подминает под себя стрелявшего, выбивает у него из рук пистолет и хватает за ворот... генерала. Он одет в голубой мундир, выражение лица растерянное и злое.

— Вот это птица! Сидишь в дерьме, так не чирикай.

— Кто вы такой? — спросил по-немецки Млынский.

— Прикажете вашему солдату отпустить мой воротник, — отвечает генерал. — Я — начальник учебного центра генерал-лейтенант Форст.

...Млынский, а следом за ним Ковалев и Ерофеев с генералом выходят во двор замка.

На трофейном мотоцикле с ревом подкапывает связной автоматчик.

— Товарищ полковник! Старший лейтенант Бондаренко просит передать: на аэродроме свирепый огонь из дотов. Треба подкрепления и пушчонку какую-нибудь.

— Пушчонку... — Млынский оглядывается вокруг. — Ковалев!

— Я!

— Возьмите комендантский взвод, гранатометчиков, сздовых — и немедленно к Бондаренко! Аэродром должен быть взят через двадцать минут!

— Есть!

По шоссе, ведущему к аэродрому объекта «Хайделлагер», на предельной скорости мчится колонна бронетранспортеров. По обочине движутся танки.

Обгоняя их, в сопровождении эскорта мотоциклистов, несется машина Вольфа...

...А на аэродроме люди приветственно машут заходящему на посадку транспортному самолету ЛИ-2.

— Какое дело сделали, а! Товарищ полковник, какое дело! — восторженно кричал Ерофеев.

Млынский, улыбаясь, посмотрел на часы: — Погоди еще. Не кажи гоп...

Самолет касается полосы и катится по ней к лесу.

Истребители сопровождения продолжают кружить над аэродромом.

Дверца самолета открывается, и из него, не дожидаясь, пока опустят трап, прыгает на землю офицер. Широко улыбаясь, докладывает Млынскому:

— Товарищ полковник! По приказу командующего Четвертым Украинским фронтом прибыли с грузом медикаментов и боеприпасами. В обратный рейс заберем раненых и трофеи.

— Благодарю, капитан. С прибытием, — Млынский пожал офицеру руку и кивнул в сторону генерала: — Этого тоже захватите с собой.

— Есть!

— Ковалев, грузите документы и раненых. Иванов! Все готово?

— Так точно, товарищ полковник!

Иванов и сержант Косых подгоняют к самолету тележку, на которой уложены приборы, ящики и мешки с документами.

— Товарищ полковник, — окликает Млынского Катя Ярцева. — Есть связь с Алиевым!

— Катя, передавай: мы заканчиваем работу и через полчаса отходим. Пусть пробиваются нам навстречу.

— Есть! Товарищ полковник, у аппарата капитан Озеров. Майор Алиев ранен...

И тут взрывы снарядов и мин неожиданно обрушились на аэродром.

Лошади в упряжках вскинулись на дыбы... Только что прибывший офицер упал на бетон, обливаясь кровью. От прямого попадания брызнул стеклами и загорелся домик диспетчерской службы...

— Вот и до нас добрались, — сказал Ерофеев.

Самолет был цел, и винты его крутились.

Только плоскости и фюзеляж кое-где порвали осколки.

— Раненых в самолет! Быстро! — приказал Млынский.

— Иван Петрович! — Ерофеев показал на дальний конец аэродрома, там уже были видны немецкие бронетранспортеры.

— Вижу... Катя! Что отвечает Озеров?

— Сейчас. У меня что-то с ракетой. Видно, задело...

— Исправляй!

Истребители прошлись на бреющем, поливая из пушек и пулеметов ползущие по бетону бронетранспортеры.

Люди под обстрелом продолжали работать, загружая в самолет трофеи и раненых.

Погрузка закончена. Взревели винты самолета. Но дверца еще была открыта...

— Товарищ полковник! — снова появился связной от Бондаренко в окровавленной гимнастерке. — Старший лейтенант просил передать: эсэсовцы нас обходят с флангов...

— Спасибо, солдат. Ты ранен — до самолета сам дойдешь или помочь?

— Дошел бы сам, товарищ полковник, если бы сначала вы в него сели...

— Отставить разговоры. Марш в самолет!

Раненый повернулся, вышел из-за укрытия на бетон и вдруг закричал, замахав руками пилоту:

— А ну, убирайся отсюда к чертовой матери! Вали, пока цел!

Истребители снова прошли над аэродромом, заставив бронетранспортеры попятиться к лесу...

ЛИ-2 покатился сначала медленно, потом быстрее, быстрее и оторвался наконец от земли...

— Ура! — прокатилось над аэродромом.

Раненый солдат покачнулся и упал. Ерофеев и Млынский подбежали к нему.

— Извиняйте, товарищ полковник, — тихо сказал солдат. — Только я не раненый. Я уже убитый... — И сник на руках Ерофеева.

— Прости, солдат. — Млынский снял фуражку.

Подошел Радкевич.

— Самолеты ушли. Пора и нам уходить, Иван Петрович...

Истребители снова промчались, покачав на прощанье крыльями — видимо, расстреляли весь боезапас.

Млынский развернул планшетку.

— Отходим в сторону полигона, к Алиеву.

— Подвалы замка, склады горючего и ангары заминированы, — сказал Радкевич. — Разрешите взорвать?

— Пусть подойдут поближе, — сказал полковник. — И сделаем им хороший фейерверк...

После того, как улетели истребители, немцы возобновили атаку. Бронетранспортеры шли уже с двух направлений: с дальнего конца аэродрома и по бетонке. За бронетранспортерами цепями наступали эсэсовцы.

Бойцы и партизаны отстреливались, укрываясь за деревьями, разрушенными строениями, давая возможность отойти ядру отряда...

Мощные взрывы взметнули над лесом пламя, стволы деревьев, обломки стен...

Не стихала перестрелка и в стороне полигона. Изредка бухали взрывы гранат.

По болоту, поросшему мелким кустарником и камышом, шли, выбиваясь из последних сил, люди Алиева и освобожденные ими заключенные. Шли, увязая по колено, по пояс, по горло в вязкой жиже. Шли и несли на руках раненых, а впереди всех — комиссара на плащ-палатке...

В арьергарде, сдерживая наседавших эсэсовцев, отбивались бойцы Бондаренко. Отбивались короткими автоматными очередями, гранатами. И врукопашную — прикладами и ножами.

Танки и бронетранспортеры немцев увязли в болоте. Некоторые из них горели, подожженные огнем бронейщиков.

Но все меньше оставалось защитников позади отряда Алиева.

Те, кто шел впереди, упрямо пробиваясь через болото, выбрались наконец к руслу горной реки, которая выбивалась из ущелья,

и двинулись дальше по белым камням, по воде, стараясь как можно скорее уйти под прикрытие скал...

Когда появился самолет-разведчик, они остановились. Самолет пролетел почти над головами и ушел в сторону от полигона.

— Поздно, — сказал Озеров. — Теперь не достанут коршуны...

До спасительных скал, под которые убежала река, было уже недалеко...

Фронтовая хроника осени 1944 года. Распутица. Советские войска медленно, не уклонно продвигаются вперед.

Позиционная война на Западном фронте. Наступление союзников застопорилось. Американские солдаты в окопах.

Тотальная мобилизация всех сил в Германии...

Польский хутор в предгорьях Татр. Несколько домиков и сараев на склоне горы, густо поросшей осенним лесом.

Мелкий дождь моросит по желтым листьям, устилающим землю, по соломенным крышам сараев, по каскам, плащ-палаткам и усталым лицам бойцов, бывших узников и польских партизан... Они вносили раненых в дом, укладывали на полу и выходили во двор, жадно затягиваясь самокрутками, которые передавали друг другу...

В доме над ранеными хлопотали Катя Ярцева и две польские женщины — старая и молодая. И еще здесь были дети, которые испуганно глядели на кровь и раны.

А в маленькой светелке, отгороженной ситцевой цветастой занавеской, на узкой девичьей кровати лежал Алиев.

Повернув голову, он смотрел мимо Млынского, сидевшего рядом, мимо Ерофеича, заваривающего какую-то травку, смотрел в распахнутое окно, за которым был виден мокрый желтый лес на склоне горы, серые скалы, прятавшие вершины в низких тучах, и кроваво-яркие гроздья рябины, одиноко стоявшей на поляне...

— А мне... все-таки везет... — Алиев передохнул и добавил: — Родиться в горах и умереть в горах... Хорошо.

— Прекрати, Гасан.

— Что? — усмехнулся Алиев. — Умирать? Я бы рад... Ты не рви себе душу, Иван. Они думают, с нами покончено... Успокоятся. А ты ударишь снова. Там, где не ждут... И за меня отомстишь.

К Алиеву склонился Ерофеев с кружкой, но тот отстранил его руку:

— Не надо... Оставь.

-- Выпей, комиссар. Еще деда Матвея травка. Нутро согрет — полегчает.

— Деда Матвея? Ну ладно...

Пока Алиев, голову которого поддерживал Ерофеич,пил отвар, в светелку вошла Катя Ярцева. Присев на койку, взяла за поясье безжизненно лежавшей на одеяле руки Алиева. Не сразу пашупала слабый пульс. Млынский смотрел на нее с надеждой, но Катя, вздохнув, бессильно пожала плечами.

— Спасибо, — сказал Алиев, не открывая глаз, и улыбнулся: — И правда — легче... А где доктор? Помнишь, Ирина?.. — и поблелел.

Катя Ярцева испуганно посмотрела на Млынского, но тот сделал ей знак: молчи. Алиев продолжал:

- Бой у моста, и ты... На свадьбе у вас погулять хотел... В Баку зайдй к моим... Не забывай... — Он открыл глаза, сделал усилие приподняться. — Ерофеич... У рябины... Там...

Откинулся на подушку и затих.

Холодный рассвет осветил вершины гор, покрытые снегом. Глухо стучал заступ.

Аккуратно отложив вырезанный дерн, Ерофеич рыл в каменистой земле под рябиной могилу.

В светелке было темно, только серый сумрак рассвета проникал в окно. Тело комиссара, неестественно вытянутое, лежало на койке, накрытое с головой шинелью.

На табурете понуро сидел полковник. Без фуражки. Опершись на колени локтями, он едва заметно покачивался и всхлипывал, не в силах обуздать горечь утраты.

В окошко постучали и тихо окликнули:

— Товарищ полковник!

— Сейчас...

Млынский вытер лицо ладонью. Надел фуражку и вышел.

...Уже рассвело, когда Ерофеев, стоя на коленях, аккуратно укладывал последние куски дерна на могилу комиссара Алиева под рябиной. Млынский стоял рядом, сняв фуражку. Утренний ветер шевелил его волосы...

Мимо, растянувшись двумя цепочками, проходил отряд. Все — и бойцы, и соратники комиссара, и бывшие заключенные, и польские партизаны — все без головных уборов... И почти у каждого на плече жерди носилок с ранеными и автомат или винтовка за плечом...

— Запомните это место, товарищи! — говорил, обращаясь к проходящим бойцам, полковник. — Запомните и расскажите вашим детям и внукам, как умирали коммунисты за их свободу и счастье... Вечная слава героям! Смерть фашизму!.. Запомните это место, товарищи!..

Отряд уходил в горы.

На одном из поворотов узкой горной тропы Млынский остановился и обернулся.

Далеко внизу едва виднелись крыши хуторских домов и сараев, одинокая рябина на поляне и серые фигурки немецких солдат, пересекавших поляну косо и неровной цепью...

Часть вторая. ВОЗМЕЗДИЕ

Берег Северного моря. Песчаные дюны, поросшие лесом. На полянах, под зелеными маскировочными сетями стоят, задрав к зе-

ниту боеголовки, ракетные комплексы ФАУ-2. Вытянулись в строю солдаты и офицеры ракетных расчетов...

Солнце медленно опускается в море...

...На значительном удалении от боевых позиций, под землей, в комфортабельно оборудованном командном пункте сидит, развалившись в кожаном кресле, рейхсмаршал Геринг.

Здесь же командир ракетного подразделения генерал Метц, рейхскомиссар по производству и эксплуатации ракет группенфюрер Каммлер, группенфюрер Вольф, генерал Дорнбергер, конструктор ФАУ-2 фон Браун и другие...

Геринг берет микрофон, с чувством начинает:

— Доблестные солдаты, офицеры и генералы рейха! Наступает долгожданная и торжественная минута...

Репродукторы разносят речь Геринга над ракетными позициями. В сумерках сурово и мрачно выглядят сами ракеты, суровы и мрачны лица солдат в строю...

— Мы обрушим неотразимый и мощный удар, — продолжает Геринг, — на головы наших врагов — надменных саксов и поставим их на колени! Поздравляю вас с этим радостным днем. С нами — бог! Хайль Гитлер!

Геринг закончил, оглядел присутствующих — каково впечатление? — и передал микрофон Метцу.

— Внимание! — выкрикнул Метц в микрофон. — Расчеты, слушай мою команду: объявляю пятиминутную готовность!..

...Солдаты торопливо снимают с ракет маскировочные сети. Из-за облаков появляется луна, и в свете ее серебром отливают мощные корпуса ФАУ-2...

...На командном пункте Геринг что-то пьет из большого бокала. Волнуются фон Браун и Дорнбергер. В репродукторе раздается голос: «Пятиминутная готовность всеми расчетами принята!»

— Объявляю трехминутную готовность! — командует Метц.

«Трехминутная готовность принята!» — снова прозвучало из репродуктора.

— Всем расчетам в укрытие! — командует Метц.

«Все расчеты находятся в дотах», — отзывается репродуктор. Метц смотрит на циферблат часов, потом на Геринга. Тот величественно кивает...

— Пуск! — кричит в микрофон Метц.

...И в то же мгновение раздался оглушительный грохот. Над позициями взметнулись столбы огня и все заволочло дымом и тучами пыли...

Ракеты дрогнули, поднялись и, словно кометы, оставляя за собой огненные хвосты, устремились в небо...

...Геринг протянул фон Брауну обе руки: — Поздравляю вас, Браун! Это великолепно!..

— Это самый радостный день в моей жизни, — широко улыбнулся Браун.

— Хайль Гитлер! — Геринг поднял бокал. — За наше чудо-оружие! За победу!..

Голос из репродуктора: «Господин рейхсмаршал! Докладывает генерал-майор Шмидт. По данным с наших наблюдательных пунктов на побережье, в море и в воздухе, из тридцати стартовавших ракет ФАУ-2 к Лондону подлетают шестнадцать. Восемь взорвались в воздухе. Четыре упали в море. Две не вышли из пусковых установок...»

Геринг резко повернулся к фон Брауну: — Что это значит? Саботаж или недомыслие? Вольф! Разберитесь с этим...

Хроникальные кадры осени 1944 года: наступление советских войск в Румынии, Югославии и Болгарии. Жители освобожденных городов и сел радостно встречают советские танки...

тяжелые бои в Карпатах...

подготовка наступления в Польше. Колонны пехоты и танков движутся к фронту по трудным осенним дорогам...

бои в Прибалтике. Окруженная группировка немцев отчаянно сопротивляется...

бои в Карелии и на севере Кольского полуострова...

выход Финляндии из войны...

приезд в Москву для переговоров венгерской делегации...

продвижение войск союзников в Италии, Франции и Бельгии...

Все кадры демонстрируются на экране небольшого просмотрового зала. Присутствуют Сталин, члены Политбюро, Антонов и некоторые военные, среди них начальник главного разведывательного управления. Сталин, утонув в глубоком кресле, внимательно следит за экраном...

Голос диктора: «Общее стратегическое положение фашистской Германии к осени 1944 года уже не вызывает сомнения в исходе войны, однако гитлеровцы продолжают отчаянное сопротивление, цепляясь за каждый рубеж, каждый населенный пункт, каждую крепость...»

Гитлер принимает асов люфтваффе...
новые самолеты сходят с конвейеров подзёмных заводов...

атака Лондона ракетами ФАУ-2...
приказ Гитлера о тотальной мобилизации...

выступление Геббельса перед формированиями фольксштурма — стариками и подростками...

Голос диктора: «Они хотят выиграть время, оттянуть конец всеми средствами, чтобы скрыть следы чудовищных преступлений против человечества...»

Хроникальные кадры — лагерь уничтожения в Майданеке.

Голос диктора: «Польско-советская чрезвычайная комиссия установила, что в лагере Майданек только в печах крематория было сожжено свыше шестисот тысяч человек, на кострах в кремповецком лесу — триста тысяч, в двух старых печах — свыше восьмидесяти тысяч; в самом лагере возле крематория сожжено не менее четырехсот тысяч человек.»

Когда зажигается свет, люди в зале молча сидят, подавленные увиденным и услышанным. Медленно поднимается Сталин и, ни на кого не глядя, выходит из зала...

Помешивая ложечкой в стакане с чаем, Сталин неслышно ходит вдоль стола, за которым сидят те, кто был в просмотровом зале.

— Оттянуть конец войны, чтобы скрыть преступления? — говорит он как бы про себя. И качает головой: — Нет, товарищи. Гитлер хочет выиграть время, чтобы выиграть всю войну. Он надеется на разногласия между союзниками, но больше всего он рассчитывает на новое оружие. Военная наука развивается по тем же законам диалектики, и рано или поздно количество накопленных знаний в военной области должно перейти в новое качество. Мы, я думаю, накануне такого скачка...

...Присутствующие разошлись. Сталин, отпив глоток остывшего чая, возвращается к своему столу. Резко поворачивается к начальнику разведки:

— Докладывайте, что там произошло у полковника Млынского.

— Фашисты успели эвакуировать боевые ракеты с полигона «Близна», товарищ Сталин, — поднялся тот. — Отряд понес значительные потери. Погиб комиссар отряда. — Генерал немного помедлил.

— Ну, продолжайте.

— В управлении есть мнение, что полковник Млынский... устал. Три с лишним года в тяжелых условиях в тылу врага...

Сталин молчал, раскуривая трубку, и начальник ГРУ продолжал:

— Может быть, есть смысл заменить полковника Млынского. Для пользы дела и в его же интересах.

— А кто сейчас не устал? — сказал задумчиво Сталин. — Где находится Млынский?

— Часть его отряда с помощью чехословацких и советских партизан оборудует постоянную базу в Рудных горах. Сам полковник Млынский находится примерно здесь, на стыке границ Польши, Чехословакии и Германии, и оставшейся после боя частью отряда движется в направлении новой базы.

— Значит, захватить ракету не удалось, — сказал Сталин.

— Задача его отряду была поставлена очень трудная, товарищ Сталин, — сказал Антонов. — И выполняется в целом успешно...

— У вас другое мнение? — Сталин снова повернулся к начальнику ГРУ.

— Работа, действительно, выполнена большая. Уничтожена база подготовки летчиков-смертников. Захваченный Млынским генерал Форст дал ценные показания о тактике применения ракет, что значительно сократит время и средства на борьбу с ними...

— Вот с этого и надо было начинать. Продолжайте.

— По данным, полученным от полковника Млынского и подтвержденным другими источниками, основное производство ракет ФАУ-2 гитлеровцы сосредоточивают в концлагере «Дора», неподалеку от Нордхаузена. Сюда же эвакуируется ракетный завод из соляных копей «Величка». ФАУ-2 — баллистическая ракета. Максимальная дальность полета — триста двадцать километров. Скорость — пять тысяч километров в час...

— Защиты от такого оружия пока практически нет, — сказал Антонов.

Сталин только кивнул, как бы соглашаясь с ним, потом повернулся к начальнику ГРУ:

— Полковник Млынский имеет большой опыт работы в тылу врага, умело координирует свои действия с партизанскими отрядами, связан многими нитями с нашими зафронтовыми разведчиками и антифашистским подпольем. Заменить его сейчас — это значит нанести большой ущерб делу. Как вы могли придти ко мне с таким необдуманным предложением?..

Начальник ГРУ опустил голову.

— Товарищ Антонов, — сказал Сталин, — передайте полковнику Млынскому от меня лично...

На небольшой площадке, спрятанной среди скал, видны палатки, занесенные снегом. Двое бойцов, стоя друг над другом на отвесной скале и коченая от холода, держат в руках антенну, конец которой тянется к маленькой палатке.

Здесь Катя Ярцева принимает радиограмму, записывая цифры непослушными от холода пальцами. Млынский забирает исписан-

ные Катей листки. Лицо его небрито, осунулось...

Ерофеев держит котелок со снегом над двумя самодельными плошками, в которых еле теплятся хилые огоньки...

Бондаренко грызет сухарь...

Голос за кадром: «Полковнику Млынскому. Всем бойцам и командирам отряда особого назначения.»

Шумский, который лежал, укрытый с головой, откидывает шинель и приподнимается... Бондаренко перестает хрустеть сухарем...

Голос за кадром: «Ваше мужество и упорство в достижении цели служат достойным примером для каждого воина Красной Армии.»

В большой палатке раненый приподнимается и отстраняет руку Ванды...

«Ваши жертвы были не напрасны...»

Другой раненый, который сматывает бинт с распухшей руки, замирает, прислушиваясь...

«От имени Ставки выражаю вам благодарность и свою уверенность в том, что и в дальнейшем вы проявите такую же волю, храбрость и умение. Желаю вам сил, здоровья и успехов. Сталин.»

...Ветер яростно швырял в лица пригоршни колючего снега. Растянувшись цепочкой на узкой тропе, отряд пробивался вперед.

А рация продолжала работать, и голос за кадром звучал: «Центр — Млынскому. Примите срочные меры для проникновения на объекты лагеря «Дора» с целью срыва или хотя бы замедления производства ракет...»

Сменяя друг друга, бойцы разгребали сугробы саперными лопатами. Носилки с ранеными волоком переправляли через трещины, и раненые молчали, стиснув зубы, превозмогая боль.

Голос за кадром: «Необходимо как можно скорее добыть чертежи ракет и технологию их производства...»

Снег прекратился, пошел холодный дождь. «Организуите сбор данных о способах транспортировки и местах хранения ракет и горючего для них. Установите, с привязкой к

местности, предприятия, вырабатывающие взрывчатые вещества для ракет...»

Дождь перестал, но в ущелье, куда втянулся отряд, такой густой туман, что не видно, куда опускается нога.

«Продолжайте также настойчивые поиски сведений о складах с компонентами для производства оружия, основанного на расщеплении ядер урана...»

Наконец отряд выбрался из ущелья. Туман рассеялся, даже солнышко проглянуло. Издалека доносились звуки перестрелки...

«В своей работе больше опирайтесь на партизан и немецких антифашистов. Если вам понадобятся отдельные люди или подразделения, дайте заявку...»

Солнце спряталось за вершины гор. В лесу, куда втягивался отряд, было уже сумрачно.

Голос за кадром: «Ваш выход из Польши в Чехословакию прикроет отряд подполковника Караваева...»

Полковник Млынский, выбритый и подтянутый, обходил расположение лагеря в сопровождении майора Хвата и Ерофеева.

Лагерь был хорошо укрыт на склоне горы, поросшей лесом. С одной стороны он был защищен отвесными скалами, с другой — глубокой пропастью, на дне которой серебрилась горная речка. Лошади, повозки, артиллерия, полевые кухни и землянки для личного состава — все это было спрятано под густыми кронами елей и сосен, под маскировочными сетями и навесами, покрытыми дерном.

Был теплый и ясный денек. Люди после долгого и трудного перехода приводили себя в порядок, отдыхали, стирали белье, чистили оружие.

Около большой землянки грелись на солнышке раненые. Некоторые попытались подняться навстречу полковнику, но тот поднял руку:

— Отдыхайте, товарищи. Как настроение?

— Боевое, товарищ полковник...

— Как на курорте...

Млынский и Хват спустились в землянку, а Ерофеев раскрыл кисет, к которому сразу потянулось несколько рук:

— Дай, сержант, закурить твоего табачку.

— А то в грудях свербит от этого мха.

— Что слыхать-то около начальства? Скоро Гитлеру башку свернем?

— Слышь, Ерофеич, а правду говорят, тут где-то пуп Европы?

— Во, доперли-то...

— Пупа не видал, не знаю, — улыбался Ерофеев. — А вот вылезли мы, ребята, надо прямо сказать, из такого места, что и называть при женщинах неудобно.

Раненые захохотали, а медсестра улыбнулась и погрозила кулачком:

— Ох, Ерофеич, смелый ты на язык, когда Кати Ярцевой нет...

... В большой землянке на нарах тесно лежали раненые. Ирина Петровна шла вперед полковника по узкому проходу.

— Товарищ полковник, — подозвал один из раненых. — Извините, я с жалобой... на докторшу... Она отправляет меня собирается на Большую землю. Это ж до конца войны не вернусь! А я с первого дня в отряде. Я не согласный! Никуда не поеду.

— Лежи, Василенок, спокойно. Я твою жалобу учту...

— Спасибо. А то она... на Большую землю...

— А вы последнюю новость слышали, товарищи? — вмешался Хват, давая возможность Млынскому и Ирине Петровне уйти в ее закуток, отгороженный дощатой перегородкой. — Наши войска освободили Белград — столицу Югославии!

— Ура!

— Вот это лучше всяких таблеток, товарищ майор!

Едва зайдя в закуток, Ирина Петровна прижалась к груди Млынского.

— А мне кому жаловаться, Иван? Я тоже не хочу уезжать...

— Это вопрос решенный, Ирина. В отряд уже назначен новый хирург. Майор Инаури.

— Этого ты мог и не говорить. Женщины?

— Не знаю, — улыбнулся Млынский.

— Никуда не поеду! — Она отстранилась, сказала серьезно: — Ваня, не хочу уезжать...

Лагерь отряда... В землянке штаба...

— Командир чехословацкого партизанского отряда имени Яна Жижки капитан Гонуляк, — представился Млынскому высокий офицер.

— Командир советского партизанского отряда старший лейтенант из танковых войск Нечипоренко! — лихо щелкнул каблукми второй, в кожанке и папахе с красной звездочкой, и поправил маузер в деревянной кобуре...

— Ну, здравствуйте, хозяева Рудных гор! — Млынский поочередно обнял Гонуляка и Нечипоренко. — Спасибо за гостеприимство...

— Хорошим людям у нас всегда рады, — улыбнулся Гонуляк...

— Дождались наконец... — Нечипоренко вдруг отвернулся и вытер ладонью глаза.

— Ну что ж, просвещайте, товарищи. — Млынский сел за стол, развернул планшет.

— Выполняя ваше предварительное задание, — начал первым Нечипоренко, — мы тут ползали по горам и кое-что обнаружили. Подземный завод в городе Фридштат. Выпускает танки. В городе Тропау, тоже под землей, расположен завод по выпуску корпусов и других агрегатов для ракет ФАУ...

— Отлично. — Млынский наносил данные на карту.

— И у нас имеется кое-что, — сказал Гонуляк. — В городе Корцен — это недалеко от границы с Чехословакией — делают двигатели для ракет. Там у нас есть знакомые...

— Неплохо для начала... — сказал Млынский и добавил, не оборачиваясь: — Гасан...

И осекся. С полминуты молчали все. Наконец Млынский, вздохнув, продолжил:

— Виктор Сергеевич, надо прощупать

подходы к этим объектам, установить прочные связи с разведчиками, выведенными в Оставу и Прагу. Да и в Берлине пора закрепляться основательнее, вы как думаете?

— Я думаю, — сказал из-за спины Ерофеев, ставя на стол большой казан, над которым вкусно дымился парок, — надо подкрепиться зайчатниной, а потом и с Берлином разберемся...

Вольф в своем кабинете внимательно изучает какие-то документы. Звучит тихая музыка. Неслышно входит Крюгер.

— Краков на проводе, группенфюрер.

— Занге? Хайль Гитлер! Как идет эвакуация?.. Все ликвидировать, всех... Тебе что, мало шлепков за последнюю партию продукции? Пришли мне материалы обо всех, кто посещал особую зону «Величка»... И копии их удостоверений.

Вольф кладет трубку, устало вытирает глаза.

— Крюгер, доставьте мне личные дела всех членов комиссий, которые проверяли особую зону «Величка» и лагерь «Дора».

— Слушаюсь.

— И смените пластинку. Вы что, оглохли?

Пластинка давно шипела. Крюгер подошел к окну, отодвинул портьеру и сменил на проигрывателе пластинку. Все нарастая, зазвучала вагнеровская увертюра к «Тангейзеру»...

В вагоне берлинского метро битком. Среди усталой публики — серой и молчаливой — за специальной отгородкой несколько простых украинских женщин в платочках с нашивками «Ост» на стареньких пальто. Но глаза и лица у них веселее, чем у немцев.

У самых дверей — инженер Кюнль. Он явно нервничает. Смотрит в стекло, где отражаются пассажиры, не наблюдает ли кто за ним. Поезд замедляет ход. Кюнль правит шляпу, надвигает ее на глаза...

Толпа выносит Кюнля из метро на улицу.

И здесь он замечает Карасева в форме майора вермахта, стоящего около газетного киоска. Встретившись взглядом с Кюнлем, Карасев поворачивается и идет не спеша по улице. Переходит на другую сторону. Оборачивается: за Кюнлем, кажется, нет наблюдения.

Карасев подходит к остановке трамвая. Кюнль останавливается. Кроме них, здесь только пожилая женщина с ребенком.

Подходит трамвай. Пропустив Кюнля вперед, Карасев прыгает на подножку, когда трамвай уже трогается...

Карасев и Кюнль стоят рядом на пустой площадке трамвая. Оба смотрят на убегающие назад рельсы.

— Простите, что потревожил вас, но есть несколько неотложных вопросов... Какие заводы, кроме заводов Льежа, производят жидкий кислород? Запомнили? Это несложно. И второе: из каких лагерей, по преимуществу, направляют рабочую силу в «Доругу»?

— Это очень трудно, но я постараюсь, — вяло отвечает Кюнль.

— Счастливо...

Осень. Небольшое кафе на берегу озера в предместье Берлина. Пустынно. Неподдалеку останавливается машина Карасева.

За никелированной стойкой дремлет толстуха, на секунду приоткрывает глаза, равнодушно смотрит на Карасева...

Он сел у окна. Из подсобного помещения вышла Гелена.

— Пиво и монетку для автомата.

Гелена порылась в кармашке фартука, положила на стол монетку и направилась к стойке.

Карасев пошел к телефону.

Вернувшись, сказал подошедшей Гелене:

— У вас никогда не болели зубы, фройляйн Гелена?

— Нет, слава богу. Пожалуйста: все тридцать два целехоньки, один к одному...

— Как это ни печально, но вам придется пойти к зубному. Фридрихштрассе, десять.

Поликлиника доктора Фрибе. — И добавляет тихо: — Передать на словах... К Млынскому из Москвы прибывает инженер-подполковник фон Бютцов. Необходимо устроить его на строительство объектов особого лагеря «Дора» в Нордхаузен. Запомнила? Это несложно...

На краю лесной поляны стоят повозки. Зябко кутается в шинель Ирина Петровна. Млынский рядом молчит, покашливает Ерофеев.

— Запоздывает, — говорит подошедший Хват, тревожно поглядывая на светящееся небо.

Наконец послышался ровный гул мотора. Бойцы побежали вдоль поляны, зажигая сложенные заранее кучи хвороста. Костры четко обозначили посадочную полосу.

Самолет коснулся земли колесами на дальнем конце поляны и побежал, поднимая пыль и сухие осенние листья...

Первым, плотно затягивая пояс кожаного пальто, из самолета вышел Семиренко. Млынский даже растерялся от неожиданности.

— Ну, здравствуй, Иван Петрович. — Семиренко обнял Млынского и трижды расцеловал. — Не ожидал?

— Нет... Здесь никак не думал встретиться...

— А я вот прилетел. Здравствуй, крестница, — обнял Семиренко Ирину Петровну, а затем Хвата: — Здорово, подполковник.

— Майор, товарищ секретарь... — смутился Хват.

— Подполковник, мне лучше знать. Тем более, что я уже не секретарь обкома, а бери, брат, выше...

— Ну да? — сказал Млынский.

— Вот тебе и «ну да»... Здорово, Ерофейчик! Живой?

— А что мне делается.

— Рад снова видеть тебя.

— Я тоже...

Тем временем по трапу самолета спустились высокий подполковник и смуглый майор с узкими медицинскими погонями.

— Подполковник Канин Федор Федорович, — представил Семиренко. — Твой новый заместитель по политической части... Майор Инаури Зураб. Назначен к тебе командиром медсанроты... А тебя, красавица, — Семиренко снова обнял за плечи Ирину Петровну, — забери с собой. Хватит, отвоевалась... Тут еще к тебе несколько специалистов. — Семиренко указал Млынскому на группу людей, которые разгружали из самолета какие-то ящики под присмотром Озерова и Шумского.

Последним по трапу сошел высокий подтянутый человек в офицерской шинели без погон и в шапке-ушанке. Четко подошел к Млынскому, щелкнув каблуками, отдал честь и доложил по-немецки:

— Инженер-подполковник Фридрих фон Бютцов. Прибыл в ваше распоряжение.

Ерофеев толкнул в бок Хвата.

— Так это ж... старый знакомец! Ах, мать его за ногу! Харю наел на казенных харчах, сразу и не узнаешь.

Млынский протянул Бютцову руку:

— Я рад, что вы так четко определили свое место в борьбе с фашизмом.

— Я тоже рад нашей встрече, господин полковник. Я много думал о наших с вами беседах тогда, зимой...

— Тыфу, черт! — сплюнул в сердцах Ерофеев. — Может, они еще целоваться будут?

— Тихо, старик! — одернул его Хват.

— Что — тихо? Видал, небось, как они с нашими пленными! А этот, как с парада, сука недобитая.

— Ерофеев! — позвал Млынский. — Проводи гостей и позаботься, чтобы их разместили как следует и накормили... Ты что?

— Слушаюсь... — глухо сказал Ерофеев и кивнул вновь прибывшим: — Пошли...

Семиренко усмехнулся, глядя им вслед:

— Бурчит старик?

— Кипит как самовар, — улыбнулся Млынский.

— Не может привыкнуть к виду живого немца, — сказал Хват.

— А придется, — сказал Семиренко серьезно и обернулся к Канину: — Это твоя за-

бота, замполит. Священная ненависть нашего народа к фашистским захватчикам не должна быть слепой. Помните, что сказал верховный: гитлеры приходят и уходят, а народ Германии остается...

Лукьянов подводит верховых лошадей.

— Не разулся еще? — с улыбкой спрашивает Млынский.

Семиренко засмеялся и лихо вскочил в седло...

На пологом склоне, как в амфитеатре, прямо на осенней траве сидят командиры особого отряда и командиры партизанских соединений. За столом президиум: Семиренко, Млынский, Канин и представитель чехословацкого партизанского движения.

— Да, гитлеровцы приходят и уходят, а народ Германии остается, — говорит Семиренко. — Это надо помнить, товарищи, и развешивать бойцам и партизанам... Сейчас, на последнем этапе войны, на пороге мира, как никогда необходимо сплочение всех антифашистских сил Европы, чтобы исключить всякую, даже самую малую возможность возрождения фашизма и новой войны!.. Разрешите от имени Центрального Комитета нашей партии, от имени главного штаба партизанского движения передать вам, товарищи командиры Красной Армии и братья-партизаны, пламенный привет и пожелания дальнейших успехов в борьбе с заклятым врагом всего человечества — с фашизмом! Да здравствует солидарность трудящихся всех стран! Да здравствует победа!.. Ура!

Все встали и зааплодировали. Дружное «ура» раскатилось над поляной и эхом отдалось в горах и ущельях...

В домике-штабе отряда тесно и шумно.

За столом на почетном месте сидят Млынский и Ирина Петровна, рядом — Семиренко. Возле Млынского — свободное место, на столе оловянная кружка, накрытая ломтем хлеба с кусочком сала — это место Алиева...

Дальше сидят подполковник Канин, подполковник Хват, представитель штаба чехословацких партизан, Озеров, Шумский, Катя Ярцева... Здесь же новый доктор майор Инаури и два прибывших из Москвы офицера. У многих на груди новенькие награды.

Встает Семиренко:

— Товарищи! Предлагаю первую чарку выпить за тех, кого нет сегодня с нами, за наших товарищей.

Все встали. Взгляды устремлены на кружку, накрытую ломтем хлеба.

Гонуляк потянулся чокаться, но Нечипоренко молча остановил его.

Хват снял свой орден, положил его в кружку.

— Разрешите второй тост?

— Подожди, — остановил его Семиренко, — успеешь награды обмыть. Сегодня, понимаешь, боевые товарищи прощаются. И не просто товарищи.

— Разрешите, Николай Васильевич, сам скажу, — поднялся Млынский. — Други мои боевые! Жизнь у нас суровая, и счастье, может, и не ко времени, но оно пришло... И у меня опять есть семья — Ирина, Мишутка там в Москве... И скоро будет еще прибавление... сын или дочь. Война есть война, и свадьбы у нас, как вы сами понимаете, не было. Так вот, сегодня я всех вас считаю своими... нашими, то есть, гостями.

— Горько, — сказал Семиренко.

— Горько, горько! — поддержали его.

Ирина Петровна встала и, смущенно улыбаясь, поцеловала Млынского.

Подошел Ерофеев:

— Люблю я вас обонх... Можно я тебя расцелую, дочка? Можно, товарищ полковник?

— Можно, старый ворчун.

— Ну, не такой уж я старый. — Ерофенч разгладил усы, поцеловал Ирину Петровну и Млынского. Потом снял с ремня гранату-лимонку: — Вот, от меня малому, на память... — Он потряс «лимонку», и внутри что-то загремело. — Пустая, горошины там. Пусть играет.

— Спасибо, Ерофенч, — сказала Ирина Петровна. — Спасибо тебе за все!

Ванда тихо подошла к Ирине Петровне, прижалась щекой:

— Не забывайте меня...

— Товарищи! — громко сказал Ерофеев. — Попов мы отменили сами, до ЗАГСа далековато, так что выхода нет — тебе благословлять, секретарь, — повернулся к Семиренко, — чтобы было по закону...

— Ну что ж... — Семиренко был серьезен. — Дело ведь не в бумаге, и свадьба ваша настоящая, по всем человеческим законам... Так что благословляю вас на долгую и счастливую жизнь!.. Горько!

— Горько! Горько! — подхватили все остальные.

Млынский снова поцеловал Ирину Петровну, и она вдруг заплакала.

— Ты что?

— От счастья, Иван, от счастья...

Ерофеев достал откуда-то из-за лавки балалайку:

— Раз уж свадьба — так с музыкой!

Отодвинули стол.

И тотчас под балалаечную плясовую в круг вышла Катя Ярцева, повела плечами, подошла вызывающе к Семиренко. Тот поднялся.

Танцевали темпераментно и красиво...

... В домике, кроме Ирины Петровны и Млынского, никого уже не было. Только из-за двери отчетливо доносился хруст шагов часового да где-то далеко все еще звучала неугомонная балалайка Ерофенча.

Млынский и Ирина Петровна молчали. Долго. Только изредка осторожно и нежно касались друг друга...

В самолете Ирина Петровна обходила раненых.

— Держись, казак. Первый раз в самолете?

— Ага...

— Я тоже.

Ей помогли второй пилот и офицер, сопровождавший Семиренко. Сам он сидел у

окна, и когда Ирина присела рядом на минутку, улыбнулся ей:

— Ну, что глаза такие грустные? Война идет к концу, скоро увидите...

— Да, да, конечно...

В салон вышел штурман.

— Пролетаем линию фронта, товарищи. Будьте внимательны.

Он прошел в хвост самолета, похлопал по плечу стрелка, крикнул:

— Вася, смотри в оба!

Ирина Петровна, услышав стон, подошла к раненому. И тут самолет сильно трянуло. Она взглянула в иллюминатор: черной тенью проскочил немецкий истребитель. Потом мелькнул еще один, на крыльях которого бились желтые огоньки трассирующих очередей.

Ирина увидела, как истребитель с черными крестами вспыхнул и, оставляя шлейф дыма, камнем пошел к земле. И тут же их транспортный самолет задрожал всем корпусом, в салон полетели куски обшивки, раздались крики и стоны раненых.

Самолет резко пошел на снижение. Один из моторов задымил...

Самолет удалось все же посадить на небурное льняное поле.

Летчики, Семиренко с молоденьким лейтенантом и Ирина Петровна, задыхаясь в дыму, подтаскивали раненых к дверям, а там их принимали подбежавшие солдаты. Семиренко кричал Ирине:

— Уходи! Слышишь! Я приказываю!

Она лишь головой качала в ответ.

Немецкий истребитель прошел на бреющем над распростертым на земле транспортным самолетом и прошел его длинной очередью. Семиренко подхватил обмякшую Ирину Петровну, выволок ее из самолета, отнес к деревьям.

Она уже не видела, как задымил и упал немецкий истребитель, как вспыхнул и взорвался транспортный самолет. Она уже не видела ничего...

Семиренко держал ее голову на коленях, гладил ее волосы и плакал, размазывая слезы по черному от копоти лицу...

Рассветало. Млынский подошел к палатке, укрытой маскировочной сетью. Часовой отдал честь.

— Разрешите? — спросил он по-немецки, откидывая полог.

— Да, да, пожалуйста. — Подполковник Бютцов, в чистой белой рубашке, поверх которой натянута на плечи широкие подтяжки, в галифе и хромовых сапогах, стоял с кожаным несессером в руках у раскрытого чемодана. — Прошу прощения...

Отложив несессер, он надевает китель. Теперь он в полной форме немецкого подполковника инженерных войск со всеми нашивками и орденами. Млынский даже головой покачал невольно, так он преобразился: подтянутый и слегка надменный прусский офицер...

— Я готов, господин полковник.

— Волнуетесь?

— Да, разумеется. Я часто вспоминаю нашу первую встречу зимой. Я спросил вас тогда: сохраните ли вы мне жизнь, если я все расскажу? Но дело было не в этом. Я не сказал бы ни слова, если бы верил до конца в правоту того дела, которому служил.

— Теперь вы работаете для будущего Германии.

— Да, я верю в Германию, верю в мой народ, который сейчас опутан чудовищной ложью фашизма. Теперь я знаю, что долг каждого немца не дать нацистам утянуть за собой Германию в пропасть. Так думают многие офицеры. Позавчера в Москве я встретился с фельдмаршалом Паулюсом... К сожалению, было очень мало времени... Послезавтра я должен прибыть в часть.

— Желаю удачи, Бютцов. Пожалуйста, постарайтесь выжить. Такие люди, как вы, будут очень нужны послевоенной Германии.

Когда он вышел из палатки, солнце уже позолотило снежные вершины гор.

Приблизился Шумский. Он был в плащ-палатке, из-под которой была видна немецкая форма.

— Я готов, товарищ полковник.

— Добре. — Млынский посмотрел на часы. — До границы вас доведет Гонуляк, а там встретит Карасев. Его разведгруппа обеспечит ваше внедрение и связь со мной. Вам придется залезть прямо к черту в зубы... и выйти оттуда живым.

— Я постараюсь, товарищ полковник.

— Вы теперь командир второй разведгруппы. Обдумывайте каждый шаг, внедрение Бютцова обратно в вермахт стоило Центру большого труда...

Гонуляк, Хват, Канин и несколько партизан, собранных в дальнюю дорогу, ждут на краю поляны. К ним направляются Млынский, Шумский и Бютцов, за которым сержант Косых несет добротный кожаный чемодан.

— Эх, выпить бы на дорожку, — шутит Хват.

— А вот, — протягивает подошедший Ерофеев баклажку. — Родничок под той скалой обнаружил. Водичка вкусная и холодная, аж зубы ломит...

Хват, отпив глоток, передает баклажку Млынскому. Тот, попробовав, одобрительно кивает и возвращает баклажку Ерофееву. Поколебавшись секунду, Ерофеев протягивает ее Бютцову:

— На, хлебни и ты на дорожку...

— Данке шен...

И пока подполковник неторопливо, маленькими глотками пьет холодную воду, Хват, шутиво нахмурив брови, наклоняется к Ерофееву:

— Не отравлена?

— Я полбаклажки выпил и ничего — пока живой, — бурчит Ерофеев. — А к вам все одно никакая зараза не пристанет.

Группа вместе с Бютцовым уходит. У самого поворота Шумский прощально машет Млынскому.

А Ерофеев вдруг увидел, что к ним, спотыкаясь и чуть не падая, бежит Катя Ярцева. Он шагнул ей навстречу, и в сердце что-то защемило.

— Беда, Ерофеич... непоправимая... — задыхаясь от слез, проговорила Катя. — Ирина Петровна...

Млынский повернулся к ним, словно кто-то его толкнул. В глазах его застыла страшная боль, и мольба, и надежда...

Тихие улочки Веймара. Виллы за аккуратными заборчиками и газонами, загороженными первым снегом.

В сером «хорьхе» на заднем сиденье, подполковник Бютцов. Перед ним — мощная фигура шофера. В зеркальце над лобовым стеклом отражается его лицо. Это Шумский.

Бютцов приспустил разделявшее их стекло и сказал:

— Нах линкс... налефо...

Бютцов, глядя в окно, улыбнулся: тихая улочка с особняками, отступившими от нее за зеленые палисадники, была на месте. И шущман у поворота узнал подполковника и козырнул, улыбнувшись приветливо.

— Стоп, — сказал подполковник.

Машина остановилась у трехэтажного особняка за лужайкой, огражденной стриженным кустарником.

Подполковник подождал, пока шофер — правда, не очень ретиво — вышел и открыл ему дверцу. Глянув на темные окна дома, он легко взбежал по ступенькам на крыльцо и толкнул незапертую дверь.

Шумский, достав из багажника чемодан, пошел следом.

В просторной прихожей было тихо и пусто. Бютцов заглянул в кабинет и сразу увидел отца, вернее, его седую массивную голову, едва возвышавшуюся над спинкой глубокого кресла.

— Папа!

Старик вздрогнул. Книга упала на ковер. Обернувшись и увидев сына, старый фон Бютцов стал медленно подниматься.

— Фридрих... мой мальчик. Хорошо, что ты нашел время навещать нас, сынок...

Подполковник помог ему. Они обнялись. А в дверях уже стояла старая их служанка. Острый подбородок ее дрожал, в глазах сверкали слезы. Подполковник нагнулся и поцеловал ее дряблую желтую щеку.

— Здравствуйте, фрау Эльза...

— Я знала, что вы вернетесь, Фриц! — сказала Эльза, вытирая глаза.

За ее спиной Бютцов увидел Шумского, спокойно ждавшего в прихожей.

— У меня к вам маленькая просьба, Эльза: покажите шоферу, куда поставить машину, и накормите его. Только учтите, он — русский.

— Что-о? — Глаза старой служанки сразу стали сухими и круглыми.

— Не бойтесь, он не кусается.

Надменно вскинув подбородок, Эльза вышла, прикрыв за собой дверь.

...Вечером сидели у камина в гостиной, пили кофе. Старый фон Бютцов — в кресле, укрытый пледом, жена подполковника Инга — молодая красивая женщина, их сын Йоган — двенадцатилетний мальчишка, нарядившийся по случаю приезда отца в полную форму «гитлерюгенда», с пряжкой на поясе и кинжалом.

Подполковник подбросил пару брикетов в затухающий камин. Потом выпил рюмочку ликера и откинулся в кресле. Было тихо и мирно, и ничто не напоминало о войне, кроме, пожалуй, карты Европы, на которой красным шнуром была отмечена линия фронта. Вошла Эльза и, встретившись с подполковником взглядом, спросила:

— Простите, Фридрих, этот... русский... ночевать будет в доме?

— Есть свободные комнаты? — спросил подполковник.

— Есть, — сказал старый Бютцов. — Комната садовника и шофера, комната истопника в подвале. В доме теперь полно пустых комнат.

— Пусть ночует в подвале. — сказала Инга.

— Папа, ты много убил русских? — спросил Йоган.

Подполковник, едва не поперхнувшись, растерянно посмотрел на сына. Выручил старый Бютцов:

— У тебя примитивные представления о войне, Йоган.

— Сегодня ночью, — торжественно сказал Йоган, сжав рукоять кинжала, — я убью одного русского!

— О, господи, — вздохнула Инга.

Старый Бютцов поднялся. Погасил аккуратно сигарету:

— Пошли спать, вундеркинд. Я расскажу тебе кое-что о войне... Спокойной ночи, мой мальчик. Спокойной ночи, Инга. — И, поцеловав сына и невестку, старик уходит Йогана из гостиной. — На войне у каждого свои обязанности, твоя обязанность — хорошо учиться...

Йоган обернулся в дверях и, шелкнув каблуками, вскинул руку:

— Хайль Гитлер!

— Спокойной ночи, — сказал подполковник.

Наконец они остались одни.

— Я ужасно соскучился, — сказал подполковник, накрыв своей крупной ладонью изящную руку жены.

— Почему ты не писал так долго? Ты даже не предупредил, что приедешь.

— Не мог. Меня внезапно вызвали в Берлин. Я думаю, за новым назначением...

— Боже мой! Неужели на фронт?

— Вряд ли.

— Иногда мне бывает так страшно, что жить не хочется, — сказала Инга.

Подполковник промолчал, прислушиваясь к тишине в доме, потянулся к шнуру торшера и выключил свет.

...Шумский не спал. Запрокинув руки за голову, он смотрел на зарешеченное оконце под потолком, за которым серел рассвет...

Серый «хорьх» стоял на том же самом месте, где недавно Карасев-Деннерт остав-

*Млынский — Народный артист СССР Вячеслав Тихонов,
фон Бютцов — артист Лев Поляков.*

лял свою машину, — рядом с кафе в дальнем пригороде Берлина.

В окнах кафе дважды промелькнула Гелсна.

Вышел Бютцов. Шумский выскочил из машины, открыл ему дверцу. Бютцов сам сел за руль.

— Все в порядке, — сказал он. — К десяти я должен быть в строительном управлении войск СС.

Обычные фанерные шкафы, столики, аккуратно застеленные бумагой, занавесочки на окнах. Даже герань на подоконниках. А за занавесочками решетки — служебное помещение концлагеря.

За одним столом сидел немецкий офи-

цер, за другим — с пишущей машинкой — писарь из заключенных, с лоснящейся мордой.

Подполковник Бютцов стоял в ожидании у дверей. Офицер сказал писарю по-русски:

— Займись им, Николаев. — И по-немецки Бютцову: — Что он натворил?

— На шоссе вдоль Потсдамерзее машину обстреляли какие-то люди. Шофер повел себя подозрительно. По-моему, он нарочно снизил скорость...

— Около озера? Правильно, где-то там скрываются бежавшие из лагеря поляки. Ну что ж, вы поступили разумно, господин подполковник, что привезли его нам.

— Иди сюда, — подозвал меж тем Шумского писарь. — Стань здесь. Опusti руки.

Смотри на меня. Отвечай. Картуз сними, сволоочь! Фамилия?

— Лунин.

— Имя?

— Иван.

— Тебя что, за язык тянуть?

— Федорович...

— Я могу уехать? — спросил подполковник.

— Конечно, — сказал офицер. — Распишитесь вот здесь, пожалуйста.

Фон Бютцов расписался и вышел из кабинета начальника лагеря, лишь мельком взглянув на Шумского.

— Нашел сго карточку? — спросил офицер у писаря.

— Нет, господин лейтенант!

— Болван! Найти! А пока заведи новую. И — в шестой ревир.

— Слушаюсь...

...Писарь вел Шумского через плац, освещенный мощными прожекторами с вышек. Узкие, как бойницы, окошки барачков были темны и безжизненны. Слышен был хруст шагов и лай собак.

— Ну ты и фраер голубой, — усмехнулся писарь. — Быть на воле и вернуться обратно... Знаешь, что такое шестой ревир? Оттуда одна дорога — в печку.

— Вы этого не допустите, Каминский.

— Что?! — Писарь остановился. — Откуда знаешь мою фамилию?

— Идем, идем.

— Откуда знаешь мою фамилию, сволочь?

— Оттуда...

— На пушку берешь?

— О суде над предателями и изменниками Родины в Харькове — родной ведь ваш город? — могу рассказать с подробностями...

— Что тебе нужно?

— Это вам нужно, чтобы я выбрался из шестого ревира и при случае мог рассказать, где надо, что бывший баталер одесского полуэкипажа и мелкий жулик Роман Каминский сделал одно доброе дело.

— Кто ты такой?

— Подумайте.

— Здравствуйте, подполковник. — Невысокий, рано польсевший господин с холемым лицом вышел из-за стола навстречу Бютцову, прибывшему в особый лагерь «Дора». — Семья? Надеюсь, все живы и старший фон Бютцов по-прежнему полон здорового скептицизма. Уважаю независимые умы стариков. Отличный был архитектор ваш отец...

— Благодарю. Слава богу, в семье все по-прежнему.

— Прекрасно. А теперь перейдем к делу. Согласно распоряжению фюрера, увеличивается объем работ по строительству новых объектов в особом лагере «Дора», и потому мы очень нуждаемся в толковых инженерах. У меня о вас довольно лестные отзывы, надежные рекомендации. Но специфика нашей работы требует особого внимания к людям... Прошу. — Он указал подполковнику на стул и раскрыл папку с документами. — До декабря сорок третьего года вы служили в штабе генерал-инспектора инженерных войск... В конце декабря ненадолго исчезли...

— Я был тяжело контужен при нападении партизан на поезд, доставлен в госпиталь без сознания...

— Да, да, ваши документы и вещи нашлись потом... в чемодане. Как долго вы пролежали в госпитале?

— До марта.

— Это соответствует выписке из истории болезни. К сожалению, полевой армейский госпиталь номер сто восемнадцать в июле в полном составе попал в окружение в Белоруссии и мы не имеем возможности запросить архивные данные.

— Если вы не доверяете мне... — Бютцов встал.

— Ну-ну, обиделись, как ребенок. Горе с вами, интеллигентами. Отбросьте амбиции, подполковник. У вас будут слишком широкие полномочия в «Доре», чтобы мы

не сделали хотя бы формальной проверки.

Млынский стоит на горе. Идет мокрый снег. В долине под ним раскинулся маленький немецкий городок Корцен.

Лицо полковника сурово и неподвижно, как высеченное из камня. Чуть в стороне стоят Канин и Хват. Командиры партизан Гонуляк и Нечипоренко. Здесь же Ерофеев, Бейсембаев, Озеров...

Мимо проходят, спускаясь к городку, отряды партизан, роты красноармейцев.

Млынский раскрывает планшет.

— Операция начнется ровно в шесть тридцать. К этому времени ваши люди в Корцене, Гонуляк, уже должны блокировать комендатуру и контору фабрики. Ваш отряд, Нечипоренко, перекрывает и контролирует дороги. Отходить будете последними по сигналу зеленой ракеты.

— Ясно.

— Капитан Бейсембаев прикрывает минеров Озерова.

— Есть!

В город ворвались с двух сторон. Бойцы Бондаренко и партизаны Гонуляка забросали гранатами комендатуру. Группа Бейсембаева, прикрывая минеров, проникла к стенам фабрики.

Гранатами взорвали ворота... Ворвались в казармы охранного батальона. Дрались врукопашную штыком и прикладом...

Мгеладзе бил из пулемета по контракующим эсэсовцам. Млынский молча отстранил его и сам принял к прикладу «Дегтярева»...

Бойцы прорвались на фабрику, в цехи...

К складам готовой продукции, где лежали серебристые корпуса ракет...

К железнодорожной станции...

Минеров Озерова вели по цехам завода

рабочие из подпольной группы Сопrotивления.

Быстро закладывали взрывчатку под станки, под ящики с готовой продукцией, под турбины электростанции, в склады с корпусами ракет...

Млынский сидел у ворот завода на каком-то бетонном обломке, перевязывал пораненную руку, стягивая бинт зубами. Подошли Хват и Озеров.

— К взрыву все готово, товарищ полковник.

— Выводите людей из города.

— Есть!

— Ну, капитан, — Млынский повернулся к Озерову, — покажи мне свое хозяйство.

Они зашли в цехи, где для отвода глаз делали какую-то мебель. Потом спустились в бетонные подвалы, уставленные конвейерными линиями для производства корпусов ракет...

На окраине города, в каменном сарае минеры Озерова устанавливали взрывные машинки, тянули провода. Где-то в отдалении хлопнул выстрел и в небо взвилась зеленая ракета.

— Отошли, — сказал Ерофеев.

— Разрешите взрывать, товарищ полковник?

— Я сам...

Старшина-сапер отдал честь и отошел в сторону. Млынский крутанул ручку взрывной машинки, и раздался грохот.

Над фабрикой взметнулось пламя, замелькали обломки, повалил черный дым.

Млынский снова крутанул ручку, и взлетела на воздух электростанция...

Млынский скрипнул зубами, покачал головой:

— Нет... не проходит... нет... — Он посмотрел на Озерова, вздохнул: — Продолжайте, капитан.

В результате смелых, дерзких действий отряда и партизан Корцен был взят: фаб-

рика, электростанция и гарнизон противника уничтожены. На небольшой площади городка собрались работавшие на военных объектах узники — русские, украинцы, белорусы, чехи, словаки, поляки и другие.

К ним обратился комиссар отряда подполковник Канин:

— Дорогие соотечественники и наши братья, угнанные в фашистское рабство! В Корцене гитлеровские главари, несмотря на очевидность неизбежного своего поражения, организовали производство нового смертоносного оружия. Мы положили этому конец. Дни фашистской империи сочтены. Героическая Красная Армия одерживает победы на всех фронтах, ломая яростное сопротивление врага, она стремительно приближается к логову фашистской Германии — Берлину. Проводят успешные военные операции и союзники по антигитлеровской коалиции. В этих условиях долг каждого из вас, а также каждого честного немца приблизить день освобождения народов от фашистской тирании, которая принесла им неисчислимые жертвы, лишения и страдания. Мы призываем вас к активной борьбе за полное освобождение народов Европы от коричневой чумы. Вступайте в партизанские отряды! Подпольные группы! Днем и ночью наносите удары по врагу! Час нашей великой победы близок! — закончил Канин под бурные аплодисменты.

Узники восхищались бесстрашными действиями отряда и партизан, радовались успехам Красной Армии, просили принять их в отряд.

Вольф только что вошел в свой кабинет. Не снимая кожаного пальто, только скинув фуражку и стянув перчатки, направился к столу. Крюгер, подхвативший фуражку, остался у дверей.

— Я слышал, заводы в Корцене сильно пострадали...

— Дело дрянн! — сказал Вольф. — Сплошные кучи развалин. Принесите мне

кофе... Документы из Кракова прибыли?

— Они у вас на столе, группенфюрер, — ответил Крюгер, включая радиолу.

Вольф нашел нужную папку. Листая ее, добрался наконец до фотокопий удостоверений всех, кто посещал за последнее время зону «Величка». На удостоверении инженера Кюня красовалось фото Шумского. Вольф открыл ящик стола, достал личное дело Кюня. В тщательном сравнении фотографий не было даже необходимости... Вольф стукнул по столу кулаком:

— Кюня ко мне! Немедленно!

— Инженер Кюнь находится в данное время в командировке в Пенемюнде, — сказал Крюгер.

— Доставить его сюда! Поезжайте сами! Привезите его, Крюгер! Подождите! Прикажите увеличить и размножить эти фотографии. — Вольф вырвал из папки копию удостоверения Кюня с фотографией Шумского. — Объявите имперский розыск! Шляпа! Старая грязная шляпа этот Занге. Я ему припомню и полигон, и ловушку, и заводы в Корцене!

Бютцов и господин из строительного управления в сопровождении оберштурмфюрера осматривают штольни горы Коншгайн. За ними следует армейский инженер-капитан с равнодушным и сонным лицом.

Здесь работают заключенные, рубят камень ломами и кирками, вывозят на тачках. Все это под присмотром капо из заключенных-уголовников и эсэсовцев. В руках у надсмотрщиков дубинки.

— Римские катакомбы, — ворчит Бютцов. — Все как до рождества христово...

Рядом надсмотрщики избивают заключенного, который, обессиленный, опрокинул тачку.

— Эти скоты работают только из-под палки, — сказал эсэсовец.

— Уложиться в такие сроки, с такими средствами и работниками... Ну и втяну-

ли же вы меня в авантюру! Нужны квалифицированные рабочие.

— Где же я их возьму, господин инженер?

— Раз вы не можете найти мне людей, я буду сам отбирать их в лагерях, тюрьмах, строительных батальонах.

— Вы получите все полномочия, подполковник, только, пожалуйста, закончите строительство в срок.

Кюнль стоял посреди кабинета Вольфа, вытянув руки по швам, и глаза его заволокло туманом отчаяния и страха. Похоже, он давно не понимал слов, которые выкрикивал ему в лицо группенфюрер.

— Кто ты?! Кто?! Если ты — Зигфрид Кюнль, то это кто? — Вольф швырнул на стол копию удостоверения Кюнля. — Как попала эта фотография на твое удостоверение, мерзавец? Кто был вместо тебя в зоне «Величка»? Отвечай, ублюдок! Где этот человек? Где ты с ним познакомился? Когда? Когда ты стал предателем?

Наконец Вольф понял, что Кюнль просто не слышит его и вот-вот грохнется в обморок. Он подошел к радиоле, поставил пластинку. Сладкие звуки Глюка наполнили кабинет.

— Сядь, — сказал Вольф.

Кюнль как подкошенный опустился на стул.

— Как зовут этого человека? — уже спокойно спросил Вольф, показав на фотографию Шумского.

— Не знаю...

— Где ты с ним познакомился?

— В отеле «Монополь»... В Кракове...

— Крюгер!

Крюгер тотчас же вошел, будто стоял за дверью.

— Стенографируйте, — приказал Вольф.

Бютцов и толстый майор идут вдоль строя заключенных. В руках у майора

списки. Почти не глядя на заключенных, он тычет в каждого пальцем:

— Слесарь... фрезеровщик... инженер... учитель...

— Не надо, — говорит за спиной Бютцова эсэсовец, и заключенного выталкивают из строя.

Бютцов замечает Шумского. У того на полосатой робе черный треугольник угодника.

— Сварщик... токарь... архитектор...

— Фамилия? — спросил Бютцов.

— Мильх. Эдгар. Номер сорок одна тысяча двести тридцать четыре. — Шумский сдернул полосатый колпак, но ни один мускул не дрогнул на его лице. Бютцов проглотил комок, сидевший в горле, и прошел мимо.

— Электрик, — ткнул в Шумского пальцем толстый майор.

Ранним утром отряд Млынского был вынужден ввязаться в бой с карателями.

Млынский из укрытия под скалой наблюдает за ходом боя, грея руки о жестяную кружку с чаем. Рядом — Хват, замполит Канин, Ерофеев и незнакомый нам человек с белыми, как снег, волосами. Из-под накинутой на плечи солдатской серой шинели у него виднеется ворот мундира немецкого офицера.

Чуть подальше — телефонисты и Катя Ярцева с рацией.

Сверху хорошо видны фигурки карателей в белых маскировочных костюмах, с яростным упорством продирающиеся через снег и пулеметный огонь.

— Это они пытаются расчитаться с вами за Корцен, — говорит седой.

— И за подземный завод в Тропау, и за склады Тухеля... — усмехается Хват. — Долго им придется расчитываться...

Взрывом на них швырнуло комья земли и снега.

Млынский выплеснул из кружки остатки чая, перемешанного с землей.

— Хват, передай Бейсембаеву, пусть нарывает эти чертовы минометы.

— Есть!

— Главное — заманить карателей поглубже в ущелье, — говорит полковник седому.

Катя Ярцева вырвала из блокнота листок с только что принятой радиограммой.

— Шифровка от Фрибе.

Млынский прочел, передал листок Канину:

— Шумский и Бютцов на месте.

— Лихие ребята, — вздохнул Ерофеев.

— Да, — покачал головой Хват. — Я бы не смог, как Шумский. Он же видел в «Величке», в каких условиях заключенные работают на этих заводах. И добровольно пошел на это.

— Характер стальной. Вот майор Воробьев, — Млынский кивнул на седого, — разве скажешь, что он второй год ходит по лезвию бритвы?

— Ну уж по лезвию... — улыбнулся тот.

— Необходимо передать Шумскому в «Дору» взрывчатку и детонаторы, — сказал полковник.

— Взрывчатку достанем у немцев, — ответил Воробьев. — Я, пожалуй, теперь лучше их интендантов знаю, что где у них лежит. Только вот проклятые компоненты для уранового оружия куда-то запрятали...

— Найдем, — сказал уверенно Млынский. — Операция по передаче взрывчатки очень рискованная. Нужны надежные люди для сопровождения, перемаркированная тара, подлинники накладные...

— Мы с Карасевым сделаем это с немецкой педантичностью, товарищ полковник, — сказал майор Воробьев.

— Я уверен.

Огонь минометов ослаб.

— Молодец Бейсембаев! — сказал полковник.

— Я пойду к Бондаренко, Иван Петрович, — поднялся Канин. — Им туговато приходится.

— Иди, — кивает Млынский. — Скажи, пусть продержатся еще немного. Скоро мы ударим со всех сторон, да так, что отобьем у них охоту бегать за нами.

В штольнях особого лагеря «Дора» шел спешный монтаж оборудования.

Шумский в черном комбинезоне, каске, с голубой повязкой на рукаве, на которой по-немецки и по-русски написано: «Бригадир электриков», наблюдал за укладкой кабелей на крюках вдоль стен. К нему подошел один из заключенных.

— Ты, бригадир, тут прохлаждаешься, а в нашем ревире третьи сутки электричества нет. Это тебя не касается?

Шумский заметил, что за ними наблюдает заключенный из-за станка и заорал на подошедшего:

— Я тебе сейчас на морде таких фонарей навешаю, что никакого электричества не нужно будет!

За спиной у него расхохотался рыжий шарфюрер.

— Молодец, Мильх! Из тебя со временем выйдет толк. — Он угостил Шумского сигаретой. Тот отошел, а рыжий шарфюрер вдруг нахмурился: — Постой! Раньше я мог тебя где-то видеть?

— Все может быть, шарфюрер, — пожал Шумский плечами.

...Глухая штольня забита нарами в три этажа. Темно. В сумраке на тряпье копошатся люди-скелеты. По стенам сочится вода. Слышны стоны, кашель, глухие проклятья... У самого выхода, забранного железной решеткой, копаются в электрическом распределительном щите Шумский, ему подсвечивает самодельной копилкой Кунц.

— Господин бригадир, — спросил Кунц, — вы получаете посылки с воли?

— Да, иногда, от двоюродного брата.

— А я от невесты. Два раза в месяц.

— Здравствуйте, товарищ Кунц. — Шумский пожал ему руку.

— Здравствуйте, мы давно вас ждем.

— Рыжего шарфюрера надо убрать...

— Постараемся. Осторожная гадина... — Кунц помолчал и добавил с усмешкой: — А про посылки вранье, к сожалению.

Узким и низким тоннелем Шумский и Кунц выбрались в довольно просторное помещение, вырубленное в скале. Шахтерские лампы едва освещали наполненную людьми пещеру. Кунц представил собравшихся:

— Капитан Еловой — руководитель советской группы Сопротивления. Доктор Ян Чишпива возглавляет чехословацкий комитет. Ян Побуренный, Збышек Дубинский и Винсент Хейн — представители польского Сопротивления. Поль Басси — от французской секции интернационального комитета. Эдгар Мильх, — представил Кунц собравшимся Шумского, — советский коммунист. Слово товарищу Мильху.

— Дорогие товарищи! Братья! — без паузы начал Шумский. — Красная Армия громит фашистов от Дуная до Вислы. Но мы не можем ждать, пока фашизм рухнет сам. Гитлеровцы отчаянно сопротивляются, прилагают огромные усилия по наращиванию производства «оружия возмездия». Мы с вами должны сделать все, чтобы помешать этому!

— Правильно!

— Товарищи! Надо не только продолжать саботаж на производстве. Мы должны организовать крупную акцию, чтобы сорвать планы по расширению производства ракет...

Офицер гестапо докладывает группенфюреру Вольфу, демонстрируя на небольшом экране документы и фотографии:

— Личность человека, выдававшего себя при посещениях «Велички» за инженера Кюня, установлена. Это Шумский, автомеханик. После посещения зоны исчез, имперский розыск пока не дал результатов...

— И вряд ли что-нибудь даст, — сказал Вольф. — Он давно в Москве, где-нибудь на Лубянке, и с удовольствием воспомина-

ет, как они с полковником Млынским в очередной раз обвели штурмбанфюрера Занге. — Вольф взглянул на Занге, который сидел у окна, виновато понутив голову. — Продолжайте.

— А эта Елена Цильке, певичка из ресторана «Монополь», пособница Шумского. Отец, якобы, немец, мать — полька. Двадцать пять лет. Также исчезла. Розыск не дал пока результатов...

— Такая не только Кюню голову замочит, — заметил Вольф.

— Деннерт Эрнст. Капитан ВВС. Числился прикомандированным к краковской метеостанции от штаба авиасоединений. Фотография и особые приметы не полностью совпадают с данными из Кракова. Часто посещал ресторан «Монополь». Пользуясь запросами метеослужбы, практически мог контролировать все воздушные связи Кракова и близлежащих аэродромов...

Вольф снова взглянул на Занге. Тот нервно выкрикнул:

— Полигон «Близна» и объект «Хайделер» имели свою метеостанцию!

— Правильно, имели станцию, — согласился с убийственным спокойствием Вольф. — Только ее эвакуировали вместе с полигоном еще в июле. Лучше не выводите меня из терпения, Занге... Ну, Деннерт тоже исчез, и розыск пока не дал результатов, верно?

— Так точно, группенфюрер. К условленному месту встречи с Кюнем Деннерт больше не выходил. Мы проверили все места, где Кюнь бывал перед отъездом в Краков: ресторан «Медведь», ничего подозрительного не замечено, фроляйн Гертруда Клурфельд, невеста Кюня, активный член Союза немецких девушек, частная зубоврачебная клиника профессора Фрибе... — При этом имени Вольф невольно потрогал щеку. — Ну, у этого дантиста такая солидная клиентура...

— Копайте, гауптштурмфюрер, копайте как следует, — сказал Вольф и снова потрогал щеку.

В штольне по узкоколейке каждые тридцать минут движутся тяжело груженные составы с корпусами, приборами, оборудованием ракет. В обратном направлении везут укрытые чехлами собранные ракеты ФАУ-2. Повсюду эсэсовцы с автоматами.

За глыбами камня встретились Бютцов и Шумский.

— Взрывчатка получена, — сказал Бютцов. — Вам огромный привет от Млынско-го. Спрашивают, как вы тут.

— И что вы ответили? — усмехнулся Шумский.

— Что я мог ответить? Как в раю. Или как в аду?

— В общем, как на том свете...

— Я не представляю, как мы переправим на объект такое количество взрывчатки, — сказал задумчиво Бютцов.

— Это товарищи из комитета возьмут на себя. Беспокоит другое: ну, взорвем перемычку, спустим в штольни подземное озеро... Станки и оборудование почти не страдают, а воду откачают довольно быстро. Надо найти другое решение. Я изучил структуру почв: здесь возможны карстовые пещеры, пустоты... Если бы все тут провалилось в тартарары, было бы дело...

— Хорошо. Я подумаю и представлю расчеты, — кивнул Бютцов.

— И надо сделать так, чтобы наши люди не пострадали, — сказал напоследок Шумский.

Серое утро. Метель. Отряд Млынского, растянувшись цепочкой, уходит по горным тропам от преследования карателей.

Плащ-палатки и одеяла, накинутые поверх шинелей, не спасают от лютого холода. Некоторые падают от изнеможения и усталости. Товарищи помогают им подняться...

К Млынскому и Канину подходит Катя, протягивает шифровку.

— Прочти, — говорит Млынский.

— «Поздравляем с уничтожением заводов в Корцене, — читает Катя, — отли-

чившихся представить к награде. Активизируйте поиски складов с компонентами уранового оружия. Согласно на операцию в «Доре» подтверждаем. Антонов».

— Добре. Когда у нас следующий сеанс связи с Фрибе?

— В двадцать два часа пять минут.

Млынский кивает.

Вечер. Прием пациентов в кабинете доктора Фрибе окончен. Сняв халат, Фрибе подходит к окну, осторожно выглядывает из-за шторы на улицу. Улица пустынна, только на углу стоит черный «копбель». Людей за стеклами не видно, но присутствие их угадывается по огонькам сигарет.

В рентгенкабинете фроляйн Анна достает из тайничка маленькие наушники, разматывает шнуры, вытаскивает штекеры в замаскированные гнезда, из которых предварительно вынимает фальшивые болты.

Входит Фрибе. Взглянув на часы, вопросительно смотрит на Анну.

— Есть, — кивает она. — Но очень сильные помехи. Жду повторения...

Она пододвигает к себе бумагу и карандаш, начинает быстро заполнять листок колонками цифр.

Звучит голос Млынского: «Прошу организовать прием от Шумского документов чрезвычайной важности. Время и место передачи Бютцов должен согласовать с Карасевым. Наши люди будут ждать его в районе Бадельстра. Передайте Бютцову для Шумского: Москва согласна прикрыть операцию по взрыву новых штолен объекта «Дора» массивированной бомбардировкой в ночь на воскресенье двадцать седьмого. Однако просит начать операцию на час раньше. Млынский».

Передав шифровку Фрибе, Анна сняла наушники.

— Я пойду к Гелене, — сказала она.

— Не спеши, — сказал доктор Фрибе. — Завтра передашь через тайник. После ареста Кюнля за нами, по-моему, начали слежку...

По тоннелю движутся платформы с ящиками. Груз сопровождает охрана во главе с рыжим шарфюрером. Поезд замедляет ход около штольни № 3.

Здесь уже ожидают его прибытия подполковник Бютцов, немецкие инженеры, Шумский и заключенные, среди которых несколько человек, знакомых по совещанию в пещере.

— Наконец-то, — говорит Бютцов, облегченно вздохнув. — Милых! Ставьте людей на разгрузку и предупредите: в ящиках ценное и хрупкое оборудование. За каждый поврежденный или разбитый ящик ответите головой!

— Слушаюсь, господин инженер!

— Осторожней! В штольне сильная загазованность!

Во взгляде Бютцова подтверждение: да, это то, чего мы ждали...

Люди осторожно снимают с платформы тяжелые ящики и, взвалив на плечи, несут в глубину штольни. Изнуренные голодом, они шатаются под тяжестью ноши. Один из заключенных едва не роняет ящик. Другие вовремя поддерживают товарища, и капитан Еловой тут же заменяет его.

Чем дальше уходят люди в штольню, тем труднее становится дышать. Рыжий шарфюрер, жадно хватая ртом воздух, тарашит глаза...

Во тьме за выступом скалы его ждут двое — Кунц и Поль Басси. В руках у них ломки. Но шарфюрер останавливается.

— Милых! Ты там посмотри, чтобы они аккуратно... Проклятый газ! Дальше не пойду.

— Будьте спокойны, доставим в полной сохранности, — заверяет Шумский.

В глухом забое вскрывают один из ящиков: в нем динамитные шашки, упакованные в оранжевую бумагу.

— Десятикилограммные, — говорит Еловой. — В каждом ящике восемьдесят килограммов взрывчатки.

— Ну, теперь они убедятся, что мы им не жук на палочке, — улыбается Шумский.

В той самой пещере, где проходило совещание подпольного комитета Сопротивления, Кунц передает Шумскому документы, вынимая их из самодельного несгораемого ящика.

— На этих пленках фотокопии чертежей всех важнейших узлов, схемы систем наведения ракет. Вот описания технологических процессов.

Он снимает резинку, туго стягивающую рулончик бумаги, и она едва не разлетается: так легки листочки, густо исписанные почти микроскопическим почерком.

— Папиросная, — говорит Кунц. — Потрошили сигареты... Другой бумаги не было. И тут все на разных языках: русском, польском, немецком, норвежском, сербском, французском и даже венгерском... Бесценные сокровища.

— Спасибо, товарищи. — Шумский ласково поглаживает ящик.

— Ты только выберись с ними отсюда, — говорит Еловой, положив руку на рычаг взрывной машинки, от которой тянулись электрические провода.

— Постараюсь, — улыбается Шумский.

Под прикрытием групп самообороны заключенные уходили от обреченных штолен вверх, в более безопасные горизонты. Шли молча, строем, поддерживая ослабевших и раненых. Люди с красными повязками указывали дорогу.

...В пещеру вошел Ян Чишпиива.

— Наверху воздушная тревога...

— У вас есть часы? — спросил Шумский.

— Ровно два, — сказал Чишпиива.

И в это время потолок и стены дрогнули, посыпался щебень, до пещеры докатился отдаленный гул.

— На всякий случай — прощаемся, — сказал Еловой. — Может, не скоро увидимся...

Шумский и Еловой пожали друг другу руки и обнялись. Потом Шумский обнял Кунца и направился к выходу из пещеры.

Обернулся. Кунц на прощанье поднял сжатый кулак.

Шумский с железным ящиком и Чишпи-ва вышли.

— Давай, товарищ! Время... — сказал Еловой Кунц.

Тот вдавил и повернул рычаг взрывной машинки...

В ту же секунду к отдаленному гулу прибавился новый, более мощный...

...В штольнях рвались заряды, рушились своды, обломки породы заваливали станки, поточные линии, склады оборудования...

Откуда-то хлынули мощные потоки воды и смели все, что уцелело после взрыва — платформы, электровозы, конвейерные линии...

...В пещере все завалило обломками породы. Кунц слабо стонал. Еловой — тоже раненый — выволок его из-под обломков.

Мимо, по штреку, бежали люди. Вода хлюпала у них под ногами. Доносились выстрелы...

...Чишпи-ва и Шумский с трудом шли по штреку навстречу потоку, то по колено, то по пояс в воде. Шумский, потеряв силы, прислонился к стене.

Чишпи-ва подошел, чтобы помочь, и вдруг увидел рыжего шарфюрера, который спокойно смотрел на него и Шумского. В руке у шарфюрера был пистолет.

— Что это у вас? — пальцем показал шарфюрер на железный ящичек. — Ну-ка, дайте сюда!

— Бегите, Ян! — Шумский бросил ящичек чеху и кинулся на рыжего шарфюрера. Грохнул выстрел.

...Бютцов свернул за поворот штрека и едва не столкнулся с рыжим шарфюрером, который тащил связанного Шумского.

— Господин подполковник, — сказал шарфюрер. — Я узнал этого типа. Это не Мильх, это Кюнль. Он приезжал в «Величку»... Его обязательно надо доставить в гестапо.

— Как нам отсюда выбраться? — спросил Бютцов.

— Через шахту «Зет». Наши ее еще контролируют.

Бютцов огляделся: вокруг никого не было. Подполковник выхватил из расстегнутой кобуры пистолет и выстрелил шарфюреру в голову. Эсэсовец упал. Бютцов склонился к Шумскому, приподнял его:

— Я вытащу вас отсюда...

— Нет, — Шумский покачал головой. — Документы остались... у Яна... Развяжите мне руки и уходите из штольни, а то ненароком свои же прибить могут. Передайте Млынскому: новых объектов «Доры» больше не существует.

В бункере, за столом совещаний, сидели Гитлер, Геббельс, Борман, генерал-полковник фон Хорн, начальник технической службы министерства вооружений Зауэр, генеральный директор заводов по производству ракет генерал Дорнбергер и группенфюрер Вольф.

— Через несколько недель профессор Хагель закончит работы по монтажу уранового котла, — докладывал Зауэр. — Вскоре у вас в руках будет оружие невиданной разрушительной силы...

— Что скажете вы, Дорнбергер? — сказал Гитлер.

— Последние испытания ракет А-четыре показали, что дальность ФАУ можно значительно увеличить. К сожалению, в связи с наступлением русских в Прибалтике испытательный полигон в Пенемюнде пришлось эвакуировать...

— Вольф, — сказал Гитлер устало, — мне доложили, что в «Доре» коммунисты и саботажники срывают производство ракет, устраивают диверсии, наведите там порядок.

— Будет исполнено, мой фюрер!

— Слушайте мой приказ. — Гитлер собрал наконец в кулак остатки воли. — Все компоненты для производства атомного оружия и оборудование для изготовления сверхмощных ракет перебазировать в Альпы и продолжать работы до полного

*На съемке фильма. Справа — режиссер-постановщик Игорь Гостев.
Фото П. Колесникова.*

их завершения. Генерал-полковник фон Хорн, вы назначаетесь командующим ударной группы армии. Ваша задача: в кратчайший срок построить в горах укрепленный район и удержать его, что бы ни происходило здесь, в Берлине и центральной Германии. Вы меня поняли, фон Хорн?

— Благодарю за высокое доверие, мой фюрер! — ответил, поднявшись, фон Хорн.

— Группенфюреру Вольфу я поручаю организацию транспорта из «Доры» и других объектов, их охрану, включая производство на месте, в Альпах... Кодовое название операции — «Фергельтунг» («Реванш»). Исполнение немедленное.

Фроляйн Анна вошла в кабинет, когда доктор Фрибе у кресла занимался зубами пациента.

— В приемной группенфюрер Вольф. — сказала Анна.

Фрибе спокойно взглянул на нее поверх очков и продолжал работу. Однако засуетился пациент: он сплюнул, отстранил руку доктора и поднялся с кресла.

— Благодарю, на сегодня хватит, профессор... Я зайду в другой раз... — И выскочил из кабинета.

Тут же вошел группенфюрер Вольф в сопровождении Крюгера.

— Здравствуйте, господин Вольф. Пожалуйста, — сказал почтительно Фрибе.

— Прощаю?

— Понемногу...

— Это неплохо всегда, а в наше трудное время особенно. — Вольф опустился в кресло. — Внизу третий, коренной... замучил...

Фрибе сунул в рот группенфюреру зеркала.

— Давненько вы не были у меня... Придется удалять...

— Долгая процедура?

— Полчаса, минут сорок... Без обезболивания — быстрее.

— Нет уж, благодарю... Только мне надо предупредить... Телефон у вас где?

— Пожалуйста, группенфюрер. — Фрибе открыл двери в рентгенкабинет.

— Уютно, — Вольф оглядел комнату и набрал номер, — Занге! Немедленно поезжай в тюрьму Моабит и передай мое распоряжение: инженера Кюня привести в порядок. Захватишь его с собой в Нордхаузен. — Вольф заметил, что обитые свинцовой прокладкой двери в рентгенкабинет слегка приоткрыты. — Пусть он там поглядит, походит. Может, встретит кого-нибудь из знакомых... Держи его на коротком поводке. Документы получишь у Крюгера и отправляйся в Нордхаузен сегодня же вечером!

Неподалеку от тюрьмы Моабит стоит «мерседес», в машине Карасев и Гелена. Она в шляпке с вуалью. В этой светской даме трудно узнать певичку из офицерского кабаре или официантку из пивной. Карасев в форме майора вермахта.

Наконец из ворот выезжает большая черная легковая машина. Когда она приближается к «мерседесу», Карасев и Гелена целуются.

Из-за плеча Карасева Гелена видит сидящих в машине на заднем сиденье Занге, еще одного эсэсовца и между ними инженера Кюня.

Карасев разворачивает свой «мерседес» и едет следом.

По случаю воскресенья и хорошей погоды на берегу озера довольно многолюдно. Лед уже подтаял у берегов и сереет посредине озера.

Маршируют отряды «гитлерюгенда» и фольксштурма, хлюпая по грязи. Гуляют пожилые пары, греются на солнышке инвалиды, кое-кто с удочками. Чинно проходят полицейские.

Пожилая добропорядочная пара — Фрибе и фроляйн Анна — сидят за столиком в кафе. Фрибе допивает пиво, фроляйн Анна, отставив вазочку с остатками мороженого, смотрит через окно на воду. К ним подходит Гелена:

— Две марки сорок пфеннигов и талончики на сахар за мороженое для фрау.

Фрибе вздохнул, покачав головой, неторопливо достал бумажник. Тихо сказал:

— Будьте осторожны. У них, возможно, имеются ваши фото. Ко мне больше не приходите. Связь по телефону и через тайник.

— Благодарю. — И возвращая сдачу, Гелена добавила: — Это срочно для Млынского. Всего доброго.

Фрибе и Анна вышли из кафе.

Неприметный человек в прорезиненном плаще, лениво следивший за поплатками рыболовов, повернулся и поплелся за ними.

Большая комната, разделенная на маленькие кабинки. В каждой — магнитофон и небольшой пульт, за которым сидят молодые женщины в эсэсовской форме. Это аппаратная подслушивания телефонных разговоров.

В одной из кабинок, кроме телефонистки, — группенфюрер Вольф. Он спокоен, курит сигару.

В кабину входит Крюгер и передает Вольфу несколько фотографий, еще мокрых после срочного изготовления. На снимках, в разных ракурсах, авария легковой машины и трупы водителя, Занге, Кюня.

— Трагическая случайность, а? — усмеяется Вольф. — Профессиональная работа... Ай да профессор Фрибе!

На пульте шелкают переключатели, телефонистка поправляет звук, и становится отчетливо слышен голос:

— Доктор Фрибе? Доброе утро.

— Доброе утро, фрау фон Типельскирх.

— Я хотела бы перенести свой визит на сегодня.

— Очень сожалею, но сегодня приема не будет.

— Жаль. До свидания, доктор.

— До свидания.

Вольф продолжает разглядывать снимки, этот разговор его не интересует. Крюгер кладет на стол черную палку, перевязанную лентой и запечатанную сургучом.

— Папка с директивами на перебазирование оборудования из «Доры» не тронута, группенфюрер.

— Да? Значит, они охотились за Кюнлем. Не хотели, чтобы Кюнль опознал кого-то в «Доре». Выходит, там кто-то есть: Деннерт или Шумский... Бедный Занге, я так и думал, что он плохо кончит.

— Алло? Можно профессора Фрибе? — доносится из репродуктора.

— Да, да, я слушаю...

— Здравствуйте, доктор. Я от Артура Горста...

— Откуда звонок? Быстро! — тотчас насторожился Вольф.

Голос Фрибе продолжает звучать из репродуктора:

— Скажите мужу, что ему надо очень серьезно следить за своим и вашим здоровьем. Пусть позвонит дяде Фридриху и, как только уладите дела, немедленно уезжайте на юг в пансионат Курта отдохнуть.

— Хорошо. Кстати, он просил передать, что наши общие знакомые никуда не поехали...

Вольф бросил на столик фотографии убитых Занге и Кюнля...

— Спасибо. До свидания, девочка, — закончил Фрибе и прозвучал сигнал отбоя.

— Ну? — Вольф повернулся к Крюгеру.

— Звонили из Бабельсберга по автомату триста двадцать один.

— Оперативную машину туда! Немедленно...

Снова затрещал телефон. Крюгер снял трубку.

— Адъютант группенфюрера Вольфа. Так, минутку... — И опустив трубку, доложил: — Начальник берлинского центра радиоконтрразведки штандартенфюрер Зондерштерн только что получил данные о работе неизвестной радиостанции... Просит разрешения поднять по тревоге батальон и блокировать третий и пятый кварталы по Фридрихштрассе...

— Не надо. Мы сами. — Он встал, положил пистолет в карман. — Едем, Крюгер. Спросим у доктора Фрибе, кому это он советовал беречь здоровье...

Анна только что закончила передачу, когда послышался требовательный стук в двери, а следом за этим громкий голос:

— Откройте! Откройте, профессор Фрибе! У меня острая зубная боль! Откройте! Я знаю, что вы у себя...

Анна с неторопливой аккуратностью убрала в тайник ключ и наушники. Подождла шифровку и фотопленку. Потом поднялась, долго смотрела в глаза доктору Фрибе.

А в дверь барабанили все сильнее.

— Я открою, — сказал профессор. — Все равно сломают двери.

— Прощай, — сказала Анна.

Едва Фрибе повернул ключ, открывая дверь, в приемную ворвались офицеры гестапо с пистолетами в руках. Фрибе вытолкнули в кабинет, отшвырнули к стенке. Дверь рентгенкабинета была плотно закрыта.

— Ключ! — заорали на Фрибе. — Где ключ?!

В кабинет в сопровождении Крюгера вошел, улыбаясь, группенфюрер Вольф.

— Ну вот мы и встретились снова, профессор... Общайте его!

Но гестаповцы не успели — хрустнула во рту Фрибе ампула, и доктор стал медленно оседать на пол.

— Цианистый калий... Болваны! — сказал с сердцем Вольф. — Старого человека не можете взять...

Вольф обернулся и увидел в открытых дверях рентгенкабинета фроляйн Анну. Гестаповцы бросились к ней.

Анна вздохнула, вскинула голову и нажала какую-то кнопку. Раздался оглушительный взрыв. Зазвенели стекла, посыпалась штукатурка, и все заволокло известковой пылью.

Вольф, которого взрывом отшвырнуло к стене, медленно поднимался, вытирая кровь с разбитой губы...

В Рудных горах все замечено глубоким и чистым до голубизны снегом. По тропинке бежала Катя Ярцева, в телогрейке и шапке, из-под которой выбивается непокорная каштановая прядь. Решила срезать угол напрямую к командирской землянке и утонула в снегу.

— Куда тебя черти несут? — помогает ей выбраться из снега Ерофеев.

— Не к тебе, конечно...

— Ну тогда не спеши, начальство совещается.

— Пусти, у меня срочное радио из Берлина.

— Из Берлина... Тогда проходи.

Млынский поднял голову и нахмурился, словно ждал тяжелой вести.

— Шифровка от Фрибе, — сказала Катя. — Сеанс связи вне расписания, товарищ полковник.

— Читай.

— Сейчас... — Катя шмыгает носом, вздыхает и начинает читать шифровку: — «Первое. Карасева встречайте, как было условлено. Второе. Нами перехвачена директива управления имперской безопасности о подготовке в соответствии с приказом Гитлера перебазирования компонентов для атомного оружия и производства сверхмощных ракет в Альпы, где намечается создание укрепрайона для обеспечения работ по «оружию возмездия». Руководит операциями Вольф и генерал Хорн. Третье. Над нами установлена плотная опека гестапо. Рация Марты законсервиро-

вана. Просим передать в Москву — все связи с нами прекращаются. Эта передача — последняя. Прощайте. Анна и Алексей».

Все молчали. Только ветер свистел за дверью.

— У них был сын, — сказал подполковник Канин. — Командир подводной лодки на Севере. Они так и не узнали, что он не вернулся на базу полгода назад...

Млынский повернулся к Хвату:

— Готовь отряд к переходу через границу, Виктор Сергеевич. Нельзя позволить им окопаться в Альпах. Эти фанатики могут утащить за собой в могилу еще сотни тысяч человеческих жизней. Приказ Карасеву и Шумскому: во что бы то ни стало узнать маршрут и время перебазирования. Данные, полученные от Фрибе, передать немедленно в Центр.

В больничной палате, у стены, стоит железная койка. На койке лежит рыжий шарфюрер. Голова его перевязана, виден только нос и один глаз. В вену обнаженной руки введена игла, тонкий шланг от которой тянется к капельнице. Шарфюрер без сознания. Дыхание прерывистое, хриплое... Рядом медицинская сестра. Она в длинном сером платье с белым передничком и красным крестиком на скрывающей ее волосы накрахмаленной накидке. Тут же стоят группенфюрер Вольф и Крюгер. Оба, вздохнув, выходят из палаты.

В узком коридоре эсэсовцы волокут навстречу им окровавленного человека, в котором с трудом можно узнать одного из активистов антифашистского комитета.

Вольф в сопровождении Крюгера входит в камеру — просторную комнату без окон, с крашенными масляной краской стенами.

Посреди камеры, залитой ярким светом, сидит привязанный к железному стулу Кунц. Два верзилы в серых халатах вытянулись при появлении Вольфа. Группенфюрер кивком указал им на дверь. Склонился к Кунцу, произнес доверительно:

— Кунц, вы уже десять лет скитаетесь по лагерям и тюрьмам. Не пора ли взяться за ум? Вы же немец, Кунц, стопроцентный немец. Неужели вам безразлична судьба вашей родины?

— Нет, группенфюрер. Не безразлична, — Кунц тяжело вздохнул. — И я надеюсь... я уверен, что скоро ее очистят от фашистской заразы... от вас.

— Ну-у, ты не доживешь до этого, Кунц. Как член ЦК компартии ты несомненно связан с подпольем. Кто организует диверсии и убийства наших людей в «Доре»? Скажи — никто не узнает об этом, и я найду возможность облегчить твою участь. — Вольф взглянул на Крюгера, и тот подал фотографии Шумского, Карасева и Гелены. Вольф держал фотографии перед глазами Кунца. — Ты знаешь этих людей? Да или нет?

— Сделка не состоится, группенфюрер. Я не предатель, — отвернулся Кунц.

— К утру выберите из него показания. Если будет молчать, расстреляйте, — сказал Вольф вошедшим в камеру верзилам в серых халатах.

В огромном тоннеле-зале, вырубленном в скале, стоит колонна крытых грузовиков. На них заключенные «Доры» грузят оборудование: упакованные в ящики станки, приборы, инструменты...

В сопровождении двух эсэсовцев вдоль колонны идут Крюгер, мордастый представитель строительного управления СС и подполковник Бютцов.

— Половина машин изношена до предела, — докладывает представитель строительного управления Крюгеру. — У большинства грузовиков необходимо переоборудовать тормозные системы для движения по горным дорогам.

— Завтра к вечеру все работы должны быть закончены, — говорит безапелляционно Крюгер. — Это приказ группенфюрера Вольфа!

Бютцов замечает Шумского, который

вместе с другими заключенными вталкивает в кузов грузовика тяжелый продолговатый ящик.

— Вы что, ослепли?! — кричит Бютцов. — Извините, штандартенфюрер. — Он отходит от Крюгера. — Здесь же ясно написано: не кантовать! Кто старший?

— Я! — вытягивается Шумский.

— Мильх! Идите сюда! — Бютцов отводит Шумского за высокий борт грузовика. — Сегодня на рассвете расстрелян Кунц... Документы у вас?

— Да.

Шумский незаметно передает Бютцову сверток.

— Надо уходить отсюда, — сказал тот. — У меня в машине тайник.

— Нужен маршрут колонны, Бютцов. Уйти можно только с маршрутом этой проклятой колонны.

Пасмурный вечер. Во дворе, под навесом, стояло несколько легковых машин. Бютцов огляделся вокруг и присел перед радиатором спортивной машины, стоявшей рядом с его серым «хорьхом».

Отошел он от нее как раз вовремя: к машине приближался Крюгер.

Бютцов сел за руль, неторопливо натянул перчатки, а Крюгер тем временем безуспешно пытался завести свою машину.

Бютцов опустил стекло и спросил:

— Вы в город, штандартенфюрер?

— Да... Чертов бензопровод!

— Садитесь, я подвезу.

— Пожалуй, — после секундного колебания согласился Крюгер.

Бютцов вывел машину из ворот лагеря. Охранник только козырнул на прощанье.

Крюгер достал сигарету. Бютцов предупредительно щелкнул зажигалкой.

— Три тысячи грузовиков, — сказал озабоченно Бютцов. — И половина нуждается в капитальном ремонте... Непременно попадем где-нибудь под бомбежку.

— Будем двигаться только ночью, — ответил Крюгер.

— А днем? Где мы укроем такую армаду?

— Не волнуйтесь, Бютцов, укроем. Я сам выбирал места для стоянок... Кроме того, передвигаться будем отдельными колоннами. Мы с вами идем в головной.

— Что ж, будем надеяться, все обойдется. — Бютцов помолчал. — Работать становится все трудней и опасней... Нашли, кто убил шарфюрера?

— Убил? К счастью, этому рыжему повезло: он жив, и я думаю, скоро сможет сам рассказать, как было дело.

Бютцов кивнул.

На перекрестке он повернул налево.

— Вы не туда свернули, подполковник... — сказал Крюгер и обернулся...

В тот же момент Бютцов оглушил адъютанта группенфюрера Вольфа рукоятью пистолета.

...Карасев вел машину по автостраде, глядявываясь в туманную вечернюю муть. Неподалеку от стрелки-указателя на Лейпциг он заметил на обочине серый «хорьх». Машина была поднята домкратом, и какой-то человек в офицерской шинели возился с колесом.

Карасев подъехал ближе. У машины стоял подполковник Бютцов. Карасев вышел.

— Вам помочь, господин подполковник?

— Неплохо было бы... Здравствуйте, Деннерт.

— Здравствуйте.

Карасев вынул из багажника чехол с инструментами и тут же сунул туда сверток, протянутый Бютцовым.

— Шумский с вами?

— Остался в «Доре». У меня в машине адъютант группенфюрера Вольфа. Он составлял маршрут колонны. У вас найдется время с ним побеседовать?

Карасев кивнул. И они перетащили связанного Крюгера в машину Карасева.

— Еще увидите Шумского? — спросил Карасев.

— Надеюсь.

— Скажите ему, что мы все... гордимся им.

Они отдали друг другу честь.

Первым отъехал Карасев, и скоро огоньки его машины исчезли в пелене тумана.

К воротам зоны Бютцов подъехал как раз в тот момент, когда завывали сирены воздушной тревоги. Солдаты охраны, глядявывая в небо, предупредили Бютцова:

— Машину поставьте в укрытие, господин подполковник.

— Я забыл важные документы в конторе...

— Тогда проезжайте. Поскорее, пока не началось.

На территории зоны было темно и пусто. Отчаянно ревели сирены.

Карасев свернул с автострады на мост, потом — на лесной проселок. Машина было забуксовала, но мощный мотор вытащил ее из грязи...

Вскоре из сумрака навстречу мигнули фары. Карасев ответил и подъехал к стоявшему на обочине «фольксвагену». Не вылезая из машины, только опустив стекло, передал из окна в окно сверток и сказал Гелене, сидевшей за рулем «фольксвагена»:

— Положи это в сумку с гранатой...

— Почему так долго?

— Затянулась беседа с одним несговорчивым типом.

— Договорились?

— В общем, да. На границе тщательно проверяют машины и документы, поэтому свернешь на двести восьмом километре. И помни, что я все время сзади. Что бы ни случилось со мной, не останавливайся и не волнуйся. Все будет хорошо.

Дом Бютцова. В дверях своей комнаты, выходящих в холл, стояла служанка Эльза, в ночной рубашке и с каменным лицом, молча смотрела, как вошли подполковник Бютцов и человек в полосатой арестантской робе.

Со второго этажа по лестнице спустилась жена подполковника Инга в шелковом пеньюаре. Увидев мужа и Шумского, замерла.

— Приготовь, пожалуйста, ванну, Инга, — сказал подполковник. — Где Иоган?

— Спит...

— Как только проснется, пусть дед уведет его куда-нибудь.

— Хорошо...

— Найди белье и костюм для этого человека.

Инга взяла себя в руки. Она спустилась вниз и, проходя мимо Эльзы, все еще стоявшей в дверях своей комнаты, властно сказала:

— Идите спать, фрау Эльза. Рано еще. Сегодня я вообще обойдусь без вашей помощи.

Эльза захлопнула дверь.

— Вылейте пока немного ликера, — услышали они голос старого Бютцова.

Одетый только в пижаму, он стоял перед неожиданными ночными гостями.

— Извини, отец, — сказал подполковник.

— Не за что. Старики рано встают, я не спал... У меня где-то есть теплая охотничья куртка и вполне приличные сапоги.

— Зря это ты, — устало сказал подполковнику Шумский.

— Я не видел другого выхода...

А на 198-ом километре автострады у шлагбаума полицейского контрольного пункта проверяли документы пассажиров и водителей.

Возле будки стоял полицейский «адлер». Через освещенное окно будки было видно, как начальник пункта распекал какого-то толстяка, а тот униженно о чем-то просил.

Машина Гелены была второй от шлагбаума. За ней пристроился «мерседес» Карасева.

Полицейский подошел в «фольксвагену».

— Ваши документы... — Взглянул на во-

дительские права и потребовал: — Удостоверение личности, пожалуйста...

Гелена подтянула поближе сумку, в которой лежали документы и граната, а удостоверение вынула из другой сумочки.

— Выйдите, пожалуйста, из машины, — сказал полицейский, повернулся к будке и замахал начальнику.

Гелена посмотрела в зеркало заднего вида и увидела, что Карасев коротко махнул рукой, словно разгонял дым сигареты.

Машина Гелены вдруг резко сорвалась с места и проскочила под шлагбаумом. Полицейский выхватил пистолет, несколько раз выстрелил в снежную мусть и кинулся к «адлеру».

Карасев тоже тронул машину с места. «Адлер» врезался в бок «мерседесу», помаял ему крыло и разбил себе фары.

Подбежал начальник пункта:

— В чем дело?

— В «фольксвагене» женщина, за которую назначено пять тысяч марок, — истерично визжал полицейский. — А этот подставил мне свой катафалк!

— Я видел, что она удирала, и хотел вам помочь... — оправдывался Карасев.

— Садитесь в его машину, Мюллер! Догоните ее! Я позвоню в Плауэн. — Начальник кинулся к будке, а полицейский сел в «мерседес». Но Карасев и не думал ехать.

— Вы что? Издеваетесь, господин майор?

— Поднимите шлагбаум, — спокойно сказал Карасев.

Полицейский нервничал, глядя в туман, клочьями летевший навстречу.

Неожиданно из-за поворота автострады показалась пара ярких фар. Машина шла прямо в лоб «мерседесу». Карасев прижался к обочине.

— Это наши из Плауэна, — объяснил полицейский.

К остановившейся машине подбежали двое в кожаных пальто с автоматами:

— Кто такие? Документы!

— Блюм! Это я, Мюллер! — сказал полицейский. — Мы преследуем женщину...

— Они преследуют, — усмехнулся один из подбегавших. — Ее здесь и в помине не было.

— Значит, свернула на двести восьмью километре.

— Или на двести десятом. Следуйте за нами!

Карасев закурил и неторопливо развернул «мерседес».

..На горном серпантине шоссе Карасев увидел высоко над лесом свет фар, уходящий все выше и выше. Это был, несомненно, «фольксваген» Гелены. Полицейские, видимо, тоже засекли ее и прибавили скорость. На крутых поворотах визжала резина. Машины заносило, но опытные водители вновь выравнивали их и продолжали упорно взбираться вверх. Форсируя мощный мотор, полицейские нагоняли маленький «фольксваген»...

Карасев до отказа выжал акселератор и нагнал полицейскую машину. Вцепившись взглядом в огоньки стоп-сигналов, он неотступно следовал за ней и, выбрав удобный момент, пошел на обгон слева, прижимая полицейскую машину к пропасти.

Резкий поворот руля, удар, но водитель полицейской машины удержал ее на шоссе. Пассажир Карасева ударился головой о стойку и сник...

Карасев шел вплотную за полицейскими. Раза два он попытался выбить их машину с шоссе, но водитель каждый раз уходил от удара. Раздались выстрелы, Карасева ранило в плечо.

Наконец ему удалось на повороте врезаться в багажник полицейской машины. Ее развернуло, и вторым ударом в лоб Карасев сбросил эту машину с шоссе. Однако и «мерседес» швырнуло в сторону, ударило о скалу. Карасев едва успел выпрыгнуть, как машина вспыхнула...

Гелена, следившая в зеркало за погоней, резко затормозила и, развернувшись, помчалась назад.

Карасева она нашла в снегу под скалой.

Он попытался подняться, но застонал от боли. Гелена склонилась над ним.

— Что я тебе говорил? — спросил Карасев сквозь зубы. — Все будет хорошо.

— Молчи, — сказала Гелена и потащила его к «фольксвагену».

Она вела машину по горной дороге.

— Ну, как ты? — повернулась к Карасеву.

— Ленка... Спокойствие...

Гелена запела простую народную песенку, которую любят в карпатских селах. Карасев закрыл глаза...

Ранним утром сына подполковника Бютцова Йогана разбудили выстрелы. Мальчик вскочил с кровати и как был — босиком и в рубашке — бросился вниз...

В холле он увернулся от деда, проскочил на кухню и оттуда — в гараж, на выстрелы...

И он увидел: на полу, неестественно вывернувшись, лежал эсэсовец... и еще один, и еще... И Шумский в луже крови возле пробитой пулями машины... Потом он увидел отца... Двое эсэсовцев волокли подполковника за ноги. Китель задрался на голову, и по бетону тянулся бледно-розовый след...

Йоган рванулся к отцу, но рука группенфюрера Вольфа вцепилась ему в плечо.

Весна разлилась цветением садов в долине.

По горной дороге — той самой, по которой гнались за Геленой гестаповцы, — медленно движется колонна крытых грузовиков, растянувшаяся на многие километры. В кузовах — ящики с оборудованием, солдаты и заключенные под охраной. На прицепах — крытые брезентом ракеты, орудия и минометы. На некоторых грузовиках брезент снят и над кабинами торчат стволы зенитных пулеметов.

Впереди колонны — бронетранспортер. За ним — две легковые машины. В одной

из них — генерал-полковник фон Хорн с офицерами штаба, в другой — группенфюрер Вольф с эссовцами.

Натужно режут моторы.

...С хорошо укрытого в скалах командного пункта Млынский рассматривает в бинокль приближающуюся колонну. Вот первые машины выползают из-за поворота и упираются в каменный завал.

Млынский поворачивается к радистке:

— Катя, передай Бондаренко: пора...

— Есть! — Катя застучала ключом.

И тут же на ближней горе грохнул взрыв. Взлетели в воздух камни и железо — мост через горную речку позади колонны перестал существовать.

— Добре. Вызывай самолеты. — Млынский расправил под ремнем гимнастерку, натянул поглубже фуражку. — Ну, пошли, Ерофеич?

— Пошли потихонечку, — кивнул сержант, забрасывая на плечо автомат.

Млынский стал спускаться вниз к дороге, мимо залегших за камнями бойцов, чьи автоматы, противотанковые ружья и огнеметы были нацелены на колонну.

...Фон Хорн молча наблюдал из машины, как, не таясь, в открытую, спускались к дороге два человека в советской военной форме.

— Ну, вот и все, — сказал офицер, сидевший рядом с шофером.

— Где мы находимся? — спросил второй.

— Недалеко от городка Югенштадт, — сказал первый.

К машине подошел группенфюрер Вольф. Фон Хорн приспустил стекло.

— Это не американцы, — сказал эсэсовец.

— Вижу.

— Что вы намерены предпринять, господин командующий?

— Этот вопрос я мог бы задать и вам, группенфюрер. Вы же отвечаете за охрану колонны.

— Их тут не может быть много. Надо вступить с ними в переговоры, выиграть время, а я немедленно вызову подкрепление.

— Это было бы неплохо.

— Я отдам приказ подготовить к взрыву спецмашины с компонентами атомного оружия.

— Тоже разумно, Вольф. Действуйте.

Вольф покосился на приближающихся Млынского и Ерофеева и отошел от машины.

Навстречу Млынскому вышел офицер, сидевший рядом с шофером. Отдав честь, сказал:

— Полковник Берг. С кем имею честь, и что вам угодно?

— Командир отряда особого назначения полковник Млынский. Вы окружены. Впереди завал, мост позади вас взорван. Предлагаю во избежание ненужного кровопролития сложить оружие.

Услышав фамилию Млынский, фон Хорн вытянул шею и смотрел на легендарного русского полковника широко раскрытыми глазами.

Ерофеев добавил ворчливо:

— Сдавайтесь к едреной матери, а то пошшибаем вас, как тараканов с подоконника...

Фон Хорн вышел из машины и теперь в упор разглядывал русского полковника.

— Вы Млынский? Не может быть...

— Какие у вас есть основания не верить мне, господин генерал-полковник фон Хорн?

Фон Хорн промолчал.

В это время из-за гор вынырнули красноезвездные самолеты и с ревом прошли над колонной.

Солдаты выпрыгивали из грузовиков, разбегались, прячась за камни.

Самолеты разворачивались для нового захода.

— Я вам верю, полковник, — сказал фон Хорн и обернулся к своему офицеру: — Передайте приказ. Сложить оружие. Берг...

В колонне неожиданно грохнули взрывы и вспыхнуло несколько крытых грузовиков. Откуда-то снизу, где бушевало пламя, донеслись проклятья и стоны, беспорядочная стрельба...

Ерофеев направил автомат на фон Хорна. Берг тоже потянулся к кобуре.

— Прекратите панику, Берг! — заорал фон Хорн. — Это Вольф взорвал спецмашины...

И он первый бросил к ногам Млынского свой пистолет.

В штаб отряда вошел майор Воробьев и доложил Млынскому:

— Товарищ полковник! Недалеко от нашего городка в горах красноармейцы освободили лагерь вывезенных из нашей страны детей дошкольного и школьного возраста, на которых фашисты проводили разные опыты. Страшно смотреть на их изможденные, высохшие, постаревшие лица.

Млынский вздрогнул, быстро встал, спросил:

— Сколько километров до этого лагеря?

— Километров 30—35, не больше, — ответил майор.

— Поехали, — проговорил Млынский и, надев фуражку, вместе с Воробьевым вышел из дома.

...Концентрационный лагерь находился в горах, на широком плато. Он обнесен двухметровым забором из колючей проволоки. Посреди лагеря, на солнцепеке, расположились в ряд десять приземистых деревянных бараков. В них, на сбитых из досок нарах, жили дети, вывезенные из Советского Союза. Рядом большое светлое каменное опрятное здание. Это больница, в которой фашистские «врачи» брали кровь у детей, проводили на них разные эксперименты. Изможденных детей умертвляли и отправляли в крематорий.

Стоит солнечный день. Набегающий с гор ветерок приносит прохладу. В освобожденном Красной Армией концентрационном детском лагере полным ходом идет работа по санитарной обработке детей. Прямо во дворе солдаты-парикмахеры стригут под машинку слипшиеся, завшивевшие детские волосы. Тут же в специальных авто-

машинах-банных медсестры и санитары снимают с них лагерные робы, моют, одевают в новую детскую одежду, обувают и направляют на питательный пункт, который располагался у больницы под вековым дубом. Из дымящихся, стоящих в ряд походных кухонь проворные повара черпаками наливали в солдатские котелки вкусный, приятно пахнущий борщ, накладывали в тарелочки гречневую кашу с мясом, клали на нее по ломтику белого хлеба и вручали выстроившимся в ряд к кухням изможденным, прошедшим санобработку детям. Получив обед, они довольные отходили в сторону, садились за наспех сбитые солдатами из досок столы и жадно поглощали пищу.

Машина въехала в лагерь, остановилась возле комендатуры. Из нее вышел полковник Млынский и майор Воробьев. Увидев их, к ним подошел стоявший у комендатуры средних лет офицер и, приложив руку к пилотке, представился:

— Главный врач сангруппы по эвакуации детей подполковник медслужбы Виноградов. Чем могу служить, товарищ полковник?

Млынский поздоровался с ним за руку, ответил:

— Мы хотим осмотреть лагерь.

— Пойдемте, я покажу вам, как издевались над нашими детьми фашистские головорезы, — отозвался Виноградов, и они все вместе пошли по лагерю.

Млынский с болью в сердце смотрел на сидевших, лежавших на земле и бревнах худеньких, бледнолицых, в лагерных робах, с номерными знаками на груди детей, дождавшихся очереди на стрижку. Он подошел к ним и спросил:

— Ребята, вы откуда? Из каких городов и сел?

Веснушчатый, лет 12 паренек ласково взглянув на полковника, ответил: «Я — из Минска, мой папа — партизан».

Черноглазая, лет пяти девочка пролепетала: «Я хочу к маме» и расплакалась.

— Как тебя звать? — поглаживая ее по головке, спросил Млынский.

— Наташа, — несмело ответила девочка и снова расплакалась.

— Успокойся, Наташа, мы найдем твою маму, — проговорил Млынский и стал отходить от них.

Последние бои в Берлине...

Знамя над Рейхстагом...

Обугленный труп Гитлера...

Подписание капитуляции в Карлхорсте...

Закопченные стены Рейхстага, где рядом с другими расписался Ерофеев: «Ни хрена, дошли! Фашистская Германия разгромлена. Возмездие свершилось. Старшина Ерофеев с Волги».

Внизу стояли, глядя на эту надпись, и улыбались Млынский, Канин, Хват, Бейсембаев, Бондаренко и Катя Ярцева...

...Возвращались на двух машинах. Пробирались по улицам, объезжая завалы и еще дымившиеся дома. И везде, куда ни глянь, щебень, битый кирпич, стекла и белые флаги. Шли навстречу колонны пленных немецких солдат и офицеров.

В Веймаре было тихо и чинно. Целехонькие виллы прятались в зелени садов.

— Буржуям и тут везет, — сказал Ерофеев. — Уцелели, сучьи дети!

— Ну, я думаю, ненадолго, — усмехнулся Канин.

И тут из подвала одного из домов грохнул выстрел фауст-патрона. Вторую машину перевернуло. Отлетело и покатилося колесо... Шофер был убит, а Ерофеева взрывом отбросило в сторону.

Из первой машины ударили по подвалу автоматные очереди, потом туда полетели гранаты...

Катя Ярцева и Млынский склонились над Ерофеевым. Тот, тяжело дыша, силится улыбнуться:

— Вот... где наша...

— Немедленно в машину! — приказал полковник. — В госпиталь!

— Подожди, Петрович, — сказал Ерофеев. Он увидел, как из подвала вывели человека в кожаном пальто и хрупкого мальчишку лет тринадцати. Это были Вольф и Йоган Бютцов. Их подвели ближе.

— Ты стрелял по машине? — спросил, преодолевая боль, Ерофеев, и полковник перевел вопрос по-немецки Вольфу. Группенфюрер молчал.

— Я, — сказал тихо Йоган.

— А, змееныш! — Хват стиснул зубы.

— Почему ты стрелял? — спросил Ерофеев, и полковник тотчас же перевел.

— Он сказал мне: стреляй, — ответил Йоган и заплакал.

— Ты... не сам? — спросил эсэсовца Ерофеев, тот отвернулся.

Бондаренко взвел затвор автомата.

— погоди, — сказал Ерофеев. — Иван Петрович... отпусти пацана... — И затих.

— В машину! Живо! — сказал полковник.

Ерофеева подняли и унесли.

— Так что с ними делать, товарищ полковник? — спросил Бондаренко.

— Ты слышал, что сказал Ерофеев?

— Слышал...

— Исполняй.

— Беги... — Бондаренко подтолкнул Йогана.

Тот несмело попятился.

— Беги отсюда! — прикрикнул Бондаренко. — К матери! Ну!

Йоган повернулся и побежал.

Бойцы смотрели вслед, пока его белобрысая голова не исчезла за яркой весенней зеленью.

— А этого, — сказал полковник, не спуская строгих глаз с Вольфа, — передайте в отдел «Смерш».

Небольшой чистенький городок на юге Германии, почти не тронутый войной. За оградой у старого замка буйно цветет

сирень. Улицы городка пустынно, словно вымерли: железные шторы на витринах магазинов опущены. Только валяющиеся кос-где на тротуарах немецкие каски, корбки противогазов, документы и фотографии напоминают о том, что вчера еще была война.

Особый отряд полковника Млынского построен на площади. На правом фланге развернуто боевое знамя. Руки бойцов сжимают оружие.

Перед строем, за столом, который выволокли отсюда-то из замка, прикрыв позолоту красным сукном, стоят генерал — член военного совета фронта и Николай Васильевич Семиренко.

На столе множество красных коробочек, сложенных пирамидой. Генерал читает, и в тишине далеко разносится его голос:

— Указ Президиума Верховного Совета СССР. За образцовое выполнение специальных заданий в тылу противника и проявленные при этом отвагу и героизм присвоить звание Героя Советского Союза майору Алиеву Гасану Алиевичу...

— Майор Алиев Гасан Алиевич, — отвечает из строя полковник Млынский, — погиб смертью храбрых в боях за Родину.

После секундной тишины генерал продолжает:

— Присвоить звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда полковнику Млынскому Ивану Петровичу...

Млынский четко подходит к столу. Семиренко вручает ему награду, крепко обнимает и целует.

— Служу Советскому Союзу! — чуть задыхаясь от волнения, отвечает Млынский.

Он собирается было отойти от стола, но Семиренко останавливает его, и Млынский становится рядом с ним и генералом, который продолжает читать указ:

— Присвоить звание Героя Советского Союза инженер-майору Шумскому Виктору Ивановичу...

— Инженер-майор Шумский погиб

смертью храбрых в боях за Родину, — отвечает из строя Озеров.

— Наградить орденом Ленина: капитана Бейсембаева Амангельды Бердыевича, старшину Ерофеева Ивана Герасимовича, лейтенанта Иванова Анатолия Алексеевича (посмертно)... подполковника Канина Федора Федоровича, майора Карасева Алексея Николаевича, старшину Полищука Николая Егоровича (посмертно)... подполковника Хвата Виктора Сергеевича. Орденом Красного Знамени: капитана медицинской службы Быстрову Ирину Петровну (посмертно)... гражданина Германии Бютцова Фридриха (посмертно)... гражданина Чехословакии Гонуляка Антона, капитана Озерова Егора Николаевича. Орденом Отечественной войны I степени: майора медицинской службы Инаури Зураба Николаевича, сержанта Косых Виктора Артемьевича, старшину Лукьянова Александра Борисовича, сержанта Мгеладзе Ваню Мосроповича, гражданку Польши Милевскую Ванду.

Возвращение солдат-победителей...

Эшелон медленно подходит к перрону, до отказа заполненному людьми с букетами весенних цветов.

К переднему вагону быстро подходит Семиренко с депутатским значком и орденскими планками на лацкане штатского пиджака, дед Матвей, Алешка с Мишуткой, Наташа с девочкой на руках, седая мать подполковника Хвата, молодая красивая жена майора Карасева.

Из вагона выходят Млынский со звездой Героя Советского Союза на груди, Канин, Хват, Карасев, Бондаренко, Бейсембаев, Инаури, Катя Ярцева.

Семиренко, крепко обняв и трижды расцеловав Млынского, проговорил:

— Дорогой мой Иван Петрович! Горячо и сердечно поздравляю тебя и всех товарищей с благополучным возвращением на Родину.

Млынский улыбнулся и воскликнул:

— Мы вернулись! Мы вернулись с победой!..

Парад Победы на Красной площади.

...Снова май и снова весенний разлив садов. В просторном дворе школы-новостройки выстроились октябрята с цветами в руках, пионеры, комсомольцы и учителя. У них в гостях Млынский и Семиренко. Слышен звонкий голос мальчишки, выступающего на митинге:

— Второго мая 1945 года войска Первого Белорусского фронта под командованием маршала Советского Союза Жукова и Первого Украинского фронта под командованием маршала Советского Союза Конева взяли столицу фашистской Германии... А девятого мая была подписана капитуляция... то есть восьмого мая... Девятого — праздник победы... наши бойцы расписались на стенах поверженного Рейхстага. Двадцать миллионов советских людей погибло в Великой Отечественной войне.

Такой дорогой ценой был завоеван мир... Фашизм, благодаря героизму и самоотверженности наших славных бойцов и командиров, был разгромлен! И вот уже больше 35 лет в Европе не было войны... — Мальчик покраснел и спросил: — Правильно, Иван Петрович?

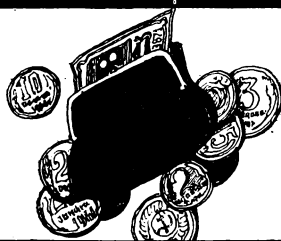
Млынский улыбнулся, ответил:

— Правильно.

Могила Неизвестного солдата у Кремлевской стены. Горит огонь вечной славы. Невесты в белых платьях возлагают на могилу живые цветы...

Панорама великих строек. Гидроэлектростанции, БАМ, новые жилые массивы. Нефтяные вышки, уходящие в море. Ледокол «Арктика», ломая трехметровые льды, движется к Северному полюсу. Цветут сады, хлопок на возделанных картах, колышутся безбрежные поля золотистой пшеницы. В космос взлетают космические корабли.

ВАДИМ АВЛОШЕНКО
при участии ЮЛИЯ КАРАСИКА

КРУПНЫЙ РАЗГОВОР

ВАДИМ СЕРГЕЕВИЧ АВЛОШЕНКО (родился в 1940 году) окончил операторский факультет ВГИКа. Как оператор-постановщик В. Авлошенко снял на Одесской киностудии ряд фильмов — «Верность», «Один шанс из тысячи», «Севастополь», «Последнее дело комиссара Берлаха», «Включите северное сияние», «Красные диккурьеры» и др. Литературный сценарий «Крупный разговор» написан В. Авлошенко при участии известного кинорежиссера Юлия Карасика. Этот сценарий — дебют автора в кинодраматургии.

Фильм по сценарию «Крупный разговор» ставит на Одесской киностудии режиссер Геннадий Глаголев.

Их было пятеро — они принимали бетон. Уже шесть часов принимали, не перекинувшись между собой ни единым словом. Да и зачем им нужны слова?

Вот звеньевой Семен Козельков, что принимает бетон в бункер. Какие ему нужны слова, если стройка эта для него двадцать четвертая? Изогнулся, напрягся, вот-вот, кажется, переломится его длинная, тощая фигура... Нет, не переломится!

А Витя Хвостенко, что бетон подает? Жест четкий, самосвалы ставит с ювелирной точностью.

Гриша Гайда, кажется, появляется одновременно в нескольких местах. Ему так и положено — ограждает от бетона анкерные болты и закладные детали.

Юра Галак, Юрий Кузьмич, что работает рядом на уплотнении. Спокойный, «Безпаники» — прозвали его ребята, партгрупорг бригады.

И последний из пятерки — Михаил Иванович Степчак, бригадир. Маленький, жилистый, в движениях быстр, но ни одного лишнего движения.

Да-а, почти шесть часов назад сказал бригадир: «Начали, хлопцы!» — и началось!

С ревом врывается в котлован МАЗ, и пока серая каша бетона сползает в бункер, успеваает бригадир лишь расписаться на накладной, шлепнуть штампом и отметить время. И снова за вибратор... А новый МАЗ уже въезжает на эстакаду. Бетон, бетон... бетон! Сколько же они приняли?

— Двадцать вторая!.. — разогнулся за секунду Козельков.

— Сбегаю, может, сжались. — Михаил отложил вибратор, стянул рукавицы.

Вбежав в вагончик, Михаил одновременно сдернул с головы каску и со стены трубку. Выдохнул:

— Дайте мне начальника СУ! Артемова!.. Анатолий Николаич?

— Степчак? — слышалось в трубке. — Я, Анатолий Николаич. У нас тут маленький перекур с дремотой. Вот выскочил доложить вам. Двадцать две машины приняли... О, двадцать третья пошла... Осталось два МАЗа.

— Правильно! Осталось два МАЗа.

— Еще бы три, Анатолий Николаич, — почти замурылкал Михаил.

— Зачем? У вас бетона точно на два монолита.

— Еще бы три «мазончика» — три монолита будет, — голос Михаила стал доверительным, нежным.

— Как три? — ахнула трубка.

— А мы, Анатолий Николаич, на минимальных допусках сработали. Экономили чуток... Еще бы три машинки, а?

— Имейте совесть, Степчак! Вам и так занаряжена треть машин!

В трубке слышались гудки отбоя. Михаил посидел секунду, уставившись вдаль, в которой не «светило» ничего. Резко вскочил, снова сел. Уперся в голову кончиками пальцев, взъерошил волосы... Нет, ничего не придумывалось...

И вдруг он приоткрыл рот, выпучил глаза и постучал себя по макушке, желая, видимо, ускорить течение мыслей.

И помогло! Снова схватил трубку:

— Степчак! Дайте мне диспетчера треста!

— Диспетчер треста слушает.

— Зина, Зинуля, Зинулечка, — «запел» он в трубку.

— Это вы, Михаил Иванович?

— Он самый, солнышко родное... Мне бы бетончику...

— Вам и так двадцать пять дали! — возмутилась трубка.

— Правильно, умница. А нужно двадцать восемь.

— У меня нет машин.

— Это факт не установленный... У тебя нет, а у Ищука есть. Сколько он за смену взял, а?

— Девять машин.

— А занаряжено ему сколько?

— Шестнадцать.

— Вот видишь! С такой развалочкой он до конца смены больше тринадцати и не съест — пупок развяжется. Извини, Зинуля, за грубость...

— Ох, Михаил Иванович...

— Вот и отдай его две машины мне.

— Не могу! — воскликнула Зина. — Влетит мне!

— А ты ничегошеньки не знаешь! За мной поцелуй, умница! — И Михаил быстро повесил трубку, не дав ей сказать ни слова возражения. Собрался было уходить, но зазвонил телефон.

Михаил с опаской покосился на него, осторожноенько приподнял трубку и писклявым, поддельваясь под женский, голосом сказал:

— Третий участок слушает...

— Михаил, ты? — раздался в трубке властный голос. — Это Ярошенко. Что у тебя с голосом?

— Конфету сосу, — уже нормально ответил Михаил.

— Проглоти и слушай! Сегодня вечером поедешь в Киев...

— Ты что, Иван?! — завопил Михаил. — У меня завал!

— У тебя вечно завал. Надо ехать...

— Минуточку... Что?! Где?! — закричал вдруг Михаил дурным голосом в пустоту вагончика. — Когда?! Да я вам! Сейчас буду! — И снова в трубку: — Слышишь? Завал! Да сейчас я бегу! Бегу!

Михаил быстро положил трубку, отер со лба пот, схватил каску и пулей вылетел из вагончика.

Вслед неслись настойчивые звонки...

Запыхавшись, тяжело дыша, Михаил вскочил на развилку. Огляделся. К нему пылила машина. Михаил подобрался, сжался весь, втянул голову в сутулые плечи — приготовился...

Нет, это был не МАЗ — пропылил панелевоз...

И снова впереди машина. И снова Михаил принял «боевую» стойку... Опять нето — с арматурой... И эта тоже с арматурой...

Михаил нервно глянул на часы и... задохнулся в клубах пыли промчавшейся мимо машины с бетоном!

— Стой! — заорал он. — Стой!

МАЗ резко затормозил.

— Михаил Иванович, ты, что ли?

— Ага, я самый, — появился из пыльного облака Михаил. — Пыль вот глотаю, тебя дожидаясь...

— Так бетон для Ищука.

— Я что, спорю, что ли? Тебе Зина-диспетчер ничего не передавала?

— Нет.

— Значит, не успела. — Михаил взглянул на номер и всплеснул руками. — Ну, точно! ДКЮ тринадцать — семнадцать! Ты же мне занаряжен!

— Ну-у... — недоверчиво сказал шофер. — Но, смотри, Михаил Иванович! Если что, ты меня обманул. — И машина свернула направо.

Михаил нервно прошелся по пыли, вглядываясь вдаль. Но машин больше не было. Он взглянул на часы. Вдруг сорвал каску, постучал кулаком по макушке.

И рот приоткрыл. И забегал кругами по дороге, невнятно бормоча:

— Обед... Точно, обед... Что же делать? Что же делать? И нужен им этот обед?

Но в этот день Михаилу везло — вот он, долгожданный МАЗ!

Михаил встал по центру дороги, втянул голову в плечи, даже руки согнул в плечах, будто ожидая удара в челюсть. МАЗ едва не налетел на него.

— Тебе что, морду давно не били? — набросился на Михаила шофер.

— Обедать, братишка? — Михаил прыгнул на подножку. — Святое дело!

— Слазь, падло!

Кузов был пуст.

— А я гляжу, номера вроде не наши, — улыбнулся Михаил. — Из «Прокатстроя», кореш?

Водитель выхватил из-под сиденья монтировку, замахнулся. Михаил ловко перехватил его руку, с силой сжал.

— Вот что, кореш, — спокойно сказал он. — Пока обед, сгоняй-ка на бетонный. Вот так надо три куба! Сделай Степчаку одолжение. За мной не заржавеет...

— Отпусти-и... Больно же!

Михаил разжал посиневшее запястье шофера и жестом фокусника показал прилипший к ладони трояк.

— Но, начальник, чтоб хватило на антрекот с гарниром. — Шофер растопырил большой палец и мизинец общеизвестным жестом. — Я ж без обеда.

— Заметано! Учи: чем выше скорость, тем больше «гарнира»! Одна нога там, другая — у меня! — И Михаил спрыгнул с подножки.

Михаил вбежал на высокий гребень и остановился перевести дух. Внизу лежала громада стройки — километра на два раскинулась она, одним концом упираясь в цеха завода, другим теряясь где-то у горизонта, в полях... Повсюду топорщилась вязь арматуры, лезли в небо железобетон-

ные конструкции... Краны, экскаваторы, огни электросварки.

Но не эта привычная картина привлекла его внимание. По дороге двигалась небольшая кавалькада: в окружении нескольких людей шел высокий мужчина, следом плелась «Волга».

Михаил шарахнулся в сторону, на заднем месте съехал в котлован. Схватил вибратор и буквально набросился на бетон.

— Ярошенко «медицинский обход» делает! — успел крикнуть кто-то, а уж управляющий — вот он! — показался со своей свитой на сходнях. Неторопливо обошел оба забетонированных монолита, что-то сказал сопровождающим и с довольной улыбкой направился к работающим.

Хорош был у них управляющий трестом, Иван Петрович Ярошенко, — эффектный мужчина, представительный. Молодой, не больше сорока, высокий, подтянутый.

— Здравствуйте, товарищи!

— Здравсте, Иван Петрович! Здравсте... Здравсте...

— Это и есть твой «завал», Михаил Иванович? — добродушно, даже с ленцой, спросил Ярошенко.

— Не похоже разве? — быстро парировал Михаил.

— Говорят, ты бетон у соседей подворываешь... Правда?

— Крадет, — подтвердил Анатолий Николаевич Артемов, начальник СУ-4. Он был гораздо моложе остальных, лет двадцати пяти, и, видимо, желая выглядеть солидным, отпустил пышные «казацкие» усы. Но из-за сильных очков смотрели умные глаза.

— Вот уж и украл, — проворчал Михаил. — Это факт не установленный.

— Установленный, установленный, — сказал Артемов.

— Да Ищук сам мне бетон одолжил... взаимобразно...

— Без отдачи, — уточнил Артемов.

— Ну и правильно сделал, — заступилсь за бригадира Ярошенко. — Пусть Ишук не зевает!

— Задыхаемся, Анатолий Николаич, — простонал Михаил.

— Не приbedняйтесь, Степчак! Вам и так больше всех занаряжено.

— Надо помочь Степчаку, — остановил начальника СУ управляющий. — Обязательство у него...

— К седьмому ноября, — торопливо подтвердил Михаил. — Времени-то ничего не осталось.

— Я же вам предлагаю — берите бетон с верхнего завода, — сказал Артемов.

— За восемнадцать кэмэ! Что ж это за бетон будет? Мусор...

— Почему за восемнадцать? — удивился Ярошенко. — Тут не больше трех. Вон он, завод-то!

— Это по прямой три. — Михаил затеребил каску. — А тут овраг. В объезд все восемнадцать.

— Так что ж ты ему чепуху предлагаешь, Анатолий Николаевич? — спросил, не сердясь, Ярошенко. — Ладно, с бетоном что-нибудь придумаем... А ты, Михаил Иванович, не дури. Давай сейчас в трест, получи билет и деньги...

— Завал же у меня! — начал было Михаил, но Ярошенко его не слушал:

— Я тебе кой-какой материал подобрал. Спросишь у секретаря... Обязательно выступи. Министр будет.

— Вы уж, Михаил Иванович, расскажите там, как бетон воруете, — сказал Артемов. — Поделитесь, так сказать, опытом...

«Свита» рассмеялась и двинулась дальше.

— Да, Михаил!.. — задержался Ярошенко. — Купи там, понимаешь, торт «Киевский». Маша все просит, а я забываю.

— А ты на галстухе узел завяжи... Ладно, куплю.

Только сейчас стало видно, как устал бригадир. Он поднял голову и осекся... В котлован спустился МАЗ «кореша» с бетоном...

— Айн момент, гости дорогие! В сторону! — Михаил бросился к машине.

— Куда подавать? — улыбнулся из кабины «кореш».

— По-быстрому! И чтоб — тютельница в тютельница!

Шофер уловил в голосе Михаила тревогу, глянул вперед и заметил начальство...

— Ну влип, начальник!

— Раз — и нет тебя! — «прошипел» Михаил.

Еще ни одна машина не подъезжала к бункеру так быстро и точно. Даже бетон, казалось, исчезает на этот раз гораздо стремительнее.

— Лихо! — сказал Ярошенко.

Михаил прыгнул на подножку, разжал взмокшую ладонь с пятеркой, шлепнул штампом рядом с ней... Соскочил с подножки и вдруг, по-кавказски вскинув руки, двинулся на гостей, пританцовывая:

— Я была бы там! Вы были бы там! Мы были бы там! Ас-са-а!

И сам все косился — вылезла уже из котлована машина или нет.

Вылезла. Скрылась...

— Махмуд Эсембаев, — вздохнул Артемов. Подошел вплотную к Михаилу: — А эту машину тоже одолжили у Ишука, а, Михаил Иванович?

— Ага! — бесстрашно соврал Михаил.

— Да у нее же номера не нашей колонны!

— Да ну?! — всплеснул руками Михаил. — А я и не заметил!

Артемов взял его за руки, развернул ладонь вверх — на ней фиолетовым пятном темнел отпечаток бригадирского штампа.

Мелкий, нудный дождь загнал пассажиров в здание аэровокзала, и они с тоской поглядывали сквозь плачущие стеклянные стены на низкое, разбухшее небо, на пустую площадь, на одинокую фигуру матроса, почему-то мокнувшего на автобусной остановке.

А автобуса все не было.

Прилетел еще один самолет. Группа прилетевших — среди них Михаил Степачак — торопливо пробежала в зал ожидания.

А матрос все стоял, словно не замечая дождя.

Автобус наконец подошел...

Матрос поднялся в салон, уселся на заднее сиденье, в углу. И тотчас затолпились в дверях пассажиры, затолкались сумками и чемоданами. В проходе становилось все теснее.

— Проходите вперед! Плотнее! Все уехать хотят!

Пока длилась посадка, матрос сидел с безучастным видом, отвернувшись к окну.

Последним втиснулся Михаил с коробкой торта и небольшим чемоданчиком. Захлопнулись двери. Поехали...

Матрос тронул за плечо сидевшую впереди девушку:

— Не откажите в любезности, передайте, пожалуйста, на билет.

Девушка с интересом обернулась, но матрос опять смотрел в окно. Сначала шли поля, затем начался город — сразу многоэтажными домами... Магазины, кинотеатры... Промелькнул самолет на постаменте...

— Остановка «Проходная»!

На этой остановке выходило большинство пассажиров, вышел и матрос.

— Серега? Ты или нет? — услышал он за спиной удивленный голос. Перед ним стоял Михаил Степачак.

— Точно... Серега!

Они бросились друг к другу, обнялись, расцеловались, не спеша направились вдоль забора.

— А ты чё раньше времени? — настороженно спросил Михаил.

— Почему раньше?

— Ну-у, у всех дембель в октябре... в ноябре...

— Я в институт поступал, раньше отпустили.

— Иди ты! — ахнул Михаил и остановился даже. — В какой?

— В ИМО.

— И-и... чего?

— Международных отношений.

— Ты что, петришь что-нибудь в этих... международных?

— Как говорится, не боги горшки обжигают.

— А у тебя, значит, горшок не выдержал?

Сергей не ответил. Некоторое время шли молча.

— Как домой заявиться думаешь?

— Через дверь.

— Ты чё передо мной ваньку строишь?! — закричал вдруг Михаил и остановился снова. — Через дверь!.. А за дверью — мать. Здравствуй, вот я! А она — брык... дипломат... И-МО-о-о... — Михаил перехватил коробку с тортом, стал рыться в карманах. — Две копейки есть?

— Где-то была мелочь...

Пока брат шарил в бушлате и брюках, Михаил рассматривал его.

— Зря не взяли, ей-богу. Ничё ты парень, видный. Фрак на тебя, гвоздику белую в петлицу, ума в мозги — и Алён Делон. Советник юстиции!

— Советник посольства... — Сергей протянул брату монеты.

Михаил шагнул в будку автомата, набрал номер.

— Мать кому-то «цеу» дает. Это надолго. — Он набрал другой номер. — Степачак! Это ты, Гриша? А чё делаешь в конторке? Почему не в котловане?.. Ясно! Значит так, «Дон Диего» — быстрые пятки», слушай меня внимательно ушами. Скажи Семен Алексеичу, пусть сходит на второй участок. Там у кустов, ну, слева от дороги, ригели лежат, полгода уж... Правильно. Так вот, пусть разузнает, чьи они и когда понадобятся. Стой, не беги! Сережка вернулся, рядом стоит. — Михаил отвел трубку, повернулся к Сергею: — Слышь, как разоряется дружок твой. Не забыл Гришу? — Михаил снова прижал трубку к уху. — Остановись, Гриша. Он вроде насовсем. Еще поговорите... Слушай,

скажешь Юрию Кузьмичу — буду часа через два... Да, вот еще, у тебя, помнится, доцент знакомый есть... ну, что задачи твои в техникуме проверяет. В городе он? Отлично! Теперь все. Вешай трубку — и бегом! — Михаил нажал на рычаг. Снова покрутил диск. — «Цеу» продолжается...

— Миша, разреши мне.

— Понятно...

Сергей вошел в будку.

— Нина Федоровна, это я, Сережа... Вот, демобилизовался... Еще нет, из автомата звоню. А Света дома?.. На выездах?.. Пусть позвонит, я дома буду. До свидания, Нина Федоровна. Спасибо, передам... — Он уступил место брату. Михаил набрал номер:

— Мам! Это я!

Сыновья ели, а мать, сидя рядом, молча смотрела на них. Хлопнула входная дверь, и в гостиную вошла Лида, жена Михаила.

Сергей встал, шагнул к ней навстречу. Смущаясь, поцеловались...

— С возвращением, Сережа... — И мужу: — А у тебя что, дома нет?

— Вот встретились... заехали. — Михаил незаметно подмигнул матери — заступись, мол.

— Ты чего, Лидия, на мужа кидаешься? В кои веки забегал к матери. Уж и не помню, когда видела его.

— А вы, мама, думаете, я его вижу. Меня Костя начал спрашивать: «Мам, а папа ночует дома?». Он и сейчас — поест и уйдет.

— Правильно, убегаю! — Михаил поднялся. — Спасибо, мам!

— Суббота же сегодня, — удивился Сергей.

— Кому суббота, кому работа. А Костю почему не привела?

— Ты хоть знаешь, что сын полгода в секцию ходит?

— В какую?

— Гимнастики.

— Так это же хорошо! Ну, побежал я.

В этот момент в дом вошли Иван Петрович с женой Машей, сестрой Михаила и Сергея.

— Куда? — спросил Иван.

— На работу, — с ехидцей сказала Лида. — Совещание отработать. Две смены.

— Опять выпендриваешься? — спросил Иван недовольно. — Показать, что ты всех честнее, всех принципиальнее?

— Здравсте, Иван Петрович, — Михаил, дурачась, изогнулся в поклоне и протянул руку лодочкой. — Григорий Кузьмич кланяться вам велели и напомнить, чтоб вы серьезно готовились к заседанию коллегии министерства... Шею вам собираются мылить.

— За что, за отстойник?

— За что, не сказали, но найдут.

— Это уж точно.

— Так что, товарищ исполняющий обязанности управляющего, держитесь обеими руками за кресло.

— Постой, — встревожился Иван. — Это Григорий Кузьмич так сказал: «Исполняющий обязанности»?

— Сказать не сказал. Но не исключено, что подумал.

— Ты выступал?

— Выступал. Хлопали. Видно, не помогло. Айн ун цванциг, фир унд зибциг! Адье, как говорят древние греки! — И развернувшись на одной ножке, Михаил выскочил из комнаты.

Сергей догнал его у калитки.

— Мишь, может, останешься, мать просят. Случай все-таки такой, не каждый день брат из армии возвращается.

— Не могу, Сережа. — Взгляд Михаила стал серьезным. — Понимаешь, братишка, не люблю я этого. Если уж ты бригадир, то работай, как вся бригада работает. А то не заметишь, как превратишься в общественно-го безделья. И потом еще... Сейчас дураков нет. Чтоб все умными стали, этого не скажу, но что ушлыми, это точно! И все всё понимают. Почему человек от дела отлынивает, это уже подробности. Важно, что отлынивает. А мест тепленьких, куда от ра-

боты можно пригнуться, у нас больше, чем надо... Ты думаешь, у меня в бригаде все ангелы? Ну, раз не выйду, два не выйду... Что они обо мне подумают? И правильно подумают! — Михаил вздохнул. — Иди домой. Мать, небось, уже соскучилась...

Сергей вернулся в гостиную. Вокруг стола хлопотали женщины.

— Молодцы дети. Я и не думала, что вы так быстро съедетесь, — говорила мать.

— Ого, даже «За дальний поход»! — Иван кивнул на многочисленные знаки матросской доблести на груди Сергея. — И куда же ходили, товарищ подводник, если не секрет?

— Не секрет, — с достоинством ответил Сергей. — В просторы мирового океана, на восемь месяцев.

Иван понимающе кивнул.

— Что делать собираешься?

— На будущий год в институт буду поступать.

— Зачем год-то терять? Давай в строительный. На заочный еще успеешь, могу помочь. — Иван повернулся к Маше: — Алешка ведь там декан.

— Да нет, я на исторический хочу. А пока работать пойду. На завод или к Михаилу попрошусь, в бригаду.

— А ты с ним говорил?

— Чего с ним говорить? — не понял Сергей.

— Он тебя, думаю, не возьмет.

— Это почему?

— Что такое «подряд» знаешь?

— Слышал краем уха.

— Так вот, у него бригада на подряде.

— Ну и что?

— А то! Вот есть у Михаила бригада, тридцать шесть человек, и у них договор. Они должны весь объект построить от начала до конца, от фундамента до крыши...

— Ну, Сережка, пропал ты! — рассмеялась Маша. — Ваня на любимого конька сел.

— Не мешай... Так вот, Михаил сейчас строит подстанцию, — продолжал Иван. — Мы им все дали — материалы, технику,

деньги. Все у них! Крутитесь, как хотите, но к сроку чтоб подстанция была сдана — вся целиком. И работала!

— Как это целиком? — усмехнулся Сергей. — А что они, скажем, в электрооборудовании понимают?

— Их дело. Они полные хозяева. Хотите, сами монтируйте, хотите, заключайте договор с электромонтажниками и сами за них отвечайте, за монтажников!

— А зачем им это?

— Кому?

— Бригаде?

— Правильно спрашиваешь. В этом — вся соль! Работай, думай, считай! Сдашь объект в срок или досрочно, из сэкономленных денег сорок процентов твои!

— А если перерасход?

— Из их кармана. Так что считай, думай, где сэкономить, где пошустрее сработать. Мишкины орлы пока не жалуются. В прошлом году объект досрочно сдали — сорок семь тысяч премии получили. Как видишь, каждый человек у них при деле и лишнего рта им не надо...

— И много у вас таких капиталистических бригад?

— Почему капиталистических?

— Конечно! Выгода, интерес, расчет — ни одного светлого слова. Товарища на работу взять — им невыгодно.

— А тебе больше нравятся слова: бесхозяйственность, расточительность, разгильдяйство? Пусть все начальство решает, а наше дело сторона. Это тебе нравится?

— В этом вашем частном подряде тоже мало хорошего.

— Не частный, а бригадный.

— Суть одна.

— Грамотный! — усмехнулся Иван. — У тебя какая специальность?

— Механик-моторист второго класса. Сварщик третьего разряда. Комсоргом в бригаде подлодок был.

— Разряды невысокие, но что комсоргом был — это видно. — Иван на секунду задумался. — Приходи ко мне в понедельник, что-нибудь придумаем.

— Хоть отдышаться дайте, изверги, ребенку! — возмутилась мать.

Все рассмеялись, а громче всех Сергей.

Лида подошла к матери и тихо сказала:

— Там под окнами Светлана ходит.

— Чего же не зайдет, глупая? — вскинула голову мать.

— Я приглашала... стесняется.

Мать встала, поправила на плечах платок.

— Ты куда, мама? — окликнула ее Маша. — Пора за стол.

— Я сейчас. — Мать мельком глянула на Сергея, но он успел перехватить ее встревоженный взгляд и, опережая мать, выскочил из дома.

— Что происходит? — спросил Иван.

Маша подошла к окну, отдернула занавеску.

Она видела, как Сергей выскочил за калитку. Навстречу медленно шла девушка. Они обнялись, поцеловались...

До верхнего бетонного завода было, как говорится, рукой подать, но глубокий, разбухший от дождей овраг преграждал к нему путь. На краю оврага стояли Михаил и Юрий Галак, партгруппорг, с блокнотами. По дну оврага, с трудом поднимая набухшие сапоги, ходили трое во главе с бетонщиком Витей Хвостенко и мерили что-то землерейным метром.

— Шесть! — доносилось снизу. — Четырнадцать!

Михаил и Юрий записывали и тихо переговаривались:

— Не-е, Миша, это без меня!.. Воровство же... И потом ригели эти для чердачного перекрытия предназначены, а ты их в мост. — Семь с половиной от правой до левой, — крикнули снизу.

— Ясно! — крикнул Михаил и записал. — В том-то и дело, что для крыши, а Федоренко еще и котлован не начинал. Это факт установленный, сам смотрел... Ему ригели эти, дай бог, месяца через два понадобятся.

— Восемь с половиной... нет, пишите девять, — донеслось из оврага.

— А я, — продолжал Михаил, — еще до поездки в Киев Жарову заказ подал. Обещали через полтора месяца...

— Нет, не дело, — талдычил Юрий. — Не пойду я на это. Знаешь, по закону «вредности» — лежит вещь, вроде и не нужна никому, а возьми ее, сразу крик: куда? зачем? кто разрешил?

— Это верно, — согласно вздохнул Михаил. — Я хотел через пару недель вернуть, а Жаров ни в какую. Мы с ним с некоторых пор на вы.

— Ну, как дела? — К ним подошел Козельков.

— Заканчиваем, — ответил Юрий.

Михаил вдруг присел на подвернувшийся камень, и взгляд его устремился на Козелькова.

— Ты чего? — спросил звеньевой.

— Слушай, у тебя племян, по «Жигулям» который... Он ведь по-корешам с Жаровым, а?

— Ну?

— Не понял?

— А-а... Можно попробовать.

— Зря ты, Миша, затеял это дело и других впутываешь. Мне, партгруппоргу, это совсем не к лицу... Пойми, не по закону все это, не по правилам.

— Если ты комиссар, лучше бы подумал, как эти правила повернуть, чтоб они работать не мешали. — Михаил вскочил, забежал. — Ты знаешь, во сколько нам этот мост обойдется? Гроши! Ну шестьсот, ну восемьсот рублей!

— Не дороже, — поддержал его Козельков.

— У нас подряд на два миллиона, а мы по собственному разумению шестьсот рублей не можем истратить. Для пользы дела! — Он перевел дух. — Ничего не делать, но чтоб по правилам, это мы умеем!.. Ладно... Ты лучше скажи, как мост собирать будем?

— Собрать-то мы его соберем, — вздохнул Юрий. — А вот расчеты как? Сопромат там всякий. Техника безопасности. Все-таки

тонн по двадцать машинки бегать будут.

— Вон «сопромат» бежит, — Михаил кивнул на бегущего к ним Гришу Гойду.

— Согласился доцент, — доложил он. — Черновые расчеты буду делать я, а главное — Юрий Львович.

— Надо бы старика как-нибудь отблагодарить, — предложил Козельков.

— А я ему авансом весь отпуск под «Жигулями» отлежал, — улыбнулся Гриша. — Все в порядке.

Счастлив тот, кого миновал вирус автолюбительства. В длинной унылой очереди на станции техобслуживания «Жигулей» таких, естественно, не было.

Михаил и Козельков прошли вдоль вереницы страждущих водителей прямо в цех. Козельков заглянул в «яму», кого-то окликнул. Из-под машины вылез чумазый парень небольшого роста в грязном халате на голое тело. Лицо его было недовольным, но тут же расцвело широкой улыбкой. Кивнул — сейчас, мол, — и снова скрылся под машиной.

В суматохе рабочей карусели на стройплощадке «Жигули» племянника казались праздным гостем, путающимся под ногами у занятых хозяев — огромных КРАЗов, БЕЛАЗов...

Племянник за рулем своей машины был невозмутим. Выглядел он неузнаваемо — весь «джинсовый», «хиповый». Казалось, круговерть стройки для него такое же знакомое дело, как хитросплетение электросистем автомобиля.

Козельков на переднем сиденье сутулился, боясь удариться о потолок. Михаил сзади опустил кепку на самые глаза, притворился спящим.

Машина свернула за корпус одного из цехов и пропала в клубах пара...

В приемной несколько человек безуспешно пытались прорваться к директору завода. Но секретарь была неумолима.

— У себя? — лениво спросил племянник, отстраняя кого-то от двери.

— Да-да, пожалуйста, Николай Константинович, — расцвела в улыбке секретарша.

Директор в кабинете был не один. У стола сидел пожилой усталый мужчина. Увидев вошедших, хозяин кабинета вышел из-за стола.

— Здравствуй, Коля. Присаживайтесь, товарищи.

— Вот, гостей привез, Федя. Дело у них к тебе...

— Я, Федор Павлович, зайду позже. — Мужчина поспешно собрал разложенные бумаги и ретировался.

Племянник прошелся по кабинету, стукнул походя по стеклу барометра:

— От давит, гроза будет...

Директор стоял у стола, следя за перемещением гостя. Михаила и Козелькова он оставил без внимания, и они скромно уселись у стенки.

— Как дела, Федя? — спросил племянник, продолжая дефилировать.

— Голова, Коля, раскалывается.

— Надо уметь расслабляться, всех дел не переделаешь... Ну и духота...

Директор подошел к стенке, отодвинул одну из панелей — за ней был холодильник. Достал две бутылки боржоми. Из соседнего отделения вытащил фужеры.

— Рюмочки прихвати, — попросил племянник.

Михаил молча встал, достал из портфеля бутылку коньяка, рассыпал по длинному столу заседаний кулек трюфелей, положил лимон.

Племянник взял бутылку, поморщился, словно нехотя сказал:

— Звонил я этому товарищу.

— Ой, спасибо! — обрадовался директор. — И что?

— В Сочи ехать не советует. Народу в сентябре тьма и пляж каменный... И вообще, товарищ Жаров, отдыхать лучше всего в Ниде. Но если твой начальник непременно хочет на Черное море, устроим его в Дом

писателей, в Гагры. Путевки с двадцатого сентября.

— По гроб жизни, Коля!

— Мелочь... Дядя Сень, подсаживайтесь, — пригласил племянник. — Что вы, как бедный родственник, в угол забились?

Козельков нехотя поднялся, медленно подошел к столу. Племянник сорвал с бутылки пробку, разлил по рюмкам коньяк.

— Ну что, товарищ Степчак, — благодушно проговорил Жаров. — Не плюй в колодец, пригодится... Он у меня, Коля, в прошлом году ой как много крови попил! Плиты он у меня забраковал, целую партию...

— Это факт не установленный! — рассердился вдруг Михаил. — Плиты не я забраковал, а тот, кто их такими выпустил. Я их только в дело не пустил. И никогда не пущу! Потому что лично отвечаю.

— Да вы, Степчак, чуть завод премии не лишили! — возмутился директор.

— А пусть ваш завод работает как следует.

Директор в упор посмотрел на Михаила и поставил рюмку.

— Мой принцип — важные вопросы решать без... этого. Что вам надó, Степчак? — холодно спросил он.

Михаил тоже поставил рюмку.

— Восемь штук ригелей через две недели.

— Об этом не может быть и речи!

— Надо сделать, Федя, — не то попросил, не то приказал племянник и приподнял рюмку повыше: — Ну, за мирное существование.

Заметно изменился вид котлована — гуще стала вязь арматуры, появились новые монолитные башмаки, подколонники... Шла пересменка — одно звено передавало работы другому.

— И еще один вопрос, — сказал Юрий Галак. — В бригаду поступило заявление от Сергея Ивановича Степчака. Просится к нам. Отслужил на флоте, сварщик третье-

го разряда, парень ничего... Ну, кто что скажет? Бригадир?

— Да мне вроде неудобно, — пожал плечами Михаил.

— Семен Алексееч?

— Ему тоже неудобно, — засмеялись все вокруг.

— Чё это мне неудобно? — насутился Козельков.

— Как-никак зять будущий! — крикнул Гриша.

— Ты, Гришка, эти глупости брось! Зять не зять, это их дело. — Звеньевой встал. — Сережку знаю сызмальства. Парень хороший, и специальность дефицитная.

— А где он сам?

— В конторке сидит, — ответил Михаил. — Нечего ему пока здесь делать.

— Так какие будут мнения? — спросил Юрий.

— Взять с испытательным сроком, — предложил Витя Хвостенко.

— Что же, — согласился Михаил, — пусть месяца три-четыре поработает, а там решим.

— Испытательный срок по закону — один месяц, — возразил Юрий.

— Ну, это факт не установленный. Внезем, так сказать, поправку в закон. — Михаил тоже встал. — Узнать человека надо, а три месяца все-таки срок. Давайте головосовать...

... Расшвыривая по сторонам грязь, к котловану неся «газик». Остановился у схода. Из машины выскочил Артемов. Он с трудом сдерживал ярость. Михаил поздоровался:

— Здравсте, Анатолий Николаич, с приездом!

— Вы мне нужны, Михал Иванович, — не оглядываясь, Артемов зашагал от котлована так быстро, что Михаил поспешил за ним вприпрыжку. Крикнул на бегу:

— Юра! Папочку с тесемками, мигом!

... «Газик» остановился у знакомого оврага. Вдали дымил бетонный завод, журчала на дне вода... Только тишины уже не было — взад-вперед пробегали по добротному

сделанному, хоть и неказистому на вид мосту МАЗы.

— Откуда мост? — У Артемова зайграли на скалах желваки.

— В первый раз вижу, — удивился Михаил.

— Не надо, Михал Иванович! — закричал Артемов. — Ну прошу, не надо! Не надо!

— Спокойно, Толя, — Михаил слегка опешил от внезапного крика начальника, но тут же справился с собой, спокойно спросил: — Ты скажи мне лучше, нужен мост или нет?

— Допустим, нужен. Но делать все надо по-человечески!

— Делов-то тут... всего ничего! Мосток через канаву, два дня работы. А по-человечески — это строительный объект стоимостью в двадцать тысяч! — Он прицелился загнать пальцы. — Изыскательные работы, проектирование, привязка, экспертиза, плановые фонды и... еще сорок статей! Когда бы мы этот мост построили, и кто бы нам его разрешил? В Киев пришлось бы писать. А тут делов-то всего ничего... Из подручных средств.

— Все-таки надо было у меня хоть разрешение спросить, — Артемов постепенно успокаивался. — Я ведь тут не для мебели.

— А ты бы не разрешил.

— Неизвестно!

— Известно. А разрешение, строгий выговор бы схлопотал за самоуправство.

— А вы думаете, без выговора обойдетесь?

— Не обойдусь. Но, во-первых, не строгий, а во-вторых, от тебя. Это дело как бы семейное...

— Ну вот что, — Артемов поправил очки, — для начала я этот мост закрываю, пока не рухнул. Под суд из-за вашей самодельности идти не хочу.

— А это факт не установленный. — Михаил раскрыл папку, протянул Анатолию. — Прежде чем делать, думали, советовались. Тут все... Даже подпись инспектора ГАИ...

Артемов листал папку.

— А ригели где взяли?

— Через неделю будут лежать, где лежали, гнить, как гнили.

— Мост разберете? — усмехнулся Артемов.

— Зачем? Новые привезем. Вот наряд и подпись Жарова...

— М-да-а, — только и сказал Артемов. — Вы разрешите, Михал Иванович, я эту папку возьму на время...

— Зачем? — насторожился Михаил.

— Хочу ума-разума набраться. Как из ничего мосты делать. — Артемов завязал папку и двинулся к машине. — А выговор вы все-таки получите! — крикнул он, садясь в машину.

— Это уже как водится, — развел руками Михаил. — Нечто мы не понимаем...

Через море лебеди летят,
А за курунем на старых лодках
В гимнастерках и косоворотках
Рыбаки усталые сидят,—

пела красивым, хотя и небольшим голосом девушка в сопровождении ВИА дворца строителей. Ансамбль безбожно перевернул мелодию.

В последнем ряду темного зала сидел Сергей и болезненно морщился, особенно, когда брал аккорды руководитель ансамбля, «гитара-альт».

— Стоп-стоп! — остановил ансамбль руководитель, почувствовав своим далеко не тонким слухом, что начался «раскосец». — Светлана, ты торопишься! — трагически воскликнул он, обращаясь к солистке. — Ты нас загнала!

— Это вы ее загнали! — не выдержал Сергей и, пробежав через пустоту зала, вскочил на сцену. — Дай-ка! — Он почти выхватил гитару, взял несколько аккордов, подстроил инструмент. — Помолчите все. — Подошел к Свете: — Следи за мной... — Он тронул струны и заиграл вступление...

Через море лебеди летят,
А за курунем на старых лодках
В гимнастерках и косоворотках
Рыбаки усталые сидят.
Посреди огромной тишины...

И вдруг в песню вступил Сергей:

Каждый звук — как капля пролитая.
Лебеди беззвучно пролетают,
Отделяя тучу от волн...

Дует их слитно, в унисон, продолжил рассказ о родине, с которой так надолго пришлось расстаться, но которая уже совсем близко... И прочь тоску-разлуку, теперь мы будем вместе. Навсегда! Затих последний аккорд.

Светлана повернулась к Сергею. Он смутился под ее ошеломленным взглядом, протянул гитару руководителю:

— Я с вами займусь на досуге. Пошли, Света...

— Репетиция не окончена.

— Когда надо будет, она споет. А вы пока играть поучитесь...

... Они шли по темной пустынной улице.

— Ты у меня самый-самый, — говорила Светлана, прижимаясь к влажному бушлату.

— Да уж, лабухи твои не подарок. Ликбез провинциальный...

— Прохор старается...

— Прохору твоему медведь на ухо наступил, — отрезал Сергей. — А ты молодец, Светка!

— Это я сегодня вдруг... Никогда еще... Это ты...

Он остановился резко — будто споткнулся. Развернул ее к себе, обнял и поцеловал. Долго, запойно...

— Подожди, Сережа, — хватая воздух, пробормотала она.

Он отпустил ее, поморщился. Подул на ладони...

— Больно? — счастливо спросила она, разглядывая кровавые мозоли на его руках.

— Ерунда, втянусь... Первые сто лет трудно, потом, говорят, привыкнешь. — Он опять притянул ее к себе.

— Ты...

— Что?

— Так...

Шаги их глухо отдавались в пустоте улицы. Они молчали. Сергей шел, упрямо глядя вперед. Она не видела ничего...

Они подошли к дому, очень похожему на степчаковский, — такой же невысокий забор из штакетника перед фасадом, за домом сад.

Она подняла глаза. Он, не мигая, смотрел на нее... Привлек к себе, стал мягко гладить ее волосы. Она отпрянула от него, впилилась в него взглядом...

На соседнем дворе горела яркая лампа, играл забытый магнитофон на опустевшем столе...

— Тебе-то что? — говорил один силуэт на стене дома другому. — Тебе бетон по степчаковскому мосту теперь гонят. А мне как возили в объезд, так и возят...

Светлана осторожно шла вдоль забора, увлекая за собой Сергея. Отодвинула доску, проскользнула в сад... В глубине его остановилась перед небольшим флигелечком, прислушалась...

Она снова привлек ее к себе.

— Подожди, Сереженька. — Она вывернулась из его объятий, достала с притолоки ключ. Осторожно открыла дверь и шагнула вперед, в темноту... Сергей за ней...

Упругая огненная струя ударила в прут арматуры, и он распался надвое.

Михаил внимательно следил за работой Сергея.

— Ну что ж, факт установленный. — Михаил удовлетворенно кивнул. — Руки у тебя растут из нужного места. Порядок, братишка.

Михаила окликнули, он поднял голову и на гребне котлована увидел группу строителей — в темных комбинезонах, касках, тяжелые цепи свисают с монтажных поясов.

— Привет, кружевницы! — крикнул один из них. — Как там в земле, не сыро?

— А там? — Михаил кивнул в небо. — Не сифонит? Насморка нет?

— Все живы-здоровы, на аппетит не жалуемся. — Один из монтажников похлопал себя по мощной груди и довольно загоготал.

— Ничего, скоро похудеете, — пообещал Михаил. — Через двадцать восемь дней

сдадим фундамент и милости просим на монтаж!

— Какие двадцать восемь? — монтажник удивленно уставился на Михаила. — Мы ж завтра на четвертую подстанцию едем. Это месяца на два, не меньше.

— А ко мне когда?

— У них кончим и к тебе. Через два месяца, по плану.

— По какому плану? Вы что, сдурели? — И Михаил вдруг бросился через котлован.

— Надо, Кузьма Иванович, позарез, — умолял кого-то по телефону в своем кабинете Артемов.

Михаил сидел перед столом и в отчаянии вертел на голове кепку.

— Это я понимаю... Но ведь есть еще и социалистические обязательства, мы всю подстанцию хотим к седьмому ноября сдать! С этим тоже как-то надо считаться. Я понимаю.... Ну, спасибо. — Артемов положил трубку, встал, прошелся по кабинету, остановился напротив Михаила. С силой ударил себя по загривку:

— Вот где у меня ваша гонка, Михаил Иванович!

Михаил виновато, исподлобья глянул на Артемова:

— Что делать будем, Анатолий Николаич?

— Не знаю. — Артемов сорвал трубку, с ожесточением набрал еще один номер. — Электромонтаж? Мне Вахрушева... Борис Александрович, здрасте, это Артемов из четвертого СУ. Борис Александрович, выручайте! Позарез нужна бригада электромонтажников на восьмую подстанцию... Нет, дней через двадцать восемь. Никак?.. Я понимаю... Всего доброго, Борис Александрович...

— Что я ребятам скажу? — выдавил из себя Михаил.

Сидели, угрюмо молчали. Зазвонил телефон.

— Артемов! Да-да, Борис Александрович! Так-так!.. Нет, это нереально, не успеет он.

— А что? — всполошился Михаил.

— Через две недели... — прошептал Артемов.

— За две недели нам фундамент не кончить, — покачал головой Михаил.

— Нет, не может. А если эту бригаду придержать? Да мы бы им простой оплатили, нам это выгоднее... Я понимаю... — Артемов прикрыл трубку, спросил Михаила: — Ну что?

Тот сидел, уперев в виски кончики пальцев. Глаза его были устремлены в угол кабинета, лицо заострилось.

— Я вам перезвоню, Борис Александрович, — сказал Артемов.

— Вопрос, товарищи, стоит так... — Никогда еще Михаил не был таким медлительным, не искал с таким трудом слова. — Или закончим фундаменты под монтаж через две недели, или будем месяц стоять.

— Не успеем, Михаил Иванович, — раздался голос Гриши Гойды.

Бригада зашевелилась, послышались голоса:

— Чего размазывать друг у друга сопли на груди, надо попробовать!

— Попробовать, конечно, можно, но реальность говорит другое.

— За яблочко нас взяла реальность!

— Предлагаю перейти на трехсменную работу без выходных, — приподнялся партгруппуор Юрий Галак.

— Это дело нехитрое, — вздохнул Козельков.

— Тут одним «ура» не возьмешь, — поднялся Михаил. — Тут думать надо... Есть у меня пара мыслей...

Между двумя еще не заселенными домами появился грузовик, в кузове которого тряслись Михаил, Юрий Галак, Гриша Гойда и еще несколько человек из бригады. Вылезли. Прошли через частокон железобетонных свай. Трое парней отбойными молотками скалывали «огарыши» — свайные верхушки, и множество обрубков валялось вокруг.

Заметив гостей, прораб пошел навстречу:
— Каким ветром, Михаил Иванович?

Сердечно поздоровались — было видно, что знают друг друга давно и хорошо.

— Ехал мимо, вижу, беспорядок у тебя. Мусор не вывезен, — Михаил кивнул на «огарыши».

— Людей не хватает, Миша.

— Я и подумал, может, наняться, помочь старому другу.

— Тебе что, делать нечего?

— Да получается так...

— Нет, ты серьезно?

— Прямо хоть сейчас начнем!

— Темнишь, Миша!

— Так берешь или нет? Смотри, какие хлопцы! В два счета уберем — и мусор, и «огарыши».

— У меня крана нет, — сознался прораб.

— Кран мы мигом найдем. Машины дашь?

— Машины дам. Только учти: таких расценочек, как у вас, у меня нет. Заплачу по минимуму, как за уборку строительного мусора.

— Идет! — И они ударили по рукам.

Еще шире стал фронт работ. В одном углу котлована устанавливали опалубку, в другом вязали арматуру... Как только появилась машина с бетоном, часть звена переключилась на его приемку и укладку. В фундамент укладывали массивные «огарыши», экономя бетон.

На приемке «огарышей» стоял Сергей. Упираясь в брус, командовал:

— Майна! Еще майна! Чуть вира! Стоп!

Он уже освоился в бригаде, выглядел, как все, — комбинезон, каска, сапоги; только полосатый треугольник тельняшки у горла напоминал о прошлом...

Давно уже уложили бетон, а новый самосвал все не появлялся.

— Это не работа! — в отчаянии махнул рукой Витя Хвостенко. — В час по чайной ложке...

— Не стони, без тебя тошно, — нахмурился Козельков. — Ну нет машин!

Наконец пришел еще один МАЗ. На бетон набросились с яростью. И опять затишье...

— Отправили бы и нас вместе с машинами на картошку, — вздохнул кто-то. — Все дело, чем так-то сидеть...

Михаил поднялся, потеребил каску и молча пошел из котлована. У штабелей встретил девчонку, вчерашнюю десятиклассницу и парня.

— Не подскажите, где можно найти Сережу Степачка? — спросили они у бригадира.

— Вон загорает. — Михаил показал на Сергея, сидящего на огромном штабеле «огарышей», приготовленных для укладки.

— Здравствуйте, Сережа, — поздоровалась с ним девчонка. — Вы почему вчера не пришли на заседание культмассовой комиссии?

— Не мог... Устал...

— Ты меня удивляешь, Степчак, — важно сказал парень. — Как руководитель инструментального ансамбля ты являешься членом комиссии и обязан присутствовать на заседаниях. Мы составляли план концертов, а тебя не было.

— Ну и как, составил? — Хвостенко незаметно подмигнул Сергею.

— Что?

— План концертов?

— Составили, — тон парня был по-прежнему серьезен. — И по этому плану ты завтра выступаешь в обеденный перерыв на третьем участке.

— Выступаешь с духовной пищей. Вместо обеда! — важно поднял палец Хвостенко.

— Пожалуйста, не иронизируйте, — набросилась на него девчонка. — Сережа никогда не отказывается от комсомольских поручений. Не то что вы, Хвостенко.

— Я не могу, — растерянно сказал Сергей. — У меня завтра смена.

— Это важное политическое мероприятие!

— Я не против, но ведь работа...

— Поговорите с бригадиром, он должен вас понять, — подсказала девчонка. — Есть, в конце концов, приказ управляющего трестом.

— Чего ты мучаешься? — спросил Козельков. — Дело нужное. Отработаешь в ночь. Я предупреджу бригадира...

Михаил ворвался в кабинет Артемова, с трудом сдерживая себя.

— Через восемь дней монтажники приезжают, а мы стоим. Дадим телеграмму, откажемся, чё людям голову морочить? И вообще давайте откажемся и от подряда, и от ссодобязательств! Выходит, только бригаде это нужно.

— У меня четырнадцать машин на картошку взяли, вы это отлично знаете. Не могу я из-за ваших непродуманных обязательств останавливать всю стройку. Не могу! И не буду! Все, разговор окончен!

— Не-ет, не окончен! — Михаил бросился к телефону, стал набирать номер. — Разговор только начинается... Это райком? Добрый день, вас беспокоит бригадир из четвертого СУ Степчак. Я хотел бы поговорить с Семен Витальевичем.

Артемов молча наблюдал за Михаилом.

— Семен Витальевич! Здравствуйте, это Степчак. Вы не могли бы принять меня?.. До завтра терпит... Спасибо, до свидания. — Михаил положил трубку. — Вот так! До завтра отложим разговор... В котловане! В присутствии секретаря райкома партии. — Михаил вышел, хлопнув дверью.

Щелкнул замок, и в прихожую вошли Михаил с Сергеем.

— Раздевайся!

— Да мне, Миша, через час на репетицию, — начал было Сергей, но Михаил решительно снял с брата плащ, подтолкнул в комнату.

— Поешь и побежишь.

В комнату выскочил Костя, сын Михаила.

— Здравствуйте, дядя Сережа. Ты чё, пап, заболел?

— С чего ты взял?

— А чё так рано?

Михаил вздохнул:

— Чем занимаешься?

— Да так...

— Уроки сделал?

— Ага, — шмыгнул носом сын.

— А ну, покажи.

— Меня ребята ждут...

— Подождут! Все. Константин, не выйдешь, пока не сделаешь. Факт установленный!.. Пошли, Серега, кормить буду...

Они вошли в кухню. Михаил открыл холодильник.

В своей комнате сын пытался собраться с мыслями: по-отцовски приоткрыл рот, смотрел в окно. Думал... Погрыз ручку... Вдруг скорчил самому себе рожу и начал быстро-быстро писать.

Братья на кухне перекусывали.

— Ну, как тебе в бригаде? — осторожно спросил Михаил.

— Работать можно...

— Значит, не нравится.

— Почему?.. Вкальвают не за страх, а за совесть. — Сергей пожал плечами. — Каждая минута на учете... И все считают! Гришка, тот совсем того — старые гвозди выпрямляет. Говорит мне вчера: «Мы с тобой на этом четыре килограмма сэкономили». И радуется. Не рабочий, а бухгалтер, очень материально заинтересованный...

— Ничего ты, Серега, не понял. Материальная заинтересованность — это тоже важно.

— Еще бы...

— Но это не все. Главное, подряд думать все время заставляет.

— Скорее крутиться как белка в колесе.

— Не крутиться, Серега, думать! Раньше точно вкальвал — сделал, скажем, фундамент или стену выгнал в небо и умыл руки. Там хоть трава не расти. А сейчас... Подстанция эта, она же наша. Моя от начала до конца... — Михаил не мог найти нужного слова. — Ну... как ребенок! — Он обрадовался удачному сравнению. — От самого рождения. Мой он! Улыбается — и я улыбаюсь. Кричит, заболело что, и я не сплю, лекарства ищу, врачей. Вся бригада так! Утром встаешь и думаешь: ну, как он там, ребенок наш, чё ему сегодня надо? И ви-

дишь, как растет, чѐ получается. Интересно! И работать интересно, и жить. Ты ее целиком не видишь, подстанцию, потому и не понимаешь...

— Понимаю...

Михаил встал, собрал со стола тарелки, составил в раковину. Протянул брату полотенце — вытирать чистые.

— Ну, как у вас со Светой?

— Нормально...

— Пап! Решил! — вбежал на кухню Костя.

Михаил заглянул в тетрадку, проверил и вздохнул:

— Я тебе с самого начала говорил, Константин, не будет у тебя нянек. Решил же! Над душой стоять надо?

— Побегал я! — не дослушав нравоучения отца, Костя стремительно исчез.

— И я пойду. Спасибо, Миша.

— Так ты мне не ответил.

— Что?

— Как у тебя со Светланой...

— Я же сказал, нормально.

— Когда свадьба?

Сергей пожал плечами.

— Не любишь, что ли?

— Люблю. — Сергей вскинул голову, в упор посмотрел на брата. Медленно, но твердо повторил: — Люблю.

— Она, что ли, не хочет?

— Да нет, вроде согласна...

— Так в чем же дело?

Сергей помолчал, пожал плечами:

— Да рановато мне жениться...

— Не любишь ты ее... Это факт установленный, и не морочь девке голову! — возмутился Михаил.

— Да люблю я ее. Люблю!

— Ну вот что, таскаться со Светкой просто так я тебе не дам! Ты давай разберись. А пока не разберешься, чтоб я тебя возле Светки не видел!

Сергей молча кивнул и ушел. Михаил постоял, подошел к раковине, принялся мыть посуду.

Снова хлопнула входная дверь, и в при-

хожей раздался громкий голос жены и крик сына:

— Он сам первый!

В кухню влетела Лида и показала на растерзанного Костю:

— Полюбуйся на свое чадо! Он бил Генку Федоренко. Как дикарь!

— В чем дело? — строго спросил сына Михаил. — Вытри сопли и говори по порядку.

— Мы менялись, — утирая слезы, начал сын. — Я ему дал три марки «Союз-Аполлон», а он мне всего одну жвачку за это! А я ему сказал: фиг!

— А ну, пошли!

— Ты что? — забеспокоилась Лида.

— Не ходи за нами, мать, — строго приказал Михаил и, вцепившись в ухо сына, вывел его из комнаты.

— Папа! За что? Я не виноват! Я честно! Папа-а!

— И чтоб никаких мен и размен! — слышался голос Михаила. — Ни честно, ни не честно!

Лида опустила на табурет, уткнула лицо в ладони. Плечи ее затряслись. Сквозь рыдания доносилось:

— Воспитатель, называется... Бригаду ему доверили...

На стройплощадке шел концерт. На высоком штабеле панелей играл ансамбль во главе с Сергеем. Светлана пела:

Нет, мы живем не сами по себе,
Мы в чьей-нибудь да значимся судьбе.
А не в судьбе, так в чем-нибудь ином —
Ведь с кем-то же и плачем, и поем,
И делим хлеб и кров...

Десятка три строителей расселись кто где, пообедали и слушали песню.

Но слишком много
За суетою скрыто, и порой
До истины всю жизнь ведет дорога,
Хоть истина живет не за горой...

Начальник участка посмотрел на часы, постучал по циферблату. Руководитель агитбригады, парень, что приходил с девушкой в котлован, кивнул.

Хотя она открыта и проста,
 Как дождь и снег,
 Как влажный лист с куста:
 В запасе нету времени у нас,
 Все — в первый раз
 И все — в последний раз!

Строители заплодировали и дружно стали подниматься.

— Скорее, скорее, ребята! — торопил членов агитбригады руководитель. — Нас ждут в бригаде Федосова. Они специально прерыв перенесли...

...В автобусе царило оживление: участники концерта обсуждали его перипетии, промахи и удачи.

Сергей и Светлана, тесно прижавшись, изредка бросали друг на друга взгляды, при которых слова были не нужны...

Секретарь райкома Семен Витальевич, высокий, плечистый мужчина, широко, морской развалочкой шагал по котловану. Рядом шли Ярошенко и Артемов.

— Здравия желаю, Михаил Иванович, — секретарь райкома протянул Михаилу руку. — Что случилось?

— Через неделю фундаменты под монтаж сдавать, а меня без машины оставили.

Секретарь райкома молча повернулся к Ярошенко.

— Мы, Семен Витальевич, пятьдесят машин отправили в село, — пояснил Иван.

— Голод с машинами не только у Степача, — добавил Артемов.

— Тебя это объяснение устраивает, Михаил Иванович? — спросил секретарь райкома.

— Объяснение устраивает, а что машин нет — не устраивает.

— Серьезный ты собеседник, товарищ Степач, — усмехнулся секретарь райкома. — Тебе три коммуниста клятвенно говорят: нет машин. Стройка может немного подождать, а вот картошка в поле — нет. Так что извини, Михаил Иванович, машин действительно нет!

— Это факт не установленный... Есть машины. У директора завода. У Коссовского.

Секретарь рассмеялся.

— Что ж ты эту мысль Ивану Петровичу не подал?

— Бесполезно. Коссовский ему бы машины не дал. И Артемову бы не дал. И мне.

— А мне, значит, даст?

— А вам даст. С десятка просите. — Михаил прищурился. — Мне за идею пяток. Верно, Анатолий Николаич?

— Две, — коротко отрезал Артемов.

— Ну, хоть три дай, Анатолий, — примирительно попросил Иван Петрович.

— Заслужил Степач три машины, — присоединился к нему секретарь райкома. — Да-а, хороши мы — стоим, делим шкуру неубитого медведя... Ну, добро, меня вы угоривали. Осталось уговорить князя Бабарыкина.

Они зашагали по котловану дальше, а Михаил, довольный собой, улыбался им вслед.

На проходной Сергей и Гриша предъявили пропуска и направились мимо цехов завода. Они шли неторопливо — еще было время до начала второй смены. Вокруг все шипело, визжало, ухало — завод варил чугун и сталь, катал прокат и рельсы.

— Ты чё, со Светкой поссорился? — спросил Гриша, заметив, что друг идет мрачный и насупленный.

— С чего ты взял?

— Да я вижу. И она ходит потерянная, и ты как мертвый.

— Михаил прав — так больше нельзя. Расстаться нам надо... Или жениться...

— А, может, тебе и правда жениться?

Сергей помолчал, ответил не сразу:

— Жениться, Гриша, это на себе крест поставить. Жена, дети, квартира. «Работа-забота» — и нет человека. А я прежде понять должен, что к чему. Институт кончить... Я Светку люблю, но понимаешь...

— Простовата она?

— Да есть... Но не это главное. Так просто не объяснишь...

— Мудришь ты, Сережка. Как-то это все у тебя от головы, от ума...

— Без ума, конечно, легче, но себе дороже. Так уж лучше с умом...

Почти у самых сходен что-то происходило. Сергей и Гриша пробирались через плотную стену людей. В центре круга стоял Виктор Хвостенко. Рядом серела бетонная куча — бесполезная, схваченная уже холодом земли.

— Сморило, ребята! Секунду всего... Честное слово, не хотел...

Бригада молчала. Все сурово смотрели на бетонщика. Сергей поискал глазами брата — бригадира в котловане не было.

Виктор растерянно оглядел товарищей, медленно достал из кармана десятку:

— В общий фонд... На бетон...

— Спрячь ты ее!

— Людей не смей...

— Со всяким бывает.

— И нос не вешай, — сказал партгрупорг Юра Галак. — Не для того мы, Витя, за руки взялись, чтобы опускать их из-за десятки! По местам, ребята!

В кабинете начальника УКСа «Югстали» Вахтанга Джалагонии наперегонки звонили телефоны. По одному аппарату хозяин кабинета слушал, другой залиристо надрывался, а третья трубка лежала на столе, и из нее доносился громкий умоляющий голос.

— Объясните ему сами. — Джалагония положил трубки «валетом», послушал, общаются ли абоненты, и, удовлетворенно хмыкнув, поднял настойчиво-нетерпеливую трубку.

— Джалагония! Нет!.. Нет!.. До свидания! — Он положил трубку и улыбнулся, показывая виновато на телефоны. — Народ у меня, извините.

— Тяжело, Вахтанг Нодарович, — сочувственно вздохнул Михаил. — Вы просили напомнить после двадцатого...

— О чем напомнить?

— Насчет электрообудования для восьмой подстанции.

— Все в порядке, товарищ Степчак. Обрудование будет!

— Когда, Вахтанг Нодарович?

— Когда надо, тогда и будет! — воскликнул Джалагония. — В срок.

— Так в том-то и дело, что надо на две недели раньше.

— Об этом и речи быть не может. Благодарю Джалагонию, если в срок будет.

— Как же так, Вахтанг Нодарович, вы же обещали помочь.

— Я человек точный. — Джалагония услышал в лежащих трубках гудки, положил их по местам. — И у меня железная память. Я обещал не помочь, а попробовать помочь. — Опять раздалось сразу два звонка. — Извини, дорогой, народ у меня...

Михаил вышел из кабинета, прошелся по коридору. Остановился перед аккуратно обитой дверью с надписью: «Приемная». Толкнул дверь.

В приемной сидело несколько необычных посетителей: женщина с маленьким ребенком, супружеская чета ветеранов при орденах и медалях, бойкий молодой человек с кожаной папкой.

— Вам что, товарищ? — спросил Михаила секретарь.

— Мне бы к директору завода.

— У товарища Коссовского сегодня прием по личным вопросам.

— Я тоже по личному.

— Боюсь, ничего не получится. — Она показала на ожидающих, приподняла листок. — Видите, сколько записано.

— Я подожду...

...За окнами стемнело, зажглись огни. В опустевшей приемной Михаил был один. Вышла из кабинета секретарь:

— У вас семь минут, товарищ Степчак, войдите...

Кабинет директора «Югстали» походил на небольшой актывый зал.

— Ты чего пришел? — донесся до Михаила голос из-за светлого пятна настольной лампы. — Своего начальства нет?

— Да начальства вроде хватает...

— Так чего же ко мне?

— Хочу для вас доброе дело сделать...

Ярко вспыхнул в кабинете свет, и Михаил разглядел за столом его хозяина — родного седого старика с умными, хитрыми глазами.

— Ну, одно доброе дело ты уже сделал — забрал у меня десять машин.

— Это факт не установленный. При чем здесь я?

— Под тебя забрали. Говорят, для Степачака.

— И опять факт не установленный! Не для меня, Кирилл Матвеевич, а для вас. Подстанцию-то мы для вас строим.

— Кофе хочешь?

— Не пью.

— И что за доброе дело у тебя?

— Да вот, подстанцию хотим на месяц раньше сдать.

— Да что мне твоя подстанция! — пренебрежительно махнул директор. — Вот если бы весь стан сдать досрочно... Или хотя бы в срок. А подстанция мне без разницы.

— А деньги? — тихо спросил Михаил. — Семьдесят тысяч экономии.

— Это для меня пустяки, — отмахнулся директор.

Михаил встал и молча направился к выходу.

— погоди! Ты что, обиделся?

Михаил остановился в дверях, обернулся:

— Да нет, просто удивляюсь. Капиталист копейку из горла выдерет, а вам семьдесят тысяч — пустяк. Правда, у того деньги личные, а здесь — народные...

Коссовский вышел из-за стола, пошел к Михаилу:

— Ладно, давай без демагогии, чего хочешь?

— Я же сказал: хочу сдать подстанцию досрочно.

— Сдавай, кто тебе мешает?

— Так электрооборудование мне тоже нужно досрочно...

— Ты с Вахтангом говорил? — Коссовский увлек Михаила обратно к столу.

Михаил вздохнул и отвернулся.

— Понятно. — Коссовский склонился над селектором, нажал на одну из кнопок. — Ва-

лентина, соедините меня с Подольском, с Петровым... Ну вот, — недовольно пробурчал Коссовский, — у меня сегодня прием трудящихся по личным вопросам, а я с тобой занимаюсь...

— А я и мои хлопцы, значит, не трудящиеся? — парировал Михаил. — Вопрос у нас личный... И морально, и материально! Так что, Кирилл Матвеевич, считайте, что у вас на приеме сейчас тридцать шесть трудящихся по личному вопросу.

— Директор электромеханического товарищ Петров у телефона, — раздался голос секретаря.

— Здравствуй, Антон! Я насчет оборудования. Не можешь один комплект отгрузить досрочно? Ну, через неделю... А если севергородский комплект мне? Может, им не к спеху... — Коссовский взглянул на Михаила.

Тот умоляюще сложил руки на груди.

— Считай, что моя личная просьба, — добавил Коссовский. — Ну, спасибо!.. Бывай! — Коссовский положил трубку, прищурился. — Это ж не гайки! План у Петрова, как у всех — под завязку, каждый комплект на учете у министра. А ты как думал?

Михаил, не мигая, смотрел на Коссовского.

— Что ты на меня смотришь? Министру, что ли, по этому поводу звонить?

— Можно и не звонить, если для министра семьдесят тысяч государственных денег тоже пустяк, — пожал плечами Михаил.

— До чего же ты вредный мужик! — уже не на шутку начал сердиться Коссовский. — Как с тобой жена живет? — И он поднял трубку белого, отдельно стоящего телефона.

— Мучается, — облегченно вздохнул Михаил.

Ночью на стройке потише, чем днем. Но выглядят она красивее. В подсвеченное небо уходят скелеты каркасов, не так часты огни электросварки, но вспышки их ярче. Голоса диспетчеров доносятся в самые отдаленные тихие углы...

Но в котловане бригады Степачака работали так же яростно, как и днем. В свете про-

жекторов, направленных в котлован, наполненный влагой воздух серебристо искрился. Пламя нескольких костров плясало на лицах строителей.

В кузов только что подъехавшего МАЗа влез Витя Хвостенко с мерным шупом. Воткнул его в бетонную массу, перехватил пальцами, отмечая уровень.

— Сорок восемь!

— Ты что, новенький? — Голос у Михаила был тихим, но не предвещал ничего хорошего.

— Не-е... — пожал плечами шофер.

— Ты сколько привез, друг ситный?

— Два девятьсот... Почти три куба...

— Чтоб следующий раз было не почти, а три, понял?

— К вам, Михаил Иванович, и так чуть не из цыпочках едешь.

— Мы такими дозами и до морковкиного заговения не кончим... Подожди, я с тобой.

МАЗ взревел, увозя с собой бригадира.

...Скелетная бесконечность арматуры надоела Сергею. Он резал пруты механически — руки делали, а глаза, скрытые очками, смотрели на пламя безразлично. Надоела эта гонка до чертиков!

— Ты что, Серега, спишь? — тронул его за плечо Гриша.

— Так... задумался...

— Там, у бытовок, Света. — Гриша, смущаясь, отвернулся. — Давай очки.

Сергей выключил пламя горелки.

За вагончиком, прячась в темноте, ждала Света. Он бросился к ней, оторвал от земли, закружил, зацеловал.

— Что случилось, Сереженька? — Она захлебывалась в его объятиях. — Почему не звонишь?

— Так получилось. — Он отпустил ее, разгладил волосы, нежно поцеловал. — То ночные, то уезжал...

— Но позвонить-то мог! Я извелась вся...

Он снова привлек ее к себе.

— Я так соскучилась. — Она внимательно посмотрела ему в глаза. — Подожди... Ты меня любишь? Только честно.

— Конечно, люблю.

— Скажи еще раз.

— Люблю!

— Еще...

— Люблю...

Она сама нашла его губы.

— Беги, у тебя же смена.

Он шагнул к сходям:

— Я завтра в день. Вечером — на нашем месте. В семь!

Он побежал к сходям. А она стояла, смотрела вслед...

Михаил пристально всматривался в дождевую муть. Ни одной машины. Нет, вроде мелькнул сдвоенный луч фар... Точно!

Михаил достал из кармана трояк, снял каску и положил на нее купюру. Каска рыжая, трояк зеленый — если не дальтоник, заметит! Так и случилось: МАЗ остановился. Еще и тормознул заранее, чтобы не обрызгать.

— Ты чем там маячишь? — высунулся из кабины шофер.

— Опять новенький, — проворчал Михаил и поднялся на подножку. — Куда бетон?

— На причал, в порт.

— А-а... Не наш... Езжай!

Машина тронулась.

— Стой! — вдруг закричал Михаил. Он на ходу прыгнул в кабину, показал трехрублевую ассигнацию: — Продай!

— Смеешься? Да я за червонец любому частнику кину. Слазь!

Михаил молча достал из кармана десятку. Шофер покосился на нее, спросил:

— Куда?

— Направо. На третий...

— Ты что, у Степачака? — спросил шофер.

— А что?

— Плантатор, говорят. Вкальвать надо...

— Правильно говорят... И вообще вкальвать надо, если хочешь жить как человек.

— А я и так живу как человек, — обиделся шофер.

— Вот что, — Михаил протянул ему деньги, — возьми червонец и молчи.

Бешено мотались «дворники», разгоняя густые капли на ветровом стекле. Доехали до котлована. Михаил молча показал, куда подать машину, выскочил из кабины.

В бытовке грелось несколько человек. Михаил сорвал телефонную трубку:

— Мне квартиру Артемова!.. Извини, Анатолий Николаевич, но сил больше нет. Я так работать не могу! Вместо шестнадцати машин на смену вышло десять.

— Знаю, — раздался в трубке сонный, но спокойный голос Артемова. — Утром разберемся...

— До утра еще полсмены! — закричал Михаил. — Мне что, стоять? Мне бетон нужен!

— Три машины ГАИ в ночь не выпустила, на одной водитель заболел, две неисправны.

— Значит, нет виноватых?

— Я сказал, утром разберемся...

— Ну, значит, так... Я смену отменяю! Это факт установленный! А вы разбирайтесь. Хотите утром. Хотите ночью. Приятных вам сновидений! — И Михаил бросил трубку.

— В трест надо звонить, Ивану, — предложил Юра Галак.

— Не могу, — мотнул головой Михаил, — опять скажут: у Степчак «рука». Иван у меня, как кость в горле. Связывает по рукам и ногам, инстанции лишает. Не министру же звонить?!

— А ты не Ивану, ты в партком напиши, Фоменко, — предложил Юра Галак.

— Не хватает еще клязузу разводить...

Михаил забежал по бытовке, тербя на лове кепку. Сел, задумался...

— Постой, постой... Партком... — Михаил повернулся к членам бригады: — Хлопцы, извиняюсь, фьють отсюда все до одного. — И повернулся к партгруппоргу: — Ручку доставай, бумагу. Пиши! В партийный комитет от партгруппорга Галака Ю Ка... заявление... Написал? Считаю своим долгом поставить в известность партийное бюро о недопустимых и даже преступных действиях товарища Степчак Эм И...

— Ты что, сдурел? — уставился на Михаила Юрий.

— Пиши... Последнее время бригадир Степчак систематически перекупает за деньги... Деньги — подчеркни! Перекупает машины с бетоном, предназначенные для других бригад и даже для других строек...

— Не буду я этого писать!

— А я говорю — пиши! Несмотря на то, что я неоднократно предупреждал коммуниста Степчак о недопустимости подобных проступков...

— Когда это я тебя предупреждал?

— Предупреждал, это факт установленный! На то ты и комиссар. Пиши: бригадир Степчак продолжает эту преступную практику... Преступную...

Юрий ошалело посмотрел на Михаила. Тот продолжал диктовать:

— Считаю такие поступки, приносящие моральный и материальный ущерб стройке, несовместимыми... Прошу партбюро принять меры... Подпись... Число...

— Не буду я этого подписывать. Да за такие дела тебя и впрямь из партии могут турнуть.

— Не турнут. А если турнут, значит, за дело. Подписывай!

Юра еще раз посмотрел на Михаила, вздохнул и поставил подпись.

Михаил спал. У изголовья, на стуле, настойчиво трезвонил телефон. Не открывая глаза, Михаил снял трубку:

— Степчак...

— Миш, это я, Иван. Забегу на секунду. Дело есть.

— Да сплю я, чё надо?

— Дверь открой. Я сейчас.

Михаил недовольно вылез из постели, прошел к входной двери, открыл ее. В ванной пустил воду, сунул голову под душ... Вошел Иван.

— Скверное дело, Миша. Заявление на тебя написали в партбюро управления. Партгруппорг твой, Галак...

— Да ты что!

— Точно! А ты его другом считал... Может, он на твое место метит, а?

Михаил с остервенением принялся растирать голову полотенцем.

— Видишь, как ты в людях разбираешься... Ну ладно, я выясню, в чем там дело. Спи.

— Какой уж сон...

Черная «Волга» подлетела к крыльцу, по обе стороны которого виднелись вывески: «Ордена Ленина строительный трест «Юг-стальстрой».

Иван вылез из машины, проворно взбежал по ступенькам.

В приемной он на ходу попросил секретаря:

— Фоменко вызовите ко мне!

В кабинет следом за ним вошел мужчина:

— Иван Петрович, подпишите.

Иван мельком глянул в бумагу, решительно вернулся:

— Не буду я этого подписывать!

— Горим ведь, Иван Петрович.

— А вы звоните ноль — один. Я вам не пожарная команда.

В кабинет вошел секретарь парткома Илья Никифорович Фоменко — плотный, страдающий одышкой мужчина лет пятидесяти.

— Послушай, Илья, — Иван говорил медленно, смущаясь. — Я по поводу того заявления на Степчачка. Хорошо бы без разбирательства обойтись... Трезвон на всю стройку. И неизвестно, куда докатится...

— Как тут обойдешься, когда заявление такое?

— Тогда, может быть, тебе присутствовать в качестве, так сказать, секретаря вышестоящей парторганизации... А то как бы они дров там не наломали.

Партбюро СУ собрали в кабинете Артемова. Расселись.

— И один неприятный, я бы сказал, вопрос, — докладывал секретарь парторганизации. — Заявление товарища Галака по поводу бригадира комплексной бригады Михаи-

ла Ивановича Степчачка. С текстом заявления члены партбюро ознакомились... Товарищ Галак, к своему заявлению добавить ничего не хотите?

— Нет! Я и так написал там больше, чем надо.

— В каком смысле? — удивился секретарь.

— Во всех.

— М-да... Какие будут мнения? Вопросы?.. Товарищ Степчак, вы знакомы с заявлением?

Михаил кивнул, затеребил кепку.

— Что можете сказать по существу?

— Ничего... Там все правильно.

— Как это понимать? — раздраженно спросил один из членов партбюро. — Вы, значит, считаете свой поступок правильным?

— Да нет! В заявлении все правильно... А поступок?.. Чё тут говорить... Поступок никому не годится!

— Не годится? — Голос женщины, поднявшейся в первом ряду, был возмущенным до крайности. — Преступный поступок!

Из угла мрачно поддержал ее пожилой мужчина:

— Ворованный бетон покупаете. Это же соучастие в воровстве.

— Все правильно. — Михаил отложил кепку, но тут же схватил ее обратно — помогала она ему справиться с волнением.

— Как же вы, — не отступала женщина, — передовой бригадир, коммунист, могли пойти на такое?!

— Вы что, не понимали, что делаете?

— Понимал, но выхода у меня не было, — горячо заговорил Михаил. — Не было выхода! Мы монтажную бригаду вызвали, с таким трудом уговорили, от дела оторвали. Товарищ Джалагония специально в Подольск выехал оборудование выбивать к их приезду. А у нас фундамент не готов. Что я им скажу? Что нам бетона не давали?! Это же позор! Вот я и подумал: и так позор, и эдак позор. Пусть хоть с пользой будет. Хоть фундамент закончим.

— Интересно получается, — спросил кто-то тихо. — Выходит, чтобы фундамент кончить, надо ворованный бетон покупать?

— А что делать, если нам его не дают? — Михаил никак не мог уловить, поняли его или нет.

— Что значит не дают? Товарищ Попов, — секретарь парторганизации посмотрел на сидящего рядом с Артемовым мужчину, — может, объясните?

— Сидите, Попов, — остановил его Артемов и встал. — Товарищ Степчак не прав! — Михаил взглянул на Анатолия мельком, опустил голову. Все насторожились. Юра Галак помрачнел.

— Бетон товарищу Степчаку дают, и даже больше, чем другим, — продолжал Артемов. — Но полностью обеспечить потребности бригады мы, действительно, не в состоянии. И Степчак это отлично знает. У нас четырнадцать машин взяли на картошку, четыре стоят в ремонте. Да и бетонный завод не справляется.

— Ну, хорошо, — кивнул секретарь. — Но бригада ведь должна закончить подстанцию в срок.

— Мы обязательство взяли, — коротко бросил Михаил, — досрочно закончить...

— Социалистические обязательства, — уточнил Галак. — И вы, товарищ Артемов, с этими обязательствами согласились.

— Согласился, — кивнул Артемов. — Но вы гоните еще на полмесяца раньше.

Опять из угла мрачно послышался мужской голос:

— По-вашему, выходит, что они еще и виноваты, что хорошо работают.

— А я не могу весь бетон отдать Степчаку. У меня еще восемь бригад — такие же люди, такие же важные объекты. И вообще... Создавать товарищу Степчаку особые привилегии я не могу и не считаю нужным. — Артемов сел.

— Разрешите? — послышался голос секретаря парткома Ильи Никифоровича Фоменко. — Я не хотел выступать, но меня настораживает некоторая тенденция в словах товарища Артемова. Конечно, Степчак поступил, мягко говоря, неправильно. Хотя вроде бы в интересах дела... И я думаю, партбюро укажет ему на это... Но и това-

рищ Артемов не прав. Никто, товарищ Артемов, и не требует от вас привилегированного отношения. Но поддержать, поощрить одну из лучших бригад стройки вы просто обязаны. Создается впечатление, товарищ Артемов, что вы вообще против бригадного подряда.

Многие растерялись. Юрий незаметно пожал руку Михаилу. Но тот не ответил, смотрел на Артемова.

— Да ничего я не против подряда, — Анатолий поправил очки. — Извините, но только идиот может быть против! Да вон у Степанова, в соседнем тресте, из тридцати семи бригад двенадцать — на подряде, и вроде никто не жалуется. Трест второй год знамя держит. А если у меня в управлении из восьми бригад на подряде всего две и только одна работает успешно, а во всем тресте — всего шесть, и мы шумихой прикрываем свою неспособность организовать их труд, то это, извините, граничит с очковитательством. Подрядный метод требует продуманной работы в масштабе всего треста. А у нас нет резервов, нет возможности маневра. И если честно — наше управление к бригадному подряду пока не готово!

Фоменко снова встал:

— Все вы знаете, что бригадная форма стимулирования и организации труда в строительстве должна стать основной. А товарищ Артемов считает, что мы не готовы...

— Я говорю не о стране, а о нас с вами, о нашем тресте!

— При таком настроении трудно бороться за внедрение передовых методов.

— Время позднее, товарищ, — поднялся секретарь парторганизации, — и вопрос, по моему, ясен... Какие будут предложения?

— Мне строгача воткнули, — рассказывал Михаил Ивану, — Артемову «на вид» — за неправильное отношение к соцсоревнованию и опыту передовых бригад.

— Пусть почешется, — кивнул Иван.

Они возились на кухне, собирали ужин.

— С этим Артемовым вообще ухо надо остро держать. А парторг твой как себя вел?

— Нормально.

— Тоже не мешает всыпать. Они, видно, с Артемовым заодно.

— Заодно... Жалею я, Иван, что тебя на парткоме не было.

— Это было бы неудобно.

— Полезно б это тебе было. Ведь Артемов во многом прав.

— В чем это, интересно, он прав? — Иван отложил нож, которым нарезал лук.

— Почти во всем. Действительно, не готовы мы к подряду. Это как шестеренки в передаче — нельзя, чтобы одна быстрее других вращалась. Надо, чтобы все... Иначе, можно только зубья обломать. И резервы нужны, и возможности маневра.

— Эти вопросы, сам понимаешь, трест тоже целиком решить не может! — Иван сердито заходил по кухне.

— Решить не может, а ставить их во весь голос может! И сотрудников своих заставить крутиться тоже может...

Помогло партбюро! Заставил все-таки крутиться своих Михаил — машины с бетоном влетали в котлован почти без перерывов. И уже был виден конец — бетонировали последний «башмак».

...Две черные «Волги», уступая дорогу нетерпеливым МАЗам, съехали на обочину. Из машины вышли Иван Петрович, Артемов, Илья Фоменко, директор завода Коссовский и седой элегантный мужчина — доктор технических наук, автор проекта Александр Сергеевич Прокофьев. С края котлована, с тридцатиметровой высоты, им было видно, как красиво и споро шла внизу работа...

— Да-а... — растерянно пробормотал Прокофьев. — Насколько я понимаю, фундамент почти закончили...

— Не почти, а закончили, — поправил Коссовский. — Я вас специально сюда привез, Александр Сергеевич, чтобы вы свои

ми глазами все это увидели, а увидев, сами все людям и объяснили.

Прокофьев мрачно посмотрел на директора завода, покосился на строителей, Ивана, Артемова, Фоменко, вздохнул.

— Хорошо. Объясню.

— Вот и объясните, — кивнул Коссовский. — Это будет полезно и для вас, и для нас, и для дела.

...Сергей приподнял защитные очки, показал соседу на идущую через котлован делегацию:

— Дядя Сень!

— Ох, не к добру, — вздохнул старый строитель.

Не созывал никто бригаду — люди и сами почувствовали недоброе, потянулись навстречу гостям, обступили их плотным кольцом.

— Рассаживайтесь, товарищи. — Коссовский мельком глянул на Михаила. Тот стоял, опустив голову, теребил кепочку.

Бригада уселась молча, без привычных шуток и подначек.

— Может, все-таки вы, Кирилл Матвеевич? — спросил Прокофьев директора завода.

— Не могу, — едва процедил тот. — Язык не поворачивается.

Бригада напряженно молчала.

— Я понимаю Кирилла Матвеевича, — начал медленно Прокофьев. — Нелегко ему это вам сказать... И мне, поверьте, тоже. Но что делать? К нашему несчастью, научная мысль нередко опережает темпы строительства... Дело, если коротко, состоит в том, что оси трех фундаментов надо сломать! — Он увидел, что его объяснения почти не слушают, что слово «сломать» сделало все другие слова бессмысленными, и, видимо, поэтому заторопился. — Пока мы проектировали и строили, появились новые выпрямители, гораздо более совершенные и экономичные. Можно было бы, конечно, их как бы и не заметить, и никто бы нас формально не мог осудить...

Тишина над котлованом становилась все гуще, лица строителей мрачнели.

— Но это прекрасное сооружение, которое вы строите, устарело бы прежде, чем вы его завершите. — Прокофьев опустил голову, достал платок, вытер взмокший лоб. Тряхнул своей седой гривой и твердо продолжил: — Я понимаю, товарищи, как больно ломать сделанное собственными руками... Но новые выпрямители уже за первые полгода эксплуатации полностью возместят все расходы, связанные с изменением проекта и необходимыми переделками.

Прокофьев продолжал говорить. Но крановщик и шофер МАЗа, привезший бетон, его не слышали.

— Не работают! — удивлялся шофер. — Давно стоят?

— Уже минут двадцать. — Крановщик тоже не понимал, что происходит. — Вишь, все начальство, в полном составе... Может, опять что-нибудь?

Они увидели, как Коссовский и Прокофьев, потоптавшись, направились из котлована. Иван, Артемов и Фоменко остались с бригадой — люди не расходились...

— Поздравляю, — говорил Коссовский, помогая Прокофьеву подниматься по сходням. — Очень вы им все красочно про научно-технический прогресс... Заслушаться можно! Но только я эти выпрямители еще прошлым летом на ВДНХ видел.

— Так то на ВДНХ! Вы-то понимаете...

— Я все понимаю! — зло проговорил Коссовский. — И то, что чертежи всего месяца назад вами были подписаны, это я тоже понимаю... Неужели полтинника не нашлось телеграмму дать, предупредить, чтоб не строчили?

— При чем здесь полтинник? Какое мы имели право останавливать стройку без разрешения министерства!

— Сколько вы над проектом работали?

— Почти два года.

Коссовский подошел к машине.

— Если бы вам за эти два года, дорогие проектировщики, не заплатили ни копейки, в следующий раз вы бы нашли, что делать. И ответственности бы не испугались, и полтинник бы нашли!..

Расползлась бригада по замерзшему котловану — никого не видно. Иван задержался около Михаила. На того жалко было смотреть.

— Люди в три смены работали, ночами... — Ночами! — Иван рубанул рукой воздух. — Что ты из себя кисейную барышню строишь? Не первый раз! — Он взглянул вверх, где скрылись директор завода и автор проекта. — Им-то что — поговорили и уехали. А мне министерство этого не простит!

— Они же сами утвердили поправки.

— Утвердили не утвердили — это для них подробности. Я же их своими обязательствами обнадежил. Твоими обязательствами! Сдать к седьмому ноября. А теперь план летит... Знаешь, как говорят? Успели в срок — «мы сдали!», не успели — «я не сдал!». Я! Исполняющий обязанности управляющего трестом! Плохо, значит, исполняете обязанности, товарищ Ярошенко!..

Иван нахлобучил шляпу поглубже на лоб и пошел к машине.

До автобуса добирались трудно — совершенно раскисли дороги.

— Как же их ломать? — спросил Козельков. — Недели две провозимся, не меньше...

— Не будем мы их ломать, — сказал вдруг Михаил и завертел на голове кепку. — Взорвем! К чертовой матери!

— Как так — взорвем? — не понял Юра Галак.

— Есть у меня одна мысль. — Михаил замолчал, не хотел продолжать разговор...

У останвки они распрощались — Юрин автобус подошел сразу.

Михаил и Козельков остались. Старик покосился на бригадира. Видно, хотел что-то сказать, но не решался.

— Ну, чё ты, Алексенч? — не выдержал Михаил. — Прямо с конца и начинай!..

— Деликатный вопрос... Ну да ладно. Не один пуд соли съели. Сережка твой... со Светланой!..

— Знаю, — кивнул Михаил.

— Да не все ты знаешь. Серьезно это у них, — сказал Козельков. — Дальше некуда, Миша...

— Да ты что? — только и вырвалось у Михаила.

Михаил влетел в отцовский дом в парадном, при орденах, пиджаке, с букетом астр.

В гостиной Сергей, в трусах и тельняшке, что-то негромко подбирал на гитаре. Михаил подошел вплотную:

— Это правда?

— Что?

— Насчет тебя и Светки?

Сергей не ответил. И Михаил вдруг залепил брату оглушительную пощечину.

— За что?!

— Чтоб честных людей не позорил!

— Питекантроп! Дикарь!

— Лучше быть дикарем, чем подонком. — Михаил сел. — А теперь одевайся. Быстрее! А то цветы завянут!

— Зачем?

— Пойдем к Козельковым, будешь просить руки Светланы. По всей форме!

— Никуда я не пойду!

— Это почему?

Сергей встал, заправил в трусы тельняшку.

— Не хочу, и все! Насильно потащишь?

— Ты же говорил, что любишь... — Михаил даже растерялся.

— Люблю, — твердо сказал Сергей, — но женитьба — это мое дело, и вмешиваться в него я никому не позволю...

— Ну что ж... понятно. — Михаил встал. — Тогда вот что... Собирай-ка свои манатки! Живо! — закричал он. — И чтоб ни в доме отца, ни в моей бригаде я тебя больше не видел! Подлецов среди Степчак-ков не было и не будет!

Над стройкой висела непривычная тишина. Застыли в укрытиях машины, замерли краны.

Михаил и группа рабочих стояли в открытой на гребне котлована траншее и молча следили, как на дне его копошилось несколько человек.

Завыла сирена, и люди в котловане бросились наверх.

В траншею прыгнул Артемов.

— Почему посторонние в опасной зоне?

— Это не посторонние, Анатолий, — грустно сказал Михаил. — Это электромонтажники. Приехали...

— Видите, как получилось, товарищи, — голос Артемова тоже был невесел. — Вы уж нас извините.

— Бывает, — вздохнул бригадир монтажников.

Снова завыла сирена — все повернулись к котловану.

Взметнулись куски бетона. Со свистом полетели арматурные прутья, тут же донося глухой звук взрыва... И все стихло...

К котловану подъехала знакомая «Волга», из которой торопливо вышел Иван. Спустившись, осмотрел один развороченный фундамент, другой...

— Видел? — спросил Михаила.

— Дурацкое дело — не хитрое, — ответил тот.

— Взрывники-то молодцы какие! Да мы на этом неделю экономим! Неделю! К ноябрьским можем успеть. Я тебе все дам: машины, краны, людей!

— Мне-то все дашь, — усмехнулся Михаил. — А где ты время бетону возьмешь? Ему же затвердеть надо...

— Придумаем! Может, кое-где граншлак сыпанем.

— Насыпать все можно. Только что это за фундамент будет?

— Придумаем, Миша, что-нибудь придумаем!

Михаил смотрел программу «Время», когда в прихожей раздался звонок. Дверь открыла Лида, послышались неясные голоса жены и сестры.

— Миш, я к тебе. — В комнату вошла Маша.

— Чё надо?
 — Зеркало купила, повесить помоги.
 — А Иван?
 — В тресте он...
 — У него хоть молоток есть?
 — Молоток есть, да в стену ничего не лезет.

— Полезет, что-нибудь придумаем... Подожди, погоду скажут, и пойдем.

— Что у вас там с фундаментами? — негромко спросила Маша. — Ваня ночей не спит.

— Сроки у нас горят, вот и не спит. И я не сплю...

— Он что-то насчет аншлага говорил...

— Да не аншлага, — усмехнулся Михаил, — а граншлака...

— А что, граншлак это плохо?

— Да не плохо, а качество все же не то... Иван сам на это не пойдет.

— Пойдет.

— Это что, он тебе сказал? — настороженно спросил Михаил.

— Да нет, сама думаю.

— Дура ты, Машка... Мы эту подстанцию вроде уже построили, в душе... Ну, добавим мы этот граншлак. А как потом в глаза друг другу смотреть? Да бригаду после этого распускать надо. Как полк, потерявший знамя.

Квартира Ивана. Ночь. Спальня. Неясный уличный свет проникал сквозь плотные шторы. Дождевые капли громко барабанили по подоконнику.

— Он сказал, что ты на это никогда не пойдешь, — тихо сказала Маша лежащему рядом Ивану.

— Ему легко говорить! — Иван откинул одеяло, сел. — Ну, остановят подряд, ну, возьмем другой. А для нас с тобой это вопрос жизни!

Маша приподнялась.

— Вань, может, правда, нельзя?

— Что я — не инженер? Это же в пределах допустимого! Чуть хуже, чуть лучше... Что, мало дерьма строят?

— Может, кто и строит, а Миша Степчак так не строил и строить не будет...

— Не будет, и не надо! Степчак! — Он повернулся к жене. — Если меня не утвердят, в городе не останусь. Посмотрим, что ты тогда запоешь!

По лесам, окружавшим вырастающий прокатный стан, шли Иван Петрович и Артемов. Отсюда открывался вид на всю огромную стройку, заметно изменившуюся за это время.

— Они до сих пор не выдали брусья для кранов, — докладывал Артемов.

— Выезжай, разберись, кто мозги пудрит. Кстати, надо все-таки подумать, как восьмую подстанцию сдать в срок... Несмотря ни на что. Возможность есть. Это и для тебя важно, ты у нас молодой начальник. И для меня, и для министерства...

Артемов промолчал.

— Я говорил со Степчаком. — Иван покосился на начальника СУ, не понимая его молчания. — Большой надежды у меня на него нет. Перехвалили мы Михаила. Так что в этом ты прав... У Федоренко два звена освобождаются, может, их туда бросить?.. Михаил пусть дальше идет, а эти переделают фундамент.

— А как же подряд?

— Придется прервать. Подряд — не закон, важно дело. Разве не так?

— Вопрос не в количестве людей, — уклончиво сказал Артемов, — вопрос в технологии.

— Технология от людей зависит. Продумай этот вопрос. Я к тебе к вечеру заеду, дождись меня.

Сергей, в морской форме, надраенной до блеска, заканчивал собирать чемодан. За ним молча наблюдали мать, Маша и Лида. Он захлопнул крышку и ушел на кухню.

Вернулся оттуда с бутылкой шампанского и початой бутылкой водки. Разлил.

— С какой радости, Сережа? — спросила мать.

— На посошок, мама... Как говорится, чтоб колеса весело стучали...

— То-то ты второй день прикладываешь... Знать, невеселые твои мысли.

— А, может, останешься? — спросила Маша.

— Мало ли кто что сказал сгоряча, — поддержала ее Лида. — Ты у Мишки, как у Христа за пазухой.

— Да не в Мишке дело. Все правильно, — сказал Сергей. — Надо ехать.

— Пусть едет, — сказала мать. — Может, ему там лучше будет. А дорога назад тебе не заказана.

В комнату вошел Иван.

— Ну, ты готов? Присядем...

Все присели, помолчали.

— В добрый путь... — Мать обняла сына.

...«Волга» неслась по городу. Проплыли застывшие навсегда у гранитного знамени возле проходной завода солдат, матрос и сталевар. Остались позади мощные силуэты домен. В машине висело молчание.

— Надолго в Москву? — не выдержал Иван.

— Может, насовсем...

— И кем же там?

— А хоть дворником! — с вызовом ответил Сергей.

— За пропиской едешь?

— Можно и жениться.

— Ну, ты даешь, парень! — покачал головой Иван. — Я не сахар, а ты похлеще меня будешь. Далеко пойдешь!..

И снова в машине повисла тишина.

Уже совсем стемнело, когда усталый Иван поднялся на второй этаж стройуправления. Он тяжело шел по коридору мимо бесконечных дверей. Толкнул одну из них со скромной табличкой: «Начальник СУ-4 Артемов А. Н.».

В кабинете сидели двое — Артемов и Степчак. Увидев Михаила, Иван на секунду задержался в дверях, потом решительно вошел в кабинет.

— Ну как?

— Продумали мы ваше предложение, Иван Петрович, — сказал Артемов. — Дело не в количестве людей, да и с объемом Михаил Иванович справится. Дело, как мы давеча говорили, в технологических сроках. Мы уж и так вертели, и эдак... Бетон не «встанет», не успеет.

— Ну вот что, я этот вопрос тоже продумал! — голос у Ивана был решителен. — С завтрашнего дня переведете на переделку фундамента бригаду Федоренко. К седьмому ноября подстанция должна быть сдана.

— У меня вопрос, — скромно подал голос молчавший Михаил. — Федоренко, он что, какую-то новую технологию придумал? Или петушиное слово знает?.. Или ему просто на качество наплевать?

— Этот вопрос меня тоже интересует, — сказал Артемов.

— Считайте — петушиное слово, — резко оборвал Иван.

— Как же ты людей на такое дело толкаешь? — тихо спросил Михаил. — Ради кресла своего деревянного все на свете забыл? Рановато тебе, Иван, в управляющих ходить. Считай, что мы тебя не утвердили.

— А это не вашего ума дело, товарищ Степчак! А вы, Артемов, завтра ко мне с утра.

— Мы вместе зайдем, — сказал Михаил.

— Как-нибудь без вас обойдусь.

— Не обойдешься!

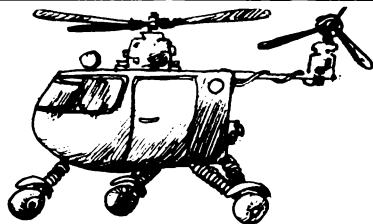
Иван, не попрощавшись, вышел.

— Ну что, Михаил Иванович, — помолчав, начал Артемов, — со сроками только неясно. Так вроде все получается, во всяком случае, на бумаге... А подряд, видно, придется прервать, иначе бригада без штанов останется.

— И со сроками все нормально будет, — мотнул головой Михаил, — и штаны наши никуда не денутся. Конечно, к седьмому ноября не сдадим, а в срок — тот, что по плану, — обязательно! Это факт установленный! Сам подряд и поможет... Смотри...

И оба снова склонились над чертежами.

ИВАН СТАДНІЮК

ЛИХА БЕДА НАЧАЛО

ИВАН ФОТИЕВИЧ СТАДНЮК (родился в 1920 году) прозаик и киносценарист. Участник Великой Отечественной войны. Член Союза писателей. Секретарь Московской организации Союза писателей. И. Стаднюк автор романов «Люди не ангелы», «Война»; пьес «Горький хлеб истины», «Любовь и тыква». Лауреат литературной премии им. А. Фадеева. По литературным сценариям И. Стаднюка поставлены художественные фильмы «Максим Перепелица», «Человек не сдастся», «Артист из Кохановки», «Ключи от неба» и др.

Литературный сценарий И. Стаднюка «Лиха беда начало» подготовлен на киностудии «Мосфильм».

Село Листопады живописно раскинулось на возвышенности вдоль одного из притоков верхнего Дона.

Этот майский вечер в селе был обычным. Медленно угасает закат, начинается темнота. Как всегда в это время, молодежь спешит на танцы.

На дверях клуба висит замок, а рядом, в сиянии фонарей, просторная танцплощадка. Парни и девушки пересмеиваются, несколько девчоночьих пар танцуют под гармошку деда Потапа танго.

У танцплощадки останавливается новенькая «Лада». Из нее в вечерних костюмах выходят заведующий районной чайной Костя с магнитофоном в руках и телятник Вадим с саксофоном.

— Топай, дед Потап, домой! — громко говорит Вадим. — И закинь на чердак свою лиру!

Костя ставит на скамейку магнитофон, включает его — он взрывается бурно-ритмичной музыкой. Издав пронзительный вопль, Вадим начинает играть на саксофоне и приплясывать.

Костя подходит к Кате, девушке лет двенадцати, приглашает ее на танец.

Танцует вся молодежь — упоенно, стремительно.

Между танцующими, ворча, протискивается с гармошкой дед Потап.

— Тьфу! Паралитики!

Костя что-то страстно шепчет Кате. Девушка отталкивает парня, увидев деда, берет его под руку, и они уходят. Но Костя преследует их.

— Отстань от девки! — прикрикивает на него Потап. — Вот придет из армии Филипп — накостыляет тебе!

В ярких лучах утреннего солнца по улице идет телятник Вадим и, растягивая меха аккордеона, горланит частушку о парне, которого заела в селе «зеленая» скука. За плечами у него еще и саксофон. Рядом с Вадимом дед Потап и председатель колхоза Бутенков Степан Петрович — здоровяк лет тридцати, при рыжеватой бороде и роскошных усах.

— Орешь, как поросенок в плетне! — сердится Бутенков. В его руке чемодан Вадима. — Зачем убегать? Осенью с почестом послали б учиться на оператора комплекса.

— Не от работы бегу!.. — Вадим запевает частушку о клубе, который превращен в склад соли для непостроенного засолочного пункта.

— Я же предлагал — берись сам за клуб! — говорит Бутенков.

— Клуб не моя песня!

— Его не греет клубная зарплата! — язвит дед Потап.

— Чихал я на зарплату! Вот привез из Парижа костюм! — Вадим одергивает пиджак своего модного костюма. — Еще три ненадеванных есть! Куда мне в них? На ферму? Чтоб телята полы жевали?

— Так что, Большой театр тебе построить? Вон какой красавец пустует! — Бутенков кивает на здание клуба.

— Пустует потому, что вам' нужна клубная работа, как муха в борще. Вот никто из заведующих и не держится!

— Раньше держались!

— Держались потому, что все Филипп тянул — хор, оркестр, драмкружок...

— Филипп! Филипп! — сердится председатель. — Филипп не сегодня завтра из армии вернется! Вот и дождался бы!

— Ты так все запустил, что теперь и Филипп ничего не сделает!

— Назначим его завклубом — сделает!

— Что?! Не такой он дурак!

— Бабка Татьяна, что там за веселье?! — спрашивает Катя, выйдя на крыльцо медпункта, вслед за ней молоденькая санитарка Оля — обе в белых халатах.

— Не знаешь разве? — Бабка придерживает велосипед. По-уличному Татьяну величают «Скипидарихой» — за то, что сочиняет невероятные слухи. — Это председатель спасает племянника от работы на ферме! Отправляет в артисты! И тренирует, чтоб на экзаменах не осрамился!

...На лужайке стоит, бесшумно вращая лопастями, самодельный открытый вертолетик, названный местными остряками «Чертопхайкой». За рычагами управления — Егор, сельский умелец, он внимательно наблюдает за Вадимом, Бутенковым и дедом Потапом, которые идут в его сторону.

Вадим первым подходит к новому деревянному мосточку через придорожную канаву. Бутенков с ухмылкой придерживает Потапа. И только Вадим ступает на дощатый настил, как совершается чудо: раздаётся щелчок, перила мостика подпрыгивают вверх, таша за собой спрятанную металлическую сетку, и смыкаются над головой растерявшегося парня. Еще щелчок — и Вадим в хитроумной клетке.

Дед Потап потрясен.

Подлетает «Чертопхайка» с висящим троном, заканчивающимся большим крюком...

Бабка Татьяна, медички Катя и Оля удивленно наблюдают за летящим вертолетиком с подвешенной клеткой, в которой сидит Вадим и горланит частушку. Вертолетик берет курс на заречный луг.

На лугу ярко-красивая цыганочка Радда, держа в руке хлыст, тренирует породистую кобылицу Стрелку. Тут же пасется табун лошадей.

Неподалеку снижается вертолетик. Днище клетки вдруг открывается, и Вадим оказывается на траве, он грозит кулаком

улетающей «Чертопхайке». Затем решительно подходит к Радде:

— Сговорились?! Все равно уеду!

— Даже если я очень попрошу тебя?

— Выйдешь за меня замуж — останусь!..

...— Не выгорит у Вадима! — говорит бабка.

— Что? — интересуется Катя.

— Да хочет Радду сманить с собой в артисты!

— И все-то вы знаете. — Катя не скрывает насмешки.

— А что хитрого? Цыганочка для хлопцев, как для чертей сухая верба! Всем нравится! Думаешь, Филипп когда приезжал в отпуск из армии, не пялил на нее глаза?

— Неправда! — вступает за подругу Оля. — Филипп и Катя подали заявление в ЗАГС! Придет со службы, и будет свадьба!

— Сколько ему служить осталось? — интересуется Татьяна.

— Отвоюется на учениях и придет.

— Филипп воюет? А говорят — в офицерском клубе на танцах играет...

— Филипп, проследи, чтобы кто-нибудь в космос не двинул! — обращается прапорщик к старшему сержанту Горовому.

Они стоят в самолете, среди парашютистов, приготовившихся к выброске. Это оркестр авиадесантного полка. У одетых в комбинезоны оркестрантов вместе с оружием приамуничены духовые инструменты.

— Хлопцы, всем прыгать только на землю! — весело напоминает Филипп.

— Пошел! — слышится команда.

Филипп Горовой первым ныряет в пропасть...

...С двухъярусной вышки генералы и офицеры наблюдают снижение парашютистов с различной техникой. Они видят, как мечется по полю обвешанный фотоаппаратами корреспондент, увертываясь от падающей с неба техники.

Командир части, прильнув к стереотрубе, недовольно наблюдает за корреспондентом.

— Я же объяснял, что там место для съемок неподходящее.

Под парашютами духовой оркестр, он исполняет «Марш десантников».

Филипп Горовой играет на трубе. В поле его зрения большинство оркестрантов, покачиванием трубы он дирижирует. Не у всех, правда, распрямились стропы: захлестнуло ногу барабанщику, и он играет, приземляясь вниз головой. Тромбониста унесло в сторону, и он, не прекращая игры, натягивает стропы и скользит к оркестру. Кларнетист, которого потащивает, сосет в музыкальных паузах лимон...

...Под звуки марша командование сходит с вышки.

Оркестр во главе с прапорщиком и старшим сержантом Горовым уже строим шагает по полигону.

Перед Филиппом, щелкая фотоаппаратом, вьется фотокорреспондент. Музыканты направляются к правому флангу выстроившихся десантников, занимают свое место и умолкают.

— Здравствуйте, товарищи гвардейцы! — здоровается генерал.

— Здравия желаем, товарищ генерал! — громко чеканит строй.

— Поздравляю вас с окончанием учений!

— Ур-р-ра-а!..

— Мастера... — Генерал останавливается перед оркестром. — А оружие держать умеете?

— Все, что прикажете! — отвечает Филипп.

— И в танк сядете? — генерал кивает на стоящий рядом командирский танк.

Оркестр играет вальс.

В люк танка протискивается Горовой. Танк тут же срывается с места и устремляется к ближайшему эскарпу, преодолевает его, затем берет крутой подъем, перелетает через канаву и, вырвавшись на простор, начинает «танцевать» вальс, создавая гармонию движений и музыки.

Замерло в удивлении командование. С восторгом глядят десантники на пируеты танка.

— Молодец, старший сержант Горовой! — Генерал горячо жмет руку вернувшемуся к оркестру Филиппу. — Остались бы на сверхсрочную...

— Мы предложили, — говорит полковник. — Талант! Вывел самодетельность на первое место.

— Женаты? — интересуется генерал.

— Никак нет! Подали с невестой заявление в ЗАГС...

— Квартиру дадут, присвоят звание прапорщика. Соглашайся! — уговаривает старшего сержанта Горового прапорщик. — Сыграй свадьбу, помилуйся месяц дома с молодой женой и пуляй в часть рапорт!

Они стоят на коленях друг против друга и складывают белые полотнища. На всем огромном пространстве полигона простерлись ровные ряды десантников, занятых укладкой парашютов.

— Да, есть над чем поразмыслить, — отвечает Филипп. — Вчера получил письмо от председателя колхоза. Волком воет!

— Случилось что?

— Молодежь из села разбегается от скуки. Предлагает мне стать завклубом.

— Это не перспектива для твоих способностей.

— Почему? У меня деды-прадеды были сельскими музыкантами и первыми заводилами.

— Ну, создашь хор, оркестр, драмкружок! А потом?

— Было бы желание — работы прорва...

...Филипп Горовой, в парадной форме, при значках и с футляром под мышкой, в котором лежит труба, под звуки марша чеканным шагом идет по асфальтовой дорожке к проходной. Его сопровождает играющий музыкальный взвод.

У проходной оркестр останавливается. Горовой профессиональным взмахом руки заставляет его умолкнуть. Воцаряется тишина...

Филипп подносит к губам трубу и исполняет соло — так старший сержант Горовой прощается со своим музыкальным взводом. Мелодию подхватывает оркестр.

Бабка Татьяна сидит у раскрытого окна и в бинокль наблюдает улицу села. Окуляры бинокля направлены на открытые ворота двора, посреди которого стоит вертолетик «Чертопхайка». Егор и Василь, друзья Филиппа, вьются около него, а вокруг глазет ребяtnя.

На скамеечке, у двора, семилетний Алеша Горовой пиликает на «полугармошке», у ног мальчика сидит добродушный пес Шаро. Мимо неторопливо проезжает на мотоцикле участковый милиционер Гриша Мурашов.

Но бабке Татьяне важно еще и слышать, о чем говорят. Поэтому она сидит в наушниках и обмотана разными проводами, концы которых прикреплены к старой граммофонной трубе.

За спиной у Татьяны комнатка с колхозным телефонным коммутатором, у которого работает цыганочка Радда.

— Видно хорошо, — досадует бабка, снимая наушники, — а разговора, хоть тресни, не слышно!

— Ребята подшутили над вами, — пошмивается Радда. — Не получится!

— У других получается! Зобрегают кому не лень! Вон хлопцы третий год летайку-чертопхайку мастерят! — Бабка Татьяна видит в бинокль, что во двор Егора заходит дед Потап с пылесосом в руках; шланг обвивает шею деда и свисает на грудь четьрьмя патрубками от доильного аппарата. — Потап туда же! — ворчит она. — Зобретатель! Пылесосом корову доить додумался...

В поле зрения бабкиных окуляров попадает подъезжающая к магазину «Лада». Из машины выходят Варвара и Костя. Варвара открывает дверь магазина, а Костя вытаскивает из багажника картонный ящик.

— Вот спасибонько! — благодарит Варвара, когда Костя вносит в магазин ящик и ставит его на прилавок. — Похлопотал бы ты, чтобы и цветных телевизоров подбросили. Один телевизор — почти недельный план моей торговли!

— Костя все может! — гордо говорит о себе заведующий чайной.

— И транзисторных? Очень нужны для полевых вагончиков.

— Я-то стараюсь, а вы свое слово не держите, — Костя с укоризной смотрит на Варвару. — Ваша Катя по-прежнему...

— А ты и сам не лови ворон. С подходцем!.. — Варвара смотрит на часы. — Сейчас Катя ждет машину, чтоб за медикаментами в район ехать. Свою предложи ей да поговори ладком в дороге...

Кабинет председателя колхоза Бутенкова украшен сельскохозяйственными экспонатами: по углам и вдоль стен, в металлических обручах, снопики колосовых, на полках — пробирки с зерном, макеты различных агрегатов.

Сам Бутенков восседает за массивным столом на вертящемся кресле, слева от него новейшая система радиотелефонной связи.

В кабинет стремительно заходит, неся папку, главбух Македон Македонович Горовой — отец Филиппа. Лицо его светится.

— Ну, председатель, можешь к ордену меня представлять!

— Подвиг совершил? — спрашивает Бутенков.

— Да! Все наши расходы тютельница в тютельница по статьям!

— А новую мебель для детского сада?

— В будущем году!

— Надо в этом!

— Тогда садись на мое место и считай! — Македон мрачнеет.

— Для клуба наскрести бы... Попало мне в районе за клуб.

— Я тебе не фокусник!

— Надо! И на горячее для «Чертопхайки»...

— Спирт на баловство?!

— Вот чтобы не было баловства на машинном дворе, пусть ребята мастерят свои штучки-дрючки при клубе. С меня правильно в районе стружку снимали!

— Ни копейки по этой статье! Хоть повесь!

— Придется вешать!

Македон начинает бегать по кабинету, размахивая руками:

— Вешай! Четвертуй! Жги! Если б и были деньги — я ни за что!..

— Почему?

— Клуб бесхозный! С кого спрос?!

Македон не успевает закончить фразу, как в кабинет вбегает бабка Татьяна:

— Македоныч, пляши!

— Уже пляшу! — хмурится Македон.

— Филипп приезжает! Вот телеграмма...

— Телеграмма?! — Македон преображается.

Бабка Татьяна, выскакивает за дверь.

— А ты говорил, клуб бесхозный! — Бутенков дурашливо толкает в плечо Македона. — Хозяин едет!

— Ты опять за свое?!

— Мы решили окончательно. Район подержал.

— Решили?... — Македон потрясен. — А меня спросили?... А Филиппа?! Через мой труп!

Под навесом, во дворе, мирно жует жвачку корова. Рядом стоят пылесос, подключенный к сети длинным шнуром, и подойник.

— Давай! — командует дед Потап, приладив к соскам вымени патрубки доильного аппарата.

Егор, посмеиваясь, включает пылесос, а Василь нацеливает в подойник прилаженный к пылесосу выводной шланг. Раздается нарастающее гудение. Корова, продолжая жевать, обеспокоенно косится на людей.

Вдруг — треск, сопровождаемый вспышкой. На столбах загораются от замыкания электрические провода.

— Тоже мне Кулибин!... — Егор выключает пылесос.

На крыльцо дома выскакивает жена Егора Фрося:

— Что вы, идолы, делаете?! — Ей под руку попадает метла.

Егор кидается наутек. За ним под ударами метлы спешат Василь и Потап...

На улице Фрося сталкивается с бабкой Татьяной, которая едет на велосипеде.

— Паразиты проклятые! — кричит вслед мужикам Фрося. — Чините сейчас же электричество, а то у меня белье в стиральной машине!

— Вот охламоны! — говорит бабка, отстаивая велосипед. — А меня с наушниками одурачили!

— Забавляются, как дети малые!

— Не того еще жди! Приезжает их закоперщик.

— Филипп?! — обрадовалась Фрося. — Когда?!

На стоянке тормозит рейсовый автобус. Из него выходит Филипп Горовой в парадной форме, в руках чемодан и футляр с трубой. Радостно оглядывается на село.

Раздается восторженный вопль Алеши: — Филипп!.. Филя!

Филипп подхватывает подбежавшего к нему братишку.

На крик Алеши оглядываются Егор и Василь, которые тянут от столба к дому новый провод. Бросив дело, друзья устремляются к Филиппу.

— Смир-р-но! — командует он, а затем с притворной строгостью спрашивает: — Разве так встречают друга?! А где оркестр, цветы, шампанское?!

Егор и Василь переглядываются.

— Сейчас все будет! — говорит Егор и командует сбежавшейся детворе: — Казаки, давайте сюда «Чертопхайку»!

Мальчишки устремляются во двор Егора.

...На верхней площадке пожарной вышки стоит бабка Татьяна, опять с биноклем в руках.

Внизу красная пожарная машина, которую моют дед Потап и дед Кузьма — члены пожарной дружины.

Татьяна прикладывает к глазам бинокль и видит Филиппа, осматривающего «Чертопхайку».

— Эй, кавалеры! — зовет бабка, наклонившись через перила. — Вон ваш главный закоперщик из армии вернулся!

Потап и Кузьма кидаются к бочке с водой и начинают умываться...

— Ну и как, летает? — интересуется Филипп.

— А ты садись, испытай, — уклончиво отвечает Василь и грузит вещи Филиппа в «Чертопхайку».

Филипп, не подозревая подвоха, охотно забирается в вертолетик, его пристегивают ремнями.

— Лететь прямо ко мне на подворье! — отдает распоряжение Филипп.

За руль усаживается Василь и командует:

— Внимание!.. Всем стать сзади!.. Так.. Приготовились... Пять, четыре, три...

— Стоп! А что у тебя, Филипп, в футляре? — спрашивает Егор.

— Труба! Почему мотор не заводишь, Василий?

— Обожди с мотором! — Егор берет футляр, читает вслух надпись на серебряной пластинке. — «Гвардии старшему сержанту Горовому Ф. М. от командования части за отличную службу». Вещь!.. — Вынимает трубу, подносит к губам и играет сигнал «Внимание».

— Ну, держись, Филипп! — кричит Василь. — Вперед!

Ребятня и Егор, весело понукая друг друга, толкают по улице «Чертопхайку».

— Мотор давай, — напоминает Филипп.

— Горючего нет, — отвечает Василь. — Машина приписана к клубу, а спирт и культура — несовместимы!

— Так какого рожна!.. — Филипп пытается выскочить, но его держат ремни.

— Сиди! — приказывает Василь. — Егор, музыку! А шампанское и цветы потом будут!

Так и двигаются. Егор играет на трубе, Алеша на гармошке, мальчишки толкают «Чертопхайку» и задорной песенкой возвещают село о приезде Филиппа, который,

покорившись ремням, сидит спокойно и дохихатывает...

— Ну, Филипп, на тебе значков больше, чем медалей с выставок у нашего быка Фантомаса! — искренне восторгается дед Кузьма, обнимая Филиппа.

— А плечи, какие широкие плечи! — Потап хлопает Филиппа по спине. — Чем там в армии тебя кормили?

— Концентратом стратосферного воздуха!

— Вот что значит наука! — глубокомысленно заключает дед Кузьма.

— А вы, я вижу, бездельничали тут! — сокрушается Филипп и, заметив, что деды растерянно притихли, продолжает: — Когда-то вы, дед Кузьма, славились как лучший самогонщик в селе.

— Во всем районе, а может быть, и в области! — расхвастался Кузьма. — Меня вся милиция знала!

— А как же понимать? — Филипп указывает на вертолетик. — Такой аппарат хлопцы сконструировали, а летать ему не на чем! Надо гнать спирт!

— Сахару не напасешься, да и милиция... Посадить могут, — оправдывается Кузьма.

— Не о самогонке речь! — строго говорит Филипп. — Можно гнать спирт из опилок, из угля, из огуречного рассола!

— Филипп! — зовет с вышки Татьяна. — Иди, милоч, и со мной поздоровайся! Да и увидеть тебе надо кое-что!..

К медпункту подкатывает заведующий чайной на «Ладе», сигналит, затем выходит с букетом цветов и ставит их в банку на подоконнике раскрытого окна.

На крыльцо выбегает Катя с сумочкой в руке. Костя галантно распахивает перед ней дверцу. Девушка садится на переднее сиденье, Костя заботливо пристегивает ее ремнем. Они уезжают.

Филипп отнимает бинокль от глаз, потерепно смотрит на удаляющуюся машину.

— Поздно ты приехал, Филипп, — искренне вздыхает Татьяна. — Как с неба свалился этот Костя, с Севера прилетел,

с деньгами! Дом купил, машиной обзавелся и топчет стежку к Кате...

К пожарному сараю спешит взволнованная Варвара. Она сталкивается с Филиппом, спустившимся с вышки, всплескивает руками:

— Ой, горе мое, Филипп! Не знаю, что и говорить тебе. Сердце на кусочки разрывается. Я же во сне видела тебя своим зятем!..А все так случилось, что слов не найдешь.

— Не надо ныть. Я знаю, — хрипло говорит Филипп.

— Ты прости Катю, — с притворной смиренностью умоляет его Варвара. — Прослышали мы, что Бутенков завклубом тебя назначает, и головы потеряли. Кому нужен такой муж и зять?! Зачем ты согласился?! А тут подвернулся обходительный человек, хозяин Константины Поликарпович... Прости меня, глупую бабу, очень он нам понравился...

Шумит вечерняя танцплощадка. В яростном ритме отбивают пляску солдатские сапоги Филиппа Горового. Гремит бубен, взвизгивает гармошка. Юлой вьется вокруг Филиппа цыганочка Радда...

К дому Кати подбегает взволнованный Алеша и палкой стучит в дверь. Дверь открывается, и на пороге появляется Катя.

— Скорее пошли, Катя! — кричит Алеша и тянет девушку за руку. — Забери Филиппа! Он там такое вытворяет!..

Филипп пляшет отчаянно, самозабвенно, вкладывая в ритм, в движения все свое горе.

В Листопадах со времен войны прижилась и разрослась цыганская семья.

— Вулкац, а не парень! — восклицает молодой цыган, встряхивая над головой бубен.

Восхищенно смотрят на плясуна девушки. Тихо подходит Катя.

— Ай, Филипп! Ай, сила! — восторженно кричит Радда.

Музыка смолкает, Радда в изнеможении

шатается, вот-вот упадет. Филипп дурашливо подхватывает ее на руки и сажает на скамеечку, сам садится рядом.

— Скажи, какая галантность, — едко замечает Катя. — Я думала — он там службу служил, а он, оказывается, учился шурам-мурам.

На ее слова все оборачиваются. Филипп от растерянности не находит слов.

Тишину нарушает Валя-белокурая, озорная девчонка:

— Филипп, а правда, что твоя служба была — играть на танцах?

— На танцах?! — он вскакивает и чертом смотрит то на Катю, то на Валю.

— Неправда, он военными музыкантами командовал! — вступает Алеша.

— Значит, все-таки, не десантник?! — разочарованно говорит кто-то из парней. — А еще значок парашютиста привесил...

— Я не десантник?! — Филипп замечает на заборе моток веревки. Рывком снимает ее и протягивает парню. — Бери веревку! Свяжите меня!

Трое парней берутся за веревку, обступают Филиппа, но он ловкими движениями с подсечкой валит их, успев на всех троих набросить петлю. Еще несколько сильных рывков, и парни, крепко связанные, лежат на земле.

— Была бы сила, ума не надо! — небрежно говорит Катя и, обняв за шею мальчика, говорит: — Пойдем, Алешенька.

Нежится в утренних лучах солнца село Листопады. Перекатывается петушинная перекличка. Где-то урчит трактор. Над тихой речкой, подступающей к садам и огородам, сидят рыбаки. Они недовольно косятся на забредших в воду лошадей. Поят коней цыганка Радда и ее отец Ивко — моложавый, усатый, темнолицый. Радда босиком, в спортивном костюме.

— Ого-го-го! — кричит она от избытка чувств. — Эге-ге-гей! — Голос девушки перекатывается над селом.

Филипп в трусах и майке сидит за столом у раскрытого окна, пишет рапорт: «Прошу командование части зачислить меня на сверхсрочную...»

По улице скачет табул лошадей. Их подгоняют два всадника — Радда и ее отец Ивко. Поровнявшись с домом Горовых, Радда ставит свою лошадь на дыбы.

— Здравствуй, Фил!.. Узнаешь нашу Стрелку?! — Она заставляет лошадь сделать круговой оборот и скачет дальше.

Из окна своего дома, будто между делом, Катя и Варвара наблюдают за подворьем Горовых. Варвара поглядывает еще и в боковое окно, в котором виден конец улицы и стоящая на обочине «Лада». У машины топчется Костя, нетерпеливо поглядывая на дом Кати.

— Ну, иди уже! — торопит Варвара Катю. — Костя вои всю траву вокруг машины вытоптал!

— Сама иди! И скажи, что я с ним не поеду!

— Ну и глупая! Перед Костей даже председатель шапку ломает!

— Не хвали, замуж я за него не выйду! — Катя укоряюще смотрит на мать.

— А я и не сижу. Чтоб я свою единственную дочь?!.. Да пусть мои глаза лопнут! Но и за Филиппа не отдам!

— Тебя не спрошу!

— Наплачешься. Ты дома с детьми будешь, а он в клубе до третьих петухов с молоденькими на спевках, репетициях, танцуляках! Известно, чем это кончается! — Варвара умолкает, видя что у подворья Горовых останавливается «газик», за рулем которого Бутенков...

Председатель колхоза неторопливо открывает дверцу машины, дожидаясь, чтобы к нему поближе подошел Македон Македонович.

— Ну как, утомился? — тихо спрашивает Бутенков.

— Ума не приложу: чего они поссорились? — отвечает Македон.

— Персмелется — мука будет, — успокаивает его Бутенков.

— Не скажи! Пишет бумагу, в армию собирается возвращаться.

— Я ему веруюсь!

— Пусть лучше в армию.

— Ты опять на своем?! — взрывается Бутенков.

— Я мечтал видеть его уважаемым человеком! Где ты видел завклубом с орденом или хотя бы с медалью?! А Филипп на комбайне через год-два героем труда станет!

К их разговору прислушивается Анна, жена Македона. Повесив на ветку вишни плечики с парадным мундиром Филиппа, она чистит сукно щеткой.

В это время из дома выходит Филипп, одетый в легкий костюм.

— Филипп Македонович, дорогой человек! — Бутенков обвиняет его, затем, повернув голову к Анне, рассматривает приколотые к мундиру Филиппа значки. — Ну, молодец! В нашем селе еще никто с парашютом столько раз не прыгал!.. Орел!

— Пятьдесят прыжков, — самодовольно уточняет Филипп.

— Соберем молодежь для встречи с героем! — восторженно говорит Бутенков. — Тебе же памятник надо ставить!

— Зачем тратиться? — посмеивается Филипп. — Давайте я сам постою на площади. «Чертопхайка» будет постаментом!

— Сделали черта на мою голову! — сокрушается Бутенков.

— Почему «черта»? Мотор от гоночного мотоцикла! Самый легкий и мощный.

— Спирту для него не напесешься! Надо было другой мотор.

— Кузьма и Потап затеяли спирт из опилок гнать! — сообщает Македон.

— Эти алхимники мне вот где сидят! — Бутенков проводит рукой по шее. — Все что-то изобретают! Петро Перепелица из списанного комбайна часы на машинном дворе сделал.

— Не часы — монумент! — смеется Македон.

— А Иван Фуфайкин, прослышав, что эта холера на спирту летает, грозится зе-

нитку сделать!.. Неумная фантазия! Чем не помощники тебе в работе с молодежью?

— Да не пойдет он в клуб! — Македон хватает с изгороди кувшин и бьет им о землю.

Удирает пес Шаро, разлетаются куры.

— Ищи дурачков в другом месте! — вступает в спор Анна. — На клубное жалование и кошку не прокормишь! А у Филиппа семья будет!

В это время из своего двора выходит принаряженная Катя. Ее замечают Горыныч и умолкают.

С тормозным скрежетом останавливается «Лада». Девушка бросает пренебрежительный взгляд в сторону Филиппа и гордо садится в машину.

Филипп негодует.

— Повысь зарплату, — успокаивает Анну Бутенков. — Клуб теперь будет импноваться Дворцом культуры...

Комната медицинского пункта. На табуретке перед медсестрой Олей сидит с испуганными глазами дед Кузьма.

— Колет? — растерянно спрашивает Оля.

— Это же не вилка, а ложка! — отвечает за деда его жена, бабка Татьяна. — Она круглая.

— Как это можно ложку проглотить?!

— А он, как лунатик! — рассказывает Татьяна. — Второй день ничего не видит, не слышит — спирт для летайки зобретает. А тут за завтраком смотрел телевизор, там заорали «пожар»! Мой-то пожарник! Ахнул, а оно раз — и туда!..

В комнату заходит Катя, надевая на ходу халат.

— Екатерина Васильевна! — Оля вскакивает. — Не поверите! Дед Кузьма ложку проглотил!.. Надо на рентген, а машины нет.

— Ну вот и договорились! — Бутенков дружески хлопает Филиппа по плечу: —

Раскочегаришь, а там дело покажет! Поехали смотреть клуб!

Алеша первым бежит к «Москвичу» и вместе с псом Шаро устраивается на заднем сиденье.

— Степан Петрович! — кричит бабка Татьяна, подъезжая на велосипеде. — Срочно машину!

— Бери! — Бутенков указывает на «газик». — А что будешь с ней делать?

— Старик мой помирает! Уже без сознания!

— Час назад он из меня душу выпил! — требовал опилок для спирта! — недоумевает Бутенков.

— Вот-вот, у него в голове одни опилки! Утром ложку проглотил! А чего раньше наглотался — пускай врачи разбираются!

Все ошеломлены такой новостью. В это время мимо проносится «Лада». За рулем Костя, рядом с ним Катя в белом халате, а сзади сидит дед Кузьма.

Филипп провожает машину убийственно-ревнивым взглядом.

— А меня, меня забыли! — кричит им вслед Татьяна.

— Ну, бабка Татьяна, — взрывается Бутенков, — много я вранья от тебя слышал... Но чтоб так про своего деда: умирает, без сознания!..

— Это он на людях храбрится, а выедет за село — волком завоет! Филипп, а ну вози меня за ними! — бабка прислоняет велосипед к «Чертопхайке» и проворно примыкает раму к раме печочки, выудив неизвестно откуда висящий замок.

— Ему нельзя! — протестует из окошка «Москвича» Алеша. — Едем клуб смотреть!

— Садись, бабка Татьяна! — хмуро бросает Филипп. — В ЗАГС поедем!..

Радда и Ивко ждут автобуса на остановке. Возле них тормозит «Москвич».

— В райцентр? — спрашивает Филипп.

Мчится по асфальтированной дороге битком набитый «Москвич» Филиппа.

— Говорят, что ваш дед проглотил чашки с печочкой. — шутиливо обращается Радда к бабке Татьяне. — Это правда?

— И часики?! — ужасается бабка. — То-то я их давно не вижу!

— Народ шутит, а вы всерьез, — улыбается Филипп.

— Не знаешь ты моего деда! — накидывается на него Татьяна. — Впялил глаза в телевизор, и можешь ему вместо каши сено подносить — съест!.. Вчера выкурил сигарету не с того конца!

— А как он заводит часики в животе? — интересуется Алеша.

— Вам хахоньки, — сердится Татьяна. — Скорей открывай клуб да зови Кузьму в оркестр!

— Не получается с клубом... — отвечает Филипп. — Уеду я из села.

— Уедешь?! — вскидывается Радда.

— Пришлют из района заведующего.

— Уже присылали — троих! Нам ты нужен! Когда ушел ты в армию, будто зеркало разбилось, и не во что посмотреть на себя... И петь все будто разучились...

— Вам, цыганам, песни слаще меда! — морщится бабка Татьяна.

— Филипп!.. — Радда не обращает внимания на слова бабки. — Ты пойми! В колхозе можно заменить любого механизатора, агронома, даже председателя! А тебя никто не заменит!

— Радда, пощади мое сердце...

— Ты из-за Кати? — тихо спрашивает Радда. — Помирись...

— Нет!

— Тогда... Тогда на мне женись! — Радда взрывается хохотом, чтоб скрыть смущение. — Я красивее Кати и моложе!

— Твои ухажеры меня зарежут.

— А у меня есть живая вода. Воскрешу!

— Сейчас просветим вас, — говорит женщина-врач в рентгеновском кабинете, — а потом на операционный стол.

— Резать?! — Кузьма испуган. — Может, магнитом или еще как? — Он поворачивается к Кате: — Катюша, хлопlochи.

— Не смешите людей, дед Кузьма!

— Чтобы ложку проглотить?! — моло-

дой рентгенолог потрясен. — Первый случай в моей практике. Раздевайтесь!

Кузьма начинает снимать сапог.

— Рубашку снимайте.

Кузьма снимает пиджак, затем рубашку, и вдруг на пол со звоном падает металлическая ложка.

— Вот она! — восклицает Кузьма. — Я ее, холеру, и под столом искал, и под лавкой... А жинка говорит, проглотил! — Старик вдруг наливается яростью: — Ну, я ей!..

— Я ему жена! — в кабинет врывается бабка Татьяна.

— О, Татьяна! — ярости деда как не бывало. — На тебе, милая, твою ложку, и не пугай меня больше.

— Выплюнул? — строго спрашивает бабка. — А часики с цепочкой?!

— Какие часики?!

Бабка Татьяна вдруг замечает Катю и кидается к ней, как к драгоценной находке:

— Катюша, ты куда смотришь?!

— Не морочьте мне голову со своими часиками! — сердится Катя.

— Я не о часиках! Скорее беги в ЗАГС! Там Филипп назад заявление берет!

— Опять сплетничаете?!

— Чтоб у меня язык отсох! — клянется бабка. — Я с ними приехала.

— С кем?

— С Филиппом и Раддой! Она же замуж за него...

— Вот, значит, в чем дело... Ну, я их сейчас женю!..

Прямо в белом халате Катя устремляется на улицу...

У двухэтажного ярко выкрашенного особняка стоит свадебный кортеж — автомобили, украшенные цветными шарами. Звучит торжественная мелодия марша Мендельсона.

С высокого крыльца ЗАГСа чинно спускаются жених и невеста в сопровождении свидетелей и близких. Им навстречу бежит взволнованная Катя в халате. Перед ней расступаются.

Девушка врывается в приемную комнату ЗАГСа и видит Филиппа...

На улице из здания ЗАГСа доносится непонятный шум. На подоконнике распахнутого окна второго этажа вдруг появляется Филипп. Оглянувшись назад, он спрыгивает в палисадник.

Вслед за ним рывается спрыгнуть Катя, но ее успевают перехватить загсовские служащие...

Комната почтового отделения. За столом сидят друг против друга Филипп и Алеша. Филипп перегибает исписанный лист бумаги и вкладывает в конверт с адресом: «Косицынский районный отдел ЗАГСа».

— А я хочу, чтобы ты женился на Кате! — требовательно заявляет Алеша.

— Женись на ней сам!

— Так мне мама и разрешит!

Свернув очередной лист, Филипп вкладывает его во второй конверт с адресом воинской части, где он служил.

— И в армию больше не пушу, — продолжает Алеша. — Отвинчу твои значки, и не возьмут тебя!

Филипп молчит — ему самому тошно. Потрогав банку с засохшим клеем, встает из-за стола, идет к окошку:

— Дайте, пожалуйста, клей.

Пока почтовая работница дает Филиппу клей, Алеша решает на «преступление». Он проворно вытаскивает из конвертов бумаги и меняет их местами.

Возвращается Филипп. Ничего не подозревая, заклеивает конверты и бросает в почтовый ящик. Надвигает картуз на глаза братишки.

— Иди к Шаро и караул с ним машину, а я прогуляюсь.

В зале чайной, на эстраде, играет джазовый оркестр, которым руководит сбежавший из села телятник Вадим. По углам зала фикусы. Между столами снуют две официантки. В дальнем конце буфет, за

которым царствует крупная, пышнотелая буфетчица Марта. Рядом с буфетом, за легкой стеклянной перегородкой «кабинет» Кости — заведующего чайной. Костя сидит за пустым столом, наблюдает за посетителями и работой буфетчицы.

Людей в чайной мало. У распахнутого окна, рядом с фикусом, сидят Егор и Василь. На столе — закуски, бутылка портвейна и две пол-литровые банки с наклейками «Березовый сок». Одна из них уже пустая. Егор и Василь навеселе.

— Тянут кота за хвост, — морщится Егор на музыку. — Вадим, смени пластинку!

Василь наливает в стаканы понемножечку портвейна, а Егор заговорщицки подмигнув Косте, под столом переливает в банку из-под березового сока водку. Затем прячет бутылку в сумку, в которой, похрюкивая, сидит поросенок. Василь задергивает молнию, оставив щель только для пяточка поросенка.

Из открытого окна Егор видит Филиппа, зовет его:

— Составь компанию!

— Не могу!.. Никак не могу! — Но заметив вдалеке Катю, подходит к окну и озорно командует: — Тяните!

Протянув руки, Василь и Егор рывком ставят Филиппа на подоконник.

— Из окна да в окно! — посмеиваясь, Филипп соскакивает в зал.

— Марта! — тихо окликает Костя буфетчицу. — Почему беспорядок?! — он указывает глазами на Филиппа. — Придетесь все-таки тебя по собственному желанию.

Марта сердито бросает тряпку, которой вытирала стойку, и обрушивается на Филиппа:

— Ты у себя дома тоже через окно?! А ну, марш из зала! — засучивая рукава, выходит из-за стойки.

— Марта, уймись! — останавливает ее Вадим. — Наш гость! — Он посылает Филиппу воздушное рукопожатие.

— Гости в окна не лезят! — Марта вопросительно оглядывается на Костю, и

тот глазами указывает ей, чтоб вернулась за стойку.

— В твою честь, Филипп! — кричит Вадим с эстрады, и оркестр играет бравурную мелодию.

— Плеснуть? — спрашивает Филиппа Василь, указывая на портвейн.

— Не пью, — Филипп берется за банку с наклейкой «Березовый сок», в которой водка, и наливает в стакан: — Березового можно...

Заведующий чайной довольной хмыкает.

— За твой мир с Катей! — говорит Егор, заставив Костю нахмуриться.

Они чокаются.

— А мы и не ссорились! — Филипп делает глоток, поперхивается и тут же выплевывает водку за окно.

Василь и Егор хохочут.

— Гады вы, хлопцы, — ругает их Филипп. — Я же за рулем!...

Музыка смолкает, Вадим с оркестрантами подходит к Филиппу.

— С приездом, маэстро! — его тискают в объятьях, жмут руки. Особенно покровительственно ведет себя Вадим.

— Марта! — зовет он. — Две зенитки для салюта!

— Ребята, я не пью! — напоминает Филипп.

— Брось, Филипп, — урезонивает его Егор. — Водку держал во рту? Теперь один ответ: дохнешь — молоко скиснет. Плакали твои права, если в ГАИ попадешь!

Подходит Марта с подносом, на котором две запотевшие бутылки шампанского и бокалы.

— Мне стакан чаю, — просит Филипп.

— Чай дома пьют! — негодует Марта. — А здесь отдыхают! — Она вдруг слышит, как хрюкает поросенок. Оторопело смотрит под стол и начинает орать: — Кто позволил?! Где это видано, чтоб в чайную со свиной ходили?!

— Это игрушечная! — шутит Филипп. — Ребенку купили!

— Да? — удивляется Марта. — А это что?! — Она берет банку из-под березово-

го сока, нюхает. — Водку пьете в недозволенном месте?! Милицию позову!

Вадим, который в это время откупоривает бутылку с шампанским, досадливо оглядывается на заведующего:

— Костя! Перекрой фонтан, иначе сам будешь играть!

Костя кивает головой Марте, и она, раздраженная до крайности, возвращается к буфету, а Вадим нечаянно выстреливает пробкой ей в спину. Марта подпрыгивает, словно ужаленная, издает вопль, но, встретившись со строгим взглядом Кости, зажимает ладонью рот и идет за стойку.

— Не разучился играть в армии? — с некоторым высокомерием спрашивает у Филиппа Вадим, разливая по бокалам шампанское. — А то у нас не хватает трубача. Попробуем?

— Тут играть?! — с удивлением спрашивает Филипп. — Мне это не... — и вдруг замечает, что в чайную заходит Катя. Суматошно вскакивает, обращаясь к Василью и Егору: — Пойдем, хлопцы, тряхнем стариной!

Они идут к эстраде, а Катя решительно садится за их стол.

Егор берет первые аккорды на пианино, Василь встал за ударник, Филипп вскинул в руках трубу, и начался концерт...

Филипп импровизирует, меняет инструменты...

Подперев кулачком щеку, Катя слушает вначале строго, сосредоточенно, но постепенно глаза ее обволакиваются радостью, любовью...

Музыка Филиппа ясна и прозрачна — он рассказывает девушке о своей любви к ней...

Этот необыкновенный концерт слышен и на улице — прохожие останавливаются...

К раскрытым дверям чайной пятится грузовик: привезли пиво.

— Мужики, кто хочет пива без очереди — сгружать бочки! — обращается водитель машины, когда музыка стихла и раздался аплодисменты.

Несколько посетителей спешат к двери. Филипп застыл на эстраде, не спуская глаз с взволнованного лица Кати.

Марта первая хватается тяжеленную бочку и несет ее через зал.

И тут случается непредвиденное: поросенок, сдвинувший молнию, тянется к лежащей на полу корке хлеба и вылезает из сумки.

Марта спотыкается о поросенка и, падая, роняет бочку. Вспенившееся пиво вышибает пробку. В потолок бьет могучая рыженистая струя, обдавая брызгами весь зал.

В зале вопли, хохот, визг поросенка.

— Хулиганье! Бандиты! — кричит Марта. — Я тебе покажу игрушечного! — Она пытается зажать рукой струю.

Василь, гоняясь за поросенком, поскальзывается в луже и переворачивает стол, уставленный бокалами с шампанским. Под чьим-то толчком слетает с подставки кадка с фикусом. Кто-то, падая, хватается за буфетную стойку, сбивает с нее самовар...

Наконец, пивной фонтан иссякает. Марта почти в беспамьятстве оглядывается на разгромленный зал.

— Милиция? — мрачно спрашивает в телефонную трубку Костя.

— Подпишите протокол, товарищ Горюнов, — предлагает старший лейтенант, дежурный по отделению.

Комната милиции разделена барьером. По одну сторону старший лейтенант, по другую — Филипп, Егор, Василь и непреклонная Марта. Лист протокола лежит на барьере.

— Да не хулиганил я... — с чувством неловкости говорит Филипп, вчитываясь в протокол. — И не дебоширил...

— Так что, это я такой разбой учинила?! — сердится Марта. — Я водку пила?!

Просунув голову в приоткрытую дверь, Радда прислушивается к разговору.

— И не пила я, — отвечает Филипп. — Непьющий.

— Прошу дохнуть! — дежурный протягивает трубку Егору, тот дышит — и реактив краснеет.

Радда подает кому-то знак, и в комнату милиции врываются Степан и две цыганки. Они начинают «спектакль».

— Это она, товарищ милиция! — весело сообщает Степан, указывая на Марту. — Арестуйте ее!

— Меня?! За что?! — ужасается Марта.

— Вы видели картину «Украла трамвай»?! Это она украла.

— Я украла трамвай?! — Марта в ужасе. — Зачем мне трамвай?!

Радда в это время шепчет Филиппу:

— Пил?.. Не дуи в трубку!..

А «спектакль» продолжается.

— Украла и выменяла на кобылу!

— Зачем мне ваша кобыла?! У меня «Запорожец»!

— Неправда, ты в «Запорожец» не влезешь!

Радда продолжает шептать Филиппу:

— Убегай!

— Мне?! Убегать?! — Филипп с насмешкой смотрит на Радду. — Дайте трубку, подую!

— Прямо руки дрожат, так жалко красоту губить, — говорит молоденькая парикмахерша, снимая машинкой бороду Бутенкова.

— Надо! — сердито отвечает Бутенков, глядя в зеркало и видя себя уже без усов и бороды.

— Новое начальство прислали в район — не любит волосатиков.

— Хоть бы усы оставили!

В это время в парикмахерскую врывается Катя.

— Степан Петрович, спасайте! — Она сдергивает с него простыню и проворно смахивает состриженные волосы. — Поехали!

— Что случилось?! — Бутенков вскакивает...

Царственно восседает на стуле у буфетной стойки Марта, наблюдая, как Филипп, Егор и Василь швабрами и тряпками моют пол в чайной. У двери стоит милиционер.

— Я вам покажу трамвай! — грозитя Марта, а затем рассуждает: — Какой же дурак будет мнить трамвай на кобылу? Ее кормить надо!

— Хороши... — говорит Бутенков, заходя вместе с Катей и участковым милиционером Мурашовым в чайную. — Страдная пора, а механизаторы со швабрами! На пятнадцать суток?.. И творческая личность?!

— А что?! — хорохорится Филипп. — Творческая личность должна все испытать!

— Ну, личности, закругляйтесь! — командует Бутенков. — Будете в селе обрабатывать! — И подает милиционеру документ. — Под наблюдением нашего участкового, — указывает на Мурашова.

На дверях клуба висит большой амбарный замок, поверх которого на плашке виднеется плomba. У дверей стоят Бутенков, Филипп и Македон Македонович.

— Не трожь пломбу! — предостерегает Македон Бутенкова.

Бутенков решительно срывает пломбу и открывает дверь.

Все фойе забито мешками, на которых чернеют надписи: «Соль крупного помола». Бутенков и Филипп подавленно смотрят на эту картину.

— Как будешь размывать этот засол? — язвит Македон, обращаясь к Филиппу.

В клуб врывается Варвара и возмущенно кричит:

— Зачем сорвали пломбу?! А если достача?! Мне отвечать?!

— Тебе... За то, что клуб в склад превратила! — обрывает ее Бутенков.

— Сами потребовали завезти соль, а я виновата, что нет засолочного пункта! — еще больше взвизывает Варвара.

— Если продавать — на десять лет хватит, — размышляет вслух Филипп.

— На сто! — поддевает сына Македон.

— Ну, вот что! — Бутенков берет руку Филиппа и решительно кладет в нее ключи. — Звони в райторг, пусть забирают соль!

— Так они его и послушаются, — язвит Македон.

— Ладно, обмозгуем, — Филипп посмеивается.

Садится солнце. На его фоне видны пахущие лошади.

На опушке леса пылает костер. Над ним казанок, полный раков. У костра сидят Филипп и цыган Ивко.

— Эх, красотища какая! — вздыхает Филипп, оглядываясь вокруг. — Я такую зорьку во сне часто видел, когда в армии был: табун, речку, костер... И вдруг... пятнадцать суток...

Ивко отвечает ему по-цыгански:

— Кон чюрдэла дрэ тутэ барэса, чордэ дрэ лэстэ марэса, — а затем переводит: — В тебя бросят камнем, а ты брось хлебом... Сыграй, Филипп, — просит Ивко.

— А тут еще Катя на экзамены уехала. — Филипп, вздохнув, берет из футляра трубу. Встает на пень, начинает играть.

Мелодия льется над лугом, над речкой... Лошади, пофыркивая, поднимают головы и, одна за другой, идут в ту сторону, откуда доносится музыка.

Перелетает с ветки на ветку сова — ближе к людям... Замер тушканчик. Лошади сбились плотным табуном вокруг пня, на котором играет, закрыв глаза, Филипп.

Скачет сквозь вечерние сумерки всадник на белой лошади. Это Радда. Она слышит музыку и сдерживает Стрелку, а та, уловив ритм мелодии, переходит на грациозный алюр. Приблизившись к табуну, Стрелка закружилась в танце...

На «Москвиче» едет Филипп по дороге, огибающей село. Из приемника тихо льется музыка. Впереди он видит Потапа и цы-

гана Ивко с тачкой, груженной мешками, сзади вышагивает дед Кузьма.

Филипп ставит машину на обочину, выходит.

— Что, почтенные? Опилки добыли?

— Первый сорт! Нужна тягловая сила!— говорит Кузьма.

— Забрасывайте мешки на крышу, подвезу...

Машина Филиппа мчится дальше.

— Выключи радио! — морщится Кузьма.

— Подожди! — настораживается Потап. — Что-то интересное!

Филипп усиливает звук приемника, врывается голос диктора:

— Можно заключить, что запасы ископаемых в недрах земли не вечны... Мировых запасов угля хватит не более, чем на сто лет, нефти — на сто пятьдесят, железа — на восемьдесят... Отсюда возникают перед человечеством серьезные проблемы...

— Вот те на! — потрясенно произносит Потап. — Подчистили, значит!

— Из чего же трактора клепать станут? — тревожится Ивко.

— Из пластмассы! — хмыкает Кузьма. — Я недавно читал, где-то всю соль vybrали...

— Соль, говорите, vybrали? — Филиппа осеняет какая-то мысль. — Интересно!..

— Мне два мешка соли! — решительно требует Филипп у Варвары, зайдя в магазин товаров повседневного спроса.

— Сколько?! — Варвара, бывшая ластой на прилавке мух, смотрит на Филиппа, как на ненормального.

— Два мешка!..

Тащатся по улице с мешками соли на плечах Василь и Егор.

Пронесется мотоцикл и мопед, груженные «дефицитным товаром». То там, то здесь по пути от клуба виднеются согбенные фигуры мужчин и женщин под тяжестью мешков.

Кузьма и Татьяна грузят в тачку два мешка ценного продукта.

У входа в клуб выстроилась очередь покупателей.

Варвара Ивановна упарилась от бойкой торговли. Пол в фойе очистился.

К клубу подъезжает «газик», за рулем которого сидит Бутенков.

— Что случилось?! — озадаченно спрашивает он. — Почему в рабочее время?!

Ему никто не отвечает.

— Зачем вам столько соли?! — спрашивает Бутенков у пожилого колхозника.

— Люди берут, и я беру.

На приборном щитке «газика» зуммерит телефон. Бутенков снимает трубку:

— Слушаю. Да, я... И у тебя соль скупают?! — Он кладет трубку, выходит из машины и, зайдя в клуб, отдает распоряжение: — Варвара Ивановна! По два кило в одни руки!.. Оставьте мешок для детского сада!

Филипп, Радда и Алеша подметают пол клуба. За их усердной работой наблюдает Варвара, рядом с ней два мешка.

— Филипп, будь ласков, подкинь мне соль на машине.

— Это вы себе столько оставили?!

— А я что, дурее других? Люди на десятки лет запаслись!

— Запаслись? У них сознание! Клуб для себя освободили!

Варвара пристально смотрит на Филиппа и вдруг догадывается. Хлопает руками себя по бедрам и с укором говорит:

— Ты что, «любимой» теще не мог правду шепнуть на ухо? — и передразнивает его: — «Мне два мешка соли!..»

— Ивко просил лука пастбища — лошалям! — Филипп лукаво улыбается.

Кирпичное здание мастерской, навесы, под которыми стоит на бетонированных площадках техника. Вспыхивает искрами электросварка. У тракторов и агрегатов хлопочут ремонтники.

В глубине двора, сидя в «Москвиче», Филипп буксирует на жестком тросе старый грузовик. Вокруг полно мальчишек-подростков. Кажется, все школьники Листопада собрались здесь.

Из кабины «Москвича» Филипп видит, как отлаживают механизм силооборочного комбайна Егор и Василь. Останавливает машину, подходит к друзьям.

— Скоро горючее будет? — обращается к Филиппу Егор. — Летать хочется!

— А куда мы полетим? — интересуется Филипп.

— Куда? — Егор обращается к Василью: — Василь, куда мы полетим?

— Куда, куда! — Василь тоже озадачен. — Куда надо, туда и полетим! Важно — доказали молодежи, что своими руками можно что захочешь сделать!

— Ладно, летчики-чертопхайчики! Полетим. А пока соберите сегодня всех, кто играть умеет. Оркестр будем ладить.

— А инструменты?! — спрашивает Егор.

— Купит колхоз, — уверенно отвечает Филипп.

— Решение есть?

— Будет!

— Не будет! — Егор безнадежно машет рукой и зовет проходящего цыгана-кузнеца: — Степан, выдай коронный фокус!

Степан поднимает с земли небольшой камень, делает, как факир, пассы, а затем сжимает его в руке. Из камня побежала струйка воды.

— Видишь? — Егор дергает Филиппа за рукав. — Из камня легче воду выжать, чем у твоего отца и Бутенкова деньги!

— Спорим — выжму! — загорается Филипп.

— На что с тобой спорить? — небрежно спрашивает Егор.

— На что хочешь!

— На «Москвича» поспорь! — подсказывает Степан.

— Согласен! — не задумывается Филипп.

— На «Москвича»?.. — Егор как будто раздумывает, затем подходит к автомобилю, осматривает его со всех сторон: —

Смену покраску... пошью новые чехлы... резина годится... — Он возвращается к Филиппу: — А если проиграю?

— Проведешь во Дворце культуры в порядок комнату изобретателей — раз! — отвечает Филипп.

— Согласен.

— Будешь руководить кружком «Юные техники», — Филипп указывает на буксируемый грузовик.

— По рукам! — восклицает Егор.

Соперникам разбивают руки, и Филипп идет к машине.

— Филяша! — кричит ему вслед Егор. — Поосторожнее с моей машинной.

Бутенков принимает в своем кабинете бригадиров. Поднимает трубку звонившего телефона:

— Слушаю!

— Петрович, тут Филипп явился с твоим нарядом! У меня же не склад! — говорит голос в трубке.

— А ты поднатужься! — требует Бутенков.

— Не Филипп, а таран, — говорит один из бригадиров. — Забрал паркетный лак, а теперь плитку подавай...

... В бухгалтерии звонит телефон. Македон поднимает трубку.

— Македон Македонович, Филипп прислал за белилами!

— Ну и что?

— Вы же сами говорили, что беляя краска на черный день!

— Не давай!

— Так наряд же!

— А каким карандашом я подписал его? — Македон не видит, что в бухгалтерию зашел Бутенков.

— Синим!

— Сколько тебя учить?! Красным — все выдавать! А синим — половину!

— Ты брось эти ребусы! — сердится Бутенков. — Филиппу выдавай все, что есть!

— Он и сам берет. Вон машину без разрешения к клубу притащил!

— Какую машину? — Бутенков подходит к окну. — Так это ж списанная!

... Перед Дворцом культуры стоит прибухсированный грузовик. В открытом моторе копаются мальчишки. Кто-то работает домкратом, чтобы снять колесо. Из кузова проворные руки разбирают метлы, лопаты, ведра.

— Филипп Македонович, какой фронт работ десятому «А»? — спрашивает разбитная девчонка.

Филипп смотрит в бумажку:

— Ваши — сцена и кулисы! Список работ у учителя по труду!

— Дядя Филипп, а правда, что вы нас потом на «Чертопхайке» катать будете? — обращается мальчишка, держа в руках метлу.

— Неправда, — отвечает Филипп. — При клубе будет кружок... Сконструируете с дядей Егором свою, тогда... Эй, что вы делаете?! — кричит Филипп, увидев, как двое мальчишек снимают с его машины колесо.

— А сказали, снимать все колеса!..

С подъехавшего грузовика сгружают доски и фанеру...

... Бутенков отворачивается от окна и подходит к столу Македона:

— Завелся Филипп!.. Теперь главное — не попасть под его колеса.

В бухгалтерию заходит Филипп.

— Страда, страда, — говорит Филипп, подражая голосу Бутенкова, и протягивает председателю лист бумаги. — Нет рабочих рук... Есть руки! Дело за деньгами!

Бутенков, посмотрев в бумагу, кладет ее перед Македоном. Говорит Филиппу:

— Нереально. Нет и десятой доли таких денег для клуба!

— Я — не слышал, вы — не говорили! — Филипп веселым чертом глядит на Бутенкова.

— Подтвердите, Македон Македонович!

— Ты слышал, как кашляют мухи? — спрашивает у сына Македон, возвращая ему бумагу.

— Нет.

— Так вот, я тебя тоже не слышал!

— Сейчас услышите тех, кому клуб нужен! — Филипп подходит к раскрытому окну: — Ребята! Всем зайти в бухгалтерию! Бегом!

— Тише... Тише-на!.. — командует Филипп, стоя на табуретке посреди бухгалтерии, битком набитой подростками.

— Попали-таки под колеса, — хохочет Бутенков, взглянув на растерянного Македона.

— Ну, дяди, каков будет ваш ответ?! — спрашивает Филипп.

— Я потребу, чтоб тебе еще пятнадцать суток припаяли! — сердится Македон. — Нет денег на глупые выдумки!

— Филипп Македонович, — взмолился Бутенков. — Может, не так уж все безнадежно?

— Пиши: один барабан, — диктует Македон Македонович сидящему за столом Филиппу.

На столе растерзанные музыкальные инструменты.

Они в реквизитной комнате клуба. Главбух копается в шкафу со сценическим реквизитом: что-то перекладывает, что-то примеряет и бесстрастно диктует:

— Один барабан. Написал?

— Разве это барабан? Шкуру мыши съели!

— Неважно, была б единица!.. — примеряя окладистую бороду, продолжает диктовать: — Один тромбон...

— Да тут ни мунштука, ни клапанов! Подуй!

— Для ревизии нужна единица... Пиши: один альт...

— Вот бы узнать, кто раструб на блесны располосовал?! — Филипп вертит в руках изуродованный инструмент.

— Не уследил, каюс.

— Не уследил! Когда я уходил в армию, все было в полном порядке!.. Вот передам на тебя в суд!

— Кого тут судить собираются? — В раскрытое окно просовывается голова Радды, подтехавшей верхом на Стрелке.

— Меня, ветерана войны! — Македон театрально стучит себя в грудь. — А за что?!

— А я о вас еще и фельетон в газету пошло! — грозит Радда. — Списывайте старье и покупайте инструменты!..

Филипп кладет перед Македоном бумагу:

— Вот по этому списку!

— Ты бы съездил лучше в район да посоветовался, как списать этот металлолом!.. А то сразу руку в колхозную кассу! Я расточительства не позволю!

— Купить музыку — расточительство?! — с негодованием восклицает Радда, забираясь через подоконник в комнату. — Камень ты, а не человек! Разве можно жить без музыки и песни!

— Кроме песни, надо еще и финансовую дисциплину соблюдать! — парирует Македон.

— Ни кует, ни мелет! — Филипп хохочет, а затем укоряет: — Печешься о колхозной кассе, а забываешь о нуждах людей, которые наполняют кассу своим трудом!

— Без демагогии, Горовой! — Македон уходит, хлопнув дверь.

Филипп и Радда стоят посреди реквизитной комнаты и видят в окно, что впереди идущего Македона прошмыгнула черная кошка.

Заметив кошку, главбух сбивается с шага, растерянно оглядывается, затем поворачивает в сторону и лезет через забор...

— Ай-яй-яй, — смеется Филипп.

— Вам «ай-яй-яй!» — голосом Македона передразнивает Радда Филиппа и, взяв на реквизитной полке усы, приклеивает их себе. — А мне, мил человек, в каждой черной кошке ревизор или фельетон видится!

— Его голос! — восклицает Филипп, накидывая себе на плечи цыганский платок. Голосом Радды продолжает игру: — Не бойся, дорогой, ревизора, помогу словом.

Покладп, красавец малеванный, на лапу червонец, отворочу беду...

— Не совсем похоже, — перебивает его Радда. — Вот как надо. — Она берет руку Филиппа: — Твое горе, брильянтовый, маленькое, как лужица, — голос у Радды с хрипотцой, воркующий, — перепрыгнешь и счастлив будешь. Хочешь знать, когда?.. Позолоти ручку, красавец, скажу. Всю правду узнаешь!

— Ну, это нам: ать-два! — хорохорится Филипп и голосом Радды тараторит: — Протяни руку, бесстыдница! Чем твоя разудалая голова занята? Ничего не возьму, а правду всю скажу!.. В мыслях у тебя Стрелка и скачки! Выбрось это из головы! Быть тебе знаменитой певицей! — Он берет гитару и, аккомпанируя, по-цыгански поет.

Радда подпевает Филиппу вторым голосом. Затем из груди инструментов берет бубен, вскакивает на табуретку, потом на стол и начинает плясать...

Горланят над Листопадами петухи... Встает огромное солнце, отражаясь в тихих водах речки. Сидят на берегу рыбаки, рядом поит коней Ивко...

— С добрым утром, товарищи! — слышится голос московского диктора.

Черная кошка пьет из блюдца молоко. К ней подкрадывается Алеша, ловит ее и сажает в мешок.

— Шаро, за мной! — командует мальчик подбежавшему псу.

... Из кустарника, подступающего к улице, высматривая кого-то, крадется Филипп, переодетый в цыганку. Его не узнать. Лицо обрамлено колечками черных волос, полные губы ярко накрашены, удлинены ресницы, из-под цветастого платка ниспадает толстая коса.

— Филипп, все о'кей! — говорит подбежавший Алеша.

Из дома выходит Македон Македонович, он идет на работу.

За плетнем притаился Алеша, прижав к земле мешок с кошкой. Рядом воянует

Шаро, он нюхает мешок, и шерсть его дыбится.

Завидев отца, Алеша выпускает кошку. Спасаясь от Шаро, она молнией пронесется перед Македоном.

Главбух словно натывается на стену. Он наклоняется, перевязывает шнурок на туфле, затем поворачивает назад и окольным путем направляется в центр.

На тропинке сталкивается с передетым Филиппом.

— Скажи, золотой человек, где у вас цыгане живут?

— Иди туда, найдешь, — Македон безразлично машет рукой назад.

— Спасибо, добрый человек... Только вижу, беда над твоей честной и мудрой головой нависла...

— Брось эти цыганские штучки! — отмахивается Македон, пытаясь обойти «цыганку».

Но Филипп напирает на него грудью, причитая:

— Не к лицу говорить о цыганах плохо герою-фронтовику, пулями да осколками три раза пробитому, двух орденов удостоенному...

Македон остолбенел:

— Верно, три... и два ордена.

— Покажи руку! — «Цыганка» решительно берет обмякшую руку Македона. — Большая беда... Поостерегись!.. Позолоти ручку, скажу, какая...

Македон трусливо оглядывается по сторонам, роется в карманах пиджака, а «цыганка» тем временем продолжает:

— Из казенной бумаги узнают твоё имя все люди и будут смеяться над тобой и сердиться на тебя...

— Как отвести беду? — дрожащим голосом спрашивает Македон и кладет на руку «цыганки» пятерку...

Над счетной машинкой с перевязанной полотенцем головой сидит Македон, работает. На столе лежит валидол.

— Что это ты?.. — встревожился Бутенков, зайдя в комнату.

— Ночь не спал... Все думал, думал... Нужны деньги. Шел на работу, так меня за сердце взяло.

— Ты просто переутомился. Полежать надо...

— Лежащих руководителей бьют!

— У тебя семь пятниц на неделе! Вчера же договорились!

— Нет, Петрович, не договорились! Я вот прикинул, сколько наши листопадовцы тратят денег на оплату оркестра по случаю свадеб, проводов в армию, ну и, как полагается, похорон... В глазах потемнело! Уже можно было не один оркестр обновить!..

— Тебе что, голову подменили?! Или Филипп так поднажал? — Бутенков потрясен. — Где же ты раньше был, когда мы решали на правлении?!

— Я на тебя надеялся. Ты руководитель и должен понимать, что колхозный оркестр — это не роскошь, а забота о людях!

— Значит, я виноват?! Так вот, чек на инструменты я подписывать не буду. Все — решено!

Тормозит на остановке рейсовый автобус. Из передней двери выпархивает Катя с чемоданчиком в руке.

— Катюша! — останавливает Катю подкатившая на велосипеде бабка Татьяна. — Как твои экзамены?

— Сдала!

— А почему на автобусе, как простая селянка?

— На такси не заработала.

— У тебя ж два домашних такси! Филипп и Костя!

Катя нахмурилась.

Они идут по улице, и вдруг из-за угла им навстречу выскакивает «цыганка».

— Это не наша! — говорит бабка Кате, а затем обращается к «цыганке»: — Эй! Гадать умеешь?

— Умею, — не сразу отвечает «цыганка».

— Я не верю в гадания, — говорит Катя.

— Не верь, милая! Я не гадать буду, а правду скажу... Тебя Екатериной зовут?..— И «цыганка» берет руку Кати.

— Да. — Катя в растерянности.

— Счастливой будешь... Любит тебя трефовый король... Красавец мужчина!

— Тютя он!

— Обманули его, золотая! Трефовая дама напустила туману. — «Цыганка» с укором смотрит на Татьяну.

— Это Филипп ее послал! — вскрикивает Татьяна. — Полдня вчера с Раддой распевал! Сговорились!

Катя насторожилась, отнимает руку, а «цыганка» накидывается на бабу:

— Опять сплетничаешь?! У них будет восьмеро детей и жизнь, как песня!

— Уходи, Катюша! — требует бабушка. — Врачиха, студентка — и на виду у села с гадалкой тары-бары...

Катя, пожал плечами, уходит, а бабушка Татьяна, выждав, пока она скроется за поворотом, набрасывается на «цыганку»:

— Косы пооборву!

Филипп успевает схватить бабушку за руки и сжимает их так, что она приседает.

— Если ты, Скипидариха, не перестанешь брехать...

— Не буду...

— Покажи язык!

Бабушка послушно показывает язык.

— Да-а, твоя брехня впереди тебя бежит... Надо прижечь! — Филипп достает записалку.

— Смилуйся...

— Ладно. — Смотрит на ладонь бабушки. — О-о, у тебя грех на душе! Большой! Что-то с музыкой связано.

— А-а, знаю! Филипп велел записать старух и стариков в хор.

— Почему не сделала?

— А я виновата, что и мой Кузьма туда претя?! За Докией будет волочиться!

— Нет, за Настей.

— Ух, что б ей против шерсти ежа родить!

— Опять язык распускаешь? Лучше скажи деду, чтоб ложку к столу привязывал!

— Скажу...

— А бабам, что горе их ждет.

— Какое?

— Может случиться, что мужики новых жен заведут. От Бутенкова зависит. Если не купит оркестр — в райцентр на репетиции будут ездить. А там такие барышни!..

— Велика радость: закончишь институт и в селе останешься, — говорит Варвара, подкрашивая перед зеркалом брови.

— У нас же больницу строят! — убеждает ее Катя, прохаживаясь по горнице.

— Другие в городе находят место с институтским дипломом.

— А мне сейчас цыганка наворожила, что у нас с Филиппом восьмеро детей будет. — Катя смущенно улыбается и кидает взгляд в окно, на дом Филиппа.

— Семейную капеллу нарожасишь. — язвит Варвара.

Но Катя уже не слушает ее. Она видит, как со стороны огородов во двор Горových через изгородь перемаривает знакомая ей «цыганка». Воровато оглядываясь по сторонам, она заходит в сарай...

В закрытую дверь сарая раздается громкий стук. Филипп, уже без грима, переодетый, быстро подает мешок с вещами Алеше.

— Беги на речку и жди у обрыва!

Он открывает дверь. В сарай врывается взволнованная Катя. Не увидев цыганки, мимо Филиппа кидается к окну и видит, как качаются над кем-то, продирающимся к речке, кусты.

Катя поворачивается к Филиппу. В глазах у девушки слезы. Она порывисто хлещет Филиппа по щекам и кидается в дверь...

— Катя, обожди! Я объясню!..

Над полем, над речкой, над перелесками звучит песня. Сильные и чистые женские голоса рассказывают забавную историю о разборчивой невесте, которая, в конечном итоге, коротает жизнь в одиночестве.

Проворные руки женщин и девушек обламывают ненужные помидорные побеги.

— Бабоньки, Скипидариха! — прерывает песню чей-то голос. — Сейчас узнаем все новости!

Бабка Татьяна, шустро управляя велосипедом, катит по полевой дороге и, порывившись с работницами, останавливается.

— Бог в помощь! — папечно говорит бабка. — Поете?.. Ну-ну...

Женщины перемаргиваются, молчат. И вдруг бабку прорывает:

— Думаете, врать буду?

— Разве ты когда-нибудь врешь? — серьезно спрашивает Фрося. — Даже про деда, что ложку проглотил, правду сказала.

— Проглотил!.. Потом выплюнул!.. — сердится бабка. — А часики с цепочкой так и не найду!..

Женщины пересмеиваются, с веселым любопытством глядят на Татьяну.

— Мужиков ваших Филипп записал в оркестр! — говорит бабка.

— Так это ж хорошо! — восклицает кто-то.

— Хорошо, да не очень! Инструментов нет! Барабан съели мыши! На репетиции аж в райцентр будут ездить!

— Не согласятся! — уверенно заявляет Фрося.

— Твой Егор первым согласился! — бабка ехидно смотрит в красивое лицо Фрося. — Там такие барышни!..

— Я ему покажу барышень!

К полю приближается «газик» Бутенкова.

— Сейчас председателя спросим. — Фрося выходит на дорогу, поднимает руку: — Стой!

— Что тебе? — Бутенков тормозит. — Я спешу.

— Разговор есть.

Бутенков колеблется, но к машине подходит еще и дебелия Докня, распахивает дверцу, выхватывает из гнезда ключ зажигания, бросает себе за пазуху.

— Вылазь, милый, — ласково говорит она, — и не чирикай, а то...

— Опять искупаете? — смеется Бутенков и выходит из машины.

— На этот раз сухим отпустим. — Докня и Фрося под руки ведут Бутенкова в тень дуба.

— Садись, будь дорогим гостем, — говорит Докня. — Есть хочешь?

— Бабоньки, не валяйте ваньку! — Бутенков чувствует подвох.

— Ты не знаешь, что в летнюю пору мы мужей почти не видим? — строго спрашивает Фрося. — А теперь и вовсе забывать их надо? Мой Петька уже отца называет дядей.

— Так, может, он и есть ему дядя? — пытается отшутиться Бутенков.

— А я и не догадывалась! — бабка Татьяна светится от радости.

— Дошутись, председатель! — Фрося вьедливо смотрит на Бутенкова.

Из машины доносится протяжный зуммер телефона. Бутенков порывается встать, но Фрося, ласково погладив его по плечу, усаживает на место и сладким голосом говорит:

— Отдохни, Петрович... Без тебя поговорим.

А у телефона уже бабка Татьяна. Взяв трубку, она отвечает:

— Занят Степан Петрович!

На коммутаторе дежурит Радда. Она проворно орудует штекерами.

— Чем занят? — спрашивает Радда. — Его из краевого телевидения спрашивают! Пусть возьмет трубку!

— Не может! Требуется сюда Филиппа!..

Радда щелкает тумблерами и говорит:

— Телевидение? Товарища Бутенкова нету!

— Девушка, к вам не подъезжала съёмочная группа «Мы ищем таланты?».. Желтый автобус!

Этот разговор слышит бабка Татьяна...

У дуба разгорелись веселые страсти. Бутенков уже сидит высоко, на сучу дерева,

подобрав ноги, а женщины столпились вокруг и продолжают с ним объяснение.

— Ну, залезай еще кто-нибудь! — похатывает Бутенков. — Одному скучно!

Доносится стрекот приближающейся «Чертопхайки».

За штурвалом вертолетика Филипп. Он всматривается вперед, видит Бутенкова на дереве. Приблизившись, делает круг и сажает «Чертопхайку» на другом берегу речки.

— Там не могу сесть! — кричит Бутенкову Филипп. — Разобьют бабы машину!

Бутенков начинает спускаться с дуба. Но женщины с веселым возбуждением сжимают кольцо. Тогда Бутенков прыгает в речку и плывет на другую сторону. Женщины даже визжат от восторга.

— Щекотки боюсь! — оправдывается Бутенков, опасливо усаживаясь в «Чертопхайку».

Вертолетик взмывает вверх, переносится через речку, и вдруг Филипп начинает сажать его на дорогу, по которой бегут женщины.

— Ты что делаешь?! Они меня до смерти зашекочат!

— Деньги будут на инструменты? — спокойно спрашивает Филипп.

— Это шантаж!

— Ну, будут деньги? — Филипп поощрительно улыбается приближающимся женщинам.

— Будут! Будут! — кричит Бутенков.

— Слово?

— Даю слово!

«Чертопхайка» вновь взмывает вверх и берет курс на село. Мотор ее работает неровно, и вертолетик будто катится по выбоинам.

— Чего он козлом скачет? — интересуется Бутенков у Филиппа.

— На тройном одеколоне летим!..

— Еще есть новость! — торжественно объявляет бабка, указывая на «газик» председателя. — Передали по телефону, что приезжает телевизия!.. За талантами!

— Алло, мы ищем таланты? — со знанием дела спрашивает Валя.

— Оно самое! На желтом автобусе!

— Видать, Филиппова работа... — высказывает догадку Докия.

— Но мы же, пока Филиппа не было, ни разу на спевки не собирались! — тревожится Фрося.

— Какие спевки?! — сердится бабка. — Каждый день на работе вместе горло дерете!

...Возле конторы правления колхоза садится «Чертопхайка». С нее соскакивает Бутенков. Облегченный вертолетик подпрыгивает, а затем косо уходит в сторону.

Бутенков замечает на дверях конторы красочное объявление о начале работы клуба и о записи в кружки, оркестр, хор...

...Такое же объявление прикалывает к стенке пожарного сарая Радда. У нее за спиной стоят Кузьма и Потап.

— Все село разукрасила! — недовольно ворчит Кузьма.

— Филипп приказал! — весело отвечает Радда.

— Все Филипп... — с хитрецей говорит Кузьма. — Вот говорят, что Катя застукала тебя сегодня с Филиппом в сарае.

— Кто говорит?!

— Все село!

Радда смятенно смотрит на стариков, а затем, бросив прикалывать объявление, стремительно бежит в сторону дома Филиппа.

...По улице идут Радда, Алеша и Филипп, опять переодетый в цыганку.

...На медпункте санитарка Оля оказывает помощь Кате — отпаивает ее водой, дает нюхать нашатырь. Катя заливается слезами.

На пороге встает Радда:

— Катенька, я ее поймала!

Катя непонимающе смотрит на Радду.

— Поймала и приволокла сюда!

— Кого? — плача спрашивает Катя.

— Злую разлучницу!.. Давай ее зарежем или утопим! — Глаза Радды светят-

ся смехом. — Заходи, злодейка! — кричит она в прихожую.

В комнату заходит «цыганка», испуганно жмется к стене.

— Зачем ты ее привела?! — взрывается Катя и сердито выговаривает «цыганке»: — Любит трефовый король?! Да?! Будет восьмеро детей?!

— Можно и больше,— деловито замечает «цыганка».

На медпункт вдруг с криком врывается дед Кузьма.

— Катюша, спасай, ради бога! — вопит он. — Беда тяжкая!

Катя и Оля кидаются навстречу деду.

— Рехнулась моя старуха! Запер ее в чулан!

— Вы спокойнее,— просит Катя.

— Какое «спокойнее»?! Сел я перекусить, а она, короста, сует мне ложку на цепочке! А цепочка к столу прикована... Гляжу, на всех ложках и вилках дырки просверлены!.. Сажусь к столу, а ложка на цепочке! — Кузьма вываливает из кармана груды продырявленных вилок и ложек.

Вдруг с «цыганкой» случается приступ смеха.

— Милые сестрицы,— хохот душит ее. — Каюсь... Это я посоветовала ложку к столу привязывать, чтобы ее дед не проглотил.

— Ты?! — Дед с неожиданной прытью накидывается на «цыганку», хватая ее за косу: — Насмешки строить?!

«Цыганка», вскочив со стула, делает рывок в сторону, и в руках деда остается кося, на которой болтается великолепный парик.

Кузьма замирает с перекошенным от ужаса лицом. Застыли Катя и Оля.

А Филипп берет со стола марлевые салфетки, спокойно стирает с лица грим и говорит:

— Ну вот, дед!.. Содрал скальп?.. Отвечать будешь перед судом!

— Филипп!.. — выкрикивает Катя.

Участковый Гриша Мурашов, сидя за рулем мотоцикла, принохивается...

Мотоцикл медленно едет по улице...

В предбаннике работает «лаборатория». Горит в топке огонь, вырывается пар из шельс в глине, которой замазана крышка куба, вздрагивают манометры, ползут вверх красные столбики на термометрах.

В саду близ баньки стоит «Чертопхайка», в ее бак Кузьма заливает горячее. Рядом смотрят Потап и Македон, у которого под мышкой березовый веник.

— Поздравляю! Научный подвиг! — искренне говорит Македон.

Залив горячее, Кузьма завинчивает пробку бака и приглашает:

— Прошу в парилку, кавалеры!

Они заходят в предбанник.

— Смотреть жутко! — восторженно шепчет Македон, глядя на «лабораторию». Начинает раздеваться и спрашивает: — Не рванет?

— Не должно! — отвечает Кузьма. — Клапан предусмотрен...

В сад вбегает взволнованная бабка Татьяна.

— Едут! Едут! — кричит она. — На желтом автобусе! Скорее парьтесь! Телевизия едет снимать таланты!..

...А Гриша Мурашов, медленно продвигаясь на мотоцикле по улице, все «вынюхивает», откуда несется бражный дух...

— Самогон? — спрашивает он у бабки Татьяны.

— Нет, нафталин! — отвечает бабка, изо всех сил нажимая на педали велосипеда.

— Фрося! Едут! — кричит она, проезжая мимо подворья Егора.

— Едут, Данила! — оповещает бабка мужика, который красит ворота. — Бери свою пилу!

— Кто едет? — недоумевает Данила.

— Бери пилу и беги к клубу!.. За талантами присхали!

Навстречу бабке попадают Аляша и Шаро.

— Зови скорее Филиппа! — приказывает бабка.

— Сбежал Филипп,— удрученно отвечает Алеша. — И Катя с ним. В армию, наверное...

...Гриша Мурашов медленно въезжает на подворье Кузьмы, приближается к баньке. И вдруг раздается взрыв. В сад вылетает окно бани, а в проем вырывается пламя. Тут же на карачках из предбанника выползают в чем мать родила Кузьма и Потап, а затем выбегает голый Македон.

— Одежду, одежду мою!.. — кричит главбух.

На площади у клуба собралось много людей.

— Слышали? Филипп сбежал! — говорит Татьяна, продираясь сквозь толпу женщин. — Как мы без него?!

— А кашу заварил густо! — смеется Фрося. — Разве можно без репетиции сниматься?

— Так таланты же! — поддевает ее Дюкия. — С репетицией каждый сумеет...

От дверей клуба доносится протяжно-мелодичная музыка. Это сидит на ступеньке дядька Данила и водит смычком по большой пиле.

На площадь въезжает желтый автобус с матовыми окнами. Он делает разворот и останавливается.

Распахиваются его широкие двустворчатые двери. В них показывается здоровяк с крепкими волосатыми руками.

— Пожалуйста, кто первый! — обращается он к собравшимся. — С острой болью без очереди!

За ним видны люди в белых халатах, зубо-врачебные кресла и столики со сверкающими инструментами, при виде которых Данила замирает с открытым ртом.

— Товарищи,— говорит появившаяся в дверях автобуса Катя. — К нам приехала передвижная зубо-врачебная амбулатория...

— Ну, Скипидариха!.. Таланты... — шипит Данила.

— При чем она?! — удивляется Фрося. — Вот с кого надо спросить! — И указывает пальцем.

К клубу подъезжает на «Москвич» Филипп. Вся его машина обвешана, как елка игрушками, музыкальными инструментами. На багажнике привязаны два огромных барабана, ударная установка и геликон. Из-под инструментов выбираются Вадим и Радда.

— Егор, а твоя машина тютю!.. — Василь толкает под бок Егора и с притворным огорчением морщится: — Поторопился ты гараж строить...

Филипп выходит из машины и паталкивается на напряженные взгляды людей.

— Брехло ты, Филипп! — Огорченно Данилы нет предела. — Алло, таланты! Алло, таланты!.. Тьфу!.. — И, зажав под мышкой пилу, решительно уходит.

— Данила!.. Люди!.. — бабка Татьяна в растерянности. — Я сама слышала! Должны приехать!..

— Ты... ты зачем меня сюда привел?! — Фрося в ярости наступает на Егора.

В дверях клуба вдруг появляется «цыганка»: из-под цветастого платка виднеется толстая коса. Она медленно спускается по ступенькам и подходит к Филиппу.

— Скажи, золотой человек,— гундосо хрипит она,— у тебя есть совесть или нет?

Филипп пристально всматривается в лицо «цыганки», глаза его начинают искриться смехом.

— Ждет тебя, разбойник, проклятье бухгалтерии колхоза! Позолоти ручку!.. Гони пятерку назад!

Филипп, задохнувшись от хохота, достает деньги и кладет на руку «цыганке»:

— Возьми, батя! Спасибо тебе!..

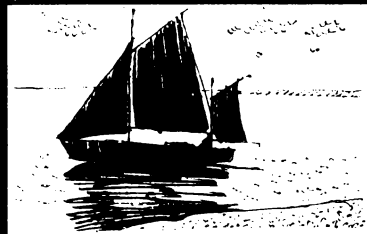
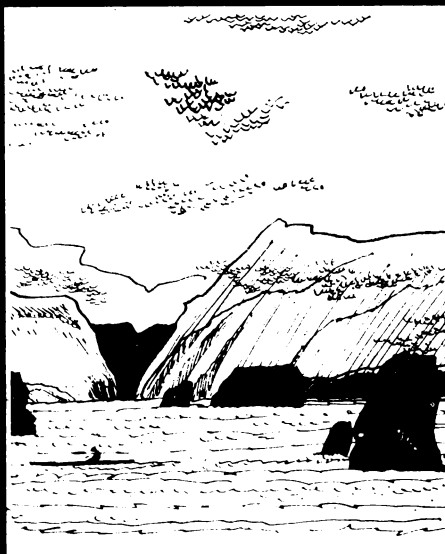
По небу плывут розовые облака. Возле «Москвича», нагруженного инструментами, Филипп и Катя, Вадим и Радда, Алеша и Шаро.

— Что же теперь, Филя? — встревоженно спрашивает Радда. — Теперь никто не придет в клуб!

— Теперь-то и придут! — весело отвечает Катя.

— Лиха беда начало! — добавляет Филипп.

Ю. КАЗАКОВ, А. КОРДОН, А. ФИЛАТОВ

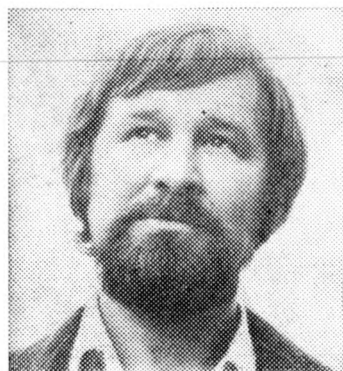
ВЕЛИКИЙ САМОЕД

ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ КАЗАКОВ (родился в 1927 году) окончил Литературный институт им. М. Горького. Член Союза писателей СССР. Лауреат Гонкуровской премии (Франция). Его перу принадлежит ряд сборников рассказов, в том числе «Голубое и зеленое», «Двое в декабре», «Осень в дубовых лесах», «Во сне ты горько плакал», «Северный дневник».

АРКАДИЙ САМОИЛОВИЧ КОРДОН (родился в 1945 году) окончил режиссерский факультет ВГИКа. Его дипломная работа «Татьяна — Борис» была включена в киноальманах «Друзья мои». Затем А. Кордон поставил полнометражный художественный фильм «Приключения Травки».

АРКАДИЙ ПАВЛОВИЧ ФИЛАТОВ (родился в 1938 году) по образованию физик. А. Филатов занимается литературным творчеством с 1959 года. Он автор двух сборников стихов и переводов, пьесы «По прозвищу Бык», созданной в соавторстве с Б. Утенковым, научно-популярной книги «Поверхности Ферми», написанной в содружестве с профессором М. Кагановым.

Фильм по литературному сценарию «Великий самод» — кинодраматургическому дебюту всех трех авторов — ставит на киностудии «Мосфильм» режиссер Аркадий Кордон. Иллюстрации к сценарию выполнены художником-постановщиком картины Дмитрием Богородским.

Всем ушедшим от нас посвящается.

Космы снега неслись параллельно земле. В нескончаемом снежном урагане едва различался занесенный сугробами чум.

Свет очага, колеблясь, падал на молодую женщину, застывшую в обычной для самоедских рожениц позе: она стояла, подвязанная ремнями под мышками, концы ремней вели к шестам чума, руки женщины были распластаны.

Мумиеобразная старуха топором вырубала куски мяса из замерзшей туши тюленя, бросала их в котелок, висящий над огнем.

— Нет живых в чумах,— бормотала старуха, прислушиваясь к звукам пурги. — То песцы жрали покойников, теперь медведь повадился. Каждую ночь цинга приходит. Каждую ночь жизнь уносит. Никак цинга не насытится...

Роженица дышала часто.

— Ты должна родить! — упрямо говорила старуха. — Если ты умрешь, не родив, мой сын должен вернуть выкуп твоему отцу. Ему нечем вернуть выкуп...

Цепляясь за привязанную невестку, старуха поднялась.

— Ты родишь моему сыну сына...

— Да! Да! — отвечала женщина, сдерживая слезы.

— Нам поможет священная Я'небя. — Старуха прижимала к животу роженицы деревянную разукрашенную куклу.

— Да! Да!

— Ты не умрешь. Цинга не возьмет тебя.

— Цинга не возьмет меня.

— Я'небя, мать земли, сними нашу боль... Я'мюня, нутро земли, помоги разрешиться

от бремени... — Старуха подошла к невестке сзади, обняла ее руками, сцепив их на животе и прижимая к нему куклу, стала синхронно и быстро давить на живот, заговорила в такт движениям: — Я'небя, я'мюня, я'небя!..

Ветер терзал конус чума. Сквозь пургу послышался крик новорожденного.

Старуха омыла ребенка снегом, насыпала в люльку мелко стертые древесные гнилушки, сухой мох, укутала мальчика в мягкие шкурки, уложила.

— Сейчас, сейчас ты отдохнешь,— шептала старуха. — Ты родила моему сыну сына... Как мне тебя не любить! Ты красива, Некоця, ты хороша...

Роженица не двигалась, деннула головой. Старуха схватила нож и двумя ударами перерубила ремни, связывающие невестку. Молодая мать опустилась на шкуры.

Мальчик, казалось, улыбался во сне.

— Мы будем жить, — склонилась над ним старуха. Она прислушалась, метнула взгляд в черную дыру чумовища, обернулась к невестке и закричала.

Нвестка была мертва.

— Некоця, Некоця! — Старуха схватила из люльки ребенка, тыкала им в грудь покойницы, теряя рассудок. — Что ты наделала? Кто будет кормить твоего сына? Никто не рожал на острове...

Потом, держа ребенка на руках, старуха опустилась на пол и заплакала. Она не вытирала слез, которые капали на лицо проснувшегося малыша, на широко раскрытые, безучастные глаза мертвой.

— Ты должен жить, сын моего сына,— сказала старуха и стала засовывать ребенка за пазуху. — Старая женщина Сэротэта приехала летом с материка. У нее молоко не кончилось.

Старуха с ребенком шла сквозь пургу на лыжах. С трудом преодолевала она снежный ветер, шаги становились все медленнее и тяжелее. Она остановилась, села, и снег стал заносить ее. И вместе с тем постепенно стихала пурга.

НА НОВОЙ ЗЕМЛЕ ЗА ВОСЕМЬСОТ ЛЕТ НЕ РОДИЛСЯ НИ ОДИН ЧЕЛОВЕК. НИКОГДА НЕ СЛЫХАЛА НОВАЯ ЗЕМЛЯ ДЕТСКОГО СМЕХА ИЛИ ПЛАЧА, НИКОГДА НЕ ХРАНИЛА ДЕТСКИХ СЛЕДОВ НА СВОЕМ СНЕГУ ИЛИ НА МОРСКИХ СВОИХ ОТМЕЛЯХ. ТОЛЬКО КРОВЬ ЗВЕРЕЙ ПРОЛИВАЛАСЬ НА НЕИ, ТОЛЬКО УМИРАЛИ ЛЮДИ, ИСТОЩЕННЫЕ ЦИНГОЙ, И ВЫСОКИЕ КРЕСТЫ ИЗ ПЛАВНИКА ВОЗДВИГАЛИСЬ НАД КАМЕНИСТЫМИ ЕЕ МОГИЛАМИ.

ПЕРВЫМ ЧЕЛОВЕКОМ, РОДИВШИМСЯ НА ОСТРОВЕ, БЫЛ ТЫКО ВЫЛКА...

Бледное солнце освещало безжизненную белую равнину и маленький холмик снега на ней. В тишине ясно слышался детский плач. С громким лаем появились собаки и яростно принялись разгребать снег. Возбужденно покрикивая, прыгивали с нарт самоседы: отгоняя собак, откапывали старуху. Ефим счищал с лица старухи снег.

— Твоя мать умерла, Ханец,— сказал он молодому самоседу. Затем достал из паницы покойной оружий человеческий комочек, завернутый в звериные шкуры, и на лице его появилась улыбка.

— Твой сын, Ханец.

Ханец принял ребенка, прижал к груди: почувствовав руки отца, мальчик затих.

Чайка летела одна. Сбив крылом пену с распластавшейся волны, она взмыла

вверх, двумя сильными взмахами обозначила мощь полета, но уже лишь планировала, лишь скользила, как будто предрешенной была эта неудачная попытка рвануться к небу, и оставалось отжаться движению вдаль, вперед, за горизонт. От последней дороги ничто никого не избавит, да ведь и она — прекрасна, широка, бесконечна.

Ненец, одетый по-европейски, с элегантностью, присущей старикам, которые умеют носить даже не новые вещи, смотрел с берега в море.

Далеко на рейде стоял теплоход — блестящий белизной красавец с гордым изломом носа, с тонкими, изящными абсолютной прямой антеннами, с симметрией легких палубных построек. С теплохода спускали катер — как будто ребенок в люльке, покачивался он возле огромного борта, такой же белый, как сам теплоход, такой же праздничный в чистом океане, под голубым небом. Катер коснулся воды и на плаву, покачивувшись еще больше, казалось, зарезвился и побежал, разбрасывая по воде светлые крылья косых волн.

Старый ненец пошел через людской коридор, спускавшийся до самого берега, не оглядываясь.

Вскоре он поднимался с катера на теплоход, а на оставленном берегу были улыбки, были поднятые ладони и ладошки, была радость и была грусть.

Чайка еще не достигла горизонта. Цветом она сравнилась с небом, и только движение позволяло видеть ее.

Теплоход «Владимир Русанов» отходил с Новой Земли в Архангельск. Море было спокойным, день — ясным, и на далеком уже берегу долго виднелись люди, проводившие старого Вылку, который стоял сейчас на палубе. Постепенно исчезали детали, а потом и люди, и берег, и горизонт стали чем-то единым, и теперь уже не взгляд, а память находила в них близкое и знакомое.

Вылка видел то, что ему хотелось видеть. Сначала были лица — с разной ско-

ростью прошли они перед его спокойным взглядом: Ханец, Устинья, Ефим, Ремизов, Нестор, Прасковья, Борисов, Переплетчиков. Даша... Русанов!.. И хотя нельзя было заглянуть ему в глаза, или дотронуться до него, или окликнуть, он был рядом, как когда-то, давно-давно, с тем же счастливым и добрым лицом увлеченного жизнью человека.

Чайка становилась точкой. Вылка, которму чайка мешала видеть Русанова, отвел от нее взгляд, закрыл веки, увидел другое.

Разряженные свадебные упряжки неслись по мягкому насту. Впереди ехал сват Хаденгота, многочисленные родственники, и среди возбужденного поезда — жених Ханец Вылка с пятнадцатилетним сыном Тыко.

— Отец! — возбужденно обращался Тыко. — Зачем женишься?

Ханец топорщил усы, поджимал губы, блестя глазами, смотрел на показавшийся чум невесты.

— Вдвоем жить плохо? — не отставал Тыко.

Ханец наконец посмотрел на сына, улыбнулся и неожиданно подмигнул ему.

— Сидя Вэхэляко! — кричал сват Хаденгота. — Что ты морочишь нам голову?! Я сват Ханца Вылки. Мы с тобой сторговались о выкупе. Где невеста? Дурья башка, где твоя дочь?

— Здесь моя дочь! — доносилось из чума. — Смотри, дурак Хаденгота! Смотрите, какая красавица! — Тихо прошуршал полог, и, нагнув голову, появилась из чума девочка лет четырнадцати, худенькая, маленькая, нарядная. — Ваш выкуп слишком мал, а моя дочь невинна. Я не отдам ее вам!..

— Тыко! — заорал Хаденгота. — Ты товарищ жениха! Ты что делать должен?..

Кто-то выбежал из толпы, вырвал у Тыко покрывало, набросил на невесту, завязал у ног. Подбежали остальные, не-

сту покатали по земле, обматывая веревками, подняли, бросили в легкие нарты и с гиканьем промчались от чума.

— Я убью тебя, Хаденгота! — кричал вслед свадебному поезду здоровяк Вэхэляко. — Ты украл мою дочь! Я вырву твои кишки и брошу их собакам!

— Авка! Авка! — выскочив из чума, забегал мимо сидящего на нартах Тыко мальчишка и заарканил из стада двух оленей.

— Погоди запрягать, сынок, — остановил его Вэхэляко. — Пусть подальше отъедут — не то догоним. Наши олени резвее будут.

В становище жгли костры против туч мошкеры. Через дымокур, кашляя и отхаркивая, женщины пронесли в чум Ханца невесту, постелили на оленьи шкуры белое покрывало, развязали веревки. Глаза девочки кричала, когда женщины принялись раздевать ее. От костра донеслось пьяное пение.

Сидя Вэхэляко, обняв Ханца, хрипло орал — на шее у него вздулись жилы. Гости пили водку, хватали из свадебного котла ломти парного мяса — ели жадно, молча.

Подошли иньки из чума Ханца.

— Готова ли невеста, женщины? — спросил Хаденгота, поведя к ним мутный взгляд.

— Готова, сват Хаденгота. Нельзя ли промочить горло? Вы далеко ушли. Нам быстро догонять надо.

Хаденгота протянул каждой по большой кружке водки.

— Пейте. Быстро догоните.

Ханец встал и нетвердой походкой направился в чум. Откинув полог, он вначале не увидел невесты. Девочка забилась в угол — нагая, она испуганно закрывала выставленными ладошками свое худенькое тело, смотрела на мужчину с мольбой.

Белый олененок пощипывал мох. Кто-то запел грустную песню. Тыко смотрел на олененка, на горы вокруг, на становище с унылыми чумами, на грязь пиршества у

костра, на женщину, певшую чистым и сильным голосом, не похожую на остальных: она была в папице, но глаза ее не были раскосыми, волосы были сплетены в толстую косу. Тыко отвел глаза.

Дикий животный рев раздался в становище. Гости вскочили.

— Сидя Вэхэляко! — весело закричал Ханец. — Ты слышишь меня? Ты получишь впридачу десять важенок и десять оленей хору! Ханец добрый человек! В жертву Великому Нуму я забил молодого оленя! — Он размахнулся и отшвырнул в сторону окровавленный деревянный кол.

Самоеды бросились к затихшему оленю. Острыми ножами отхватывали от туши куски сырого мяса, впивались в них зубами.

Тыко бежал к незнакомой женщине, держа в вытянутых руках оленье сердце — мимо соплеменников, жадно жующих сырое мясо, короткошеих, с реденькими бородачками, мимо ребятишек с лунообразными лицами.

— Возьми сердце, — сказал он женщине, опускаясь на колени. — Сердце оленя — знак дружбы вечной.

— Она жена Павла!.. — подскочил к нему Хаденгота, выхватил сердце, но тут же, сбитый с ног Вэхэлякой, рухнул в костер.

Женщина подобрала сердце. Хаденгота вскочил, но снова удар кулака сшиб его наземь.

Дрались по всему становищу. Ни за что ни про что один бил другого — за каждого заступались третьи, началась всеобщая свалка. Юный Вылка бегал среди обезумевших сородичей, хватал их за руки.

— Не надо! — кричал он. — Вы люди! Не надо!

Ему доставались пинки и удары, лицо его было окровавлено.

Павел бил жену ногами.

— Павел! — кричал Тыко и бросился на самоеда.

Павел выхватил нож, но Тыко стоял перед ним с горящей корягой в руке. Бессмысленный взгляд Павла еще больше за-

туманился, он отошел от Тыко, сел, потом лег на землю и тут же заснул.

Тыко помог женщине подняться.

— Я — Тыко, — сказал он. — По-русски — Олешек. Еще Ильей зовут. Так по окрестил.

— Я — Устинья. Он мог убить тебя.

— Тебе больно? — спросил Тыко.

— Больно. Не очень. Уже не больно. — Взяв за руку, она повела его от становища.

Вдали от становища крутая белизна снега была и резкой — задорящей взгляд, и теплой в своей глубине, словно собравшей остатки света перед долгой полярной ночью.

— Чудное у тебя имя. У нас женщин зовут именем мужа или отца.

— Я — коми, — объяснила Устинья. — Ижемка.

— Зачем ты приехала на Новую Землю?

— Ты знаешь, где Гусинная земля?

— Какая? — не понял Вылка.

— Никто не знает.

— А ты?

— Я знаю. — Устинья говорила тихо, поверяя тайну. — Ты знаешь, куда уходят хорошие люди?

— Когда умирают?

— Они не умирают, — возразила Устинья, как маленькому. — Гуси уносят их на свою землю. Это там, — показала она уверенно, — на севере... Синяя. И — солнце. И течет вода. И ты плывешь — легко, хорошо. Гуси принесут тебя, и ты — чистый, счастливый... — Устинья обняла Тыко.

Он сопротивлялся женщине, смущенный ее ласками.

— Давай уедем. — просила Устинья и целовала Тыко. — Убьет меня муж. Бесплодная я. Поедем искать Гусинную землю.

— Да, — говорил Тыко, уходя от ее целуев.

— Там все чисто.

— Я знаю. — Тыко противился ласкам.

— Никто не знает. Только мы с тобой.

— Правда? — шептал Тыко.

— Правда.

Женщина была настойчива и овладела им.

Тыко увидел стаю гусей, летящих на север, услышал протяжный крик — гусиную песню, увидел женщину, плывущую на гусях по небу.

Ошалевший, захваченный неожиданным, новым, прекрасным, он смотрел на север, на солнце, вдруг поразившее его своим цветом. Взял камень и глиной сделал несколько мазков — он уловил что-то, поместил на камень, и удивительная радость охватила его. Он смеялся счастливо — художник, творец, человек: поднялся, раскинул руки и громко закричал.

Теплоход шел в океане. Никто не нарушал уединения старого Вылки, которое, конечно же, не было одиночеством, потому что весь пройденный человеком путь всегда с ним. Не нужно оборачиваться, чтобы вспомнить свое детство, свою любовь, свои будни — разве бывает им конец, разве не бессмертен человек в каждом дне своем, даже закатиом?

В пенной дуге закормных волн, где было не только отраженное миллионными каплями солнце, но было и что-то черное — разбитая винтом вода, проткрывавшаяся глубь, бездна — в этой пенной дуге старый Вылка узнавал знакомое, далекое, ушедшее, но не расставшееся с ним.

Было лето. Устинья шла от берега. Откинув капюшон паницы, выпростав волосы, которые рассыпались на спину и, теребимые ветром, бежали назад, отчего лицо ее было устремленным, спешащим — да и действительно торопилась она на шаг, — она кричала:

— Илюшенько!..

Никакого дела не было у нее, просто шла она к Тыко, к их радости.

— Илюшенько! — Подбежав к чуму, заглянув внутрь, она увидела неожидан-

ное — Тыко едва ль не в забытьи разворачивал пачку чая, просыпая чанники, освобождая фольгу, разглаживая ее на коленях, бормотал:

— Бог делает... Я сделаю... Большое созда, маленькое впереди... Это можно... Вот так это будет... Дальнее наверху, близкое внизу... Все как у бога будет...

Он уже шарил где-то в углу и наконец, найдя гвоздь, поднялся, пошел из чума, увидел Устинью, приостановился, словно пришел в себя, улыбнулся ей приветливо, обнял за плечи, повел за собой.

— Пошли, — говорил он. — Видишь, — показал он на дальние заголубевшие близкой непогодой скалы, которые четкой, причудливой линией разрывали невыразительность затянутого дымкой горизонта. — Это сделал бог. Это сделаю я. Смотри.

Гвоздем он стал рисовать линию скал на фольге, и она оказалась столь похожей на реальную, что Устинья смотрела на Вылку с испугом.

Шум моря, крики чаек, редкие удары каменного зубила нарушали тишину Карского берега, где уже наступила зима и пейзаж становился более мягким в красках, но более резким в переходах, дразнящим взгляд.

Первые ненецкие рисунки — рисунки Тыко Вылки. Наввные, детские... Олени, собаки, медведь, ледники, чумы, гуси, летящие в небе, а на земле, взявшись за руки, — двое людей в малицах...

Он рубил их топором на камне, осторожно прицеливаясь, чтобы не сделать неверного скола, царапал гвоздем на плавнике, сдувая стружку, шаркивая ее ладонью. Ему хотелось расцветить рисунок, и он взял плоский голыш, стал растирать на нем цветные глины, потом, расщепив патрон, высыпал в краску порох, аккуратно размешал.

— Все имеет свой цвет, Устинья... — бормотал он. — Цвет бывает холодный, бывает теплый... Бывает сердитый, бывает добрый... Медведь, когда идет, — белый, когда рычит, — синий...

У костра сушились этюды, написанные глинами, замешанными на порохе.

— Тыко! — испуганно окликнула Устинья. Вылка обернулся. Накаленные краски вспыхнули и взорвались.

Он вздрогнул и вдруг захохотал.

И снова было лето. Тыко и Устинья шли на карбасе к рюжам, черневшим в устье реки.

Устинья кормовым веслом направила лодку в горловину рюжи, Тыко продернул ее и закрепил. Перебирая по стенкам рюжи, загигая ее за борт, внутрь, поддерживая на сгибе коленками и локтями, Устинья и Тыко начали вваливать в карбас куток. Они не заметили, как собаки на берегу навострили уши в сторону моря. Из тумана показалась и медленно стала подходить большая льдина, на которой виднелось несколько движущихся точек.

Тыко дернул за веревку, куток раскрылся, и на дно карбаса заскользили, с влажным шорохом, под нервный крик чаек, ленты водорослей, морские звезды, камбала, треска, зубатка, пиногор с негритянскими губами. Метались и билась гольцы.

С моря послышался грохот.

— Господь всевышний! — выпрямилась Устинья.

Море штормило. Едва льдина приблизилась к берегу, точки, оказавшиеся собаками, с громким лаем понеслись что есть духу к чуму, к теплу костра, к дыму. Не дожидаясь, пока льдина коснется отмели, они прыгивали в воду, вылезали на твердое, встряхивались и, обратившись в сторону моря, начинали лаять. Лаяли и собаки Вылки.

— Собаки-то чьи? — спросила Устинья.

С моря донесся далекий выстрел.

— Люди там! — крикнул Тыко. — Гибнут! Стреляй, Устинья!..

Устинья вскинула винчестер и выстрелила.

— Выбрасывай рыбу!

— Куда?

— За борт. Скорей! — С лихорадочной быстротой освобождали они карбас от улова — выбрасывали рыбу охапками.

Ловко и быстро греб Вылка. Все больше льдин, больших и малых, попадалось ему навстречу. Тогда он бросал весла и, распиная лед багром, продирался в темноту. Карбас швыряло на волнах.

— А-а-а-а! — закричал Тыко. Приложил руки к ушам, услышал в ответ далекое, слабое: а-а-а-а...

— Иду! — крикнул Тыко, налегая на весла.

В тумане возникла разбитая яхта с развороченным якорным клюзом, заторошенная льдом, опрокинутая, потом появились бочки, сани, ящики. Выступил край льдины, кучка пострадавших на ней — в рваной мокрой одежде, с лицами истощенными, обросшими.

Тыко причалил к льдине, прыгнул на нее, сжимая конец каната. От группы людей отделился маленький кривоногий самосед, бросился к Вылке, закричал:

— Тыко! Ты помнишь меня? Я — Ефим! Я тебя в снегу нашел! Мать оцинжала... старуха померла... Помнишь? Я тебя родил!..

— Братцы! Братцы! — кричали матросы друг другу, обнимались. — Спасены, братцы!

— Шхуну льды задавили... — захлебываясь от скороговорки, говорил Ефим. — Думали — смерть. Ты пришел, Тыко!.. Лександр Лексенць! — закричал Ефим высокому бородатому человеку в рваной парке. — Господин Борисов! Это — Тыко Вылка! Наш он. Самоед он..

...Среди белых снегов горели костры, кипела вода в котлах. Возле чума, в бочках, мылись Борисов и его спутники. Мылись смачно, — кряхтя, посапывая, похлопывая себя по груди и по спине.

— Едри его за ногу — прямо как японцы.

— Десять лет с кости — до чего пробирает! А ты в океане мыться собрался... Иль он тебе прорубь? Велика больно прорубь-та!

— Хозяйство береги — сварись!

— Ефимушко-о!.. — нарочито, как резаный, кричал штурман Хохлин. — Наддай, роднуля!

Ефим сорвался с места, побежал к костру, схватил меховой рукавицей раскаленный камень, перебрасывая его в руках, бросился к Хохлину — тот прижался животом к стенке бочки — и бухнул, хохоча и визжа, камень в воду. Хохлин закричал, под общий гогот выскочил голым на снег, снова прыгнул в бочку и снова выскочил ошпаренный.

А Ефим уже бежал от костра к следующему по очереди.

— О-о, благодать! Вот крещение... Вылка! — закричал Хохлин. — Ну как вы там? Небось, давно так не мылся?

В чуме Вылка мылся в одной бочке с Устиной.

— Мылся, — громко ответил он. — Запрошлый год чиновник из Архангельска присезжал, баню строил. Я мылся.

— Год назад?

— Запрошлый год, — подтвердил Тыко.

В ответ — общий хохот.

— Тыко!.. Ты бабе скажи, пусть она тебя по заду пошлепает!

И снова хохот.

— Чаше мыться нельзя, — выйдя из чума, серьезно сказал Вылка. — Чаше мыться — дров не хватит.

Ефим тем временем отодрал топором крышку от ящика и стал доставать продукты. Люди растирались, ныряли в меховые брюки, куртки и пижмы.

Борисов с недоверчивым интересом рассматривал рисунки на камнях.

— Чья работа? — спросил он Тыко.

— Моя, — смутился тот.

— Что это? — Борисов держал в руках сланец с изображением летящих по небу гусей.

— Гусиная земля. — Тыко был взволнован вниманием русского к рисункам.

— Гм... — Борисов коротко взглянул на Вылку, послонявил палец, потер рисунок.

— Глина, — объяснил Вылка.

— Карандаши, бумага у тебя есть?

Вылка молчал.

— Пошли! — Борисов повел Тыко к своим спутникам. — Василий, подай-ка топор.

Тыко Вылка, 10-е годы.

Он ловко отодрал с одного из больших ящиков две доски и, покопавшись в нем, достал пачку картона и карандашей, протянул Вылке.

— Это мне? — не веря, спросил Тыко.

— Дай нож. У тебя острый?

Вылка торопливо протянул нож рукояткой вперед. Борисов с профессиональной быстротой очинил карандаш.

— Ефим, вытри рот и смотри... на чум! — В несколько секунд он набросал портрет Ефима. Присутствующие пришли в восторг: похож!

Тыко бережно взял карандаш и нарисовал возле фигуры Ефима костер, чум позади, солнце над головой.

— Да? — прищурился Борисов. — А резинки у тебя есть?

— Резинки? — засмеялся Вылка.

— Ты что? — удивился Борисов.

— Ре-зи-нки... — едва выговаривал сквозь смех Тыко, и все смеялись вместе с ним. — Очень смешное слово. Что такое резинки?

— Смотри. — Несколькими движениями Борисов стер портрет Ефима.

Ефим едва не плакал — вертел, рассматривал чистый лист картона.

— Ну как? — спросил Борисов.

— Я очень много не знаю, — расстроился Тыко.

Солнечным осенним днем, когда воздух чист и прозрачен до того, что далекие льдины кажутся близкими, а мир — первозданным в своей красоте, Борисов и Вылка работали на этюдах. На мольбертах был один и тот же пейзаж — море, скалы, льдины, горы, крошечная стоянка внизу, но — академически выполненный у Борисова и детски-наивный у Вылки.

— Что ты кисть за душу держишь? — сказал Борисов, за внешней грубоватостью которого чувствовалось добродушие сильного и нежного человека. — Выше бери, легче.

Вылка посмотрел, как держит кисть Борисов, взял так же.

— На севере красок много, — говорил Борисов, — а получается одна — холодная. Ты охру кладешь — где ты ее видишь? Это, брат, фантазия.

Вылка улыбнулся, неожиданно возразил:

— Александр Лексенч. Медведь когда идет — какой? Белый. Когда рычит — спящий. Бывает сердитый цвет, бывает добрый. Каждый берег свой цвет имеет.

Борисов оторвался от мольберта, посмотрел на Вылку, задумался.

— Теплые краски здесь потрачу, — добавил Вылка. — Холодные для севера сберегу. Скоро на север пойду.

— Я думал на север идти. К мысу Желания, — сказал Борисов. — Картины писать. Показать красоту Новой Земли. Чтобы весь мир знал. Долгом считал. Да видишь — неудача. На следующий год приеду. Доберусь до мыса. По льду доползу!

— Далеко мыс Желания, — возразил Вылка. — Трудно идти будет.

— Слушай, друг. — Борисов помолчал, решил. — Ты ведь мне помочь можешь. Поедешь на север — карты рисуй. Большое дело сделаешь... Все карты врут, а проверить некому.

Развернулась безбрежная тундра. Через снега, горы, впадины и льдины ехала на север единственная упряжка Вылки.

...Зимой — под светом мистического полярного сияния.

...Летом — когда солнце стояло высоко и под ним, как нигде в мире, пылали льдины и айсберги.

Вылка рисовал карту. Освещенный лучами весеннего солнца, неведомый залив появлялся на мольберте.

— Был бы грамотным, написал бы сейчас: залив Борисова, — сказал Тыко Устинье. — Я так назвал его.

Цветными красивыми узорами Устинья расширяла паншу.

— Мы едем с тобой четвертый год. Еще немного, и карты будут готовы. — Тыко наклонил голову, любуясь рисунком. — Когда приедет Борисов, отдам ему карты. Он будет рад. Учиться хочу.

— Чему ты хочешь учиться? — Женщина отложила шитье. — Разве ты не самый меткий охотник? Разве не лучший рыболов? В нашем чуме всегда много мяса и шкур.

— Я глупый. Очень глупый, — улыбаясь, говорил Тыко. — Я думал, в Гусиную землю можно доехать на нартах...

Устинья ласкалась, но грустно. Вдруг во взгляде ее появился испуг, она вскрикнула. Тыко обернулся. Возле чума стоял медведь. Угрожающе рычал. Собаки, «зевнувшие» зверя, заливались с безопасного расстояния громким лаем.

— Ты почему не спишь, варк? — громко закричал Тыко, пытаясь отвлечь внимание зверя. — Почему к нам пришел? — Вылка нашил рукой полено и, не отрывая взгляда от медведя, с силой швырнул в него. Медведь заревел.

Тыко успел вскочить, выхватил нож — мгновение человек и зверь стояли друг против друга не шелохнувшись, и медведь бросился.

— Устя! — Тыко увернулся от страшной лапы. — Винтовку возьми! В чуме! У входа висит!

Выбежав с винтовкой, Устинья никак не могла выстрелить — то медведь на мушке, то Вылка. Кричала. Кричал и Тыко. Ревел медведь.

Человек и зверь схватились, зверь подмял человека. Теряя сознание, Тыко всадил нож в брюхо медведя.

...Горел костер в чуме, кипела вода в котле. Снявши с Вылки изодранную малицу, Устинья осторожно смывала кровь с ран, мазала раны жиром. Тыко открыл глаза, с трудом улыбнулся Устинье, снова смежил веки.

— Родной мой, — шептала Устинья. — Живым будешь. Сильным стал. Большим стал. — Она смотрела не на Вылку, а на снежный простор за откинутым пологом чума. — Богатырь стал. А я уйду. Совсем уйду. Затяжелела я. Дите мне послано. Дите к законному мужу нести надо. Давно знаю. Молчу только. А медведь мне знаком был. Или любимого отдай, или дите. Прощай, мой родной. Ухожу я.

Когда наступила ночь — тысячи сполохов зажгли полярное небо, — Вылка проснулся. Он сразу понял, что один в чуме. С трудом поднялся на ноги, увидел затухающий очаг, сварившееся варево, — застонав, шагнул из чума. Подтаявший санный след уходил с припая на берег — в даль, в ночь.

— Устинья! — закричал Тыко.

Превозмогая боль, он бежал по санному следу. Меж припаем и берегом появилась трещина, которая уже увеличивалась. Лыдина с Вылкой отходила в открытый океан. Вылка метался по льдине, искал возможность выбраться на берег. На глаза попала большая коряга, он бросился к ней, попытался поднять, но силы оставили Вылку. Он упал, теряя сознание.

Странное белое свечение возникало перед ним, все более приобретая формы человеческой фигуры.

По палубе теплохода «Владимир Русанов» шел капитан, и пассажиры, обычно верящие в могущество этого человека, глядящие с признанием власти и силы, сейчас были более заинтересованы — подойдет ли он к старому Вылке. Капитан, очевидно, намеревался сделать это, но уединение Вылки началось за какой-то чертой, которую не переступали пассажиры и которая остановила капитана. Он занялся мелким осмотром борта и вскоре пошел назад.

— Доктор, — сказал капитан, — я хочу пригласить его обедать.

— Не стоит беспокоить, — возразил судовой врач. — Видите, он нарочно сел там, где нет людей.

Вылка по-прежнему видел то, что хотел.

В 1909 году пароход «Королева Ольга Константиновна» уходил с Новой Земли на материк. Низко посаженное судно зарывалось в широкую волну, расталкивало ее и как бы делало очередной прыжок вперед.

Молодой, но заметно повзрослевший Вылка поднялся с нижней палубы на верхнюю. Он был наряжен — в новых расшитых пимах и в новой малице, на поясе висел в ножнах нож, а с другого боку — медвежий клык. Бесцельно гуляя, развлекаясь разглядыванием судна, прошел в коридор, а коридором — в салон, где было пусто, лишь стояло несколько кресел да мутно поблескивал закрытый рояль. На стене висела карта Новой Земли.

Оглянувшись, очевидно, беспокоясь, уместен ли он здесь, Вылка удовлетворился пустотой салона и коридора, подошел к карте. Он долго смотрел на нее и наконец усмехнулся. Вынул огрызок карандаша и стал исправлять вялые очертания берега — уверенные штрихи оставляли причудливую изящную линию.

За этим занятием Вылку застал Русанов.
 — Зачем же ты портишь ее?
 — Плохая была карта, — смутился Вылка. — Неверная. Я ее верной сделал.
 — А кто научил тебя этому?
 — Борисов карандаш дал, бумагу дал. Сказал — делай карты.
 — Какой Борисов? Художник?
 — Да! Да! Александр Алексеевич! — радостно подтвердил Вылка и тут же задумался. — Не приехал Борисов. Не нужны ему карты. Я четыре года карты делал. Первый год проехал пятьдесят верст. Второй — двести верст. Третий — четыреста.
 — Куда ж ты ехал? — спросил Русанов.
 — На север.
 — А какие инструменты у тебя были?
 — Компас. Еще отвес.
 — И все?
 — Еще Полярная звезда. — Тыко заулыбался.
 — А не поужинать ли нам? — предложил Русанов. — Пойдем в буфет.
 — Нет, — сказал Вылка. — У меня мясо есть. Хочешь?
 — Ну что ж. А у меня есть чай и спиртовка.
 Русанов и Вылка вышли на корму. Под ними, на нижней палубе, меж сложенных канатов и брезентов, бочек, ящичков, устранились возвращающиеся в Архангельск русские промышленники — разношерстный народ. Отдельными группками укладывались спать самоеды.
 — Э! — крикнул Вылка на нижнюю палубу и спросил что-то по-ненецки.
 На нижней палубе зашумели, разыскивая пожитки Вылки, засуетились и наконец подали мешок. Вылка перегнулся через перила, принимая посылку.
 В каюте Русанова ужинали. Вылка ловко и быстро нарезал тонкими ломтиками вяленое мясо, подвинул к Русанову. Тот снял со спиртовки чайник и наполнил кружки.
 — Ты куда сейчас едешь?
 — Свататься еду. На Печору.
 — На Новой Земле невесты не нашел?

— Нашел. Убежала. Издалека привезу — не убежит. Далеко бежать будет.
 — Хороша твоя Новая Земля, — сказал Русанов.
 — Ешь еще мясо, — угощал Вылка.
 — Вкусно, — похвалил Русанов.
 — У Новую Землю лучше всех знаю, — гордо сказал Вылка.
 — Мыс Желания знаешь?
 — Нет, — признался Вылка. — Я туда не дошел. Большой мороз был. Пятьдесят градусов. Хо-о! У меня градусник лопнул. Собаки подошли. Не дошел.
 — На будущий год я собираюсь пойти туда на шхуне. Хочешь со мной?
 — Хочу, — сказал Вылка.
 — Пройдем Баренцевым морем. Пройдем Карским. Первыми! Займемся картами, геологией.
 — В снегу ночевать не замерзнешь? — лукаво спросил Вылка.
 — А ты на что? — шуткой ответил Русанов.
 — Нет, — неожиданно возразил Вылка. — Нельзя. Жениться еду.
 — Да? — Русанов был обижен отказом. — Так уж припекло?
 — Долго один жил, — вздохнул Вылка. — Очень устал.
 — Плохо жил?
 — Всяко жил. Устал, — повторил Вылка.
 — У тебя нет с собой твоих карт? — спросил Русанов.
 — Не взял. Не знал, что тебя встречу. Я новые острова открыл, назвал их Оленьими. И новый залив назвал Борисовым.
 Вылка взял со стола карандаш и быстро набросал на бумаге очертания Северного острова.
 — Господи! — вырвалось у Русанова. — Милый ты мой человек! Да ведь ты мне позарез нужен! Ты даже не представляешь, как нужен! Отложи ты свое сватовство. Ты же сам хочешь со мной ехать.
 — Хочу, — согласился Вылка. — Нельзя. Привезу жену. Дети будут. Тюленя бить надо. Рыбу ловить надо.

...Лэхе и Пыя Нарка, печорские самоеды, вышли из чума — собаки дали знать, что к ним едут.

— Пыя! Пыя Нарка! Смотри! К нам едут! — говорил Лэхе. — Сколько лет жили — никаких гостей не было. Сегодня не успели глаза продрать — едут.

— Может, у него дело, Лэхе? — Нарка всматривался в тундру. — Может, у него водка?

— Быстрее! Быстрее! — махал Лэхе упряжке и тут же напутствовал приятеля: — Он подьедет, ты сразу скажи: дай водки. Вдруг он мимо поедет. А в глотке у меня давно пересохло.

— Я сразу скажу, — обещал Пыя Нарка. — Пыя Нарка знает, как сказать. Больше парты. Может, много водки?

Вылка соскочил с парт, крикнул:

— Здравствуйте!

— Здравствуй, здравствуй, — отвечал Пыя Нарка, осматривая сани. — Хороший человек приехал. Хороший гость.

Лэхе подталкивал приятеля в бок, тот отступал, словно не понимая.

— Я свататься приехал, — сказал Вылка. — У вас невеста есть?

Из чума высыпали женщины, молча, с любопытством главели на Вылку.

— А есть ли у него водка? — Спросил наконец у Лэхе Нарка, и Лэхе счастливо и угодливо засмеялся.

— Есть водка, — ответил Тыко и выбросил на снег несколько бутылок.

— А у нас есть невеста! — закричал Лэхе, подмигнув Пые Нарке и схватил бутылку. Тот уже держал две и при этих словах удивленно посмотрел на Лэхе. Но Лэхе снова замигал ему, толкнул его в бок и, торопясь, стал распорядиться:

— Эй, мать Мары! Дай нам стаканы! Надо выпить, пока водка не протухла.

— Надо! Надо! — тут же согласился Пыя Нарка. — Пока не протухла.

Вскоре в чуме горланили во всю глотку: «Старуха — мать моя... Старик — отец мой... Кто знает, на том свете друг с дружкой ссорятся, наверное...»

Особенно старалась невеста. Время от времени она вытирала ладонью рот и приставала к Вылке с поцелуями. Тыко отстранялся, все более мрачней.

— Что, куманек, хороша невеста? — обнял Вылку Лэхе. — Ты не гляди, что она пьяная. Ты обними ее. Доволен будешь. Спасибо скажешь. Очень хорошая девушка. Только у нее червячок в середине есть.

— Какой червячок? — испугался Вылка. — Мне с червячком не надо!

— Ребеночек есть — червячок... Не бойся, куманек. Это пройдет. К лету родит — червячка не будет.

— Ты что? — рассердился Вылка. — Ты говорил, никто к вам не приходит. Откуда ребенок взялся?

— Она моя младшая жена, — объяснил Лэхе. — Ты, куманек, мне понравился. Я придумал уступить ее тебе.

Невеста пала ниц и засопела. Вылка рванул полу из рук Лэхе, хотел идти к выходу.

— Ты куда? — закричал Лэхе, снова хватая его.

— Куда? Куда? — закричали Пыя Нарка и женщины. Проснувшись невеста, обняла его ногу, прижалась к ней щекой.

Вылка вырвался, расталкивая мужчин и женщин.

— Держи! — кричал кто-то.

Вылка побежал к нартам, самоеды бросились за ним и настигли его. Тогда он стал выбрасывать из нартов бутылки подальше в снег. С криками и визгами все бросились к бутылкам.

Тыко лихорадочно хватал собак за загривки и вталкивал их в упряжь, оглядываясь на самоедов, которые, отыскав в снегу бутылки, спешили открыть их. До жениха им теперь не было дела. Вылка упал в сани, и собаки стремительно понесли его.

В солнечный и жаркий июльский полдень на архангельской пристани было многолюдно: к берегам Новой Земли провожали экспедицию Владимира Русанова.

Флотилия лодок, яхт, маленьких лодочек торжественно выстроилась на рейде. На пирсе, у борта моторно-парусной шхуны «Дмитрий Солунский», нестерпимо сияли на солнце трубы оркестра.

Тыко Вылка, сильно похуевший за год, в изодранной малице, продирался сквозь толпу к очищенному от народа и оцепленному полицией пространству у судна. Вылку отталкивали, оттирали, на него покрикивали, но он, не отвечая, сосредоточенно отвоевывал метр за метром и, улучив момент, мстнулся сквозь полицейский кордон.

— Ты куда? — спросил его стражник у борта.

— На корабль поспеть надо,— умоляюще стал объяснять он. — Вон мой приятель стоит — Владимир Александрович Русанов.

— Нечего! Нечего! — решительно отстранил его стражник. К ним направлялся важный полицейский чин. Вылку оттеснили в оцепление.

— Едет! Едет! — пронеслось в это время в толпе.

Показалась коляска губернатора. Оркестр архангелогородского запасного батальона грянул встречу. Два кинооператора — редкость по тем временам — с ходового мостика снимали все, что происходило на палубе. В центре внимания был Русанов — высокий, с русой бородкой, одетый по-походному.

Вылка поднимался на цыпочки, заглядывал через головы на палубу, иногда ему казалось, что Русанов смотрит в его сторону, и тогда он начинал махать руками.

— Господа! — обратился к присутствующим губернатор. — Сегодня мы провозим к берегам Новой Земли экспедицию Владимира Александровича Русанова. Впервые в истории российская научная экспедиция должна обогнуть Новую Землю, достигнув самой северной ее точки — мыса Желания, нанести на карту береговые очертания, изучить строение почв и вод. Пожелаем же достолавному наше-

му путешественнику счастливого пути и скорого возвращения.

Вылка вырвался из толпы и побежал. Нестройно прозвучало «ура». Церковный хор запел гимн.

...С противоположного борта, никем не замеченная, причалила к «Солунскому» маленькая лодчонка. Вылка поднялся с весел. И когда на палубе хлопали бутылки шампанского, вино пенилось, бежалс через край бокалов, которые раздавали провозжающим, членам экспедиции, команде, над фальшбортом появилась голова Вылки.

— Владимир Александрович! — закричал он. — Русанов! Я не женился!

Русанов обернулся, и они пошли навстречу друг другу.

«Дмитрий Солунский» шел на север невозмельским курсом.

Острів наплывал невиданными красками — даже скальные наледи были полны ими, и вода под берегом, отражая их, лежала уже не просто диковинно синяя или испоняно зеленая, а вся горела отсветами и подкрасками, жила изумрудным, лазурным и сизым.

Да и шхуна была празднична — начисно все, что может блестеть, а все деревянное выскоблено, вымыто. Но главная красота — там, на берегу. Оранжевое солнце высвечивало и траву, и отогревшуюся землю, и снежные шапки камней. А болес всего умножалось оно и распадалось на цвета и оттенки в береговых ледниках, нависавших над водой светящейся, почти прозрачной, но огромной тяжестью.

Туда и смотрел Русанов, стоявший рядом с Вылкой у борта.

— Красота-то какая, Тыко!

Вылка кивнул, шурясь, улыбаясь.

Команда облепила борт. Зачарованные люди истоиво и немо застыли перед удивительным великолпнем.

Дальше в океане были волны, а между шхуной и берегом вода поклалась, и толь-

ко у самых скал она плескалась, не нарушая тишины.

— Такой земли во всем мире нет!

— Очень близко идсм,— отчего-то тревожась, отвечал Вылка.

Молодой помор, не выдержав волнения, попятился вдруг, улыбнулся по-детски невинно и искренне, набрал в легкие воздуха и заорал:

— Братцы! Красотишша-а-то! Господи!

И тут же разбуженный криком береговой ледник подался от берега, замер, потом бесшумно и медленно стал крениться, крениться и наконец с рваным гулом рухнул в воду, разметав ее так, что брызги и ливни залили палубу.

Молодой помор присел, опираясь на руки, но руки не выдержали, и он грохнулся на зад и на спину.

Потонувшая сначала ледяная глыба всплывала над водой рядом с бортом. Шхуну качнуло — раз, другой, третий.

Переведя дух, команда хохотала над молодым помором.

Капитан Поспелов, сохраняя хладнокровие, ждал Русанова.

— Мористее надо бы, Геннадий Николаевич.

— Мористее волна бьет,— отвечал Поспелов. — Мотор у нас слабоват. — А сам, отстранив вахтенного, положил жесткую ладонь на отполированную чушку руля и без видимого усилия повел ее вниз. Пенная тропка за винтом стала загибаться — шхуна круто брала в море.

В переговорной трубке машинного отделения раздался свисток. Моторист бросился к ней, вынул воронку, приник ухом. — Эй, в машине! — услышал он. — Заснули там? Ремизов, прибавь ходу! Мотор стучал натужно, громко, неровно. Покрывая его, колченогий верткий Ремизов крикнул напарнику:

— Давай полный газ!

— Дак ведь развалится, мать-перемать!

— Давай газу, капитан велит! И все.

— Ремизов сплюнул на грудь угля, вытер масляной ладонью лоб под свисающими на обе стороны волосами.

В машинное отделение спускался Русанов.

— Что, ребята, невеселые?

— Дак она не только жратвы, она и сугреву требует. — Ремизов усмехнулся и сплюнул теперь на кожу. — Не взяли б угля, не розогнали бы. Так? Чугунка!

— На лучшую, ребята, денег не хватило,— с сожалением сказал Русанов.

— Да оно вроде все тут,— возразил Ремизов. — Бензин разбавленный не от денег.

— Что же делать? — спросил Русанов.

— Если на серьезе хотите мыс Желания видеть,— отвстил Ремизов,— рйдовать надо. Клапана уважения требуют. Так?

— Сколько же мы их уважать будем?

— Русанову не нравилась необходимость останки.

— Это — как себя окажут,— неопределенно начал Ремизов, но вдруг улыбнулся и добавил с задором: — Как мы себя окажем. И все! — Он рубанул ладонью воздух.

В маленькой бухточке уютно покачивалась шлюпка со спущенным парусом.

Русанов геологическим молотком откалывал куски породы, рассматривал изломы в лупу — одни камни отбрасывал, другие складывал в ящичек, висевший на груди. Вылка рисовал залив, погруженный в тишину, неожиданные цветы на склонах скал, шхуну вдалеке.

— Тыко! — позвал Русанов. — Эта сопка какой, ты говорил, высоты над морем будет?

— Триста метров будет.

— Молодец. Только на два метра ошибся. Я с альтиметром проверял.

Вылка опустил кисть, смотрел на Русанова, который шел к нему меж камней.

— Гляди-ка! — Русанов держал в руке стрекозу. — Откуда взялась здесь, единственная?

Стрекоза подрагивала блестящим тельцем, упиралась хвостом в ладонь человека и словно тянулась к нему маленькой головкой и огромными глазами.

Русанов заглянул в глубокие глаза стрекозы.

— Кто мы с тобой? Братья? Враги? Зачем мы вместе в этом мире?

— Бог Нум сотворил животных и человека, — сказал Вылка. — Дню глаза дал, ночи — уши. Зимой человеку зверя присылает, летом — птицу, рыбу.

Русанов разжал пальцы. Стрекоза оперлась освобожденными слюдяными крыльями о чистый воздух, оттолкнулась и поплыла, то поднимаясь, то проваливаясь, пока не пропала — слилась или растворилась в голубом.

Русанов же снял с груди ящик, поставил на землю, сел рядом.

— Смотри, что я нашёл. — Он вынул из ящика несколько образцов, протянул Вылке. — Аммонит. Трилобит. Коралл.

Вылка с любопытством разглядывал минералы.

— Это — лимон. Это — змея. А это — рыбий глаз. — Он рассмеялся, полез за пазуху, высыпал перед Русановым горсть камешков. — Я нашёл каменных червей.

— О, брат! Ты полезнейший член экспедиции. — Русанов выбирал камешки покрупнее, рассматривал их в лупу.

— Как черви превратились в камни? — спросил Вылка.

— Они жили тридцать миллионов лет назад, — отвечал Русанов. — В то время человека на земле не было. Все было покрыто водой. Черви жили на дне. Потом постепенно дно поднялось, образовалась суша. Черви окаменели.

Вылка сидел задумавшись.

— Все на свете есть, — сказал он. — Земля, вода, огонь. Люди. Лед. Бог хороший. Все сотворил. Землю верхнюю и землю нижнюю. Гусиную землю.

— Какую?! — Русанов удивленно взглянул на Вылку.

— Самоеды водку пьют. Павел бил жену, — с горечью говорил Вылка. — Нет здесь счастья. Счастье там — в Гусиной земле. Гуси посланцы Нума. Хороших людей уносят. Люди живут там. Хорошо живут.

Легкий парок приподнимал крышку чайника, вырывался из выгнутого горлышка, и языки пламени слизывали его.

«Дмитрий Солунский» приближался к северной оконечности Новой Земли. Резко изменилась вокруг природа. Берег стал каменнее, заснеженнее. Вода налилась свинцовым и словно отталкивала от себя солнце, не давала ему разбавить и облегчить краски.

По-прежнему чудом были береговые ледники, но и они изменились — что-то пронзительно холодное поселилось в их многоцветии.

В океане появился лед.

Мотор стучал сначала с перебоем, потом чаще, четче. Ремизов похлопал его по жирному боку, вздохнул, покачал головой, пошел на палубу. Неожиданно выругался:

— Пострелило бы!

Увидев моториста, который пренебрегал океанским ветром и даже по палубе ходил полуголый, Русанов спросил издали:

— До мыса достучим?

Ремизов повел подбородком, поджал губы, вытирая руки тряпкой.

— Дён десять простучим, дён десять прокашляем.

— И снова стоять будем?

— Выходит, будем, — вздохнул Ремизов.

— Савва Ложкин на парусах до мыса Желания доходил, — сказал Поспелов.

Русанов повернулся к капитану, ответил резковато:

— Савва Ложкин две зимовки делал. Двести лет назад торопиться было неку-

да. На ходу под парусами нельзя делать ремонт?

— Работа ювелирная.— Поспелов посмотрел на Ремизова. — Покоя требует.

— Сколько простоишь? — спросил Русанов.

— Поболе прежнего,— сказал Ремизов.

— Ну и стойте! А мне некогда. Мы на шлюпке пойдем. — Русанов глянул на Вылку. Вылка кивнул, и Русанов улыбнулся Поспелову. — Извините, Геннадий Николаевич, мое раздражение. Честное слово, оно к вам не касается. До мыса недалеко. Мы с Тыко попробуем вдвоем добраться, пока вы тут ремонтируетесь. С тем и вернемся.

Шлюпка шла споро. Парус надувался пузырем — казалось, готов был лопнуть. Задувал ветер, поднимая большую волну. Появился и несмотря на ветер стал усиливаться туман.

— Плохой ветер,— сказал Вылка. — Побережник.

— На какой градус идешь? — спросил Русанов.

— На восемьдесят шестой. — Вылка держал в руках компас.

Шлюпку качало все сильнее, встречные льдины гнало в борт, видимость в тумане была минимальной.

— Пройдем ли? — спросил Русанов.

— Не пройдем.

— Приворачивай! — крикнул Русанов. — Иди по компасу.

— Нельзя, — возразил Вылка. — Ветер против лодки.

— Руби парус! — решил Русанов.

Они сели на весла. Русанов взял у Вылки компас и зажал его между колен.

Шлюпку бросало, и взмахи весел все чаще приходились по воздуху. У береговых скал словно из пушек стреляли.

Русанов шарил в воде на дне лодки.

— Компас упал. На звук иди! — крикнул он Вылке.

— Как причалим? — Вылка с трудом справлялся с веслами.

— Причалим! — Русанов старался говорить уверенно. — Причалим, черт побери!

Шлюпка ударилась о что-то огромное и высокое и едва не перевернулась.

— Загребай! — крикнул Русанов Вылке. — Загребай!

Они обогнули ледяную гору, за которой туман почему-то шел ключьями и можно было рассмотреть узкую береговую полосу. Волна подняла лодку, понесла, швырнула на каменистую отмель. Борт лодки затрещал и раскололся.

На берегу ветер был страшный — сбивал с ног, нес камни. Русанов и Вылка, прикрыв телами карту, развернули ее, объяснялись знаками. Они выбрали направление и пошли, держась к ветру боком.

Дым от костра сначала ровно уходил к небу, а чуть выше ветер словно рвал его, разбрасывая, там — гудело, стонало, грозило. В глубокой расщелине, у костра, спиной к нему, спал Русанов.

Вылка скатился откуда-то сверху, стал будить Русанова.

— Большой буран,— сказал Вылка. — Ждать надо.

Русанов посмотрел наверх, где неслись, подгоняя друг друга, черные тучи, оглядел мрачное их убежище, отозвался:

— Что-то сейчас на шхунс...

— У меня была женщина,— заговорил Вылка. — Ушла. Я пошел за ней. Лед треснул. Меня понесло на льдине. Ночь. Нашел корягу. Куда плыть? Не знаю. Николай-угодник впереди меня пошел.

Вылка поглядывал на Русанова. У Русанова были смежены веки, казалось, он не слушал Тыко.

— По воде пошел,— продолжал Вылка. — Белый, большой, борода белая. Вывел меня.

Русанов думал о чем-то своем, сказал:

— Нам сейчас не Николай-угодник нужен, а хорошая упряжка собак.

Вдалеке завывли песцы, Вылка с тревогой прислушался. Нахмурился, заговорил быстро:

— Плохо говоришь. На севере многие Николая-угодника видели. Многим помогал. Ему церкви строят, свечи ставят. Он — Нум.

Русанов сменил положение — усталое тело слушалось плохо.

— Если бы мне,— сказал он,— пришлось выбирать между богом и тобой, я бы выбрал тебя.

— Все на свете — Нум! — разволновался Вылка. — Все, что есть. Небо — Нумняра. Воздух — тоже Нум. Худая погода — как будет? — вэвонунум. Ясная погода — хавернунум. Все вокруг — Нум! Я — Нум. Ты — Нум.

Русанов вдруг спросил:

— Как ты начал рисовать, Тыко?

— Август был. Я сидел на берегу Карского моря. По небу облака ходят. Был закат солнца. Горы на воде отражаются, куски льда плывут. Я подумал: если бы умел рисовать, срисовал бы. Пошел в чум, взял уголек. Три дня линию искал.

— Все вокруг природа,— сказал Русанов,— которая рождалась мучительно. Лед боролся с огнем. Чрево земли набухало долго. Наконец разверзлось. На мертвые камни планеты, на мертвый воздух ее пролилась влага — сцепилась с ними, заставила дышать. Почва стала землей, на землю упало зерно. Маленький пульс забился, и живое стало вызрывать — сначала травинка, потом червяк, потом — зверь. Многие гибли, а выжил и выше всех поднялся человек. Потому что человек познал любовь.

Вылка молчал.

— Нум не поможет тебе найти Гусиную землю,— сказал Русанов.

— Кто поможет? — быстро спросил Вылка.

И тут в неровном восе бурана определился один четкий и уверенный звук — протяжный гудок. Вылка вскочил на ноги, вслушиваясь в прорывающийся сквозь непогоду низкий бас «Дмитрия Солунского» — их звали.

— Владимир Александрович! — закричал Вылка.

Русанов тоже поднимался, улыбаясь. Влажняя взглядом, не пряча лица.

— Да, да,— говорил он, волнуясь. — Вот видишь. Я знал, что они придут. —

Оба карабкались на скалу. — Стреляй, Тыко! Стреляй!

Вылка добрался до верха и, едва навалившись на гребень грудью, содрал со спины ружье, поднял его в одной руке и дважды выстрелил.

— Еще! — сказал Русанов, догнав Вылку. — Еще стреляй. Не жалея патроны.

Вылка стрелял непрерывно.

Измотанные, осунувшиеся, с почерневшими лицами, в обледеневшей одежде, Вылка и Русанов поднимались на борт шхуны.

Команда собралась на палубе, встречала их радостно — тянулись руки, чтобы помочь перешагнуть фальшборт, блестя глаза, торжествующую улыбку прятал Ремизов.

— Здравствуйте, братцы! — Русанов с трудом поднял ладонь для приветствия.

— Здорово, Владимир Александрович! — нестройно, но мощно ответила команда. — Здорово, Вылка!

Вылка весело закивал в ответ, спросил Ремизова:

— Стучит мотор?

— Нашли бы тебя без мотора! — сказал Ремизов и засмеялся. — Стучит, шалавая!

Поднявшись следом за Вылкой, молодой матрос сказал Поспелову:

— Привез, ваше благородие! Едва нашел. Слышу — стреляют, а где стреляют — не слышу. А этот самоедин — эвон какой ушлый, сам меня в тумане нашел. А берег — одни скалы. Так он кричит мне: стой, говорит, не гребь, сейчас тут туман уйдет.

— Как дела, Геннадий Николаевич? — Русанов крепко пожал Поспелову руку.

— Обсудитесь сначала, — улыбнулся Поспелов. — Все доложу.

...Утром буран успокоился. Последний ветер разорвал и унес туман. Мрачную картину обнажило пробившееся сквозь летящие еще облака солнце. Все вокруг бы-

ло — льды. А несколько десятков метров воды по фарватеру прерывали два огромных — значительно выше судна — айсберга.

Мотор захлебывался. Ощутимо тряслась от работы винта корма. Дым валил из всех щелей кожуха.

— Как в стену уперлись, — сказал Поспелов на мостике.

Матросы смотрели на белое безмолвие с тревогой:

— Никола-милостивец!

— Стамухи-то, стамухи!

— Сувои страшные!

Громадины айсбергов то открывали узкий проход меж собой, то снова бросались навстречу друг другу. Казалось, столкнись они, и произойдет что-то страшное. Но в последний момент, словно чувствуя равные свои силы, айсберги останавливались, начинали дрожать и расходились.

С мостика, откуда было видно чуть дальше, чем с палубы, напряженно смотрели на разгулявшихся гигантов Русанов и Поспелов.

— Пройдем? — спросил Русанов.

— А там что? Там куда? — сказал капитан. — За ними, поди, одни сувои.

Русанов и сам сомневался, искал глазами по палубе.

— Смотри! Видишь, какое небо? — Вылка словно почувствовал взгляд Русанова, закричал с носа. — Над нами — светлое небо, лед светит. Там — темное небо, там свободная вода.

— Геннадий Николаевич? — Русанов ждал мнения капитана.

Поспелов, не отрывая взгляда от айсбергов, сказал:

— Маневр трудный. Как мотор...

— Не извольте беспокоиться, — услышали они, повернулись, увидели Ремизова. — И все!

Русанов засмеялся счастливо, азартно сдвинул шапку на затылок:

— Толкнем правый айсберг бортом и пройдем! Толкнем, Геннадий Николаевич?

Поспелов молчал, но рука его потянулась к штурвалу.

— У кого есть гармошка, ребята? — Русанов, взявшись двумя руками за поручни, стоял над трапом возбужденный, задорный. — А ну, плясовую!..

Матрос бросился в кубрик, выскочил с гармонью, забегали пальцы по ладам. Ремизов со всех ног бежал к люку.

— Самый полный! — заорал Поспелов в переговорную трубу.

Шхуна подалась вперед. У гармониста перехватило дух — оборвалась мелодия. Замерли у бортов матросы. Обозначились скулы у Поспелова, набухли вены на руках, которыми он быстро, жестко, уверенно гнул руль. Русанов подался с мостика вперед, блестел взглядом. Вылка вертел головой — смотрел то на айсберги, то на мостик.

Чиркая ряями о ледяные стены, шаркая бортами о выступы, «Солунский» на полном ходу ударил в правую льдину, корпусом толкнул левую. Айсберги потеряли равновесие, покачнулись. Корма «Солунского» задралась высоко; хватаясь за что попало, посыпались к носу поморы; вжикнув по палубе, полетела в воду гармонь, но шхуна уже скользнула вперед и выскочила на чистую воду.

Раздался страшный грохот. Позади корабля два айсберга, столкнувшись, опрокинулись в море, а корневища их задрались вверх. Море вокруг кипело. Лдины то опускались, то вставали одна на другую.

— Теперь деритесь, а мы ушли! — кричал с кормы Вылка.

Пулей вылетел из машинного отделения Ремизов, ошалело посмотрел вокруг и вдруг ударил по коленям, отбил замысловатую дробь. Русанов сбежал с мостика, поплел на ладони и пошел к Ремизову вприсядку. Через мгновение плясала вся команда — каждый по-своему, как умел. Круг расступился перед Вылкой, и Вылка влетел в центр круга, запрыгал, смешно поджимая ноги, но не выбиваясь из обще-

го ритма, который люди поймали стихийно, без музыки.

— Матушка, святая троерушница! Братцы!.. — истошно вопил впередсмотрящий. — Господин Русанов! — Он едва не вываливался из бочки, висевшей на мачте. — На траверзе мыс Желания!..

Пляска стихла, как по команде. Все взглянули вверх и бросились к правому борту. Но у людей уже не было сил радоваться. Они стояли, вцепившись в борт, и только Русанов поднял винчестер и выстрелил.

Виднелся берег, на котором среди снегов безлюдного мыса — самой северной точки Новой Земли — возвышалась вертикальная, со многими уступами, скала. Крики кайр, гагар и чаек доносились отсюда. Птиц было так много, и они, потревоженные, так часто срывались с гнезд, что скала издали казалась заштрихованной.

Нарты бесшумно скользили по снегу. Собаки бежали легко, словно истосковались по скорости. Русанов и Вылка полулежали в санях.

— Зачем говоришь: не верь? — спрашивал Вылка. — Как человеку не верить? У тебя на родине — не знаю. Когда много людей — не знаю. Когда человек один — бог нужен. На севере человек часто один. Нельзя без бога.

— Я тоже верю, Тыко, — отвечал Русанов. — Верю в добро. В разум. А разум — это прежде всего знания. Без знаний человек что угодно напридумает. От собственной тени шарахаться станет.

— Почему тень в воде не тонет? — быстро спросил Вылка.

— Почему она должна тонуть? — Русанов растерялся.

— Хо, Русанов! — Вылка смотрел лукаво. — Ты тоже не все знаешь.

— Конечно! — Русанов улынулся. — Но я учусь. — И вдруг заговорил горячо, как о давно сго мучившем. — Ты должен учиться, Тыко. Я отвезу тебя в Москву.

Я привезу тебя к друзьям, Тыко! Знай: у меня надежные друзья! Все вместе — мы поможем тебе. Я не знал, как сказать тебе... Я уже давно думаю... Илья! Милый! Ты должен ехать! Ты — художник. Ты не смешь исчезнуть.

Вылка не отвечал.

— Хорошо бегут собаки,— наконец сказал он.

— Хорошо,— подтвердил Русанов.

Неожиданно Вылка привстал в нартах, показал в сторону.

Русанов всмотрелся в белое и увидел — на снегу что-то чернело.

— Дымоход? — спросил он.

Вылка уже остановил собак.

— Труба. Избу занесло,— подтвердил он.

— Откуда изба? Жилая!

— Нет,— уверенно сказал Вылка. — Давно занесло. Много лет назад.

— Почему так думаешь?

— Лед. Большой лед. Много лет надо, чтоб такой лед был.

Русанов, хрустя по снегу, пошел к немому зеву трубы.

— Как думаешь, с какой стороны дверь?

— Со стороны моря,— не колеблясь, ответил Вылка.

...Солнце бледными лучами освещало снежную пустыню и двух самозабвенно работавших людей. Их движенья были ловки, слаженны — попеременными взмахами, не мешая друг другу, они отбрасывали снег, углублялись в сугроб. Из снега постепенно выростала дверь почерневшей от времени хижины.

— Старая постройка,— сказал Русанов.

— Очень старая,— подтвердил Вылка.

— Смотри, какая скоба,— Русанов потянул за скобу.

Дверь подалась не сразу. Наконец образовалась щель, в которую мог протиснуться человек. За дверью была темнота.

— Огня! — потребовал Русанов.

Вылка зажег и подал ему факел. Держа факел в вытянутой руке, Русанов шаг-

нул через порог. Загадочная, торжественная тишина встретила их.

Казалось, сама вечность остановила и сохранила в целости затихшую, как в музее, обстановку хижины. Толстые слои льда наросли на полу и по углам; пламя факела отражалось в них, высвечивало вросшие в лед грубые стулья и стол.

— Уйдем отсюда, Русанов. — Вылка схватил его за руку, потянул к выходу.

— Погоди, Илья. — Русанов обводил факелом комнату. Неровное пламя то разрывало темноту, то терялось в ней.

Вдруг оба закричали.

В нависшей над столом ледяной глыбе угадывался вмерзший в нее человек.

— Тихо, Илья, тихо,— сказал Русанов, переводя дыхание.

На досках стола латинскими буквами была вырезана неровная надпись.

— Не бойся, Илья. — Рука у Русанова дрожала. Он поднес к столу факел, наклонился, стал переводить: — Экспедиция шла к мысу Желания. Шхуну раздавили льды... Все умерли. Вчера умер Баренц. Я умираю последним: 1596 год. — Русанов выпрямился. — Триста тринадцать лет назад... Это славно — умереть в пути.

— Ты плачешь, Русанов? — спросил Вылка.

Русанов снял шляпу.

— Ушедшие всегда ждут нас. Если каждый из нас сделает хотя бы один шаг дальше другого, мы очень скоро придем к тому, что ищем.

— Русанов! Не говори с мертвыми. Уйдем отсюда!

— Ты знаешь, Илья... — Русанов замолчал. — Они нашли Гусиную землю.

— Да,— торжественно согласился Вылка. — Они нашли ее.

В Москве стояла зима 1909 года.

На заснеженных аллеях зоопарка было малоллюдно.

По тесному вольеру с бассейном ходил белый медведь. Девушка в меховой ша-

почке над собранной в узел косою кормила медведя ландринном.

Посетители оглядывались на странного молодого человека в малице, с охотничьим ножом на поясе, с медвежьим клыком, болтавшимся на цепочке. Вылка остановилась возле вольера.

— Какой ты жадный,— говорила девушка медведю. — Ты у меня весь ландрин съел. Вот — пустой фунтик остался. Ты же не будешь есть фунтик.

— Варк! — крикнул Вылка медведю и заговорил с ним по-ненецки.

Словно услышав что-то знакомое, зверь замотал головой, протяжно зарычал.

— Нет,— сказал Вылка девушке. — Он не будет есть фунтик.

Девушка рассмеялась, спросила:

— Вы умеете говорить по-медвежьи?

— Нет. Это он понимает мой язык.

Девушка смутилась, задержалась на мгновение.

— О вас много пишут в газетах. Я знаю вас. Вы — Тыко Вылка. Я знаю вас... — Она уходила по узкой, протоптанной в снегу тропинке.

В мастерской художника Переплетчикова работали Вылка и авангардист Валаамов. На мольберте у Вылки стоял набросок, где были снег, деревья и женская фигура в глубине.

Позади Вылки, следя за его работой, стоял известный художник Архипов. Скрестив руки, откинув склоненную набок голову, он ничем не выдавал своего отношения к рисунку. Попятившись, Вылка натолкнулся на него, извиняясь, спросил:

— Плохо?

— Почему, почему? — добродушно прогудел Архипов. — Однако давите: деталь гаснет.

Подошел Валаамов.

— Что, коллега? — спросил его Архипов.

— Цвет вижу. — Валаамов теребил себя за ухо.

— Прекрасный цвет,— согласился Архипов. — Вот, оказывается, какие колеры есть в Москве.

— По-моему, все тут решает дама,— пошутил Валаамов.

— Она уходила по снегу,— улыбнулся Вылка. — Я не знал, что сказать ей.

Архипов и Валаамов переглянулись.

Дом Переплетчикова был замечен на улице стеклянной галереей, лепными украшениями над высокими длинными окнами и большими, расчищенными от снега, вытоптанными мраморными ступенями крыльца к парадной тяжелой двери.

У Переплетчикова собрались завсегдатаи и гости. Постоянно сменялись самовары на длинном струганом столе, подносились на металлических подносах присоленные ржаные сухари. Было шумно. Разговоры пересекались, перекрывали друг друга, юноша, стриженный под Надсона, читал стихи:

— «Она сбивает с ног, как лава, она и нянчит, и казнит, поглощающая слава — от люльки до могильных плит... И тот, кто под плитой лежит, ей даже здесь душой внимает и над собою поднимает лежащий на сердце гранит...»

Вылка, одновременно прислушивавшийся к голосам в прихожей, смотрел на юношу с изумлением.

Семинарист Калугин приставал к юноше с лицом кавказца.

— Вы, князь, простите меня великодушно, все я вас спросить хочу: на что вам в вашей Сванетии живопись? И, между прочим, не ради любопытства спрашиваю. Феномен восславленного Вылки навел меня на эти мысли. Неужто же каждой земле по художнику?

Князь выкатывал глаза, подрагивал ноздрями, не отвечал. Лица гостей сливались у Вылки, почти не останавливали его внимания.

— Мэтр! — окликнул Калугин проходившего Валаамова. — Снизойдите. Я к вам за поддержкой духовной. Ничто, между прочим, так не успокаивает, как сомы-

слие личности популярной, успех имеющей. Существует ли Тыко Вылка?

— Кисть у него из рук не падает,— сказал Валаамов.— Кто бы ни водил ею — сам ли он, бог ли...

— Или дьявол,— заключил Калугин.— Ибо бог не может позволить себе деяния бессмысленные. Художник у самоседов смысла никакого не имеет. Им нужны фельдшера, а не художники. Только дьявол способен на подобные шутки — послать народу художника прежде фельдшера.

Вылка не слышал разговора. Девушка в меховой шапочке стояла на пороге. Расталкивая недоумевающих гостей, он бросился к ней, остановился, смотрел счастливо.

Переплетчиков поспешил на помощь Вылке.

— Тыко! Погоди. Я представлю тебя. Нынешняя московская знаменитость — Тыко Вылка. А проще — мой постоялец и ученик.— Потрепав Вылку по плечу, он повернулся к гостю.— А это — Дарья Николаевна Ельчанинова. Нечастое украшение наших скромных собраний.

— Мы уже знакомы.— Даша улыбалась Вылке.

Вылка смутился, повернулся к Переплетчикову и неожиданно пожал ему руку.

— Спасибо тебе, Переплетчиков, дорогой мой приятель!

...Вылка работал в мастерской Переплетчикова. Рисунки, наброски, темпера, карандаш, масло лежали большой стопкой, были развешаны на стенах. Он пел грустную самоедскую песню.

Валаамов посмотрел на мольберт Вылки и пошел к своим конусам.

— Ты что, Валаамов? — спросил Вылка.

— Это кошмар какой-то,— отвечал Валаамов, снова возвращаясь к Вылке.— Меня все время тянет к твоему мольберту.

— Если один — работать плохо. Я один сидел на Карском берегу. Никого рядом нет. Сердцу скучно. Здесь мы — двое. Я смотрел, как ты краски трешь,— ах, думал, вот как надо. Смотрел, как кисть при-

слоняешь,— ах, думал, вот как надо.— Он снова запел самоедскую песню.

— Грустно поешь,— сказал Валаамов.

...Вылка шел по начавшему таять снегу, под капелью. Утро ободнело, чувствовалась весна — переулочная Москва была саврасовской.

— Вылка! — позвала из пролетки Даша.

Он весь стал волнение и, полный радости, подошел к ней.

— Я хочу пойти с вами в оперу,— сказала вдруг Даша.— Пойдемте завтра?

— Завтра? — переспросил счастливый Вылка.

— Заедете за мной в шесть часов.— Дашино распоряжение звучало смущенно.— Не опаздывайте!

...Вылка вбежал в кабинет Переплетчикова.

— Василий Васильевич! Переплетчиков!

— Слушаю тебя, голубчик! — Переплетчиков оторвался от письма.

— Мне штаны надо.

— Какие штаны?

— Тонкие.

...В сюртуке, котелке, с тростью и в пенсне стоял Вылка у Дашиного дома. Это было здание с бело-желтыми простенками, с окнами, окаймленными шлифованными косяками, с ажурными балконами — каждый из них отличался чем-то особым в решетке или в округлости, но каждому был симметричный.

Вылка вошел в подъезд, прошел мимо огромного зеркала на междуэтажной площадке, позвонил в дверь к Даше.

...Большой театр затих. В темноте замерли пышные прически дам, лысины мужчин, милостивые личики девушек на ярусах, играющие бликами эполеты сановных военных в ложах.

— Теперь сходитесь!.. — пропел на сцене секундант.

Поднимая пистолеты, Онегин и Ленский пошли навстречу друг другу. Ударил выстрел, Ленский упал... Пошел занавес. Все потонуло в аплодисментах.

...Вылка с Дашей возвращались после спектакля. Был теплый весенний вечер с остатками снега на газонах и в подворотнях.

— Нравится вам Москва? — спросила Даша.

— Теперь нравится. — Вылка старался говорить солидно. — А раньше испугался — очень много народу. В одном трамвае больше, чем у нас в становище. А холодно у вас бывает? — вдруг спросил он.

— Ну! — отвечала Даша. — По тридцать градусов мороза бывает. Вы не скучали в театре?

— Нет, — сказал Вылка. — Только сердился. Нельзя убивать человека.

— В жизни бывает все, — возразила Даша. — И потом — в опере главное музыка.

— Да, — согласился Вылка. — Очень хорошая музыка. Я даже сердиться перестал.

...Вставало весеннее солнце. Постелив снятый сюртук, поджав под себя ноги, Вылка сидел на парапете набережной, смотрел на восход. Взял блокнот, карандаш, снял пенсне, задумался. Стал писать корявыми буквами: «Здравствуй, Владимир Александрович Русанов, незабвенный мой приятель. Я живу в Москве хорошо. Знаю грамоте. Могу писать тебе письмо. Есть еще новости. Расскажу, когда пойдем северным морским путем. Первыми. В Москве уже совсем весна. Как поживаешь в Париже? Прощай. Твой друг Илья Вылка».

В один из весенних дней Вылка с Дашей гуляли на Воробьевых горах.

— Я все про вас знаю, — игриво сказала Даша. — Пройдет несколько лет, вы станете знаменитым на весь мир художником. Вас будут встречать на вокзалах, аплодировать, просить автографы. Вы будете таким важным, таким неприступным.

— Обязательно буду, — полусерьезно пообещал Вылка.

— Вам этого хочется?

— Мне хочется, чтобы в мире был важный самоед. Я буду ходить вот так. — Отойдя от Даши, Вылка надул щеки, чуть

повернул набок и склонил голову и прошелся к ней мелкими шаркающими шагами.

Даша рассмеялась.

— Вам не идет ходить так, — сказала она. — Так губернаторы ходят.

— Очень несудобно так ходить, — согласился Вылка. — Рыбу ловишь, на зверя охотишься — так ходить нельзя.

На склоне группа окраинных ребят — в поддевках, картузиках — запускала змея. Распластанное бумажное тело забрало высоко вверх, и жожаку приходилось сдерживать суровую нить, которой уже не хватало. Упираясь ногами, словно выполняя тяжелую работу, а на самом деле лишь несильно натягивая нить, он все быстрее шел за парящим в вышине змеем, а вокруг него, чуть поотстав, с советами торопились приятели.

Издали доносились обрывки их фраз:

— А ты легшее, легшее... Прибери на катушку-то, оборвется... Держи, Тимоня...

— Хорошо летит! — сказал Вылка, наблюдая с Дашей за змеем, и вдруг поднял вверх руки, как будто вскинул ружье, прицелился и крикнул: — Паф!

В тот же момент змей сорвался с нити и, забирая еще выше, полетел за реку, за город, за луга.

Дети с криками бежали следом, кричали пронзительное «ы-а-а!», махали улетающему.

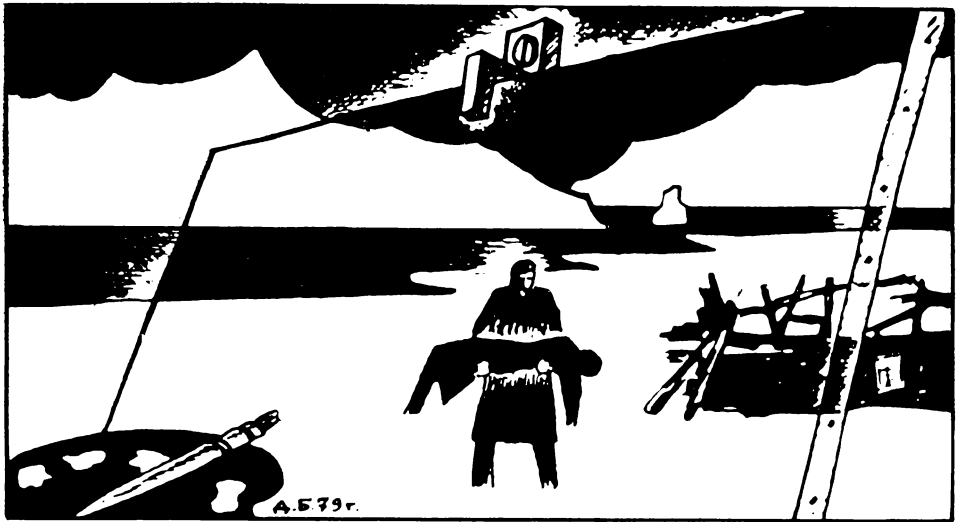
— Попал! Попал! — смеялась Даша.

Вылка сделал несколько шагов бегом в направлении змея, обернулся, увидел смеющуюся Дашу, несколько растерянно сказал:

— Я отпустил его.

...Весна была и в зоопарке. На пруды выпустили птицу, чистили летние вольеры, а в некоторых уже обживались огромные африканские кошки. Хобот и часть ушастой головы высовывал из зимнего помещения слон — ловил запахи.

Белый медведь, волнуясь, и от этого быстрее, чем зимой, ходил вокруг бассейна. Вылка кормил зверя ландринном. Но вот он вынул из кармана часы, долго и внимательно

но смотрел на них, а потом быстро пошел к выходу.

...Богатая пролетка, мягко покачиваясь, плыла по бульвару. Лошадь косила взглядом на извозчика, извозчик — на Вылку. Вылка сидел развалиясь, в руке с отведенным локтем держал длинную, легко дымящуюся папиросу.

...Вылка с Дашей сидели за самоваром, и Вылка пил чай из стакана в серебряном подстаканнике, понемногу, с подчеркнутой аккуратностью откусывая от бисквита.

— Вы стали настоящим москвичом, — сказала Даша.

Вылка, довольный, заулыбался, ответил с удовольствием:

— Да, я стал как настоящий москвич.

Их отвлек раздавшийся в коридоре хохот. Дверь отворилась, и в комнату широко вошел Переплетчиков с газетой в руках.

— Илья! — закричал он с порога. — Ты вчера на Воробьевых горах был?

— Был.

— Послушай, что о тебе пишут. — Переплетчиков развернул газету, стал читать нарочито торжественно: — «Обративший на себя внимание московских почитателей изящных искусств художник-самоед Тыко

Вылка, выставка которого открывается на днях в галерее живописи на Кузнецком мосту, вчера в полдень гулял на Воробьевых горах. Там на глазах у изумленной публики, которая обычно сопровождает туземца при его прогулках, он убил воробья и съел его вместе с перьями». — Переплетчиков снова захохотал. — Илья! Правда съел?

Но Вылка не разделил веселья Переплетчикова — вскочил, опрокинув стакан, губы его дрожали.

— Кто сказал? — спросил он и повторил криком: — Кто сказал?

— Да вот написано, — смутился Переплетчиков и протянул Вылке газету.

— Кто писал?! — Вылка не взял газеты.

— Птица.

— Какая птица?

— Фамилия такая. Птица. С двумя «ц». Да не сердись ты, Илья, репортер...

— Даша, — Вылка заговорил вдруг тихо, — я не ел воробья.

— Он не ел воробья, — тут же подтвердила Даша.

Наступило лето — стояли очень теплые дни. К выставочному залу съезжались го-

сти. В фойе было многолюдно.

— Где же Вылка? — спрашивали Переплетчикова.

Тот пожимал плечами.

Архипов с Борисовым ходили в пустом еще зале.

— Вы правы, — сказал Борисов. — Тут есть над чем задуматься. И все же я — за школу. Уверен, школа не испортит Илью.

— Если бы... — сомневался Архипов. — Правда, я убедился, Вылка — та губка, которая впитывает только лучшее и необходимое. И все же на уроках я был крайне осторожен с советами.

Появилась Даша с букетиком гвоздик. Все было готово к открытию выставки. Собравшиеся толпились перед неразрезанной ленточкой.

— Василий Васильевич! — Даша радостно заулыбалась Переплетчикову.

Борисов с Архиповым подошли к ним, поклонились.

— Где Тыко? — обратился Борисов к Переплетчикову.

Переплетчиков растерянно пожал плечами.

— Охорашивает фрак, — предположил Архипов. — Вы его не узнаете. Этакый франт стал!

— Он в малице заявится? — спросили Переплетчикова.

— Хотел бы я знать — явится ли он вообще. — Переплетчиков холодно взглянул на человека с репортерским блокнотом в руках.

Вылка, лежа на постели в своей комнате, бил мух из духового пистолета. Рывком отворив дверь, на пороге появился Переплетчиков. За ним входили Даша и Валаамов.

— Ну знаешь! — Переплетчиков готов был то сердиться, то смеяться. — Это уж, брат, чистой воды свинство! Не явиться на собственный вернисаж! Его люди ищут! По всей Москве! А он мух бьет!

— Что такое муха — не знаю. — Вылка

прицелился и выстрелил. — На Новой Земле мух нет. На Новой Земле — птицы.

— А это что? Птица? — Переплетчиков щелчком сбил со стены раздавленную муху.

— Птица, — согласился Вылка без улыбки. — С двумя «ц» на конце.

Переплетчиков и Валаамов захохотали.

— Илья, вы не любите меня, — сказала Даша.

Вылка вскочил.

— Пошли, охотник. — Переплетчиков обнял Вылку за плечи. — Внизу тебя сюрприз ждет.

В нижних комнатах их ждали Борисов с Архиповым.

— Александр Алексеевич!

— Тыко!

Они бросились друг к другу, обнялись.

— Шампанского! — крикнул Переплетчиков.

Все расположились за наскоро собранным столом. Вылка сидел между Борисовым и Дашей.

— Я поднимаю этот бокал, — сказал Переплетчиков, — за нашего друга и коллегу Илью Вылку!

Все поднялись, зазвенел хрусталь.

— Стойте! — вдруг закричал Борисов. — Погодите! Я — кто? — повернулся он к Вылке. — Я — твой крестный отец. Я открыл тебя.

— Открыл, открыл, — лукаво согласился Вылка. — Я тебя для этого со льдины снял.

— Было. — Борисов обнял Вылку за плечи. — Ну, Тыко! Ну, Илья! Поздравляю! — И расцеловал троекратно.

— Ты почему не приехал? — Вылка был взволнован и смущен. — Я карты сделал. Ждал тебя.

— Прости, Тыко. Жизнь. Я, брат, теперь тобой займусь всерьез. Живопись — наука точная. Учиться будем по-настоящему.

— Спасибо тебе, — сказал растроганный Вылка. — И тебе спасибо, Василий Васильевич, дорогой мой приятель. — Вылка низко поклонился. — Ты мне как отец был. Спасибо тебе, Архипов, — снова поклонился Вылка. — Учил ты меня. Тебе, Валаамов...

Ты мне другом стал. — Вылка перевел взгляд на Дашу и, не найдя слов, растерялся, покраснел. — Люди хорошие в Москве. Я этот год никогда не забуду.

— В Петербург поедем, — говорил Борисов. — В Италию. Во Францию.

— На будущий год поедем, — сказал Вылка. — Сейчас нельзя.

— Почему нельзя? — удивился Борисов.

— В Александровск поеду. Русанов сейчас на Шпицбергене. За мной зайдет — на Камчатку пойдем.

— Да? — ревниво взглянул на Вылку Борисов.

Вылка смотрел на Дашу.

...Вдвоем они шли по теплой вечерней улице.

— Я вернусь, — сказал Вылка. — Дойду с Русановым до Камчатки и вернусь.

— И опять будете скучать по северу?

— Да. Поеду на север — буду скучать по Москве. Приеду в Москву — буду скучать по северу. Если вы приедете на Новую Землю...

— Что ж я буду делать там?

— Вы приедете на Новую Землю, я скажу вам: здравствуйте, Даша.

— А я скажу: здравствуйте, Илья. — Даша приняла игру. — Нет! — вдруг весело отказалась она. — Сначала вы приедете в Москву, и я скажу вам: здравствуйте, Илья.

...Через ограду зоопарка было видно, как по вольеру шел белый медведь.

— А если вы не вернетесь? — спросила вдруг Даша.

— Нет, — сказал Вылка. — Я вернусь. Я не могу не вернуться.

Старый Вылка поднялся в волнении, посмотрел по палубе — как будто искал глазами кого-то, и, не найдя, опустил голову, уперся подбородком в грудь — хотел и не хотел видеть встающее перед ним.

И тогда он снова увидел Русанова — молодого, веселого, увлеченного жизнью. Казалось, Русанов вот-вот оглянется, вот-вот почувствует его взгляд и остановится, но

напрасно Вылка подался вперед, к самому борту, — стояло напрячься так, и перед ним возник океан.

Моторно-парусная шхуна «Геркулес» входила в новоземельский пролив Маточкин Шар. Ровно стучал мотор. Закрывая дальние наволоки, приближалась стена тумана. Русанов и Вылка сидели на носу. Вылка смотрел на проплывающие мимо льды. Неподалеку, на палубе, играла с собакой невеста Русанова Жюльетта Жан.

— Знаешь, — сказал Вылка, — я жениться хочу.

— Ну? — встрепнулся Русанов. — На ком же?

— Ее зовут Даша. Как думаешь, пойдет русская за самоеда?

— Видишь ли... — Русанов на мгновение задумался. — Все дело в том, нравишься ли ты ей.

— Нравлюсь, — подумав, сказал Вылка.

— И потом... Где ты собираешься жить с ней?

— В Москве будем жить. Здесь будем жить, на Новой Земле.

— Мне кажется, в чуме она жить не станет. Да она просто погибнет в чуме с непривычки.

— Да, — сказал Вылка. — Не пойдет русская за самоеда.

— Вот чудак! Разве это я говорю? Ну, как ты думаешь! Люблю — и все? Она, Илья, человек. Ну, ты извини меня. Ей ведь не просто мужик нужен. Вот Жюльетта, — он посмотрел на нее, — моя невеста. Она — француженка, живет в Париже, я — русский. Разве в этом дело? Мы любим друг друга. Она за мной на север пошла! Понимаешь? Если у вас с Дашей будет одно дело — тогда, брат!.. — Русанов взмахнул рукой, встал, заходил по палубе. — Ты только правильно меня пойми — тебе для этого много сделать нужно. Учиться! Вернемся — поедешь в Москву, потом в Европу. Понимаешь, Илья, мужчина должен быть достойным женщины. И ты сможешь быть достойным ее!

— Смогу. Я в Москве много думал, как буду жить... Сколько мест для становищ мы на карту нанесли!.. Хочу в городе жить, разному учиться, потом своему народу говорить буду. Хочу, чтобы все хорошо жили тут. К прежней жизни не хочу вернуться. Мой народ станет великим народом. Мы придем к вам как равные, протянем руку.

— Тампе! Тампе! — звонко позвала собаку Жюльетта. Улыбнувшись Русанову, она сказала собаке что-то по-французски и вложила ей в зубы подозрную трубу.

Тампе в несколько прыжков принесла трубу Русанову — уши спаниеля порхали, как бабочки.

— Не показалось ли становище? — ласково потрепав собаку, сказал Русанов.

В оптическом круге подозрной трубы виднелась луковка церкви и становище.

— Никто не встречает, — встревожился Вылка, отняв трубу от глаза. — Никого на берегу нет. Пусто.

— Туман большой — не заметили, как мы подошли, — предложил Русанов. — Илья, — он обнял Вылку за плечи. — Ты только не обессудь. Мы теплую одежду и собак возьмем и завтра же выйдем. Нам каждый день дорог. Да?

— Я знаю, Русанов.

...На огромном куске снега у самого берега, кругом столбов, как заведенные, ходили три белых медвежонка.

Вылка, Русанов, Жюльетта и еще несколько членов экспедиции поднимались в становище по косогору. Тоскливый рев медвежат и берущее за душу собачье завывание переплетались в тумане. Послышались женские рыдания. Сквозь туман стало пробиваться багровое пятно — костер, разложенный у часовни, и собравшиеся в горестном молчании люди.

— Что случилось? — еще издали крикнул Вылка по-ненецки.

Родственники с трудом узнавали Вылку, обступали его.

— Что случилось? — повторил свой вопрос Вылка.

— Брат твой застрелился, — хрипло сказал Ханец.

— Какой? Санко?!

— Андрей. Пришел вчера с охоты, ружье положил у огня... спал крепко... слышим — выстрел... Подбежали... Андрей кончился.

Вылка направился в часовню. Родственники шли следом, на некотором расстоянии от него.

— Как Прасковья? — спросил он отца на ходу.

— Худо. Шестеро детей у нее.

— Помню.

Из часовни донеслось отпевание: «Иже на всякое время и на всякий час...»

Подъехали нарты, запряженные собаками, остановились у часовни. Слышно стало, как заколачивали гроб.

«Святой боже, святой крепкий, святой бессмертный...» — помахивая кадиллом, пел поп, выходя наружу.

Все обитатели становища и приехавшие сняли головные уборы. Собаки, подняв морды, завывали в тон пению. Завывали и затывкали обеспокоенные собаки в становище, и весь воздух наполнился ноющим печальным воем и церковным пением. Вынесли гроб и поставили на нарты. Собаки еще не трогались, все стояли молча, в странных напряженных позах. Русанов подошел к Вылке.

— Крепись, друг, — он обнял Вылку. — Завтра утром будем ждать тебя на берегу.

— Хорошо, — коротко ответил Вылка.

На гроб посадили двоих самых маленьких детей, остальные дети встали за гробом со вдовой, и сани тронулись. Русанов стал смотреть вслед.

Туман отошел. В прозрачном воздухе долго виднелись все уменьшающиеся фигуры собак, попа в ризе с золотым крестом, провожающих. А над ними возвышались громадные полосатые снеговые горы, освещенные полunoчными солнцем. Пошел снег.

Утром снова упал туман. Русанов ждал Вылку. Шлюпка с Жюльеттой покачивалась на волне, на веслах сидел матрос.

Вылка, понуриив голову, спускался по ко-
согору в сопровождении родственников.
На нем была малица. Русанов почувство-
вал недоброе.

- Я остаюсь на Новой Земле.
- Почему? — растерялся Русанов.
- Женюсь на вдове. Обычай рода.
- Но почему именно ты?
- Больше некому. Я один холостой.

— Подожди, Илья! Мы поможем! Дадим
продовольствия, денег. Скажи отцу, что мы
обеспечим их на год вперед. У нас есть та-
кая возможность.

— Помощь что даст? — Вылка взглянул
на самую маленькую девочку. — Их десять
лет... пятнадцать лет кормить надо.

С моря раздался низкий и сиплый кора-
бельный гудок.

— Ну а Даша! — с последней надеждой
крикнул Русанов. — Любовь? Учеба? ПUTE-
шествия? Живопись? Мечты!.. Все пошло
прахом? Навсегда?!

Вылка низко поклонился.

Внезапно собака Тампе, сидевшая до сих
пор в шлюпке, выскочила на берег и по-
мчалась к ближайшей сопке.

— Что с ней? — удивился Русанов.

— Тампе! Тампе! Тампе! — звала Жюль-
етта.

Собака стремительно удалялась. На вер-
шине сопки она остановилась на секунду,
посмотрела на людей внизу и скрылась. Са-
моеды, стоявшие поодаль группой, испу-
ганно зашептались.

— Не надо! — сказал по-французски Руса-
нов Жюльетте, собравшейся пойти за соба-
кой. — Все. Бесполезно. — Он не справился
с волнением. — Тыко! Родной мой! Прощай!

— Вот. Возьми, — Вылка протянул не-
большую картину, на которой на фоне но-
воземельского пейзажа был Русанов.

— Тыко! Спасибо!

Поддерживая Жюльетту за локоть, Руса-
нов помог ей войти в шлюпку, вскочил сам,
самоеды дружно навалились на шлюпку,
оттолкнули ее, весла заработали и, покачи-
ваясь на волнах, шлюпка быстро пошла по
серебристой воде залива. Вылка тоскливо

смотрел ей вслед и вдруг, бросившись в
студеную воду и подняв руки, он закричал
вслед что есть силы:

— Владимир Александрович! Подожди-
те...

Но Русанов не слышал его, не обернулся.

Провожали Вылку всем становищем. По-
гружен был нехитрый скарб, и собаки за-
тихли, наострив уши, ожидая властного
окрика, чтобы бежать в долгую снежную
пустыню, навстречу Карскому берегу — не-
обжитому, суровому.

— Зачем один едешь? — расстроено го-
ворил сыну Ханец.

— Я не один, эвон сколько нас, — кивал
на свою семью Вылка.

Прасковья сидела с двумя маленькими
дочерьми в нартах и, казалось, была занята
только ими; остальные дети, оживленные
предстоящим путешествием, — кто крутился
возле собак и нарт, кто пританцовывал
возле Вылки. Самоеды, обступившие нарты,
молчали.

— Пароход не зайдет на Карскую сторо-
ну. Как жить будешь? — не отставал Ха-
нец.

— Промышлять буду. Доживать поеду.
Ну, прощай!

Он сел в нарты, зычно крикнул собакам.

Следом бежали еще три упряжки. Прак-
ковья, оглядываясь на становище, молчала.
Молчали притихшие дети. Небо было
по-зимнему темным. Бессмысленно глядел
Вылка на бегущий навстречу снег.

— Мы живем на самом-самом севере.
Никто к нам не приходит, никто не ухо-
дит... — запел он грустную, тягучую пес-
ню. — Однажды с большого моря двухмач-
товое судно с шумом идет, с громом идет.
На двухмачтовое судно, на судно поднял-
ся я. Долгое-долгое лето вел я десять рус-
ских среди плавучих льдов. Только гром
гремел — мотор стучал. С русским Русано-
вым дружбы была хорошая. Было у нас две
головы, а сердце одно...

Теплоход «Владимир Русанов» шел в сумерках. Горели палубные огни. Старый Вылка покачивался в кресле и тихо пел сам себе.

Утренняя заря встречалась с зарей вечерней. На далеком Карском берегу, на высокой сопке, над океаном, сидел одиноко Вылка. Четкий гусиный клин, показавшийся из-за скал, блестя под солнцем боками, темнея шеями, пролетал над ним тихо и торжественно, летел над выступавшим угрюмо в океан береговым мысом. Не поднимая головы к косяку, Вылка смотрел перед собой, где метрах в двух от него, распластав по земле поломанное крыло, редко и тяжело вздыхая, лежал отставший от стаи раненый гусь.

— Ты за мной прилетишь? — говорил ему Вылка. — Торопился, сломал крыло. Как же ты понесешь меня? Придется нам остаться здесь. Я такой же, как ты. Сажу на берегу моря. Здесь не слышно городского шума — одинокий, покинутый человек. Смотрю на солнце и море. А солнце смотрит на море и на меня. Никогда больше Вылка не услышит музыку в опере. И ты больше не полетишь на юг, и я не увижу белую женщину. Она идет легко, красиво смотрит, у нее чистое сердце. Я рисовал картинки. Зачем я их рисовал? Ты уже не боишься меня? Сейчас я отнесу тебя к избе.

Вылка осторожно поднялся, осторожно подошел и взял гуся на руки. Ослабевшая птица не сопротивлялась. Он нес птицу, как ребенка, прижав к груди, к черневшей в наступающих сумерках избе. Пришел в сени и вошел в комнату.

— Гость у нас захворал, — сказал он Прасковье. — Лечить надо. Кормить-понть надо.

Женщина грустно смотрела на него из-за полога. Укрывшись шкурами, спали на полу дети.

— Глупая птица. Зверю попалась. Едва спаслась. — Вылка говорил безразлично и не смотрел на женщину, а в сторону, будто оправдываясь.

— Гуся ласкаешь, — сказала Прасковья. — Дети проснутся, будут довольны. Зашел на гору — смотрю, лежит...

Он бережно положил раненую птицу на шкуры рядом с детьми, и, не взглянув на женщину, поспешно вышел из избы; пойдя к большому черному корыту для вымачивания кож, которое лежало вверх дном, стал выбивать подгнившую растяжку. Тонко скрипнула дверь, Вылка обернулся. Прасковья скрылась в избе.

Вылка поставил корыто стоймя, подпер его двумя короткими слегами, чтобы пробить паклей насквозь. Потом вогнал в заушники колышки. Теперь корыто лежало правильно, только надо было укрепить его несколькими камнями для устойчивости. Закончив работу, он пошел к крыльцу и в избу.

Снова прошел он через сени в комнату, глянул на уснувшую возле детей птицу, потом шагнул через порог и за полог, всмотрелся в темноту. Сначала он увидел лишь что-то, показавшееся ему лежащей одеждой, потом взгляд его различил руки, две маленькие ладони, желтевшие в темноте, прижатые к животу, и он, словно боясь перевести взгляд на лицо женщины, и еще — словно боясь что-то вспомнить сейчас, все смотрел и смотрел, напрягшись, на эти ладони.

Прасковья видела его глаза и видела появляющийся в них блеск, о котором не знал он сам, она вжалась в постель, старалась не дышать, чтобы не нарушать тишину, в какой она слышала мужчину.

Лицо Вылки со все усиливавшимся блеском в глазах стало вдруг задумчивым, и теперь он посмотрел на лицо женщины. Обратное к нему из какой-то глубокой темноты, плохо различимое в деталях, но словно высвеченное в контурах, оно было лицом молодой Прасковьи, или так он захотел увидеть его. Что-то похожее на удивление мелькнуло в его глазах, где миг пропал блеск, а весь он напомнил в темноте виноватого зверя.

— Завтра на охоту пойду,— сказал он, чтобы сказать что-то. — Возьму с собой старшего.

— Ты мой муж,— сказала Прасковья.

— Хорошая у нас изба. Детям в избе хорошо. — Вылка оглянулся, словно можно было что-то рассмотреть в темноте.

— У нас хорошая изба,— согласилась женщина. — Ты мой муж.

Она схватила руку Вылки, прижала ее к своему животу. Он стал стаскивать малицу и впервые в жизни запутался в ней — за что-то зацепился: за висевший на поясе медвежий клык, или нож, или что-то еще. Он рванул малицу. Прасковья помогала ему. Он снова рванул малицу и лихорадочно сорвал ее с себя, увидел лицо вставшей на колени Прасковьи, и они оба не отводили глаз друг от друга, а потом она вновь опустилась на постель, ушла в глубокую темноту, где снова стали видны лишь контуры ее лица. Вылка наклонился к ней.

Расцветенный огнями теплоход шел в ночном океане под низким звездным небом. На теплоходе все спали.

Старый Вылка поднялся, пошел по палубе, переступил высокий порог и оказался в длинном, обитом коричневым и залитом светом коридоре. Он увидел себя в большом, во весь рост, зеркале идущим себе навстречу.

Войдя в каюту, он еще постоял немного, опершись о стену, потом, не раздеваясь, лег на койку и потушил свет.

Погожим днем голубое распахнутое небо приняло отпущенную детьми, выздоровевшую птицу, и та, набирая взмахи, не оглядываясь, устремилась в известном ей одной направлении.

— Оглянись! Оглянись! — кричал самый маленький мальчик, потом он повернулся к матери. — Не оглянулась,— сказал он с сожалением.

Прасковья стояла в отдалении, радостно

щурилась на солнце и улыбалась детям и Вылке.

Вылка поднял руку и стал махать птице. Дети замахали тоже.

Бледно-голубое небо золотилось против солнца. И теплоход «Владимир Русанов», и льды в океане, и сам океан так четко виднелись, словно даже воздуха не было вокруг. Тишина в пространстве была такой ошутимой, что ее можно было слушать.

В палубном репродукторе шелкнуло, из него зазвучало: «Говорит радиоузел теплохода «Владимир Русанов». Доброе утро, товарищи. Наш теплоход совершает рейс с Новой Земли в Архангельск».

Тот же текст зазвучал по-ненецки.

Старый Вылка вышел на палубу в малице, неожданной после вчерашнего его европейского костюма, сел в свое кресло.

Нечеткая линия горизонта легко превращалась в давнее, знакомое.

Черная, припавшая набор избушка все так же стояла меж суровых береговых скал, все те же холмы с верхушками снега виднелись вдаль, белели вросшие в землю оленьи кости — словно и время остановилось. Но — будто подкрались — задерживали взгляд три креста на пригорке: два потемнели от влаги, один был поновес, повыше и стоял чуть в стороне. Избушка смотрела на них слепыми окнами. Безучастно сидел на пороге Вылка.

— Отец! Отец! — кричал Афанасий.

Вылка повернулся на крик сына.

— Отец! Слышишь? Едут! С моря едут. Шибко торопятся. Без весел едут.

С моря шел карбас. В центре карбаса был крепленный к днищу болтами большой чугунный мотор, от которого шел к корме прикрытый ржавой накрывкой вал, а за борт была отведена кривая трубка, из нее бежала струйка воды. Ремизов внимательно глядел на берег. За рулевым веслом сидел матрос Прохоров.

Сын тербил Вылку.

— Без весел едут. Как едут?

Вылка молчал.

Карбас с разгона врезался в берег, Ремизов заглушил мотор, одобрительно стукнул его кулаком по морде, вытер рукавом испачканные бензином губы, прыгнул на берег, не оглянувшись на Прохорова и оставляя ему заняться швартовкой, пошел к Вылке, приглядываясь к нему и словно решая — как начать разговор.

— А ну! — крикнул Ремизов и размахнулся. — Отмахни! Руку, говорю, отмахни! Во! А ну! — И хлопнул Вылку что есть силы по ладони. — Так? По-морскому. Узнаешь?

— Ремизов, моторист, — сказал Вылка.

Э-э! Был моторист. А теперь председатель Архангельского комитета народов Севера. То-то! Думал, понимаешь, не найдут? Так? Видел, на чем пришел? Не понял? Эх ты, тундра! Мотор, понимаешь! Один на весь Архангельск, и мне даденый. Американец. Во! — И сплюнул. — Как живешь?

Всяко живу, — ответил Вылка.

— Царя нет! Губернатора тоже нет! — Волосы у Ремизова были на обе стороны,

он потряхивал ими, рубил ладошью воздух. Я к тебе, понимаешь, не пустой пришел. С парходом. Товары привез, учителя, доктора. Так? Выбираем Совет. Тебя председателем. Ты на весь остров один грамотный. — И вдруг спросил о другом: Чьи кресты?

Женка померла. Прасковья. Сына мне родила, ошнужала. Раньше двое детей ошнужали.

— Ясно. — Ремизов помолчал. — Ну ты, понимаешь, что ж... Это, Илья, жизнь. Один живешь?

— С сыном Афанасием. Старшие дети в становище вернулись.

— А я тебе, понимаешь, газеты привез, — снова перевел разговор Ремизов. — Брошюры. Рекомендации, инструкции. Поймешь, понимаешь, какое оно, новое общество.

Ремизов — руки за спину — заходил у костра. Одет он был в полшубок, под которым виднелась суровая рубаха, в высокие резиновые сапоги.

Вылка молчал.

— Про тебя из Москвы спрашивают. Есть, значит, на Новой Земле Тыко Вылка. Разыскать. Привлечь. Поручить. И все!

— Где Русанов? — спросил Вылка.

Ремизов помолчал, потрянул волосами, протянул:

— Да-а... Ничего неизвестно о Русанове. Не вернулась экспедиция.

— Может, бредет где-нибудь во льдах Владимир Александрович...

— Ну, ты вот что! — сказал Ремизов. — Ты мне прямо скажи! Будешь ты, значит, с нами работать? Или нет? И так к вам Советская власть на семь лет опоздала!

Вылка пошел в избу.

— Илья! — растерявшись, крикнул Ремизов. — Видал? — повернулся он к Прохорову. — Видал, с кем работать приходится? Спать пошел. Как я без него в становище приду? Там норвежцы торгуют, у них дело налажено. Он мне, понимаешь, всю ленинскую торговую политику рушит.

На пороге избы — в брезентовом плаще с медными пуговицами, в пенсне, в кирзовых сапогах — стоял Вылка. Ремизов с открытым ртом замолк на полупhrазе.

— Ремизов! — крикнул Вылка. — Где, говорись, пароход стоит?

— Да, понимаешь, вон, за мысом, — голосом подчиненного отвечал Ремизов.

— Пошли! — сказал Вылка.

Возле наскоро построенной из деревянных щитов фактории толпились промышленники. На крыльце вели торг два норвежца — отец и сын.

У крыльца приплясывал Хатанзей с засунутыми за пояс — двумя спереди и двумя сзади — шкурками. Старый норвежец вопросительно посмотрел на него. Хатанзей повернулся спиной, продолжал приплясывать.

Пырерка крикнул требовательно:

— Винтовку надо! Давай винчестер!

Молодой норвежец вынес винчестер, поставил прикладом на пол, рукой взялся за ствол. Пырерка стал бросать рядом с винчестером шкурки — одну за другой. Когда высота стопки достигла мушки винчестера, норвежец протянул ему винтовку, а сам

ловко перехватил стопку кожаным ремешком, бросил ее в угол. Пырерка гордо осмотривал оружие.

— Пароход! — закричали на берегу. — Глядите! Пароход к нам идет!

Пароход с красным флагом шел к новоземельскому берегу. На борту свежей краской было выведено «Труженик Севера».

Ремизов выстраивал на палубе оркестр красноармейцев. Вылка стоял на носу, за ним возвышался могучий матрос Прохоров.

Жители становища — мужчины, женщины, дети — бежали к берегу, палили из ружей, приплясывали, кричали навстречу прибывшим.

Вылка сделал знак оркестру, и оркестр грянул «Интернационал».

— Красивый идет! — кричал Хатанзей. — С громом идет!

— Флаг какой? — кричали рядом. — Красный?

— Русские-советские едут!..

— Дурья башка! Не видишь? Это же Вылка! Наш Вылка к нам едет!

Встречающие ринулись к карбасам, набились в них помногу человек сразу, спешили обогнать один другого.

— Гляди-ка! Гляди-ка! И вправду — Вылка! Вылка приехал!

Новоземельцы взбирались на палубу, здоровались, обнимались.

— Стой! — кричал Вылка. — Сперва музыку дослушай! Музыку дослушай! Хо-о! Тундра...

Оркестр доиграл последние такты и стих.

Вылка в сопровождении земляков, потряхивая большим мешком, легко вбежал на крыльцо, остановился перед норвежцами.

У берега Ремизов и Прохоров выгружали что-то из карбасов на составленные в ряд нарты.

— Надо винчестер? — спросил старый норвежец, увидев, что Вылка смотрит на винтовку в руках Пырерки.

— Да, — ответил Вылка.

— Карано, карашо, мой самоед, — говорил старик, а молодой вынес винчестер, по-

ставил его привычным жестом, чуть придерживая за конец ствола.

— Сколько? — спросил Вылка.

— Бросать. Бросать. — Старик показывал то на мешок, то на пол.

Вылка вынул шкурку и бросил ее рядом с винчестером. Норвежцы ждали. Вылка бросил вторую шкурку.

— Еще?

— Еще! Еще! — закивали норвежцы, а старый показывал рукой, что стопка шкурок должна достигнуть мушки винчестера.

— Столько? — Вылка поставил свой мешок рядом с винтовкой.

— Да! Да! — радовались норвежцы, но взгляд старого насторожился.

— Люди! — крикнул Вылка. — Тут вас грабят. Там, — он показал в сторону Ремизова, — грабить не будут. На Новой Земле винтовка стоит одну шкурку. Берите свои шкурки, идите торговать.

Сначала толпа онемела, через секунду кто-то рассмеялся, сказал:

— У Вылки в голове опилки!

— Пошли! — Вылка уверенным жестом пригласил собравшихся и направился к нартам. Самоеды и русские промышленники — неуверенно, но с любопытством — двинулись за ним. Норвежцы направились следом.

Ремизов раскладывал блестящие смазкой, отливавшие вороненой сталью карабины.

— Сколько? — спросил Вылка.

Ремизов поднял вверх один палец. Вылка положил шкурку и взял карабин. Вдруг самоед Хатанзей протолкался к прилавку, бросил шкурку, схватил винтовку и побежал, не оглядываясь.

— Да! Да! — крикнул русский промышленник. — Железо!

Вылка повернулся и увидел звероватого, широколицего мужика с черничными глазами из-под тяжелых век.

— Кто это? — спросил Вылка.

— Нестор, — ответили ему. — Пятый год живет. Один живет.

Хатанзей смотрел на оружие с беспокой-

ством. Вылка поднял со снега пустую бутылку, протянул ее Хатанзею, взял у него карабин.

— Давай!

Хатанзей бросил бутылку высоко вверх. Неуловимым движением Вылка вскинул карабин и выстрелил — бутылка разлетелась на осколки.

— Вот дьявол! — пришел в восторг Ремизов.

Нестор сел в сани и покатил. Норвежцы смотрели хмуро.

Толпа ринулась к прилавку.

— Ы-ы-ы! — тонко завизжал Пырерка, сорвался с места, побежал к крыльцу норвежской фактории, бросил винчестер на пол, схватил свою уже перевязанную кожаным ремнем стопку шкурок и помчался обратно. Норвежцы кинулись наперерез. Увертываясь от норвежцев, Пырерка с тем же криком «ы-ы-ы» добежал до прилавка, швырнул шкурки, растопырил десять пальцев и стал хватать — один за другим — карабины.

Самоеды торговали карабины — кто сколько мог.

Норвежцы, тяжело дыша, подошли к Вылке.

— Зачем ворует? — пожаловался старик. — Я торгую — он купил. Вернуть надо.

— Он быстро бегаёт, — ответил Вылка. — Я не могу догнать.

Прохоров принялся распаковывать ящики с провиантом. Самоеды, держа карабины в охапках, смотрели растерянно — шкурок больше не было.

— Хо-о! — рассмеялся Вылка. — Очень глупые люди. Совсем дураки. Зачем двум рукам столько карабинов? На что вы будете покупать чай и соль? — Самоеды ждали, что он скажет дальше. Пырерка со своими десятью карабинами стоял как оплывший. — Возвращайте лишние карабины. Покупайте только то, что нужно.

Толпа ликовала. Самоеды, набравшие коробок с часам, гачек соли, пакетов, консервных банок, мануфактуры, смотрели на

Вылку — некоторые едва выглядывали из груды набранных товаров.

— Молодец, Вылка! — кричали самоеды. — Наш Вылка! Ты не уедешь снова?

— Не уеду, — обещал Вылка. — Выбирайте Совет.

— Что такое Совет? — спросил кто-то.

— Совет будет управлять нашей жизнью, — отвечал Вылка. — Выберем депутатов от каждого становища, а депутаты выберут Совет.

— Какие депутаты? — крикнули из толпы.

— Хорошие люди, — ответил Вылка. — От становища — один депутат. Или два, или три — сколько людей в становище. Депутат — это хороший охотник, водки пьет мало, его все уважают. Мы будем жить по-повому.

Ремизов подмигнул Прохорову:

— Видал, с кем работать надо? Великий самоед! И все!

Норвежцы вошли в факторию и закрыли дверь.

— Вы видите, пришел пароход, — говорил Вылка. — Я привез вам Советскую власть. Учителя, доктора. Вон стоят. Доктор будет лечить. У нас не будет цинги. Доктор сделает прививки — не будет болезней. Я привез вам нашу факторию. Пароходы привезут еще. Пароходы будут ходить к нам всегда. Они привезут моторы. Мотор работает — плывет карбас, мотор работает — в полярную ночь светло, как днем. Дети в школу пойдут, писать будут, знать будут, в Москву ездить будут. Промышлять станем вместе, артелью будем называться, или — коммуной. Это сказал вам я — самоед Тыко Вылка. Выбирайте меня председателем!

Люди слушали, открыв рты.

Длинные, как стрелы, тени легли на берег. Океан стал фиолетовым. Перелетные птицы потянулись на юг. Зима заглядывала на Новую Землю из-за северного горизонта. Поздней ночью сидел Вылка в комнате Совета за столом над листами бума-

ги, на которых штрихами набрасывал два лица — одно сердитое, другое изумленное.

— У Энгу тысяча оленей, у Магали — десять, — говорил он сам себе и тут же обращался к сердитому лицу. — Ты захочешь объединиться с Магали? Ты хочешь сказать «нет», но ты не торопись. Ты послушай меня. У тебя тысяча оленей. Тебе надо пасти их. Надо искать ягель. У тебя бы давно было десять тысяч, но они у тебя умирают. Потому что тебе и твоему сыну трудно пасти их, трудно искать ягель.

Вылка нарисовал новое лицо Энгу — задумавшееся.

— Если бы у тебя было много людей, они пасли бы стадо, искали ягель, твои олени не умирали бы. Понял? В колхозе много людей. В колхозе будет много оленей. Они будут общими. У тебя будет столько же мяса, сколько сейчас. И шкур. А если захочешь, будет больше. Ты понял меня? — Теперь лицо Энгу соглашалось.

— А ты? — обратился Вылка к лицу Магали. — Ты хочешь объединиться? Не торопись говорить «да». У тебя десять оленей. Их легко пасти, легко охранять от зверя. В колхозе будет много оленей. Там придется работать. Подумай.

Лицо Магали на листе проделало тот же путь — стало задумавшимся, потом согласным.

— Вот мы и поговорили. Вот как все просто. — Вылка иронизировал сам над собой. — Я плохой председатель. Я много хочу и мало умею. Я всегда думаю, что сделать, как сделать лучше. Десять раз я буду говорить это вам. Сто раз. Я буду приезжать к вам полярной ночью, сидетьazole чума и говорить. Вы будете слушать, кивать и молчать. А я буду приезжать снова. Я уговорю вас. Потому что я председатель.

... — Вати! — кричал Вылка, откидывая полог пустого чума, шел к следующему. — Степап! — В ответ не раздавалось ни звука.

— Видишь, как встречают председателя, — говорил Вылка сопровождавшему его

доктору,— с каким шумом, с каким громом встречают председателя!

— Никого нет, Илья Константинович,— отозвался доктор.

Вылка прервал обход, остановился, задумался, потом возразил:

— Депутат должен быть. Депутат не ушел. — Он повернулся к чуму, прокричал несколько раз: — Хасибо! Хасибо!

Из чума, не торопясь, вышел молодой ненец, сделал несколько шагов к Вылке, остановился.

— Здравствуй, Хасибо! — громче, чем нужно, поздоровался Вылка.

— Здравствуй, Тыко! — крикнул и Хасибо.

— Все ли здоровы в становище, Хасибо?

— Все, все здоровы,— отвечал Хасибо торопливо, глядя на доктора.

— Где же все? — спросил Вылка. — На свадьбу ушли или на похороны?

— Ушли,— сказал Хасибо и неопределенно махнул рукой: — Туда.

— Ты дождался меня, Хасибо. — Вылка говорил с укоризной. — Ты проводил всех, а сам остался. Ты знал, что я приеду с доктором, и проводил всех. Никого не задержал, никому не сказал: придет доктор, доктор будет осматривать вас. Хороший депутат в становище!

— Когда ненец болен,— раздался старческий голос, который Вылка стал слушать, не оборачиваясь,— он идет к доктору. Когда ненец здоров, ему не нужен доктор.

— Здравствуй, отец,— полуобернувшись, сказал Вылка. — Почему сам не ушел?

— Я старый,— отвечал Ханец.

Он сделал приглашающий жест в чум.

— Пойди к людям, Хасибо,— сказал Вылка,— передай им, что мы с доктором будем ждать их. Скажи им: Ханец остался для того, чтобы его посмотрел доктор.

Хасибо кивнул и стал пристегивать лыжи. Вылка вошел в чум отца, где, полузакрыв глаза, дремал доктор Ханец засмеялся.

— Кого хочешь обмануть, Тыко?

— Ты остался для того, чтобы доктор посмотрел тебя.

— Ты хитрый. — Ханец снова посмеялся. — Может быть, для того. Может быть, нет.

В чуме было темно и нечисто, в полутьме можно было рассмотреть беспорядочно сваленные вещи и шкуры, остатки костра, кости вокруг него.

— Совет принял решение,— спокойно говорил Вылка,— провести медицинское обследование. Есть такие болезни: туберкулез, язва, гастрит. Ненцы больны — сами не знают.

Раскурив трубку, Ханец протянул ее сыну, тот принял трубку.

Доктор покачал головой.

— Есть одна болезнь,— сказал Ханец,— смерть. Цинга — смерть. Со скалы упадешь — смерть. Зверь нападет — смерть.

— Есть еще одна смерть,— Вылка обвел чум взглядом,— грязь.

— Зачем ты трогаешь ненца? — стал говаривать Ханец. — Зачем ты зовешь его в избу? В избе тепло, ненец станет все время спать и не пойдет на охоту. Ты хочешь сделать ненца русским? Зачем тебе?

— Без доктора ненцу худо,— сказал Вылка.

— Ненцу будет худо, если доктор не разрешит ему курить одну трубку с гостем,— ответил Ханец.

Вылка, который как раз передавал трубку отцу, посмотрел на доктора, отер трубку рукой, посмотрел на Ханца, снова взял трубку, затаился и только тогда передал ее отцу.

— Ты говоришь, как старик. И ты думаешь, как старик.

Бесшумно откинув полог, Хасибо вошел в чум и сказал:

— Люди не хотят идти. Кто-то сказал: проверять будут... здоровых в артель брать... больных не брать. Кто-то сказал, здоровым оленей дадут, у больных заберут оленей...

— Кто сказал? — спросил Вылка.

— Нестор сказал,— ответил Хасибо.

Воздух над холодной голубизной снега был прозрачен. Вдали ясно виднелся тяжелый сруб пятистенки Нестора.

Безмолвие нарушил выстрел. Вылка повернул собак к снежному косогору, быстро перевалил его.

Испуганное выстрелом стадо моржей, порывывая, сползало с припая в океан. К туше убитого вожака на коротких лыжах бежал Нестор. Вылка догнал его, прыгнул с саней, побежал рядом.

— Пудов двадцать будет! — радостно общил Нестор.

Вцепившись в ласты, натужно хакая, упираясь в скользкий лед и разъезжаясь ногами, Вылка и Нестор переворачивали моржа на брюхо. Наконец это им удалось — потерявшая форму масса тяжело перевалилась и легла, как надо.

— Артелью бы легче, — сказал Вылка, тяжело дыша.

Нестор усмехнулся, снял вареги, подышал на ладони, снова надел.

— Агитировать приехал?

Он заходил по снегу, заговорил, придираясь:

— В пятнадцатом, не соврать, годе, мы с батей печуру нашли — лежала в горах, никому не нада была. Так мы, значит, — заметь, своими хребтами, иногда сутками, не пимши, не емши. — начали жернова из нее выкалывать. И закутилась эта наша механика. По всему северу, если и были мельни, то наши жернова стояли. Тут я, заметь, — оказывается, от бати отделился. Запруду на найденном ручье сделал. Не мельня — фабрика была. Со всей России заказы шли. Приходит, значит, новая власть. Теперь, говорят, твоя запруда — не твоя, а общественная. Я — за вилы. Сам знаешь, супротив людей один не намахаться.

— Однако одному худо, — сказал Вылка. — Ночью, пожалуй, много не спишь?

— Ну дак и небо не всегда чистое, и его облаками закладывает.

— Значит, от новой власти убежал?

— Ага, — простодушно согласился Не-

стор. — Мне чужого не нада, своего делить не хочу. Из обшшего котла не жрал и жрать не желаю. Брезгаю.

Вылка сделал несколько шагов в сторону, при этом совершая странные движения внутри малицы, — вынул руки из рукавов, расстегнул штаны, но видно было лишь то, что рукава опустели, повисли и малица стала похожей на маленький чум. Через секунду, внутри него, Вылка мочился на снег.

Нестор встал рядом, делал то же самое.

— Вот если, Илья, обшество начнет с тебя штаны стягивать, ты, поди, за пояс уцепишься, не давать станешь?

— Я, наверное, слепой, Нестор, — сказал Вылка.

— Это почему слепой? — не понял Нестор.

— Не вижу, что ты голый.

— Вот самоедина! — Нестор крикнул и одобрительно покачал головой.

Вдруг оба вздрогнули, встрепенулись, повернулись в одну сторону, откуда донеслись выстрелы. На огромном треугольнике, ограниченном берегом, хорошо был виден падающий на бегу человек — темный комок на пространстве, мелькавшем красками, которые набегали друг на друга, смешивались, усиливались, заливали все вокруг.

— Братцы! Бра-атцы! — хрипло кричал человек.

— Котцов! — сказал Нестор, глядя, как из последних сил он приближался к ним.

Вылка, а потом и Нестор пошли навстречу Котцову и побежали, когда тот упал и стал ждать их, задыхающийся, с искаженным усталостью лицом, на котором замерзла кровь возле глубоких ссадин и ран.

— Эх, беда-то какая! — заговорил Котцов, когда они подошли к нему. — Эх, мать честная! Миллер Саша... жена его... бельё полоскала, остудла, слггла... Известное дело. Кругом ни души. Саша — ко мне... Езжай за доктором. Ребятишек у него четверо. Я собак запряг и — на Выходной мыс. — Котцов замолчал, будто бы для того, чтоб перевести дух. — Сам знаешь, как

пурга мела. Заблудился я... Давеча со скалы упал, собаки все погибли, сам разбился.

— Как, ты говоришь, собак своих потерял? — Нестор стоял спокойно, потяжелел взглядом.

— Мороз-то какой! — взмолился Котцов. — Нутро стынет! Нельзя никак не приложиться... Ну, перехватил малость.

— Как же ты на такое дело со шпиртом пошел? — с усмешкой спросил Нестор и выругался внешне беззлобно, равнодушно: — Курва ты, паскуда кабацкая.

— Нестор, пошли! — Вылка первым направился к избе, видневшейся на берегу, за ним заковылял, спотыкаясь и припадая, Котцов.

Нестор быстро догнал их.

— Илья, ты чего удумал-то?

— Я к Сашке поеду, а ты — на мыс, за доктором. Торопиться надо.

— Илья! Морж в лед вмерзнет, моржа везти надо!

— Человек помирает. — Вылка не оставливался.

— Жалешь? — Нестор ощерился, задоря сам себя, заговорил громко, грубо: — Жалей! А мне жалеть некого... Меня никто не жалел! Не поеду!..

— Котцову дашь собак. Котцов поедет.

Вылка быстро шел по скрипящему снегу, Котцов едва поспевал за ним. Нестор снова догнал их.

— Я для того пузо морозил, чтоб моржа медведям оставить? Так? Хорошо поохотились... Двадцать пудов мяса... Председатель! — заорал он. — Я не дам собак!

— Сам возьми. — Вылка не поворачивался.

Они уже подошли к избе. Вылка опробовал сперва свои нарты рукой, потом направился к Несторовым, рассмотрев их за крыльцом, — нарты были большие, ладные. И пошел к собакам.

Возле него гоношился Котцов.

— Нехорошо получилось, Илья Константиныч. Я не виноват. Как есть, не виноват... — Вылка молча запрягал собак.

— Эй, председатель! — крикнул Нестор.

Котцов поднял на Нестора глаза и увидел, что тот держит в руках винтовку. Вылка не поворачивался.

— Председатель, убью! — Нестор взвел курок.

Вылка глянул Нестору в лицо, уронил постромки, не отрываясь, смотрел на поднимающееся дуло винтовки. Когда дуло остановилось, ожидание выстрела сделало тишину звенящей. Котцов охватил голову руками.

Вылка стоял более удивленный, чем испуганный. Когда Котцов открыл глаза, то увидел лишь спину Нестора, исчезающего в дверях избы.

— Стой! — закричал Вылка. Побежал к крыльцу, но не взошел на него, а снизу, задрав голову, выкрикивал в бешенстве в закрытую дверь избы: — Ты кто? Волк? В месяц Большой Темноты волки бродят по тундре. Мы волков убиваем! Разве можно так жить?.. Сколько будешь так жить?! Дурак ты, дурак! Такой умный и такой дурак! Ты зачем ружье поднял? Отруби себе руки! Не нужны такие руки!..

Нестор не появлялся.

— Эх, ты! — уже тихо говорил Вылка, собирая постромки. — Вот какой ты! Вот какой! Эх, ты...

На шести собаках Вылка ехал к избешке Миллера. В сливавшемся в воздухе, полнятом бурей снеге спешащая упряжка Вылки неслась и неслась, но впереди по-прежнему была черная пуста́та снега. Лишь по беспокойству собак ориентировался Вылка в пурге

— Хыльте! — крикнул он собакам и соскочил с саней. Вылка пробежал песколько метров. Потом вернулся, побежал в другую сторону. Он стал, круг за кругом, бегать вокруг нарты.

— Миллер! — кричал он скорее для себя, ободряясь. — Сашка! Миллер!..

Вылка упал, затих, но вскоре вскочил и стал утаптывать снег, подбежал к собакам, крикнул:

— Ямбо! Нохоко! Халло! Ищите! Ищите здесь! — Он схватил хорей и стал тыкать им в снег на том месте, где только что лежал. Хорей входил все глубже и глубже и наконец остановился. Обхватив хорей обеими руками, Вылка откинулся и сильно ударил. Хорей сломался. Бросив обломок в сани, Вылка торопливо стал разгребать снег. Собаки дружно рыли лапами.

Все глубже зарывался в снег Вылка. Наконец он отрыл трубу, добрался до крыши, снял винчестер, разрядил его в воздух и стал стучать в крышу прикладом. Прислушался. Побежал к саням, взял топор, быстро вернулся и стал отгдирать доски.

— Ничего, Миллер, — приговаривал Вылка. — Ничего, Саша. Поживем, Саша. Будем жить, Саша.

Отодрав несколько досок, Вылка опустил ноги в щель, повис на руках, прыгнул в темноту, в избушку, — и вдруг увидел перед собой сумасшедшее лицо Миллера, который шел на него с зажженной лучиной.

— Саша! — крикнул Вылка, отступая, и услышал, как сзади заплакали дети. Обернувшись, рассмотрел их — четверых, испуганно жавшихся в сторону от большого бидона с откинутой крышкой. Миллер, не отвечая даже взглядом обезумевших глаз, отрешенно, с трудом переставляя ноги, двинулся к бидону.

— Саша! — Вылка бросился к Миллеру, оттолкнул, сбил с ног, повалил и вырвал из цепких рук зажженную лучину. — Саша! Ты что задумал?! — Вылка затоптал огонь, бросился к бидону, понюхал его, обнюхал плачущих детей. — Зачем керосин взял?! Зачем детей облил?! Саша!!! Зачем гореть хотел?! — Он тряс Миллера за ворот.

В глазах Миллера что-то оживало — болело, плакало. Вылка посадил его, стал говорить осторожно.

— Как можно, Саша? Ты что задумал? — Только теперь он увидел на лавке покойную Евлампью с накрытым лицом, замолчал было, но снова вспомнил о Миллере, о живых. — Эх, Саша...

Миллер приходил в себя, закрыл лицо рукой, рыдался.

— Поплачь, поплачь. — Вылка гладил Миллера по трясущимся лопаткам. — Ах, Саша, Саша... Зачем гореть хотел? Жить надо, терпеть надо, детей спасать. Ты — невозмелец, Саша...

...Топилась печь, варилась еда в котле, двое самых маленьких детей, укрытые теплыми шкурами, крепко спали. Вылка растирал снегом и водкой третьего. Миллер помогал ему.

— Хорошо, Саша!.. — подбадривал Вылка. — Снегу тащи!.. Раздевай другого!.. — В четыре руки они растирали, похлестывали, снова растирали ребенка. — Ах, Саша, Саша. Ведь ты мужчина, Саша.

Малыш оживал, начинал плакать от боли.

— И ты мужчина! — приговаривал Вылка, растирая мальчика. — Ты новоземлец... — Он принял у Миллера четвертого ребенка. — И ты мужчина...

Это был последний ребенок. Вылка перевернул его.

— Девка?..

У школы была суета, были люди и нарты, и мужчины усаживали на нарты детей, коротко и решительно переговариваясь о чем-то.

— Стой! — закричал Вылка, подъезжая. — Что такое? — Он бросился к Пырерке, схватил головную собаку за загривок, потащил упряжку к школьному крыльцу. — Стой!..

Промышленники опустили хорей, молчали. На больших нартах Прокопия Хандера лежал укутанный в шкуры мальчик.

— Что такое, Прокопий? — Вылка склонился над мальчиком.

— Заболел сынок, совсем заболел, — отвечал ненец.

Промышленники вокруг зашумели.

— Да-да, цинга! У нас была цинга! — Подбежал учитель, с болтающимся на шею шарфом, полураздетый и в очках, — тряся руками, он стал выкрикивать бессвязно: — У нас есть врач!.. Заболел дома — что бы-

до бы!.. Мальчик уже выздоравливает!.. Зачем забирать?.. Всех забирать?..

Ему попытались возразить, прошел шумок по людям, но Вылка вскинул вверх руки, закричал:

— Тихо! Мы зачем Советы выбирали? Почему Советы не спросили?

— Зачем спрашивать? Детки наши.

— Ваши? — Вылка пошел меж людей. — Огонь в чуме ваш! А дети — наши! — Вылка подошел к девочке, жавшейся к отцу. — Учиться хочешь?

— Не знаю, — смутилась она.

— Как зовут?

— Нюра.

Неожиданно Вылка вытащил ее отца из саней, тряхнул, поставил возле себя, протянул руку, тот, сбитый с толку, стал здороваться.

— Смотри! Два охотника здороваются — буква «Н». «Ю» — когда отец мясо из бочки достает. — Вылка побежал к стоявшей у крыльца бочке, нагнулся над ней. — Рукой человек волосы поправляет — буква «Р» получилась. «А» — когда полог у чума откинули, а посредине веревка натянута. Вышло — «Нюра». Поняла?

Девочка кивнула, улыбнулась. Дети смотрели с интересом.

— Грамоте знать будете, — говорил им Вылка. Шумно вздохнул, как после тяжелого усния, повернулся к промышленникам. — Мы школу построили, детей учить решили. Что вы делаете? Я вот еще детей привез. — Он показал на детей Миллера. — У них мать померла. Спасать надо. А вы школу рушите? Кто разрешил?

Вылка взял на руки большого мальчика и пошел с ним к школе.

— Зачем детей отнимаешь? — крикнул вслед ненец Ледков.

Вылка повернулся.

— На завтра назначаю Повоземельский съезд. Ночь переночуем, утром решать будем. — И прибавил твердо: — Я хочу гордиться своим народом.

В Малых Кармакулах дул сток. Сильный ветер со свистом гулял по ставовищу, заметая избушки, чумы, продувая ветхое помещение школы, где снег садился на парты, заметал сугробами коридоры, класс. Тугие выющиеся жгуты оплетали здание от крыльца до крыши, стекла в окнах заросли бах-

ромой инея, и она, прижатая ветром, причудливо разрисовала их.

В темноте фигура Вылки, пробиравшегося по глубокому снегу, по сугробу, к открытой ставне второго этажа, через которую можно было пробраться в помещение, выглядела большим, но ловким комом снега.

Он протиснулся в окно, забрался в класс, пошел из него по коридору вниз, в другую комнату, присвечивая фонариком. Дети ждали Вылку. Фонарик вырвал из темноты радостные лица, поднятые навстречу руки.

— Здравствуйте, дядя Илья! — закричали дети.

Поднятый вверх Вылкин палец и его «тсс» остановили детей, некоторые зажали ладошками рты.

— Учителя разбудите, — негромко сказал он. — Все собрались?

— Все, — отвечали ему шепотом.

— Как дела?

— Картинки дорисовать не можем...

— Сейчас займемся картинками, — сказал Вылка. Он достал из-под малицы рулон бумаги, расстелил его на полу, прижав по углам камешками, вынул коробку с цветными карандашами.

Мальчики присвечивали ему фонариком. Вылка от усердия прикусил язык, смотрел прищурясь, потом лег на пол, и быстрые штрихи покрыли бумагу.

Ветер сбивал с ног людей, пробивавшихся цепочкой к дому, где помещалась школа. Люди держались за протянутый от избушки к избушке канат, взбирались под ударами стока на сугроб, а там — через окно второго этажа — в помещение.

В классе стоял стол, покрытый красной скатертью, на столе — графин с водой, за столом сидели учитель и Вылка. Промышленники отряхивались от снега, садились за парты. Вылка встал, постучал о графин, сказал:

— Первый Новоземельский съезд депута-

тов трудящихся объявляю открытым. На повестке дня один вопрос: как со школой быть. Учитель, пиши резолюцию. Вы все — родители. Решайте.

Промышленники потупили взгляды, молчали.

— У детей спросим. Пусть дети говорят. — Вылка снова поднялся и взялся за край стола, приглашая учителя помочь ему. Они отнесли стол в сторону, и часть класса перед партами стала импровизированной сценой.

Вылка наклонился к учителю, тихо сказал:

— Кое-кто говорил: у Вылки в голове опилки. Сейчас ты посмотришь, как нужно управлять народом.

Из двери вышел мальчик-ненец, сказал, обращаясь к зрителям:

— Дорогие товарищи! Сейчас мы покажем концерт, который ученики новоземельской школы готовили к Первому Мая. Я придумал слова, девочки придумали танцы. Рисунки лучше всех рисовал Коля Хантер, но он заболел. Тогда нам нарисовал рисунки Илья Константинович.

Промышленники зашумели, стали смотреть на Вылку, но тот сидел невозмутимо, будто не о нем шла речь.

— Концерт называется, — продолжал мальчик, — «Встреча солнца».

Выбежали дети, сцена закрылась рисунками, на которых была изображена школа, покрытая сугробами, заснеженное становище, у избушек — утопающие в снегу дети, собаки, олени.

Девочки изображали в танце рассказ вдушего, к ним присоединились мальчики, и хореографическая картина в сопровождении ттеца стала представлять ожидание солнца.

— В поселке на Новой Земле все ждут этого дня! — начал ведущий — промышленники затихли. — Больше всех волнуются дети. Наконец пришел долгожданный день. Завтра покажется солнце! Дети боялись: вдруг тучи закроют небо. С вечера зарядили старую пушку. Приготовили флаги. Один старик не спал всю ночь, все ходил

на гору, смотрел — нет ли туч. — По сцене смешно заковылял к пушке мальчуган, изображавший старика. Промышленники засмеялись.

Сцена покрылась флагами.

— Вот пришло утро. Небо было чистым. — Ведущий читал с вдохновением. — Дети носились с сугроба на сугроб, кувыркались в снегу... Собаки бегали и громко лаяли... На домах поднялись красные флаги!

Дети сошлись в танце — девочки прижимали к груди кукол. Промышленники передавали по рядам рисунки.

— Все пошли на гору. Матери взяли с собой грудных детей, несмотря на мороз и ветер. — Танец на сцене изображал ураган. — Ветер свистел и взметал снег прямо в лицо. Люди сбились в кучу, жались друг к другу, чтобы согреться. Все смотрели на море.

В этот момент особенно слышны стали порывы стока за стеной. Дети, выстроившись пирамидой, смотрели в конец класса. Самая маленькая девочка в ярко расцветочной панице пробралась под партами к последнему ряду и присела, никем не замеченная.

— А над морем разгоралась заря... Розовая! Красная! Все ярче и ярче... Вот брызнули лучи!... — В руках детей веером раскрылись бумажные лучи, и они потянулись к солнцу. — Золотой краешек солнца засверкал над морем... засверкал и ослепил всех...

— Солнышко! Солнышко! — закричали дети и замахали веерами.

Девочка в нарядной панице уже вставала, к изумлению присутствующих, над последним рядом парт. Над головой она держала вырезанный из картона ярко-красный диск. Ярко-красные ленты спускались с ее плеч, она светилась радостью и счастьем. Вылка зааплодировал первым.

Не успели стихнуть аплодисменты, как бабахнула на сцене неизвестно чем заряженная пушка. Мальчик, изображавший

старика, упал, и это вконец развеселило промышленников.

Ударил залп из самодельных ружей, вышел сын Вылки Афанасий, одетый, как отец, в пенсне с проволочными дужками, забрался на стул и по-выловски поднял палец. Промышленники захохотали.

— Мы живем в доме, — сказал он назидательно, — без окон, без дверей. В доме тьма. Нету света. Худо жить в потемках. Пусть школа будет. Худо было — лучше будет. А мы будем светлы. Мы хотим учиться!

И все дети сказали:

— Так говорил нам Тыко Вылка, а слово Вылки — закон!

Промышленники смеялись и аплодировали.

— Как постановлять будем? — спросил Вылка, не оглядываясь. — Быть или не быть школе?

— Быть! — зашумели промышленники, поднимая руки. — Ясное дело, быть надо.

— Пиши, — сказал Вылка учителю, — на Новой Земле школе быть!

Он извлек из внутреннего кармана печать — в классе наступила торжественная тишина. — подышал на нее бережно и неторопливо, с силой, придавил. Снял печать, аккуратно спрятал ее в карман, достал очки в простой проволочной оправе и стал всматриваться, наклоняя голову влево и вправо. После этого объявил:

— Утверждено! — И подмигнул учителю.

Над теплоходом «Владимир Русанов» завис вертолет. В небе подрагивала кабина, похожая на стрекозу с большим флюгером на спине, в боку ее темнела дверь, из нее спускалась веревочная лестница.

Вертолет отвлел старого Вылку от воспоминаний, он пошел с кормы на верхнюю палубу, к рубке, откуда было удобнее смотреть на точную работу вертолетчиков.

— А! Илья Константинович! — обрадовался капитан. — У нас гости.

— Скрипников, — представился молодой

еще человек с веселым лицом, потряс Вылку руку, добавил: — Геолог.

— Вон еще один парашютист спускается,— капитан показал на лестницу. — Не из ваших будет?

— Нет,— сказал Вылка. — Он якут.

Якут ступил на палубу, и теперь из машины спускали на тросах большой дощатый ящик.

— Наши находочки плывут. Найдется им место? — спросил Скрипников.

— Найдется,— пообещал капитан.

— Геолог? — спросил Вылка якута, пожимая ему руку.

— Геолог,— улыбаясь, ответил якут.

— Где учился?

— В Москве.

— В Москве. — Вылка смотрел в море.

В сумрачный и дождливый вечер 1932 года десятки электрических фонарей, одновременно вспыхнув, ярко осветили деревянное здание архангельского вокзала, платформу, пеструю и возбужденную предотъездную толпу. Вылка поджидал Ремизова.

Молоденькая застенчивая nenka испуганно жалась от вокзальной суеты к столбу на перроне. Вылка подошел к ней, ограждая от шумно и бесцеремонно двигавшихся с вещами пассажиров.

— В Москву?

— Да. — Она покраснела и потупилась.

— Первый раз?

— Да.

— В Москву зачем?

— Съезд народов Севера,— еле выговорила девушка.

— Хо-о! — обрадовался Вылка. — Вместе поедем. Вы откуда?

— Ямал...

— Ага! Уже познакомились? Нет? — Из толпы появился Ремизов, одетый в хрустящее кожаное пальто, кожаную кепку, свежесшитый, решительный — Комсомолка Августа Тэсяда — знатный ударник-олепевод! А это — Илья Константинович Вылка. Слыхала, небось?

Девушка кивнула.

В купе, кроме Августы, сидели еще две женщины и темноволосый мужчина.

— Вы какой народ будете? — спросил Вылка.

— Мы лопари. — Мужчина был небольшого роста с длинным туловищем и кривыми короткими ногами. — А вы кто?

— Самоеды. Так нас звали. Это не значит, что мы себя едим. Саа-мэ-еднэ — земля саамов. Теперь нас зовут ненцы. По-русски — люди.

— Василий,— представился мужчина.

— Меня зовут Илья, а девушку — Августу... В Москву?

— Съезд народов Севера,— кивнул Василий. — Первый раз поехали. Страшно.

— Почему страшно? — улыбнулся Вылка. — Хорошо будет.

Женщины оживились, заговорили меж собой по-лапландски. Василий задвигался, сказал им что-то. Тотчас стали развязывать узелки, доставать копченую оленину, сига, чай, сахар.

— Пьете водку? — Василий извлек бутылку, осторожно наполнил стаканчик, поднес его Вылке.

— На знакомство можно. — Вылка выпил.

Василий снова наполнил стаканчик и бережно поднес его Августе. Девушка умоляюще взглянула на Вылку.

— Она комсомолка,— сказал Вылка.

— Не надо? Ну, пожелаю быть здоровым. — Василий выпил сам.

Затем он снова наполнил свой стаканчик и поднес старшей женщине.

— Ну, пожелаю быть здоровым,— выпила она, вытерев рот, стала закусывать. За ней выпила и молодая:

— Ну, пожелаю быть здоровым.

Ели молча.

— А в ваших державах олень есть? — спросил Василий.

— Есть. — Вылка аплетитно жевал.

— На уж! — воскликнули лопари, удивившись, что еще где-то есть олень.

— И сиг водится?

— Водится.

— На уж!

— Есть ли горы? — осмелев, спросила старшая женщина.

— Горы есть.

— А Советы?

— Советы есть. Я председатель.

— На уж! — всеобщий восторг, все оживленно заговорили по-лапландски.

— Есть у тебя деточки? — спросила Вылка старшая женщина.

— Есть.

— Но! — не доверяла женщина. — А жена?

— Один живу. Вдовец.

— На уж! — удивилась женщина и заговорила быстро по-лапландски со своей более молодой соседкой.

— Почему в женки не берешь? — старшая кивнула на Августу.

Девушка покраснела.

— Старый, наверное, — отшутился Вылка.

— Почему старый? — Лопка не унималась. — Ты мужчина? Ты скажи, ты мужчина? — допытывалась она.

— Мужчина, обязательно мужчина! — едва не обиделся Вылка.

— Значит — не старый! В наших державах мужчины старыми не бывают.

Вдруг молодая лопка преобразилась: ее неподвижное лицо ожило, глаза забегали, губы выпятились.

— Ау-уа-уы-кыть! Уа-уы-уа-кыть! — запела она. Эта лапландская песня напоминала урчание воды в чайнике или бульканье в котелке. — Уа-уы... — Лопка явно старалась понравиться Вылке.

Песня закончилась неожиданным восклицанием, отчего Вылка с Августой вздрогнули:

— Каш-карр-рра-ры!!! *

Поезд шел в ночи. За темным окном иногда пробегали огоньки, что-то прогрохотыало, проносилось, оставалось неузнанным... Вылка стоял у окна. Скорость торопила сердце.

В полдень поезд остановился на Северном вокзале столицы, почти одновременно с другим. На узкой платформе, стиснутой двумя составами, шумела и волновалась разноязыкая толпа. Здесь командовал молодой человек с очень звонким комсомольским голосом, в кепочке-шестиклинке и с красной повязкой на рукаве.

— Вниманию делегатов съезда! — кричал он, соединив руки рупором. — Сейчас вы будете разбиты по группам и размещены в автобусы. Товарищи якуты, чукчи, камчадалы!.. Ваша девушка Таня, вот она, взгляните на нее... — Молодой человек подал руку, девушка Таня проворно вскочила на тележку носильщика, улыбалась всем, возвышалась над толпой.

В толпе началось оживленное движение, а место Тани уже занимала другая комсомолка в красной косынке.

— Товарищи эвенки, эскимосы и ламуты! Ваш проводник — Лена. — Лена приветственно помахала рукой. — Товарищи коми, ненцы и лопари! Ваш проводник — Люда. — Третья девушка в красной косынке улыбалась делегатам.

— Пойдем, — сказал Вылка Василию. — Нам вместе ехать.

Солнечным летним днем автобус вез делегатов съезда по Москве. Вылка с Августой сидели на переднем сиденье, а сзади них расположились лопари. Окна в автобусе были открыты, делегаты высовывались в них по очереди, мешая друг другу, обращая внимание соседей на удивляющие их здания, вывески, трамваи, автомобили, котлы с дымящимся асфальтом.

— Смотрите! — крикнул Вылка, вскочил с места и бросился к противоположным окнам. — Сейчас каланча будет!

От каланчи отъезжала пожарная команда на лошадях. Впереди возвышался громадный розовошекий брандмейстер, блестевший медью на каске, и эти блики скакали за ним по каскам его лихих товарищей. Некоторое время экипаж шел вровень с автобусом, потом автобус обогнал пожарных, и делегаты восхищенно зацока-

* Этнографические детали заимствованы из северных очерков М. Пришвина.

ли языками, зашумели, высовываясь из окон, оглядываясь.

— Смотри, Августа,— Вылка снова был рядом с ней,— сейчас Мещанская будет. Сюда на уроки ходил... — Он говорил негромко, не замечая, что внимание пассажиров сосредоточено на нем. — Вот дом, гляди!.. Картины выставял.

Шофер посмотрел на Вылку с уважительным удивлением.

— А выучить лопаря, он тоже таким будет? — спросила старшая лопка.

— Каким?

Объяснения не последовало.

— Сейчас башни будут! — объявил Вылка. — Кремль...

Величественная панорама Кремля, большая баржа на реке, сипнувшая гудком на фоне зубчатых кремлевских стен, поразили делегатов.

— Торговые ряды будут!.. — Вылка пояснил: — Фактория Охотный ряд.

Но на месте торговых рядов зиял глубокий котлован, над которым возвышался порталый кран, работали люди, визжали лебедки, отходили машины с грунтом.

— Э-э! — сказал кто-то. — Нет фактории. Где фактория?

— Ошибся, — улыбнулся Вылка. — Была фактория, теперь — нет. В Москве тоже строят.

Автобус затормозил на перекрестке. Улицу пересекала колонна мотоциклистов с транспарантами.

— «Даешь Турксиб!», «Даешь Метро!», «Даешь Тракторострой!», «Даешь Магнитку!», — читал Вылка и вдруг высунулся едва не по пояс из окна, закричал на всю улицу: — Даешь Новую Землю! Даешь Севморпуть!.. Очень хорошо, хорошо жить стали... — Вылка смутился своего крика, сел в автобусе. — Красиво жить стали! — Вдруг он напрягся, подался вперед и не отводил взгляда. — Это Большой театр, — сказал он тихо, и тихо стало во всем автобусе — то ли попутчики почувствовали его новое настроение, то ли

испытали не просто удивление, а нечто большее от непривычной их глазу гармонии ожившего камня.

Вылка, казалось, потерял интерес к происходящему, во взгляде появилось беспокойство, словно он решался на что-то.

— Останови на Кузнецком! — сказал он шоферу и поднялся. — Погуляю немного. — Вылка улыбнулся Августе, всем и вышел из автобуса.

...Он стоял у дома Переплетчиков. Все та же стеклянная галерея справа у крыльца, затененная тополем, лепные украшения над высокими длинными окнами, те же вытопанные ступеньки к парадной двери, а на ней — незнакомая вывеска: «Мастерские ВХУТЕМАСа».

Вылка поднялся на крыльцо, открыл тяжелую дверь в прохладный и полутемный коридор, вошел в пустоту, ставшую гулкой от его шагов, уверенно свернул к нише, за которой была внутренняя деревянная лестница наверх.

Дверь в зал на втором этаже была открыта, и он, подходя, увидел за ней молодых людей у мольбертов, знакомые широкие подоконники, крашенные полы, витраж на подполочном стекле. Вошел.

Кто-то глянул на него и снова вернулся к работе, а в общем-то большинство не обратило на него внимания, и Вылка пошел от мольберта к мольберту, у некоторых задерживаясь на секунду, и наконец у одного остановился. Молодой человек в кепке писал акварелью городской пейзаж с трамваем на остановке, с лужами от недавно прошедшего дождя, с фигурами людей, одетых по-летнему.

Смущенный вниманием, он несколько раз взглянул на Вылку, и тогда Вылка спросил:

— Где хозяин?

Чувствуя неловкость, и от этого задиристый, художник хохотнул:

— Какой хозяин?.. Нынче хозяев нету.

— Вас Переплетчиков учит?.. — Вылка сдерживал волнение.

— Нет, мы тут на общественных началах. Друг друга учим, — пошутил художник.

— Хороший пейзаж. — Вылка повернулся и пошел к выходу.

...Он стоял у Дашинного дома, и опять все было тем же: бело-желтые простенки, окна, окаймленные шлифованными косяками, ажурные балконы, каждый из которых отличался чем-то особым в решетке, но каждому был симметричный.

Вылка вошел в подъезд, осмотрелся, заволновался, стал подниматься по широкой лестнице с витыми решетками под перилами к большой межэтажной площадке, во всю стену которой было чуть потемневшее от времени зеркало толстого стекла. У зеркала он приостановился, увидел себя. Это был человек в черном костюме с большим черепом, на котором выделялся покатый, широкий, огромный лоб. Красивый сейчас по-азнатски, он должен был понравиться себе, но, наверное, он понял нечто, заставившее круто изменить решение. Развернулся и стал быстро спускаться по лестнице.

Вылка уходил от дома, не оглядываясь.

В большом холле шла регистрация делегатов съезда. Вылка подошел к столику, где сидела молоденькая сосредоточенная девушка, в это время кто-то тронул его за руку.

— Илья Константинович?

— Да.

— Куда же вы пропали? — спрашивал его средних лет мужчина в строгом костюме, улыбающийся, приветливый. — Мы волноваться начали.

— Зачем? — улыбнулся Вылка. — Я старый москвич.

— Поговорить надо, — сказал мужчина и повел Вылку в отдельную комнату, где показал на кресло. — Присаживайтесь, Илья Константинович. Как доехали?

— Хорошо доехал. Быстро.

— Вам еще не так далеко, — улыбнул-

ся мужчина. — К нам делегаты с Чукотки добирались. Как ваш доклад? — он серьезно.

— Готов доклад. Очень волнуюсь.

— Есть одна приятная неожиданность для вас. Постановлением президиума ЦИК вы награждены орденом Трудового Красного Знамени. Награждение состоится в дни работы съезда.

— Нельзя меня награждать, — сказал вдруг Вылка.

— Не понял. — Мужчина даже потянулся к Вылке, приложив ладонь к уху. — Почему?

— Я жаловаться приехал. Много не хватает. Карбасов мало, моторов нет, школа плохая. Школу построили, в ней ветер гуляет. Рано меня награждать.

— Илья Константинович, — мягко начал мужчина, — вопрос о награждении не мы с вами решаем...

— Нельзя меня награждать, — упрямо повторил Вылка.

Мужчина улыбнулся.

— Михаилу Ивановичу Калининскому говорили, что вы человек своеобразный.

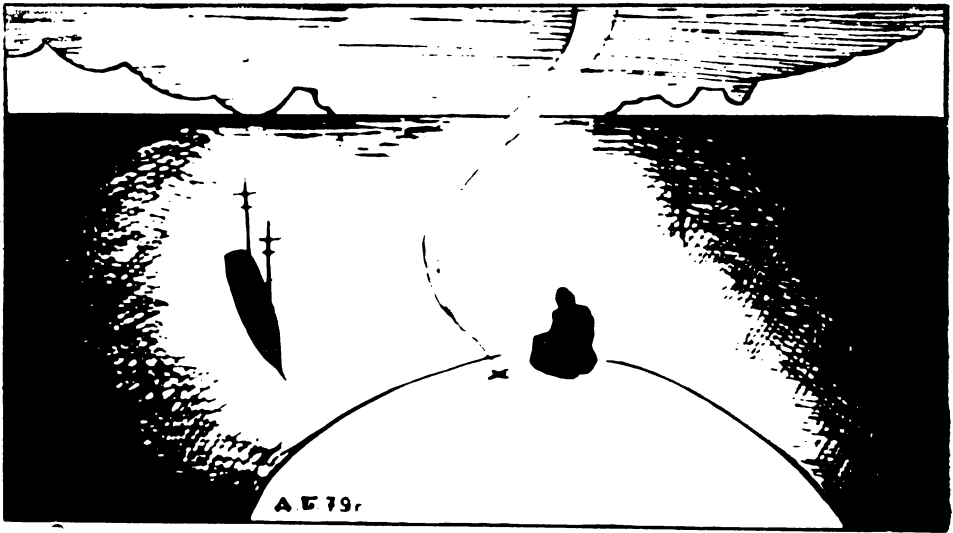
— У меня к вам просьба есть, — заволовался Вылка. — Когда еще приеду в Москву? Не знаю. Вернусь домой, спросят: видел Михаила Ивановича? Говорил с ним? Что ответчу?

Мужчина задумался.

— Михаил Иванович отдыхает перед съездом на родине, в деревне. В Верхней Троице. — Он снова задумался. — Я узнаю. Сообщу вам.

Вылка летел на «кукурузнике». В шлеме и самолетных очках, в черной бостоновой тройке, он важно сидел позади пилота, упершись руками в борта, напряженно подавшись вперед. Своей решимостью и спокойствием он был смешон, как смешны все впервые летящие люди.

Самолет накренился, пошел на посадку, сел на луг, долго бежал по нему, приминая траву, и наконец остановился.

Прибрежные кусты раздвинулись, и из них показался сердитый человек, поднимавшийся, видно, по косягору на четвереньках, а теперь распрямлявшийся. Он хотел сказать что-то, но следом за ним показался еще человек — с широким носом, с бородой и усами, шуривший взглядом. В руках он держал удилище.

Вылка в черной тройке, неуместной рядом с босым рыбаком, громко выговорил: — Здравствуйте, Михаил Иванович, великий человек!

— Здравствуйте, товарищ Вылка. — Калинин протянул руку. — Почему вы меня великим человеком называете?

— Тебя избрал великий народ, и ты управляешь великим государством.

— Спасибо, товарищ Вылка. Но тогда и вы великий человек. Вы управляете островом, а его территория больше многих государств мира. Можно сказать, президент Новой Земли...

Они сидели у небольшой речки — меж не доходивших до воды кустов и самой водой была полоска чистого крупного песка. Вода в речке была светлой, темнела только от теней тальника и еще — на быстринах, где бегала, подрагивая и пузырясь. Вылка по-

глядывал на босые ступни Михаила Ивановича.

— И вы разувайтесь, — предложил Калинин.

— Нет, — отказался Вылка. — Никогда босиком не ходил.

— Да? Тогда обязательно разувайтесь! — Калинин кивнул на «скороходовские» ботинки Вылки.

Вылка снял ботинки и носки. Калинин рассмеялся:

— Вы не обижайтесь. Просто у нас поговорка есть: босиком, а в шляпе...

Они рассмеялись вместе — простовольный, одетый в свободную рубаху и легкие штаны Калинин и Вылка в своем черном костюме.

Потом они шли лугами — впереди широко шагавший Михаил Иванович, чуть позади него неловко поднимающий босые ноги Вылка, который нес ботинки в руках.

— Нравится здесь? — спросил Калинин.

— Нравится.

— Не хочется нарисовать?

— Я давно не рисую.

— Отчего ж?

— Дел много. Иногда детям рисую — так... Серьезно не рисую.

В деревне люди приветливо кланялись им, однако не могли удержаться и прыскали вслед босому Вылке в парадном костюме.

Подошли к четырехстенной, но большой избе, рядом с которой за тесовыми воротами был двор, а сама изба с красными окнами при ставнях и резных наличниках выглядела нарядной.

— Вот мы и дома, — сказал Калинин.

...Калинин и Вылка сидели в светелке, где была изразцовая голландская печь, горка с щегольской посудой, комод под нитяной вязаной накидкой, на котором лежали книги и бумаги, и стол под холщовой скатертью, за которым они и устроились. На столе ворчал большой луженый самовар, и два человека пили чай из больших блюдец, что, между прочим, заставляло Вылку быть сосредоточенным, и он старательно подражал Калинин, поднимая блюдец со стола.

— Хорошо идут дела, — говорил Вылка. — Поселки построили: Красино, Русаново, Пахтусово. Больницу построили, фактории. Электростанцию хотим пустить. Но... — он посмотрел на Калинина с хитрецой, — очень трудно приходится.

— Новое дело всегда трудное, — сказал Михаил Иванович.

— Много не хватает... Поставки малы. Товаров много надо. Патроны, мука, керосин... — перечислял Вылка. — Фрукты надо детям, овощи. Коров надо. Много моторов разных... Я вам писать хотел. Показать, что надо...

— Что ж, — сказал Калинин. — Напишите список. Чем сумеем, поможем. Моторостроительный завод на средней Волге пустили. Такие моторы делаем — м-м! — Калинин с удовольствием причмокнул. — Черные, маслом блестят! А еще, — он прищурился, — краски московский химзавод может дать. Акварель, темперу...

— Зачем краски! — возразил Вылка. — Краски везти — место занимать, деньги тратить. Лучше еще один мотор.

— А вот экономист вы плохой, — сказал Калинин.

— Почему? — Вылка не собирався сдаваться. — За карбас у нас десять шкурок дают. А за картину мне — хорошо, если горсть соли давали. Я цены знаю.

— Вы на юбилейной выставке народов СССР были? — вдруг спросил Калинин.

— Не был.

— Там ведь ваши картины экспонируются...

— Мон?! — Вылка остолебенел.

— Ваши. Вот как, товарищ Вылка. А насчет цен, я думаю, мы и сейчас за одну вашу картину у Англии, скажем, сможем купить... ну, трактор, например.

— Трактор?!

— А что? Да только мы, пожалуй, не отдадим ваши картины англичанам. Для своего народа побережем.

— Хо-о! — только и сказал Вылка.

— Вот так, великий человек Тыко Вылка! Зря вы от ордена отказывались!

Утро было прохладным и светлым. Перулок сбежал асфальтовым тротуаром мимо поросшего свежей зеленью пригорка к высвеченному летним солнцем фронтоном Пушкинского музея. Блики и тени на здании и на асфальте были редки и медленны — все вокруг было спокойным. Листва на деревьях, казалось, позванивала навстречу Вылке, который шел сейчас к гранитным ступеням широкой лестницы. В чистом утре на фоне большого здания он выглядел праздничным и взволнованным.

Тихие, почти пустые выставочные залы усилили, подчеркнули его настроение, он пошел по ним, задерживаясь у полотен, иногда едва ли не вплотную приближаясь глазами, чтобы рассмотреть мазок или столкновение цвета — мгновенно понимал что-то и либо складывал губы в удовлетворенные складки, либо морщился, не принимая.

Встретившись взглядом со смотрительницей, которая глядела на него с теплотой, почему-то выжидающе, он поздоровался.

— Здравствуйте, — отвечала она, улы-

баясь приветливо, словно знала, что он обратится к ней.

— Я иду работы Тыко Вылки.

— Они в седьмом зале. — Слова прозвучали внятно, гулко отозвались в высоких комнатах, и звук был протяженным, торжественным.

Он шел за смотрительницей, которая вскоре показала рукой вперед и направо, остановилась — жест ее был плавлен и в чем-то тревожен, словно дальнейший путь разрешался лишь одному Вылке. Он поддался в направлении жеста, замороженный им, уже не слышал и не видел ничего вокруг.

Видел — берег моря, зима, поздний вечер, почти полные сумерки, все в синих тонах, снег, в море торосы, стоит небольшой чум, лежат собаки, видны нарты, горит небольшой костер, чайник закипает, чуть струится из вершины чума дымок, по дыму видно — тишина.

Вылка стоял перед экспозицией своих повоземельских пейзажей собравшийся, замерший — застыл, не дыша.

Не увиденное околдовало его, и не сам себя поразил он какой-нибудь мыслью или воспоминанием, хотя воспоминания возникли тут же, прежде чем он разобрал слова, доносившиеся издалека, из другого зала. Голос звучал, как музыка, не был конкретным, и когда он сделал усилие приблизить его, услышал давнее, знакомое, бывшее всегда:

«Я знаю вас... Вы — Тыко Вылка... Я знаю вас...»

Голос приближался, звучал где-то рядом, но все еще был музыкой, в которой легко возникали слова:

«Я знаю вас. Вы — Тыко Вылка... Я знаю вас...»

Вылка почувствовал, что его окружили люди — группа экскурсантов, — боялся повернуться, разрушить наступившее чудо. Голос стал реальным, музыка не ушла из него, но рассыпалась на слова, каждое из которых было посвящено ему:

— Архипов говорил, он понимает льды...

Он пишет льды снова и снова, в них — то жуткая мощь бесплодной северной природы, то освободившаяся от плена вода... В ранних, написанных как бы детской рукой работах художник словно задумывается над печальной будущностью нашей планеты, когда внутренний жар ее истощится и человечество вступит в последнюю борьбу с беспощадной природой... Потом в миропонимании художника все чаще появляется надежда, и тогда в пушистой легкости снега он помещает неожиданную деталь — нерпу с золотистым мехом... Пейзаж оживает...

Вылка повернулся.

— Даша!

Она замолчала, ошеломленная, подняла ладонь к виску, провела по виску и щеке, но никак не могла улыбнуться.

— Здравствуйте, Илья, — сказала она. — Вот вы и приехали.

...Потом они шли по набережной, и набережная была пуста, только они вдвоём в сумерках, пробитых электрическими фонарями, а рядом с ними и вдали темно блестя река.

— Тыко, милый, — говорила Даша, — уж и не знаю: то ли юность идет ко мне, то ли я возвращаюсь в юность...

— Мы идем вместе, — сказал Вылка.

— Господи! — Она улыбалась. — Как все давно было! Переплетчиков, Архипов, выставка... И словно все рядом — рукой дотянуться.

— Вы не изменились.

— Что вы! Постарела.

— Нет, — возразил он. — Еще лучше стали. — И смутился.

Они стояли на мосту, разорвавшем темноту, и вода теперь была далеко внизу — черная, густая.

— Переплетчиков умер в девятнадцатом году, — сказала Даша. — Часто о вас вспоминал.

— Я о нем много думал. О Русанове много думал. Не верил, что погиб. Все думал, бредет где-то во льдах. Все хотел найти, догнать его,

Огромное здание горело окнами, их отблески были на асфальте, Даша непринужденно старалась ступать только на светлое. Вылка заметил это, улыбнулся, она улыбнулась тоже — они рассмеялись.

— Помните, как вы попали в змея?

— Помнишь, как пригласила меня в театр?

— Помнишь, как ты встречал меня на извозчике?

— Ты была в белом платье.

— Потом ты уезжал... — Они помолчали.

— В зоопарке был? — спросила Даша.

— Нет. Белый медведь не сдох?

— Там теперь их два.

— Хо! Тогда ему не скучно.

...Ночь уже наступила, принесла тишину, вывездила небо. Даша шла в наброшенном на плечи Вылкином пиджаке.

— Я тогда на Карской жил, — рассказывал Вылка. — Оленьи кости... детские санки в землю вросли... Шестерых выкормил. Потом женка померла. Один жил.

— Ты сильный, Илья.

— Ночью камни падают — услышу, думаю: пролетка едет. Думаю: кто на пролетке едет?

— Я давно уже работаю в музее. Вожу экскурсии. Рассказываю о картинах, художниках. Когда подхожу к твоим пейзажам, все смотрю — где ты там? В чуме? Или по снегу идешь?

— Тюленя бил, рыбу ловил. Когда гуси летели, плакал. Помнишь Гусиную землю? — Помню.

Белые уютные здания Крототкинской улицы выплывали из ночи, проявлялись лепными деталями, ажурными решетками балконов.

— Каждый день я возле твоих картин, — говорит Даша. — Так и не привыкла к тому, что тебя нет. А время летело, летело...

— Еще долго жить надо, — сказал Вылка. — И тебе, и мне. Впереди еще много.

— А вообще ты счастлив? — спросила она.

— Когда назад смотрю — счастлив. Когда вперед смотрю — счастлив. А когда в

себя смотрю, там все есть — и радость, и тоска. Ты замужем, Даша?

— Да.

Деревья бульвара, казалось, держали темноту в своих ветках — там она была особенно плотной, почти осязаемой, ее могло бы сдуть ветром, но деревья в ночи стояли недвижимые. Вылка и Даша сидели на скамье.

— Уже поздно быть молодой, — сказала Даша.

Он поднял руку, погладил Дашу по голове.

— Я всегда буду помнить тебя, Илья, — заговорила она сбивчиво. — Ты всегда был для меня чем-то чистым и светлым. Ты сильный, Илья.

— Я пел о тебе, — сказал Вылка. — Сяду на скале, вокруг небо и море, смотрю на них. Море и небо смотрят на меня. Я пою.

— Тыко! — ласково сказала она и взяла его за руку. — У нас с тобой так много хорошего. Правда? Ты понимаешь меня?

— Понимаю, — ответил он. — Я мог бы это нарисовать.

...Снова они шли вдвоем и приостановились послушать куранты. Уже не стало луны, уже сбрасывал темноту город, и когде появлялся свет в окнах. Вылка и Даша пошли дальше.

— Мы всегда будем вместе, Даша, — сказал Вылка. — Я найду Гусиную землю и позову тебя.

...Ночи вслед проявлялись краски — зазеленела листва, обозначились вороненым решеткой сада, мутно зажелтела вода в реке.

Вылка шел уже один. В руке он держал пиджак.

В зале раздался аплодисменты, оратор сошел с трибуны. Смидович, председательствующий на съезде, встал и объявил:

— Слово имеет председатель Совета депутатов трудящихся острова Новая Земля Илья Константинович Вылка.

Калинин, сидевший в президиуме возле Смидовича, подвинул к себе микрофон, добавил:

— Президент Новой Земли! — Аплодисменты вспыхнули с новой силой. Вылка, в малице, с орденom на груди, вышел на трибуну.

— Советская власть собрала нас всех вместе в Большом театре впервые в истории мира, — сказал он. — Все народы Севера и Сибири, от Мурманска до Берингова пролива, — все мы здесь сидим: лопари, ненцы, коми, тунгусы, энцы, долганы, эвенки, якуты, ламуты... — в зале нарастали аплодисменты, — чукчи, камчадалы, нанайцы, эскимосы. Хо-о! — Вылка перевел дыхание. — Не хватит регламента всех назвать. Кто мы были до Октябрьской революции? Ино-род-цы!.. Таким позорным именем называли нас царские чиновники и купцы. Как мы жили? Мы вымирали! Теперь каждый наш народ получил свой язык, свою грамоту, свою культуру. Один советский год для наших народов можно смело умножать на сто. Не пятнадцать лет мы прожили при советской власти, а тысячу пятьсот — вот какое развитие мы прошли! — И снова в зале вспыхнули горячие аплодисменты. — Но!.. — Поднятым пальцем Вылка остановил зал. — Теперь я, как президент, — он повернулся в сторону Калинина, — ответ должен держать перед советским народом: как дела на Новой Земле, как промыслы... Много сейчас дает Новая Земля — песца, шкур, рыбы, морского зверя, а мы должны давать еще больше. Двести лет цари осваивали Новую Землю, да так и не освоили. Мы должны за двадцать лет освоить!

В зале раздались аплодисменты, Смидович поднялся, сказал:

— Правильно, товарищ Вылка! Это — по-большевистски. Поможет Советская власть Новой Земле!

— Но для этого, — осмелев, заговорил Вылка, — нам много нужно. — Он умолк, расстегнул воротник, хитро посмотрел в президиум. — Я говорил товарищу Калини-

ну, что нам нужно. Он сказал: напиши список. Вот я написал... — Вылка извлек из-за пазухи объемистую папку. Под одобрительный смех зала он сошел с трибуны, направился к столу президиума и положил папку перед Калининым.

— Вот это президент! — воскликнул Калинин, взвешивая на руке папку. — Умеет своего добиваться!

Теплоход «Владимир Русанов» шел в океане. В репродукторе звучала музыка, накрывавшая океан непривычными здесь звуками, но удивительно гармоничная с ним. Цвет океана был ее цветом, в ней тоже были глубина и широта и такая же нежность, как у высветленных добрым солнцем спокойных волн.

Старый Вылка, установив мольберт у борта теплохода, взял в руки кисть. Сначала он размашисто увлажнил картон, и картон выдвинул свою фактуру навстречу художнику. Бледно-голубая линия поперек картона уточнила перспективу, и сразу стала появляться береговая скала. Теперь в руках Вылки было несколько кистей, он перебрал их, но выпустил, задумавшись. И опять перед ним вставало прошлое...

Ремизов сначала легко взбежал на уступ, но дальше скала прерывалась — было ясно, что щель перепрыгнуть нельзя, и Ремизов остановился, присматриваясь к выступам, по которым можно было добраться до площадки, на которой сидел спиной к нему Вылка.

Усмехнувшись и решив не окликать Вылку, Ремизов пробормотал что-то и, сдерживая дыхание, ступил на ближний выступ, прижался к скале грудью, стараясь не глядеть вниз. Несколько раз он закрывал глаза и замрл, боясь сорваться, но наконец добрался до площадки, мгновение постоял, чтобы успокоиться, и только тогда крикнул:

— Илья! Ну, понимаешь, честное слово! Я ведь не скалолаз!

Вылка повернулся к Ремизову, улыбнулся, но взгляд его был отрешенным, словно он уже давно устремил его куда-то и никак не мог возвратиться.

— Ищу тебя, понимаешь, ищу, — Ремизов подходил, поглядывая то на Вылку, то на мольберт, который стоял еще не тронутый кистью. — Говорят, рисовать пошел. Ну, от меня, понимаешь, не спрячешься. Я — вот он. И все. Здравствуй, что ли.

— Здравствуй, Ремизов.

— Что прячешься-то? — Ремизова смущало состояние Вылки. — Я тут, понимаешь, на карские промыслы собрался. Хочу тебя пригласить. Поглядим, как там и что...

— Некогда мне. — Вылка пробовал пальцем краски, время от времени взглядывал на ладные избы становища, видневшиеся вдали, внизу. — Советская власть всем отпуска дает. Я никогда отпусков не брал. То делал, это делал. Ты меня в председатели вывел. А я художник.

— Да ведь... — Ремизов не нашел, что сказать, и рассмеялся. Рассмеялся и Вылка.

— Картинки — это конечно, — опять заговорил Ремизов, смущенный настроением Вылки. — Я, значит, смотрел в Архангельске твои картины... Должен, однако, сказать, что они... конечно! — И вдруг он оживился, спросил с интересом: — Как же это вообще-то получается? Илья Константинович? Вы вот, значит, — неожиданно Ремизов перешел на «вы». — И вот я, значит, оба — люди, и все. А вот берете вы кисть... и... Я ведь тоже в нутре красоту понимаю.

Они посидели молча. Даль была безоблачной, светлой еще, но уже ожидалась близкие сумерки, а за ними постепенно, но быстро надвигавшаяся ночь. Вылка достал из кармана часы-луковницу, открыл крышку, взглянул на циферблат.

— Да к я насчет поездки... Как? Илья Константинович?..

— Тсс! — Вылка поднял палец, и в это время над площадью становища вспыхнул фонарь, десятки окон, одно за другим зажглись электричеством.

Вылка взял кисть, тронул ею краску, а потом холст.

Ремизов, замороженный, смотрел, как на холсте оживало становище с чистым пятном электрического фонаря. Он было пошевелил губами сказать что-то Вылке, но тот, ушедший в работу, казался сейчас далеким, холодным, забывшим обо всем.

Вздохнув, Ремизов сдвинул шапку на лоб, почесал затылок, повернулся и тихоенько стал уходить от Вылки.

Старый Вылка работал на палубе теплохода. Небо начинало потухать, а море зажигалось все более разнообразными красками, которые одновременно умиротворяли и возбуждали глаз. В руках у Вылки было несколько кистей, он работал ими попеременно, потому что цвет, захвативший его, был бесконечен богатством своих изменений.

Митя и Скрипников следили за работой художника. Несмотря на спокойную быстроту, с какой он работал, было видно, что движения даются ему с трудом. И, может быть, особой причиной здесь было то, что он переносил сейчас на картон столь долго жившее в нем, — фигуры уходящих, но никогда не покидающих ни дум его, ни любви, Русанова, Жюльетты, их спутников угадывались на картине.

Вдруг он повернулся туда, откуда ветром неожиданно рвануло по палубе и по занавескам окон и затихло, и языки облаков, тоже рванувшиеся, остановили его взгляд, и он поднял к глазам руку, прикрыл их.

Океан был гладок, почти недвижим — любой предмет искажил бы его и, когда

из воды медленно появился остроконечный металлический перископ, уже ожидалось за ним еще большее нарушение гармонии и чистоты, и оно не замедлило появиться — жирная, безобразная своей округлостью спина сбросила океан, выросла, как будто при входе набирала воздух, вода ливнем стекала с нее. Черные пятна на соседних льдинах, оказавшиеся тюлсиями, стали разбегаться в панике.

Лодка была уже на плаву, и на ее внешнюю палубу с перилочными бортиками выскакивали существа, одетые в темнозеленые куртки до колен, с автоматами в руках, разбившие окружающий покой слаженностью движений, с которой они расчленили два орудия и залегли возле них.

Дверь избы отворилась, из нее вышел, а потом пробежал несколько шагов к берегу отарый ненец, за ним тотчас так же появился второй, и оба они, изумленные, остановились — почти кукольные фигуры с расставленными руками.

Два выстрела, слившись, разорвали воздух громом и огнем. Это было ужасное убийство — безоружные, ничего не понявшие ненцы, были сбиты железом, способным разворотить здание, и старший на лодке хладнокровно похвалил наводчиков. Человеческая речь поразила неожиданностью.

Вылка с юным Тайбареем ехал на собачьей упряжке по осеннему снегу. Это было лучшее время для езды на санях, но Вылка с попутчиком, выполнявшие обязанности берегового патруля, ехали не быстро, осматривая местность.

— Дядя Илья, ты бывал так далеко? — спросил Тайбарей.

— Бывал, — отвечал Вылка. — Еще молодым здесь бывал. Как ты. Больше тридцати лет прошло.

— Почему люди воюют?

— Не знаю. Я никогда не воевал.

— А немцев ты видел?

— Нет.

— Как же они? Как думаешь? — спрашивал Тайбарей.

— Война — это смерть, — сказал Вылка. — Когда человек идет убивать, у него лицо смерти. Так я думаю.

Стоял один из редких осенних дней, когда словно обнажилась до самой мелкой своей детали гармония Арктики — когда первозданная белизна снега и льда неуловимо переходила в робкие желтые пятна на южных склонах черных скал с прожилками ледников, когда безжизненность, доисторичность дальних скал не контрастировалась, а дополнялась голубой живинкой околбережной воды, когда солнце у горизонта как бы знало чувство меры и потому было бледно.

— Когда пройдешь льды и пересечешь стены ветров, — говорил Вылка, — тогда попадешь в Гусиную землю. Там живут люди, которые только любят и не знают ни вражды, ни злости. Но у тех людей по одной ноге, и каждый отдельно они не могут двигаться. Но они любят и ходят обнявшись, любя. Когда они обнимутся, то могут ходить и бегать, а если они перестают любить, сейчас же перестают обниматься и умирают. А когда они любят, они могут творить чудеса. Если надо за зверем гнаться, те люди рисуют на снегу сани и оленя и едут так быстро, что восточный ветер догнать не может.

Тайбарей поднес бинокль к глазам, словно ожидал найти эту землю поблизости, но далеко перед ним был лишь спокойный снег.

— Здесь хорошо, — живо отозвался Тайбарей. — Красиво.

Вылка взял у Тайбарая бинокль, стал смотреть сам. Берег был пуст и ясен, и снег под нежной бледностью солнца виделся крупными чистыми зернами, не держащими, а излучающими блеск.

Неожиданно Вылка напрягся, подался вперед, всматриваясь.

— Хо-о! — сказал он. — Что такое?

— Что? — беспокойно спросил Тайбарей.

Возле промизбы в бинокль различалась большая катушка с кабелем, уходящим за снежный холм.

— Кто здесь может быть? — сказал Вылка.

— Хабай. Нетти, — предположил Тайбарей. — Северный патруль.

Собаки подкатили к крыльцу.

Вылка и Тайбарей, настороженные, вошли в избу. Там было натоплено, горела печь, а на столе стояли остатки завтрака. Вылка обвел взглядом комнату, остановился на двух малицах, лежащих на скамье.

— Это малица Хабая, — сказал он.

— Да, — сказал Тайбарей, подошел к скамье, поднял одну малицу, потом другую. — Хабай. Нетти. — И стал вопросительно смотреть на Вылку.

— Не знаю, — ответил Вылка.

На гвозде висела военная куртка со свастикой.

— Чья одежда? — спросил Тайбарей. — Никогда такой не видел.

— Немцы, — сказал Вылка.

Выйдя на крыльцо, он некоторое время смотрел на склон, куда от избы вел кабель, потом подошел к двум ямам около избы. Нагнулся, взял в руки намочший кровью снег.

— Человека убили. Двоих убили.

Тайбарей с ужасом смотрел на снег в руках Вылки, Вылка выпустил красный снег из руки и отер ее другой.

— Ты что? Дядя Илья? Хабая убили? Нетти? — Тайбарей отрицательно покачал головой, не верил.

— Да.

Вылка и Тайбарей стали подниматься на вершину холма, держась параллельно кабелю. Вылка пригнулся, и Тайбарей сделал то же.

С вершины холма, где они повели себя особенно осторожно и залегли, можно было рассмотреть большое пространство спуска. Внизу, на большой равнине, высаженный десант занимался установкой антен-

ны, к которой вел кабель от избы. Немец было девять человек.

У берегов стояли две надувные шлюпки, а в море скрывалась с хлюпаньями железная спина подводной лодки.

Вылка потянул Тайбарей за рукав, и они стали спускаться с холма. Юноша то и дело оглядывался.

— Быстрее, быстрее, — торопил его Вылка.

— Они людей убили, — снова сказал Тайбарей.

— Да, сынок, — говорил Вылка. — Будь сильным. Будь смелым, сынок. Ты охотник. Ты ненец.

...Юный Тайбарей бежал по становищу.

— А-а-а! — кричал он. — Хабая убили! Нетти убили! А-а-а!

Вылка распоряжался у Совета.

— Энгу, Аркани, — сказал он двум юношам, — поедете в соседний поселок к Филиппову. Скажете, мы туда пошли. Скажете, пусть идет на помощь.

Юноши побежали к нартам.

— Откуда немцы? — спросил Вылку промышленник. — Никогда не было немцев на Новой Земле.

— Пришли, — сердито сказал Вылка.

— Много? — спросили его.

— Убили северный патруль.

— Хабая? Нетти? — все еще не верили люди.

— Да, — зло отвечал Вылка и вновь распоряжался: — Берите только крепких собак. По два человека на нарты.

Нарты неслись по тундре. Снег набирал силу, стал плотным и издали смотрелся темным — казалось, нарты врываются в эту темноту, чтобы пропасть в ней или проскочить. Крики, подгоняющие собак, звучали тревожно.

До избы было еще далеко, когда стало слышно, что там идет бой. Сначала это были только звуки — выстрелы, потом охотники стали замечать в темноте мгновенные синие вспышки, летящие в направлении сарая от избы.

— Стой! — закричал Вылка, тормозя сани.

Упряжки остановились возле него, охотники спрыгивали с нарт.

Ночные светляки появились то по одному, то цепочкой и гасли возле стены сарая. И на каждый такой набег из сарая звучал выстрел. Тайбарей не мог понять, откуда берутся и почему пропадают эти звездочки, похожие на осколки северного сияния.

— Что это? — спросил юноша.

— Пули, — ответили ему.

— Однако в сарае кто-то есть, — сказали Вылке.

— Один воюет...

— Один. — Вылка напряженно думал о чем-то.

— Они радиомаяк установили, — объяснил Тайбарей охотникам. — Хабая убили, Нетти. Мы уходили, наших не было...

— Что делать будем, Илья? — спросили Вылку.

— Говорить с ними надо, — сказал Вылка. — Скажем: мы не хотим стрелять и вы не стреляйте.

— Илья, выстрелить в воздух?

— Выстрели, — согласился Вылка.

Несколько охотников подняли ружья и выстрелили. Никто не ответил им.

Вылка снял винтовку, бросил ее на нарты.

— Боязно, Илья, — сказал старый охотник. — Или флаг белый надо бы...

— Я без ружья. — Вылка, не оглянувшись, пошел к избе.

Только легкий хруст его шагов нарушил тишину. Охотники не отрывали взгляда от крепкой фигуры пожилого, но сильного в движении Вылки. Вдруг он остановился.

— Хо! — закричал он. — Не стреляйте! Хо!

Ответом была тишина. Вылка переступил с ноги на ногу, не зная, как быть дальше, коротко глянул в сторону сарая, снова стал смотреть на избу.

— Почто пустили? — сказал старый охотник, по людям пошел стон.

— Дядя Илья! Дядя Илья! Не ходите! — закричал Тайбарей и бросился к Вылке, держа винтовку на руке. Когда он почти добежал, раздался щелчок, и словно землю вырвало из-под ног у Тайбаря.

— Тайбарей! Тайбарей! Сынок! — Вылка склонился над юношей. — Мы парисуем на снегу сани! Помчимся быстрее восточного ветра. Сынок...

Юноша был мертв, незакрытые глаза его стекленели.

Со страшным рыком Вылка поднял винтовку Тайбаря, вскинул ее и, поймав мелькнувший в оконном проеме избы силуэт, сбил человека, как птицу на лету. Успел увидеть его падающего, разбросавшего руки, а сам тут же прыгнул за сугроб у сарая, снова повернулся к избе и сделал еще несколько выстрелов по ее окнам.

Он услышал еще выстрелы и услышал атакующий крик охотников, но не стал смотреть, что там происходит. Бросившись к сараю, он скатился по снегу к двери, с трудом приоткрыл ее, занесенную снегом, и протиснулся внутрь.

В сарае несловко, на боку, уткнувшись лицом в снег, лежал человек в малице. Вылка перевернул человека на спину, осторожными движениями стер снег с лица и бороды и вскрикнул — перед ним лежал Нестор.

— Хо-о!.. — выговорил Вылка и тихо позвал: — Нестор...

Нестор приходил в себя, смотрел Вылке в лицо.

— Здоров, председатель, — тяжело выговорил он.

— Это ты, Нестор?!

Измученный, бледный, с лицом, на котором видны были стариковство и боль, и — уже — смерть, в малице, мокрой от крови, Нестор попытался вдруг приподняться, потянулся к Вылке.

— Поди до вечера не доживу.

— Доживешь, Нестор. — Вылка глянул на намокшую кровью малицу Нестора и отвел глаза.

Стрельба за стеной прекратилась, это поняли оба.

— Кажись, одолели, — сказал Нестор полувопросительно.

— Одолели, одолели! — Вылка убеждал Нестора, а сам вслушивался в наступившую тишину настроженно.

— Я не хотел... — стал говорить Нестор. — Пришел, видел, как они Хабая и Нетти порешили. Залег — ждал... вы подкатили... Я тебя издали узнал. — Он неожиданно легко улыбнулся. — Походка у тебя утиная. Понял, что вы за людьми пошли. Умом пораскинул: пути вам — три дня туда да обратно. Шесть ден отрядил... А тут, гляжу, они сворачиваться стали. Я и задумался. Уйдут, значит, от гнева нашего.

— Спасибо, Нестор.

— Я и приладил приклад к бороде.

— Прости меня, Нестор...

Нестор вдруг всхлипнул, последним усилием удержал себя, успел сказать:

— Прощай. — И тело его опало.

Несколько мгновений стоявший на коленях Вылка смотрел на остановившееся лицо Нестора. Потом он вышел из сарая.

Под синим небом, под розовым расцветным облаком улеглась на снегу тишина. То, что видел Вылка, было неестественным, и от этого особенно четко видимым. В полукольце далеко стоявших друг от друга охотников жалась группа немцев. Страшные, почерневшие впадинами щек и глаз, пленники ждали.

Вылка обвел их взглядом.

— Ты зачем Тайбаря убил? Зачем Нестора убил? Хабая, Нетти? Кто ты? Что ты ищешь здесь? На севере есть только человек. А ты убиваешь человека. На севере человек видит человека — кричит: здравствуй, бежит навстречу. Ты все нарушил здесь. Ты заставил меня стрелять в человека! Зачем ты заставил меня стрелять?! Я не хочу убивать! Тебя наказал север, он отомстил тебе. Кто простит меня за то, что я стрелял в человека?!

Немцы не понимали ни слова, но Вылке это было безразлично. Он долго молчал, глядя туда, где лежал Тайбарей.

— Человек может сделать только то, что можно переделать, — тихо заговорил Вылка. — Сделай, чтоб он снова жил! Ты не можешь. Почему ты разрешил себе убивать? Он был молодой. У него была мать слепая, десять лет не видела солнца, а его — когда возвращался — видела. Что она увидит теперь? Что ты показал ей? Почему ты не дал Нестору прийти и сказать: здравствуй, Илья, я теперь с вами... — Из сарая охотники бережно выносили тело Нестора, укладывали в сани рядом с Тайбареем. — Нестор уже шел к нам, а ты убил его. Не знаю, кто ты. Наверное, ты — келючи. Да, келючи! Люди живут, стараются, и вдруг появляешься ты. Что же делать?

Немцы вжимали в плечи головы, съежились.

— Жить хочешь? Вон как ты хочешь жить. Сейчас ты знаешь, что человека убивать нельзя. Потому что сейчас ты умираешь сам. Как научить тебя знать это сразу, как только ты родишься? Человек и так живет мало. Человек должен прожить всю жизнь. Дожить до светлой смерти. Когда вы поймете это? Дураки.

За бортом теплохода «Владимир Русанов», вдаль, небо вливалось в океан, и там, где они соединялись, возникали живые и неожиданные очертания, которые, может быть, были маревом, но глаз воспринимал их как сплав хляби и тверди.

Что-то колыхалось, дышало там и, казалось, что это что-то скрывает еще другое, более прекрасное и тайное, еще более невозможное в действительности, но непременно существующее.

Пассажиры тихо стояли у борта и смотрели вдаль так, словно каждый был уверен, что лишь он один заметил, рассмотрел до конца и понял происходящее у горизонта.

— Что это? — спросил наконец кто-то.

— Миражи.

— Да разве такое бывает?

— Обманы океана, — объяснил кто-то знающий. — Свет, отраженный более плотными слоями воздуха.

К этой трезвой реплике отнеслись едва ли не с обидой и заулыбались капитану, который, смягчая ее, сказал:

— Мы плывем в царстве миражей.

Волшебные круги голубого и зеленого то расходились, как мыльные пузыри, то входили друг в друга без какого-либо препятствия, то поднимались вверх, как поднимается занавес в воображаемом человеком театре, и за ними возникало что-то похожее на пароход, но не пароход, что-то похожее на людей, но не люди, а то вдруг совершенно реально вырисовывался берег, обрывающийся туда, внутрь, и над ним — танцующие грибы на длинных тонких ножках, — и все это сменяло друг друга и тут же показывалось одновременно, и тут же растворялось, чтобы появиться вновь, едва заметно изменив линии и окраску.

И тогда люди услышали глуховатый голос старого Вылка, шедшего к ним по ступенькам верхней палубы.

— Она появляется здесь редко. Обычно здесь облачно, — говорил он — люди повернулись к старому ненцу, слушали, — и можно видеть мираж становища. Но иногда становится ясно, чисто и светло. Тогда появляется она. Гусиная земля. Появляется ненадолго, потом уходит за горизонт. Жалко с ней расставаться. Хочется догнать...

— Долго же туда идти, — пошутил кто-то.

Вылка улынулся.

— Всю жизнь.

— И можно не дойти?

— Да, — подтвердил Вылка. — Дорога туда не легкая.

Он снова пошел туда, где можно было побыть одному, — к корме, остановился и не спеша поднял глаза, но не к миражам океана. Картины, видимые ему одному, снова возникали перед ним.

Голубое небо весеннего дня стекало за горизонт легкими облаками. Чистые избы становища с окнами, в которых многоцветно отражалось солнце, стояли ровной улицей, спускавшейся с холма к бухте.

Вылка шел по улице, и у каждого дома стояли люди, знавшие, что он уезжает.

— Здравствуйте, Илья Константинович! — кричала от крыльца молодая пара, и женщина поднимала на руках ребенка, изумленно раскрывшего глаза, шла следом.

— Здравствуйте, — отвечал Вылка и улыбался ребенку.

Он шел, старый уже человек, с лицом мудреца и пророка, святого и труженика, исповедуемого и исповедующегося.

— Илья! Илья! — кричал русский охотник, зачем-то забравшийся на днище перевернутой лодки. — Спасибо тебе, друг! Дали мотор новый.

Вылка помахал охотнику.

— Эх, мать честная! — он тоже заспешил за Вылкой к берегу, к ним присоединялись многие другие. Вылка обрастал людьми.

— Выздоровливай, Илья. Возвращайся. Вылка кивал им согласно.

— Скорей возвращайся, мать честная! — закричал охотник, отгесненный людьми. Припадая на ноги, торопясь по-стариковски, к Вылке подошел Ханец.

— Здравствуй, Тыко.

— Здравствуй, отец. — Вылка остановился. — Я был молодым, ты был старик. Теперь мы оба старые. Нравится жить?

— Нравится. — Ханец засмеялся. — Очень нравится. В Кисловодске был. Лечился. Доктора хорошие. Скучал. Вернулся — радуюсь.

— Живи, отец. Всю жизнь живи.

Вылка пошел дальше. Люди провожали его, улыбки не сходили с лиц, и тепло в глазах становилось грустью.

Теплоход «Владимир Русанов» продолжал свой путь в океане. Старый Вылка на палубе бережно сложил мольберт, стал

тщательно промывать кисти и протирать досуха носовым платком, пробуя на сухость тыльной стороной ладони.

— Я ваши картины в музеях видел. В Архангельске, в Ленинграде,— говорил ему якут, — в Москве.

— Думал еще одну написать,— сказал вдруг Вылка.

— Какую? — полюбопытствовал якут.

— Друга моего незабвенного, Владимира Александровича Русанова.

— Русанова? — спросил от ящика Скрипников. — Много о нем слышал.

— А сейчас вы куда, Илья Константинович? — спросил якут.

— Пока в больницу. Потом, наверное, дальше.

— Ну что вы! — возразил Скрипников. — Вы еще сто лет проживете.

— Да,— мягко согласился Вылка. — Человек такой ум имеет, что по уму триста лет ему жить надо.

— Вот-вот,— сказал Скрипников. — А вы торопитесь. Вы еще столько картин нарисуете, столько дел сделаете!

— Я свое дело сделал. Мне Русанова догонять надо. — Вылка прислонил мольберт к перилам и аккуратно расправил на нем носовой платок.

Было тепло и солнечно.

— Кстати,— сказал Скрипников, развязывая рюкзак. — Наши-то находочки какой-то экспедиции касаются.

Лицо старого Вылки дрогнуло, и он, подавшись вперед, стал смотреть на что-то там, в мешке, еще не извлеченное наружу, но уже захватившее его, мешавшее сейчас его дыханию и сердцу.

Скрипников достал из рюкзака продолговатый предмет, завернутый в вошеную бумагу, стал разворачивать его и тут увидел напряженные Вылки, остановившись, спросил:

— Вы думаете?.. Нет. — Скрипников с сожалением покачал головой. — Здесь что-то по-французски.

А Вылка уже взял у него сверток. Бережно развернул, рассматривал французские буквы на почерневшем от времени

куске дерева и вдруг поднял глаза к морю. Он увидел Новую Землю, Белушью Губу, родное становище, увидел себя — молодым, стоящим на берегу.

Солнце светило от берега, был штиль, на горизонте возник корабль.

— Это ледокол нас ждет,— услышал Вылка голос Скрипникова. — Там льды.

— Нет, это «Геркулес»,— спокойно сказал Вылка и, держа в вытянутых руках старое дерево на вошеной бумаге, сделал несколько шагов к борту — словно шел к далекому кораблю. — Там Русанов. Он ждет меня.

Скрипников и якут смотрели на Вылку с удивлением.

— ... Мы снова будем брести с ним во льдах. — Вылка сделал еще шаг, и большие ноги не держали его — он опустился на лубу.

— Товарищи! — закричал якут. — Товарищи!!!

Люди бежали отовсюду — это было движение бросившихся на помощь — так в деревне бегут на пожар: все вместе, как можно скорее, но не мешая друг другу, исполненные решимости, не думающие о себе. Первым подбежал капитан.

— Илья Константинович, что с вами?!

— Вот Русанов меня зовет. Помогите встать. Встать помогите.

Многие руки бережно подняли его и могли бы держать так вечно.

— Я иду, Владимир Александрович,— еле слышно прошептал старый Вылка, а взгляд его уже останавливался.

Русанов, Жюльетта Жан уходили с друзьями. «Геркулес» разворачивал паруса и ждал их. Вылка — молодой, как кони, — спешил за ними, но никак не мог их настичь. Тогда он закричал:

— Владимир Александрович! Я иду! Подождите!

И они обернулись.

Теплоход шел на юг ледовыми полями, а на север, к Новой Земле, летели гуси.

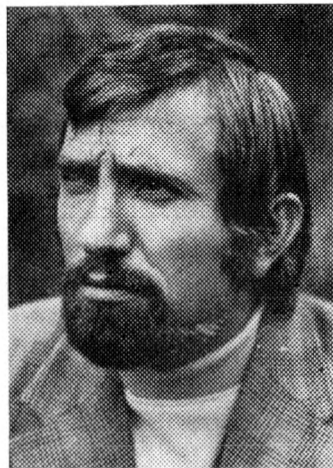
ВИКТОР МЕРЕЖКО

БЫЛА—НЕ БЫЛА

ВИКТОР ИВАНОВИЧ МЕРЕЖКО (родился в 1937 году) — выпускник Львовского полиграфического института, работал инженером-технологом. Затем окончил сценарный факультет ВГИКа. Его дебют в кино состоялся в 1966 году — по сценарию Виктора Мережко на киностудии «Мосфильм» режиссер Леонид Миллионщиков поставил телевизионный фильм «Зареченские женихи». По сценариям В. Мережко созданы фильмы «Здравствуй и прощай», «Одиножды один», «Трын-трава», «Журавль в небе», «Трясина», «Уходя уходи», «Вас ожидает гражданка Никанорова» и др.

Фильм по литературному сценарию «Была — не была» ставит на киностудии «Мосфильм» режиссер Никита Михалков. Роль Марии Васильевны написана автором специально для киноактрисы Нонны Мордюковой.

Билетов на проходящий поезд не было.

Мария Коновалова, крепкая тетка лет пятидесяти, задом вытолкалась из очереди, сдула со лба волосы, огляделась и направилась к свободному месту на ближайшей скамейке.

— Будь ты неладно!

Села. Чемоданы — один маленький, пере-хваченный бечевкой, и второй, чуть побольше, — поставила между ног, вынула из калача на затылке гребешок, причесалась. Издали — со стороны — посмотрела на толчею возле кассы. Сохрани и помилуй... Кто не толкался — не поймет, кто толкался — не захочет.

И тут увидела, что из очереди выбирается высокий мужчина в шляпе, а в руке у него билет. Ее будто подкинуло. Будто пружина лопнула под ней.

— Гражданин! — подскочила она к теще-душному. — Не на проходящий случай?

Он как-то слепо посмотрел на нее, видимо, после давки не до конца соображая.

— На него.

— Так не было!

— Это «СВ». Дорогой!

— Сильно дорогой?

— Не очень. — И улыбнулся: -- Зато удобный.

Мария ломанула вперед, чемоданами прокладывая дорогу, сметая с пути праведное и неправедное, и никакая сила не могла ее остановить.

В вагоне было чисто и тихо. И страшно-вато. В самом конце прохода стоял какой-то полосатый человек, курил, и больше ни души. Будто вымерли все.

Мария — на цыпочках — по номеру на-

шла свое купе, открыла. На пороге замерла.

В таком вагоне она еще не ездила. Что блестит все да еще музыка играет, бог с ним. Как говорится, к тому идем, пусть. Но вот два места в купе, а на них бело-снежные простыни, словно для молодых, такого еще не было.

Оглянувшись, тихонько вошла, чемоданы затолкала под столик и, откинув простыню, присела на краешек полки. Вспомнила вдруг про открытую дверь, быстро задвинула ее, вернулась на место, и тут в дверь постучали.

— Да, — ответила Мария, холодея.

Дверь отъехала, по силуэту Мария сначала не разобрала, кто это, потом человек сделал шаг, и она узнала высокого. Того, что на вокзале. В шляпе. Он стоял, смотрел на Марию удивленно и с любопытством.

— Здравьете, — сказал и поинтересовался: — Можно?

Она не сводила испуганных глаз с него, молчала.

— Вы, что ли?

— Я.

— Со мной?

— Наверно.

— Один?

— Один.

Поезд дернулся и поплыл вдоль перрона.

— Так войти можно? — переспросил в шляпе, слегка терпя терпение.

— Сейчас... — Мария выволокла из-под столика чемодан, прихватила кофту, протиснулась мимо попутчика в коридор. — Заходите.

— А вы?

— Это уж не ваша забота. — И двинулась в сторону купе проводницы.

— Вы что, издеваетесь? — с ходу крикнула она, вваливаясь к ней.

Та удивленно посматрела на нее.

— В чем дело?

— А в том, что так ехать я несогласная! Или переведите в другой вагон, или оставите поезд!

— А что, собственно, случилось?

— Не поеду я с ним! Не желаю! Я уже не девочка, которой девятнадцать!

— Пристает?

— Кто?

— Сосед.

— Еще чего! Пусть только попробует! Остановите, говорю, поезд!

— Хорошо, — примирительным шепотом сказала проводница. — Идите пока на свое место, а мы что-нибудь подыщем.

Поезд шел быстро и хорошо, столбы мелькали как палочки-вставалочки, а сгущающиеся сумерки делали все похожим на плохо отпечатанную любительскую фотографию — все вроде есть и ничего нету.

Мария смотрела в окно, молчала. Попутчик сидел на своей полке — у самой двери, изредка посматривал на нее, тоже молчал. Не выдержал, кашлянул. Кашлянул не от кашля, а как бы готовясь что-то сказать. Мария напряглась. Он опять кашлянул, произнес:

— Может, хотя бы познакомимся? — И смотрел на нее, вроде бы даже заигрывая.

Она не ответила, тяжело задышала, светла посильнее брови.

— Познакомимся? — переспросил мужчина.

Мария перевела на него литой взгляд, оглядела от самых туфель до большой лысины на голове, в свою очередь заинтересовалась:

— А больше ничего?

— Ничего... — Он чуть ли не улыбнулся. — Вам далеко ехать?

— До места. А вам?

Мужчина наконец не выдержал, улыбнулся:

— Мне тоже.

— Очень приятно, — кивком отблагодарила Мария и отвернулась.

Попутчик выждал маленько, опять спросил:

— А зовут вас?.. Если не секрет, конечно.

— Гапка! Устраивает? — взорвалась Мария.

— Устраивает. А меня — Юрий Николаевич. Юрий Николаевич Ляпин.

— Не может быть!

— Честное слово.

— Ты смотри... Скажи кому — не поверят.

— Правда. А вот Гапка действительно редкое имя. Вы первая, кого я встречаю.

— Вот и радуйтесь, — хмыкнула Мария. — Жене дома будете рассказывать.

За окном совсем стемнело, в стекле отражалось все купе целиком, и казалось, что вагон, покачиваясь, стоит на месте.

— В гости, наверно? — спросил Ляпин.

— Наверно.

— К дочке или сыну?

— Допустим, к дочке.

— Первый раз или... ездите?

Мария неожиданно рассмеялась.

— Ну и банный лист. Не следователем, случаем, работаете?

— Нет, — ответил он. — Главным инженером. На рыбзаводе.

— Ух ты! Вот так прямо и главным?

— Да, — с какой-то детской гордостью ответил попутчик.

— А что, непохоже?

— Да если по лысине, то в самый раз... На авторитет решили брать?

— Почему? — не понял тот.

— Ну как же? Главный инженер, Юрий Николаевич... А я вот простая колхозница, и что из этого?

— Все нормально.

— Ну вот и ничего... Погорбатили б с мое возле коров, поскромней были бы! — Мария развязала бечевку на маленьком чемо-

дане, вынула из него пару свертков, выложила их на стол.

— Вы как хотите, а я буду ужинать. — Разложила курицу, вареные яйца, помидоры, хлеб и исторопливо, с удовольствием стала есть.

Ляпин тоже полез в портфель, тоже достал дорожный провиант и все это увенчал бутылкой сухого вина.

— Не возражаете?

Мария недоуменно и возмущенно смотрела на него.

— Чего?

— Вина не возражаете? Сухого?

Она крутнула головой.

— Подпойть решили? С главным инженером не вышло, так вином решили ударить! Ну, мастак! Артист!

Ляпин пожал плечами:

— Как хотите... — И вышел.

Вернулся он скоро, с двумя стаканами в руках. В один налил вина, чуть приподнял:

— Ваше здоровье.

Сидел, пережевывая вино, получая удовольствие, потом произнес:

— Зря отказались. Замечательное, между прочим, вино. «Хванччара»!

Мария, рвя зубами курицу, отмахнулась:

— Переживу.

— Зря, — повторил Ляпин. — Это мне друг из Грузии прислал. А грузины в этом толк понимают.

— Уговариваете?

Он улыбнулся:

— В какой-то степени.

— Ладно, только немного.

Ляпин налил Марии половину стакана, она вытерла жирные руки, некоторое время примеривалась к вину, погрозила своему попутчику:

— Только смотрите.

— Что?

— Ничего... — Задержала дыхание, выпила.

— Ну как? — спросил Ляпин.

— Ничего особенного. Кислятина... Подхвалили, чтоб выпила?

Он засмеялся.

— Нет. Вино действительно замечательное. Царское вино!

— Ишь ты!

— Да.

— Сам-то не из царей?

— Вроде нет.

— Фамилия-то как, забыла.

— Ляпин.

Мария смеялась.

— Определенно из царей! Царь Ляпин первый! Все равно, что Петр первый!.. Ой, а я уже пьяная. Голова кружится... Вот столечко выпила и уже готовая... Это вы специально?

— Сейчас пройдет.

— Ну, главный инженер, — со смехом погрозила Мария. — Ну, прохиндей! Наполнил бабу... А я ведь, когда пьяная, — не дай бог.

— Пугаете?

— Не пугаю, а предупреждаю. Пока не поздно, просись в другое купе! Или лучше в другой вагон! — Она смеялась, вертела головой, отрывала от курицы то ногу, то крылышки, подкладывала попутчику: — Ешь, милый, не стесняйся... И ничего не бойся. Шучу!

— А вы замужем? — неожиданно спросил Ляпин.

— Ух ты! — удивилась Мария. — А тебе какое дело?

— Интересно.

— Интересно бывает за углом. Как пойдешь, сразу налево. Понял? Интересно ему. Ишь, шустрик...

— Ну вы зря обиделись... Вы неправильно меня поняли.

— Да я-то сразу тебя поняла. С первого взгляда! Вот пей свое вино и не влезай в чужие дела. Усек?

— Усек.

— Молодец.

Промахнул мимо окон ярко освещенный полустанок, потом заряблил, закружилась окна маленького городка, тяжело и жарко ухнул у самого стекла тепловоз-одиночка, и снова стало темно.

— А что мы лаемся? — неожиданно спросила Мария.

— Я не лаюсь,— ответил Ляпин.

— Давай больше не будем?

— Давайте.

— Действительно. Сегодня мы соседи, а завтра даже вспоминать об этом не будем. Делить же нам вроде нечего?

— Нечего,— согласился главный инженер.

— Лучше я тебе спою. Хочешь?

— Здесь?

— А что, нельзя?

— Вообще-то можно, но только... соседи.

Мария отмахнулась:

— А я негромко. Не возражаешь?

— С удовольствием.

Мария закрыла глаза, сидела какое-то время неподвижно, затем спросила:

— «На Муромской дороге» знаешь?

Ляпин пожал плечами:

— Примерно...

— Если вспомнишь, подпевай. Я страх как люблю петь, особенно если, не дай бог, маленько выпью... Значит, слушай...

Она опять закрыла глаза и начала тихонько, очень издали:

На Муромской дороге
Стояли три сосны-ы...
Прощался со мной милый
До бу-удушей весны-ы...

Голос ее креп, набирал силу, и второй куплет она уже пела на хорошем звучании:

Он клялся и божился
Одну меня люби-ить...

Ляпин почувствовал мелодию, набрал в грудь побольше воздуха и, став серьезным и сосредоточенным, повел низким вторым голосом:

На дальней на чужбине
Одно-ою мною жи-ить...

Третий куплет они пели слаженно и красиво:

Сел на коня, умчался
В широкую он да-аль.
Оставил мне на сердце
Тоску лишь да печа-аль...

Проводница остановилась возле их купе, хотела постучать, но задержала руку: Прислушалась. Там, за дверью, пели. Она страшно удивилась, потом открыла дверь.

— Милочка моя! — успела перехватить ее Мария. — Заходи, не стесняйся! Гляди, как у нас весело! Юрий Николаевич, угости товарища!

Она втаскивала ее в купе, Ляпин уже наливал, а проводница отказывалась и отталкивалась:

— Мне же нельзя... Я же на рабочем месте! Ну что вы, ей-богу! Нельзя мне, говорю, товарищи!

— Грузинское! Царское! — уговаривала Мария. — Капельку!

— Нельзя, понимаете? Нельзя!

— Нельзя ей, Гапа! — соглашался с проводницей Ляпин. — Я это знаю. Им за это крепко перепадает. Честное слово, Гапа!

Мария смеялась.

— Привязался со своей Гапой. Не Гапа я! Мария! Мария Васильевна! Понял? Вот так... — И усаживала проводницу: — Тогда хотя б посиди с нами. Минуту можешь? Замечательный, между прочим, человек! Главный инженер... Даа! Рыбзавода!

— Значит, не будете переходить? — осторожно уточнила та.

— От него? В другое купе? Не-е! Нам хорошо. Юрий Николаевич, нам хорошо?

— Прекрасно!

— Какую тогда следующую?

Он подумал, предложил:

— «По Дону гуляет...»

— Давай!

Мария спала. Ночной фиолетовый свет делал в купе все неживым и едким, колеса стучали мягко и усыпляюще, едва слышно шурушал вверх кондиционер, а изредка проникающий сквозь штору свет прорезал пространство коротко и ярко. И вдруг Мария вскочила. Села и ничего не понимающими со сна глазами испуганно смотрела на попутчика.

Он не спал, сидел на своей полке, поджав колени к самому подбородку, обхватив их руками, и тоже испуганно смотрел на Марию.

— Чего? — спросила она.

— Чего?

— Не спите, что ли?

— Не сплю.

— А почему?

— Не спится...

— Знаете что?... — тоном, не обещающим ничего хорошего, сказала Мария. — Или давайте гасите свет и спите, или я сейчас устрою вам Крым и Рим...

Ляпин улыбнулся:

— Я не могу...

— Как это — не могу?

— Не могу.

— Бессонница?

— Не совсем,— ответил главный инженер и с неловкой улыбкой объяснил: — Я... храплю.

Мария приснула:

— Ну так и что?

— Разбужу...

— Так я тож храплю!

— Неправда.

— Ей-богу! Особенно, когда выпью.

Он подумал, переспросил:

— Вы... не шутите?

— Да сказала ж!

Ляпин посидел еще, пожал плечами:

— Ладно, давайте попробуем... — Погасил свет, положил подушку поудобнее, задернул шторы получше и затих.

Мария выждала немного, поправила одеяло, тоже откинулась на свою подушку и только успела прикрыть глаза, как вдруг...

Нет, это не был храп и ничто другое, его напоминающее. Это был вопль, крик, зов, обвал, это был рев самолета, проносщегося над самой головой.

Мария вскочила, ошалело смотрела на попутчика. Вскочил и он тоже.

— Ну вот,— сказал виновато. — Я же вам говорил...

По запаутиненным путям, по вагонам на запасных линиях, по городским постройкам справа и слева можно было понять, что поезд прибывает на большую железнодорожную станцию.

Мария и Ляпин стояли в проходе, готовые к выходу, от бессонной ночи под их глазами залегли синяки, стояли они чужо и молчаливо, сзади и спереди тоже толпились пассажиры, а проводница протирала поручни и подставляла лицо свежему утреннему ветру.

Ляпин несмело тронул Марию за локоть, сказал шепотом:

— Может, я все же подержу чемодан?

Она не ответила, шагнула чуточку вперед.

— Мария Васильевна...

— Что нужно? — так же шепотом, но с раздражением спросила Мария.

— Чемодан, говорю, тяжелый... Тогда лучше уж поставьте, не держите.

— Отстаньте!

— Так не видно еще вашей дочки. Чего вы боитесь?

Она возмущенно крутнула головой, подхватила чемоданы и стала пробираться вперед. Человека через четыре остановилась.

Поезд постепенно замедлял ход, перед окнами полегли привокзальные постройки, показались встречающие с цветами и без, и тут Мария увидела Нину. Она усиленно замахала рукой, но Нина, похоже, ее не видела, слепо всматривалась в проплывающие вагоны, потом все же увидела и тоже замахала в ответ.

За спиной Марии кто-то затолкался. Оглянулась — главный инженер.

— Увидели дочку? — спросил и дышал почти в самый затылок.

Мария не ответила, не выпускала из поля зрения Нину.

— Кстати, могу подвезти... Меня будут встречать.

Дочка шла за вагоном, смотрела на мать, в руках ее были цветы.

— А позвонить все же когда лучше — сегодня или завтра?

Мария взяла поудобнее чемоданы, боком стала пробираться поближе к ступенькам.

— А может, нам все же по пути?

— Да тю!... — оттолкнула она настырного попутчика и чуть не столкнула проводницу. — Это ж бедствие, а не человек! Сгинь!

Вагон остановился, Мария подала чемоданы, спустилась сама, приняла от дочки цветы. Обняла ее, всплакнула.

— Ты чего, мам? — удивилась Нина.

— Чего?

— Слезы...

— Да так, дочка... Сдуру!

— Ну вот еще... Ладно, пошли.

— Пошли.

Нина была похудевшая, красивая и какая-то чужая. Шагала она чуточку впереди матери, крепко ставила ногу на высоком каблучке, модное джинсовое платье сидело на ней ладно и с шиком, и Мария, оглядывая ее сзади и еле поспеывая с перевязанным своим чемоданом, вдруг почувствовала себя ненужной и чужой.

Мельком оглянувшись, так же мельком увидела недавнего своего попутчика, он тут же поймал ее взгляд, махнул рукой.

— Стасик на работе?

— Наверно, — замедляя шаг, ответила Нина.

— А Иринка?

— В садике.

— А мы на чем поедем?

— Попробуем на такси.

При входе в квартиру Мария по примеру дочки стала снимать туфли, для равновесия пришлось придерживать за чемодан, а Нина уже сунула ноги в тапочки, на ходу сказала:

— Спать будешь в Иришкиной комнате.

— А у тебя три комнаты?

— Три.

— Тогда места всем хватит.

Мария поискала, куда бы пристроить свои пыльные туфли, оставила их все же

возле порога, в чулках потопала по блестящему прохладному паркету. Заглянула в одну комнату, в другую, обследовала кухню, ванную, туалет.

— Хорошая квартира. Чистая.

— Слава богу, что хоть на десятом году надумала выбраться.

— А и надумала. А то все вы ко мне да вы... Дай, думаю, и я хоть раз на белый свет гляну.

— Если успеешь...

— Что? — не поняла Мария.

Нина не ответила, вытащила с антресолей раскладушку, занесла ее в крохотную уютную комнату Иришки.

— Поставить или сама?

— Да сама! — отмахнулась мать. — Что ты там насчет «глянуть» сказала?

— Если успеешь, говорю. А то как бы не заматало!

Дочка направилась на кухню, Мария от нее не отставала, и тут зазвонил телефон.

Нина подошла к аппарату, сняла трубку, помолчала, положила ее на место.

— Не меня, случайно? — поинтересовалась мать.

— Почему это тебя? — усмехнулась Нина. — Ты-то тут при чем?

Она вернулась на кухню, села на стул, вынула из сумки сигареты, закурила.

У Марин чуть не полопались глаза.

— Ты что?!

— Что?

— Сдурела, что ли?

— Ой, перестань, — отмахнулась дочка, сделала глубокую затяжку, густо выпустила дым. — Этого мне только не хватало.

Мария шагнула к ней, выхватила изо рта сигарету, смяла ее и выбросила в открытую форточку.

— Вот так.

Нина в бешенстве смотрела на нее.

— Знаешь что?

— Скажешь!

— Не будь дикаркой, вот что! — Нина встала, хлопнула дверью кухни, шаги ее удалились.

Опять зазвонил телефон.

— Да! Я слушаю!.. Ну и что дальше? Долго вы будете, в конце концов, молчать?! Иднот!

Мария вышла к ней.

— Не отвечает?

— Тебе что нужно?

— Может, и правда меня?

— Кто? Ты только что приехала! И вообще — кто тебе может звонить?

Мария улыбнулась:

— А может, и есть такой.

Нина длинно посмотрела на нее, устало сказала:

— Оставь, пожалуйста, меня в покое. Я прошу тебя.

Опять вернулась на кухню, дочка включила газ под чайником, поставила на стол чашки и блюдечки, как бы между прочим произнесла:

— Должна сообщить тебе одну новость...

Мать присела на стул.

— Какую?

— Узнаешь... — Нина достала сахарницу, масло, принялась нарезать хлеб. — Я со Стасиком больше не живу.

— Как?.. — Мария не поняла.

— Так. Не живу, и все. Месяц уже...

— Развелась?

— Почти. Пока не развелась, но к тому идет.

— Гулял, паразит?

— Мать. Я сообщила тебе не для выскazyваний, а совсем наоборот. И давай больше не будем об этом.

— Так ведь...

— Мать!

— Так ведь Иришку жалко! Что же он, паразит...

— Я сказала — хватит! И чтобы я больше об этом не слышала. Хватит!

Мария вымокнула повлажневшие глаза, кивнула:

— Ладно, дочка. Больше не буду. Хотя все равно...

Мария готовила ужин. Дым-пар шел от плиты коромыслом. Что-то шипело, буль-

кало, потрескивало. Сама она, разгоряченная и домашняя, перехваченная передником, моталась от стола к мойке и затем к плите, торопилась к приходу дочки и внучки.

Позвонил телефон. Мария с сомнением остановилась, потом все же подошла, сняла осторожно трубку:

— Я слушаю... Але! — Даже подула в трубку. — Слушаю, говорю!.. Опять играетесь? Взрослый человек, а ума нет. Когда надоест, скажете.

Не успела дойти до плиты — опять телефон. Не сняла трубку, схватила.

— Да чтоб у тебя, паразита, руки поотсыхали!.. — И тут же осеклась. — А кто это? Нет, не пришла еще... Да, мама. Мария Васильевна. А вы кто? Гена?.. Какой еще Гена? Что-то я вас не знаю. С работы?.. Хорошо, я передам. Хорошо.

Отошла от телефона, посмеялась в ладошку. Кто-то — чуть погодя — еще позвонил, потом еще и еще, но она не подходила, только издали смотрела на аппарат и отмахивалась.

За кухонной возней не услышала, как открылась дверь и в квартиру вошли Нина и Иришка. Вздрогнула лишь, когда они появились на кухне и дочка позвала:

— Ма!..

— Да ой боже!.. Так же насмерть перепугать можно! — Мария даже присела на стул, потом подошла к внучке, опустилась перед нею на корточки. — Ну, здравствуй, внученька...

— Здравствуй, бабушка. — Иришка смотрела на нее по-детски внимательно и грустно.

Мария поцеловала ее в макушку. Обняла.

— Ты чего такая?

Внучка не сводила с нее глаз, молчала.

— Обидел кто-нибудь?

Отрицательно повертела головой.

— Притомилась?

Опять повертела.

— А чего?

Нина села на стул, стала стягивать чулки с натруженных ног. Подтолкнула дочку:

— Иди в свою комнату. Там тебе бабушка подарков навезла. Иди.

Иришка ушла, и Мария шепотом спросила:

— Чего она?

— А, — отмахнулась Нина. — После садика. Там у них тоже нагрузочка. Ничего, отойдет. — И поинтересовалась: — Мне никто не звонил?

— Звонил.

Нина подняла голову.

— Кто?

Мария закрыла лицо ладонью, стала смеяться.

— Этот звонил... Гена какой-то. Говорит, с работы.

— Ну, и что он?

— Обругала его, думала, специально молчал. А он говорит, автомат такой...

— А мне что-нибудь передал?

— Передал. Сказал, что опять позвонит. — Мария уловила в дочкиной интонации что-то не то, спросила: — А он кто... этот Гена?

Нина молчала, пробовала затянуть петлю на чулке.

— Знакомый, что ли?..

Дочка посмотрела на нее:

— Чего тебе?

— Знакомый он, говорю, тебе?

— Он же сказал, с работы... Или не сказал?

— Сказал.

— А что еще тебя интересует?

— Вежливый он сильно какой-то...

— Не нравится?

— Вообще-то нравится, только немного чересчур.

— Мать!..

— Ну?

— Не влезай в чужие дела, ладно?

— А я не в чужие.

— В чужие. Я уже не девочка и смогу сама разобраться. Договорились?

Мать подумала, пожала плечами и принялась выкладывать из сумки принесенные дочкой овощи. Потом стала в раковине

мыть их. Нина подошла к ней сзади, обняла.

— Ладно, не обижайся.

— А я и не обижаюсь.. — Мать закрутила воду, повернулась к ней: — Нин... я что хотела спросить.

— Спроси.

— Ты отца, случайно, не встречала?

Нина отпустила Марию, лицо ее стало колючим.

— Какого отца?

— Ну, твоего... Он же где-то здесь.

— Он тебя интересует?

— А при чем тут я?

— Вот и я не при чем... Без него выросла, без него как-нибудь и жизнь проживу. Еще вопросы будут?

На кухню вошла Иришка, неся в руках Волка и Зайца из «Ну, погоди!». Глазены ее светились.

— Вот... — показала сначала матери, потом бабушке.

Нина вдруг присела перед нею и стала страстно и жадно целовать — в щеки, в нос, в глаза, в лоб... Иришка стояла прямо, никак не реагировала на ласки матери и была похожа на деревянного человечка, которому все равно.

Мария не спала. На раскладушке лежать было неудобно — узковато и скрипит. Через неплотную штору лезет в глаза реклама на соседнем доме, а тут еще и Иришка — хоть и отвернулась лицом к стенке, а слышно — не спит. И еще, конечно, мысли.

— Внушка, внученька... Спишь уже, что ли?

Молчит. Дышит неровно, с задержками, а все равно молчит.

— Иришка... Если спишь, то не отвечай, а не спишь, скажи бабушке... Бросил вас, выходит, папка?

Не отвечает. Дышать и то перестала.

— Ты не бойся, мамка ругать не будет. Она рассказала... А за что хоть бросил? Ругались сильно меж собой, что ли?

Нет ребенка на кровати, тишина, только виднеется силуэт под простышкой.

— Господи, господи... Квартира есть, зарплату получают, дочка растет — что еще нужно? Так нет же, и сами не живут, и другим не дают. Побесились прямо... А может, мамка сама виновата?

Иришка не выдержала напряжения, шевельнулась и тут же затихла.

— Все они сейчас виноватые — что папки, что мамки... Повыучивались, нахватались всякой грамотности, и никакого удержу на них. Меж собой дерутся, а у детей головы трещат... А до мордобоя у них, случайно, звученка, не доходило?

Внучка неожиданно поднялась на своей постели, от света рекламы была видна ее фигурка.

— Я сплю, бабушка, а ты мешаешь. Спокойной ночи! Спи! — Легла и опять затихла.

Мария замолчала, лежала прямо и неподвижно, боялась шелохнуться, чтобы не заскрипеть раскладушкой, а в глаза била реклама с соседнего дома.

За дверью послышались Нинины шаги, едва слышно щелкнул выключатель и стало тихо.

Утром Мария, приодетая и готовая к выходу в город, наводила окончательный марфет перед зеркалом — застегивала кофточку, примеряла косынку, и в это время в дверь позвонили.

Удивилась и с места не тронулась, но звонок повторился, и тогда она открыла дверь. От неожиданности слегка опешила.

На пороге стоял Стасик. Полюсевший, пожелтевший, похудевший, но при этом живой и невредимый. Стоял, улыбался, с полупоклоном поздоровался:

— Здравьсь...

— Здравьсь-мордаьсь... — Мария почувствовала, как ее начинает колотить озноб.

— С приездом.

— Благодарствую.

— Войти можно?

— Входи. Вроде ж ты тут хозяин.

— Хозяев у нас нет. С хозяевами мы еще в семнадцатом году рассчитались. Так можно войти?

Мария не сводила с него глаз, дышала глубоко и часто.

— Послушай ты... козел! А совесть у тебя есть?

Стасик выдержал ее взгляд, ответил с тем же полупоклоном:

— Совесть?.. Совесть — нету.

— Вот я и вижу. Тебе даже на дочку наплеватель!

— Это слишком серьезная тема, Мария Васильевна, для сиюминутного разговора. Оставим как-нибудь на потом, а сейчас просто разрешите мне пройти. Мне надо взять кое-что из вещей...

— Умойся!

— В каком смысле?

— В таком, что придешь, когда Нина будет дома!

— То есть коза?

— Какая еще коза?

— Ну, я — козел. Жена моя, естественно, коза...

И тут Мария ударила его. Сильно, с размаху, открытой задубелой ладонью. Ударила, потому что больше терпеть не могла.

Стасик от неожиданного сильного удара отшатнулся назад, придержался даже за стенку, приложил руку к щеке. Сказал после паузы:

— Вы не правы...

— Ступай, — тихо произнесла она.

— Естественно. У меня просто нет другого выхода. Но вы — не правы! — Потрогал щеку, усмехнулся. — А теперь серьезно. Передайте, пожалуйста, Нине, что отныне ноги моей здесь не будет. Никогда!

— Переживем. Уматывай!

— Посмотрим! Будущее покажет. А оно, как известно, за нами... — Стасик направился к ступенькам, остановился. — Ай-я-яй, Мария Васильевна, простая русская женщина... Дочка — ваша дочка, думаю, вам этого не простит. Да и моя тоже. — По-

вернулся и быстро — только замелькали ноги — побежал вниз.

Мария закрыла дверь, вернулась в комнату, присела на мягкий пуфик и все не могла отдышаться. Зазвонил телефон.

— Слушаю!.. Здравствуйте. Я? Ни за кем не гналась. А кто говорит? Какой еще Юрий Николаевич? А-а... Ну, и что нужно? Да ничего не случилось! Зятя выгнала! Как выгнала — выгнала, да и дело с концом. В шею! За вещами, паразит, явился. Не знаю. Как хотите... Где? Хорошо. А через сколько? Хорошо...

Ляпин — в черном костюме и с круглой коробкой в руках — вышагивал вдоль местного почтамта, ждал Марию. Шагал он как-то с прискоком, поминутно оглядываясь, боясь прозевать. И Мария, заметив его еще издали, остановилась, понаблюдала за ним, завернула в близходящуюся булочную. Для видимости купила булку, сунула ее в карман, из окна еще проследила за беспокойным ухажером и, решившись, двинулась к нему.

От неожиданности Ляпин растерялся, закивал, заулыбался, а Мария подала руку, сказала:

— Пошли.

Они шли по главной улице города, Мария шагала широко и быстро, и Ляпин еле успевал за ней.

— Восвалит, значит?

— С кем?

— Ну, с зятем.

— А-а, воевала... По физиономии пришлось поглядить.

— Даже так?.. А дочка что?

— Что — дочка?

— Дочка ругаться не будет?

— Спасибо скажет!

— Уверены? Дети, как правило, не любят, когда вмешиваются в их жизнь.

— Смотри чьи дети. Моя знает, что я зазря человека обижать не стану!

— Исключение, значит... А вообще-то они не любят.

— Не любят, так переживут!.. А что это у вас? — кивнула Мария на круглую коробку в руках Ляпина. — Покупка?

— Покупка... — Тот явно смутился.

— Круглое что-нибудь?

— Круглое.

— Шляпа, что ли?

— Шляпа.

— Ну и правильно. А то с вашей прической без шляпы ходить опасно. Последнее облетит!

...Они оказались в парке культуры и отдыха. Ели мороженое, смеялись, потом носились в маленьких электроавтомобилях, и Мария, загораживаясь руками, взвизгивала и пугалась, а Ляпин лихо вертел баранку и поражал свою симпатию смелостью и бесшабашностью.

Потом главный инженер потащил Марию к карусели, она упиралась, не хотела.

— Боюсь...

— Никогда не катались?

— Да не дай бог!

— В таком случае, пошли... Пошли, пошли!

Она смеялась, продолжала сопротивляться.

— А если умрет тетка?

Ляпин тоже смеялся.

— Не умрет, пошли!

От скорости захватывало дыхание, казалось, что никакие ремни не выдержат и все сейчас полетит в тартарары. Мария, плотно закрыв глаза, держалась за руку главного инженера, а он, бесстрашный и решительный, разрезал упругий воздух острой грудью, шурял слегка глаза и был серьезный и закаменелый.

Потом вдруг вспомнил о чем-то, развязал круглую коробку, вытащил из нее серую дамскую шляпу, составленную из двух разновеликих колец.

— Вам! — прокричал.

— Да вы что?!

— Правда!

— Не, не возьму.

— Подарок!.. Женщины говорят, что это самый модный фасон.

Мария надела шляпу, повернулась к главному инженеру:

— Нравится?

— Замечательно! — Тот от восторга чуть не вылетел из кресла. — Высший класс! Только смотрите, чтобы не сдуло!

Она обхватила голову руками, слегка пригнулась вперед и, прижимаясь к соседу, целиком отдалась сладкому страху и вращению.

— Чего?

— Что?

— Смотрите чего?

— Я не смотрю...

— А то я не вижу!

— Честное слово, не смотрю. Просто интересно стало, вот и глянул.

Кафе было маленькое, стеклянное. Мария и Ляпин сидели в самом уголке, возле вешалки, пообедали, а за окном продолжал трудиться парк культуры и отдыха.

— А вот если откровенно, — сказала Мария, — зачем все это?

— Что?

— Ну это — шляпа, карусели, мороженое, обед опять же... Ведь все это денег стоит.

Главный инженер улыбнулся:

— А у меня денег полный карман. Показать?

— Ворованные, что ли?

— Почему? Заработанные честным трудом.

— Вернетесь домой, жена отчет спросит.

— А может, у меня ее нет.

— Кого — жены?

— Да.

Мария так и зашлась хохотом.

— Ой, не могу!.. Ну, артист, вот артист! Хотя бы для разнообразия что-нибудь другое придумал! У вас же, паразитов, как только в командировке, всегда жен не бьет. Куда вы их только деваете?

Ляпин с серьезным видом выждал, отвегил:

— У меня действительно нет жены.

— И не было? — продолжала веселиться Мария.

— Была.

— А сейчас нету?

— Нету.

— Сбежала от такого красавца, что ли?

— Сбежала.

— И адреса не оставила? — Мария чуть уже не пластлась.

— Не оставила.

— И вы теперь один?

— Один.

— Как палец?

— Как палец... — Ляпин не сводил глаз с веселящейся соседки, сказал негромко: — Как и вы, между прочим...

Мария вдруг умолкла, как-то странно, даже удивленно, посмотрела на него. Помолчала, поковыряла вилкой в тарелке, встала.

— Мне пора.

Главный инженер тоже поднялся.

— Я вас провожу.

— Как-нибудь сама... Сколько с меня?

Он помолчал потом кивнул:

— Хорошо, сейчас прикину... — Подсчитал в уме, сказал: — Примерно рубль с копейками.

— Вот вам два, — Мария достала две смятых бумажки, — и только чтоб меня больше не жалели. Салют!

Шляпа ее осталась на вешалке, Ляпин видел, как Мария достигла двери, вышла на широкую чистую аллею и зашагала к воротам широко и размашисто.

Дверь Мария открыла своим ключом, по туфлям в прихожей поняла, что Иришка и Нина уже дома, громко сказала:

— А вот и я!.. Давно пришли?

Иришка выглянула из детской, посмотрела на бабушку как-то серьезно и по-взрослому, ничего не сказала и исчезла опять.

Мария тоже сняла туфли, нашла шлепанцы.

— Нина, давно, говорю, пришли?

— Недавно, — ответила Нина, но из кухни не вышла.

Мать вошла к ней — дочка расслабленно сидела на стуле, с приготовленной усмешкой смотрела на нее.

— Нагулялась?

— Не говори... — Мария тоже села. — Ноги как чужие.

— Устала?

— Устала, дочка.

— Еще бы... — Нина усмехнулась чуть посылнее, спросила: — А вообще ты надолго к нам?

— Не знаю, — пожала Мария плечами. — Пока не выгонишь.

— Я — тебя?

— Ну, не я же тебя.

— А может, как раз ты.

— Как?

— Так. Я как раз думаю, что ты быстрее меня выгонишь.

Мария даже поперхнулась.

— Да ты что, дочка? Сбрендила?!

На кухню вошла Иришка с Волком и зайцем из «Ну, погоди!», тихонько остановилась у стенки.

— Иди к себе, — сказала ей Нина.

Та не шелохнулась.

— Иди, я сказала, к себе!

Иришка продолжала стоять, в упор смотрела на мать.

Нина схватила ее за руку и с силой потащила из кухни. Громко стукнула дверь, и Нина вернулась. Села на прежнее место.

Мария не сводила с нее глаз, ждала.

— Стасик приходил? — прищурясь, спросила дочка.

— Приходил.

— Ну?

— Пришел и ушел.

— А еще?

Снова открылась дверь и снова вошла Иришка.

— Опять?!

— Иди, внучка, — сказала Мария. — Мы с мамой поговорим, и я приду.

Девочка не двигалась, тяжело и неотрывно смотрела на мать.

— Хочешь заработать?! — теряя терпение, закричала та. — Так сейчас допросишься!.. Получишь у меня! Марш отсюда! — Нина опять вытащила ее за дверь и тут же вернулась. — За что ты его ударила?

— Стасика?

— Да, Стасика!.. Кто тебя об этом спросил?!

— А меня не нужно просить — я сама не маленькая, вижу.

— Что ты видишь? Что? И вообще, что ты понимаешь в наших делах? Что ты лезешь в чужую жизнь?!

— А разве ты мне чужая?

— Чужая!.. Представь себе, чужая. У тебя есть своя жизнь, у меня — своя! И нечего тут наводить порядок! Какое ты имеешь право распускать руки?

— Соплячка...

— Кто?

— Ты!.. Я век прожила, а она меня будет учить, с кем драться, а с кем целоваться! Сама не способна, так дай другим разобраться!

— Ты в своем «веке» разобралась?

— Разобралась. И не жалуюсь! По крайней мере, жила так, как хотела. И никто рядом бок не мозолил. Даже тебя, на свою голову, в люди вывела!

— Ты считаешь, вывела?

— А то нет? Институт кто закончил? В городе кто устроился? Вот такие хоромы кто отгрохал?.. И мало этого?!

— Много, — спокойно ответила Нина. — Много, мать... Но вот одного мне всегда не хватало.

— Интересно, чего?

— Прошло уже много лет, я сама уже не девочка — мать уже! И вот теперь наконец можешь ты мне ответить? Ты должна ответить. Обязана. Почему ты рассталась с отцом?

— Его тебе не хватает?

— Его.

— Вы живете с ним в одном городе, сходи — увидишь.

— Я не об этом... Я о другом! Ты ведь любила его — я знаю! И может, даже любишь сейчас... Так почему ты выгнала его?

— Кто выгнал?

— Ты! Мне сказали. Я знаю!

— По соседям узнавала?

— По соседям. Мир не без добрых людей. За что ты с ним так жестоко рассчиталась? Он ведь тоже любил тебя...

— Любил.

— Ну?

— Любил... И день ото дня садился на шею! Довольна?

— Ну да! Ты ведь не любишь, чтобы тебе садились. Лучше уж сама сядешь. Основательно! Чтобы не столкнуть. И потом распоряжаться сверху, командовать. Чтобы все было по-твоему! Только по-твоему. И больше не по-чьему...

— Дура...

— Да, я дура. Дура! — В дело пошли слезы. — А ты умная. Такая умная, что дальше некуда... Зачем приехала? Помогать? Наоборот — мешать! Мордобой устроила! А я хочу, чтобы у моего ребенка был отец. Чтобы его не постигла моя участь!

— А как же Гена?

— Какой Гена?

— Гена.

— Не твое дело! Ты ничего в этом не понимаешь. И вообще — что ты хочешь? Если приехала устраивать свои дела, устраивай, а в мои не вмешивайся. Разберусь как-нибудь сама. Без посторонних!

— Поняла, — кивнула Мария, поднялась и направилась в Иришкину комнату, где стояли ее вещи.

— Вот и прекрасно! Замечательно! — крикнула ей вслед Нина. — Я рада! Может, хоть раз в жизни до тебя дойдет, когда следует совать нос, а когда не следует!

Та не ответила, открыла чемодан, который побольше, и принялась неторопливо складывать свои пожитки. Внучка сидела неподвижно, в ее сторону не оглянувшись, рассматривала что-то за окном.

Мария закончила сборы, закрыла чемодан, подошла к внучке, чмокнула ее в голову:

— Слушайся маму... — И двинулась на выход.

Иришка так и осталась сидеть неподвижно. Мария вошла на кухню, сказала:

— Ты не обижайся, дочка, но я поеду. Так будет лучше. И у тебя наладится, да и я, даст бог, поуменью...

— Как хочешь, — заложенным носом ответила Нина, вытерла глаза, повторила: — Как хочешь... Во всяком случае, я тебя не выгоняю.

— Я понимаю. Да не нужна я тебе здесь, разве до меня тебе. И правда, что мешаю...

— Может, тогда лучше завтра?

— А у меня билет в кармане, — соврала Мария. — Я ведь, когда со Стаском поговорила, сразу смоталась на вокзал и купила. Я подозревала, что такое получится.

— Смотри сама. Как хочешь...

— Ага... — Мать дошла до двери, остановилась. — А Иришка летом пусть приезжает. Не возражаю. У нас воздух. — Помолчала, с улыбкой призналась: — А на счет отца... Сильно хотелось увидеть. Хоть на полсекунды. Но вот видишь... Ну и пусть. Как-нибудь до следующего раза. Если живы будем.

Становиться в очередь к кассе не хотелось. Времени, как говорится, вагон, никто тебя в шею не гонит — успеется. Да и как-то не до этого.

Мария сидела на широкой деревянной скамейке, безразлично наблюдала суматошную вокзальную жизнь, иногда чему-то усмехалась, крутила головой.

И вдруг...

Вначале она его не узнала — так, один из толпы. Потом вдруг до нее дошло, она схватила чемоданы, чтобы исчезнуть, скрыться, но он уже заметил ее и шел напрямую, улыбаясь и смущаясь одновременно.

Мария осталась сидеть. Ляпин подошел, присел рядом. Потом объяснил:

— Мне дочка сказала. Боялся, что не успею.

Мария глянула на него, пожала плечами:

— Что вы за человек такой?

— Какой?

— Непонятный. Чего вы ко мне прицепились?

Он подумал, тоже тронул плечами:

— Не знаю. — И в свою очередь спросил: — А вам не нравится?

— Да мне все равно. Только возраст вроде не такой, чтобы следом бегать.

— Пожалуй, — согласился главный инженер. — Со стороны это, наверно, нелепо. — И спросил без всякого перехода: — Вы хотите сегодня уехать?

— Вот думаю. И хочу, и не хочу.

— Оставляйтесь.

Мария засмеялась.

— Ну, тронутый... Как же я могу остаться, если меня дочка выгнала?! На улице ночевать, что ли?

— У меня, например.

— Где это у вас?

— В гостинице.

Она хмыкнула.

— Ждут меня там. Пробовала я как-то — ага, плакала от радости и решила: нет, уеду.

— А может, назад, к дочке? — осторожно спросил Ляпин.

— Не-е... Если бы и осталась, то не у нее. Пусть сама в своей жизни разберется, а там поглядим. А мне тут одного человека повидать нужно.

— Кого, если не секрет?

— Какой там секрет... Мужа своего, бывшего!

Главный инженер сглотнул сухость в горле.

— А... он...

— Где-то тут живет. Семья, говорят, у него, дети... Тридцать лет не виделись. — И Мария засмеялась своим воспоминани-

ям. — Любила когда-то, не дай бог... На аккордеоне он мирово играл.

— А сейчас?

— Сейчас?.. Сейчас, может, уже и не играет.

— Нет. Сейчас все еще любите?

— Не знаю... — она пожала плечами. — Столько лет прошло. Какая там любовь. И не узнаю, небось, если встречу!

— А давайте все же попробуем в гостиницу, — предложил Ляпин.

• Она посмотрела на него, секунду решалась, потом согласилась:

— Попытка — не пытка. Давайте!

Они вышли из вокзала и не видели, как в зал ожидания вбежала Нина, бросилась к кассе, обследовала все скамейки, спросила о чем-то милиционера, метнулась на перрон...

Гостиница была высоченная, красивая, сверкающая и пугающая. Горели большие буквы над входом, ревел оркестр в ресторане, подъезжали и отъезжали автомашины, и тут же стояли громадные автобусы с нерусскими надписями.

Ляпин остановил Марию метров за двадцать до входа, попросил:

— Вы постойте пока, а я спрошу... Я мигом! — И быстрыми суетливыми шажками заторопился к тяжелым стеклянным дверям.

Мария видела, как он объяснял что-то швейцару, потом промелькнул по освещенному вестибюлю, исчез и через некоторое время появился опять. Подбежал и с виноватым видом сказал:

— Мест нет...

— А я что говорила? — засмеялась Мария. — Тут дело дохлое. Надо ноги на плечи, и домой...

— Нет. Так легко сдаваться нельзя. Надо подумать... — И тут в голову главному инженеру пришла мысль. — Знаете что?.. Давайте мне чемоданы.

— Зачем?

Прошла шумная ватага иностранцев. Ляпин выдержал паузу, с оглядкой объяснил:

— Я сначала чемоданы занесу к себе в номер, а потом будет легче.

Мария не понимала.

— А зачем их заносить?

— Ну, не будете же вы, действительно, на улице ночевать! Давайте! — Он почти силой отобрал у нее ношу, заговорщицки подмигнул и засеменил к входу.

Мария нашла свободное место на лавке, смотрела, как играл всеми красками фонтан, как пары пытались дотянуться до упругих струек, как рядом и напротив обнимались и целовались молодые парни и девушки...

Ляпин вернулся счастливый, улыбающийся.

— Порядок! Главное дело сделано. Теперь надо проникнуть в номер...

Мария послушно ждала.

— Я пойду первым, — сказал главный инженер, — и отвлеку швейцара. Поговорю с ним! А вы — следом. И когда поровняетесь, громко спросите: наши уже все пришли?

— Кто «наши»?

— Ну, наши... Вроде мы из одной группы. Чтобы швейцар не прицепился!

— Ну?..

— Вот... А я отвечу: все, вы последняя.

— Ну?..

— Все. Садимся в лифт и поднимаемся вверх.

— А там?

— Там? Тоже придумаем. Надо поэтапно. Пошли?

Мария пожала плечами:

— Пошли...

— Значит, я первый...

Ляпин поднялся, набрал полную грудь воздуха, с шумом выпустил его, словно готовился на подвиг, и двинулся к гостинице.

Мария вытерла вспотевший лоб, ее всю колотило, а главный инженер уже отвлекал швейцара, оглядываясь в ее сторону, и надо было что-то делать. Она встала, ноги не слушались — стали, как колоды, а тут

еще Ляпин, которому уже не о чем разговаривать со швейцаром, и тогда она почти бегом ринулась к входу.

— Здравствуйте! — врываясь в предбанник, сказала Мария швейцару и, ничего не понимая, ничего не соображая, спросила: — наших уже всех... забрали?

Ляпин повернул к ней бледное, испуганное лицо, не своим голосом брякнул:

— Всех!.. Вас ждем! — И на глазах удивленного стража потащил гостью в вестибюль.

В лифте было полным-полно гостей из южных стран, было тесно и не протолкнуться. Ляпин и Мария жались в разных углах коробки, и с каждой остановкой все больше росло отчаяние в глазах главного инженера. Он стал подавать знаки Марии, чтобы она пробивалась вперед, но это было не так-то просто. Все же на пару человек она протиснулась, и тут дверь разъехалась, и Ляпин вывалился на площадку. Замахал руками, беззвучно закричал что-то, но дверь закрылась и лифт пошел дальше. Мария не успела выйти. Заметила только, что это был десятый этаж, и больше ничего.

На каком этаже она покинула лифт, сам бог не знал. Подошла к дежурной.

— Здравствуйте. Это какой этаж?

Та удивленно посмотрела на нее.

— Девятнадцатый...

— А десятый... ниже?

— Ниже.

— А если пеши?

— Туда.

— Благодарю... — Мария галантно, насколько могла, поклонилась и двинулась в указанном направлении.

На десятом этаже осторожно выглянула направо, налево... В коридорах было пусто, ни души, да еще и дежурной на месте нет, и тут заметила Ляпина, который в самом конце бесконечного тоннеля размахивал руками.

Мария пошла сначала шагом — на цыпочках, потом перешла на бег и под конец мчалась, не чувствуя ног.

Ввалилась в номер к главному инженеру, рухнула в кресло, задыхаясь от бега и пережитого.

Ляпич дрожащими руками закрывал дверь, оглядывался и тупо спрашивал:

— Ну что? Благополучно? Никто не заметил? Как там?

Мария не могла отдышаться, не могла успокоиться, не могла ничего сказать.

— Все нормально? Порядок?

— Кажись, пусто было... Никого. Слава богу, никого...

— Прекрасно! Значит, так. Минуточку... Вы спать будете здесь. А я... я на полу.

— Присядь, — показала Мария на стул. — Подожди, присядь. Дай прийти в себя. Сейчас...

— Сел. Жду. — Ляпин сел на стул и в знак готовности даже сложил ладони между коленей. — Хорошо, что дежурная не заметила. Отлучилась как раз куда-то...

Мария глянула на него, прыснула и, закрыв лицо ладонями, стала вдруг смеяться. Смех душил ее сильнее и сильнее, она уже не смеялась, а визжала, и Ляпин, глядя на нее, тоже начинал заводиться, поначалу подхихкивал, а потом ткнулся лицом в подушку, и тело его сотрясало от безудержного хохота.

Постепенно успокоились, и главный инженер, вытирая влажные глаза, спросил:

— А чему вы смеялись?

— Да так... Вспомнила кое-что.

— Что, например?

— Кое-что... Например, как вы храпели.

— А-а... — Он улыбнулся. — Это действительно смешно, сам понимаю. Сегодня постараюсь не храпеть. Я ведь тренируюсь.

— Как?

— Очень просто. Ставлю будильник и через каждые пятнадцать минут просыпаюсь. Раньше из соседнего номера стучали, теперь перестали.

— А может, туда просто никого не посылают?

Ляпин засмеялся:

— Не исключено. А я воспринимаю, как собственные успехи. — И перешел на шепот: — Чайку рванем?

— Утром, — так же шепотом ответила Мария. — А сейчас спать. От греха подалее... Может, я лучше на полу?

— Ни в коем случае! Вы дама! Располагайтесь, где велено, а потом меня позвоните.

Главный инженер направился в сторону ванной, и в это время в дверь раздался стук. Четкий, крепкий, очень хозяйский. Они оба замерли, и Ляпин на всякий случай приложил палец к губам. Стук повторился — на этот раз сильнее и требовательнее. Хозяин номера на цыпочках приблизился к двери, послушал, неуверенно спросил:

— В чем дело?

— Провожайте гостей! — сказал хорошо поставленный женский голос. — Уже двенадцатый час.

—А... — Ляпин хотел возразить что-то, но не придумал, что именно, и согласился: — Хорошо, сейчас... Сейчас провожаю! — Вернулся к госте, развел руками: — Служба работает четко. Засекли...

Ночевали они на вокзале.

Сидели в дальнем углу зала ожиданий. Кроме них на массивной деревянной скамейке разместилось еще человек пять-шесть, все спали, и лишь Мария и Ляпин бодрствовали, негромко переговариваясь.

— А вот можете честно ответить?

— Что именно?

— Нет, только чтоб честно.

— Могу.

— Я вам сразу понравилась или... постепенно?

— Сразу.

— Я прошу — честно.

— А я честно и отвечаю. Сразу.

— В таком случае, за что?

— Вообще...

— Вообще не бывает. Если возникает симпатия, то за что-то одно.

— А у меня вот по-другому. Вы вообще мне понравились. Как человек.

— Не знаю... Один военный, например, как-то сказал мне: у вас, говорит, фигура божественная... — Мария закрылась ладошкой, тихонько засмеялась. — Ей-богу. Так и сказал — божественная.

— Да, — с серьезным видом кивнул Ляпин. — Он прав.

— Ой, да ну вас! Прямо в краску ввели... А, интересно, что жена ваша бы сказала?

— У меня нет жены.

— Бонтесь признаться?

— Нет. У меня действительно нет жены. Дочка — взрослая — есть, а жены вот уже десять лет нет.

— Правда, что ли, бросила?

— Правда.

Мария с недоверием посмотрела на него. — Главного инженера?

— Тогда я еще не был главным. Просто инженером. Полюбила другого, военного, и... уехала. Даже дочку оставила — такая любовь. Вот мы теперь с дочкой вдвоем.

Помолчали, радио объявило о прибытии ночного скорого поезда, на лавках зашевелился народ и снова затих.

— И что ж, — бросила Мария, — никакая баба подножку не подставила?

— Как видите, не подставила.

— Интересно... Женщин кругом море, а он в холостяках. Особую какую-нибудь ищите?

— Особую. Вас, например...

Она даже поперхнулась. Удивленно смотрела на соседа.

— Больной?

— Здоровый.

— А по-моему, с приветом. Да еще с каким! — И отвернулась. — Связалась с чертом!

Помолчали.

— Мария Васильевна...

— Что дальше?

— А вы, значит, мужа все вспоминаете?

— А при чем тут он?

— Ну вы же сами сказали — тридцать

лет прошло, а все равно помните.

— Помню! — Мария с вызовом посмотрела на него. — Ну и что?

— Ничего.

— Вот и нечего. Ищет он особую! Видали мы таких!

— Вы зря обиделись, — сказал Ляпин. — Мое дело сказать, ваше — не услышать.

— Как это?

— Ну, не обращайтесь на мои слова внимания.

— А я и не обращаю.

— Вот и правильно.

— А учить меня тоже нечего.

— Я не учу.

— Нет, учите!

— Не учу.

Мария глянула на него, рассмеялась.

— Послушай, кто на нас со стороны посмотрит, скажет — детский сад.

— А мне нравится, — искренне сказал главный инженер.

— Да мне тоже... Если я и шумлю, то больше так, по привычке. Женщине положено шуметь.

— Кокетство.

— Может быть... А вообще-то, вы мужичок ничего. Слегка, правда, бесхарактерный, но зато добрый.

— Характер обещаю исправить, — сказал Ляпин и улыбнулся.

— А не нужно, — отмахнулась. — Мне и такой подходит...

— Коновалов Владимир Иванович... — Мария заглядывала в окошечко «Горсправки», пытаясь разглядеть сидящую там женщину. — Год рождения двадцать третий. Русский...

— Место рождения?

— Ростовская область. Станица Александровская. И телефон тоже узнайте.

— Если есть.

— Ну да. А жену его как зовут, нельзя узнать? Или хотя бы детей.

— Таких справок не даем, — ответила невидимая женщина в окошке, черкнула

что-то на бумажке, протянула Марин: — Придите через полчаса.

— Хорошо. — Мария спрятала бумажку в карман кофты, вернулась к Ляпину, маячившему поодаль.

Утро было розовое, прохладное, с первым намеком на приближающуюся осень.

— Ну что? — спросил Ляпин и вопросительно прищурил глаза.

— Велели через полчаса. — Мария достала бумажку.

— Значит, решили?

— Так ведь интересно, — улыбнулась Мария. — И потом, что в этом особенного? Столько лет прошло.

— Ну ладно... — Главный инженер посмотрел куда-то вдаль, повторил: — Ладно... Мне тоже пора по делам. Пока?

— Пока.

Он протянул Марин руку, с серьезным видом обменялся рукопожатием, кивнул и зашагал прочь, ставя ноги широко и чуть косоуго.

Она смотрела ему вслед, а он, словно почувствовав ее взгляд, остановился вдруг, прикинул что-то и тем же шагом направился обратно. Подошел почти вплотную.

— Значит, навсегда?

Мария улыбалась.

— Я спрашиваю, навсегда?

— До вечера.

— А... во сколько?

— Хотя б в семь.

— Здесь?

— Можно и здесь.

— Хорошо, тогда до вечера... До семи! — Ляпин пожал Марин руку, с трудом сдерживая распирающую его радостную улыбку, повернулся и запрыгал — на этот раз значительно веселее — прочь.

Район был новый, дома стояли, как египетские пирамиды, на пустырях резвилась детвора, и дальше, за чертой города, начинался темный, густой лес.

Нашла Мария нужный корпус легко — спросила встречную женщину, та подсказа-

ла. Перед домом постояла, выждала, когда у подъезда никого не будет, и быстро, с оглядкой юркнула внутрь.

Поднялась на этаж, по бумажке сверилась с правильностью квартиры, от волнения не знала, куда эту бумажку деть, потом позвонила.

Стояла и умирала. Но никто не выходил. Позвонила еще раз. Затем еще и еще, и тут увидела, что дверь вроде слегка приоткрыта. Толкнула ее, она подалась, и Мария несмело вошла в прихожую.

Маленькая прихожая, довольно чистенькая, хотя и какая-то необжитая.

— Эй! — сказала негромко. — Кто-нибудь есть?

Ни слова в ответ.

Прошла дальше — в комнату, остановилась.

Диван, полированный стол, пара стульев, шифоньер с зеркалом, пылесос в углу. На окне ситцевые занавески, на полу вытопанный нитяной коврик. Все.

Тихонько, на цыпочках, заглянула на кухню — стол, стул, те же занавески на окне, на плите вовсю кипит чайник. Выключила газ, выглянула в окно и вышла на площадку. Позвонила в соседнюю квартиру.

— Кто? — спросил голос за дверью.

— Спросить можно?

Несколько раз крутнулся ключ в замке, дверь открылась, и на Марию недовольно посмотрела полная усатая бабка.

— Чего?

— Коновалов Владимир Иванович тут живет?

— Ну, тут...

— А где он? Квартира открыта, а его нет.

— В магазине, небось... Сейчас придет, — ответила бабка и захлопнула дверь.

Мария вернулась в квартиру, присела на стул, стала ждать.

Было тихо до звона в ушах.

И вдруг шаги, потом стук двери, мурлыканье песни, шаги на кухню, звон посуды — бутылки.

Мария не двигалась, ждала.

На кухне что-то упало, человек, не переставая мурлыкать, хлопнул чем-то, потом стал жевать, замурлыкал наполненным ртом и направился в комнату.

— О!.. — Человек от неожиданности вздрогнул, остановился. — Привет!

— Привет, — ответила Мария, вставая.

— Кто такая? Ко мне?

— К вам...

Человек был в майке и в простых тренировочных брюках, голова его, хорошо смоченная водой, была причесана на пробор, личико, маленькое, с красными прожилками на щеках, было хорошо выбрито и чуть ли не припудрено, в одной руке человек держал бутылку с кефиром, а в другой — надкушенную калорийную булочку.

— Надеюсь, не из милиции?

— Почти.

— Если шутка, то дурацкая. А если всерьез, то не понимаю.

— Вы меня не помните? — спросила Мария.

— А почему я должен вас помнить? Мы... встречались?

— Было...

Человек прошел к свободному стулу, сел. Кефир и булочку отложил в сторону. С подчеркнутой внимательностью смотрел на гостью.

— Не узнаю.

— А я тебя узнала...

— Ну... ну и кто же я?

— Володя Коновалов.

— Ничего оригинального. Это многие знают. А что еще?

— Вовчик Коновалов.

И тут человек задохнулся, поднес руку с булочкой к лицу. Почти с ужасом смотрел на гостью.

— Не может быть... Маруся?

Она плакала.

— Я...

— Не может быть... — Коновалов водил головой из стороны в сторону, повторяя: — Не может быть...

— Не может быть, но может стать, —

сказала Мария и вытерла глаза. — Видишь, как мы изменились?

— Да-а... — Коновалов все еще не мог прийти в себя, не знал, куда пристроить бутылку с кефиром. — Да-а... Это сюрприз. Кого угодно, только не тебя. Не могу поверить.

Мария взяла у него бутылку, поставила ее на подоконник.

— Я ненадолго. Я так, глянуть только на тебя, и уйду.

— А ты что... специально ко мне?

— По пути. Приехала к дочке... к Нине! И дай, думаю, тебя разыщу.

— Знаешь что, — предложил Вовчик, напряженно думая о своем, — давай мы лучше на кухню. Там уютнее, пространства меньше. Давай туда, там и поговорим.

— Как хочешь.

Перешли на кухню, Коновалов излишне суетливо поставил Марии стул.

— Ничего, что я так? Сейчас переоденусь.

— Да ладно, — отмахнулась она. — Один живешь, что ли?

— Один... Один, Маруся. Но об этом потом. Я болел... две недели хворал, а сегодня решил — все, пора на работу. Хватит валяться! Сходил вон за кефиром, булочку приобрел, чтобы, так сказать... ну, организм был в порядке. И вот сюрприз. Ты!

— Во вторую смену работаешь?

— Почему? Не обязательно. У меня ненормированный рабочий день. Могу в шесть утра прийти, а могу и... в пять вечера. Все зависит от ситуации на предприятии.

— Начальство?

— В некотором смысле... Ты все же посети, а я сейчас.

Мария осталась одна, оглядела голые стены кухни, остановилась на целой батарее пустых винных бутылок в углу.

Коновалов вернулся скоро. В одной руке он держал бутылку с кефиром, второй застегивал пуговицы кремовой, не очень отутюженной рубахи, надетой только что.

— А ты напрасно иронизируешь, — сказал он и сделал глоток из бутылки. — Да, начальство! И не такое уж маленькое,

Главный бухгалтер крупнейшей автобазы города!

— А я ничего такого не сказала. Просто все нормальные люди давно на работе, а ты за кефиром бегаешь.

— Узнаю... Узнаю Марию! Годы идут, а ты не меняешься... — Коновалов сел напротив, внимательно посмотрел на нее. — Сколько лет не виделись?

— Да вроде тридцать.

— Неужели? Неужели тридцать лет?!

— А то сколько ж? Дочке вон уже тридцать два.

Вовчик поджал подбородок, качнул головой.

— Бог ты мой, бог ты мой, бог ты мой...

Время. А... Нина здесь живет?

— Здесь.

— Ну и правильно. Все правильно. Все естественно. Прости...

Он встал и, не забыв прихватить бутылку с кефиром, вышел.

Загудела вода в трубах, от гула, запрыгали краны и кто-то сверху ожесточенно застучал по батарее.

Вовчик вернулся, вытер тыльной стороной ладони губы, сел напротив Марии. На его шее болтался галстук. Бутылку с кефиром при нем не было.

— Вот прошло тридцать лет. Срок достаточный, чтобы что-то переоценить, что-то пересмотреть, о чем-то пожалеть... Вот ты, Мария, неужели ты ни о чем не жалеешь? Ты довольна жизнью?

Она подумала, пожала плечами:

— Да.

— Ты замужем?

— Да.

— И кто он... твой избранник?

— Главный инженер.

— О-о-о!.. Значит, голыми руками нас не бери? Надевайте перчатки? О-о!.. Главный инженер чего?

— Рыбзавода.

— Неплохо. Во всяком случае, дефицита. Ну что ж, поздравляю. Примите, и так далее... Очень рад.

— А твой?

— Мой? Мой... Что вы имеете в виду?

— Допустим, дети. Их, говорят, у тебя двое.

— Говорят.

— Ну и что? Не живешь с ними?

Вовчик помолчал, не сводя с нее глаз, усмехнулся:

— Сейчас изложу... — Он встал, поднес палец вверх. — Но я все же должен одеваться. Я обязан быть сегодня на работе... Пардон!

Некоторое время его не было слышно, потом за стенкой — в комнате — что-то со звоном упало, хлопнула дверка шифоньера, и минуту спустя на пороге опять предстал Коновалов. Он был в пиджаке, хотя на ногах полоскались те же тренировочные брюки, галстук был подтянут. Тяжело и решительно опустился он на свое место, протер ладонями лицо, сделал брезгливую гримасу.

— Изложу!.. Но перед этим хотелось бы задать еще один вопрос. Можно?

— Давай.

— Минутку... Вопрос сложный. На него трудно будет ответить.

— Давай, — повторила Мария.

— Дам... Обязательно дам. Я давно хотел адресовать его вам, но, как говорится, не выпадал случай. Сейчас такой случай налицо!.. — Вовчик откинулся на спинку стула, вроде приценивался к чему-то, потом вдруг решил: — Хотя нет, я передумал. Не стоит!.. Это слишком унижительно для меня.

— Это насчет того, что я тебя выгнала?

Коновалов молчал.

— Насчет этого?

— Какая прозорливость... Какая способность к чтению чужих мыслей! Хорошо, именно насчет этого. Что скажете?

Мария подумала, искренне ответила:

— Не знаю.

— Благодарю, — сказал Вовчик. — Вот за это благодарю... По крайней мере, искренне. Без формулировок! Но простите, мне надо еще. Брюки надо... На работу я привык а ля парад. А?

Он снова оставил Марию, подошел к ши-

фоньеру, вынул оттуда недопитую бутылку портвейна, прямо из горлышка опорожнил ее, достал из-под тряпья еще одну, вылил в себя половину, снял с вешалки брюки, с трудом попал сначала в одну штанину, затем в другую, затянулся ремнем, осмотрел себя в зеркало, принял серьезный вид и направился в кухню.

Сел, подставил кулак под неустойчивый подбородок, некоторое время молчал, глядя на гостью. Потом вдруг стал смеяться, закрыв глаза ладонью и потешаясь, вытер увлажнившиеся глаза, галантно сказал:

— Пардон... А как поживает главный инженер?

— Хорошо, — тихо ответила Мария.

— Очень рад. Мы тоже неплохо. По крайней мере, не жалуемся. Вы не согласны?

— Согласна.

— Неправда. У вас на лице написано другое. У вас на лице написано превосходство. Жена некоего главного инженера жалеет никому не известного бухгалтера. А меня жалеть не нужно. И подниматься надо мной тоже не следует!.. Я сам себе прекрасно знаю цену! Хотите, я признаюсь вам во лжи? Пожалуйста. Никакой я не главный бухгалтер, и даже не старший. Я вам соврал. Я рядовой бухгалтер автохозяйства номер шесть. И не более... Шок? Разочарование? Тела падают и их уносят? Могу для равновесия сообщить, был старшим, был ведущим. Теперь все позади. Так проще, легче, свободнее. Хочу — шляпу снимаю перед кем-то, а хочу — натягиваю ее до самых бровей... Кстати, о шляпе...

Коновалов встал, его нехорошо повело в сторону, он все же удержался, двинулся в комнату.

В комнате он допил вино, отыскал в шифоньере мятую шляпу, растянул ее руками, сбил пыль, пристроил на голову. В таком виде взял курс на кухню.

Остановился на пороге.

— Все. Я готов. Через полчаса мы можем выходить. Вы проводите меня?

— Садись, — показала Мария на стул.

Вовчик послушно проследовал к своему месту, опять укрепил подбородок кулаком.

— Вы хотите что-то мне сказать?

— Семья твоя где?

— Какая семья?

— Твоя. Жена, дети?

— Жена, дети... Жена и дети. Дома, наверное.

— Они с тобой не живут?

— Не знаю. Может, и живут, только я их не вижу. Поищите вы, может, найдете. Под кроватью, например...

— Я серьезно, Вовчик...

— Не может быть... Неужели серьезно? Ай-яй-яй!.. Никак не верится. Правда, не шутите? Ну да... Ну конечно! Разве такая серьезная дама может шутить? С таким серьезным характером. С таким решительным взглядом на жизнь... Но если серьезно — ответу. Да, у меня жена! Семья, дети!.. Дети — дай бог каждому. Двое!.. Рост — по метр девяносто! И сила! На себе испытал... Живу, правда, один, но это от каприза. Мужчину нынче пошел капризный. Все ему не так... То скандалит, то буянит, то требует размена. Просишь размена — пожалуйста. Живи один. Живу! И опять не жалеюсь. Пренимущества налицо. К тому же дети не забывают. Сыновья!.. Приходят. Спрашивают: папа, как ты тут? Отвечаю: прекрасно! Рад вас, дорогие мои, видеть. И они тоже рады. Уходят и кое-что оставляют. На память... Хотите покажу? — Вовчик задрал пиджак, затем край сорочки и обнаружил большой зеленоватый кровоподтек. — Вот... Старший сын. Василий. Так и сказал — это, говорит, тебе на память... — Губы его повело не туда и не так, он закусал их, долго не мог справиться с нахлынувшей обидой, наконец произнес: — Умеет, подлец, исполнять... Поначалу даже не почувствовал, а теперь украшение...

Мария не плакала. Сидела прямая, неподвижная, с широко открытыми глазами.

— Тс-с-с... — поднес Вовчик сухой дрожащий пальчик к губам. — Только не надо. Только без лишних слов, Все правильно.

Все как и должно быть. И вы тоже в свое время поступили правильно. Я — дерьмо. Это очевидно. И тогда... когда мы были молоды... тоже было очевидно. Я ведь себя не обожаю. Нет! Вам со мной было бы трудно. Пытка!.. Каторга!.. Ссылка!.. И вы поступили абсолютно верно. Хороший пинок, и все вопросы решены. Зачем возиться с тем, кто уже готов катиться вниз?! Но-но-но!.. Не смейте только смеяться. Даже улыбаться не смейте! Если посмеете, убью. Скажите, только честно, предельно честно. Неужели вы... Нет! Не то, не так... Совсем о другом! Лучше я скажу. Скажу, и на этом поставим точку. Я любил вас. Я безумно любил вас! Я думал, что не выживу... Но я выжил. Как видите, выжил. И живу. Всем назло живу! И ни о чем не жалею. Даже о том... даже о том... о том, что когда-то любил вас...

Он замолчал. Сидел, уронив голову, сжимал ладонями виски, тяжело и прерывисто дышал и мелко-мелко дрожал всем телом.

Мария встала, подошла к нему, обняла эту тяжелую, неверную голову и стояла долго, ничего не говоря и лишь только покачиваясь...

На звонок дверь открыла маленькая, сухая женщина, одетая в странное черное платье до самого пола, с наживными белыми нитками на воротнике и по низу, смутилась при виде Марии, спросила:

— Вы к нам?

— Коновалова?

— Коновалова.

— Войти можно?

— Пожалуйста...

Мария вошла в квартиру, жена Коновалова жестом пригласила ее в одну из двух комнат, показала на стул, не сводила с нее вопросительного взгляда.

— Я слушаю вас.

— Я тоже Коновалова, — сказала Мария.

— Не понимаю...

— Коновалова. Мария Коновалова... Не слышали раньше?

— Ах!.. — Жена Коновалова приложила ладонь к губам и стала медленно и неотвратимо краснеть.

— Вот именно, — кивнула Мария. — Она и есть.

— Я в таком виде. Это платье... приятельница попросила, перешиваю. Ничего, что я так?

— А я не смотреть на вас пришла, а разговаривать.

— Хорошо. Сейчас... — Жена Коновалова закрыла швейную машинку, стала быстро и лихорадочно прятать лоскуты ткани, разбросанные на стульях и на диване, убрала все, села напротив Марии. Ладони сложила между коленей — вроде они у нее сильно озябли. — Пожалуйста.

— Я была только что у вашего мужа.

Та кивнула.

— Человек гибнет.

Опять кивнула.

— Надо что-то делать.

Жена Коновалова в третий раз кивнула, спросила:

— Что, например?

— Это я должна у вас спросить.

— Я не знаю. А вы знаете?

— Если б знала, к вам бы не явилась. Сыновья дома?

— Нет. Один на работе, второй учится.

— Сильные сыновья?.. Здоровые?..

— И сильные, и здоровые.

— И отца, говорят, проведывают?

— Не знаю. Мне они не говорят.

— Проведывают. И даже кое-что оставляют. На память... Синяки, например, на ребрах.

— То есть?

— Синяки. Обыкновенные синяки. На ребрах!..

Жена Коновалова встала.

— Я вас больше не задерживаю.

Мария тоже поднялась.

— А я и не собираюсь тут засиживаться.

— До свидания.

— Будь здорова... — Мария направилась к выходу, в прихожей остановилась. — А вот

на прощание я кое-что хотела б тебе сказать.

Жена Коновалова, маленькая, сухая, в нелепом своем платье, стояла напротив, кивнула:

— Если очень хотите, скажите.

— Скажу... Не любишь ты его, вот он и гибнет.

— А вы... вы до сих пор любите?

— Не обо мне речь. Он не при мне стал таким... Ты хоть супу ему горячего когда-нибудь сварила?

— Он не ест суп. Он любит борщ. Наверно, вы приучили.

— Неважно. Когда любишь человека, ради него можно сделать все.

— Я хочу спросить...

— Нечего спрашивать!.. Все и так ясно!

— Я все же хочу спросить... Скажите, по какому праву вы пришли сюда вести следствие?

— А тебе не нравится?

— Да мне все равно... Только странно. Ведь вы ему, по сути, никто.

— Я его бывшая жена!

— Бывшая... Он сам шел к этому. Поверьте мне...

— А я не верю! Вот ни на грамм не верю! От смерти и то людей спасают, а чтоб от этого...

Жена Коновалова помолчала, взглянула на гостью, сказала:

— Хорошо. Подождите минуту. — И ушла в комнату.

Открыла ящик комода, достала оттуда пачку фотографий, выбрала какую-то, ей нужную, вернулась в прихожую. Протянула Марии:

— Посмотрите это.

Фотография была небольшая — девять на двенадцать — и не очень хорошего качества. Изображены на ней были: молодая красивая женщина, рядом с нею улыбающийся — тоже молодой — Коновалов, а на траве два щекастых карапуза с воздушными шариками в руках.

— Это вы? — с недоверием показала Мария на женщину.

Жена Коновалова не ответила, взяла фотографию, тоже внимательно посмотрела на нее. Подняла к потолку остекленевшие глаза, заговорила:

— Он пришел накануне праздника. Это было Первое мая... и подарил мне платье. Платье на ту пору модное, эlegantное, дорогое. Перед этим мы с ним поссорились, он две ночи не ночевал... Говорил потом, что у друзей. И накануне праздника пришел с платьем. И платье это... И тут случилось, я не знаю, зачем я это рассказываю... Через два дня, то есть, после праздников, буквально через два дня — я это тоже хорошо помню — он отнес платье в комиссионный магазин... Я его, правда, сама и выкупила, но суть не в этом. Вот и все, что я хотела вам рассказать.

Проектный институт, где работал Стасик, Мария нашла без особых трудов. Сейчас она стояла недалеко от входа, поглядывала на часы, ждала конца работы.

И вдруг она увидела его.

Стасик вышел не один, а с женщиной. Была она не молоденькая, примерно его возраста, во внешности ничего особенного тоже не наблюдалось, а скорее наоборот — тусклое, неинтересное и к тому же в руках хозяйственная сумка, но вот что Марию прямо-таки подкинуло — это когда зять взял ее под руку.

Она двинулась следом.

Стасик и его приятельница шагали впереди, о чем-то разговаривали, даже улыбались, в одном месте перебежали улицу, и Мария еле успевала за ними. Потом, стараясь быть незамеченной, она втиснулась в троллейбус с передней площадки и всю дорогу просматривала салон через отражение в стекле, боясь обнаружить себя и одновременно прозевать интересующую ее пару.

Вышли из троллейбуса они в самом центре города. Здесь было проще — во-первых, народа больше, а во-вторых, сумрак, который уже опускался на улицы.

Иногда зять со спутницей слишком далеко уходил вперед, тогда Мария ускоряла шаг, приближалась к ним чуть ли не вплотную, видела прямо перед собой такой знакомый и такой чужой затылок, ждала, что в такой момент он должен оглянуться, и тогда они встретятся — глаза в глаза...

Такой финт — безо всякого завернуть в ресторан — Стасик проделал как-то легко и запросто, и Мария в первый момент даже растерялась. Смотрела, как они прошли мимо швейцара, через стеклянную дверь было видно, как стали подниматься вверх по ступенькам, и тут Мария решилась.

— Куда, тетка?! — остановил ее швейцар. — Это ресторан!

— Не слепая, вижу! — Она оттолкнула его и тоже двинулась наверх.

При входе поискала взглядом знакомые фигуры, обнаружила их в дальнем конце, возле оркестра, пошла туда же.

И вот теперь Стасик заметил ее. С удивлением следил за ее передвижениями, сказал что-то приятельнице, от чего та как-то пригнулась и вроде испугалась чего-то, Мария же не обратила на них никакого внимания, нацелилась на свободный столик рядом. И уселась...

В сторону зятя принципиально не глядела. Подошел официант, вежливо склонился: — Этот столик занят.

— Почему?

— Заказан... Если вы хотите поужинать, перейдите, пожалуйста, в тот ряд.

— А может, мне здесь нравится! — сказала Мария. — Может, я не хочу никуда переходить? — Отвернулась.

— Но ведь столик заказан!

— Знаешь что?... Катись-ка отсюда и не порть настроение!

— Хорошо, — тоном, не предвещающим ничего хорошего, произнес официант и удалился.

Играл оркестр, веселились посетители.

Стасик вдруг поднялся, помог подруге выйти из-за стола, взял ее за руку и повел в другой конец зала.

Мария оценила такую комбинацию, про-

следила, где они найдут место, для приличия посидела немного, тоже поднялась и двинулась в их направлении.

Обошла бестолковую кучу танцующих, пробралась меж столиков, обнаружила единственное свободное место — рядом с зятем. Села.

Стасик смотрел на тещу в упор, спутница разглядывала что-то в пустой тарелке, поскрипывала вилкой. Сказала:

— Пошли отсюда, Стасик...

Он положил свою руку на ее, как бы успокаивая, спросил:

— Преследуете?

Она подняла на него тяжелый взгляд, не ответила.

— Хотите неприятностей?

— Хочу! Страх как хочу... Умирать!

— Сейчас вы их получите... — И поднял руку, замахал: — Официант! Официант!..

Из-за соседних столиков за ними заинтересованно наблюдали.

— Официант!..

— Давай, давай... Поглядим, как это ты умешь. Может, хоть на это ума хватит.

Подошел официант — высокий, худой, опять же вежливый.

— Слушаю.

— Вот эта женщина... Мы пришли отдыхать, а вот эта женщина... — Мысли Стасика от чувств сбивались. — Она ненормальная... Уведите ее отсюда!

— То есть, как... ненормальная? — не понял официант.

— Чокнутая, — объяснила Мария. — Из дурдома.

— А, — улыбнулся он. — Это вы сели за заказанный столик?

— Я, сынок. Нигде тетке нет места. Раз в жизни решила сходить в ресторан, а ее гоняют, как куцею по загону.

— Давайте пересядем за вот тот столик.

— Не хочется... — капризным голосом сказала Мария. — Мне этот паренек сильно понравился.

Официант от удовольствия утробно кнул.

— Во-первых, я думаю, он для вас староват... А во-вторых, он уже... с дамой.

— Послушайте, вы! — взвинулся Стасик. — Прекратите свои дурацкие остроты!

— Пардон! — склонил голову официант и снова обратился к Марии: — Так мы перейдем вот за то-от столик?

— За гот-от?

— За то-от...

Она подумала, согласилась:

— Давай.

Пересекли зал, за столиком все четыре места были свободные, Мария села так, чтобы видеть своего зятя, кивнула официанту:

— Расти большой.

— Больше некуда, — не без юмора ответил он и поинтересовался: — Что будем кушать?

— Неси котлету.

— И все?

— У меня денег больше нет... Три рубля.

— Три рубля?.. На три рубля мы сейчас сообразим, — сказал официант и удалился.

Мария осталась одна, смотрела, как прыгали в такт музыке и молодые, и не очень, подстукивала ногой, держала в поле зрения Стасикову лысеющую голову.

Вернулся официант, стал уставлять стол блюдами, которые Мария и не снялись. Она с удивлением наблюдала.

— Это все на три рубля!

— Примерно... — Официант поставил последнюю тарелку на стол, взмахнул полотенцем: — Сельскому труженику от городского пролетариата.

Она достала из кармана трешку, протянула ему:

— Держи.

— Благодарю.

Он хотел было уходить, но она окликнула его:

— Слышь?..

— Чего еще угодно?

— А это мой зять.

— Кто?

— Этот... который меня прогонял.

Официант смотрел на нее, как на действительно сумасшедшую.

— Этот?

— Ну да... Понимаешь?

— Разумеется. А вы — теща?

— Правильно! — Мария даже засмеялась. — Все ведь понимаешь... Вот бы мне такого зятя!

— Благодарю, — поклонился официант и на всякий случай отступил.

— Да ты подожди! — дотянулась она до него. — Я ведь серьезно. Хочешь, познакомлю с дочкой? Мирская девка! Работает, пацанка у нее — шесть лет.

— А у меня пацан. Пять лет.

— Ну так в чем дело?! Будут расти вместе! Зарабатываешь хорошо?

— Вроде не жалуюсь.

— Ну!.. А этого мы пошлем!

— Этого?

— Этого.

— Куда?

— Подальше. Согласен?

Официант освободился от ее рук, сказал:

— Я подумаю. Можно?

— Испугался, испугался... — Мария щекотнула его. — Ладно, ступай. Это я так, пошутила. Ступай.

— Всего доброго, — зачем-то попрощался официант и удалился.

Мария примерилась, с чего начать есть, пододвинула блюдо с богатой рыбной закуской, сделала перво-наперво бутерброд с маслом и красной икрой, подцепила несколько ломтиков тонкого прозрачного мяса и, изголодавшаяся за все это время, с удовольствием стала есть.

А из-за штор, отделяющих кухню от стола, выглядывал персонал ресторана и с удивлением наблюдал за нею.

Ресторан уже гудел всюю, танцевали все — и праведные, и неправедные, наступило самое развеселое время, и только Стасик продолжал неподвижно сидеть со своей подругой и оба мрачно молчали.

Мария протолкалась к ним, присела опять рядом.

— Можно, товарищи-граждане?

Зять поднял на нее налитые кровью глаза, не ответил.

— Я пойду... — сказала подруга и поднялась.

— Сиди! — Стасик, не глядя, придержал ее, не сводил глаз с тещи.

— Сердишься? Не сердись. Мы ж вроде не совсем чужие.

— Все? — спросил наконец он.

— Нет, не все.

— Что еще?

— Пошли домой, зять. Отпусти эту... красавицу, и пошли. Я серьезно говорю.

— А если мне не хочется?

— Хочется. Я-то знаю. И не обижайся на меня. Ну, погорячилась слегка, ну, не додумала, может... Так за это обижаться?.. Если не уметь прощать, так зачем и жить?

— Как я понимаю, хотите извиниться?

— Могу и извиниться. Извини меня, пожалуйста, зять... Больше так не буду.

Стасик продолжал смотреть на нее.

— Доволен? — спросила Мария.

— Не совсем. Вот можете сказать то же самое — только стоя и громко? На весь ресторан.

— Зачем?

— Чтоб слышали все, что вы были неправы. Попробуйте.

Она подумала, пожала плечами.

Подруга тронула Стасика за руку:

— Не надо, Стасик.

— Сиди!..

— Могу! — Мария встала, огляделась и громко, действительно громко крикнула: — Извини меня, Стасик!.. Старая, глупая, потому и ударила тебя!.. Вернись домой!

Села и, унимая дыхание, спросила:

— Нормально?

— Нормально... Только я все равно не хочу возвращаться. Вы не убедили меня. До свидания.

Мария посидела немного, помолчала, потом встала.

— Так... — И пошла прочь.

Отыскала свой столик, попробовала даже кое-что поесть, потом вдруг встала и стремительно направилась опять к зятю. Остановилась, воткнула руки в бедра:

— Пошли танцевать.

Он усмехнулся.

— Пошли танцевать, паразит, иначе будешь иметь бледный вид и тонкую шею!

— Иди, Стасик, — попросила подруга.

— Момент! — остановил ее Стасик и обратился к Марии: — Вот эта девушка — Нина. Тоже Нина!.. Она моя невеста. И я на ней женюсь. С вашей дочкой разведусь, а на ней женюсь! Теперь вы удовлетворены?

Подруга испуганно смотрела на него, ждала чего-то страшного.

— Пошли танцевать, — спокойно сказала Мария.

Стасик резко встал, так же резко отодвинул стул и, ничего не сказав, первым двинулся к общей толкучке.

Оркестр играл что-то веселое и бесшабашное.

— Оп-па, зять! Пошли! — Мария вскинула руки и с ходу пошла отбивать ритм. — Оп-па.. Оп-па!.. Не стесняйся, зятек, не конфузья!.. Помнишь, как на свадьбе со мной выплясывал? Оп-па!.. Оп-па!.. Вот так! Молодцом, вот так!

Стасик, обозленный и решившийся на что-то, танцевал яростно, с бесстрашным лицом, не очень умело и потому смешно. Руки заложил за спину и вихлял ногами, бедрами, корпусом...

— Умрешь! — кричала Мария, заходя то справа, то слева. — Ничего не имею против — получается! Посмотрим, насколько тебя хватит! Понаблюдаем!

Окружающие заметили их перепляс, образовали на площадке круг пошире, танцевать не перестали, но с интересом наблюдали за этой необычной парой.

Мария начинала уставать, не хватало дыхания, да и ноги уже не так слушались, однако она продолжала держать марку и даже подковыривала зятя:

— Ну что, зятек? Не думаешь еще посягнуться? А то гляди, стыдно будет!.. У меня память хорошая, долго помнить буду!

Стасик в танце пробрался к оркестру, сунил крайнему музыканту жменю скомканных денег, крикнул:

— Не останавливаться!.. И быстрее!

Получивший допинг оркестр заиграл быстрее и лучше. Стасик вернулся к теще и, продолжая держать руки за спиной, принялся выплясывать с новой силой.

— Ты что это надумал? — выкрикивала Мария, задыхаясь. — Тещу надумал угробить?! Так не выйдет! Я такая, что кого хочешь угроблю. Не получится!

Окружающие перестали танцевать, плотным кольцом окружили Марию и Стасика, сзади подтягивались любопытные от других столиков, смеялись, хлопали в такт музыке, подбадривали пляшущих.

— Видали умника? — обращалась к ним Мария, с трудом уже переставляя ноги. — Ему тридцать всего, а мне уже за пятьдесят — и захотел соревноваться!.. Молодой, да ранний! А мы все равно ему фитиль вставим. Ого!

Публика потешалась.

Стасик побледнел лишь слегка, и пот мелкими капельками усеял его гладкий лоб, в остальном же он никак не изменился и продолжал отплясывать уверенно и, в общем-то, легко.

— Все, зять. Хватит! — Мария сдалась. — Не могу больше. Дышать нечем, не рассчитала... — И двинулась в направлении к своему столику.

Стасик, не переставая танцевать, зашел перед ней, не давая уйти. Молчал, вихлялся потным телом, смотрел, не мигая, в упор.

— Ну что привязался? Хватит, говорю. Сдаюсь! — Она попробовала обойти его. — Здоровый бугай!.. Молодец!

Он не пускал.

— Да вы посмотрите на него! Тронулся, что ли?

— Танцевать! — сквозь стиснутые зубы произнес Стасик и повторил: — Танцевать, теща!

Оркестр продолжал шпарить.

Мария оттолкнула зятя, перед нею расступились, она тяжело зашагала к своему месту, а Стасик, цепляя столы и стулья,

продолжал преследовать ее и танцевал, танцевал...

Мария оттолкнула стул, села, закрыла лицо ладонями, не могла никак отдышаться. Рядом продолжал колошматить Стасик.

Потом он остановился, постоял, часто дыша, тоже опустился на стул.

Молчали. Умолк и оркестр.

— Ну что, зять?

Он тоже улыбнулся. Устало, через силу, но улыбнулся.

— Все нормально, теща.

— А какие будут вопросы?

— Вопросы?.. Вопросов — никаких. Если не возражаете, то совет.

— Давай.

— Вы свою жизнь прожили?

— Ты считаешь, что прожила?

— А вы, конечно, так не считаете?.. Вы еще молодая и полная желаний?

— Да, полная!.. — с вызовом ответила Мария.

Стасик иронически посмотрел на нее, помолчал.

— Ладно, это частности. Так вот... У вас был муж. Не так ли?

— Допустим.

— Вы с ним расстались?

— Ну.

— Вы выжили?

— Как видишь.

— Вот. Что и требовалось доказать. Вы выжили, и в ваши дела никто не вмешивался.

— Нина без тебя тоже выживет.

— Именно. Без меня и без вас, кстати... Без вашей помощи. Так что не суйтесь! А что касается меня... хорошо, могу сказать. Что касается меня, то я там совершенно не ко двору. Не моя была инициатива устраивать всю эту катавасию. Я был честен и... слеп. До такой степени слеп, что проглядел, что в квартиру похаживает другой мужчина. Некто Гена. Не слышали?.. Дочь вам еще не сообщила? Ничего, скоро знакомство состоится! У вас будет новый зять, имя которого — Гена. Так

Народная артистка СССР Нонна Мордюкова.

что прошу понять и простить... — Стасик поднялся, легонько поклонился: — Привет.

— Будь здоров.

Сделал несколько шагов, снова задержался.

— Домой доберетесь?

— Постараюсь.

— Тогда привет.

Мария смотрела в одну точку, не слышала оркестра, не видела танцующих, среди которых выплясывал Стасик со своей подругой, и очнулась только, когда рядом остановился знакомый официант.

— Я думал и пришел к следующему выводу: все годится, за исключением — куда деть собственную жену? — И смотрел на нее, ожидая похвалы за юмор. — Проблема!

Мария легонько щелкнула его по лбу:

— Пошурूपь еще маленько...

Спустилась вниз, швейцар открыл перед нею высокие массивные двери, что-то сказал — не поняла и вышла на улицу.

Пустынно, прыгает реклама, с визгом проносятся автомашины.

Мария дошла до угла, постояла здесь, затем прислонилась к стенке и стала горько, обиженно и безутешно плакать...

Ляпин стоял на условленном месте, словно его навечно пришилили здесь гвоздями, ждал ее.

Было давно уже за полночь, а он, держа в руках некогда отвергнутую шляпу, все еще ждал.

Увидел ее, засуетился, обрадовался, за семенил навстречу.

— Что случилось?.. Действительно, что случилось? Я уже кому только ни звонил! Даже дочке звонил. И она тоже не спит, волнуется.

— Где чемоданы? — спросила Мария.

— В камере хранения. На вокзале.

— Хорошо, пусть там.

— Почему? Сейчас мы поедем в гостиницу. Я обо всем уже договорился. Есть номер! Заберем чемоданы и... в гостиницу!

— Пусть лежат там.

Главный инженер тревожно посмотрел на нее.

— Что-нибудь случилось?

— Ничего не случилось... Я решила вернуться к мужу.

— К кому?!

— К мужу. К му-жу...

Лицо Ляпина стало растерянным и жалким.

— Ты его видела?

Она кивнула.

— И... что?

— Решила.

— Но ведь тридцать лет...

— Мы с ним уедем ко мне. В село... И будем там жить. У нас с ним жизнь не получилась. Может, хоть оставшиеся годы проживем... — Мария глянула на главного инженера, усмехнулась: — А ты не обижайся, ладно?

Он подумал, отрицательно покрутил головой:

— Не обижаюсь...

— Вот и молодец. Я знала, что ты молодец. Будь здоров тогда?

— Наверно.

— Будь здоров... — Она протянула ему руку, он пожал ее и остался стоять.

Мария уходила, Ляпин не двигался с места, смотрел ей вслед, потом вдруг вспомнил о шляпе, крикнул:

— Мария Васильевна!

Догнал, протянул подарок:

— Вот это... Пусть будет.

Она не взяла шляпу, вернула обратно, сказала:

— Спасибо... — И пошла дальше.

Нина провожала ее.

Было раннее холодное утро, поезд уже подали, и сейчас всю уже шла посадка. Они стояли у вагона, вещи наверх не заносили, выглядывали Коновалова, который должен был с минуты на минуту появиться.

— Он не придет, — говорила Нина и курталась в шерстяную кофту. — Я еще тогда была уверена, что он не явится.

— Подождем еще... — Мария не сводила глаз с вокзальных дверей, теребила в руке два билета.

— Хорошо, давай подождем...

Проводница пересчитывала по билетам количество севших пассажиров, делала в тетрадке какие-то пометки.

— Кстати, — сказала Нина, — я не стала тебе говорить... звонил вчера Стасик.

— Ну?..

— Ничего особенного. Просто спросил, как я, как Иришка... О тебе, между прочим, спросил.

— Спасибо... А с Геней у тебя как?

Нина вспыхнула:

— Что Гена?.. Помешались прямо все на этом Гене. Работаем вместе, вот и все!.. У него, между прочим, жена и ребенок! Гена, Гена... Покоя он вам не дает.

— Извини.

— Ладно, мать, хватит. Садись. Уже пора. Я сама его разыщу и сама к тебе привезу... Садись.

— Без него я не поеду.

— Но ты же видишь, что его нет. А поезд сейчас тронется... Из-за него билеты должны пропадать?

— Пусть пропадут.

— Товарищи, вы едете? — спросила проводница.

— Едем, едем, — торопливо ответила Нина. — Мама, садись.

— Отстань, — отвела ее руку Мария. — Он придет...

— Ну нет же! Нет! Ну что ты, ей-богу, как маленький ребенок! Вбила себе в голову, и хоть кол теши! Нужен он тебе!

Мария посмотрела на нее, и та умолкла.

— Отправляемся, — сказала проводница. — Садитесь.

— Мама...

— Я не поеду, — сказала Мария и потащила чемоданы поближе к вокзалу.

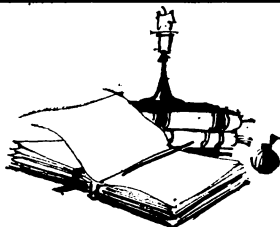
Нина выхватила их у нее, остановилась, показала на медленно двинувшийся поезд.

— Садись, пока не поздно!

— Уже поздно...

Был полдень. Толкались и шумели отъезжающие и приезжающие, бубнил над головой громкоговоритель, время от времени приплывали к перрону раскаленные составы и, постояв немного, медленно отбывали, а Мария сидела на дальней скамейке, у ее ног стояли два чемодана, на газете лежали нарезанные помидоры, огурцы, колбаса — обед, и она не сводила глаз с высокой вокзальной двери, ждала...

В. ВЛАДИМИРОВ, П. ФИНН

ДВАДЦАТЬ ШЕСТЬ ДНЕЙ ИЗ
ЖИЗНИ ДОСТОЕВСКОГО

ВЛАДИМИР ПЕТРОВИЧ ВЛАДИМИРОВ (Вайншток) — 1908-1978 гг. — кинорежиссер, кинодраматург, очеркист-историк. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Как режиссер он поставил любимые многими поколениями советских зрителей фильмы: «Дети капитана Гранта», «Остров Сокровищ», «Всадник без головы», «Вооружен и очень опасен». Совместно с А. Шлепяновым им написан сценарий фильма «Мертвый сезон», с П. Финном — сценарии кинокартин «Миссия в Кабуле», «Заблудшие», «Сломанная подкова», «Всадник без головы»; он также автор сценариев телевизионных фильмов «Из Нью-Йорка в Ясную Поляну», «Перед судом истории» и др.

ПАВЕЛ КОНСТАНТИНОВИЧ ФИНН (родился в 1940 году) окончил сценарный факультет ВГИКа. Сотрудничал в московских газетах и журналах, писал сценарии документальных фильмов. С 1968 года П. Финн работает в художественном кинематографе. Вместе с В. П. Владимировым им созданы сценарии художественных фильмов — «Миссия в Кабуле», «Заблудшие», «Всадник без головы», «Сломанная подкова», «Вооружен и очень опасен», с В. Туром — «День свадьбы придется утончить». Он также автор сценария фильма «Объяснение в любви».

Фильм по литературному сценарию «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» ставит на киностудии «Мосфильм» Герой Социалистического Труда, Народный артист СССР режиссер Александр Зархи.

На берегу широкой сибирской реки стоит крепость, а в ней острог, обнесенный забором из высоких столбов. Взад и вперед по земляному валу, поросшему бурьяном, расхаживают часовые.

Острог наш стоял на краю крепости... Посмотришь сквозь щели забора на свет божий и только и увидишь, что краешек неба да высокий земляной вал, и тут же подумаешь, что пройдут целые годы, а ты точно так же увидишь тот же вал, таких же часовых и тот же маленький краешек неба, не того неба, которое над острогом, а другого, далекого, вольного неба...

Открываются ворота в ограде. В сопровождении солдат выходят каторжники, в суконных куртках, наполовину темно-бурых, наполовину серых, с выбритыми — тоже наполовину — головами.

Они бредут к берегу реки, где стоят бараки. На работу. Потом, к вечеру, назад, в острог.

Потом снова отпираются ворота, снова выходят каторжные... И так бессчетно раз, зимой и летом, зимой и летом...

И все время среди каторжных лиц мелькает одно лицо, еще довольно молодое, с глубоким, страдальческим взором.

Настанет день, опять откроются ворота, опять побредут на работу каторжные. Но этот уже не пойдет с ними, только проводит их взглядом.

А потом на кузнице, в окружении арестантов, стоя спиной к наковальне, он положит на нее ногу с кольцом кандалов. И бородатый, тоже с выбритой головой кузнец в кожаном фартуке поднимет молот...

Упадут кандалы на землю, и бывший ка-

торжник поднимет их и будет разглядывать с каким-то удивлением.

— Ну, с Богом! С Богом! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными голосами. Да, с Богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!

Ночь была в Петербурге. Ночь, ненастье. Два только окна светились во втором этаже дома, черневшего в темном переулке. Из глубины комнаты горящая свеча беспокойно озаряла эти одинокие окна, печальные и фантастические, как сама петербургская бессонница.

За столом, над стопкой белой бумаги, сидел Достоевский. Он казался очень усталым, даже больным. В руке он держал вставку с пером, но не писал. Вдруг губы его мучительно искривились, он отбросил перо и сжал голову руками. Потом взял со стола шандал со свечой, встал, подошел к окну и стал всматриваться в ночной равнодушный город...

Девушка лет двадцати, в башлыке, с новеньким портфельчиком, вошла с улицы в черную дыру подворотни. Двор был, как дно колодца, образованного темными, закопченными стенами дома.

Она медленно поднималась по убогой, обшарпанной лестнице. Наверху закрепили ступени. Навстречу ей спускался смуглый, темноволосый юноша с большой китайской вазой в руках. Он осмотрел девушку с удивлением и нагловатым любопытством.

— А я знаю, кто вы. Знаю! — вдруг расмеялся он. — Вас ждут. И с нетерпением! И, продолжая смеяться, сбегал вниз по лестнице.

Девушка остановилась возле квартиры 13 и потянула ручку дверного звонка. Он задремал, жалуясь и тоскуя.

— Входите, открыто, — услышала она глухой голос.

Она оказалась в совершенно темной прихожей. Неожиданно зажглась свеча. Перед девушкой стоял Достоевский в домашней куртке. Вперив в нее свой тяжелый и сумрачный взор, он угрюмо молчал.

— Я к Достоевскому, — решившись, робко проговорила девушка. — От Ольхина... Сниткина... Анна Григорьевна Сниткина...

Достоевский по-прежнему молча разглядывал ее.

— Мне к господину Достоевскому, — уже с некоторым отчаянием воззвала Сниткина к странному господину.

— Я Достоевский, — произнес он с непонятным раздражением. — Я.

Аня Сниткина, ужасно волнуясь и стараясь не показать волнения, сидела на краешке кресла в кабинете писателя, освещенном холодным октябрьским солнцем. Свой портфельчик из желтой кожи она чинно положила на колени.

Аня была очень молода, и возраст ее выжался во всем: в фигуре, во взгляде и в том, как смешно и быстро сменялись на ее лице детская улыбка радости и немного напускное выражение серьезной и строгой деловитости. Лицо у нее было чистого и приятного овала, с открытым, умным лбом и энергически выступающим подбородком. Самое же милое и светлое в ней были ее глаза — пронзительные и добрые, которыми она смотрела на мир приветливо и рассудительно.

Она осмотрелась.

Кабинет был обставлен бедновато, хотя во всем соблюдался образцовый порядок. Два дивана, крытые потертой материей.

Круглый стол с лампой. Другой стол, письменный, на середине комнаты. На нем старая, дешевая чернильница, коробка с табаком и гильзами, несколько газет и книг, стопка плотной почтовой бумаги. На одном подоконнике прекрасная китайская ваза, точная копия той, что была в руках давешнего юноши. Другой подоконник выглядел как-то голо.

Вошел Достоевский. Он переоделся и был теперь в сюртуке, в белоснежных, отлично накрахмаленных манжетах и воротничке.

Он молча пересек кабинет, сел к письменному столу и, взяв вставку с пером, обратной стороной ее стал набивать табак в толстые гильзы-пушки.

Сниткина с ожиданием и волнением глядела на него.

— Давно ли занимаетесь стенографией? — наконец спросил он.

— Полгода.

— Много учеников у вашего преподавателя?

— Сначала было много, теперь осталось около двадцати пяти.

— Это у нас в каждом новом деле так. Трудиться теперь кому же охота?.. — Он нахмурился, точно рассердился на кого-то, и вновь спросил: — Надеюсь, преподаватель ваш Ольхин предупредил вас об моих условиях? Пятьдесят рублей за весь труд. Обстоятельства мои теперь таковы, Екатерина Григорьевна...

— Анна.

— Что?

— Анна Григорьевна.

Достоевский с отвращением потер рукой лоб.

— Нездоров, вследствие этого память ужасная... — И, повернувшись в сторону раскрытой двери, крикнул: — Федосья, чаю!

Тихо вошла старуха служанка, неся чай в стаканах и две булочки на тарелке. Аня приняла стакан и с неохотой отхлебнула. Федосья так же тихо вышла.

— Обстоятельства мои теперь самые ужасные, — мрачно сказал Достоевский. — Весь в кабале. Коли к первому ноября не

сдам Стелловскому десяти печатных листов романа, он, разбойник, всё мое, по контракту, девять лет задаром издавать будет... А романа-то нет, нет! Воздух вместо романа!

— Как же вы так себя позволили запутать? — тихо, с сочувствием спросила Аня. Достоевский усмехнулся.

— Другой романчик сочинял, другой... Может, изволили слышать, «Преступление и наказание»? — И не дожидаясь ответа, быстро сказал: — Ну, это все мимо!.. Я вам подиктую. На пробу.

И он взял со стола толстую книгу какого-то журнала.

Аня тотчас с готовностью достала из портфеля свои тетради и перья и разложила их на письменном столе.

Достоевский наугад раскрыл книгу и начал быстро, невнятно и раздраженно диктовать:

— Мы еще не настолько освободились от суровых наказаний, чтобы говорить о них, так сказать, исторически. Еще только на днях...

— Пожалуйста, не так скоро... — робко перебила его Аня.

Достоевский поморщился недовольно, но замедлил диктовку.

— Еще только на днях, — продолжал он, — сообщено было в газетах, что во Владимире один бежавший с каторги был наказан плетьюми. — Он закрыл книгу. — Переведите это на обыкновенную запись.

Торопясь и волнуясь, она переписывала. Достоевский стоял над ней, смотрел через плечо и приговаривал:

— Как это у вас медленно... Как медленно...

Она подала ему листок бумаги.

— Вот здесь вы точку пропустили. И твердый знак неясно поставлен. — Он бросил листок на стол. — Бессмыслица какая-то!.. Да нет! В четыре недели десяти листов не сочинить! Брошусь к Стелловскому... Я готов хоть неустойку... И со стенографкой мне работать не приходилось... Не знаю... не знаю...

Сниткина встала.

— Господин Достоевский! Я не буду в претензии на вас, если работа не состоится! — едва сдерживая слезы, но очень гордо сказала она.

— Ну вот, уж и расстроились, — вздохнул Достоевский. — А я-то был рад, когда Ольхин предложил девицу-стенографку, а не мужчину... И знаете, почему?

— Почему?

— Да потому, что мужчина уж, наверное, бы запил... — серьезно объяснил он. — А вы, я надеюсь, не запьете?

— Будьте уверены, господин Достоевский, — почти крикнула она. — Будьте уверены! Я не запью!

Достоевский стоял у окна, одной рукой держась за раму, а другую заложив за обшлаг сюртука.

На улице, перед домом, появилась стенографистка. Она шла быстро, наклонив голову, как обиженный ребенок.

С противоположной стороны улицы к ней тотчас же направился молодой человек, поджидавший ее. Он был довольно приятной, даже красивой наружности, одет как студент, но не из бедных.

Он удивленно взглянул на взволнованное лицо девушки, на ее блестящие от слез глаза, молча взял у нее из рук портфельчик, и они пошли рядом по улице.

Достоевский из своего окна следил за тем, как они скрываются за домами...

— Я ему не служанка, не типографский станок, чтоб меня так третировать, — говорила Аня с такой горячностью, что иные прохожие даже оборачивались. — Мне дела нет, какие у него обстоятельства!.. Я женщина! Извольте считаться с этим, милостивый государь!

— Какая же вы во всем горячка, Аня, — улыбнулся Миша. — Вы вспомните, что вчера говорили. Какие мечты, какие проекты!

— Да, да! И не смейтесь! Я шла к нему, как к богу! Я шла ему восторг перед

его талантом высказать, я мечтала его помощницей стать!.. А он! Ах, Миша! Вы бы видели! Злой, мрачный, невежливый!.. Нет! Все кончено! Сошлюсь на здоровье, извинюсь!.. Нет! Нет! Нет!

Достоевский, глубоко задумавшись, сидел за письменным столом. Перед ним, как и прежде, лежала стопа чистой, нетронутой бумаги.

Внезапно он словно очнулся, протянул руку к шандалу с горящей уже свечой, встал. Подошел к портрету сухощавой дамы в темном, висевшему над диваном.

Поднял руку, осветил ее недоброе лицо с тонкими губами и прошептал, точно жалуюсь:

— Устал, обессилен, весь измучен!..

Вдруг он резко обернулся. Точно дуновение прошло по кабинету, пламя свечи легло, тени бросились по стенам.

— Кто? Кто здесь? — спросил он дрожащим голосом.

Женское лицо выступило из темноты. Молодая красивая женщина стояла у залитого дождем окна двухэтажного дома со свечой в руке. У нее были темные волосы, разделенные гладким пробором и высоко поднятые в тугой косе, обвивающей голову, и глубоко сидящие серые глаза с умным и страстным взором.

...По узкой парижской улице в Латинском квартале, под редкими фонарями, кати фиакар с одним седоком. Достоевский был в широком темном плаще и шляпе. На коленях у него лежал дорожный сак.

— Быстрей! Быстрей! *Plus vite!* — отчаянно и нетерпеливо кричал он кучеру то по-русски, то по-французски, и тот оборачивался и смотрел не него с недоумением.

Наконец остановились возле двухэтажного дома.

В освещенном окне второго этажа мелькнул женский силуэт.

Расплатившись с фиаком, нетерпеливый господин стал резко и часто дергать ленту дверного звонка. Дверь отворилась.

— *Madame Аполлиария Сулова? — спросил он у пожилой консьержки. — Из России.*

— *Entrez*

...Аполлиария Сулова сидела в кресле, а перед ней на коленях стоял Достоевский. Спина его вздрагивала, как будто от рыданий.

— *Приехал... примчался... — говорила Аполлиария, поднимая его голову и с какой-то странной, жадной пытливостью всматриваясь в лицо. — Ты плачешь? Плачешь. О, мой милый... Милый...*

— *Поля... Поля... Друг мой вечный! — шептал Достоевский, обнимая и целуя ее ноги. — Вот мы и вместе теперь...*

Вдруг она резко отстранила, как оттолкнула его и отвернулась в сторону.

— *Поздно, Федя, — проговорила она. — Я ведь тебя звала, а ты не мог, ты с женой был... А теперь все, опоздал!*

— *Но ведь она умерла тогда, ты же знаешь, Поля!*

Она молчала.

— *Я потерял тебя? Да? Да? — воскликнул в отчаянии Достоевский, судорожно сжимая и комкая ткань ее платья. — О, я это знал! Слишком знал, что другого полюбил!*

Сулова порывисто поднялась с кресла и стала ходить по комнате из угла в угол, мрачно и решительно наклонив голову и скрестив на груди руки. Достоевский, с колен, следил за ней.

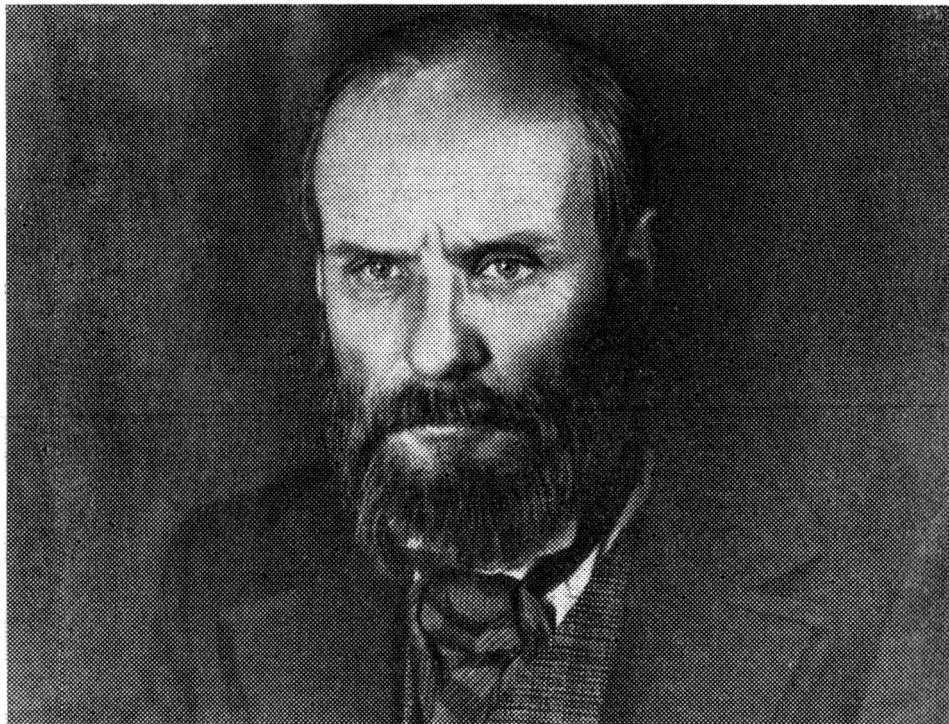
— *Но никогда... Слышишь, Поля?.. — проговорил он. — Ни-ког-да, сколько ни живи, не найдешь ты другого сердца, как мое.*

Она остановилась, посмотрела на него и улыbnулась недобро.

— *Так ведь и ты, Федя, счастлив не будешь.*

— *Да? — тихо, с испугом спросил Достоевский. — Отчего?*

— *Будто сам не знаешь, — все с той же усмешкой сказала Сулова. — Оттого, что ты и своими и чужими страданиями как конфетами лакомишься...*

В роли Достоевского артист Анатолий Солоницын.

...Достоевский по-прежнему стоял посреди кабинета со свечой в руке.

Приходя в себя, сильно потер рукой лоб. Потом быстро, почти бегом, покинул кабинет, быстро прошел через столовую и в прихожей нервно сорвал с вешалки осеннее пальто...

Перрон Николаевского вокзала был освещен большими, точно налитыми изнутри желтой водой, фонарями.

Курьерский был уже подан и стоял, пытая и выталкивая из трубы круглые, белые дымы.

Достоевский, в своем изрядно поношенном осеннем пальто с бархатным воротником, быстро шел по перрону, высматривая кого-то среди отъезжающих и провожаю-

щих дам и господ, полицейских и артельщиков с багажом.

— Господин Стелловский! — крикнул он вдруг.

Невысокий, широкий в плечах господин с круглой бородкой с удивлением обернулся.

— Господин Стелловский, — волнуясь, говорил писатель. — Узнав от ваших домашних, что отбываете... и на неопределенный срок... Только по крайней необходимости решился потревожить...

— Да что вы, что вы, драгоценнейший! — замахал на него руками издатель. — Господи! За счастье почитаю! Чему обязан?

— Господин Стелловский! — вдруг выкрикнул Достоевский. — Я прошу у вас отсрочки!

— Это как-с? — остановился Стелловский. — Это зачем?

— С тем, что в оставшийся месяц мне с романом никак не успеть! Никак!

— А ведь денежки еще в прошлом годе получили, — усмехнулся Стелловский. — Небось уже и потратили? Ах, вы, литераторы. Беда с вами.

— Обстоятельства мои сейчас самые мучительные и роковые, — с тоской проговорил Достоевский. — Болен, другой роман на половине прерван... Погодите хоть месяц.

— Погодить? — спросил Стелловский, глядя на писателя.

Тут ударил колокол. Служитель распахнул перед Стелловским дверь отдельного купе и откинул подножку.

— Погодить? — повторил Стелловский. — Я бы погодил, да вот беда, поезд годить не может, ехать надо...

Курьерский тронулся.

— А романчик, уж не забудьте, через месяц, — говорил Стелловский, стоя в дверях купе. — К первому ноября, как по контракту. К первому ноября!..

...Писатель медленно шел по перрону, одинокий среди всей провожающей публики.

В ночном мраке раскачивался и скрипел на ветру одинокий фонарь. Достоевский, облокотившись на парапет, смотрел на черную невскую воду.

— Заманчивая водичка, господин. А холодна!

Достоевский быстро обернулся.

В желтом, больном свете фонаря возник темный ночной петербургский тип. В какой-то дурацкой шляпенке, худых башмаках. Лицо испитое, отчаянное, ухмыляющееся.

— Не боитесь так прогуливаться, господин? — Он приблизился к Достоевскому, — Опасный ведь у нас город.

— Не боюсь,

— Напрасно. Подойдет этак кто-нибудь

со стороны, тоже как я, с разговором, а после ножичком — чик, карманы наружу, а концы-то в воду.

— На мне много не наживешь, — усмехнулся Достоевский.

— А я вот не могу, — бормотал тип. — Не из того, что людей жалко. Люди все сволочь. Каторги боюсь, как железы на ноги навесят. Да и куды мне резать, когда я сам кругом зарезанный!

— Да уж, понимаю. Скверно до последней-то черты доходить. — Достоевский горько вздохнул. — И всё ж — терпеть надо, терпеть.

— Ты, купец! — озлился вдруг тип и передразнил: — «Понимаю!..» Ты откуда про это понимать можешь?

Достоевский промолчал. Тогда тип совсем придвинулся к нему и прошептал:

— А я, может, черта видел.

— Ну, и каков же он?

— Так... дрянь... На немца аптекаря похоже...

— Говорил?

— Говорил, — печально ответил тип. — Душу я ему предлагал. Не надо, говорит, что у тебя за душа... Отброс...

— Эх вы себя казните! Так нельзя, — сказал Достоевский. — Шли бы от реки подальше.

— Так я же топиться пришел, — засмеялся тип. — Да вот вода холодна! А то утопиться, а?

Он внезапно канул в темноту. Послышался сильный всплеск. Достоевский шагнул было вперед...

Но из тьмы — голос:

— Это я камень свырнул. Не бойся, купец. Холодна водица-то. Домой, домой ступай, к жене под бок!

Достоевский, не сняв пальто, стоял на пороге своего кабинета.

Медленно, устало подошел к столу, сел. Угрюмо посмотрел на стоу чистой бумаги...

Аполлинария Сулова смотрела на него и улыбалась.

— Так ведь и ты, Федя, счастлив не будешь.

— Да? Отчего?

— Будто сам не знаешь... Оттого, что ты и своими и чужими страданиями как конфетами лакомишься...

И тут — внезапно — какой-то шум, говор, лица, крутящаяся рулетка, прыгающий шарик, золотые монеты на зеленом сукне...

И какой-то курортный немецкий городок — пусть он будет называться Рулетенбург — горы в перспективе, подстриженные деревья на улице, коляски, белый отель.

И какой-то человек, то ли Достоевский, то ли другой, но очень на него похожий, врывается в комнату отеля.

И рулетка крутится, крутится, прыгает шарик, склоняются над игорным столом лица...

И какая-то женщина, то ли Аполлинария Сулова, то ли другая, но очень на нее похожая, бросает пачку денег в лицо молодого человека.

А рулетка все крутится, крутится, крутится...

Звонок тоскливо задребезжал в квартире. Достоевский отпер дверь. Перед ним стояла Аня Сниткина, в башлыке и с портфельчиком. Юное, милое ее лицо было сейчас решительно и строго, точно она заранее приготовилась отразить любую грубость.

— А я уж думал, не придете, — с облегчением сказал Достоевский, глядя на нее. — Это вы хорошо... хорошо, что пришли...

— Как же иначе? — очень сухо сказала девушка. — Ведь мы договаривались. Я манкировать не привыкла.

— О да, да! Но давеча я был так тяжел и досаден вам... — Он помогал ей снять пальто. — Желчная минута, уверяю

вас, не более, как желчная минута и вечно расстроенные нервы.

Он улыбнулся смущенно. Однако сразу же проговорил энергичски:

— Но это все в сторону! Работать надо.

И пропустил Аню перед собой, в комнаты.

В кабинете Достоевский, стоя за письменным столом, перебирал свои записи. Наконец, поднял к глазам какой-то исписанный листок.

Аня, как и накануне, аккуратно разложила свои принадлежности и взяла в руку перо.

— Курите? — вдруг спросил Достоевский, беря толстую папиросу.

— Я? — растерялась Аня. — Нет! Не только не курю, но и смотреть не люблю, как дамы курят.

— Вот-вот! Курить дамам скверно! — внезапно оживился Достоевский. — Я об этом целую вечность твержу. Дама с папиросой! Что может быть гаже?! Да и кто ее после этого целовать станет?

Аня, подавляя улыбку, опустила глаза. Достоевский смутился, кашлянул.

— Вы готовы, Екатерина Григорьевна?

— Анна. Меня зовут — Анна, Федор Михайлович.

— Гнусная, отвратительная рассеянность! — Достоевский ударил костяшками пальцев по столу. — Простите... Итак, вы готовы... Ну, что ж... что ж...

Он вновь взял листок, а Сниткина — перо.

В этот момент тихо приоткрылась дверь. Федосья внесла два стакана и булочки.

Достоевский, как будто обрадовавшись возможности отдалить начало работы, сам поднес Ане стакан чаю и тарелку с булочкой.

— А каких же вы теперь лет... Анна Григорьевна? — спросил он, наблюдая за тем, как она пьет чай.

— Двадцати.

— Крошечные лета, — покачал головой он. — Моего, небось, и не читали еще ничего?

— Я когда к вам первый раз пришла, мне так и показалось, что звонок ваш точно из «Преступления», когда Раскольников к старухе приходит, — с внезапно прорвавшейся горячностью возразила она. — Помните?

— Помню, — серьезно сказал Достоевский.

— Ох, что же это я? — смутилась Аня и совершенно по-детски сказала: — Федор Михайлович! Можно спросить?

— Спрашивайте, голубчик.

— Когда вы «Преступление и наказание» будете дальше публиковать?

Достоевский сразу же помрачнел.

— Боюсь теперь и загадывать. — Он постукал пальцами по изразцам печки. — Роман прерван на середине...

— Когда Аркадий Иванович Свидригайлов входит к Раскольникову, — с жаром перебила Аня и, не замечая улыбки Достоевского, продолжала: — Он дурной человек, Свидригайлов, верно? Я за Раскольникова боюсь!

— Как? — удивился Достоевский. — Вы жалаете убийцу?

— Да, жалею, — призналась она. — Он хоть и убийца, но какой-то... какой-то страдающий...

— В том-то все и дело! — с воодушевлением воскликнул Достоевский. — О, как вы тут правы!.. Именно трагедия его в страдании, в самоказни, в сознании лучшего и невозможности достичь его... Это ведь русская, истинно русская трагедия!..

Он, точно опомнившись, замолчал, посмотрел на девушку, встретил ее серьезный и восторженный взгляд и спросил:

— Так молодежь все ж таки говорит обо мне иногда?

— Да что вы, Федор Михайлович! — даже обиделась Аня. — Что вы! Мы с друзьями вас каждый день дискутируем! Ваш Раскольников всех нас из нормы вывел. Только его и ждем!

— Да-с, — горько усмехнулся Достоевский. — А тут вот, видите, какие обстоятельства. Стелловский! Алтынная душа, разбойник!

Он вздохнул и, стоя над письменным столом, углубился в свои записи.

Аня молча смотрела на него.

— За границей не были? — вдруг и без связи с предыдущим спросил он. — На водах?

— Н-нет... не была...

— И не надо! Подлейшая дыра! Вот уж где вся международная дрянь и лакейство! Свинокое, гадчайшее место!..

...Но пленительная музыка Моцарта, но прозрачный, пронизанный солнцем воздух, но темный, избегающий к горным вершинам лес, но увитая зеленью беседка над голубым ручьем, но разноцветные камешки на дне ручья под бегущей водой, но Моцарт, Моцарт...

...И витая серебряная струя фонтана, падающая вниз, и хрустальный стакан в женской руке, и две девичьи головки с локонами, и надменный худой пруссак с толстой женой, и пирамиды и копусы подстриженных деревьев, и дух беспечности, благополучия, самодовольства...

...И пленительная музыка Моцарта...

...И важно выступающий среди гуляющей публики представительный, вельможный господин, в усах и бакенбардах, и об руку с ним красивая девушка с наглым взглядом, одетая эффектно, с шиком, и рядом с ними изящный, художавый господин с бородкой, в клетчатых панталонах...

— Но тут иностранец... Иностранец!.. Француз!.. Де-Грие... Русские барышни таких ведь и любят... Все, все женщины таковы! Самые гордые из них — самими-то пошлыми рабами и выходят! — странно бормотал голос Достоевского...

...И пленительная музыка Моцарта...

— Да, она была мне ненавистна... А тут еще генерал. Бедный генерал, бедный генерал, он погиб, погиб окончательно!..

— Что? — испуганно спросила Сниткина.

— Что? — в свою очередь спросил Достоевский, вздрагивая и удивленно глядя на девушку.

— О чем вы, Федор Михайлович?

— А-а-а... — Он усмехнулся, приходя в себя. — Так ведь я вам свой романчик диктую...

Горели свечи в люстрах под потолком. Дым от десятков сигар и трубок поднимался к ним от игорных, рулеточных и карточных столов.

Крутилась рулетка, прыгал шарик.

Круперы, сидящие по концам стола, объявляли результаты, следили за ставками и рассчитывались, ловко орудуя лопаточками.

Возле столов толпилась публика, составленная из самых различных национальностей, типов, характеров. Играющие и наблюдатели.

Среди последних мелькнуло, кажется, и лицо Достоевского.

А голос его тем временем говорил:

— В игорную залу он вошел... Он? Кто он? Имя-то у него есть какое-нибудь?.. В игорную залу... в игорную залу Алексей Иванович вошел с предосадным чувством. Все ему показалось здесь так грязно, как-то нравственно скверно и грязно...

В тот момент, когда крупер лопаточкой пододвинул счастливицу довольно-таки приличный выигрыш, из-за его спины протянулась к монетам чья-то рука с нечистыми ногтями и преспокойно сгребла их.

Выигравший поначалу растерялся, но через секунду обрел в себе силы и схватил наглеца за руку. Монеты просыпались, скандал начал было разгораться... Но спорящие немедля были оттеснены от стола, а на их месте уже стояли новые лица, с жадными и жаждущими взорами.

— Алексей Иванович был далеко не хладнокровен, сердце его стучало, — продолжал голос Достоевского. — Он много ждал для себя от рулетки. Он наверно знал и давно уже решил, что из Рулетен-

бурга так не выедет. Что-то непременно должно было произойти в его судьбе радикальное и окончательное. Так надо и так будет.

Крутилась рулетка, прыгал металлический шарик. Лежали на зеленом сукне золотые монеты...

— А я к вам, папá.

Достоевский прервал диктовку и с неудовольствием посмотрел на вошедшего — смуглого юношу, недавно встреченного Аней на лестнице.

— Подлец ростовщик... — развязно начал молодой человек, не замечая или делая вид, что не замечает Сниткину. — Два дня к нему таскаюсь, а денег за вазу дал самый мизер!

Он достал из кармана жилета кокетливый кошелек, а из него — жидкую пачечку некрупных ассигнаций и бросил их на стол, говоря небрежно:

— Я там оставил себе несколько денег, папá... У меня теперь крайность...

— Ну и довольно, довольно! — сердито перебил его Достоевский. — Что еще за откровенности!

Он посмотрел на Аню, деликатно читающую свои записи.

— О! Пардон! — повернулся к ней юноша и поднял к глазам черепаховый лорнет, болтающийся на груди: — Пардон!

— Павел Исаев, мой пасынок! — почему-то возвысив голос, представил его Достоевский и — жест в сторону девушки: — Сниткина, Анна Григорьевна.

Паша коротко поклонился ей, точно не узнал, и, продолжая рассматривать в лорнет, вполголоса удивленно заметил Достоевскому:

— Но какая молоденькая... — Пожал плечами и добавил важно и покровительственно: — Ну что ж, работайте, работайте, господа...

Он вышел, и тотчас из-за дверей раздался его полудетский ломкий и нарочитый голос:

Анна Сниткина — артистка Евгения Симонова.

— Федосья!.. Черррт!.. Ты куда опять мои перчатки запропастила?!

Взгляды Ани и Достоевского встретились: они одновременно поглядели на пачечку денег, все еще лежащую на столе, потом — друг на друга.

Достоевский нахмурился, прикрыл десьги книгой и желчно сказал:

— Вот-с, извольте видеть, всю жизнь жмуь, живу нищенски, с долгами борюсь, как Лаокоон со змеями. А ведь публика наша убеждена, что русские литераторы все богачи...

Он встал, подошел к окну. Аня смотрела на него немного удивленно, но с сочувствием.

— Да я бы в каторгу опять на столько же лет пошел, чтоб только долги упла-

тить и быть свободным! — вырвалось у него. — И это при том, что мое имя миллиона стоит!..

Он вдруг улыбнулся простодушно и смущенно:

— Простите, похвастался.

— Господи! — взволнованно воскликнула Аня. — Да как же вы все перетерпели?

— Э, да что! В человеке вообще бездна жизненности! — махнул он рукой. — А русский человек всегда жалуется на две вещи: на несчастную любовь и безденежье.

Он посмотрел через ее плечо на стенографические знаки в тетради и вздохнул:

— Вот роман проклятый! Только начал, а уж надоел, как картофель. Пропадаем, господа россияне! — Он вдруг улыбнулся. — А признавайтесь, ведь вы, наверное, сегодня ко мне страсть как идти не хотели? Да?

Аня прямо и честно посмотрела ему в глаза и утвердительно кивнула головой.

— Ну, уж теперь-то вы не бросайте меня, Анна Григорьевна, — проговорил он тихо и просительно. — А то мне без вас совсем... какк...

На окраине Петербурга, у дома, на котором висела вывеска «Овощи и зелень», а чуть повыше маслом от руки было написано: «Домъ Сниткиных», остановился экипаж.

Миша, молодой приятель Ани Сниткиной, стал расплываться с извозчиком...

Аня сидела в своей комнате за секретером и работала. Расшифровывала стенографические знаки и переписывала на чистые листы текст романа.

Вдруг задумалась, откинулась в кресле, держа в руке перо. Услышав шаги, повернулась, увидела на пороге Мишу и сказала, точно продолжая начатый разговор:

— Нет, вы послушайте, какая мысль! Послушайте! «...В катехизисе добродетелей... западного человека вошла исторически и

чуть ли не в виде главного пункта способность приобретения капиталов. А русский не только не способен приобретать капиталы, но даже и расточает их как-то зря и безобразно. Тем не менее нам, русским, деньги тоже нужны, а следовательно, мы очень рады и очень падки на такие способы, как, например, рулетки, где можно разбогатеть вдруг, в два часа, не трудясь. Это нас очень прельщает: а так как мы и играем зря, без труда, то и проигрываемся! ..Однако неизвестно еще, что гаже: русское ли безобразно, или немецкий способ накопления честным трудом?»

— Что это? — удивился Миша. — Что за дикая славянская мысль?

Аня рассмеялась и, водя пальцем по строчкам, прочитала:

— «Какая безобразная мысль! — воскликнул генерал. — Какая русская мысль! — воскликнул француз».

— Что это? — повторил недоуменно Миша. — Откуда?

— Из Достоевского, — сказала Аня оживленно.

— Та-а-ак! — мрачней, протянул Миша. — Чем же он вас так привлек, что вы вдруг свое решение переменили?

— Не знаю... Я ведь, право, отказываться шла. Увидела его... и не смогла...

— Ну, да бог с ним, с Достоевским, — сказал Миша и взял Анины руки в свои. — Что же у нас с вами будет?

— погодите, Миша, — как-то принужденно сказала Аня, глядя в сторону. — Вот роман к первому ноябрю закончим, тогда...

— Я этот роман ненавижу теперь стану, — с сердцем сказал Миша. — Смотрите, у вас даже пальцы от работы загрубели.

Аня вспыхнула и отняла руки.

— И похудели вы, и бледные, — продолжал Миша. — Нет, он, видно, злой человек, этот Достоевский! Вы же сами говорили, что злой.

— Он не злой, — тихо сказала Аня.

— Каков же?

— Не знаю... Одинокий, несчастный, старый... Более сорока уже.

— Вот пойду к нему и потребую: «Пишите-ка скорей, милостивый государь! А то измучился я в ожидании!» — натянато улыбнулся Миша. — Да хоть об чем же он теперь сочиняет?

— Да так... — задумчиво ответила она. — Там все на водах происходит, в Германии. И там русское семейство во главе с таким смешным генералом... И при них учитель... Алексей Иванович... Он влюблен, кажется... в падчерицу генерала... Право, не знаю, как вам и рассказать, Миша...

В Рулетенбурге, в парке у фонтана, мальчик и девочка бегали наперегонки по дорожкам, смеясь и весело окладывая друг друга по-русски: «Миша... Наденька...»

Неподалеку на скамейке сидели двое, он и она. Лица их были невидны сейчас. Мужчина что-то говорил. Женщина сидела недвижно.

— Вечером на прогулке Алексею Ивановичу удалось поговорить с ней. Детей они отпустили к фонтану и остались наконец одни, — слышался голос Ани...

— А осмелюсь ли, милостивый государь мой, обратиться к вам с разговором приличным?

Достоевский, сидевший над стаканом чая за столиком в дешевом трактиричке, вздрогнул и поднял голову.

На него смотрел, улыбаясь, немолодой, с изрядно изношенным лицом человек, одетый небрежно, но в выдавшее лучшие дни платье. Глаза у него были пьяненькие и умные.

— Не изумляйтесь и не оскорбляйтесь, драгоценнейший Федор Михайлович, обращению к вам неизвестного лица, — продолжал он. — Ибо преданнейший почитатель ваш, а речи несчастнейшего господина Мармеладова знаю все наизусть, хоть

пробудите середь ночи. Даже и после приятя напитков... Позвольте?

Достоевский, действительно несколько изумленный, кивнул.

Человек немедленно перенес со своего стола графинчик водки, тарелку с закуской и сел рядом с писателем. Налил себе рюмку, скосил взгляд на стакан с чаем, спросил:

— А вы-с что же, чай изволите?..

— Да, чай. Я люблю... Работа не идет, вышел рассеяться.

— А позволте полюбопытствовать, что сочиняете? Роман?

— Роман.

— К первому ноября? — усмехнулся человек.

— Да, — растерянно ответил Достоевский.

— В видах избежания кабалы? Только успех сомнителен-с. Эй, объедет вас Стелловский!

— Что? Да кто вы?! — рассердился Достоевский. — Объяснитесь наконец!

— Не волнуйтесь, драгоценнейший Федор Михайлович, не волнуйтесь, умоляю... Ничего потустороннего... Ни черт, ни Вельзевул, ни гоголевский тип-с... А, так сказать, из лагеря филистимского... Будучи, как у вас сказано, привычен к напитку, пал, яко Мармеладов, и служу, вернее, прозябаю на побегушках у нечестивого издателя вашего Стелловского... Обьегорит он вас.

— Как? — мрачно спросил Достоевский.

— Как — не знаю, но чувствую заговор! Берегитесь! Ибо корыстен, коварен и без Бога живет.

— Да как уберечься-то?! — в сердцах воскликнул расстроенный Достоевский. — От людской подлости разве уберезьешься?! Он задумался, опустив голову.

Человек осторожно дотронулся до его руки.

— Федор Михайлович, очастливьте... Только намек, намек... Об чем роман? Только намекните, внукам рассказывать буду...

— Да так... — пожал плечами Достоев-

ский. — Не знаю, как и сказать... Я там беру один тип заграничного русского... Да вот не идет работа, никак не идет!

И вновь — Рулетенбург. Парк, фонтан, играющие дети и двое на скамейке, он и она.

И голос Достоевского:

— Так как Алексей Иванович был в особенно возбужденном состоянии, то и брякнул вопрос: почему маркиз Де-Грне, французик, не только не сопровождает ее... но даже и не говорит с нею по целым дням?

— Потому что он подлец, — странно ответила она.

Алексей Иванович удивился...

— Визгливый, подлый язык! — с отвращением воскликнул Достоевский, комкая листы и швыряя их под стол.

Уже был поздний вечер, за окнами кабинета совсем темно.

Достоевский быстро прошел по квартире и в прихожей натянул пальто, надел шляпу...

...Ночная улица, слабо освещенная деревянными фонарями, была сейчас почти необитаема. Прошли двое полицейских, старый и молодой. Протащился порожний ночной «ванька» в сермяге.

Достоевский, засунув руки в карманы и опустив голову на грудь, медленно шел посреди улицы.

В тишине послышался стук каблуков, и из-за домов показалась женская фигура в пальто с меховым воротником и шляпе.

Достоевский, вдруг необычайно взволнованный, стал всматриваться в идущую впереди него женщину и убыстрил шаги.

Она оглянулась и тоже пошла быстрее.

Достоевский, перейдя на бег, нагнал ее, дотронулся до плеча...

— Поля! — сдавленно позвал он. — Аполлинария!

— Не подходите, — в испуге прошептала женщина. — Я буду кричать.

В свете фонаря Достоевский увидел искаженное страхом незнакомое лицо.

— Виноват, — пробормотал он, отступая. — Обознался... Виноват.

Женщина стремительно уходила по улице.

Достоевский стоял, прислонившись спиной к стене дома.

И возникло лицо Аполлинарии Сусловой...

И лицо Достоевского...

— Поля! Голубчик! — говорил он. — Так далее продолжаться не может! Я задыхаюсь, Поля! Ты отталкиваешь меня, а вместе с тем и воли не даешь... Это невыносимо!.. Знаешь ты это, знаешь?!

Но она только улыбалась молча.

Звонок задребезжал в прихожей. Достоевский порывисто открыл дверь. Перед ним стояла Аня Сниткина с портфельчиком в руке.

— Наконец-то! — воскликнул он.

Торопливо помог ей раздеться и, схватив за руку, повлек ничего не понимающую Аню за собой по квартире.

Паша, в халате, с трубкой, удивленно выглянул из своей комнаты, улыбаясь, фамильярно помахал девушке рукой и скрылся.

— Переписали? — спросил Достоевский, когда они были уже в кабинете. — Давай-те!

Он чуть ли не вырвал у нее листы, которые она достала из портфеля, и стал читать, с каким-то непонятным торжеством восклицая:

— Чушь! Торопливая, подлая чушь!

Аня смотрела на него с испугом.

— Ночью думал и сознал наконец слабую точку, — сказал он возбужденно. — Вот радикальное изменение! Писать от себя, начать со слова «я»! Я, только я, я!.. Исправьте-ка!

Он положил перед ней листы. Пока она вносила исправления, он ходил по кабинету, что-то бормоча, хмурясь и жестикулируя.

— Исправили? Ну-с, а теперь далее... —

Он замолчал, посмотрел в сторону и, обратив к Ане свое вдруг странно изменившееся лицо, стал диктовать глухо и мрачно: — «Да, она была мне ненавистна. Бывали минуты, что я отдал бы полжизни, чтобы задуть ее! Клянусь, если б возможно было немедленно погрузить в ее грудь острый нож, то я, кажется, схватился бы за него с наслаждением. А между тем, клянусь всем, что есть святого, если бы на Шлангенберге, на модном пуанте, она сказала мне: «бросьтесь вниз», то я бы тотчас же бросился и даже с наслаждением...»

...Алексей Иванович и его спутница стояли на вершине горы, на маленькой смотровой площадке, пуанте, окруженной соснами. Рядом охали и взвизгивали дамы, придерживая развевающиеся вуали, и хладнокровно курили кавалеры. Внизу, в глубоком ущелье, бежала по камням река...

— Федор Михайлович...

— Что? Зачем вы меня перебили?

Достоевский стоял посреди кабинета, возмущенно глядя на Аню. Глаза его горели, пальцы были сжаты. Черный галстук, всегда так аккуратно повязанный, теперь каким-то образом сбился на сторону.

— Простите, Федор Михайлович, — робко сказала Аня. — А как ее зовут? А то все «она» да «она»...

— Кого?.. Разве я вам не сказал? Странно!.. Ее зовут Полина... Полина! Как же иначе?

— Так вы решительно продолжаете быть уверены, что рулетка ваш единственный выход и спасение? — спросила Полина насмешливо.

— Да.

Они медленно спускались вниз с горы. — Зачем вам деньги? — спросила Полина.

— Как зачем? — удивился Алексей Иванович. — Деньги — все! С деньгами я и для вас стану другим человеком, а не рабом.

Миша — артист Николай Денисов, Аня Сниткина — артистка Евгения Симонова.

— Вы говорите, что вам это рабство наслаждение.

— Вы подавляете меня! Мне стоит вспомнить и вообразить только шум вашего платья, и я руки себе искушать готов. Пользуйтесь, пользуйтесь моим рабством, пользуйтесь! Знаете ли вы, что я когда-нибудь вас убью, просто убью, потому что меня иногда тянет вас съесть... Вы смеетесь?

— Совсем не смеюсь, — сказала она с гневом. — Я приказываю вам молчать!

Аня закончила страницу. Достоевский быстро вышел. Было слышно, как он в соседней столовой наливает чай, звеня стаканами.

Вернувшись в кабинет, он оживленно и гордо спросил с порога:

— Ну, а как вам моя Полина?

— Злая, по-моему, — ответила Аня.

Лицо Достоевского изменилось.

— Она несчастная, — сказал он. — Кто требует от другого всего, а себя избавляет от всех обязанностей, тот никогда не найдет счастья... И, боже, как она терзала меня!

— Это надобно записывать? — удивленно спросила Аня.

— Что? О, нет, нет! Простите, Анна Григорьевна, я забылся, — он потер лоб ладонью. — Дальше вот что напишите от автора... от Алексея Ивановича: «Она остановилась, едва переводя дух от гнева. Ей-богу, я не знаю, хороша ли она была собой, но я всегда любил смотреть, когда она так передо мной останавливается, а потому и любил часто вызывать ее гнев...»

Алексей Иванович и Полина вышли на главную улицу города, уже наполняющуюся вечерней публикой.

Полина шла молча, опустив голову, о чем-то упорно думая.

— Вы не трус? — спросила она вдруг.

— Не знаю... — удивился Алексей Иванович. — Я об этом давно не думал.

— Если бы я сказала вам: убейте этого человека, вы бы убили его?

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвечайте.

— Разумеется, убью! — вскричал Алексей Иванович. — Кого, вы мне только прикажите...

Они приближались к отелю. Из его дверей, угодливо распахнутых лакеем, выходили на променад всельможный господин, высокая красивая девица и худощавый француз с бородкой.

Полина засмеялась.

— Да нет, где вам. Вы ведь только болтун... — Вдруг она вновь стала совершенно серьезна. — Но теперь не в этом дело! Слушайте, выиграйте мне на рулетке сколько может больше. Мне деньги во что бы то ни стало теперь нужны!

Достоевский, в изнеможении откинувшись на спинку кресла, пил из стакана крепкий чай и молча, внимательно следил, как Аня нумерует страницы.

— Федор Михайлович, — подняла она глаза от тетрадки.

— Ну-с?

— А зачем Полине деньги так срочно понадобились?

— Как? Вы не понимаете? — поразился Достоевский.

— Нет.

— Но тут же Де-Грие, мелкий и пошлый Де-Грие! Она мечтала швырнуть деньги в лицо своему бывшему любовнику... Видите, как у меня все связано?.. И потому гонит Алексея Ивановича на рулетку...

— Какой-то он жалкий у вас, — несмело заметила Аня.

Достоевский печально усмехнулся.

— Он любит ее.

— Ну и что ж? А гордость на что?

— Кто любит, тот уж не рассуждает... — Он вздохнул, помолчал. — Ну, а рулетка — это омут, чудовищный омут, так и тянет, так и засасывает... Я ведь вообще человек страстный.

— Вы играли?

— О да! Прошлого года в Висбадене создал систему игры и выиграл тотчас десять тысяч франков. Вдруг пошел терять и уж не мог удержаться. Проиграл все до тла. А ведь ехал с тем, чтобы всех своих спасти и себя от беды выгородить...

Он помрачнел, встал из-за стола, подошел к печке, трижды постучал по изразцам, сказал в задумчивости:

— Тяжелое, проклятое время! — Он резко повернулся, глаза его горели. — О, вы не знаете, что такое любовь!.. Даже если она потерянная, низкая, неблагородная женщина, вы полюбите в ней ее разврат, ее неблагородство... И пойдете на все! До последнего предела! За черту, за черту!

На рулетке было полно народа. Алексей Иванович с трудом протиснулся к середине и встал возле крупера. Сначала он наблюдал игру, не принимая в ней участия. С одной стороны от него хладнокровно проигрывался в пух какой-то высокий джентльмен, с другой — хорошо одетая маменька учила игре свою тоненькую, шестнадцатилетнюю дочку, выдавая ей по золотому на удар.

Наконец Алексей Иванович решил и поставил несколько монет. Выиграл. Поставил разом весь выигрыш и выиграл снова. Потом еще раз и еще... Перед ним уже лежало довольно прилично денег. Он сгреб их в карманы и направился к выходу... Но тут остановился, подумал несколько мгновений и, вновь вернувшись к столу, бросил золотые монеты на зеленое сукно..

Аня закончила переписывать страницу, посыпала ее песком и, встав, положила на стол перед Достоевским. Он благодарно кивнул, взял перо и стал читать.

Вернувшись на свое место, Аня незаметно следила, как быстро и живо меняется его лицо во время чтения.

— Эк его? — воскликнул Достоевский, словно сам поражаясь написанному и щелкнув пальцем по бумаге. — Вот ведь горячка этот Алексей Иванович!

— Он проиграется, да? — совсем по-детски спросила Аня.

— Секрет, — улыбнулся Достоевский. — Да и все равно, коли сейчас удержится, в другой раз обязательно пролетит. Он ведь игрок, пропащий...

— А как же вы?

— Так и я бы пропал... если бы мне писать не надо было, — он пожал плечами. — А то кто же без меня все напишет?

Аня засмеялась.

— Как это вы смешно сказали.

Он поглядел на нее и проговорил с удивлением, точно впервые увидел:

— А вы улыбаетесь славно. И в лице такой душевный оттенок...

Аня смутилась. Достоевский кашлянул, побарабанил по столу и сказал:

— В последние дни чувствую себя ужасно плохо, как-то даже фантастически. Особенно по вечерам одиноко. Все из дома тянет. Вы по вечерам что делаете?

— Даже и не знаю, Федор Михайлович... — растерялась она. — Живу...

Он строго посмотрел на девушку.

— А что значит, по-вашему, это «живу»? Есть у вас какой-нибудь идеал или цель? Или так, существуете, «без тоски, без думы роковой»?

— Нет, и с думой, и с тоской, и с идеалом живу! — серьезно и даже с некоторой обидой ответила Аня.

— Это хорошо, коли так, — так же серьезно сказал Достоевский и отодвинул от себя исписанные листы. — Завтра не опаздывайте, голубчик. У меня теперь без

ваша работа не пойдет... Роман надо на почтовых гнать!

Горела свеча в окне у Достоевского. Он, в глубокой задумчивости, сидел за письменным столом, подперев рукой голову с огромным сократовским лбом. Стакан чая и пепельница, полная окурков, стояли перед ним.

Горела свеча в Аниной комнате.

Она сидела у своего маленького секретера. Глядя на стенографические знаки в тетрадке, она покрывала белый лист бумаги ровными и четкими строчками...

...Крупье потянулся к монетам, лежавшим на четке перед Алексеем Ивановичем, и равнодушно сгреб их своей лопаточкой.

Алексей Иванович ошеломленно стоял у окна, не двигаясь и уставясь в сукно. Потом вздрогнул, точно пробудившись, и стал пробиваться к выходу.

За дверьми был яркий солнечный день. Алексей Иванович медленно побрел по аллее. Вошел в парк, свернул с дорожки в густую траву, повалился под дерево и лежал так, закинув руки за голову и бессмысленно глядя в небо.

— А мне сегодня Стелловский полночи снился.

Достоевский стоял возле Сниткиной, уже занявшей свое обычное место в кабинете. Она достала из портфеля стопку переписанных листов и протянула ему.

Он тотчас пересчитал их и воскликнул с воодушевлением:

— Так мы все к сроку закончим. А?

— Хорошо бы, Федор Михайлович.

— А как закончим, сразу на извозчика и к Стелловскому в контору. «Извольте получить швырка, милостивый государь душегуб!» И — свобода! — Он улыбнулся. — Как человеку иногда для счастья

мало нужно... А вы были счастливы, Анна Григорьевна?

— Да, очень была, Федор Михайлович! Когда Ольхин меня из всех учеников к вам выбрал. Я всю ночь не спала от счастья...

— А наутро я вас и огорошил, — смущенно сказал Достоевский.

И они оба рассмеялись.

— А я вот так счастлив никогда и не был, — сказал он, вдруг становясь серьезным. — Впрочем, нет, вру, был однажды. И знаете, когда?

На последних словах он как-то странно, почти до шепота понизил голос. И Аня так же тихо и точно заворожено спросила:

— Нет, не знаю... Когда?

И вдруг — тра-та-та-та, тра-та-та-та, все громче, громче, громче, тра-та-та-та, под рассветным, мутным, выюжным петербургским декабрьским небом, злоеющее, дьявольское тра-та-та-та, барабанная дробь.

И из утреннего, медленно рассеивающегося мрака — оранжевые стены казармы, застывший прямоугольник из пеших и конных войск и посреди снежного пространства Семеновского плаца обтянутый черным сукном деревянный помост.

И на нем — палачи в ярких рубахах и черных плисовых шароварах и осужденные в белых холщовых саванах с острокопачными капюшонами и длинными рукавами.

И нестерпимый блеск золотых куполов собора в первых лучах мертвенного солнца, и устремленный на них горящий, завороженный взор Достоевского из-под полупущенного белого капюшона.

И из выюги — обрывки громкого, гнусавого голоса:

— Отставного инженера-подпоручика... Федора Достоевского... двадцати семи лет... за участие в преступных замыслах... против православной церкви и верховной власти... за покушение к распространению... против правительства... Подвергнуть смертной казни... расстрелянием!

Как невыносимо блестят купола собора...

— Жить мне оставалось пять минут, — говорил Достоевский, стоя перед Спшткиной. — На нас уже надели смертные рубашки. Я был восьмым, в третьем ряду. Первых трех привязали к столбам. Через двести минуты оба ряда были бы расстреляны и затем — наша очередь... Как мне хотелось жить, Господи, Боже мой! Как дорога казалась жизнь, сколько доброго, хорошего мог бы я сделать! Мне припомнилось все мое прошлое, не самое лучшее его употребление, и так захотелось все вновь испытать и жить долго, долго...

Он выдержал длительную паузу и, глядя прямо в расширившиеся глаза девушки, понизил голос и проговорил:

— Вдруг отбой!.. Товарищей моих отвязали от столбов, привели обратно и прочитали новый приговор: меня присудили на четыре года в каторжные работы... Не запомню больше другого такого счастливого дня. Я ходил по своему каземату в Алексеевском рavelине и все пел, пел, громко пел... Что с вами, Анна Григорьевна?

Взгляд ее, полный изумления и страха, был направлен на дверь.

На пороге стоял полицейский офицер. Из-за его спины испуганно выглядывала Федосья. А сзади скромно держался какой-то невзрачный человек в темном платье.

— Отставной подпоручик Достоевский? — строго сказал офицер.

— Я Достоевский, — тихо ответил писатель. — Чем могу служить?

— Помощник пристава третьей части Урлов-второй, — отрекомендовался офицер и небрежно бросил своему тихому спутнику: — Приступай, братец, приступай. Некогда мне тут.

Человек в темном тотчас вошел в кабинет, доставая из кармана засаленную записную книжку и огрызок карандаша.

Достоевский и Аня с удивлением следили за его странными действиями. Он ходил по кабинету, останавливаясь перед каждым предметом обстановки и что-то заносил в свою записную книжку. Он осмотрел уже китайскую вазу, парную той, что

продал Паша, бронзовый подсвечник, диван красного дерева...

— Но позвольте, господин Орлов...— начал было Достоевский, обращаясь к полицейскому.

— Урлов!— раздраженно поправил тот.— Урлов-второй!

— Виноват, господин Урлов... Я хоть и состою действительно под полицейским надзором... однако, кажется, никаких оснований...

— Ну, положим, основания всегда есть,— усмехнулся Урлов и неожиданно разгорячился:— Особливо ежели станете и впредь так же манкировать своими денежными обязательствами!

— Я?— совершенно растерялся Достоевский.— Да кому? Чем?

— Да-с, манкировать!— возвысил голос Урлов.— И не извольте спорить!

— Статуэтку у Дацнaro брали?— вдруг тонким голосом спросил человек в темном, разглядывая какую-то фарфоровую фигурку.

— Да,— повернулся к нему Достоевский.— У Дацнaro.

— И, любопытно знать, за сколько?

— Сто пятьдесят, кажется... не помню...

— Надули-с. Ей красная цена — пятьдесят.

— Да объясните же мне наконец, что все это значит?— не выдержал Достоевский.

— А то, милостивый государь!— грозно сказал Урлов.— Господин Стелловский, с коим имеете вы форменный контракт, отнесся к нам в часть с тем, что ежели не вернете ему в ближайшее время долга, то заключить вас в долговую тюрьму, а имущество пустить с молотка!

— Как в тюрьму?— прошептал Достоевский.

— Позвольте, барышня,— сказал оценщик, хладнокровно вынимая из-под Ани стул.

— И вам не стыдно?!— вдруг крикнула Аня, бросаясь к Урлову, даже вздрогнувшему от неожиданности.— Вы же русский

человек! Да знаете вы, кто это! Это же Достоевский!

Лицо ее прекрасно горело отвагой и вдохновением. Она наступала на полицейского, продолжая:

— И никакого долга Стелловскому нет! Все ложь, ложь! А к первому ноября он роман сдаст, сдаст, швырнет ему в лицо... Он почам сидит, у него глаза над работой слепнут!..

— Но, мадам, клянусь...— пролепетал полицейский.

Однако Аня не унималась. Она выхватила из рук оценщика стул.

— Вы не имеете права... Это собственность!.. Вы противу закона!.. Я знаю!

Она остановилась, переводя дух.

Урлов, притиснутый к стене, вдруг повернулся к оценщику:

— Чего стоишь, болван?! Пошел вон!

Оценщик кинулся в дверь.

— Мадам,— Урлов вновь обратился к Ане,— слово офицера, о романе слышу впервые. Поверьте, никогда полиция, коей надлежит покровительствовать нормальному течению литературы русской, не будет держать руку купчишки против сочинителя!

Он стал взволнованно натягивать перчатки, говоря:

— Нет, но какова шельма Стелловский! Берегитесь, чтоб он вас вовсе не объехал. Мой совет, мадам, роман к нам в часть и под расписку!.. Честь имею!.. А вы, господин Достоевский, впредь сочинительствуйте спокойно!

— Под покровительством полиции,— громко добавил писатель, когда за Урловым-вторым закрылась дверь кабинета.

И они с Аней рассмеялись, правда, несколько нервно.

— Но, однако, какая вы... Мне теперь с вами никто не страшен,— с улыбкой, но и с явным уважением поглядел на Аню Достоевский.— Ну вот я и весел совершенно! Давайте-ка работать. Назло врагу!

— Я готова, Федор Михайлович,— сказала Аня.

В роли Аполлинии Суловой — Эва Шиккульска.

Полина и Алексей Иванович сидели на скамье, пред игравшими детьми, против того места, где останавливались экипажи и высаживали публику в аллею у самого вокзала.

— Я ведь вам сказал, что не могу играть для других, тем более для вас,— говорил Алексей Иванович.— Я ведь предупреждал, что ничего не выйдет.

Полина посмотрела на него, потом отвела глаза и вдруг засмеялась.

— Видите вы эту толстую баронессу?— спросила она.— Это баронесса Вурмергельм...

— Ну и что?

— Вы клялись, что соскочили бы с Шлагенберга, вы клялись, что готовы убить, если я прикажу. Вместо всех этих убийств

и трагедий я хочу только посмеяться. Подойдите к баронессе, снимите шляпу и скажите ей что-нибудь по-французски.

— Зачем?

— Я хочу посмотреть, как барон вас прибьет палкой.

— Вы вызываете меня, вы думаете, что я не сделаю?

— Да, вызываю, ступайте, я так хочу!

— Вот подлость!— вдруг вскрикнул Достоевский, отбрасывая от себя листы с записями и сжимая руки в кулаки.— Что за жизнь мучительная!

— Что вы, Федор Михайлович? Что случилось?

Он встал из-за стола и заходил по кабинету, говоря:

— Оценщика подослал, разбойник! Нет, прав, тысячу раз прав тип трактирный... Заговор! Яму руют! Девять лет каторги новой! Девять лет на Стелловского работать!.. У кого защиты искать? Куда бежать?

Он, вне себя, метался из угла в угол, стискивая руки...

— Федор Михайлович! — громко сказала Аня. — Да прекратите же вы! Что за мало-душие! Стыдно! Сядьте!

Он остановился, сел, покорно посмотрел на нее.

— Сколько в этом месяце дней? — спокойно спросила Аня.

— Тридцать один, — удивленно ответил Достоевский.

— Итак, у нас шестнадцать дней для работы. И три листа переписаны...

— Ох, успеем ли? — с сомнением покачал головой Достоевский.

— Ночами будем работать, но успеем! — горячо сказала она. — Стелловский ведь только и ждет, чтоб вы взволновались и работать бросили — его выгода...

Достоевский подошел к ее столику и проговорил дрогнувшим голосом, беря ее руку в свою:

— Анна Григорьевна! Судьба так мало дарила мне в жизни истинного участия...

— Шестнадцать дней, Федор Михайлович, всего шестнадцать, — улыбнулась она, мягко, но решительно отбирая у него свою руку.

Алексей Иванович спустился по дорожке и стал посреди аллен. Когда барон и баронесса были от него в пяти шагах, он снял шляпу и поклонился.

— Баронесса, — проговорил он отчетливо, — честь имею быть вашим рабом.

Затем он снова поклонился, надел шляпу и прошел мимо барона, вежливо обращая к нему лицо и улыбаясь.

— Гейн! — крикнул барон, оборачиваясь к нему с сердитым удивлением.

Алексей Иванович обернулся и остано-

вился в почтительном ожидании, продолжая на него смотреть и улыбаться.

— Гейн! — крикнул опять барон с удвоенным гневом.

— Я воли! — протянул Алексей Иванович, смотря ему прямо в глаза.

— Вы что, с ума сошли? — махнул своей палкой барон.

Публика давно уже ими интересовалась.

— Я во-о-оль! — крикнул Алексей Иванович вдруг изо всей силы.

Барон и баронесса быстро повернулись и почти побежали в испуге.

Полина встала и направилась к отелю.

Алексей Иванович настиг ее у крыльца.

— Исполнил... дурачество, — сказал он.

— Ну, что ж. Теперь и разделявайтесь, — ответила она, даже и не взглянув на него, и вошла в отель.

Аня смеялась, склонившись над рукописью.

— Чему вы смеетесь? — спросил Достоевский с недоумением.

— Простите, Федор Михайлович, — смутилась Аня, но все же вновь не сдержала смех. — Как это они у вас... Гейн! Я воли!

Достоевский улыбнулся, глядя на нее.

— А у меня, милочка Анна Григорьевна, вообще каждое лицо говорит своим языком и своими понятиями. Они ведь мной из жизни взяты...

Они оба оглянулись, услышав, как отворяется дверь.

В кабинет входил Павел Исаев. В поднятой над головой руке он держал за кончик какой-то конверт.

— Ну, папа, — по своему обыкновению развязно говорил он, — да вы просто селадон какой-то! Опять послание! Надушено!.. Прелесть!

Достоевский, сразу же раздражаясь, протянул руку к конверту, но пасынок отвел его в сторону, ириво смеясь:

— Пари, что опять от вашей inferнальницы... по духам узнаю... от madame Апол-

лиарин Суловой... Но, однако, как настойчива!

— Ступай! — в ярости закричал Достоевский, вырывая у него конверт.

Паша с наигранным испугом повернулся, подмигнул Ане и — на носках сапог — покинул кабинет.

Губы Достоевского кривились в какой-то странной усмешке, руки дрожали, пока он взволнованно вскрывал конверт, бормоча:

— Мальчишка, фат!.. Но я все же люблю его, каков он ни есть... все ж люблю...

Наконец он распечатал конверт и с жадностью стал читать исписанный листок почтовой бумаги.

Аня печально и удивленно следила за ним.

...Лицо Аполлинару Суловой возникло из темноты...

— Но, Боже, до каких же пор?! — с мучкой воскликнул Достоевский, комкая в руке письмо. — Ну, не люби, не люби!.. Но и не мучай!

Он поднял голову и встретил взгляд Ани.

— Уже поздно, поздно... На дворе темь... — проговорил он, отводя глаза. — В голове темно... Да и дней шестнадцать всего, шестнадцать... Мы на чем остановились?

— «Ну, что ж. Теперь и разделявай-тесь», — сухо прочитала она.

У себя, в маленьком номере под самой крышей отеля, Алексей Иванович валялся на кровати, курил, садился, пил воду, принимался читать и бросал книгу.

А тем временем страстно звучал голос Достоевского:

— Это Полина, это все Полина! И не понимаю, не понимаю, что в ней хорошего! Хороша-то она, впрочем, хороша, кажется, хороша. Ведь она и других с ума сводит. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мне кажется, ее можно всю в узел завязать или перегнуть надвое. Следок ноги у нее узенький и длинный — мучительный. Именно мучительный... Месяца четыре тому

назад, когда я только что поступил, она, раз вечером, в зале с Де-Грие долго и горячо разговаривала. Вот с этого вечера я ее и полюбил... О, есть, есть наслаждение в последней степени приниженности и ничтожества! Черт знает, может быть, оно и есть в кнуте, когда кнут ложится на спину и рвет в клочки мясо...

— Что же вы не пишете? — спросил Достоевский, останавливаясь и с удивлением глядя на Аню, сидящую неподвижно.

— Потому что это мерзость, — тихо сказала она.

— Что? — ошелел Достоевский. — О чем вы, Анна Григорьевна?

— Да, мерзость, низость, грязь! — говорила она со слезами на глазах. — И она, и он! И она!

— Как вы смеете?! — взорвался Достоевский. — Кто вы здесь, чтобы указывать мне? Мне!

— И все равно, я это писать не стану, не стану, не стану!

— Анна Григорьевна! Опомнитесь!

Она вскочила со стула и стала нервно собирать свои принадлежности в портфель, говоря:

— Проводите меня. Уже поздно. Мне домой надобно.

В прихожей Достоевский снял с вешалки Анино пальто. Они молчали, оба испытывали страшную неловкость.

— Куда же вы? В самую-то ночь? — спросил наконец Достоевский, подавая ей пальто. — Я скажу Федосье вас проводить...

— Не беспокойтесь, пожалуйста. Я не боюсь.

— Напрасно. Напрасно. Страшны наши петербургские ночи... — Он взял с подзеркальника канделябр с горящими свечами. — Вот третьего дня ночью шел я по Невскому. Так, случаем, по одному делу... Трое господ, и хорошо, солидно одетых, возвращались из ресторации, от Дюссо. Но не были пьяны. Отнюдь! Даже вели между собой возвышенный разговор и читали стихи... И вот попалась им навстречу жен-

щина — из тех, которые ночью гуляют, потому что это их промысел... И эти господа, в возвышенном настроении, почувствовали к истасканной, нарумяненной, набеленной женщине такое необычайное омерзение и такую свою необычайную чистоту... что — все трое — плюнули ей в лицо!..

— Боже! — в ужасе прошептала Аня.

Достоевский отпер дверь на лестницу, пропуская девушку вперед и держа над головой канделябр, осветил перед ней ступеньки. Она стала спускаться.

— Анна Григорьевна! — вдруг как-то странно позвал он ее.

Аня обернулась и посмотрела на него снизу.

Он молчал, фантастические тени от свечей окружали его.

— Что? — шепотом спросила Аня.

— Ну, а как вам сейчас в лицо плюнут?.. — тоже прошептал он. — Вам — в лицо... Потому что оно покажется им развратно-изношенным...

Аня несколько мгновений глядела на него, потом вскрикнула, в ужасе закрыла лицо руками и бросилась вниз по лестнице...

- Лампада мерцала в темноте, слабо освещая лик Богоматери.

— Нет, нет! Не хочу! Отпустите! — кричал женский голос.

- Торопливые шаги под дверью. Скрипнула, открылась дверь. Свет от свечи. Свеча в руке испуганной женщины в пеньюаре.

— Отпустите меня! Отпустите!

— Неточка, что с тобой?

Женщина в пеньюаре бросилась к кровати. Аня Сниткина, разметав по подушке волосы, стонала и плакала с закрытыми глазами.

— Доченька! Что с тобой? Проснись! — обнимая, будила ее мать.

Аня открыла глаза.

— Мама! — вскрикнула она. — Ты здесь? Какой сон страшный!

— Господи! — дотронулась до ее лба мать. — Да ты вся горюшь, Господи!

— Федосья! — крикнул Достоевский, бросая на стол перо. — Федосья!

Старуха служанка появилась на пороге кабинета.

— Что, не приходила Анна Григорьевна?

— Как же, батюшка, пришла, — добродушно ответила Федосья, — а я ее в подвале спрятала.

— Ну ладно, ступай! С тобой разговаривать!.. — рассердился Достоевский. — И не присылала никого?

— И не присылала.

— Что же это такое? — встал он из-за стола. — Ведь уже двенадцать часов!.. Мне ведь теперь необходимость в ней крайняя!

— Ну, господа, это уж просто скучно наконец. Цельный час об одном Достоевском! И дался же всем этот талант испившийся!

В гостиной дома Сниткиных возле Ани, полулежащей в подушках на софе, собралось за чайным столиком небольшое общество.

Здесь были две барышни с милыми лицами, ровесницы Ани. Здесь был Миша. Рядом с ним сидел совершенно молчаливый молодой человек в клетчатом сюртуке и пенсне. И еще — тридцатилетний, желчного вида господин с длинными волосами, редкой бородкой, в круглых очках. Это ему принадлежала фраза о Достоевском.

— Несправедливо и зло! О Достоевском многие судят, но мало кто знает его истинную душу, — немедленно повернулась к нему Аня. — А вы просто завидуете, Корытин!

— Вы больны, — покривился Корытин. — Вам прощается. Хотя и вольность.

— Корытин прав, — сказал Миша, наливая Ане чай. — Если еще раз кто об Достоевском, с того — фант!

По петербургским закоулкам ехал извозчик.

Достоевский сидел на кожаных подушках, с нетерпением смотрел по сторонам и говорил раздраженно:

— Как же ты не знаешь Костромскую улицу? Человек всю жизнь живет в Петербурге и не знает того места, где живет!

— Так и вы, барин, тож не знаете, — невозмутимо отвечал извозчик.

— Пошел, пошел! — крикнул Достоевский.

— Господа! — растерянно сказала Аня, глядя на дверь гостиной. — Достоевский...

— Фант! Фант! С вас фант!

— Да прекратите же, господа! — рассердилась Аня. — Федор Михайлович Достоевский!

Он стоял на пороге — взволнованный, бледный, в дурно сидящем на нем черном фраке.

— Вы больны?! — воскликнул он и пошел через гостиную, глядя только на Аню, никого вокруг не замечая и говоря: — О, я слишком, слишком понимаю причину нездоровья...

Все стихло. Миша смотрел на Достоевского с вытянутым лицом. Корытин подтолкнул его и пожал плечами.

— Знакомьтесь, — говорила Аня, стараясь вывести всех из неловкости. — Это мои друзья... Пришли навесить...

Достоевский остановился посреди комнаты, не дойдя до софы. И, словно очнувшись, стал оглядываться и неловко кланяться.

— Лизочка и Дашенька, — говорила Аня, представляя гостей, — Комарович, медик, студент... Миша... Корытин, литератор...

— А мы знакомы, — сказал Корытин. — В шестьдесят втором, в Висбадене, на водах. Помните?

— Виноват, — сконфузился Достоевский. — Вследствие болезней, память на лица ужасная... А! Вы гувернер! Гувернер у тех славных детей, которые...

— Нет-с! — оскорбленно отрезал Корытин. — Очень даже не гувернер, милостивый государь! А встречались мы у известной эманципе, у Сусловой, с которой...

— Не помню, не помню! Возможно, — на этот раз поспешно перебил Достоевский и взглянул на Аню.

Она показала ему на стул рядом с собой. Он сел.

— Прошу, — неожиданно светски сказала она. — Чай, бисквиты... Прошу.

— А вот нельзя ли мне коньяку? — вдруг спросил он. — Сырость невозможная! Весь до костей продрог!

Молчаливый медик придвинул ему графинчик. Достоевский залпом выпил две рюмки подряд. И, вновь забывая об окружающем, повернулся к Ане, взял ее за руку и заговорил сбивчиво:

— Я грубостей вам наделал вчера... Не со зла, верьте Богу! Нервы расстроены, в душе мрак, на сердце предчувствия... О, не судите! Мне... мне ли быть причиной вашей болезни?..

— Господин Достоевский! — громко сказал Миша. — Пользуясь случаем, хочу спросить о том, что давно уже у меня на уме.

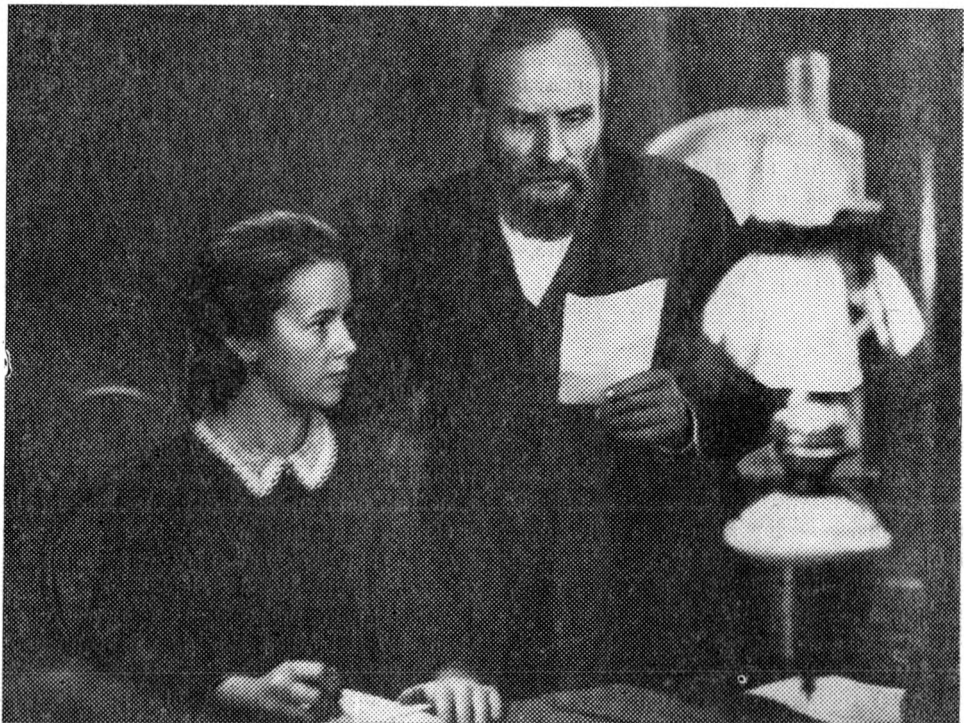
Аня, вздрогнув, отняла руку у Достоевского и со страхом посмотрела на Мишу. А он продолжал с горячностью:

— На ваших руках кандалы звенели. Как же вы могли этими руками на всю нашу студенческую корпорацию Раскольниковым грязь и пятно положить? Да я... я... — он задохнулся. — Погибать буду, не убью! Ради чего я мог бы на это решиться? Ради богатства? Не нужно мне богатства с кровью! Ради любви? Не хочу любви с кровью!

Он замолк.

— А ведь он славно высказал, — прошептал Достоевский Ане. — О, я это знаю! Я ужасно люблю эту юную струну...

— А позвольте узнать, господин Достоевский, — обратился к нему Корытин, — раз уж разговор... К чему же вы своего Раскольникова предназначаете?

*Достоевский — артист Анатолий Солоницын,
Аня Сниткина — артистка Евгения Симонова.*

— Да, да! — неожиданно оживилась одна из барышень и даже захлопала в ладоши. — Расскажите, расскажите! У нас дома даже партии образовались. Брат уверяет, что в Америку сбежит...

— Нет, не в Америку, — тихо и как-то печально сказал Достоевский, глядя в сторону. — К страданию придет, к великому страданию. А сил достанет в душе, так и покается, а нет — погибнет...

В образовавшейся тишине он склонился к Ане и сказал, глядя на Мишу:

— Как он смотрит на меня... Кто он?

— Он сватается ко мне, — ответила Аня.

— Да? — сказал Достоевский. — Вот как.

Он потер рукой лоб, встал и сделал шаг к Мише.

— Вы славно высказались, славно, — заговорил Достоевский каким-то странным,

высоким голосом, все более торопясь и срываясь в крик. — Но я не враг вам, поверьте! Я именно много самых дорогих надежд моих возлагаю на вас, на юное поколение наше, на наступающую Россию честных людей... Ведь вам правда нужна, не так ли? Одна голая правда, без теории и комфорта? А я именно провозглашаю, что есть у нас много молодого искания честности рядом со страшным развратом. И, коли сил достанет в душе, перестрадают, все перестрадают во имя правды! Я вижу, я предчувствую этих грядущих людей, которым принадлежит будущность России! Я верю в это! Буде! Буде! Буде!

Как-то странно и страшно разводя руками и почти крича, он шел к поднимающемуся ему навстречу Мише, шел, роняя на пол столик со всеми его чашками и ва-

зочками, шел, вдруг содрогаясь и падая, падая, падая...

Все вскочили в ужасе, прижались к стенам.

Аня бросилась к Достоевскому, лежащему на полу и обхватила руками его голову.

— Федор Михайлович! — крикнула она. — Что это? Что же это?

— А ничего, — впервые за все время открыл рот медик Комарович, опускаясь рядом с Аней. — Эссенциальная эпилепсия. Падучая, по-народному. Я уже давно наблюдаю, все симптомы были. Да ничего, отойдет. *Petit mal*. Случай элементарный...

— Матьер Божия, ты же такая добрая, прошу тебя, посмотри, как тяжко ему на этом свете. Видишь, как он мучается, сколько страданий на нем, и своих, и чужих...

Горела лампадка перед образом в углу Анниной комнаты. Она молилась, стоя на коленях.

— Покоя, покоя — прошу тебя, — дай ему хоть немного покоя и любви. И спаси его, и сохрани...

В углу кабинета полулежал в креслах Достоевский. Ноги его были накрыты пледом. Кисть одной руки свешивалась, другой он поддерживал огромную голову. Глаза его были закрыты.

Когда же он открыл глаза, то увидел, что по кабинету тихо ходит Аня Сниткина. Никак не выдавая своего пробуждения, он стал следить за ней из-под руки.

Она сосчитала переписанные начисто листы, аккуратно сложила их на письменном столе. Привела в порядок все книги и бумаги, скопанные в спешке листы бросила в корзину.

Потом подошла к своему столику, села и принялась, как обычно, раскладывать свои принадлежности.

И тут она увидела, что Достоевский смотрит на нее. Взгляды их встретились,

он улыбнулся смущенно и жалко и хотел было что-то сказать...

Она приложила палец к губам и показала на подлокотник кресла. Там лежали странички записей.

Он благодарно и растроганно взглянул на нее и слабым голосом спросил:

— Так на чем же мы остановились, Анна Григорьевна?

Она посмотрела к себе в блокнот и прочитала:

— «... Может быть, наслаждение есть и в кнуте, когда кнут ложится на спину и рвет в клочья мясо...»

Достоевский чуть заметно улыбнулся.

— Ну, а теперь другая глава пойдет, — сказал он. — Пишите, голубчик... «Вот уж почти целый месяц прошел, как я не притрагивался к этим заметкам моим, начатым под влиянием впечатлений, хотя и беспорядочных, но сильных. Катастрофа, приближение которой я тогда предчувствовал, наступила действительно, но во сто крат круче и неожиданнее, чем я думал...»

Он прервал диктовку и беспокойно поглядывал на Аню.

— Сколько же нам дней осталось, голубчик?

— Девять, Федор Михайлович. Диктуйте, диктуйте... «... Но во сто крат круче и неожиданнее, чем я думал...» Диктуйте!

Крутилась рулетка, прыгал шарик, ложились на зеленое сукно и исчезали золотые монеты.

Возникало лицо Алексея Ивановича среди играющих...

Какую-то величественную старуху в кресле подносили к игорному столику, и она бросала на стол золото.

Возникала и Полина — то в парке с детьми, то рядом с величественной старухой, то объясняющаяся с изящным худощавым господином с бородкой, в клетчатых панталонах...

И вновь крутилась рулетка...

И Алексей Иванович входил в свой номер и бросался на диван...

...входил к себе в номер и бросался на диван...

...входил к себе в номер и бросался на диван...

И звучал голос Достоевского:

— Придя домой, в порыве бешенства, я схватил перо и настроил ей следующее: «Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла развязка, которая заденет, конечно, и вас. Последний раз повторяю: нужна или нет вам моя голова? Если буду нужен хоть на что-нибудь, располагайте...»

В прихожей Аню Сниткину встретила служанка Федосья.

— А самих-то нету,— сказала она, открывая ей дверь.— Ушли. С утра как черная туча были. А потом ушли. Да вы проходите в комнаты, Анна Григорьевна. Они, чай, скоро обернутся.

Сниткина вошла в кабинет Достоевского, выложила из портфеля на стол листы бумаги. Не присаживаясь, обмакнула перо в чернильницу, что-то исправила.

Подойдя к зеркалу с листом в руке, она читала строки Достоевского, сначала про себя, потом все более и более увлекаясь и играя...

— Если я прихожу, то уж вся прихожу! — вдруг вскрикнула она, взмахнув рукой.

— Bravo! Bravo! Да вам на театре представлять! — громко сказал кто-то за спиной у Ани.

Она испуганно обернулась, смущенная тем, что ее застали врасплох.

На пороге кабинета стоял Павел Исаев. Он два раза, как заправский театрал, ударил ладонью о ладонь, прошел через кабинет и сел, развалившись, в то кресло, где всегда сидел Достоевский.

— А где же папá?

— Федора Михайловича нет,— сухо сказала Аня.

— Вот еще! Куда же это он? — Исаев с неудовольствием скривился.— Он мне до смерти нужен. Ну да ладно...

Он встал, подошел к окну и снял с подоконника китайскую вазу.

— Вы скажите папá, что я взял вазу,— бросил он через плечо и направился к дверям.

Аня встала у него на пути.

— Поставьте вазу на окно,— сказала она тихо.

— Что? — удивился Паша.

— Поставьте вазу.

— Послушайте... — протянул Исаев, начная злиться.— Да вам-то здесь что? Кто вы здесь?.. Дайте пройти наконец... У меня теперь спешка...

— Поставьте вазу,— не меняя интонации, тихо и грозно повторила Аня.

— Позвольте пройти! — взвизгнул Исаев.— Я ведь не посмотрю, что вы дама... Какая наглость! Вы здесь никто, вы стенографка, почти слуга... А я права имею...

— Пусть я стенографка, пусть я никто... Но вы бессовестно обираете этого человека... Вы заложили его шубу, а он с кашлем, по сырой, холодной погоде... Вы его в гроб гоните, а сами недостойны руку его целовать... Он гений всей России, он самый добрый, самый несчастный, самый лучший человек в мире... Его же от всего оберегать надо, а вы!.. Поставьте вазу или... или я вас ударю...

Она наступала на Исаева, и он попятился от нее. Аня взялась с одной стороны за вазу, потянула ее к себе. Исаев держал крепко. Тогда Аня, вне себя от ярости, что было сил дернула вазу. Исаев уступил. Ваза ударилась об пол и разлетелась на куски.

— Что здесь?

Достоевский в пальто вошел в комнату.

— Я ничего... это все она... Я ничего, папá... Вот видите, вазу разгрохала... Сами же просили продать, чтоб с ней расплатиться... Ну, я теперь пойду... У меня дела...

И он поспешно удалился.

Аня, совершенно убитая, наклонилась над разбитой вазой.

Достоевский снял пальто, бросил его на кресло.

— Послушайте, Анна Григорьевна,— сказал он желчно и надменно.— Если я при моих хорошо вам известных обстоятельствах теперь кругом от вас завишу, это еще не дает вам права кричать на моих близких... И, наконец, эта ваза...

— Я... я... — задохнулась Аня, пораженная несправедливостью.

— Как это людям недостает тонкости? — продолжал Достоевский.— Тут с кредиторами борешься... Работаешь, как собака из-под палки... Придешь домой, и здесь покоя нет...

Сниткина поднялась с пола. Глаза ее горели.

— Господин Достоевский! — крикнула она.

— Не смейте на меня кричать! — крикнул и сам Достоевский.

— Нет, буду, буду! — Она топнула ногой. Волосы ее растрепались, слезы закипали на глазах.

Они стояли друг против друга, охваченные гневом. Вдруг Достоевский, всмотревшись в ее пылающее лицо, в ее блестящие от слез глаза, сделал к ней шаг, еще шаг. Он был совсем близок к Ане.

Оба они одновременно испугались этой близости, оба смутились, оба отвели глаза и сделали вид, что ничего не произошло.

Достоевский, встав на колени, собирал осколки.

— Бедная ваза,— пробормотал он.

— Но я же ничего не знала,— тихо, по-детски сказала Аня.

Достоевский посмотрел на нее и ему стало мучительно стыдно. Стоя на коленях, он сказал:

— Анна Григорьевна, я слишком знаю сам большие и дурные стороны моего характера, но я знаю также, что я неспособен обидеть напрасно... Анна Григорьевна! — голос его надломился.— Анна Гри-

горьевна, я не хочу потерять вашего сердца!

Стоящий на коленях Достоевский сделался вдруг таким страдающим, таким жалким, с такой мольбой смотрел на девушку, что она не выдержала: еще мгновение — и она бы заплакала.

— Что же,— быстро проговорила она, увидев валяющееся пальто.— Что же это? Пальто так бросили. Я повешу! — Она схватила пальто и выбежала с ним.

В прихожей она повесила пальто и вдруг прижалась к нему лицом...

Когда она вернулась в кабинет, Достоевский сидел на своем обычном месте, готовый к работе. Он коротко взглянул на нее и спросил с преувеличенной деловитостью: — На чем же мы остановились?

Аня, не заглядывая в рукопись, ответила ему:

— Он выиграл на рулетке... Полина ждет его... в комнате отеля.

Голос Ани прервался, она еще не остыла от гнева и слез.

Достоевский коротко взглянул на нее и попросил:

— Прочтите-ка мне эту сцену. А я вас слушаю.

Аня взяла последние страницы.

— «Я побежал в свой этаж и быстро растворил дверь,— читала она.— Полина была тут и сидела на диване перед зажженной свечью, скрестя руки. Я остановился перед нею и стал выбрасывать на стол груды денег...»

— Я выиграл двести тысяч франков! — вскричал Алексей Иванович. Огромная груда билетов и свертков золота заняла весь стол в номере.

Странно как-то было выражение лица Полины: в нем была ненависть.

— Полина, вот пятьдесят тысяч франков. Возьмите, бросьте их завтра ему в лицо.

На съемке фильма. Режиссер-постановщик — Александр Зархи, оператор — Владимир Климов. Фото Е. Кочеткова.

— Вы дорого даете,— проговорила она, усмехаясь. — Любовница Де-Грие не стоит пятидесяти тысяч франков.

— Полина, как можно так со мною говорить! — вскричал Алексей Иванович с укором. — Разве я Де-Грие?

— Я вас ненавижу! Да... Да!.. Я вас не люблю больше, чем Де-Грие,— вырвалось у Полины.

Она закрыла лицо руками.

— Покупай меня. Хочешь? Хочешь? За пятьдесят тысяч франков, как Де-Грие? — рыдала она.

Алексей Иванович упал перед ней на колени и стал целовать руки и ноги.

Она положила обе руки на его плечи и пристально рассматривала его лицо.

Вдруг она бросилась обнимать его, потом отталкивала, потом снова привлекала к себе.

— Ведь ты меня любишь, любишь? — говорила она. — Ты милый, милый! — повторяла она. — Ты мой верный!.. — И опять клала ему руки свои на плечи, опять всматривалась и продолжала повторять: — Ты меня любишь... любишь... будешь любить?

— Дальше, Федор Михайлович, дальше,— прошептала Аня.

Достоевский поднял голову, глаза его горели.

— Дальше? — спросил он и сказал словами Алексея Ивановича: — «Я уж более ни о чем не думал и ничего не слышал. Голова моя закружилась...»

...Полина опять целовала и обнимала его, страстно и нежно прижимала свое лицо к его лицу...

— О, как я ее ненавижу! — прошептала Аня.

...Утро осветило комнату Алексея Ивановича в отеле. Он лежал на диване с закрытыми глазами. Полина сидела подле него и пристально смотрела на стол и деньги. Он открыл глаза, хотел было взять Полину за руку; она оттолкнула его и вскочила с дивана. Подошла к столу и, смотря с выражением бесконечной ненависти, с дрожащими от злости губами, сказала: — Ну, отдай же мне теперь мои пятьдесят тысяч франков!

Деньги лежали на столе. Он взял и подал ей.

— Ведь они уж теперь мои? Ведь так? Так? — злобно спрашивала она, держа деньги в руках.

— Да они и всегда были твои, — сказал Алексей Иванович.

— Ну, так вот же твои пятьдесят тысяч франков! — Она размахнулась и пустила их в него. Пачка больно ударила ему лицо и разлетелась по полу...

Полина выбежала из комнаты.

— Все! Ушла из романа! — тихо и как-то обессиленно сказал Достоевский. — Более ее не будет! Теперь и конец не за горами.

— Да? — тихо спросила Аня. — Совсем ушла?

— Совсем.

— Ну и прекрасно! Гордячка! Без всякого сердца! Я ее все эти дни не терпела! Она только для себя ищет...

— Однако много еще в вас двадцатилетнего, — усмехнулся Достоевский — Вы настоящей жизни не знаете.

— И все равно, — в голосе Ани вдруг появилось упрямство. — Она для себя ищет, а женщина жертвовать должна!

Осенний день в Петербурге был солнечный и ясный.

Достоевский и Аня ехали в экипаже по петербургским улицам.

— Мы с вами пролетарии, Анна Григорьевна, — весело говорил Достоевский. — А пролетарии имеют право на отдых.

— А каких мыслей на этот счет Стелловский? — улыбаясь, спросила Аня.

— Ни-ни! Об делах ни слова! Запрет! Только об приятном... — комически поднимая руки, воскликнул Достоевский. — Вот, видите, шляпу себе купил. Что скажете?

— Очень миленькая шляпа. И вам к лицу.

— Да? Да? Правда?.. — обрадовался Достоевский и улыбнулся, глядя на нее.

— Вы что, Федор Михайлович? — спросила она.

— Я все вспоминаю, как вы впервой ко мне пришли. Строга, сурова, не улыбнулась.

— Я вас боялась, Федор Михайлович.

— А теперь?

— Нисколько. Я ведь еще ни с кем так свободно и откровенно себя не чувствовала. Ну, просто как с папенькой или с дядей!

— Или с дедушкой, — ворчливо подсказал Достоевский.

И при этом как-то так посмотрел на нее, что они не выдержали и оба рассмеялись...

— Смотрите, смотрите! Достоевский проехал! — воскликнул, глядя вслед экипажу, некий господин.

Он и еще другой господин стояли в цилиндрах и с тросточками, на тротуаре петербургской улицы.

— Да, действительно, Достоевский, — сказал второй господин, оборачиваясь. — И весел, смеется! Неужто роман закончил?

— Да уж наверное, иначе б не смеялся.

— В дни печали и в дни радости, в дни очень важные для меня, голубчик мой Анна Григорьевна, — серьезно сказал Достоевский, помогая ей выйти из экипажа, — я прихожу сюда, как в храм...

Местность вокруг была загородная: деревья, пожухлая трава...

— Вон там стоял он,— говорил Достоевский, отходя от Ани и останавливаясь под черными оголенными деревьями. — Здесь стоял он, а там, где вы,— Дантес... — Он вытянул вперед правую руку с двумя пальцами, как бы навел пистолет. — И божь, божь! Почему меня тогда не было рядом с ним?! Да, он стоял здесь, вот так... — говорил Достоевский, не опуская руки. — И вот еще черта! Мне рассказывали... Он увидел, что задел Дантеса... уже раненый, раненый!.. И подбросил вверх пистолет... вот так... и крикнул... какое крикнул!.. простонал, наверно: «браво!». А? Каков? Чудо! Все пройдет, а он останется! Он знает, кто? Он русский бог. А мы его пророки... — И он медленно и важно пошел к Ане, говоря:

И он к устам моим приник
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замерзшие мои
Вложил десницею кровавой.
И он мне грудь рассек мечом,
И сердце трепетное вынул,
И угль, пылающий огнем,
Во грудь отверстую водвинул.
Как труп в пустыне я лежал,
И Бога глас ко мне воззвал...

В витрине магазина, выходящей на оживленную петербургскую улицу, были выставлены книги, ноты и даже фотографии.

Звенел над дверью колокольчик. Посетители входили в магазин и попадали в довольно просторную залу со стенами, сплошь уставленными книжными шкапами, и с большим раскрытым роялем. Пол в магазине тоже был завален книгами.

Магазин был полон публики. Кто читал, облокотясь на прилавок, кто поднимался по стремянке, отыскивая на полках нужную вещь, кто праздно курил, болтая с приятелем, кто разбирал за роялем новые ноты...

За стеклом, позволяющем обозреть весь зал, находилась конторка, за ней стоял Стелловский с пером в руках. Возле него,

в почтительной позе, в ожидании склонился трактирный «Мармеладов».

Стелловский подписывал какие-то счета, которые подавал «Мармеладов», и одновременно слушал, что ему говорит какой-то господин из посетителей.

— Когда вы думаете Достоевского новый роман пустить? — спрашивал он.

— Вы об чем? — недоуменно спросил Стелловский. — Я его и видом не видывал, новый роман этот!

— Да что вы, право?! Шутите? — удивился господин. — По Петербургу слух идет, что Достоевский для вас роман закончил, а вы и не знаете?

— Неужто закончил? Ну ловок,— покачал головой Стелловский. — А какое сегодня?

— Тридцатое.

— Ну ловок! — с каким-то даже уважением повторил Стелловский. — Это я, господа, первый раз слышу, чтоб сочинитель ловчей купца оказался!..

В Рулетенбурге медленно, понуро брел по саду Алексей Иванович. Одет он неряшливо, бедно, во взгляде его отчаяние.

Слышен голос Достоевского:

...И вот полтора года прошли, и я, по моему, гораздо хуже, чем нищий! Да что нищий! Наплевать на нишество! Я просто сгубил себя! Итак, мне остается возможность один только раз пойти теперь на рулетку — если выиграю хоть что-нибудь, можно будет продолжать игру; если проиграю... Теперь уж, впрочем, поздно, но завтра... О, у меня предчувствие, и это не может быть иначе! У меня теперь пятнадцать луидоров, а я начинал и с пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно...

Завтра, завтра все кончится!

Печальная, понурая фигура на скамье в темном парке, за деревьями которого блестит огнями веселый Рулетенбург...

Ярким солнечным светом был залит кабинет Достоевского.

Писатель выглядел оживленным и бодрым и даже как будто помолодевшим. Перед ним на столе лежала рукопись, на заглавном листе которой было написано: Ф. М. Достоевский, «Рулетенбург», романъ (из записок молодого человека)*.

Сниткина, сидя в стороне, молча следила за Достоевским.

Он бережно, с нежностью перевернул первую страницу, обмакнул перо в чернильницу, исправил букву. Откинулся в кресло, посмотрел на Аню.

— Что вы в таком унынии? Или вы моей радости не рады, что от романа освободинся?

— Отчего ж? Я рада... — как-то растерянно ответила Аня.

Достоевский не заметил ее тона. Вновь наклонившись над рукописью, он прочел первые строки романа:

— «Наконец я возвратился из двухнедельной отлучки. Наши уже три дня как были в Рулетенбурге...»

— «Я думал, что они бог знает как ждут меня, однако ж ошибся», — продолжала Аня. Голос ее был печален.

— Помните? — удивился Достоевский. — А ведь, кажется, целый век прошел... Время над нами пролетело незаметно. Вот так и во всем. Уж и старость подходит, а все располагаешь писать новое, чем наконец остался бы доволен... Ждешь чего-то от жизни... А меж тем, может, уже и получил все?

— Кто про это знает, — сказала Аня.

— Эх, мне бы только крошечку пока! — вздохнул Достоевский. — Я бы, знаете, как писал! Ого! Я ведь русское общество знаю, как никто. И тридцать лет после меня б все еще читали... — Он вдруг резко повернулся к ней: — Анна Григорьевна! Неужто с написанием романа все кончится? — Человеку с человеком трудно не встретиться, — сдержанно ответила Аня.

— Да? — Он взглянул на девушку. Нахмурился. Сказал нервно: — Уеду вон из Петербурга. Петербург — ад для меня!

— Вот новость! — удивилась она. — А как же «Преступление»?

— Брошу, не до него! — хмуро сказал Достоевский. — Новый роман в голове...

Он отошел к окну, посмотрел на улицу и, не поворачиваясь к ней, спросил странным, взволнованным голосом:

— Хотите, расскажу?

— Конечно, — тихо ответила она.

— Там действует один художник, человек уже немолодой... Как я... Большой человек, угрюмый, раздражительный. И не удивительно! В жизни его было много горя. Он беден. Он любил, но любим не был, страдал, трудился... И вот в самый решительный момент своей жизни он встречает девушку... ваших лет... чистое, прекрасное существо из современной молодежи... настоящую женщину, которой мир спасется... — Он пытливо посмотрел на Аню. — Как вы думаете, возможно ли, чтобы молодая девушка, столь отличная от него по характеру, по летам, могла полюбить моего художника?.. Не отвечайте, погодите!.. Вспомните, он угрюм, нехорош собой, тяжело болен, неудачник, хотя мог бы многое сделать... О, многое! Но беден... Беден так, что порой ему с натурщиками расплатиться нечем... О, гнусная, ничтожная рассеянность! — вдруг вскричал он, хватаясь за голову. — Про расчет-то я и забыл! Забыл! Забыл! Ведь мы, кажется, на пятьдесят рублей договаривались?

— На пятидесяти, — тихо ответила Аня.

— Я сейчас, сейчас! — И он выбежал из кабинета.

Оставшись одна, Аня еще раз перелистала страницы романа, поправила что-то...

Вошел Достоевский. Он был совершенно растерян, подавлен.

— Ни Федосьи, ни Паши... Никого! — подавленно сказал он. — Анна Григорьевна! Роковые обстоятельства мои вам слишком хорошо известны!.. Подождите до утра, до этого же времени, умоляю!

* Впоследствии роман получил название «Игрок».

По петербургской улице быстро шел Достоевский с большим свертком под мышкой.

Рядом поспешал семенящими шагками трактирный «Мармеладов», в плохонькой шинели и картузе.

— Уверю вас, драгоценнейший, — говорил он взволнованно. — Каверза и подвох! Я ведь бестию эту тоже изучил достаточно... Он вчера цельный день бороду чесал... вот так, пальцем... Коли так чешет, значит, кому-то гибель задумал, казни египетские...

— Да что борода! К черту бороду! — говорил Достоевский. — Куда же он деться-то мог?

— Не знаю-с, не знаю-с, драгоценнейший! Ни в магазине на Невском, ни в конторе на Морской... Я вот и полетел вперед забежать... вперед... Предупредить-с, чтоб не улизнул!

— Значит, к нему домой! Нагрнать, изловить, швырнуть в физиономию!

— Домой, домой-с, драгоценнейший! И непременно в физиономию... в физиономию...

Аня Сниткина подходила по улице к дому Достоевского.

Вдруг кто-то взял ее сзади под руку. Она испуганно обернулась. Это был Миша.

— Откуда вы здесь? — смущенно спросила Аня.

— Гулял, — коротко ответил Миша.

Они молча шли рядом.

— А я в Америку уезжаю, — вдруг сказал Миша. — Решено дело. В негры к плантатору пойду!

— Смешной вы, — ласково сказала Аня. — И молоды еще как!

— Постарше вас, — по-детски ответил Миша и внезапно закричал: — Анна Григорьевна! Вы слепая, что ли? Ведь он вас добивается!

Аня негодуяше подняла руку.

— Не смейте... не смейте... — прошептала она. — Что вы? Я и подумать об этом не могу.

— Вот вы сразу и высказались! — захохотал Миша. — Значит, думали, думали, коли так сказали! Только — нет! Не бывать тому! Не пушу!

И он загородил Ане вход в подъезд.

Ей все же удалось, отстранив Мишу, проскользнуть мимо него на лестницу, но он забежал вперед и, отступая перед ней со ступеньки на ступеньку, продолжал говорить:

— Если вы только к нему, то это конец... Слышишь, Аня? Конец! Значит, да? Да? Идешь? Не смей! Не пушу!

Привлеченный громкими голосами, Достоевский вышел на лестницу. Он был почему-то в пальто...

— Вы безумны сейчас, Миша, — говорила Аня. — Мы поговорим после.

— Не будет никакого «после»... Иди, иди к своему старику!.. Ах, да не расстаются же так люди! — И вниз по лестнице.

Аня услышала сдавленный полувздых, полукрик. Подняла глаза. В открытых дверях квартиры 13 стоял Достоевский, держась правой рукой за горло. Рот его кривился.

Аня сразу же бросилась к нему.

Он усмехнулся:

— Не беспокойтесь, Анна Григорьевна, припадка не будет...

Повернулся и медленно побрел по квартире. Она — за ним.

В кабинете он упал в кресло, опустил голову...

— Что же это? — изумленно прошептала Аня, глядя на стол, на котором был брошен сверток. — Роман?.. Почему ж вы его не сдали?

— Далеко ехать придется, Анна Григорьевна, — ответил Достоевский, — в Париж, на Елисейские поля...

— Как?

— Удрал! — крикнул Достоевский. — Удрал Стелловский! Конец! Конец всему! Тридцать первое сегодня, понимаете, тридцать первое!

Он вскочил, схватил со стола роман.

— Истребить... истребить... Не нужен никому... истребить...

Она вырвала у него сверток.

— Не смейте! Дайте сюда, нелепый вы человек! Первое ноября не наступило еще...

В помещении полицейской части было полутемно, угрюмо.

Аня положила рукопись на стол перед невзрачным молодым офицером. Достоевский стоял в стороне.

— Господин офицер! — решительно сказала она. — Здесь роман писателя Достоевского. Извольте принять его и засвидетельствовать распиской, что он был сдан вам тридцать первого октября тысяча восемьсот шестьдесят шестого года.

— Не знаю-с, — пожал он плечами. — Дело тонкое... Не знаю, примеров не было... Надо бы к начальству...

— Однако это странно, — высокомерно сказала Аня. — Господин Урлов-второй просил сказать, что лично от него...

— Ах, Урлов-второй! — мгновенно переменялся в лице полицейский. — Так что же вы, право...

Он обмакнул перо в чернильницу, взглянул на заглавный лист романа, прочитал:

— До-сто-ев-ский... А вы, собственно, кем ему приходиться?

— Я? — спокойно переспросила Аня. — Я его жена.

Светились два окна во тьме. Свеча горела за стеклом, освещая лицо Достоевского, сидящего за письменным столом. Перед ним лежала стопка белой бумаги. В руке он держал вставку с пером, но не писал.

Дверь в кабинет тихо растворилась. И вошла Анна Григорьевна Сниткина в темном капоте. Она села за маленький столик, открыла тетрадку, взяла перо.

Достоевский посмотрел на нее и сказал:

— Сибирь. На берегу широкой, пустынной реки стоит город, один из административных центров России; в городе крепость, в крепости острог. В остроге уже девять месяцев заключен ссыльно-каторжный второго разряда Родион Раскольников...

Открываются острожные ворота, выходят каторжники, бредут к реке, к баркам.

Женская фигурка сопровождает печальную вереницу арестантов.

— Он даже и не знал того, — говорил Достоевский, — что новая жизнь не даром же ему достается, что ее еще надо дорого купить, заплатить за нее великим, будущим подвигом...

Но тут уж начинается новая история... Это могло бы составить тему нового рассказа — но теперешний рассказ наш окончен.

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СЦЕНАРИЮ

В декабре 1967 года на заброшенном Батурином кладбище в Ялте нам показали поросшую буйной травой могилу. Шел унылый зимний ялтинский дождик. И было невыносимо грустно думать, что тут лежит женщина, которую любил Достоевский.

Правда, уже менее чем через год мы присутствовали на торжественной церемонии в пантеоне Александро-Невской лавры. Здесь, во исполнение предсмертной воли, спустя почти полвека и была захоронена рядом с мужем Анна Григорьевна Сниткина, светлый ангел последних четырнадцати лет жизни Достоевского.

Сценарий тогда был уже вчерне написан. Одним из консультантов его был ныне покойный Андрей Федорович Достоевский, внук писателя. Он водил нас по местам, помнящим его деда, и показывал даже

дворницкую, где бес подsunул Раскольникову топор, чтобы он убил старуху и Лизавету.

Идея сочинить сценарий о двадцатитрехдневном романе писателя с юной «стенографкой», которой он диктует «Игрока», в некий счастливый момент посетила Владимира Петровича Вайнштока. Он вообще был редкостный изобретатель всяческих идей, замыслов и страстный поклонник архива и документа.

Через некоторое время Владимир Петрович предложил мне делать вместе с ним эту работу и я ошеломленно и радостно согласился. Но то, что я тогда осмелился взяться за сценарий о Достоевском, сейчас, по прошествии двенадцати лет, я объясняю только безоглядной лихостью и самонадеянностью молодости.

Трудности представлялись огромными. Судите сами. В октябре 1866 года, когда началась диктовка «Игрока», Достоевскому было сорок пять лет. За семь лет до этого он вернулся в Петербург после каторги и ссылки. Он потерял жену, любимого брата, безнадежно искал близкого человека и, как тяжелой болезнью, был мучим страстью к Аполлинарии Сусловой.

Одиноким как пророк в пустыне, Достоевский вступил в пору создания потрясающих, словно великое откровение, романов. То, что происходило с ним, можно было сравнить с гигантским геологическим катаклизмом — рождением острова в океане или возникновением новой горной гряды. Однако наш сценарий не об этом, его рамки значительно уже.

К счастью, взятый нами подлинный эпизод из жизни Достоевского сам по себе настолько сюжетен и драматургичен, точно уже был сочинен кем-то. Мы только позволили себе сблизить линии судеб Сусловой и Сниткиной, в реальной действительности в отдалении пролежавшие в силовом поле Достоевского.

Кроме того, мы понимали, что нельзя говорить за Достоевского. Мы стали искать его слова повсюду — в письмах, записных книжках, планах. Мы добивались, чтобы по возможности везде, даже в сценах, вынужденно отклоняющихся от документальности, наш Достоевский говорил подлинным языком Достоевского.

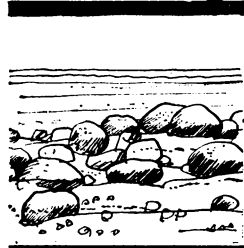
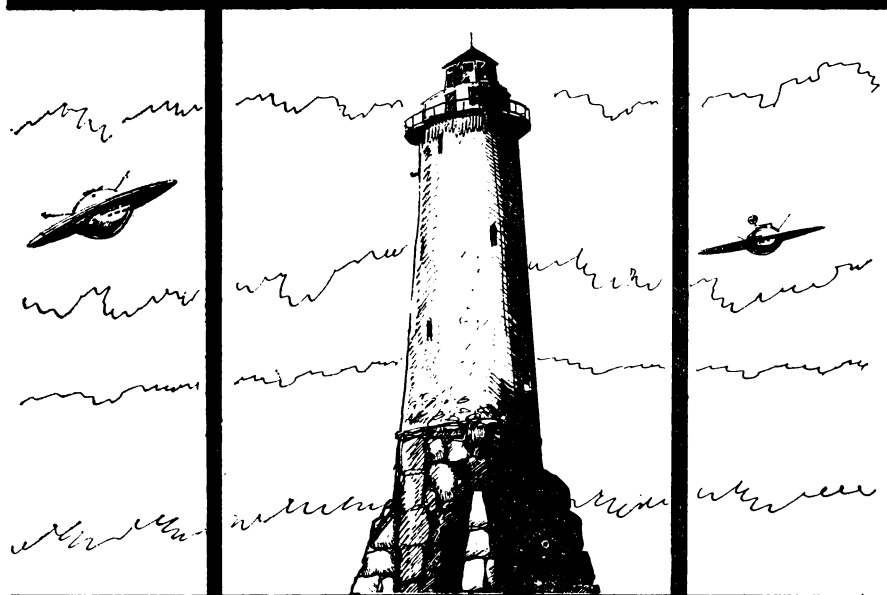
И еще. Черновики и заметки к «Игроку» не сохранилось. Поэтому, полагаясь на некоторые свидетельства Сниткиной, мы опять-таки позволили себе кое-где в тексте снять кавычки. Нам просто было необходимо это, чтобы показать живое, естественное возникновение романа в процессе писательского труда.

Фильм ставит режиссер Александр Зархи. Очень горько, что этого фильма никогда уже не увидит на экране Владимир Петрович Вайншток. А ведь он так ждал этого дня...

Последняя редакция делалась без него. Многое меняется с течением времени и опыта, и из сценария теперь что-то ушло, но что-то в него и пришло. Неизменным осталось одно: глубокое преклонение перед великим именем Федора Михайловича Достоевского.

Павел Финн

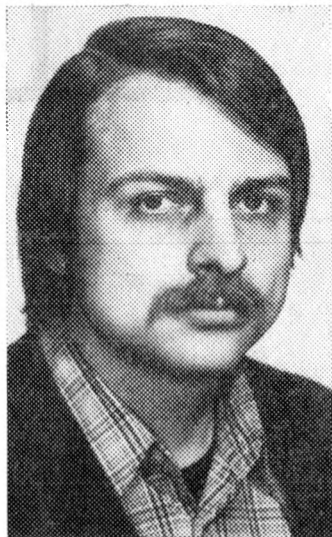
СВЯТОСЛАВ ГЕРВАССИЕВ

КОНТАКТ

СВЯТОСЛАВ ИГОРЕВИЧ ГЕРВАССИЕВ (родился в 1945 году) окончил киноведческий факультет ВГИКа. Работал режиссером на Восточно-Сибирской студии кинохроники, автор ряда сценариев научно-популярных фильмов. В 1978 году окончил Высшие сценарные курсы Госкино СССР.

Литературный сценарий С. Гервассиева «Контакт» подготовлен на киностудии «Мосфильм».

С площадки маяка был виден и силуэт парохода, ползущего по синему горизонту, и материк, казавшийся сверху совсем близким, и размытые утренней дымкой очертания соседних островов. А внизу — сосны и луговые прогалины их острова, который был так мал, что, казалось, только для того и создан, чтобы служить опорой для этой громадной, шестидесятиметровой башни, сложенной из серого гранита в незапамятные времена.

Младшая девочка, сидевшая на руках старика, глянула на потрескавшиеся угольно-черные плиты и спросила:

— Дед, ты почему пол не моешь? Смотри, какая грязь!

— Это не грязь... — Антс улыбнулся, касаясь ее светлых волос ладонью. — Это копать. Ее не отмыть... Раньше, когда еще не было электричества, здесь каждую ночь разводили костер... Большой, чтобы моряки видели его издали и не сажали свои ковраби на мель...

Старшая девочка скользнула взглядом по закопченным плитам и отвернулась. Ей уже наскучило смотреть на островок, приникший к основанию башни, и она сказала — просто так:

— Твой дом такой маленький...

— Почему же маленький? — удивился Антс. — Дом как дом...

И тут улыбка сползла с его лица и оно сделалось совсем старым.

— ...А почему ты говоришь «твой»? Он ведь и твой тоже... Он — наш!

— Нет! — девочка упрямо мотнула головой. — Наш дом в городе. Он девятиэтажный, и там живут все мои подруги, а здесь — никого... Скучно... — И добавила

уже другим, «взрослым» тоном: — И вообще... Как ты можешь здесь жить? Один! В такой глуши! Я бы не выдержала...

Он покачал головой — эти интонации были ему хорошо знакомы.

Снизу послышался резкий автомобильный гудок. Антс вздохнул и взял старшую девочку за руку.

— Ну, пойдемте... Пора уже...

Они спускались по крутым ступеням, зажатые тяжелыми сводами. Разглядывая камни, зачерненные копотью факелов, исчерканные разными именами и датами, старшая девочка споткнулась. Антс взял на руки и ее. Ощупывая ногами скользкие, истертые временем ступени, он нес вниз обеих внуков — без всякого напряжения. Он был крепкий старик.

Соскользнув с его рук, девочки помчались к чернеющему над водой давным-давно разрушенному причалу. Антс тоже свернул туда.

Он стоял и смотрел, как старшая девочка, балансируя раскинутыми руками, шла по длинной, все еще прочной и прямой деревянной балке. А младшая, не решаясь следовать за ней, осторожно перепрыгивала с камня на камень.

Новый автомобильный гудок прервал его мысли. Да и девочки, услышав гудок, сразу повернули назад и побежали вдоль пустынного пляжа, перепрыгивая через большие круглые валуны.

Во дворе стояли новенькие ярко-красные «Жигули» с велосипедом, привязанным к верхнему багажнику.

Когда старик подошел к машине, девочки уже ерзали на заднем сиденье. А его

сын Аго протирал и без того чистое ветровое стекло.

— Поехали. — Аго дохнул на стекло и еще раз провел тряпкой.

— Сейчас. Я только... — кивнул старик и скрылся в доме.

Аго сел в машину, крутнул ручку приемника, и свист эфира заглушил шорох волн. Девочки нетерпеливо оглядывались на дом. Аго резким щелчком отключил приемник и просигнализировал. Антс спустился с крыльца, на ходу заворачивая что-то в газету, сел рядом с Аго и не успел закрыть дверь, как машина сорвалась с места.

— Десять минут осталось! — пробурчал Аго, глянув на часы.

— Успеем, — спокойно сказал Антс.

Аго хотел что-то возразить, но сдержался.

Объезжая валуны, торчавшие повсюду, машина промчалась по траве и, выскочив на проселок, исчезла в облаке белой известковой пыли.

— Вот возьми. — Антс положил сверток между сиденьями. — Листики будешь обрывать и кипятком, как чай, заваривать...

— Спасибо, — кивнул Аго, не отрывая глаз от дороги.

— А мама говорит, что лекарства в аптеке покупать надо, — сказала младшая девочка. — А все эти травы...

Аго обернулся к ней. И девочка умолкла.

— В аптеке такого не купишь... — задумчиво улынулся старик.

Дорога бежала вдоль зарослей можжевельника, ныряла в старый сосновый лес, огибала заброшенное кладбище с каменными крестами и плитами, утопавшими в густых зарослях папоротника, вилась среди зеленых лугов. По обочинам тянулись заборчики, сложенные из плоских камней, полуразвалившиеся, заросшие мхами. Дорога была пустынной — ни людей, ни машин.

— Может, передумаешь, отец? — спросил Аго. — Тут же никого не осталось. Разве это жизнь? Чуть не каждый день — четыре-пять баллов...

Старик словно не слышал.

— Дом того и гляди развалится, — продолжал сын.

— Дом я отремонтирую, — отрезал старик. — Уже договорился.

— Да разве в этом дело? — вздохнул Аго. — Жил бы с нами... В центре города... Все удобства... Рядом парк — с внучками гулять можно. А здесь что? И у меня на душе неспокойно. Это всегда так. Сначала толчки-толчки, а потом как тряханет — камня на камне не останется.

— А ты откуда знаешь? — усмехнулся Антс. — В газетах читал?

— Ну вот опять! — расстроился Аго. — Я с тобой серьезно, а ты к словам придираешься... Как ребенок, честное слово! Ну хорошо, не можешь ты без этого острова — кто тебе мешает? Зимой живи у нас, а летом будешь сюда перебираться...

— Перебираться?! — резко повернулся к нему старик. — К свежему воздуху, к природе поближе?! Но это не дача, понимаешь?! Это мой дом!

— Ладно, — вздохнул сын. — Тебе виднее. — И выключил приемник.

По узкой бетонной дамбе они въехали на причал. Парома еще не было. Аго присел на капот, закурил. Антс стал снимать велосипед с багажника. Аго глянул на часы и отбросил сигарету:

— Черт знает что! Уже на двадцать минут опаздывает!

— Бывает, — пожал плечами старик.

— Бывает?! — вспыхнул Аго. — А расписание зачем? Это ты куда не торопишься, ждешь у моря погоды. — Он отшвырнул ногой мелкий камешек. — Да и куда спешить, когда тут вся жизнь остановилась. А там... — Аго кивнул в сторону материка, — она, между прочим, течет! И время чего-то стоит! Так почему я должен терять его понапрасну?!

— В твои годы я тоже вот так торопился, боялся куда-то опоздать... — сказал Антс тихо и задумчиво. — А куда? Теперь и сам не знаю. Я вот думаю... Что это зна-

чит — время терять? Это же не кошелек, чтобы можно было пощупать и определить — потерял ты его или еще нет. Только потом замечаешь... Да и то не всегда...

Кашляя выхлопами, на причал въехал старенький автобус. Совершенно пустой. Водитель подошел к «Жигулям», поздоровался и спросил:

— Опять опаздывает?

Аго обреченно вздохнул.

— Известное дело, — хмыкнул шофер. — Упрямый, пассажиров в гавани ждет. А все равно не дождется... Некому сюда съездить. И незачем... Я вот тоже... Целыми днями сам себя катаю...

— Так чего здесь сидеть? — спросил Аго.

— Точно, — согласился шофер. — Хватит с меня этого курорта. В конце месяца беру расчет и — будьте здоровы! Там... — он кивнул в сторону материка, — моя специальность тоже требуется.

— Конечно, — подхватил Аго, косясь на Антса.

А тот смотрел на море, и глаза его слегка слезились на ветру.

Шофер отошел к автобусу и стал возиться с мотором.

— Может, передумаешь? — снова спросил Аго.

Антс молча глянул на него и пошел к внучкам, бросавшим в воду камешки. Он сидел на корточках и что-то им объяснял, когда Аго тронул его за плечо. Старик обернулся и увидел, что Аго протягивает ему несколько десятков.

— Передай... Для Ильмара...

— Ты же знаешь, она не возьмет, — отвел глаза Антс.

Аго смотрел на деньги в своей руке и не знал, что с ними делать.

— Ну, ты возьми...

— Зачем? — удивился Антс. — Мне ничего не надо. Вот он! — И, вставая, кивнул в сторону моря: — Тарахтит.

Подошел мотопаром — суденышко с низкой осадкой и двумя толстыми стояками над широкой палубой. Пустой, как и обещал шофер...

Антс обнял внучек, простился с сыном, и «Жигули» въехали на паром, заняв лишь небольшой кусочек пустой палубы. Паром загудел и отчалил. Старик помахал ему вслед, поднял велосипед и пошел к дамбе.

— Может, подвезти? — спросил одинокий шофер.

— Да нет, спасибо. — Антс оседлал велосипед и покатил по дамбе, медленно вращая педалями.

Автобус обогнал его уже на дороге и скрыл в облаке белой пыли.

Миновав кладбище, Антс свернул в поселок, давно покинутый людьми. Некоторые дома были еще целы, только крапивою проросли поля. От других осталось лишь несколько полуистлевших бревен или одна печь, выложенная поблекшими изразцами. И все это заросло мхами, какими-то кустиками, травой...

Антс открыл чудом уцелевшую калитку, из которой торчали лишь обломки изгороди, и, миновав заброшенный каменный дом, вошел в сад — старый, одичавший, но все еще живой. Зеленые ветки яблонь клонились к земле. Некоторые обломались и лежали в траве, краснея спелыми плодами. Старик подпер одну из отяжелевших веток палкой, сорвал с нее яблоко, потер его о свитер и надкусил...

...И снова он катил по дороге мимо мачтовых сосен, мимо кустов можжевельника и больших гранитных валунов.

Наконец он въехал в поселок, в котором, судя по всему, еще жили. Свернул в боковую улочку, прислонил велосипед к забору, открыл калитку. Хозяин — плотный краснощекий старик — заколачивал досками окна. А вокруг царил такой беспорядок, что сразу было ясно — здесь готовятся к отъезду. Хозяин вытащил изо рта гвозди, отложил в сторону молоток и подошел к Антсу.

— Все-таки уезжаешь? — спросил тот.

Хозяин молча кивнул, вытащил из-под лопат ивил позвякивающую грузилами сеть:

— Возьми, Антс. Зачем мне в городе сеть?.. А ты...

— Да у меня своя есть... Не надо. — Антс протянул хозяину руку. — Напиши, как ты там... На новом месте...

По главной улице ехала на велосипеде молодая женщина. Поровнявшись с ней, Антс притормозил. Женщина тоже остановилась.

— Здравствуй, — улыбнулся старик. — Что Ильмар пишет?

— Он приедет. Через два дня! — ответила женщина, и лицо ее осветилось радостью.

— Да, — кивнул старик. — Кончается лето. Так ты заезжай, Линда. Он уехал... Только что проводил...

Какая-то неловкость возникла между ними, но, глянув друг другу в глаза, они снова улыбнулись.

— Приезжай, — повторил старик.

— Хорошо, — кивнула Линда и нажала на педаль.

На площади, перед конторой колхозной бригады с выцветшими лозунгами, Антс поставил велосипед к стене и зашел в магазинчик. Он купил бутылку растительного масла, хлеба, спичек, сложил все это в холщовую сумку и направился к выходу.

Молоденькая продавщица, которая все не решалась обратиться к нему с каким-то вопросом, не выдержала. Выскочив из-за прилавка, перехватила его в дверях и, краснея лицом, выпалила:

— А вы от беременности лечите?

— Нет, — сказал он, строго глянув на продавщицу. — Дети — это не болезнь. Помоему, это радость. Особенно здесь, на острове... Когда их так мало.

— Тебе бы такую радость! — буркнула ему вслед продавщица. — Придется теперь в город ехать, магазин закрывать...

Старик повесил сумку на руль и хотел было ехать. Но из стеклянного павильончи-

ка выбежал длинный, как жердь, нескладный человек. Обнял его за плечи и чуть не силой втащил внутрь.

Толстая буфетчица цедила в кружки пиво, поглядывая на длинного и его вымазанную известкой куртку с явным неодобрением. Стена за стойкой была покрыта влажной сероватой штукатуркой, а в углу висела мокрая мешковина, как будто в павильончике шел ремонт. Потянувшись за чистой кружкой, буфетчица наткнулась на стоявшую позади нее стремянку, на которой висело грязное, покрытое известковыми потеками ведро.

— Развел грязь! — заворчала буфетчица. — Невозможно работать!

— Я же объяснял, — оправдывался длинный. — Это фреска. Я ее дней за пять, пока штукатурка сохнет, закончу.

— И зачем она мне тут, фреска твоя?! Мне и без нее тошно!

Буфетчица хлопнула полными кружками по стойке:

— С вас девяносто шесть! Ты мелочь, мелочь ищи. У меня сдачи нету!

— Да не надо, — отмахнулся длинный, тыча ей измятый рубль.

Они взяли кружки и присели в углу. В павильончике было пусто. Только у стеклянной стены сидело трое бородатых парней, явно приезжих. Возле их столика стояли металлические ящики. Парни пили пиво, поглядывая на длинного и старика.

— Вот там... — длинный указывал на стену за спиной буфетчицы, — будет наш остров, — и вертел растопыренной пятерней, — только чуть сверху... И твой маяк. А вокруг море. И от острова, — он черкнул в воздухе пальцем, — радуга. Широкая, на весь остров. Остров будет как призма, в которой рождается спектр. И будет не ясно — то ли радуга падает с неба, то ли течет вверх с острова... — И руки его вскидывались вверх, словно хотели обнять и вытолкнуть в небо все обозримое пространство.

Старший из парней оставил пустую кружку, наклонился через стол и шепнул:

— Кто это?

— Длинный? — шмыгнул носом другой, в очках с двойными стеклами. — Художник какой-то... Приехал сюда этюды писать да так и остался. Бродит целыми днями как привидение и рисует все подряд. Говорит, красивее этого острова ничего нету. Неудачник, одним словом... Рисование в школе преподает.

Художник тем временем раскрыл свой этюдник и что-то показывал старику. И сокрушался — хотел разорвать. Но Антс удерживал его. Он отхлебывал из своей кружки, слушал художника, покрасневшего то ли от волнения, то ли от пива, и сочувственно кивал.

Парни усмехались и переглядывались.

— А кого учить? — спрашивал художник. — В школе и трех десятков не наберется. А в первый класс в этом году ни одного не записали. Ни одного!

— Извините, — вмешался в их разговор очкастый. — Вы давно здесь живете?

— Я здесь родился, — сказал старик.

— Вот и хорошо, — заулыбался очкастый. — Мы геофизики. Приехали из-за этих толчков. Здесь всегда было так пустошно?

— Нет... Раньше здесь все было иначе и никто отсюда не уезжал.

— Раньше, может, и не уезжали, — сказал старший из парней. — А теперь самое разумное — эвакуировать всех на материк. Пока...

— Что пока? — нахмурился художник.

— Да ничего, — замылся бородатый. — Я всякое видел. Но этот островок — настоящий сейсмический ребус. Всего можно ожидать. Так что на вашем месте я бы не задерживался.

— Вот и вали, откуда приехал! Вместе со своими советами! — Художник вскочил и, опрокинув стул, качнулся к парням. Но Антс удержал его и усадил на место.

Геофизики насмешливо переглянулись.

— Не обижайтесь, ребята, он пошутил, —

примирительно улыбнулся старик. — А насчет места... И кому где задерживаться... Так это каждый сам знает, за что ему держаться, а за что — нет. И советовать тут...

— Вот-вот... — закивал очкастый. — Оно и видно, что без толку.

— А ты чего носом шмыгаешь? — спросил старик.

— Насморк у меня, — нахмурился очкастый. — Хронический...

— Так заезжай ко мне, — предложил старик. — Это возле маяка. Я тебе траву подберу — может, и пройдет насморк.

— Спасибо, — шмыгнул носом очкастый и добавил так, чтобы слышали только за его столом: — Профессор...

У павильончика затормозил белый от дорожной пыли мотоцикл. Колхозный бригадир, усталый, грузный человек лет пятидесяти, прихрамывая, прошел к стойке. Пока буфетчица наливала пиво, бригадир тяжело отдувался, утирал взмокшую лысину платком. Потом подсел к Антсу. Первую кружку выпил залпом. Закурил и не спеша принялся за вторую.

— Ну как? — сочувственно спросил старик.

— Как обычно. — Бригадир поставил кружку и подпер голову рукой. — День только начался, а я уже и трубы в парниках заварил и сена натаскался, так что спина гудит. И коров подоил... Лично! Вот такие дела. Работать некому, а план давай. — Он вдруг вышел из себя и загремел на весь павильончик: — Да будь оно все проклято! Я что — железный?! Не то что механика, слесаря простого в бригаде не осталось! Вчера заявление подписал.

Он погрозил кулаком в сторону материка и вдруг успокоился, махнул безнадежно рукой и отхлебнул пива...

— Хейно? — спросил старик.

Бригадир молча кивнул.

— Знаешь... — начал было Антс.

— Я все знаю! — взвился бригадир. — Только они ничего знать не хотят. Бегут, как крысы!

— Он не бежит, — покачал головой старик. — Он учиться едет. Так что же, цепями его держать?

— А твой?! — крикнул бригадир.

— Аго? — растерялся старик. — Ну, это другое дело. Тут...

— Ты хоть говорил с ним?

— Говорил... — вздохнул старик.

— Ладно, — тихо сказал бригадир и положил руку на плечо Антса. — Это я просто так спросил. Я что — не понимаю?

— Слушай, Калью! — вспомнил старик. — Ты у меня телушку не заберешь? Мне и коровы с головой хватает. А телку я просто так — безвозмездно отдам...

— А что мне с ней делать? — удивился бригадир. — В постель что ли с собой класть? Если примем, так только на мясо...

— Нет, — огорчился старик. — На мясо не отдам. Жалко...

Неожиданно стол пополз у них из-под рук, и кружки зазвенели. Одна соскользнула на пол, но не разбилась, а стала подпрыгивать там, как живая. У стойки стоял жуткий трезвон, кружки сыпались градом, разбрызгивая осколки во все стороны. От стены отвалился и шлепнулся на пол увесистый кусок штукатурки.

Геофизики встали, собирая свои инструменты.

— Вот и работка подвалила, — вздохнул старший. — Приборы пишут?

Очкастый кивнул, они вышли из павильончика и зашагали к стоявшему неподалеку «газнику».

На оставшихся в зале толчки не произвели никакого впечатления. Только буфетчица гонялась за кружками, топала на них ногами и чертыхалась. Бригадир нагнулся и поймал две кружки, выкатившиеся из-под ее рук.

— Опять трясет, — вздохнул он, усаживаясь на место. — Скоро остров совсем опустеет... Эх, ликвидируют мою бригаду... И правильно сделают. Давно пора! А я все равно никуда не уеду.

— Я тоже, — кивнул Антс.

— А куда ехать? — спросил художник. —

Ведь трясет землю, а не нас. А мы пока еще ходим по ней и она нас держит...

Длинная тень от маяка уже легла на траву, когда старик подъехал к дому. Собака, скушавшая посреди двора, бросилась к нему навстречу. Замычала не доенная с утра корова. Старик зашел в клеть, выпустил из загородки телушку и подтолкнул к матери. Быстро нащупав вымя, она принялась сосать, и корова успокоилась. И вдруг схватился за грудь. Голова его запрокинулась, и какой-то страшный сильный звук вырывался из его горла. Он пытался глотнуть воздух широко открытым ртом и не мог. Наконец это ему удалось, и он медленно побрел к дому, пошатываясь, взошел на крыльцо. Потянулся за какой-то стоявшей на окне склянкой. Склянка дребезжала о край стакана, и желтоватая жидкость проливалась на пол. Глотнув из стакана, он постепенно пришел в себя, отдышался. Постоял еще немного, оглядываясь по сторонам, словно не решаясь тронуться с места.

Повсюду виднелись следы торопливого отъезда гостей — чашки с недопитым чаем, неприбранные постели, разбросанные внучками безделушки. Он стал наводить порядок. Но что-то беспокоило его. Наконец он заметил, что не заведенные с утра ходики стоят. Подтянул гирьку, и часы затикали. Когда все было прибрано, Антс поднялся на чердак, где сушились бесчисленные пучочки трав, листьев и корней. Он осторожно ощупывал их, некоторые нюхал и снимал.

Солнце уже садилось, когда Антс зашел в клеть, подбросил корове сена, налил воды. Потом посидел на крыльце, поглаживая свернувшуюся у его ног собаку, и вернулся в дом. Включил телевизор, уселся перед экраном в старое кресло-качалку и незаметно уснул.

Когда он проснулся, на светящемся экране мелькали беспорядочные точки и теле-

визор чуть слышно шипел. Старик выключил его, прошелся по комнате, вышел на крыльцо... В темноте накрапывал, шуршал в листве дождь.

И вдруг где-то сверху возник пронзительный звук, похожий на многократно усиленное жужжание комара, и над лесом полыхнула ослепительная зеленая вспышка. Антс невольно зажмурился и услышал громовой раскат взрыва. Когда он открыл глаза, вокруг снова было темно и тихо. Только металась в клетке испуганная корова, и собака скулила, жалась к его ногам. Он постоял еще мгновение, вглядываясь в ночь, потом бросился в дом, выскочил с горящим фонариком и побежал, продираясь сквозь заросли можжевельника, к лесу. Туда, где произошел взрыв.

Луч света вырывал из темноты голые деревья, землю, на которой не осталось ни травинки. Повсюду виднелись обломки светлого серебристого металла, воткнувшиеся в землю, вонзившиеся в стволы. И еще какие-то коробочки из разноцветного пластика, странные приборы с разбитыми линзами, выступающими никелированными частями... А в кустах лежал человек. Навзничь, с запрокинутой головой, без движения. Лицо его было залито кровью. Серебристый, облегающий тело костюм разорван. А правая нога неестественно вывернута.

Антс бросился к нему. И тут с ним случился новый приступ. Рука его рвала свитер, он снова задыхался, и жуткий силпый звук вырывался из его горла. Выронив фонарь, он шарил рукой в поисках опоры. Наткнулся наконец на ствол дерева и вцепился в него обеими руками. Когда приступ прошел и Антс снова мог дышать, он медленно провел ладонью по лицу, как бы стирая с его смертельную бледность. Его помутневший взгляд уперся в серебристого человека и сразу прояснился. Человек был жив. Старик вздохнул всей грудью, шагнул к раненому, с трудом взвалил его на плечи и понес в темноту, так и не подняв с земли фонарь.

Человек лежал на его кровати и умирал, не приходя в сознание. Антс кипятил на плите травяные отвары, торопливо охлаждал их и, разжимая зубы умирающего, вливал ему в рот по капле. Резал скользкую, неподдающуюся ткань садовыми ножницами и вправлял кость. Потом рвал чистые простыни и укреплял на ноге шину.

Было уже совсем светло, когда человек пришел в себя.

Его тусклый, еще не вырвавшийся из небытия взгляд медленно скользил по пожелтевшим фотографиям на стенах, с которых смотрела жена старика — старая и совсем еще молодая. Сам Антс тоже молодой — с трубкой в зубах, в мокром рокане. И мальчик, в котором трудно было узнать взрослого Аго.

— Где я? — прошептал человек.

— В моем доме, — сказал Антс и, подерживая его голову, заставил выпить еще несколько капель коричневатой жидкости.

Человек снова закрыл глаза, а когда открыл их, старик увидел, что ему становится лучше, и спросил:

— Как тебя зовут?

— Юрий, — ответил раненый. — А где остальные?

— Ты был один, — пожал плечами старик.

— Где здесь телетактор? — Юрий приподнялся на локте, но тут же упал на подушку с искаженным от боли лицом.

— Надо связаться с Хюлле... С Координатором полетов по программе «Контакт», — шептал он сухими губами.

Антс ничего не понял, но надо было помочь человеку, и он сказал:

— У меня только телевизор... По нему ни с кем не свяжешься, а телефона нет. И потом... в Хюлле... Там нет никакого Координатора. Только Калью, наш бригадир. Но он в конторе не сидит, наверное, уже уехал... Хотя, если надо...

Юрий разглядывал стены, лампочку без абажура, свисающую ни витом шнуре, старый телевизор в углу — и глаза его рас-

кряпались все шире. Наконец он что-то понял и даже губу закусил:

— Нет... Не надо никого искать...

Некоторое время он лежал молча, с закрытыми глазами, прислушиваясь, потом спросил:

— Что это за гул? Как будто дюзы прогревают...

— Ветер поднялся. Море шумит, — пожал плечами старик.

— Море... — шепотом повторил Юрий. — А отсюда далеко до Хюлле?

— Шесть километров. На велосипеде я за полчаса обернусь...

— На велосипеде... — покачал головой Юрий. — А до моря сколько?

— Да вот оно, рядом, — Антс кивнул на окно. — Полегче тебе?

— Легче не бывает, — вздохнул Юрий и добавил: — Море на двадцать километров ближе...

Антс не придавал значения его словам.

— Ну, слава богу, сынок... А я уж думал...

— Спасибо, — тихо сказал Юрий.

И снова они молчали, глядя друг на друга.

— Какое сегодня число? — спросил Юрий.

— Вчера сын уехал, — подсчитывал старик. — Послезавтра придет Ильмар... Погоди... Ну да. Двадцатое августа.

— Вчера... Послезавтра... — прошептал Юрий, глядя в потолок.

— Ты что, ничего не помнишь? — испугался старик.

— ...И август... — шептал Юрий, глядя на зеленую ветку за окном. — А там зима была... Наверно, снег шел... А я так и не увидел...

Антс глянул на него повнимательней, но промолчал. Встал, поправил одеяло:

— Я молока принесу... Вот только подою корову.

Старик вышел, а Юрий медленно поднес к глазам левую руку, и на экране плоского приборчика, похожего на часы, замерцали цифры «2195...XII...5.00. 34,17». Последняя цифра быстро сменилась цифрой «18»,

потом «19» — приборчик отсчитывал секунды, но Юрий уже не смотрел. Взгляд его застыл на циферблате стальных часов, показывающих 10.45.

— Да, история... — прошептал Юрий.

Пока он пил молоко, старик присматривался к его костюму, к прибору с матовым экраном на руке... Потом осторожно спросил:

— А как же ты?..

— Несчастье... Катастрофа... — вздохнул Юрий. — Я из другого времени, из будущего. — И вдруг заволновался: — Кто-нибудь знает, что я здесь?

— Нет. Я нашел тебя в лесу, ночью...

— А еще что ты там видел?..

— Еще? — Антс пожал плечами. — Да там все деревья голые и осколки кругом, коробки какие-то цветные разбросаны.

— Надо все убрать! — Юрий резко поднялся на локте и застонал.

— Да ты успокойся... — ласково уговаривал его старик.

— Нет! — волновался Юрий. — Надо все спрятать. Немедленно. Любая мелочь может вызвать парадокс! Это очень опасно!

— Тогда я, пожалуй, схожу... — сказал старик, чтобы успокоить раненого.

— Спасибо тебе, — прошептал Юрий. — За все...

Выкатив из сарая тачку на велосипедных колесах, старик отправился в лес. Собака увязалась следом.

Он выкапывал, вытаскивал из стволов, из кустарников серебристые осколки, цветные коробочки, какой-то странный аппарат с несколькими циферблатами и торчащими из корпуса ручками, красной и синей. Все это он складывал в тачку. А собака носилась вокруг, мешала. И тогда Антс поднес осколок к ее носу и приказал:

— Ищи!

Собака заскулила и прижалась к земле. Но Антс прикрикнул и снова ткнул ей осколок. Собака стала рыться в кустарнике,

выкапывать осколки и в зубах подносить их старику.

К дому Антса подъехал «газик». Очкастый геофизик спрыгнул на землю, высморкался, подошел к калитке и крикнул:

— Хозяин!

Никто не отозвался.

— Есть тут кто-нибудь?

Не дождавшись ответа, он зашел во двор и, заметив, что дверь не заперта, присел на крыльцо. Глянул на часы — было без пяти двенадцать. Он шмыгнул носом, встал, прошелся по двору. И тут из дома послышался стон. Очкастый прислушался. Стон повторился, и он бросился в дом.

Юрий метался в беспамятстве. Одеяло, которым он был накрыт, сползло на пол. Очкастый вертел головой, изумленно разглядывал его странный костюм, ногу в самодельном лубке... Услышав во дворе шум, он выбежал на крыльцо и увидел Антса с тачкой, полной обломков какой-то фантастической техники.

— Что это? — бормотал очкастый. — Кто там лежит?

Антс отогнал собаку, рванувшуюся было к крыльцу, и повел ее в сарай. Очкастый разглядывал содержимое тачки, не веря своим глазам. Пока Антс запирает собаку, он успел снять с тачки аппарат с циферблатами и потащил его к «газику».

Антс преградил ему дорогу.

— Да ты что, отец, — зашмыгал носом очкастый. — Разве можно скрывать такие находки от науки? А если это следы пришельцев?! Тебя ж теперь по телевизору, в программе «Очевидное-невероятное» показывать будут!

— Не трогай! — послышалось с крыльца.

Очкастый оглянулся и опустил аппарат. Удерживая сломанную ногу на весу, в дверях стоял Юрий. От волнения в лице его не было ни кровинки.

— А теперь уходи! — прошептал Юрий, качнулся и, теряя сознание, упал.

Очкастый совсем растерялся. А тут еще

собака вырвалась из сарая и бросилась к нему с яростным лаем. Антс перехватил ее, но собака рвалась и рычала. Очкастый выскользнул за калитку, сел в «газик» и уехал.

— Может быть, там... Регенератор... Поищи... Контейнер зеленого цвета, — прошептал Юрий, когда Антс подбежал к нему.

Порывшись в тачке, старик разыскал зеленую коробку, подал ее Юрию. Юрий нащупал на дне коробки шнур с присоском на конце, вынул его и укрепил присосок где-то на затылке. Достал из коробки ампулу с голубой жидкостью и воткнул ее острый конец в вену на левом запястье. Тело его обмякло, только веки слегка вздрагивали.

Антс ждал и не верил. И тут Юрий открыл глаза и улыбнулся. А потом встал на ноги. Он был совершенно здоров. Он снял шину — кость была цела, опухоль спала.

— Если бы не ты, я бы не выкарабкался. Так бы и лежал там...

Он сбегал с крыльца, нагнулся к аппарату с циферблатами, нажал какую-то белую кнопку, и аппарат слегка загудел, а секундные стрелки на циферблате вздрогнули и двинулись с места.

— Энергия на пределе... — вздохнул Юрий. — Но теперь уже все равно. Главное — его вернуть.

— Кого? — спросил старик.

— Да этого парня.

— Как же его вернешь? — пожал плечами старик. — Он на машине.

— Это не важно, — сказал Юрий. — Сейчас мы его вернем и избежим парадокса...

— Чего? — не понял старик.

— Вот это из будущего. — Юрий положил руку на аппарат. — В твоё время ничего подобного еще не было и не могло быть. И вдруг кто-то находит такую штуку, хотя она еще не существует, появится лет через двести. Вот и получается временной парадокс — ее не может быть, но она есть. И одной такой находки достаточно, чтобы

разрушить уже сплетенную во времени цепь причин и следствий...

Юрий задумался, словно что-то припоминая, а потом продолжал:

— Но ведь я уже жил там... И все это было настоящим. Не только для меня... Для всех, кого я мог там встретить... Временной парадокс тем и опасен, что он может полностью изменить тот мир. Все будущее человечества может оказаться иным... Пойдет в другую сторону...

Старик задумался, пытаясь все это осмыслить, потом кивнул и спросил:

— И как ты его вернешь?

— Не его, — усмехнулся Юрий. — Я верну то время, когда он еще только собирался сюда заехать. На таком маленьком участке континуума это безопасно.

— Вернешь время?! — изумился старик.

— Ну да, — кивнул Юрий. — Для этого и существует хронотрон.

— Но он же был здесь и все помнит! — не понимал старик.

— Ну и пусть помнит, — пожал плечами Юрий. — И пусть попробует разобраться, что к чему... А уж расскажам его никто не поверит. Кому же придет в голову, что у тебя в хозяйстве появилась машина времени? Только перенеси меня в другую комнату.

Юрий повернул какую-то шкалу, нажал желтую кнопку, и аппарат загудел громче. Он потянул на себя красный рычаг. Секундные стрелки застыли на месте, а потом рванулись назад. Мир перед глазами старика мелькнул в стремительной сказке и на мгновение исчез.

И снова старик очищал место катастрофы, а к его дому подъехал «газик». Очкастый геофизик вылез из машины, растерянно огляделся по сторонам. Войти во двор он не решался — цепь, на которой прыгала собака, была слишком длинной. Да и дом заперт. Очкастый ничего не понимал. Глянул на часы и даже рот раскрыл от изумления. Было без пяти двенадцать, уже во

второй раз. Он поднес часы к уху — они шли. Он вытащил платок и высморкался. Собака зарычала и стала так рваться, что, казалось, цепь ее не удержит. Очкастый совсем растерялся, и тут появился старик с тачкой, накрытой брезентом. Сразу вкатил ее в сарай, прикрикнул на собаку и подошел к очкастому.

— Вот и хорошо, что заехал. Пойдем в дом.

— Но я уже был здесь! И все было по-другому!

— Не знаю, — покачал головой старик. — Ты же видишь — я только пришел...

— Но как же?! — недоумевал очкастый. — Я же видел вас и этого. В серебряном костюме...

Антс склонил голову набок и глянул на очкастого так пристально, что тот смутился и отвел глаза.

— Пойдем, — сказал старик и направился к дому.

Шмыгая носом, очкастый поднялся на крыльцо. Антс снял замок и пропустил гостя вперед. Очкастый метнулся в комнату, но кровать, на которой лежал Юрий, была пуста.

— Ты что, парень? — спросил Антс. — Может, тебе не от насморка лечиться надо?

Очкастый молчал, переминаясь с ноги на ногу.

А в соседней комнате Юрий из последних сил сдерживался, чтобы не застонать. Теряя сознание, кусал губы, метался по подушке...

— Вот... — сказал старик, заворачивая в бумагу связку сухой травы и листьев. — Пусть настоится дня два, и насморк твой как рукой снимет.

— Спасибо. — Очкастый взял сверток, но не тронулся с места, продолжая прислушиваться и озираться по сторонам.

Антс покосился на дверь, за которой лежал Юрий, спросил:

— Что-нибудь еще?

— А где же?... — начал было очкастый, но замолчал.

Антс провожал его до калитки, а он

все оглядывался назад. Как только «газик» отъехал, старик кинулся в сарай, вытащил из-под брезента зеленый ящик и побежал в дом.

— Ну как? — спрашивал Юрий, снимая с ноги шину.

— Как ты и говорил. Только жаль парня... Видел бы ты его лицо.

— Что поделаешь? — вздохнул Юрий. — Тут рисковать нельзя. Разве угадаешь, с чего начинается парадокс?.. Мне бы перо-деться...

Антс достал из шкафа брюки и свитер грубой вязки.

— Примерь. — Он окинул Юрия взглядом. — Вы с ним вроде бы одного роста.

— С кем?

— С сыном моим, Аго, — вздохнул старик и, заметив, что Юрий встревожился, добавил: — Да ты не волнуйся. Он здесь не появится. Он в городе живет...

Кроме хронотрона, уцелел лишь маленький прибор с квадратными линзами. Юрий отложил его в сторону и стал рыть яму в углу сарая. Одежда Аго пришлась в пору, и теперь его трудно было бы отличить от местных жителей.

— И ты никак не можешь туда вернуться? — спросил старик, продолжая начатый раньше разговор. — А этот?.. Хронотрон...

Юрий уже стоял в яме по пояс. Он воткнул лопату в землю, оперся о черенок и покачал головой:

— Хронотрон может перенести в прошлое и вернуть... Но только в ту точку времени, откуда ты начал скачок. А то, что произошло со мной, не зависело от движения хронотрона. Что-то случилось с кораблем... А может, с пространством?..

— Что же теперь делать?

— Не знаю... Я ведь здесь шагу не могу ступить. Любая моя оплошность может создать парадокс. Но откуда мне знать, какой шаг опасен, а какой нет? Выходит, я вообще не должен двигаться... А еще

лучше умереть. Так будет надежней — никаких проблем.

— Ну это ты зря! — огорчился старик. — Просто будь осторожен. Слушай! А может, ты останешься здесь? Людей тут немного. От событий, которые там происходят, — старик кивнул в сторону материка, — мы в стороне, и повлиять на них не можем... Самое подходящее место!

Юрий задумался.

— Оставайся! — загорелся старик. — Жить у меня будешь. А насчет парадоксов... Знаешь, сена накопить или крышу в коровнике подправить — какое же это вмешательство?

— А почему ты волнуешься? — удивился Юрий.

— Да я не за себя, за остров, — вздохнул Антс. — Пустеет он, понимаешь? Бегут отсюда... А разве можно, чтоб земля без людей оставалась?

— А почему бегут? — Юрий выбросил из ямы очередную лопату земли.

— Слушай... — вдруг заторопился старик. — Тут неподалеку травка одна созрела, если до заката не сорвать — она всю силу теряет...

И он ушел. Скоро и Юрий выбрался из ямы и стал сбрасывать в нее пластик, осколки металла, обломки приборов.

Он не слышал, как во двор въехала Линда. Собака встретила ее, радостно виляя хвостом. Линда потрепала ее за уши и ушла в дом.

Она мыла в комнате пол, и первое, что увидел Юрий, были ее длинные, едва прикрытые задравшейся юбкой ноги. Услышав шаги, Линда резко выпрямилась, увидела незнакомого человека и растерялась:

— Вы к Антсу? Его сейчас нет.

— Я знаю, — кивнул Юрий, всматриваясь в ее лицо.

— А вы кто? — спросила она настороженно.

— Его друг. — Юрию приятно было смотреть на нее, слышать ее голос.

— По-моему, у него нет таких друзей, — сказала Линда.

— Каких?

— Он же старик. И друзья его — тоже.

— Да какая разница, — улыбнулся Юрий, стараясь заглядывать эту неловкость. — Старик, молодые... Чувствуют люди, что близки и понятны друг другу — вот и друзья. И неважно, сколько им лет, — шестнадцать, восемьдесят или сто пятьдесят...

Она глянула на него удивленно, и он умолк, сообразив, что эти «стопятидесятилетние друзья» прозвучали для нее странно.

А она вдруг вспомнила, что стоит босиком на мокром полу, глянула на свои ноги и покраснела.

Юрий смотрел то ли на пол, то ли на ее ноги. Линда перехватила его взгляд и несколько растерялась. И тут же рассердилась на себя за эту растерянность и сказала неожиданно резко:

— Мне надо уборку закончить.

— Хорошо, — улыбнулся Юрий. — Я во дворе посижу.

Он сидел на крыльце, глядя на солнце, спускающееся над морем, на гладкие валуны, торчавшие из воды, на тонкие клочья облаков. Линда развешивала на веревках белье. Юрий смотрел на нее, и на душе у него становилось тихо и радостно.

— Странно... — сказал он самому себе.

— Что? — обернулась Линда, ждавшая каких-то его слов.

— Да все это, — Юрий окинул двор взглядом. — Хорошо вы здесь живете... Тихо...

К калитке подошел старик, увидел во дворе Линду и, оправдываясь перед Юрием, развел руками,

Потом они сидели за столом, ужинали. И Антс, стараясь отвлечь Линду и избежать лишних вопросов, говорил:

— ...И вообще... Нет такой болезни, от которой на Земле не было бы лекарства, — какой-нибудь травы, корня или цветка... Звери, люди, растения — все это одна жизнь, и она сама себя защищает. Надо

только знать, где что растет и когда сорвать и как приготовить.

А взгляды Линды и Юрия встречались и подолгу задерживались друг на друге. И Антс вдруг замечал, что они его не слышат.

Когда Линда вышла на кухню, старик наклонился к Юрию и зашептал:

— Тут вот какое дело... Если ты хочешь вернуть время... Чтобы она тебя не видела... Я не знаю... Понимаешь, она часто сюда заходит. А скоро Ильмар придет — тоже ко мне придет. Не вечно же тебе скрываться...

— Я и не собираюсь ничего возвращать, — шепнул в ответ Юрий. — Кто она?

— Невеста моего сына, — вздохнул Антс. — Бывшая...

— А Ильмар кто? — тихо спросил Юрий.

— Ее сын... — глухо отозвался старик.

— Она замужем?

— Да нет... — покачал головой старик.

— А кто же отец Ильмара? — совсем запутался Юрий.

— Ага, — вздохнул старик. — Только Ильмар этого не знает...

Юрий глянул на приоткрытую кухонную дверь, за которой слышны были ее шаги, позвякивание посуды. Кивнул и задумался...

Антс включил телевизор, и Линда, глядя на Юрия, удивлялась, с каким интересом смотрит он передачу о заводских рационализаторах. Казалось, он позабыл обо всем, кроме тусклого сероватого экрана.

Неожиданно экран погас.

— Опять трансформатор пробило, — вздохнул старик, щелкая в темноте выключателем. — Завтра целый день без электричества сидеть.

— Я всегда из-за телеграмм волнуюсь, — сказала Линда. — Вдруг что-нибудь срочное, а аппарат не печатает.

— А разве трудно починить этот трансформатор? — удивился Юрий.

— Да некому его чинить! Некому! — неожиданно взорвался старик. — Был тут у нас один... Электрик! Так тоже в город подался.

Отъехав от калитки, Линда обернулась. Юрий глядел ей вслед. Лицо Линды на мгновение осветилось улыбкой. Но впереди была темная дорога, едва освещенная велосипедным фонариком, и Линда снова стала грустной и задумчивой. Она ехала медленно, не замечая, что ее велосипед выписывает на дороге неожиданные зигзаги.

Юрий смотрел, как ветер развеивает ее светлые волосы. Старик положил руку на его плечо и усмехнулся:

— Еще встретитесь... У нас остров небольшой — разминуться трудно.

Пламя свечи, прикрытое ладонью, вздрагивало. Они вошли в комнату. Старик поднял свечу над головой, освещая нехитрую обстановку — большой старый шкаф с зеркалом во всю дверцу, два табурета, широкую кровать с витыми чугунными спинками, стол у окна.

— Никто посторонний сюда не зайдет... Ну а это... — старик кивнул на кровать, на шкаф, в дверце которого отражалась свеча, отчего в комнате делалось светлее. — Сам сменишь, если захочешь...

— Спасибо. — Юрий взял у него свечу, огляделся.

Заметив на стене картину, он подошел поближе и застыл, всматриваясь в неяркий, написанный в холодноватой охристой гамме пейзаж.

— Антс, — спросил он почему-то шепотом, — откуда это у тебя?..

— Март подарил, — ответил старик. — Живет тут один художник.

— Да... конечно! — обрадовался Юрий. — Март!

— Это мы как-то в лесу встретились. — Старик подошел, глянул на холст, по которому скользили золотистые огненные отблески. — Я траву собирал, а он костер на пригорке развел и картину эту в огонь бросать собирался. Злой, руки трясутся. Ничего, говорит, у меня не выходит. Вижу, а передать не могу... Только краски зря порчу. Он всегда такой... Пишет, пишет, а потом

готов ногами растоптать. Я, конечно, не дал. Ведь неплохая картина, правда? И место это сразу узнать можно.

— Знаешь, где она висит?

— Да вот, на стенке...

— Нет. Там... В моем времени.

— Где? — заинтересовался старик.

Юрий распахнул окно и, притянув старика за плечи, указал рукой вверх:

— Вон созвездие Стрельца... Видишь?

— Ну и что? — пожал плечами старик. — Я ведь рыбачил, полжизни в море провел. На звезды, слава богу, посмотрелся.

— Там наша колония. Постоянно миллионов двадцать живет. И чтобы не забывать о Земле, они там мемориал создали — античные статуи, японские маски, кареты, монгольферы... Ну и фильмы, картины, фотографии — по всей Земле собирали. И этот пейзаж там хранится — оригинал.

— Ты сам видел? — всматривался в небо Антс.

— Нет. Я там не был. Но это все знают. Это же Март! Он великий художник. Как Вермеер...

— Если бы он знал... — мечтательно улыбнулся старик.

— Нет, — твердо сказал Юрий. — Любая информация из будущего может вызвать временной парадокс.

Они замолчали, глядя на картину.

— Слушай! — вспомнил вдруг Юрий. — А фреска с радугой? Он ее уже написал?

Старик уставился на него, не веря своим ушам.

— А-а-а... — наконец сообразил он и кивнул: — Конечно... Вы же там...

— Ты ее видел? — Юрий почему-то волновался.

— Нет, — покачал головой старик. — Но он мне рассказывал. Вчера... Когда мы пиво пили... Говорил, что остров наш нарисует. И маяк. И радугу. Как бы сверху...

— Может быть, он видел? — задумчиво сказал Юрий.

— Что видел? — спросил старик.

— Не знаю... — Юрий вздохнул. — Я часто смотрел на эту фреску и думал... Пони-

машь, мы ищем их, — он кивнул на звезды, — повсюду... Уже десятки лет... И не находим... А здесь, на Земле, сохранилось множество свидетелей... Но никаких следов... Не за что ухватиться...

— Чьих следов? — спросил старик.

— Тех, кто к нам прилетал... Оттуда...

Анте проследил за его взглядом, направленным в мерцающее звездами небо... Потом глянул на Юрия и обеспокоился, как бы у того снова не начался какой-то бред.

— Может, будем спать? — осторожно спросил он.

— Будем. — Юрию было не до сна. — Но ты скажи, с ним можно встретиться?

— Конечно. Только завтра, а сейчас...

И вдруг пол в комнате качнулся. Упала табуретка, зазвенела посуда.

Юрий бросил на старика быстрый вопрошительный взгляд.

— Да... последнее время... — вздохнул старик.

— Поэтому и бегут?

Старик молча кивнул.

— А ты как же? — спросил Юрий.

— Куда мне бежать? — пожал плечами старик. — Это только кажется, что там хорошо, где нас нет.

Пол снова дрогнул, задрезжал по всему дому стекла.

— А если дом рухнет? — спросил Юрий, разглядывая потолок.

— На мой век хватит, — усмехнулся старик. — А тебе сколько лет?

— Тридцать шесть.

— У вас, наверно, все по-другому... — покачал головой старик. — Но я так думаю... Где бы человек ни жил, бывает ему по-всякому — и хорошо, и плохо. На то она и земля, чтобы человек жил на ней, а не бегал. Он же не таракан. А если всю жизнь место себе искать, везде плохо покажется и только еще больше озлобишься... Понимаешь, этот остров, какой он ни есть, а мой. Я его не выбирал. Я здесь родился.

Дом дрогнул от нового толчка. В углу что-то упало. Юрий осветил туда и поднял ажурную пространственную конструкцию из

тростниковых палочек, собранных в бесчисленные, сопряженные друг с другом октаэдры. Контуры конструкции были геометрически строги и симметричны, но повсюду свисали пестрые ленточки и нитки. Юрий держал ее в вытянутой руке, и отблески свечи играли, переливались внутри этого тростникового чуда.

— Это что — модель атомной решетки? — удивленно спросил он.

— Да нет, — усмехнулся старик. — Свадебная корона. Ее вешают над столом жениха и невесты. Обычай у нас такой.

Корона качнулась, завертелась в руке Юрия, мелкая теплыми золотистыми бликами. Взметнулись, ожили в воздухе разноцветные ленты. А высохшие тростниковые палочки тихо зашелестели.

— Красиво... — улыбнулся Юрий.

— Да, — вздохнул старик. — Давно это было.

Он смотрел на сверкающую в темноте корону и слегка покачивал головой.

— Ты хочешь туда вернуться? — вдруг спросил Юрий.

— Не знаю... — пожал плечами старик.

И снова покачивалась, вращалась в воздухе ажурная свадебная корона, только ленточки еще не успели выцвести, а вокруг было светло как днем от фонарей и свечек. Просторная рига была полна людей, танцевавших, смеявшихся, сидевших за уставленными питьем и закусками столами. В центре длинного стола, под свадебной короной сидел Анте, совсем еще молодой, робущий парень, и его невеста в белом кружевном платье. А на самом краю, на месте для неожиданных гостей, — старик с Юрием. Музыканты старались вовсю. В очаге гудело раздуваемое мехами пламя, и мать Антса, на которую старик смотрел, не веря своим глазам, ставила на стол блюдо с дымящимися картошками. Захмелевшие гости порывались петь. Молодой Анте и невеста о чем-то перешептывались.

Гости кричали: «Горько!», жених и невеста вставали и послушно целовались. Старик смотрел на них, не замечая, что кто-то толкает его в бок и предлагает выпить. Юрий оглядывался по сторонам. Все здесь было для него новым и удивительным.

Жениха и невесту позвали танцевать, они стали пробираться между лавками. Когда невеста проходила мимо старика, он встал, и глаза их встретились. Она взглянула на него и, конечно, не узнала.

Пропуская ее, старик слегка качнулся. Молодой Антс поддержал его за локоть и, усмехнувшись, прошел мимо.

Старик смотрел, как они танцуют, и губы его беззвучно шевелились.

— Это твоя жена? — тихо спросил Юрий.

— Да, — улыбнулся старик. — Лайне... — И вдруг вспомнил: — Но ведь она умерла!.. В ноябре пять лет будет... Слушай, пойдем отсюда!

Юрий внимательно посмотрел на него.

Никто не заметил, как они встали из-за стола и вышли во двор, где группами толпились гости.

— Вы куда? — окликнул их кто-то. — Только пришли и уже уходить?! Так не годится!

— Сейчас... Сейчас мы вернемся, — бормотал старик, отталкивая Юрия в сторону.

— Это мой отец... — шепнул он и оглянулся.

У ограды спорили двое подвыпивших стариков.

— Говорю тебе, так и звали «огненными людьми!» — кричал первый. — Все! И финны, и шведы, и даже англичане!

— Да не было тогда ни шведов, ни англичан, — угрюмо возражал второй.

— Ну, другие племена, откуда мне знать, как они тогда назывались? — огорчился первый. — Но все они нас боялись. Даже в море старались с нами не спорить. Потому что видели этот огонь и думали, что мы родились в нем. Думали, что мы — боги!

— Выдумки все это, — стоял на своем второй. — Просто мы хорошо дрались!

— Дрались? — насмешливо покачал го-

ловой первый. — А ты знаешь, сколько нас тогда было? Тысяч пять, а может, и того меньше... Это со стариками и детьми... А их?

— Пойдем отсюда! — Старик потянул Юрия за рукав. Но тот стоял как вкопанный, боясь упустить слово из разговора стариков.

— Да ты никому не веришь! Даже собственной жене! — возмущался первый старик.

— Ей поверь — потом хлопот не оберешься! — вздохнул второй старик.

— Ладно! — горячился первый. — Не было тогда ни шведов, ни англичан... А древних римлян, по-твоему, тоже не было?

— Были, — нехотя согласился второй. — Ну и что? При чем тут римляне?

— А при том! — возвышал голос первый. — Ты же ничего не знаешь! Один их путешественник — как звать, не помню — тоже видел этот «небесный огонь» и даже в книжке про него написал.

— Напился пьяный, вот и написал, — презрительно усмехнулся второй. — Они всегда так...

— Что с тобой говорить! — вышел из себя первый. — У вас на острове все такие. Вам хоть кол на голове теши, а вы — своё!

— А на вашем только и знают, что языками чесать! — обиделся второй старик. — Слушать тошно!

— А ты не слушай! Не слушай! — наседал на него первый. — Пойди на Чертову Яму посмотри! Она от этого самого огня осталась! И еще дед мой рассказывал, что по ночам там что-то светилось!

— Светилось! — передразнил его второй. — Дерьмо тоже светится, если его разболтать... Слушай! А где тут можно... Живот что-то разболелся... Наверно, переел...

Антсу наконец удалось столкнуть Юрия с места, да и старики ушли.

Выйдя за ограду, они прошли несколько шагов в темноте и очутились в кустах, возле прикрытого листвой хронотрона.

— Скорей! — торопил Антс Юрия.

— Ты слышал? — спросил Юрий. — Слышал, что он сказал?

— Я же не глухой! — сердился Антс. — Ну, включай свою штуку...

— Погоди! — Юрий никак не мог прийти в себя. — Мы должны узнать. Может, этот огонь... Неужели ты...

— Нет! — твердо сказал старик. — Напрасно я тебя послушал. Ты видел этого парня? Это все уже не мое!

— Но ведь!.. — Юрий глянул на старика и наконец сообразил, в чем дело. — Ты что, Антс? Сам к себе ревнуешь?

— Нет, — покачал головой Антс. — Просто я понял. Я старик, которого ты встретил на острове. И другого Антса нет. Там мое место. А это, — Антс кивнул в ту сторону, откуда доносилась музыка и веселые голоса. — Это мне не принадлежит... Только воспоминания... Живой я здесь не нужен.

— Но я должен увидеть этот кратер! — волновался Юрий.

— Какой кратер? — не понял старик.

— Эту... Чертову Яму.

— Ну и увидишь, — старик кивнул на хронотрон. — Там она тоже есть.

— Значит, ты знаешь об этом огне? — обрадовался Юрий.

— Конечно, знаю, — пожал плечами старик. — Лет десять назад приезжали, рыли, обмеряли ее со всех сторон. Я у них спрашивал. Это большой метеорит упал. И воронку в земле вырыл. Вот она до сих пор и стоит.

— Ты мне ее покажешь! — Юрий схватил Антса за руку.

— Покажу! — вырвал свою руку старик — он уже начинал хватать ртом воздух, задыхаться. — Только уйдем отсюда. Я больше не могу!

Юрий включил хронотрон. Мир дрогнул, время рванулось вперед, и сразу оборвались веселые звуки.

И снова они стояли в темной комнате, и даже капля, нависшая на свече, не успела стечь...

— Больше я к этой штуке не подойду, — сказал старик. — Пустое занятие... Прожив-

той жизни не вернуть. — Он взял корону и повесил ее в темный угол за шкаф. — Давай спать. С утра к бригадиру поедем.

Антс поднял свечу повыше и ждал, пока Юрий расстелит постель.

— Линда выткала! — сказал он, кивая на ковер, висевший над кроватью. — У нес станок есть. Старый... Еще от прабабки остался...

Юрий глянул на разноцветные полосы и строгий, напоминающий рунические письмена, узор. Задумался.

Антс задул свечу и вышел.

Наутро старик выкатил из сарая второй велосипед. И они выехали за калитку. Юрий с трудом справлялся с этим необычным для него транспортным средством.

— У вас что — велосипедов совсем нет? — удивился старик.

— Есть, — ответил Юрий, выворачивая непослушный руль. — Только я этим не занимался.

Проезжая мимо маяка, он поднял голову и остановился, разглядывая башню и треугольники, поддерживающие ее основание, гранитные аркбутаны.

— Это и есть твой маяк?

Старик кивнул.

— Похоже на ракету...

— Да... — пригляделся Антс. — А я и не замечал.

Юрий вздохнул и крутнул педали. Антс догнал его, и они выехали на лесную дорогу...

Подъехали к конторе. Старик заглянул внутрь и тут же вышел.

— На ферму уехал. Придется ждать.

Юрий разглядывал площадь, как будто видел в ней что-то удивительное.

— Так вот как это все было... — сказал он и кивнул на павильончик: — А можно туда зайти?

— Конечно. Там пиво продают.

— Пиво? — Юрий удивился еще больше. — Но там же Март! И фреска с радугой!

— Я ж тебе говорил. Он ее только начал, — сказал старик уже у входа в павильончик.

Толстая буфетчица сидела за стойкой, подперев голову рукой, в глубокой задумчивости. А стена за ее спиной была завешана мокрой мешковиной, как занавесом. Буфетчица глянула на них с тоской:

— Пива нет. Кончилось пиво.

И снова отключилась.

Когда они вышли из павильончика, подъехал «газик». Двое бородатых парней прыгнули на землю. Старший оглянулся на сидевшего за рулем очкастого, который уставился на старика с Юрием.

— Ты чего застрял?

— А? — опомнился очкастый. — А-а-а... Так вы берите, я сейчас.

Старший ушел в павильончик, а очкастый снова впился взглядом в Юрия, уже сидевшего со стариком на пустых бидонах, выстроившихся возле конторы на траве.

— Видишь? — Антс кивнул в сторону «газика».

— Пусть смотрит, — усмехнулся Юрий.

Опечаленные геофизики вышли из павильончика и полезли в «газик». Очкастый не заметил их появления. Он наблюдал.

— Нет пива, — поморщился старший. — Поехали.

— Вы езжайте, а я... — Очкастый вылез из машины, обежал ее сзади, словно прикрываясь от выстрелов, и нырнул в павильончик.

«Газик» отъехал, а очкастый уселся у стеклянной стены с бутылкой минеральной воды и стал вести наблюдение.

У конторы затормозил автобус. Хлопнули двери, и наружу высунулся большой чемодан. За ним — мальчик лет десяти с выгоревшими на солнце волосами.

— Ильмар! — бросился к нему старик.

Мальчик поставил чемодан в траву и улыбнулся:

— Здравствуйте!

— Приехал! — обнимал его Антс. — А это Юрий. Он теперь у меня живет.

Мальчик подал Юрию руку... Потом он

долго рылся в своем чемодане. И наконец вынул коробочку, оклеенную раскрашенными ракушками.

— Это маме.

Открыл ее и приподнял слой ваты, под которым оказался большой высушенный краб.

— А это... — Ильмар протянул краба старику.

Антс рассматривал краба и улыбался. А Ильмар спрятал коробку и, глянув на Юрия, которому не досталось никакого подарка, снова открыл чемодан и вытащил большую раковину.

— Пожалуйста, — он протянул раковину Юрию, — там море шумит.

Юрий приложил раковину к уху.

— Ты же должен был завтра приехать? — вспомнил Антс.

— Да... Но... — замялся Ильмар.

— Соскучился? — Антс погладил Ильмара по голове. — Значит, мама еще не знает? Пойдем к ней, обрадуем. — Он слегка подтолкнул мальчика вперед и обернулся к Юрию: — Я сейчас. Почта тут рядом.

Юрий смотрел, как они уходили, как старик хотел понести чемодан, бьющий мальчика по ногам, но тот не дал.

...Вернулся Антс, и почти одновременно к конторе подкатил бригадир.

— Нет! Не могу больше. Пусть переводят! Хотя в сторожа! Хватит с меня этого бригадирства... А тут еще этот трансформатор, будь он неладен.

— А что с трансформатором? — спросил Юрий.

— Не знаю... — развел руками бригадир. — Может, обмотку пробило, может... Я же не электрик!

— А это далеко? — спросил Юрий. — Я бы глянул.

— Рядом! — обрадовался бригадир, подталкивая Юрия к мотоциклу.

Юрий сел сзади, мотоцикл взревел и сорвался с места.

— Ты что — разбираешься? — кричал бригадир.

— Попробую. Я на корабле энергоснабжением занимался, — забылся Юрий.

— Во флоте, значит, служил? — перекрикивал рев мотора бригадир.

Юрий кивнул и грустно усмехнулся.

...Подъехали к будке с черепом на железной двери. Бригадир снял замок и хотел зайти внутрь, но Юрий сказал:

— Не надо. Я сам.

В будке он включил фонарик и прикрыл за собой дверь. Луч света скользил по переплетениям толстых проводов, по ржавым клеммам.

— Да... Техника... — Юрий снял с руки прибор с экраном и стал водить им перед собой. Прибор тихонько пискнул, и на засветившемся экране возник какой-то узел трансформатора с пульсирующей точкой разомкнутого контакта...

Бригадир расхаживал перед будкой, прислушиваясь, курил.

— Ну как? — подъехал на велосипеде Антс.

Бригадир только пожал плечами. И тут в будке возник негромкий ровный гул. А когда Юрий вышел, внутри уже горел свет.

— Спасибо, друг! — расплылся в улыбке бригадир. — Закуривай. — И ткнул Юрию пачку сигарет.

Юрий вертел в руке сигарету, не знал, что с ней делать.

— Он не курит, — поспешил выручить его старик.

— Ну а как насчет?.. — Бригадир сделал характерный жест. — Может, заедем ко мне. Ты ж нас просто спас!

— Да не пьет он! — снова вмешался Антс.

— И в технике разбирается! — восхищался бригадир. — Откуда ж ты взялся, парень?! Тебе ж цены нет!

— Издалека... — ответил Юрий уклончиво.

— В отпуск, значит, приехал?..

— В отпуск, — вздохнул Юрий.

— А может, останешься? — взмолился вдруг бригадир. — Знаешь, какой у нас климат?! И заработать можно!

— Что заработать? — не понял Юрий.

— Он мне тоже говорит: «Может, остаться?», — отодвинул Юрия старик. — Только у него документов с собой нет...

— При чем здесь документы?! — взвился бригадир. — Ты сго знаешь? Ну и достаточно! Оформим. Был бы человек, а документы ему потом вышлют. Поработашь у нас месяц-другой, а там видно будет...

— Поработаю, — кивнул Юрий.

Бригадир тряс его руку и чуть не плакал от радости.

Съехав с дороги, они свернули на просеку, разрезавшую молодой смешанный лесок. Где-то неподалеку, на одной звонкой, медленно угасающей ноте, вскрикивала невидимая птица — словно кто-то трогал серебряную, натянутую прямо в воздухе струну...

— Еще далеко? — спросил Юрий.

— Рядом, — сказал старик. — Давай остановимся на минутку. Я тут место одно знаю. Грибов наберем.

Они вошли в лес. Велосипед Юрия то и дело цеплялся педалью за стебли какого-то растения, густо вьющегося по земле. Старик, идущий впереди, заметил, что Юрий часто нагибается, и усмехнулся:

— Да не присматривайся. Это ежевика. В ней грибы не растут.

Но разглядев, что Юрий нагибается, чтобы освободить педаль, он перестал улыбаться, вздохнул:

— Весь лес ягодой зарос. Ступить негде. А собирать некому...

Заросли ежевики кончились. Они вышли на полянку, покрытую невысокой, тонкой, как дождевые струйки, травой. Повсюду виднелись розовые, оранжевые, малиновые шляпки сыроежек. Величиной с чайное блюдце, а иногда и с тарелку. Антс стал срезать грибы, разглядывать толстые ножки и отбрасывать их в сторону.

— Перестояли, — махнул рукой Антс. — А в детстве они из земли не успевали выгнать... Мы даже дрались из-за них.

... И снова они ехали по просеке. Антс впереди, Юрий чуть сзади. В конце ее старик свернул на вьющуюся среди стволов тропинку. За деревьями мелькнул просвет.

— Влево сворачивай! — крикнул старик, и Юрий едва успел свернуть.

Тропинка побежала по краю глубокой, круглой воронки диаметром метров в полтора. На дне воронки поблескивало небольшое, заросшее тиной озеро. Юрий бросил волоспед и стал внимательно рассматривать кратер.

Сняв с руки прибор с экраном, он спустился в кратер и стал водить рукой, направляя прибор на склоны. Прибор запищал. Юрий пошел в ту сторону, держа прибор перед собой, а тот пищал все громче. Юрий нагнулся, зачерпнул со склона горсть желтого суглинка и стал рассматривать его на ладони.

— Мне лопата нужна! — крикнул он старику.

Старик подошел поближе, оглянув кратер сверху.

— Можно у Линды взять, — предложил он. — Она тут недалеко живет.

Хутор Линды стоял на краю леса, а рядом, за изгородью из колючей проволоки, зеленел несошенный луг, по которому бродили три серых овцы с колокольчиками. Другого жилья поблизости не было. Бревенчатый дом под тростниковой крышей почернел и врос в землю, так что окна смотрели в траву, а в дверном проеме приходилось наклонять голову.

Линда вышла из-за сарая, чем-то расстроенная.

— Что случилось? — спросил Антс.

— Вчера целый день дрова складывала. А теперь вот...

За сараем они увидели гору рассыпанных поленьев. Только в самом низу вдоль стены тянулся аккуратный штабель — всего несколько рядов. И Ильмар укладывал сверху новый ряд березовых чурок.

— А разве был толчок? — Удивился старик. — Мы и не почувствовали.

— Только что... — вздохнула Линда. — И насос не качает. Наверно, опять заклинило... — Она вдруг спохватилась и махнула

рукой: — Да что это я?.. Пойдемте в дом...

— Нет, — сказал Антс. — Сначала мы хозяйство твое в порядок приведем. Ильмар, давай инструмент! — И направился к колодцу.

Антс откинул люк, снял свитер и полез вниз. Ильмар принес ящик с инструментами и подал старику.

Юрий глянул на Линду и не пошел за ним. Он обошел дровяной завал и стал укладывать чурки в штабель.

— Не надо. Я сама! — Линда хотела перебраться через дрова, но полено выскользнуло из-под ее ноги. Линда качнулась, но Юрий успел протянуть руки, и она оказалась в его объятиях. А он не торопился ее отпускать.

— Вам тут до вечера работы хватит, — сказал он, как будто речь шла вовсе не о дровах. Но, перехватив ее быстрый взгляд в сторону колодца, разжал руки и, помогая ей сойти с дров, добавил: — А мне интересно...

— Дрова складывать? — удивилась Линда.

— Да нет, — замялся Юрий. — Поговорить...

— О чем? — слегка растерялась Линда.

— Сам не знаю... — Юрий пожал плечами и улыбнулся.

И поленья замелькали в их руках.

— Прокладка выпала... — сказал старик Ильмару. — А ну-ка, посвети.

Ильмар направил луч фонарика в люк. А штабель рос и уже доходил Линде до пояса.

Антс вылез из люка, качнул ручку, и из крана полилась вода.

— Все в порядке, — крикнул он Линде. — Может, и вам помочь?

— Не надо. Сами справимся, — отозвался Юрий.

Стена поленьев росла, и Линде уже приходилось вставать на цыпочки, чтобы укладывать их в штабель.

Ильмар заметил кого-то на дороге и выбежал за калитку.

— А лестница есть? — спросил Юрий.

— Там, за домом, — кивнула Линда.

Юрий пошел за лестницей, а она посмотрела ему вслед и улыбнулась.

— Ну-ка покажи, что ты привез, — просил Ильмар Март, когда они вместе входили во двор. Ильмар убжал в дом.

— Снимай свой ящик, — сказал старик.

— Мойте руки! — выглянула из-за сарая Линда. — Сейчас обедать будем.

— Да я ненадолго... — откazyвался Март.

— И слушать не хочу! — крикнула Линда. — Мыло на рукомойнике.

Март снял с плеча этюдник и не знал, куда его пристроить.

Юрий вышел из-за дома и увидел Марта.

— Это Юрий, — объяснил старик. — В гости ко мне приехал. А это и есть наш...

— Можно подумать, он о какой-то достопримечательности, о памятнике архитектуры говорит, — усмехнулся художник. — А что есть? Шишка на ровном месте... Меня Март зовут.

— Я знаю, — тихо произнес Юрий.

— Кто ж этого не знает? Я уже всем тут со своей мазней надоел.

Ильмар вынес из дома большую картонную папку и вместе с Мартом они принялись рассматривать рисунки.

Стоя на стремянке, Юрий укладывая в штабель дрова, которые подавала ему Линда.

— Ну вот и все, — сказала она, протягивая ему последнее полено.

— Жаль... — вздохнул Юрий. — Я бы еще поработал.

— Так нет больше дров, — развела руками Линда.

Юрий спустился с лестницы, посмотрел на Линду и улыбнулся:

— Не в дровах дело...

Линда глянула ему в глаза и ничего не сказала.

Март рассматривал рисунки, откидывал голову, щурил глаз и молчал, похоже, неодобрительно.

— Не нравится? — спросил упавшим голосом Ильмар.

— Почему? — пожал плечами Март. — Ты молодец. И композиции стали интересней, и колорит... Только я одного не пойму. Что у тебя за страсть такая — рисовать то, чего ты никогда не видел? Разве бывает зеленый закат? А эти ракеты?

— Корабли, — тихо поправил Ильмар.

— Ну, корабли, — кивнул Март. — Какая разница? Разве там не было моря, деревьев, травы, камней каких-нибудь?

— Мне это интересней, — опустил голову Ильмар.

— Но ты же все придумал! Это не настоящий мир!

— Почему? — попробовал возражать Юрий. — Может, так оно и будет: зеленый закат, оранжевые деревья и люди в скафандрах. Только не на Земле...

— Может, будет, а может, нет, — отрезал Март и, повернувшись к Ильмару, продолжал: — Можно видеть мир по-своему. Но изобретать его заново... Это не в нашей власти. Потому что истина и красота разлиты в мире повсюду. — Март огляделся, словно к чему-то прислушиваясь. — Они здесь. А мы их не видим. Тычемся, как слепые, и ничего не можем понять...

Ильмар отошел к изгороди и стал смотреть на овец, щиплющих траву.

— В детстве всегда торопишься стать взрослым. Вот он и рисует свой завтрашний день... — сказал, рассматривая рисунки, Юрий.

Линда глянула на него с благодарностью.

— Конечно, — вздохнул Март. — Но если сегодня думать только о завтрашнем дне и только его изображать, о чем же тогда завтра думать? О послезавтрашнем дне? Ну, а послезавтра о чем? А после-послезавтра?

Юрий молчал, ждал, что Март сам ответит.

— Нет... — Март задумчиво покачал головой. — Надо же когда-то остановиться, оглядеться по сторонам и вот об этом, о сегодняшнем дне подумать. Потому что на самом-то деле ничего другого у нас нет. Все — в настоящем... А эти фантазии... До-

вольно для каждого дня своей заботы...

— Вы фреску пишете? — неожиданно спросил Юрий.

— Да. В пивной.

— А где вы видели такую радугу? — спросил Юрий, глядя ему в глаза.

— Радугу?... — усмехнулся художник. — Это ты ему рассказал? — обернулся он в сторону Антса, потом покачал головой и сказал Юрию: — Конечно, такой радуги я не видел... Просто как-то подумал, а что если бы радуга встала на весь мир...

Юрий кивнул, он уже понял, что ошибся в своих предположениях. Пересоврачивались, сменялись в его руках листы с зарисовками фантастических неземных ландшафтов, космических станций и кораблей... А он смотрел на них и грустно улыбался...

Линда уже убирала со стола посуду.

Март откусил кусочек сахара, отхлебнул чаю и спросил:

— А зачем туда летать? Мне и Земли хватает. Да что там Земли! Даже этого острова.

— Мне тоже, — улыбнулся Юрий. После обеда они все сидели за столом. — Но человечеству этого маловато. Потому что каждую ночь над нами загораются бесчисленные миллиарды других миров. Неужели все они мертвы и человек обречен на вечное одиночество в этой необозримой пустыне? Наверно, они тоже нас ищут... Может, они похожи на нас?... Мы должны их встретить...

— Ну до этого еще далеко, — усмехнулась Линда. — Пока что нам хватает земных проблем.

Юрий хотел возразить, но сдержался, глянул на нее и кивнул:

— Да... Конечно...

...Март уже надевал этюдник. Антс взялся за велосипед, но, вспомнив, зачем они приехали, прислонил велосипед к забору и сказал:

— Линда, я у тебя лопату возьму. Корень один хочу выкопать по дороге.

Он ушел в сарай, а Юрий ждал, держа свой велосипед за руль.

— Вы еще придете к нам? — с надеждой спросил Ильмар.

— А можно? — Юрий смотрел на Линду.

— Да, — тихо сказала она и улыбнулась.

Они остановились у кратера. Юрий сбегал по склону и стал копать. Старик присел на корточки на краю кратера и спросил:

— Слушай, а как это случилось?

— Что? — поднял голову Юрий.

— Ну... Как ты сюда попал?..

— А-а-а... — Юрий сбросил с лопаты ком земли. — Мы возвращались на Землю...

— На хронотроне? — спросил Антс.

— Нет. На большом корабле. Издалека. И уже шли на посадку в Хюлле...

— В Хюлле? — удивился Антс.

— Да. Там был тогда... То есть будет... большой космопорт... И вдруг корабль погрузился в абсолютную тьму. Это продолжалось всего несколько секунд. Но когда мы связались с Землей, оказалось, что все часы на корабле отстают от земных на двадцать четыре минуты... Хотя в момент предыдущего сеанса связи этой разницы во времени не было... Мне поручили вернуться на хронотроне назад и проверить, что произошло, когда корабль выпал из временной последовательности...

Некоторое время Юрий копал молча, что-то припоминая. Антс терпеливо ждал.

— Хронотрон остановился, и время снова потекло вперед. Я прошел этот остаток времени и никаких провалов не обнаружил. Потом переключил хронотрон вперед, чтобы догнать корабль во времени, и тут произошло взрыв...

— А как же корабль? — спросил старик.

— Судя по обломкам, — вздохнул Юрий, — погиб. А меня вышвырнуло сюда... Как щепку...

Юрий замолчал, методично работая лопатой.

— Может, тебе помочь? — сочувственно спросил старик.

— Да нет. Уже немного осталось.

Солнце закатилось, и стал накрапывать дождь. Антс глянул на небо и поежился. Юрий стоял в яме на коленях и просеивал землю сквозь пальцы. Наконец что-то нащупал и поднес к глазам. Антс присмотрелся и увидел в его руке кусочек оплавленного металла.

— И это все? — удивился он. — Только зря время потеряли...

— Может, и зря, — согласился Юрий, заворачивая слиток в платок.

Дождь усиливался, шумел в листве. Колеса велосипедов скользили по траве, по размокшему проселку...

Уже совсем стемнело, когда они въехали во двор. Антс повел велосипеды в сарай, а Юрий забежал в дом, вернулся с приборчиком, который не зарыл вместе с обломками в сарае, вставил в него слиток, повернул какой-то рычажок. И произошло чудо.

Над их головами возник огромный серебрясто мерцающий полупрозрачный предмет в форме идеального тороида. По его периметру шли круглые иллюминаторы, а на корпусе виднелись прямоугольные углубления, выступы каких-то хрупких конструкций, решетчатые плоскости, усики антенн. Тороид висел в воздухе неподвижно, и струи дождя пронизывали его насквозь.

— Это не наш корабль... — прошептал Юрий. — Не из моего времени... И вообще не с Земли... Совсем другой принцип...

— Они прилетали?.. — еще тише спросил Антс.

— Да, — кивнул Юрий. — И погибли здесь, — он глянул на экран ручного приборчика, — полторы тысячи лет назад. И никто об этом не узнал... Хотя все видели взрыв. Этот «небесный огонь»... Может, с ним случилось то же, что с моим кораблем... Но тогда... — Юрий задумался, а потом сказал горячо и убежденно: — Антс, их надо спасти!

— Но ведь они погибли, — пожал плечами старик.

Антс доил корову, когда Юрий зашел в клеть и, остановившись в дверях, сказал:

— Я готов.

— Сейчас, — ответил старик. — Вот только молока поьем и прыгнем.

— Прыгнем?

— Ну скажем, как это у вас называется...

— Куда скажем? — Юрий подошел к нему.

— Да в прошлое, — ответил, не поднимая головы, старик. — Мы же решили их спасти.

— Мы?!

— Конечно. — Антс встал. — Это же не очкастого возвратит... Мало ли какие случайности могут там возникнуть. Нет, одному это не под силу... Ты можешь не успеть...

— Но ты же говорил, что больше не дойдешь к хронотрону.

— Это совсем другое дело, — сказал Антс, выходя из клетки. — Это же не ради себя...

Они стояли в комнате рядом с хронотроном, и Юрий держал руку на красном рычаге. Через плечо Антса была перекинута старая двустволка. Юрий глянул на него, как бы спрашивая: «не передумал?».

Старик положил ему руку на плечо и улыбнулся:

— Давай!

Юрий потянул на себя рычаг — комната, в которой они стояли, дрогнула и исчезла. И они очутились в бушующей ледяной воде, во мраке безлунной ночи.

Это было так неожиданно, что оба они захлебнулись и стали тонуть. Ружье куда-то исчезло, хронотрон тоже утонул. Они барахтались в волнах, поддерживая друг друга из последних сил, и наверно утонули бы. Но тут старик нащупал ногами дно. Когда

не захлестывала волна, вода доходила им только до подбородка. Добравшись до берега, они свалились на песок и долго лежали, не чувствуя, что одежда их затвердевает на ледяном, пронизывающем ветру.

Потом они брели в полной темноте, утопая в сугробах, прикрываясь ладонями от колючего, бьющего в лицо снега. И вдруг наткнулись на человека, неподвижно лежавшего у пепелища большого костра. Угли еще дымились, мерцали багровыми переливами, а человек был мертв. И снег вокруг его головы был темным от крови.

Они молча переглянулись и, озираясь по сторонам, побрели дальше. А ветер свистел, раскачивал чахлые кусты можжевельника, и ветви жалобно скрипели... Вдали мелькнул огонек. Они зашагали быстрее и вскоре вышли ко второму костру, вокруг которого сидело пятеро мужчин в плащах из грубой некрашеной ткани. Порывы ветра доносили обрывки их речи, но слов нельзя было разобрать.

— Я их понимаю... — прислушался старик. — Только выговор...

Юрий вставил себе в ухо миниатюрный приборчик, похожий на сережку, и разговор сидевших у костра стал понятен.

— Может, мы его упустили? — спросил молодой светловолосый парень.

— Наберись терпения и помолчи, — ответил пожилой сквозь густую черную бороду. — Эй! — он толкнул ногой сидящего рядом с ним парня. — Так ты все на свете проспичь!

— Тот, кто едет медленно, тоже добирается до цели, — сказал мужчина с глубоким кривым шрамом на лице, сидевший напротив бородатого. — Но, как говорится, о месте всегда двойная молва. Одним она кажется справедливой, другим наоборот...

— Что ты хочешь сказать? — нахмурился бородатый.

— Очень ты стараешься, и хорошо бы, чтобы твои труды не пропали даром...

— Ты жалеешь, что согласился нам помочь? — спросил бородатый.

— Я здесь, — вздохнул тот. — И буду

с вами до конца, что бы ни случилось...

Бородатый одобрительно кивнул.

Юрий с Антсом вошли в круг света. Сидевшие у костра разом вскочили и схватились за оружие. Отблески пламени засверкали на остриях копий, на лезвиях мечей. Но, разглядев мокрую обледеневшую одежду и что Юрий и Антс не вооружены, бородатый опустил копье и подошел поближе, а остальные расселись по местам.

— Кто вы? — спросил бородатый.

— Наш корабль разбился о камни, — ответил Антс.

— А где остальные?

— Больше никто не выплыл, — вздохнул старик.

— Вы купцы?

— Да, — кивнул Антс. — Везли соль и муку.

— Соль? — покачал головой бородатый. — Большая потеря. Как тебя зовут?

— Антс, — ответил старик. — А его Юрий.

— Я не слышал ваших имен, — подозрительно пригляделся к ним бородатый. — Да и говоришь ты странно.

— Раньше я здесь не бывал, — пожал плечами старик. — А ваш язык узнал в море.

— А он почему молчит? — кивнул на Юрия бородатый.

— Он не знает вашего языка. Его дом далеко, за морем.

— Ну что ж... — сказал бородатый. — Приютить путников — наш долг. Я Юкк Адская Кожа. А это мои сыновья и наш родич — Арпад Цепной Пес. Садитесь к огню.

Сыновья потеснились, и они сели, протянув к огню озябшие руки. Юкк зачерпнул из бочонка и протянул ковш старику:

— Пейте. Я сам варил это пиво.

Антс поморщился, но все же выпил до дна. Юкк снова зачерпнул из бочонка, прикрыл его щитом, а ковш протянул Юрию.

И тут земля под ним содрогнулась, щит со звоном упал с покачнувшегося бочонка. Лица хозяев не дрогнули, только один из

парней поднял щит и снова прикрыл бочонок.

— Опять Сигюн замешкалась... — усмехнулся Арпад Цепной Пес.

— Какая Сигюн? — спросил старик.

— Видно, ты и впрямь издалека, если не слышал о Сигюн, — покачал головой Арпад. — Это жена Локи.

— А кто такой Локи?

Арпад поглядел на него удивленно, а у сыновей Юкка округлились глаза. Юкк презрительно усмехнулся.

— Кузнец несчастий, — объяснил Арпад.

— Недруг богов, — добавил один из сыновей.

— Однажды он оскорбил их всех и сбежал, но боги поймали его и приковали к трем плоским камням... — продолжал Арпад. — А сверху подвесили ядовитую змею, так чтобы яд капал ему в лицо. И с тех пор жена Локи сидит рядом и подставляет чашу под капающий яд. Когда чаша наполняется, она выносит ее, а яд капает на Локи, и он корчится от боли, так что содрогается весь мир.

— Наверно, он привязан где-то поблизости, — сказал младший из сыновей. — Не нравится мне это место. Иногда Локи рвется так сильно, что земля раскалывается на части.

— Разве ты не знаешь, что каждый умирает, когда ему суждено? — строго спросил Юкк. — Не раньше и не позже. Так что бояться смерти бессмысленно.

Сын опустил глаза, устыдившись своего страха.

— Мы видели труп у догорающего костра, — Антс кивнул в темноту.

— Это наше дело, — нахмурился Юкк.

Антс хотел встать. Но Юкк схватил его за плечо:

— Дерево не падает от первого удара, друг. Посиди-ка с нами.

Старику пришлось подчиниться. Он сел, смущенно оглядываясь. Один из сыновей Юкка все еще держал в руке меч и поглядывал на Юрия, словно чего-то ждал. Ста-

рик догадался, чего он ждет, и сказал с уважением:

— Добрый меч.

Парень расплылся в улыбке и лихо вогнал меч в ножны.

Юкк глянул на него и криво усмехнулся:

— Хвались не мечом, а победой... Добрым я называю тот меч, который верен хозяину.

Юрий и Антс переглянулись.

Один из парней время от времени выплекивал в костер какой-то жир. Пламя вспыхивало ярче и с шипеньем взлетало над землей. Другой сын Юкка подкладывал в огонь хворост из сложенной неподалеку большой кучи. Старик удивился:

— Разве вам мало огня?

— Это тебя не касается, — нахмурился Юкк, но тут же смягчился: — Но так и быть — скажу, раз уж вы мои гости... Мы хотим разделаться с Олавом Длинным. Скоро он будет здесь... — Юкк зловеще ухмыльнулся: — А вовсе не там, где рассчитывал. Он выслал вперед раба, чтобы тот развел костер на северном конце отдели. Думал обогнуть ее, ничем не рискуя... Но вышло так, что этот раб умер...

Юкк подмигнул старику, и тот совсем растерялся. А Юкк добавил:

— ...И теперь Олав увидит наш костер, сядет на мель и попадет прямо к нам в руки...

С моря послышались всплески весел и приглушенные голоса. А потом громкий крик и проклятия — невидимая в темноте лодка села на мель.

— Прячьтесь! — приказал Юкк.

Юрий со стариком опомниться не успели, как их уже затащили за кучу хвороста. Юкк и два его сына держали оружие наготове. А на головах у них появились металлические шлемы со стрелками, прикрывавшими нос.

Арпад Цепной Пес и младший сын Юкка скрылись в темноте по другую сторону костра.

В полосе прибоя показались люди — женщина и трое мужчин. Самый высокий

из них нес на руках мальчика лет десяти и кричал в сторону берега:

— Где ты, негодяй? Не прячься, я тебя все равно найду! Ты что, забыл, где надо было зажечь костер?

Он поставил мальчика в воду. Юкк занес копье. И в этот момент блик от остря упал на лицо мальчика.

— Ильмар! — крикнул старик и рванулся вперед, но его ударили по голове, и он потерял сознание. Юрий тоже рванулся, но его схватили сзади и зажали ладонью рот.

Крик старика никому не помог. С двух сторон мелькнули копыя, и двое мужчин, пробитые ими насквозь, свалились в воду. Высокий сгреб мальчика в охапку, сунул его женщине, толкнул ее прочь от берега и крикнул:

— Беги! — А в руке его сверкнул меч.

Женщина не побежала, так и осталась стоять с мальчиком на руках, и волны захлестывали ее по пояс. Высокий рванулся к берегу. И тут к нему бросились враги, и завязалась неравная схватка.

Юрий выскочил из укрытия и схватил младшего сына Юкка за руку. И в то же мгновение меч Олава обрушился на плечо парня, и по рукам Юрия потекла кровь. Кто-то ткнул его тупым концом копья в грудь, и он упал.

Схватка длилась недолго. У Олава не было ни шлема, ни щита, мокрая одежда стесняла его движения, и скоро он рухнул в снег под ударами, сыпавшимися на него со всех сторон. Нападавшие тяжело дышали, глядя на лежавшие в снегу тела.

Юрий открыл глаза и увидел, как женщина, поставив мальчика в воду, кинулась к телу Олава, склонилась над ним и зарыдала.

Юкк рывком поставил ее на ноги, развернул к себе и свободной рукой ударил по щеке.

— Лучше поплачь над своим братом!

Женщина смотрела бессмысленным взглядом, не понимала его слов. Юкк отпустил ее, и она медленно осела в снег. Подбежавший мальчик схватил брошенный в снег

меч и бросился на Юкка. Но не добежал — сын Юкка толкнул его в спину, и мальчик, выронив меч, отлетел в сторону.

Юкк нагнулся к нему. Одной рукой он удерживал мальчика за грудь, другой — за руку и долго всматривался в его лицо. А над ними уже стояли оба сына и Арпад Цепной Пес с мечами наготове. Юкк отпустил мальчика и медленно встал.

— Его надо прикончить, — сказал Арпад Цепной Пес.

— Нет, — покачал головой Юкк. — Он поедет с нами. Это мой внук.

— Он вырастет и будет мстить за отца, — сказал Арпад.

— Он вырастет в моем доме, — вздохнул Юкк. — Может быть, он поймет.

— А мой дом? — спросил Арпад. — Наше родство дальнее. Он будет мстить мне.

— Я думаю, ты сможешь за себя постоять, — сказал Юкк, глядя ему в глаза.

Мальчик вскочил и побежал вдоль берега.

— Поймайте его, — спокойно сказал Юкк. — И отнесите в лодку.

Сыновья бросились вдогонку за мальчиком, а Юкк подошел к телу младшего сына, опустил на колени и застыл, склонив голову на грудь. Арпад Цепной Пес стоял рядом. Юкк закрыл сыну глаза, отрезал от своего плаща два лоскута и заткнул мертвому ноздри. Потом тяжело поднялся с колен.

Сплывывая в снег сгустки крови, Юрий медленно встал на ноги.

— Это из-за тебя проклятый Олав убил моего сына! — прохрипел Юкк, глядя на него с ненавистью. — А ведь ему было всего семнадцать лет... И он не сделал ничего дурного... Только хотел отомстить за своего старшего брата, которого убил отец Олава... И за то, что Олав украл мою дочь и был объявлен вне закона, так что каждый мог прикончить его где угодно... А ты вмешался... Я бы убил тебя, но это не прибавит мне славы. Ты же мой гость... Правда, теперь тебе придется погостить у меня подольше... Похоже — всю жизнь. Будешь

пасти коров. Свяжите его, — устало кивнул Юкк. — Он все равно ничего не понимает...

Сыновья Юкка и Арпад бросились к Юрию, скрутили его, как он ни вырывался, и поволокли по снегу.

— А тот... — Юкк кивнул в сторону кучи хвороста, за которым лежал Антс, — пусть здесь подышает. Мне старые рабы ни к чему.

Женщина попрежнему сидела над телом Олава, безучастная ко всему и немая.

— Вставай, Айра, — сказал ей Юкк, тихо и беззлобно. — Домой поплывем...

Айра не шелохнулась.

— Вставай, дочка, — повторил Юкк и тронул ее за плечо. — Ты же знаешь... Олав сам виноват... Конечно, он предлагал виру, хотел помириться. Но мы могли смыть этот позор только кровью...

Айра словно окаменела.

— Отведите ее в лодку, — голос Юкка неожиданно дрогнул.

Арпад поднял Айру и повел по берегу. Она шла как во сне. Сыновья Юкка подняли тело брата и унесли в темноту. Юкк проверил, крепко ли связан Юрий, и тоже ушел.

Юрий напрягался всем телом, но ремни не поддавались.

— Антс! — тихо позвал он.

Из-за хвороста послышался стон.

— Антс! — позвал Юрий громче.

Старик подполз к нему на четвереньках. Лицо его было окровавлено. Он нащупал в снегу меч и перерезал спутывающие Юрия ремни.

— Бежим! — шепнул Юрий, помогая старику встать на ноги.

Они сделали три медленных, неверных шага.

— Куда? — остановился старик. — Тут спрятаться негде. Найдут.

— Что же делать?

— Не знаю, — прошептал Антс. — У меня только это... — И он вытащил из кармана несколько намокших картонных гильз. — Может, попробовать? Идут!

Старик бросил патроны в костер и вместе с Юрием шагнул в темноту.

Юкк с сыновьями подошли к костру и остановились, разыскивая глазами только что лежавшего здесь Юрия. Один из сыновей заглянул за хворост и развел руки.

— Ничего, — ухмыльнулся Юкк. — Делайте факелы. Им некуда деться.

И тут в костре начали рваться патроны. Все застыли от изумления. А патроны рвались со страшным грохотом.

— Тут что-то нечисто... — засомневался Юкк. — Мне сразу показалось, что они колдуны. Может, они сидят в костре? Лучше с ними не связываться...

И они быстро ушли.

Светало. Старик и Юрий стояли на берегу, глядя на тающую в тумане лодку, на труп Олава у догорающего костра... На вытоптанной, темной от крови снегу...

— Надо его вернуть! — взволнованно сказал старик и кивнул на труп. — Вернуть время.

— Но мы не должны вмешиваться... — сказал Юрий.

— А Ильмар? Ты видел Ильмара?! — воскликнул старик.

— Ильмар? — удивился Юрий. — Ильмар остался там, с Линдой.

— Ну, другой парнишка! — волновался старик. — Ты же его видел! У него тоже не будет отца! Понимаешь?

Стало совсем светло, и туман рассеялся. Они медленно шли по узкой песчаной косе, припорошенной снегом, мимо чахлах кустов можжевельника.

— Значит, тогда остров был еще меньше? Только узкая полоска песка, — сказал старик. — А потом поднялся из воды, вырос.

— В мое время... — Юрий осекся. — То есть там... В будущем. Он поднимется еще выше и сольется с материком.

— А старший сын Юкка все равно не оживет и второй его сын тоже... — покачал головой старик.

— Разве можно остановить людей, которые творят зло и убеждены, что делают доброе дело? — вздохнул Юрий. — Их можно только уничтожить. Но тогда мы сами окажемся не лучше...

Они подошли к остывшему пепелищу второго костра. Остановились над телом раба. Антс нагнулся, чтобы прикрыть труп плащом.

— Это непоправимо, потому что весь мир, в котором происходят убийства, жесток и бессмыслен, — сказал Юрий, глядя на пепелище. — Он еще не нашел своего пути — блуждает во мраке... Здесь даже хронотрон бессилен...

— Почему? — спросил Антс.

— Потому что неизвестно, куда его направлять! В то время, когда этот бедняга был еще жив... А может, надо было вмешаться, когда Олав решил похитить дочь Юкка? Но почему ее не выдали за него добром? Может, следовало устранить причину той давней вражды? Но, наверно, и она возникла не на пустом месте... — Юрий кивнул на труп, прикрытый плащом, и добавил: — У этой истории есть конец... Но где её начало? Цепь убийств уходит в бесконечность. И может быть, начинается с амебы, впервые заглатывающей инфузорию... А может, еще раньше?

— Да, кровавое время, но это наше прошлое, — сказал старик, глядя на огонь. — Оно было таким, и мы не можем от него отказаться. Зрелость — это долгий путь... Потому что только ошибаясь и раскаиваясь и мучительно сознавая свою неправоту, мы понимаем мир и самих себя по-настоящему.

Солнце уже взошло над морем и приближалось к зениту, а они все еще раскладывали по снегу хворост, раздували тлеющие угли, поддерживали костры.

— Клади туда, — показывал Юрий. — Побольше... И вот туда. Нет, левее. Получится квадрат и два треугольника... Они увидят и поймут, что здесь разумные существа, и не станут садиться нам на головы.

Сядут в другом месте и, может быть, не погибнут...

Они ждали. И вскоре в небе возник корабль, окутанный сверкающим облаком плазмы. Тот самый. Он завис над морем, а потом стремительно скользнул в сторону и исчез.

— Они поняли! — радовался Юрий.

— А они вернутся? — спросил старик.

— Не знаю, — помрачнел Юрий. И вдруг воскликнул: — Смотри!

В небе появилась светящаяся точка. Она быстро приближалась, превращаясь в большой, сверкающий на солнце шар. Плавно снижаясь, шар скользнул к берегу. Подлетев к Юрию и Антсу, он спустился на землю и застыл. Он был прозрачным и полым. Серебристая горизонтальная плоскость делила его на две неравные части, образуя просторную сферическую кабину, в которой стояли три вполне узнаваемых кресла, а перед ними какой-то прибор с тремя стрелками на круглом, напоминающем циферблат диске. В сфере открылся люк. Антс и Юрий переглянулись.

— Они не хотят рисковать, — сказал Юрий. — На их месте я поступил бы так же. Ведь разумные существа тем и отличаются, что могут преодолеть свой страх, когда понимают, что дело того стоит.

И он полез внутрь. И уже оттуда протянул руку Антсу. Медленно, как бы прощаясь, Антс огляделся вокруг и шагнул к шару.

— Странно, — сказал он, рассматривая серебристый пол у себя под ногами. — Никакой техники.

— Это и есть техника, — усмехнулся Юрий. — Когда ее не видно.

Они не заметили, как люк позади них беззвучно закрылся. Сфера качнулась, отрываясь от земли, и вдруг все, что было за ее пределами, исчезло в непроницаемой серой пелене. Стрелки на приборе рванулись вперед. Туман за стенкой шара рассеялся, и они оказались внутри огромной пустой камеры, погруженной в тусклый синеватый полумрак.

— Похоже, мы на корабле, — сказал Юрий, оглядываясь.

Выбравшись из шара, они прошлись по камере и в центре ее наткнулись на невидимую преграду. Руки старика ошупывали ее как в пантомиме, но проникнуть сквозь этот прозрачный заслон не могли.

— Силовой барьер, — объяснил Юрий. — Наверное, воздух, которым мы дышим, им не подходит... Вот и отгородились...

Старик кивнул и вдруг увидел, что Юрий весь напрягся и подался вперед. Антс глянул туда и в синем полумраке разглядел четырех двуногих существ, одетых в ослепительно белые тоги. Их нельзя было бы отличить от людей, если бы не белая, почти прозрачная кожа, и белые волосы, как у ангелов или альбиносов.

Один из них вышел вперед и приветственно поднял тонкую кисть. Потом отступил в сторону, и на прозрачной стене возникло живое зарево синих огней. Они сливались в цепочки, в многоэтажные ряды, очерчивая контуры далеких, невидимых в темноте зданий. А на переднем плане, в кольце гор, лежала серебристая, плоская, как стол, долина. И на поверхности ее сверкал яркий тороидальный блик. Он вспыхнул ярче и взлетел. Скользнул над горами, над городом и исчез в черной мгле.

— Это наш Каф. Единственная планета в созвездии Капары. Очень далеко. Шестьсот пятьдесят быров.

Картинка сменилась бесконечной фиолетовой пустотой космического пространства. Зеленая искорка оторвалась от неяркой красноватой звезды и рванулась вперед, перечеркивая звездный простор по диагонали.

— Большое Магелланово облако, — прошептал Юрий. — А мы там никогда не искали.

Невидимый барьер снова стал пустым и прозрачным, и кафианин спросил:

— Ты понимаешь мой язык?

Юрий вынул из уха приборчик и на ладони поднес его к стене.

— Анализатор? — спросил кафианин.

Юрий кивнул. Кафианин вытащил из своего уха похожий приборчик и протянул его к барьеру в своей трехпалой руке. Они глянули друг на друга и улыбнулись.

Еще один кафианин подошел к барьеру и спросил:

— Вы не очень испугались, когда мы искривили пространство, чтобы побыстрее доставить вас на корабль?

— Нет, — сказал Юрий. — Мы тоже перемещаемся во времени.

— Но ваша планета... — в голосе кафианина звучало удивление. — Мы замеряли ее фон... Уровень вашей цивилизации показался нам... — кафианин не находил слов.

— Примитивным? — подсказал Юрий и улыбнулся.

Кафианин осторожно кивнул.

— Но это сейчас. А мы из другого времени. Там все иначе.

— Где? — спросил кафианин.

— В будущем, — ответил Юрий.

— Вы из будущего? — удивился кафианин. — И первые, кого мы здесь встретили, — это вы? Но такие случайности...

— Это не случайность, — сказал Юрий. — Мы вас ждали.

— Вы знали, что мы прилетим? — Кафиане не могли в это поверить.

— Да. Мы нашли следы вашей гибели.

— Мы здесь погибнем? — тихо спросил первый кафианин.

— Нет, — Юрий покачал головой. — Теперь это позади.

Кафиане быстро переглянулись, и первый спросил:

— Вы зажгли эти огни специально?

— Мы хотели вас предупредить.

Кафиане переглядывались, молчали. Наконец первый сказал:

— Мы должны посоветоваться. Скоро будут готовы скафандры, и вы можете осмотреть корабль.

Кафиане исчезли в синем полумраке. Юрий, едва сдерживая волнение, глянул на Антса, надеясь, что тот разделит его радость. Но Антс был задумчив и хмур.

— Что с тобой? — удивился Юрий. — Мы же их встретили. Нам все удалось!

— Конечно, — кивнул Антс. — Я понимаю, как это важно для вас там, в будущем... Но этот взрыв... Теперь его никто не увидит и не назовет моих предков огненными людьми. И соседи будут нападать на них. Убивать и грабить. Смогут ли они это пережить? Их так мало. А что, если всех перебьют во времена Юкка и Арпада Цепного Пса?! И не будет больше моего народа. Значит, и меня не будет... Но я же существую... Вот и получается парадокс. Хотя, какое это имеет значение по сравнению с такой встречей?

— Да ты что, Антс?! — шагнул к нему Юрий. — Разве я мог об этом забыть? Мы найдем выход. Они тоже поймут. Вот увидишь!

Сбоку мигнул красный сигнал, и в раздвинувшейся металлической стене образовалась ниша. Там стояло два скафандра. Юрий помог старику влезть в скафандр. Потом оделся и сам... Он протянул руку к силовому барьеру и проткнул пустое пространство. Они вступили в синий полумрак. В конце туннеля их ждала открытая дверь.

Они оказались в небольшом отсеке. Тусклый синий свет освещал только середину помещения, а стены его, на которых угадывались какие-то приборы, тонули во мраке. Первый кафианин поднялся им навстречу, показал на кресла и, когда они сели, заговорил:

— Мы решили, что здесь нам нечего делать... Интересы любой цивилизации определяются уровнем ее развития. А в данном случае... — кафианин кивнул куда-то за пределы корабля, — их было бы трудно совместить. Мы хотим вступить в контакт с людьми вашего времени. Обычно мы не заглядываем в будущее чужих планет... Но это особый случай.

— Вы можете проникать в будущее? — Юрий был поражен.

— А вы нет?

— Пока только в прошлое, ну и, конечно, возвращаться назад.

— Мы вас научим. Всему, что знаем сами, — сказал кафианин. — Народ Кафа ждал этой встречи тысячи лет. Я смотрю на вас и до сих пор не верю...

— Я тоже.

— Но есть сложность. — Кафианин помолчал, приглядываясь к Юрию, а потом снова заговорил: — Наши хроносферы не предназначены для дальних космических перелетов. Как мы вернемся на Каф?

— Мы дадим вам корабль. Самый лучший, — сказал Юрий.

— А как быть с нашим? — спросил кафианин. — Не оставлять же его здесь...

— Корабль придется взорвать, — сказал Юрий.

— Взорвать корабль?! — вскочил кафианин.

— Это единственный выход. И потом... Этот взрыв уже оставил след в нашей истории. — Юрий кивнул на старика. — Может быть, этот взрыв помог его народу выжить...

— И ты знал об этом? — спросил кафианин у старика.

— Конечно, — кивнул старик.

— Не понимаю, — задумался кафианин. — Взрыв нужен вашему народу, а ты помогаешь его предотвратить... Какой в этом смысл?

Антс смотрел на него сквозь прозрачный пластик шлема и молчал.

— Он не искал смысла, — ответил за него Юрий. — Он просто хотел вас спасти.

— Ты говоришь странные вещи, — покачал головой кафианин. — Но я верю... Может, в этом и состоит отличие разума от инстинкта. Его действия кажутся иногда бессмысленными. Но есть в этом какой-то другой, высший смысл. Я верю вам, потому что вы поверили нам и не побоялись сесть в хроносферу. Хотя, с точки зрения животного или дикаря, это было рискованно и нелогично. — Кафианин встал и улыбнулся. — Мы тоже ри-

скнем. Надо же доказать вам, что мы тоже разумны...

Шлюз распахнулся, и в камеру хлынул яркий солнечный свет. Слегка покачиваясь, хроносфера поплыла из синего полумрака навстречу небесной голубизне. Вместе с Юрием и Антсом в хроносфере сидел кафианин в таком же скафандре и гермошлеме на белой голове. Прозрачные шары один за другим выплывали из шлюза и, удаляясь от корабля, выстраивались в кильватерную линию. А корабль медленно снижался, уходил...

Кафианин, сидевший между Юрием и стариком, смотрел ему вслед не отрываясь.

И вдруг корабль полыхнул белой вспышкой и исчез, а на его месте они увидели ажурную конструкцию, удивительно похожую на свадебную корону. Она медленно разгоралась в небе симметричными, ослепительными, как молнии, октаэдрами.

— Свадебная корона... — прошептал старик. — Так, значит...

Очертания короны заколебались и стали тускнеть.

Кафианин отвел глаза, опустил голову и не глядя нажал кнопку на приборе с циферблатом. Стрелки рванулись с места.

Корона неожиданно вспыхнула, и ее поглотило неистовое, багровое пламя. Оно ударило вниз и, наверно, достигло земли. Взметнулось к небу и залило его красным светом, как кровью. Но хроносфер уже не было. Они исчезли за секунду до второго взрыва.

В густой снежной пелене таяли, растворялись бьющие со всех сторон разноцветные огни. Больше ничего не было видно. И вдруг в воздухе, прямо из ничего, возник прозрачный шар. И стал

медленно снижаться. А рядом опускалось еще пять таких же шаров, похожих на елочные украшения. Коснувшись стальных плит космодрома, они слегка зазвенели и застыли. Один за другим распахивались круглые люки. А над космодромом уже завывали сирены.

Юрий спрыгнул на землю первым. Сразу сбросил гермошлем, подставив лицо морозному ветру. Из люка выпрыгнул кафианин, и его белая голова завертелась во все стороны. Кафианин пытался хоть что-то разглядеть сквозь искрящиеся снежные вихри. Юрий помог Антсу выбраться из хроносферы. К ним подходили другие кафиане. Старик был растерян не меньше их. Он всматривался в мерцающие сквозь метель цветные огни и ничего не понимал.

— Это Хюлле? — тихо спросил он у Юрия. — А ты не перепутал?

— Нет, — улыбнулся Юрий. — Все правильно.

Стальные плиты уже звенели от быстрых приближающихся шагов.

— Ты?! — воскликнул молодой парень в комбинезоне, подбежавший первым. — Как ты сюда попал?!

— Здравствуй, Лембит, — Юрий торопливо пожал ему руку. — Наш корабль еще не садился?

— Нет, — пробормотал парень. — Вот я и спрашиваю, откуда ты взялся.

Вокруг уже собралась толпа.

— Вы не теряли с ним связь? — спросил Юрий.

— Нет, — ответил кто-то. — Но как ты здесь очутился?

— Надо немедленно передать, чтобы они изменили график и селились в другом месте, — сказал Юрий, обращаясь к высокому мужчине, который, судя по всему, был здесь главным.

— А ты откуда? — спросил тот.

— Издалека, — улыбнулся Юрий.

— Кто это с тобой? — спросил чей-то голос.

И тут все замолчали, всматриваясь в

лица кафиан. И стало слышно, как снежинки скребутся о прозрачные поверхности хроносфер.

— Да,— сказал Юрий. — Мы их встретили. Только не там, где искали. Они тоже пытались нас найти. Но если бы не Антс... — Юрий кивнул на старика.

Антс растерялся и отвел глаза.

А люди уже смешались с кафианами, разглядывали их и не могли сдержать свою радость.

— Выходит, мы выполнили программу,— сказал кто-то среди общего веселья. — Надо подыскивать себе другое занятие.

— Почему? — пожал плечами Координатор. — Теперь мы начнем новую. Вместе с ними. — И он кивнул на кафиан, которые улыбались своими белыми лицами сквозь прозрачные гермошлемы.

Юрий и Антс в теплых меховых куртках с капюшонами шли по незамерзающей дорожке из красного пластика. Метель утихла, но снежинки еще искрились в ночном воздухе, пронизанном лучами прожекторов. Где-то далеко за снежными полями виднелись ажурные светящиеся корпуса космодрома.

— Слушай, Антс... — сказал Юрий. — Я вот не пойму... У меня от всего этого голова кругом идет, а тебя ничего не удивляет. Как будто ты заранее ко всему готов...

— Я старик,— Антс усмехнулся. — Мне некуда спешить и уже ничего для себя не надо... Чувствую, как бежит время и жду. А оно не кончается... И я рад, если удастся еще что-то сделать. Ко всему готов? Да нет... Многие меня удивляют, и мир кажется загадочным и странным. Но пока я в нем живу — это мой мир...

-- Ты представить себе не можешь, как он теперь изменится... Мы же их нашли!..

— А теперь что? — неожиданно рез-

ко спросил старик. — Слушай... Мне бы домой попасть... А то слишком много впечатлений.

— Но ты же еще ничего не видел, — удивился Юрий. — Ты не знаешь, как мы здесь живем.

— Хорошо живете. Это и так видно,— вздохнул старик. — Но у меня своя жизнь... И менять ее я не собираюсь!

Юрий молча кивнул. Старик увидел что-то впереди и остановился. Юрий усмехнулся и спросил:

— Узнаешь?

Метрах в пятидесяти возвышался купол из прозрачного пластика. А под этим куполом — тот самый пивной павильончик из времени старика. В павильончике за стеклянной витриной горел свет.

— Ничего нет... — прошептал изумленный старик. — А он сохранился. Там до сих пор пивом торгуют?

— Нет,— усмехнулся Юрий. — Сейчас увидишь.

Прозрачная дверь мягко вползла в стену, и они вошли в знакомый старику зал. Только теперь в нем не было ни столиков, ни стойки. Прозрачная перегородка — от пола до потолка — делила зал на две половинки.

— С той стороны вакуум,— объяснил Юрий. — Чтобы краски не тускнели...

Но Антс не слушал. Он смотрел прямо перед собой — на стену с той самой фреской, о которой рассказывал ему Март. Там был его остров, и маяк, и море. И широкая яркая радуга упиралась в облака...

— Да... — прошептал старик. — Красиво...

— С этого все и началось... — сказал Юрий.

— Что началось? — не понял старик.

— Когда я первый раз увидел эту фреску, мне было десять лет. И я подумал, что за этим скрывается какая-то тайна... Что Март видел их.

— Кафиан?

— Или других пришельцев... И с тех пор я ни о чем другом не мог думать... Я чувствовал, что я их найду.

И снова они шли по заснеженному полю. Старик оглядывался по сторонам, а Юрий о чем-то сосредоточенно думал.

— Да. У каждого времени свои заботы. — Антс поднял голову, разглядывая далекие, сливающиеся со снежинками звезды. — Наверное, это и есть самое главное для человека... Только у нас руки не доходили,— он вздохнул. — Все больше вниз, в землю приходилось смотреть...

— Ты смотрел правильно,— Юрий улыбнулся, глядя на старика. — То, что меня забросило в ваше время,— это случайность. Но мы вступили в контакт только потому, что ты оказался на месте. Там, где был нужен. Ты замкнул цепь. И получается — только тебя в ней и недоставало.

— А теперь ты можешь вернуть меня назад? — спросил старик. — Я не здесь — я там нужен!

— Хорошо,— кивнул Юрий. — Только до завтра потерпи. Утром мой корабль сядет...

— Погоди! — старик вдруг поразился догадкой. — Но там же...

— Да,— покачал головой Юрий. — Выходит, теперь нас двое. Я и тот Юрий, который прилетит. Ведь катастрофы не будет, и его никуда не выбросит.

— Как же вы?.. — сочувственно смотрел на него старик.

— Не знаю,— Юрий пожал плечами. — Тут же ничего не поделаешь. Не мог же я промолчать. Они бы погибли...

Юрий и Координатор в форме программы «Контакт» сидели у большого пульта с экранами, на которых вращались стрелки локаторов, вычерчивались причудливые светящиеся кривые.

— Сначала они не поверили,— говорил Координатор. — Думали, это шутка. Но мы уже кое-что выяснили и когда передали на борт результаты, а потом показали им кафиан... Словом, они не знают, как тебя благодарить... Кто-то даже стихи пишет...

Юрий грустно усмехнулся и спросил:

— Они еще на орбите?

— Нет. Час назад сели в Андах. Никаких неприятностей...

— А здесь что было?

— Какая-то деформация в континууме... Вроде трещины на стыке двух измерений... Наверно, корабль застрял в этой дыре на полной тяге и взорвался... А ты с хронометром проскочил... За счет малой массы... — Координатор украдкой глянул на часы и продолжал, просто чтобы оттянуть время. — Пытаемся выяснить, можно ли прогнозировать эту штуку. Кафиане помогают. У них прибор один есть... Фантастика! — Он покосился на Юрия, который смотрел перед собой отсутствующим взглядом и, наверно, ничего не слышал.

На пульте мигнул красный огонек и занял зуммер. Координатор встал:

— Ну вот... Я выйду. Не буду вам мешать.

Когда дверь за ним закрылась, Юрий набрал воздуха, как перед прыжком в воду, и нажал кнопку. Над пультом замерцал большой экран, и он увидел там самого себя в серебристом костюме, том самом, в котором подобрал его старик. Второй Юрий тоже всматривался в его лицо и не знал, что сказать. Молчание затягивалось. Наконец первый Юрий пожал плечами и слабо улыбнулся. Второй Юрий потрогал свой лоб и, конечно, не обнаружил шрама над правой бровью.

— А что это за шрам? — спросил он.

— Стукнулся обо что-то, когда выпал из времени,— ответил первый.

— Если бы не ты... — начал было второй.

— Просто мне повезло... — пожал плечами первый. — Меня Антс спас...

— Какой Антс? — спросил второй.

— Ну да... — покачал головой первый. — Ты же его не знаешь.

— Значит, не только шрам,— грустно усмехнулся второй. — Вот уже знакомые разные у нас появились.

— Я больше прожил,— вздохнул первый. — На несколько дней... Пока вы к Земле летели...

— Ты дома был? — осторожно спросил второй.

— Нет,— тихо ответил первый. — Хотел сначала с тобой встретиться. Они еще не знают, что я здесь... И что нас теперь двое... Ничего не знают...

— Лучше бы мне не возвращаться,— покачал головой второй.

— Ты же не виноват,— пожал плечами первый.

— Что мы им скажем? — волнуясь, спросил второй.

— Не знаю,— ответил первый после мучительной паузы.

— Мы как близнецы,— сказал второй.

— Нет,— грустно усмехнулся первый. — Близнецы только похожи, но у каждого из них своя жизнь. А у нас — одна. И многое в ней неделимо. Как разделить мать? Или Ольгу?

— Что-нибудь придумаем,— улыбнулся второй. — Не станем же мы ссориться... С самим собой...

— Конечно,— улыбнулся в ответ первый. — Это даже не раздвоение личности. Просто нас теперь двое. Совершенно одинаковых. Разве что шрам.

— Слушай! — вспомнил вдруг второй. — А мы ведь и не поздоровались...

— Я так растерялся, что... — рассмеялся первый.

— Я тоже! — улыбнулся второй.

— Ну, здравствуй! — сказал первый Юрий, приветливо кивая экрану.

— Здравствуй! — ответил второй.

— Это на всякий случай,— Юрий протянул старику ярко-красный спасательный жилет. — Может, опять придется искупаться...

— А тебе зачем? — спросил старик, глядя, как Юрий натягивает на себя такую же жилетку.

— Я тебя провожу,— сказал Юрий.

Он подошел к прозрачной стене и долго всматривался вдаль сквозь густую снежную порошу.

— Вот и все,— сказал он, вернувшись к хронотрону, стоявшему посреди комнаты и поворачивая цветные диски. — Поехали...

— А это что? — спросил старик, кивая на книгу, которую Юрий держал в руке.

— Книга,— ответил Юрий и уточнять не стал. — Ты готов?

...Они очутились на развилке белой дороги в лесу. Шумели на ветру деревья. И откуда-то издали снова доносился протяжный крик невидимой птицы.

— На этот раз повезло,— улыбнулся Юрий. — Высадилесь на сушу.

Они стали расстегивать спасательные жилеты, и в это время вдали послышался автомобильный гул.

— «Газик»,— прислушался старик. — Опять эти бородатые.

Юрий склонился к хронотрону, что-то там повернул и дернул синюю ручку. Хронотрон исчез.

— Что ты наделал?! — испугался старик.

— Знаешь... Там этот парень... — бормотал Юрий. — Увидит... Опять будет нервничать... Его тоже надо понять...

«Газик» выскочил из-за поворота, и они отступили к обочине. Очкастый сразу их узнал и притормозил. Голова его сама собой поворачивалась, когда он проезжал мимо Юрия. Он был в машине один, но не остановился, медленно проехал вперед, а потом дал полный газ и умчался, взметнув облако белой пыли.

— Но ты же отправил хронотрон назад! В свое время! — волновался старик. — Как ты теперь вернешься?!

— А я не собираюсь туда возвращаться. Останусь здесь...

Антс смотрел на него удивленно и не знал, что сказать.

— ...Тем более, что там я тоже остался. Правда, в одном экземпляре. Но этого вполне достаточно. — Юрий протянул старику книгу: — Подержи-ка. — И стал снимать жилет.

Книга раскрылась на репродукции какого-то пейзажа, напечатанной на развороте двух страниц.

— Это же Март! — воскликнул Антс. — Я знаю эту картину. Она у Линды висит.

— Ну вот, — кивнул Юрий, глядя в книгу через плечо. — Пусть и он знает.

— Ты хочешь ему показать? — еще больше удивился старик. — А парадоксы?

— Я думаю — большой беды не будет, — пожал плечами Юрий. — Пусть порадуется человек. И потом... Я ведь тоже не рассчитывал сюда попасть. И мы не должны были уходить в прошлое и спасать кафтан. Но мы это сделали. И там, в будущем, многое изменилось. Но разве это не к добру?

Старик смотрел на Юрия, и лицо его становилось счастливым и молодым.

— Знаешь, — тихо сказал он, — ты тоже изменился. Стал как-то проще... И живей...

— Конечно, — улыбнулся Юрий. — Мы ведь установили контакт, мы нашли их. Я всегда об этом мечтал. И я это сделал. А теперь у меня другие планы.

— Значит, ты уедешь на материк? — огорчился старик. — Конечно, наш остров маленький. Тебе тут не развернуться...

— Почему? — удивился Юрий. — Разве тут мало дел? Я ведь здесь нужен. И вы... Вы тоже мне нужны.

Старик глянул на дорогу.

— Смотри! — обрадовался он. — Линда с Ильмаром едут.

Юрий тоже глянул туда и даже шагнул навстречу.

— Куда вы пропали? — спросила Линда, прыгнув с велосипеда. — Бригадир вас по всему острову ищет.

Юрий смотрел на нее и улыбался. Она тоже не могла скрыть своей радости оттого, что снова его видит.

— А в чем дело? — спросил старик.

— Сепаратор на ферме сломался.

— Разберемся, — кивнул Юрий. — Это далеко?

— Я покажу! — обрадовалась Линда, но тут же спохватилась и попыталась оправдаться. — Мне тоже в ту сторону. Ильмар, дай велосипед.

Ильмар передал руль Юрию, а сам пагнулся и стал проверять, хорошо ли накачаны колеса. Прощупал оба колеса и кивнул — все в порядке. Юрий оседлал велосипед, который был ему явно маловат, и обернулся к Антсу:

— Так мы поехали.

— Езжайте, — кивнул старик.

Велосипед Юрия петлял по дороге, а Линда смеялась и старалась ехать с ним рядом, не обгонять.

Старик и Ильмар смотрели им вслед и улыбались — каждый своим мыслям.

— Вот какое дело, — сказал старик, когда Линда и Юрий скрылись за поворотом. — У тебя ножа с собой нет?

— Есть. — Ильмар достал из кармана небольшой перочинный нож и протянул его старику.

— Сойдет, — сказал старик, пробуя лезвие пальцем. — Знаешь, тут в ложбинке тростник растет. Пойдем нарежем.

— Зачем? — спросил Ильмар.

Старик усмехнулся:

— Зачем? Скоро узнаешь. А пока что сделаем мы с тобой одну вещь.

— Какую? — спросил Ильмар.

— Красивую, — сказал старик. — Когда-нибудь и тебе пригодится...

Они шли по белой дороге, ведя велосипеды за руль. И ветер трепал волосы Линды. Она что-то говорила, кивая на зеленеющие под солнцем луга, на старые мельницы, стоявшие на пригорке, на темнеющий позади лес. Они шли и улыбались друг другу. И в мире была тишина. И казалось, что время остановилось, а может, его и не было...

ВИКТОР ШКЛОВСКИЙ

МАРКО ПОЛО

ИЗ АРХИВА МАСТЕРОВ

ВИКТОР БОРИСОВИЧ ШКЛОВСКИЙ (родился в 1893 году) писатель, литературовед, киносценарист. Учился на филологическом факультете Петербургского университета. С 1914 года выступает в печати. Его дебют в киноискусстве состоялся еще в период немого кино, в двадцатые годы, когда В. Шкловский сделал надписи к фильму М. Ромма «Бухта бессмертия». С тех пор им создано несколько десятков киносценариев, в том числе таких фильмов, как «Крылья холопа» и «По закону» (1926 г.), «Третья Мещанская» (1927 г.), «Горизонт» (1933 г.), «Минин и Пожарский» (1938 г.), «Алишер Навои» (1948 г.), «Чук и Гек» (1953 г.), «Казачьи» (1963 г.) и другие. В. Б. Шкловский — автор ряда монографий и исследований по теории литературы и искусства. Первая книга по теории кино «Литература и кинематограф» вышла в 1923 году. В 1979 году В. Б. Шкловский удостоен Государственной премии СССР за монографию «Эйзенштейн».

В 1955 году киностудия «Ленфильм» обратилась к Виктору Шкловскому с предложением написать сценарий о жизни известного путешественника XIII века венецианца Марко Поло. В 1957 году литературный сценарий «Марко Поло» («История одной правды») был принят киностудией для постановки, однако из-за ряда производственных трудностей фильм снят не был. Сценарий печатается с сокращениями.

В плоской зыби широкого канала отражены деревянные дома под соломенными и дранковыми крышами. По воде канала плывут щепки: город молод.

На берегу канала стоит деревянное, раскрашенное изображение Николая Мирликийского.

Угодник божий вырезан старательно, но изображение несколько плоское.

Стоит Николай-угодник — покровитель моряков, смотрит нарисованными глазами вдаль, на драночные, соломенные крыши, разливы каналов и бесчисленные стада одинаковых, как крылья чашек, парусов.

Над драночными и соломенными крышами видят глаза святого строящиеся башни собора Святого Марка.

У подножья статуй Николая-угодника сидят двое детей — рыжеволосая девочка лет двенадцати и румяный тринадцатилетний юноша в русых кудрях.

Мальчик на камне колет орехи для девочки. Девочка нюхает розу.

— Как чудесно, Марко!

— Орехи, Мария?

— Нет, этот цветок, который ты называешь розой.

— Ее привез отец из Дамаска, когда ездил в Иерусалим за маслом из лампы у гроба господня.

— Кому понадобилось священное масло?

— Великому хану Кубилаю.

Девочка, жуя, удивляется:

— А ему зачем?

Мальчик отвечает раздраженно:

— Хан Кубилай подобен розе. Он по красоте и по своему богатству не имеет равных в мире. Страны его полны това-

рами, корица там — как дрова, а перец не имеет цены.

— Ты уедешь за этими товарами?

— Это ненадолго, мы поедем... — И он рисует на песке карту. — Через наше Адриатическое море пойдем к Константинополю, оттуда в Черное море, которое похоже на погреб со льдом — там, в Судаке, у нас есть дом.

— Сколько дней езды до Судака?

— Неделью при хорошем ветре. — И он рисует Черное море, потом Азовское море, Дон. — Вот здесь стоит... — показывая на место, где сейчас стоит Азов, — ... здесь город Тан. Мы проедем сюда суток в трос, а отсюда пойдем на великую реку Итиль, которую русские зовут Волгой, к городу Сараю — двадцать пять дней езды, а отсюда месяц езды до Хорезма, а там уже близко горные перевалы. Перед этим мы переменим в Хиве полотно на серебро.

— Сколько же езды до Кубилая?

— Года три!.. Жди меня через шесть лет.

Девочка встала.

— Я буду тебя ждать, — говорит она, делая пометки на пьедестале статуи, — дважды шесть лет и буду любить тебя еще шесть и потом буду ждать тебя еще два года, только начну сердиться.

— Не будешь сердиться, я вернусь раньше.

Мальчик целует девочку.

— Марко Поло, — серьезно говорит девочка, — во имя святого Николая возвращайся скорее к своей Марии Салабаэто.

— Клянусь именем своего патрона Марка — покровителя нашего города, — я вернусь скорей, чем через шесть лет.

— Ты обманешь или хан не отпустит вас, и я уйду в монастырь.

— Не бойся, у нас есть пропуск от хана — пайзца.

— Какая она?

Марко Поло рисует пайзцу на песке — это бирка с круглым отверстием.

— Она вся золотая, — шепчет Марко, целуя девочку.

— Но зачем ты уговорил отца взять себя?

— Я мечтаю о далеких дорогах!

— Я люблю тебя!

Отражены в воде двое влюбленных. Проплывающая гондола сметает с воды черным веслом отражение.

Море.

Под узким вымпелом, на котором изображен лев Святого Марка и девять звезд, плывет крутобкое двухмачтовое парусное судно.

Скрипят мачты, гудят ванты.

Марко Поло сидит на корме и колет гирей орехи.

Поднял голову.

— Генуэзцы! — кричит мальчик.

На мачте преследующего судна виден вымпел с изображением Святого Георгия.

Показываются две бородатых седых головы.

— Генуэзцы! — сказал один из появившихся, надевая шлем.

— Спокойно, Матвей, — ответил второй, снимая с головы первого шлем.

— Они не поверят грамоте папы, Николай, — возразил Матвей.

Марко Поло с арбалетом в руках стоит у руля. Выбегают матросы венецианца. На венецианском корабле поднимают еще паруса.

Корабль пытается уйти от погони. На палубе генуэзского корабля закладывают камень в ложе катапульты.

Николай Поло смотрит на генуэзский корабль.

Летит камень и падает около борта ко-

рабля. Николай Поло делает знак своим матросам.

Парус венецианского корабля падает: к низко погруженному в воду борту подходит крутобокий высокий корабль генуэзцев.

Николай Поло кричит, подняв голову:

— Мы возьмем священное масло от гроба господня, по благословению римского папы, хану Кубилаю.

Двое генуэзцев прыгивают на купеческую палубу.

— Что нам этот Кубилай, почему мы должны бояться вонючего татарина, едущего на лошади с деревянными стременами?

Матвей Поло выпрямляется.

— Хан Кубилай, — почти кричит он, — едет в комнате, украшенной драгоценными мехами, ее везут четыре слона, вокруг скачут тысячи всадников. Он топчет страны и рассыпает города.

Николай Поло, стараясь поправить ошибку заносчивого брата, прибавляет тихо и вкрадливо:

— Мы просим пропустить нас, потому что у нас есть охранная грамота римского папы; мы возьмем пасторское благословение Кубилаю.

Первый генуэзец проверяет грамоту, второй смотрит: на корме лежат орехи.

Генуэзец садится и, пока старший просматривает грамоту, плющит орехи и ворчит, не подымая бородатого лица:

— Татары, к которым вы едете, после боя собрали русских князей, положили их, покрыли досками, — и генуэзец накрывает орехи гирей, надавливая на нее и продолжает: — и раздавили людей тяжестью своих задов.

Николай Поло, вежливо улыбаясь, берет гирю, вытирает полый кафтана, собирает колотые орехи, отделяет от шелухи ядро ореха и начинает жевать.

— Купец, — говорит он, улыбаясь и продолжая жевать, — не воин, чужие сражения открывают ему новые дороги к товарам.

— Я пропущу тебя, — отвечает пораженный генуэзец, — но ты заплатишь нам пошлину.

— Разве так должны поступать христиане? — начинает жаловаться Матвей Поло.

Николай со вздохом достает из-под полы короткого кафтана кошель, висящий на ремennom поясе.

Звенят колокольчики каравана, идет цепь верблюдов, связанных друг с другом шерстяными веревками.

Рядом с верблюдами на конях едут трое — два бородатых человека и мальчик Марко Поло.

Караванная дорога, по которой едут купцы, стара, поднятые ноги верблюдов развеяли песок и стерли камень; дорога, как широкая канава, до горизонта — и так на тысячи верст.

Жадными глазами смотрит вокруг Марко Поло.

На краю дороги лежат кости верблюдов — тяжелые, массивные — и мелкие, высушенные солнцем, кости ослов.

Дорога идет то среди причесанных ветром песков, то среди красивых, пустынных холмов, на которых подымаются редкие и печальные тамариски.

Разрушенный город. С домов сняты крыши. Развеял ветер стены, обглодал укрепления.

Площадь перед мечетью. Стоит высокий портал, его арка подобна своду неба. Сквозь арку видны облака и горы: храм разрушен.

У отделанного мрамором бассейна верблюды пьют воду: здесь расположился отряд татарских воинов и пленные.

Один из пленных, перегнувшись через высокий край бассейна, пьет длинными глотками воду.

Марко, обращаясь к дяде Матвею, спросил, указывая на разрушенное здание:

— Интересно, что тут написано, дядя?

— Какне-нибудь пустые языческие или мусульманские слова, Марко.

Пленный оторвал от воды молодое, мокрое лицо, посмотрел усталыми глазами на арку и перевел:

— Здесь написано по-арабски, молодой купец, что это место трудом людей, удачей государя и покровительством бога обращено в подобие рая.

— Где переночевать в этом рае? — спросил Николай.

— Все разрушено, — ответил пленный.

— А почему ты говоришь по-итальянски? — спросил пленного Марко.

— Я сын купца из знаменитого прежде города Бухара. Эбен-уль-Етир, я ездил в Венецию продавать бумагу...

— Ты, — сказал Николай, трогая ногой коня пленника, — что ты умеешь?

— Я был в стране серов, торговал шелком и фарфором, говорю по-китайски.

— Купим его, — попросил Марко Поло.

Воин в кожаном панцире подъехал к ним.

— Мы едем к великому хану Кубилаю, — сказал Николай, даже не посмотрев на монгола, — вот наша пайзца.

Он показывает воину золотую дщицу длиной в локоть и шириной в ладонь.

Воин спешивается и падает ниц перед купцами.

— Покупаю раба! — бросает Николай.

— Возьмите в подарок, господин!

— Он поедет у твоего стремени, Марко! ... Ущелье. Внизу бежит быстрая река. Стены ущелья заросли цветущей дикой яблоней.

Выше темнеет арча.

Маленькие плоские поля огорожены каменными стенами. Дорога, подымаясь, лепится по скалам, уходит на карниз; карниз превращается в висящий над пропастью овринг — хворост, положенный на кольца, вбитые в расщелины скал.

Сменяются виды.

Уже арча внизу. Цветущие деревья на дне ущелья похожи на облака, застрявшие между скалами.

Кони ступают по льду.

Внезапно расширяется вид.

Стадами стоят горы, седыми прядями спускаются с гор ледники.

У подножия гор пасутся коротконогие яки; длинная шерсть свисает с их боков, как лед и снег с ребер гор.

Над дорогой нависли сверкающие и тающие на солнце льды.

— Мы долго будем тут ездить? — спросил Марко Поло.

— Говорите тише, — ответил Етир. — Льды со скалы могут обрушиться.

Рядом едут Николай и Матвей.

— Это страна нефрита и рубинов, — сказал Николай.

— Страна смерти и льда, — ответил Матвей. — Я задыхаюсь.

— Скоро начнем спускаться, — утешил Етир.

Уже заговорили, выбегая из-под льда, мутные ручьи. На льду лежат лепестки цветов, цветущих на обнажившихся среди снега каменных осыпях.

Совсем внизу виден караван Поло.

Поло и Етир отстали.

— Страшно? — спросил Етир.

— Я уже слишком много увидел, чтобы не бросить бояться.

— Если молодой господин так храбр, то он везет в Монголию редкий товар.

Звенят колокольчики.

... Пустыня. Тянется наискосок пустыни широкая, теперь никем не охраняемая стена. Стена из глины, склоны ее одеты камнем. Она тянется длинная, как зимняя ночь, и уходит в желтый туман.

— Эта стена, — сказал Николай, — сложена китайцами для того, чтобы защитить караванную дорогу.

Марко Поло остановился, посмотрел.

— Удивительное это дело, — сказал Марко.

Етир, едущий на ослике, объяснил:

— Из этого камня, господин Марко, можно было бы построить все города и села, и храмы Венеции, Рима, всей Европы, Бухары.

Лежит пустыня.

Через пустыню тянется толстая, высокая, никем не охраняемая стена.

Широкая башня, покрытая крышей из лощеной черепицы.

Перед башней дежурят воины в блестящих кожаных панцирях. В башне тройные ворота, закрытые железными решетками.

Старик Поло показывает пайзцу. Ворота открываются.

Мощные улицы окаймлены стенами без окон. Стены разделены колоннами на правильные участки; в них проделаны запертые низкие двери.

Над каждой дверью висят доски с надписями на нескольких языках, кто здесь живет.

Улицы обсажены старыми деревьями. На перекрестках улиц решетки; около решеток воины.

Башня над стеной, покрытой фаянсовыми плитами.

Открываются золоченые двери: за стеной виден сад и павильоны со стенами, разрисованными раззолоченными изображениями драконов и тигров.

Цветные крыши блистают, как кристаллы. Впереди видна опять стена. Между первой и второй стенами дворца расположен сад, в котором пасутся антилопы, лани, жирафы и северные олени. В прозрачных прудах видно изразцовое дно. Играют в прудах золотые рыбки с прозрачными, как вуаль, хвостами. Под охраной воинов-татар идут купцы. Марко Поло засмотрелся на рыбок: воин осторожно и безучастно кольнул его копьем.

Вход во дворец. Притолока двери низка, золотой порог высок.

По бокам порога стоят великаны с дубинами.

Вдали, через проем двери, виден хан Кубилай на его невысоком троне.

— Осторожней, — предупредил сына Николай. — Не задень за порог: дурная примета — скажут, что твое сердце отягощено злом на великого хана.

— Что за это делают?

— Бьют, сняв одежду, насмерть.

Марко спокойно перешагивает через порог со словами:

— Нас не запугаешь: мы уже переступили через Памир.

На невысоком престоле сидит, с обнаженной грудью, грузный хан Кубилай. Он видит смело входящего Марко Поло.

Марко Поло осматривается.

Большой, как поле, зал. Разрисованный потолок подобен низко спустившемуся облаку, но для подпирающих его тонких колонн-столбиков он тяжел.

На невысоком престоле, поджав под себя полные ноги, сидит хан Кубилай, внук Чингиз-хана.

Он румян, черноглаз, негустая борода окрасена хной, он весел и цветет, как роза...

Справа от него — одетый в черный шелковый кафтан — сидит черноглазый человек, слева — красавец в бурнуса, рядом с человеком в бурнуса сидит старик монгол в халате из разноцветной замши и сафьяна.

Дальше сверкают, как сотни созвездий, красавицы, расставленные так, как драгоценные камни сортируются по цене, соответственно своей красоте.

Купцы делают перед ханом поклон.

Кубилай смотрит на Марко.

— Это кто?

— Государь, — ответил Николай, — это мой сын, а твой верный слуга.

— Добро пожаловать! — улыбнулся большим ртом хан...

Между столами внизу стоит чаша из чистого золота — в нее входит бочка кумыса. Вокруг нее — чаши поменьше. Чашу поднимают два человека. Ставят на стол, оттуда гости черпают своими чарками.

Шумно, пышно. Едят гости баранину, пьют шумно.

Подносят купцы Поло к ногам Кубилая кубки драгоценного стекла и отходят.

Слуги уже несут на шестах золотые ведра с кумысом.

К ногам Кубилая на кошмы бросают ковры, ставят кубки венецианского стекла, кла-

дут материал, насыпают жемчуг, бирюзу, кораллы.

Кубилай протягивает тонкую сильную руку с маленькой кистью, берет материю, щупает.

Подобострастно и робко смотрят на хана купцы.

— Это откуда? — спросил небрежно Кубилай про какую-то материю.

Купцы молчат.

— Это бакаран, а это кермесис, вот жиабеллот, — сказал неспрошенный Марко Поло.

— Откуда ковер?

— Из Туркмении, их красный цвет — лучший в мире. А это, господин мой хан, бирюза, не оскверненная золотом, синяя, как небо над твоим дворцом.

— Говорят, — сказал Кубилай, — что бирюза это кости умерших от любви.

— Старые не любят, великий государь, — ответил Марко Поло, — а молодые любя не умирают.

— Слушай, Кагатай, — улыбнулся Кубилай, — все меня боятся и боятся всегда — при входе, чтобы не зацепиться за порог, боятся сидя, стоя, разговаривая, смотря на огонь и отрывивая. Почему этот не боится?

— Глаза мои так обогащены разнообразием мира, что в душе нет места для страха, — ответил неспрошенный Марко.

— Если ты понимаешь в соколах и охоте, скажи, откуда этот сокол? — спросил Кубилай, показывая на сокола, сидящего на руке Кагатая.

— Он из Баргу, каменных гор на краю Руси*.

* Где находилось это Баргу — неизвестно. Доктор географических наук, профессор Э. Мурзаев, специалист по Китаю и Средней Азии и человек, пять лет проживший в Монголии, отождествляет Баргу (Барга) с Северной Монголией. Это мнение убедительно, но спорно.

Академик М. П. Алексеев в книге «Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII—XVII вв.»,

— Ты останешься при мне.

— Я слуга твой.

— У него смысленные глаза, пускай он ездит по нашему великому царству и, возвращаясь, рассказывает хану о разнообразии мира, — сказал человек, сидящий рядом с ханом.

Купцы отошли на свое скромное место.

Слуги принесли всем троем в медном тазу дымящуюся баранину.

— Кто рядом с ханом? — тихо спросил Марко.

— Тот, кто совсем ничего не говорит, — начальник шпионов Акмах — его доля в добыче всегда самая лучшая. Тот, с соколом, старый воин Кагатай, в юности он был другом хана и великим воином, сейчас любит только охоту.

— А третий, вежливый, в нашей одежде, тот, который говорил обо мне?

— Ученый пизанец Айсе. Этот хуже всех: он всегда говорит правду, и к нему никак не приноровишься...

В шатре, среди мехов, сидит Кубилай, на руке его — сокол, у ног — Марко Поло; рядом с ханом сидит врач Айсе.

В дверях шатра, откинув завесу, показался Кагатай.

— Хан, — сказал он, — журавли летят..

Кубилай делает знак. Стены шатра распадаются на стороны.

Видны поля Китая, мощные дороги, далекие деревни и одинокие могилы, рассеянные среди полей.

Кругом идут слуги, гонят стада овец, за ними двигаются борзые собаки.

Мельком видны носилки Кубилая, водруженные на четырех слонов.

Вокруг слуги несут беркутов, соколов.

Все до горизонта полно клубами пыли и сверканьем войск.

В небе летят журавли.

Кубилай спускает с руки сокола.

Земля в расходящемся тумане изрезана каналами, через которые перекинуты высокие крутые мосты. Она вся исполосована дымами пожаров.

Вдали, в горах, сосны.

Пламя лижет хвою высоких сосен.

Утренняя дымка поднимается над рисовыми полями, и купы деревьев похожи на клубы сгустившегося тумана.

Во время пребывания на юге Китая семья Поло попала в китайскую типографию. Ряд наборных касс с очень большим количеством отделений начинается с пола и идет до высоты поднятой руки. Величина касс объясняется тем, что в кассах расположены не знаки алфавита, а наиболее употребительные иероглифы, вырезанные из дерева. В глубь амбаров уходят ряды печатных станков с деревянными винтами для нажима на шрифт.

Вдоль касс стоят наборные столы.

Матвей нагибается: лежат какие-то кусочки дерева с резьбой. Он перебирает их.

— Какая-то китайская игра?..

Они роятся, разбрасывают листы, на которых оттиснут свежий набор.

Марко Поло берет кусочек дерева — дерево намазано краской. Он прижимает кусочки к руке: на руке появляется отпечаток иероглифа.

Марко Поло держит в руках тайну книгопечатания, но время узнать чужой секрет еще не пришло для Европы, и мальчик, повертев в руках, бросает деревяшку.

— Ничего стоящего! — говорит старик и небрежно разрубает саблей бамбуковый ствол.

Гаснет огонь.

— Как запахло болотом, — предупреждает Матвей. — Душно! Идем!

Во время осады одного из южных городов Китая, где находилась семья Поло, царевну Качьезе захватывают в плен, и

изд. 2-е, стр. 36—40 считает, что Баргу — сибирская земля. Того же мнения А. Милендорф. Впрочем, в данном случае я ни на чем не настаиваю.

братья Поло везут ее хану Кубилаю. На шею девочки надета цепочка с огромным рубином.

Прошло двенадцать лет.

Брошенный дворцовый парк. Стена, когда-то ограждавшая его, лежит в развалинах. Травой заросли дорожки. Сухие деревья сплетены цветущими лианами, клумбы вытоптаны.

Лианы цветут так густо и буйно, как будто внизу кипятили цветное молоко, а оно убежало и цветными пенистыми шапками осело наверху деревьев.

У небольшого, очень прозрачного пруда сидит краснобородый, могучий старик в черном халате, седая голова его затянута белой повязкой. Куст роз цветет за спиной старика.

Сломаны колонны, украшенные лазуритом, облуплены расписанные павильоны, все отражено в пруду и перебито отражением быстро бегущих облаков.

Сидит старик, смотрит на облака, которые проходят через отражение.

Рука ложится на плечо старика: он поворачивается.

Перед ним стоит двадцатипятилетний, уже бородастый, Марко Поло в роскошном костюме.

— Не вижу ли я перед собой даосского монаха по прозвищу Водяное Зеркало?

— Есть люди, — сказал, блеснув глазами, краснобородый старик, — которые дали кому-то это пустое название, а я просто люблю смотреть в пустоту вод и сам всего только садовник брошенного, затоптанного сада.

— Сад прекрасен, — отвечает, кланяясь, Поло, — и я рад, что вижу в нем почтенного человека.

По телу монаха видно, что это все еще могучий человек, линия его плеча переходит в линию затылка; пальцы длинные и крепки, ноги в деревянных сандалиях не обезображены.

Старик, смотря в воду, отвечает:

— Если ты хочешь видеть почтенных лю-

дей — иди, если не боишься, в речные воды, в которых укрылись храбрые, там есть люди, которые похожи на мертвых, когда сидят, на дубы, когда стоят, и на ветер, когда ходят. Но они не спускаются сюда, в брошенный сад, где розы не знают, для кого они цветут.

— Госпожа моя, — сказал Марко Поло, — велела кланяться одному человеку по имени Водяное Зеркало.

— Вчерашняя мысль, — отвечает монах, — не оставляет следов, так и проходит вчерашняя слава... Лучше покинуть и то, и другое и проводить дни в постоянной пустоте.

— Госпожа моя говорит, — снова начал Марко Поло, — что города падают, но зеленые деревья становятся все выше и гуще, и что народ крепок не как камень, а как земля и как ивовая поросль.

Старик равнодушен. Он не обращает внимания на надоедливое посланца.

Тот заговорил снова:

— Госпожа моя происходила из этого города, имя ее Качьеиз.

Старик встает. Он действительно похож на дуб.

— Почему я должен верить?

— Моя госпожа, — сказал Марко Поло, — просила прислать ей семена бамбука для того, чтобы выросла зеленая стена и закрыла ее глаза от пыли, которую поднимают вражеские гонцы.

— Посланник, говорящий по-татарски от имени китайской принцессы, — отвечает монах, — язык твой груб, как войлок, я не хочу говорить с тобой, и только молчание утешает в горе.

Марко Поло чертит иероглиф. Старик смотрит и насмешливо отвечает:

— Твое предательство неумело.

Марко, не срывая с куста, ошпыивает розу.

— Я чужой здесь и приведен сюда только жаждой новизны и перемен.

— Такое чувство безумно.

— Но уйти я могу как мудрый.

Марко Поло уходит. Старик задумчиво смотрит ему вслед.

— Походка легка и свободна, может быть, и не предатель...

Большой зал с деревянными колоннами, резным позолоченным потолком.

Перед красивой девушкой стоит Марко Поло, одетый в европейское платье, которое ему очень идет.

На полу сидит старуха и что-то вышивает.

— Я побывал еще раз по твоему приказу, принцесса Качьезе, в прекрасном городе Ханьчжоу, в котором мне досталось счастье увидеть вас в первый раз.

— Как живет мой город?

— Цветут ремесла в ста тысячах домов.

— Город обстроен?

— Только баня на берегу стоит в развалинах.

— Как живут люди?

— Они одеваются в шелка и катаются на лодках по прекрасному озеру и смеются.

— Смеются? Довольны.

— Не все. Один рыжебородый, синеглазый монах ворчал на меня.

— И ты не нашел человека по имени Водяное Зеркало.

— Разве это важно? Я привез духи. Осмелюсь понюхать, прекрасный запах.

— Пошли с новым моим поручением своего раба Егира.

— Какое поручение?

— Еще привезти духи.

— Я поеду сам.

— Не стоит тебе тревожить себя: твой раб умен и исполнительен, и ты можешь пригнуться хану на охоте.

Заводозрив Марко Поло в измене, хан Кубилай отсылает семью Поло из Китая сопровождать царевну Качьезе в дальний Иран.*

* Сам Марко Поло рассказывает об отъезде из Китая, как о милости, выпрошенной

Скрипят старые блоки.

Разматываясь и надрываясь, бегут через блоки истлевшие веревки.

В трюмы больших однопалубных кораблей грузят упакованные тюки, бесчисленные кувшины и бочки.

За погрузкой следят старики — Николай и Матвей Поло.

Южный берег Китая. Заброшенный порт. В воде порта легли рыжие мели.

У обветшалой пристани стоит стайка кораблей с прямыми парусами. На каждом судне по четыре мачты, на каждой мачте по три паруса: паруса сделаны из бамбуковых пластинок, зашитых в циновки. Паруса испещрены изображениями воинов, тигров и иероглифами.

Паруса сейчас не нужны, отпущены и слабо колеблются при ветре, как флаги, их никогда не опускают.

На верху мачт — корзины с плетеными зубцами, похожими на зубцы башен. На носках кораблей стоят короткие конусообразные пушки.

Палуба корабля. Тихо скрипят мачты, шелестят бамбуковые паруса.

У груди кораблей шумят, шипят буруны.

купцами у великого хана. Он утверждает, что, кроме поручения отвезти невесту, купцы имели письма к римскому папе и королям Франции и Испании. Станным кажется, что при налаженности караванных дорог и существовании на них почтовых станций, посольство отправляется забытым морским путем. Это заставляет думать, что посольство было формой почетного изгнания. Уже не нужны были купцы, а китайскую царевну было неудобно оставить в Китае и казнить. Обращаю внимание на то, что в книге Марко Поло никаких упоминаний о том, что он или его родственники передавали после своего окончательного приезда какие-нибудь документы правительствам и папе, нет. Ни в одном архиве этих документов тоже нет. Поэтому я считаю данное утверждение Марко Поло сомнительным.

У руля в тяжелой конге капитан Чжан. Смотрит на берег.

Уходит за горизонт берег с хижинами, деревянными пагодами.

Все шире море, нарезанное на крупные ломти волн ножами ветров.

Все громче буруны.

Как стая журавлей, ушедшая от сокола, плывут корабли.

Капитан смотрит на карту, на компас.

Компас тогдашних китайцев, вероятно, глубокая бронзовая тарелка с высокими краями. В тарелку налита вода, на воде плавает в маленькой лодочке крохотная фигурка, показывающая рукой на юг*. Вверху мачт в корзинах-башнях сидят и смотрят вдаль вооруженные луками воины.

Невысокая, но размашистая волна качает корабли. Отошли от кораблей и пошли к берегу, все уменьшаясь, лодки.

Гребут на больших лодках гребцы.

Вдали, за горизонтом, скрывается четко видная корзина с воинами.

Маленькая каюта с крохотным окошком у самого потолка.

К окошку приделаны надежные, сейчас открытые ставни, обитые кожей.

Южное солнце врывается в каюту. На широких полатах сидят голые до пояса старики — Николай и Матвей Поло.

Дверь тщательно заперта.

Купцы, держа толстые иглы в неумелых пальцах, тщательно зашивают в швы ватных халатов драгоценные камни.

Братья за работой сидят друг к другу спиной: они очень любят друг друга, но хорошо держат тайну от всех.

Матвей первый кончил свою работу, натянул на голое тело халат, встал на нары, заглянул в окошко, сказал:

— Четырнадцать кораблей.

— Это плохо, — ответил Николай, — значит, считают, что пускай хоть один доплывет.

— Борта корабля толстые, — сообщает Матвей, постучавши пальцем по борту.

— Это плохо, — продолжает Николай, — корабль чиненный, как сапог, только здесь доски набиты на доски, как заплаты на кожу.

— Но доски просмолены, — утешает себя Матвей.

— В этой стране нет смолы. Доски вымазаны известью, сваренной с маслом.

— Доплывем молитвами угодника Николая, — вздохнул Матвей.

— Я на тезку только и надеюсь.

Плывет корабль. Из воды выплывают дельфины, играя и куврякаясь, как колеса с косыми зубцами.

На горизонте появляются низкие острова.

Шумят паруса. К капитану подошла Качезе, достала ключ, разомкнула колодку и сказала:

— Купила ключ за золото.

Остров все ближе. Впереди возвышают свой голос буруны.

Капитан поворачивает руль.

Палуба корабля нестерпимо блещет, поражая глаза своей белизной.

Совсем близко играют буруны. Океан как будто толкает корабли на них, но Чжан держит кормило, и корабль упирается, как конь над пропастью.

Цветет берег пальмами, лианами.

Качезе со служанками и воины стоят у борта.

* Китайские компасы были очень разнообразны. Есть сделанные из магнитного камня, плавающего на легкой дощечке, есть намагниченные иглы; существовали своеобразные ложечки, очень хорошо отполированные, сделанные из магнитного железняка. Существовали плавающие рыбки и одновременно существовали уже более сложные компасы, но все они указывали не на север, а на юг, за ориентир обычно брали южное направление.

На берегу отчетливо видны маленькие обнаженные фигуры, вооруженные луками. Шумят буруны между кораблем и берегом.

Царевна подошла к капитану.

— Берега благоухают.

— Здесь все наполнено болезнями, — ответил капитан. — Здешняя лихорадка смертельна.

За бортом, совсем близко, проходят цветущие берега.

— У меня есть горькая кора, привезенная из-за моря, — прошептал Чжан.

— Хватит на всех? — спросила Качезе.

— Не хватит на воинов.

Шумят буруны, плывут корабли.

Из корзины смотрит на далекый берег, на думы, поднимающиеся из лесов, на далекие пироги с балансирами воин в ярко блестящем кожаном шлеме. Воин и не знает, что его судьба уже решена.

А тропический день уже снял свой солнечный шлем и вот-вот спрячет его за горизонт.

Начинает фосфорисцировать встревоженная грудью корабля вода океана.

Исчезают вдаль прямые китайские паруса.

Уже ночь. Скрипят мачты. Смотрит Марко Поло на Полярную звезду и видит, что фигурка на компасе указывает прямо в другую сторону от Полярной звезды.

В небе слиняли звезды, родилась на горизонте огнистая заря.

Каюта братьев Поло.

Старики просыпаются.

— В море бывают лихорадки, — сказал Николай. — Я взял с собой вино, будем пить и стараться не выходить вечером на палубу. Сколько таких каморок, как наша, на корабле?

— Тринадцать.

— Хорошо было бы построить такую галеру у нас в Венеции, возить пассажиров в Константинополь.

Марко Поло держит кормило. Капитан на циновке сидит, прихлебывает чай, рассматривает карту, морщится. Парусами корабля неумело управляют матросы-воины.

— Мы прошли уже, — говорит он, — море Чин, слева у нас сейчас острова Ароматов, на которых корица стоит столько, сколько у нас щепки сосны. Но не скоро мы увидим острова Чамба и Большую и Малую Яву и попадем в страну семи тысяч островов. Скоро ты, купец, перестанешь видеть Полярную звезду, которая у тебя на родине, вероятно, стоит над головой.

— Этого не может быть, — сказал Марко Поло.

— Да, этому трудно верить.

— Как благоухают эти острова, — начал венецианец, — хорошо, что они далеко от Венеции, иначе наши запасы пряностей имели бы цену груды песка.

— Это острова лихорадок. Возьми, купец, этот порошок и запаси чаем.

Марко Поло пьет, морщится.

В стороне, на палубе, под горячими лучами солнца под шубой лежит воин и бредит.

Марко Поло подходит к воину, окликает его. Тот шепчет что-то.

— Что говорит этот воин? — спросил капитан.

— Он бредит по сухости полей, по запаху пылины.

Марко Поло посмотрел на пестро раскрашенные циновочные паруса и спросил капитана:

— Господин Чжан, о почтеннейший, я давно вас хотел спросить, что написано на парусе вашего корабля?

— Это старый военный корабль, и на нашем парусе написано: «Смерть врагам». Сейчас этот иероглиф ничего не значит.

Играет море, отражается рябь его на иероглифе. Муссоны несут корабль все дальше и дальше.

— Господин Чжан, — робко спросил Марко Поло, — а где другие корабли?

— Опасаюсь, мой младший брат, — ответил Чжан, — что корабли заблудились. Это море я не сравню с другими морями: оно подобно тысяче лесов.

Дует ветер, белые буруны поднимаются у груди корабля.

Одна мачта основанием своих проходит через каюту, и стоны ветра здесь явственны.

— Ты заметил, Николай, акул за нашим резным рулем?

— Капитан, — ответил Матвей, — сбрасывает мертвых за борт, не привязывая к ногам их груза.

Вздыхнул Матвей.

— О, Марк-апостол, о Николай-угодник!

— Я думаю, что мы увидим Венецию, — ответил Николай. — Мы с тобой старые путешественники, нас крестили в соленой воде — мы выдержим и океан.

Бежит корабль. В каюте явственно слышен скрип мачт.

— Если бы вернуться, — вздохнул Матвей, — в венецианский залив, увидеть остров Сетуль...

Николай улыбнулся.

— Ты вспомнил о трех скалах у того острова: их называют Тройка, Двойка и Туз.

— Не сыграть ли нам, в самом деле, в карты? — предложил Матвей. — У меня есть бумага; могу нарисовать и нарезать колоду.

— Незачем. Или я выиграю, или ты... А деньги у нас общие.

— Скажем, так... — мрачно заметил Матвей, который все время подчиняется своему брату, но недоволен подчинением. Он продолжает: — Я сделаю карты.

Во тьме плывут корабли, горит святильник.

Сидит капитан. Марко Поло стоит у штурвала.

Незнакомые звезды смотрят на него с незнакомого высокого тропического неба.

В незнакомом море слабо светятся белые гребни валов.

В небе наливается то золотом, то кровью, то изумрудной влагой Канопус, сверкает светило корабля Арго, как бриллианты застежек, блестят две огромные звезды Кентавра.

Сказал Марко Поло капитан Чжан:

— Смотри, купец, Полярная звезда исчезла за нашей кормой.

— Где она? Высоко или низко?

— Ее нет совсем на этом небе. Светила сменились, — ответил капитан. — Просто жалко, что из тех воинов, привезших меня на этот корабль в цепях, мало кто увидит прекрасные новые звезды, украшающие это небо.

Утро в тропиках. Дуют муссоны, спокойно округлены груди парусов. Все дальше и дальше плывут корабли.

Стоят несколько воинов, стоят братья Поло. На доске лежит воин, он завернут в халат. Сложенные рукава халата закрывают его лицо. Товарищи тихо поднимают край доски. Труп падает в море.

Старуха подходит к Качезе.

— Мы плывем, — говорит старуха, — давно проложили за собой пенный след длиною в звездную дорогу.

— Нам еще далеко плыть!

— Царевна, почему тебе не повернуть к берегу?

— Куда?

— Может быть, там, в Бирме, есть китайцы или другие люди, с которыми можно говорить. Мы выгедим наших женщин замуж, родятся дети, и мы будем жить в государстве, в котором не будет врагов.

— Звезды, — ответила царевна, — ведут наш путь иначе.

— Звезда этого молодого господина, — ответила старуха, — мне не нравится — это лживая звезда. В его сердце нет ничего, кроме любопытства.

— Я буду думать, но Бирма уже завоевана войсками хана.

К говорящим подходит капитан.
— На корабле нет воды, царевна.

Неуклонно и привычно стремится вперед корабль. Белые крылья пены нешироко раскинулись по сторонам его груди.

Вдали выплывают из моря, как будто только поглядеть на корабль, маленькие острова, напоенные ароматом и отравой лихорадки.

На палубе привычно работают женщины, они управляют парусами, помогают длинными веслами поворотам корабля; у каждого весла четыре женщины — две толкают, две тянут.

Старуха, тетушка Гу, сидит в корзине на вершине мачты. Седые волосы ее повисли, и медленно играет с ними спокойный ветер, тихо надувающий просвечивающие солнцем паруса.

Старуха смотрит вперед.

На груди океана, окаймленные шипящими венками бурунов, совсем близко лежат острова.

Навстречу плывут двойные пироги с платформами, поставленными между узкими выдолбленными стволами. Резные головы поднимаются на пирогах, как головы двояных драконов. Голые люди гребут усердно.

Капитан подходит к борту, машет белым платком, кричит, показывает, перевортывает пустой бочонок.

— Нам нужна вода!

Плывут пироги, они окружают корабль, как стая рыбок в аквариуме окружает кусок корма. На передней пироге встает старик и машет руками, скрещивая их, как бы загораживая дорогу.

Плывет корабль. Грозные головы тигров и некроглифы видны на его парусах.

Туча стрел летит с пирога.

Слышен крик.

Братья Поло поднимают головы из-за борта лодки и видят, как падает капитан. Надут парус. Корабль уходит в море.

Капитан Чжан умирает на палубе корабля.
— Я забыл, что мир полон злобы и недоверия, я забыл, что они не должны нам верить.

— Что мне делать? — спросила Качезе, нагибаясь над капитаном.

— Царевна несуществующего царства. — сказал капитан, — ты будешь царствовать на этих досках. Я передаю тебе карту, команду, компас, не заблудись, не найди у пристани гибель. — Потом совсем тихо: — Девушка, я умираю...

Там, вдали, вздыхая, пускают двойные фонтаны киты.

В лодке, стоящей на палубе, играют в карты Матвей и Николай.

Задержался с картами в руках Матвей. Карты у него плохие. Он смотрит на лицо брата, стараясь разгадать какая у того взятка.

Обветренное лицо Николая бесстрастно. На голову наверху огромная чалма.

— Сдавай карты и не разговаривай! — приказывает он.

— Команда корабля отравлена, — настаивает Матвей.

— Какая отрава?

— Посмотри, у нас на корабле были сотни человек, из мужчин остался только один воин, да мы, да Марко и этот перс. А из жен и девиц умерла одна. Они уже будто носят оружие.

— Лихорадка! — ответил Николай. — Я говорил тебе, что надо больше пить вина, и вот мы здоровы. Не задерживай игры, нас звали к царевне.

Матвей со вздохом выкладывает карты, и Николай злорадно их покрывает*.

* История о том, что на корабле, идущем из Китая в Персию, умерли почти все мужчины, подлинная и рассказана в XIX главе «Книги Марко Поло». Всего на судах умерло около 600 мужчин и только одна женщина.

Палуба. Стоят в почтительных позах старики Поло перед царевной Качьезе.

— Воды на корабле нет, — сказала царевна.

— Страдаем от жажды сами, но молчим, — ответил Николай.

— Вы грузили много бочек с вином?!

— Вино в дороге переиграет, и мера, которая стоила серебряную монету, будет стоить столько же золотом.

— Мне нужно вино.

— Мы не продаем.

Царевна смотрит на Николая спокойно.

— Уважаемый, что ты будешь делать, если я прикажу высадить тебя вон на тот остров?

— Я возьму с собой сына.

— Не знаю, останется ли он с тобой... Лучше скажите свою цену на вино! Приказываю как царица и капитан.

— В таком трудном деле первую цену должен сказать покупатель.

Ночь. Как будто инеем выбелила луна палубу корабля. У руля сидит Качьезе. Перед ней карта, маленький кувшин и крохотная чашка.

Ветер и течение ровно и надежно несут корабль; руль закреплён.

Вокруг море и тишина.

Качьезе смотрит на свою тень и протягивает руку. Тень на выбеленной луной палубе делает тот же жест тонкой рукой в широком рукаве.

Подымает Качьезе чашку, делает плавное, грациозное движение. Сверкает на фоне моря край яшмовой чаши:

Я пью за тебя, луна,
И за тебя, моя тень!

Качьезе читает стихи:

Вот в собутыльники луну
Позвал я в добрый час,
И тень свою я пригласил,
И трое стало нас.
Согласен с ними пировать
Хоть до весны самой.

Пляшу — и пляшет тень моя,
Бесшумна и длинна.

Появляется новая тень.

— Ты одна, царевна?

— Одна, Марко.

— Кажется, ты танцевала?

— Я вспомнила старые стихи поэта Ли Бо. Им больше пятисот лет, но они все еще ранят сердце.

— Стихи печальные.

— И море вокруг печально, как озеро, в котором утонул последний царь Китая.

— Полярной звезды все нет, царевна. Нас все несет и несет ветром и течением к обрыву мира.

— Успокойся, Марко, я читала книги и знаю то, чего не знал пославший нас хан: шесть месяцев в этом море ветры дуют в одну сторону и шесть — в другую. Скоро придет время решать.

— Когда переменятся ветры?

Царевна молчит.

Гудит парус, сверкает луна.

Два силуэта четко обозначены на выбеленной луной налубе. Силуэты окружены рамой бортов корабля и фоном моря, в котором горит неяркая сеть свечения.

Начала говорить тень царевны:

— Может быть, завтра мы сможем повернуть парус и сами выбрать свою судьбу: можем повернуть на Индию.

— Я хочу на родину, в Венецию. Хорошо будет все рассказывать в Венеции.

— Нас здесь пятеро: мужчина, женщина, две тени и луна. Скажи нам правду: ты любишь меня?

— Люблю, царевна.

— Поедем в Индию.

— Венеция оправлена морем, как камень золотом; ветер моего города волен, каналы прохладны, там живут свободные люди. Я хочу рассказать венецианцам обо всем, что видел.

— Что я буду там делать?

— Сидеть у моего очага, исповедовать мою веру и любить меня.

— У тебя там женщина? Ты ей давал обещания?

— Оставим это, говорить надо о будущем. Ты станешь женой венецианца...

— Я предпочитаю, купец, другую судьбу. Я сумею умереть в Иране ханской женой, утешаясь разговором со своей тенью.

Вдруг парус повис.

— Кажется, сегодня переменится ветер,— спокойно сказала царевна. — Я закреплю руль по-новому и пойду с женщинами повернуть парус. Вот вино — пей, не простудись.

Корабль женщин печально пьян.

Поет, сидя в корзине, печальную китайскую колыбельную песню старуха Гу.

Поют женщины, сидя на куске тени от паруса, который уже пронизан ножами утреннего солнца.

У руля Марко.

Выходит Етир, смотрит.

Уже посветлел восток, но еще не встало солнце и в небе не растаяли звезды.

Етир смотрит сперва на небо, потом на компас.

Человек, плавающий в бронзовом тазу, изменил направление, которое указывает своей вытянутой вперед рукой.

— Мне кажется,— говорит Етир,— что человек повернул свою руку.

Они смотрят и вдруг видят: над горизонтом висит совсем низко теплая, знакомая утренняя звезда.

— Марья,— сказал Марко.

— Я думаю, господин,— сказал Етир,— что мы изменили путь. Вода другого цвета. Посмотри, господин.

Марко смотрит вдаль. Над горизонтом, совсем низко, висит Полярная звезда и выплывает все знакомое нам созвездие.

— Кажется, конец моей разлуки с родиной приближается.

Гудит цинковка китайского паруса.

Старуха Гу сидит в корзине, прикрепленной к мачте крутобокого корабля. И смотрит, положив подбородок между зубцами края.

Утомительно качается и сверкает море. Ветер утомительно поет в циночных парусах.

Рябь океана отражением серебрится на парусе.

Привычно смотрит старуха из-под соломенного поля огромной шляпы на медленно качающийся горизонт.

Вдруг она настораживается.

— Корабли! — кричит она.

На горизонте показывается один парус, другой.

Старуха вглядывается.

— Корабли! — кричат внизу.

Женщины выбегают на палубу. Выбегают купцы.

Смотрит вдаль Николай.

Углы парусов показались из-за горизонта.

— По-моему,— сказал Матвею Николай,— это корабли арабов.

— Разбойники! — сказал Матвей.

— Корабли,— говорит Марко Поло.

Корабль, подымая белую волну, неотвратно бежит навстречу неведомой судьбе.

Во время нападения на корабль братьям Поло все же удалось спасти царевну Качьезе и отправить ее в Иран. Качьезе сопровождает в ее дальнейшем путешествии раб Етир.

Гудит парусина европейского корабля.

На фоне паруса стоят без шапок в бедных халатах братья Поло и Марко.

Повернул парус, показалась вдаль, в тумане, Венеция.

Остров Риаальто в Венеции изменился. Деревянные дома сменились мраморными.

Старики Поло и Марко идут через площадь. Она полна народа.

Между двумя колоннами толпы смотрят, как травят быка собаками. Отбивается рогами бык.

Путешественники идут мимо. Оглянулся Марко. Бык упал. Собаки рвут его. Хохочет народ.

— Хорошо вернуться домой,— засмеялся Матвей.

— Веселая игра,— подтвердил Николай. Кричит толпа.

По известковым плитам окраины Венеции идут трое нищих. Идут по новой мостовой канала.

— Дом-то зарос,— сказал Николай.

Вся стена дома увита розами.

Из окна верхнего этажа рассеянно смотрит на канал старик.

Старый дом купцов Поло, покосившийся, деревянный, но увитый розами, стоит среди новых мраморных домов.

Трое спутников стучатся в дверь. Им открывает старик, смотрит долго, потом узнает хозяев и начинает плакать.

— Господа, судьба была к вам неблагоприятна, но дом сохранен.

Дом Поло. Старший Поло ногой подтягивает к себе деревянный стул и садится.

— Двадцать шесть лет не было вас, хозяин,— говорит старик Николаю. — Жена ваша умерла. Я должен с печалью доложить — амбары пусты и обветшали, все ушло на налоги и нас оштрафовали за то, что плохо был устроен водосток; его забрили проклятые розы.

— Поправим,— отвечает небрежно Николай.

— Поговорим, когда докажем совету, что мы на самом деле Поло,— опасливо шепчет Матвей.

Горят дрова в камине. Братья Поло перебирают вещи, говорят друг другу по-монгольски, окликают слуг короткими китайскими словами.

На лестнице стоит Марко Поло, встречая проходящих с поклонами. Собираются нарядные одетые гости, молчаливо садятся на скамью вдоль стены. За гостями идут собаки.

— Ты не узнаешь меня, старый сосед Салабаэтто? — спросил Николай, обращаясь к толстому старику.

— Время утомило мои глаза, почтенный,— отвечает Джованни, не называя Николая по имени.

— Что делает маленькая Мария, дочь твоя?

— Дочь почтенного господина Салабаэтто вышла замуж, овдовела и живет у отца,— ответил, вмешавшись в беседу, худой гость, сидящий на краю лавки.

— Не будем говорить об этом при посторонних, Гвальстерн,— строго сказал Салабаэтто.

— Марко, что ты стал с разинутым ртом. Зови гостей к столу. Может быть, вино вернет им память,— сурово сказал Николай.

...Парадная столовая дома Поло. Толстые дубовые столбы поддерживают кровлю. Столы покрыты полотном. Гостям положены ножи и поставлены тарелки из фарфора.

Пол устлан тростником.

Горят восковые свечи, в камин бросили драгоценную корицу.

Гости зашептались, склоняя друг к другу свои шляпы.

— Корица стоит сейчас три сольдо фунт; подари лучше мне, чем жечь. Николай!

— Я хотел только исправить твое зрение, Салабаэтто,— ответил Николай, уходя с братом и Марко.

Пируют гости. Играет музыка.

Вышли трое: Матвей, Николай и Марко, одетые в длинные яркие платья из красного атласа.

Несут похлебку в медных котлах. Матвей Поло встал, разорвал на себе платье, раздал его слугам. Слуги принесли им другие платья из красного штофа.

— Да здравствует дом Поло и его герб — три галки, которые сегодня так нарядны, — подшутил один из гостей в сутане.

— Подождите шутить, дорогой Джустино, — ответил Николай, вставая.

Роскошно одетый и мрачный сидит Марко Поло. Отец делает ему знак.

Встают Поло, рвут на себе нарядные платья и надевают новые бархатные прямо на загорелые тела. Ткани лежат на полу.

Слуга-старик собирает ткани и несет их к камину.

— Что ты делаешь, Николай, отдай мне, ведь это бакаран, — кричал Салабаэтто.

Тогда Николай Поло встал из-за стола, ушел и принес на руках грязные лохмотья, в которых путешественники вернулись домой.

Бросает лохмотья на стол.

Гости отодвинулись, боясь заразы.

Марко распорол складки лохмотьев: посыпались сапфиры, алмазы, рубины.

— Приветствуем вас, — сказал один из важных гостей, — Матвей, Николай, и вашего мальчика Марко!

...Сгорели до половины свечи.

Гости обглаживают кости, бросают их в корзины, стоящие под столами. Из-под столов показываются собачьи зады и слышно рычанье дерущихся между собой псов.

Горят и оплывают свечи. Доверительно рассказывает Николай священнику Джованни Джустино:

— Мы везли царевну, защищали ее, как родные отцы. И она нас во всем слушалась.

Перебивает Матвей:

— Тот жених, к которому мы везли царевну, умер, мы передали ее другому. Как его звали, Николай?

— Газан.

— Он там теперь, вероятно, царствует. Он нас сам так полюбил, что не было ничего, чтобы он для нас не сделал, просто как для родных отцов.

— Все это похвалы достойно, но они язычники, — сказал священник.

— Кубилай почитал Христа, считая его веру лучшей, сравнивая веры Моисея, Магомета, Будды и бога шаманов.

— Какое жалкое невежество!

— Но если бы какой-нибудь благочестивец, как вы, например, поехал и показал хану могущество и чудеса Христа, дело пошло бы иначе.

— Я не могу покинуть свою паству в Венеции.

— Боже сохрани покидать: мы сами вашего прихода! К тому же мудрый хан уже

умер. Вы не найдете в Китае . и царевну Качьезе.

Заплакал Матвей.

— Когда мы сядились на корабль и прощались, царевна Качьезе горько плакала.

— Мы ей подарили своего раба, чтобы она с ним о нас вспоминала.

Вскакивает пьяный Салабаэтто.

— Еду! — кричит он, опрокидывая стол. — Еду к татарам! К тибетцам! Там, говорят, женщины выбирают мужчин! Пускай они меня выберут! Я тоже хочу подвигов и приключений.

...Входят слуги с факелами проводить гостей к гондоле.

— Что еще рассказывать?! — говорит Матвей, которого уже все оставили. — Простились, как надо... пустились в дорогу, добрались до Трапезунда, что на Черном море, оттуда в Константинополь, и вот в лето от рождения господина нашего Иисуса Христа тысяча двести девяносто пятое я с вами, друзья, дайте мне еще вина!

Двое слуг подают, берут его почтительно под руки.

— Отведите меня спать. Сердце мое разбито. Хан Кубилай умер, умер бедный старик.

Матвея уводят.

...Венеция. Вода канала перед домом Поло освещена беспокойным светом факелов.

К ступеням дома подъезжают гондолы.

Гости разъезжаются.

У огарка свечи сидит Марко Поло.

Входит веселый, раздумянный Николай преувеличенно твердой походкой.

— Я запустил, мальчик, твое воспитание. Помню у нас в Венеции случай, что избрали дожем человека, у которого еще был жив отец, но и дож снимал перед отцом шляпу.

Марко Поло стоит перед отцом молча, не понимая, о чем идет разговор.

— Сними шляпу, мальчишка! — кричит Николай. — Ты не перед Кубилаем! Эти татары избаловали тебя и не рассказывай, сын мой, чужим людям невероятное, чтобы тебя не называли лжецом.

— Если меня спросят, я отвечу.

— Отвечай лучше по-монгольски, чтобы не лгать! — засмеялся Николай. — А теперь вели убрать комнаты и слушай. Говорят, на нас идет война, мне сказал об этом наш гость — он из Совета десяти. Ты можешь быть капитаном?

— Могу, господин, — ответил Марко Поло.

Осенний теплый день на Адриатическом море.

Видно, что вчера была буря, она оставила на воде мутную сеть пены.

Флаги висят на мачтах. Плывут галеры. Стонут длинные весла. Слышны мерные звуки гонгов. Чуть дохнул ветер и поднял флаги. Мы видим льва Святого Марка и девять звезд вокруг льва.

На палубе одной из галер в шлеме стоит Марко Поло. Смотрит.

Вдали видны мачты. На мачтах ветер поднял знамена с изображением Георгия Победоносца.

— Держать в Курцоло, — приказал капитан.

Внутренность галеры.

Стоит шкипер, бьет двумя молотками в два диска: левый и правый — один диск дает более тонкий звук, другой гремит глуше.

Бьет шкипер в два диска.

Спины гребцов, по трое на одном весле — и справа, и слева, — откидываются назад.

Свет, падающий через бортовые отверстия, переходит со спины гребца на его грудь и напрягающийся живот.

Изменился ритм. Высокий звук стал более частым, низкий — редким. По-разному пошли пятна света по телам гребцов правой и левой стороны.

Море. Венецианские галеры поворачиваются, прижимая галеры генуэзцев к поросшему дубовым лесом берегу Далмации.

Вонны с криком «к оружию!» выбегают на палубу.

Галеры сходятся. Венецианцы стараются ударить тараном судно генуэзцев.

Внутренность галеры. Изменился ритм ударов: теперь чаще низкий звук.

Гребцы правой стороны гребут быстрее. Солнечные пятна мелькают на их спинах.

Палуба. Заряжают камнями катапульты. Готовят самострелы. Суда сближаются.

А в море уже встают волны.

Сцепляются галеры с галерами. Трубят сигналы. Венецианцы перепрыгивают на галеру генуэзцев. Их больше, они уже одолевают.

И вдруг из-за края воды показывается какое-то белое крыло. Потом еще одно.

— Генуэзцы, — сказал Марко Поло. — Их принес чертов ветер!

Двадцать галер идут на помощь генуэзцам.

Отцепляются венецианские галеры. Гребут, поднимая паруса.

Наскакивают новые галеры генуэзцев, пропарывают борта тяжелыми таранами.

Слышен в трюме галеры удар.

Гребцы под палубой галеры бросают весла.

Скамьи наклоняются. В одно отверстие показалось небо, в отверстие другого борта хлынула вода.

Вскакивают гребцы, путаются валки весел. Вода обливает людей.

Переворачивается галера Марко Поло, показывая свое смоляное брюхо.

Море кипит обломками.

На днище галеры, держась за ее киль, лежит, подняв руку, капитан Марко Поло.

Галера с генуэзским флагом несется на него.

На днище галеры встает Марко Поло. На лодке едут генуэзцы, добивают веслами венецианцев.

— Я заплачу выкуп, — кричит Марко Поло по-монгольски. Потом кричит слово

«выкуп» на разных языках. Марко Поло кричит, подняв руку: — Большой выкуп!

На каменном полу стоит в цепях Марко Поло.

Он поднял руку, как тогда, когда кричал на днище перевернувшейся галеры, и рассказывает.

Тюрьма. Стены сложены из хорошо пригнанных мраморных плит.

В цепях сидят люди. Окна высоки. На сводчатом потолке виден отблеск моря.

Среди людей в цепях рассказывает господин Марко Поло.

В цепях сидят люди. Узкие окна тюрьмы расположены под самым сводом: из них падают косые столбы света, освещающие узников.

Тюрьма сырая, и чем дальше, тем расплывчатей кажутся эти косые упоры света.

Подняв руку, говорит господин Марко Поло:

— Двадцать шесть лет я странствовал по миру.

— Ну и что получил? — спросил сосед.

— Генуэзскую тюрьму и цепь длиной в три фута.

— Не жалуйся, Марко Поло, — продолжает сосед, доставая яичную скорлупу, в которую налито что-то вроде чернил, и кладя на колено кусок бумаги, — расскажи еще что-нибудь о разнообразии мира.

— Сейчас, Рустичано. Расскажу я тебе славную повесть. Когда говорил о Цейлоне, забыл ее. Послушай ее. Чудесной она тебе покажется.

Входит тюремщик.

— Где Марко Поло?

— Это я, — сказал, вставая, Марко, и потом, пошептавшись со сторожем, продолжил: — Здорово поедим, верно, отец прислал соленые оливки, хотят, чтобы я сам принес бочонок.

Отковыывают цепи Марко Поло.

— Приду и доскажу, Рустичано.

— Я сохранил твой хлеб. Я не верю в отцовские оливки, они заплесневеют в Венеции.

Улица в Генуе. Внизу широкое море, город построен амфитеатром, дома из мрамора, но покрашены в красный и синий цвета, потому что, вероятно, самим генуэзцам надоел мрамор.

Улица крута. По скользким ступеням поднимается пленник Марко Поло, скрежеща железом цепей по камню; женщина смотрит из окна, жалея красивого, седобородого пленника.

Марко Поло вводят в генуэзский совет. Несколько стариков сидят торжественно и спокойно.

Перед ними стоит с бритой головой старик с крашеной хной бородой. Седина у самого подбородка показывает, что борода давно не красилась.

— Сопрокомит Марко Поло, — сказал генуэзец, — мы слышали про твои интересные сказки.

— Я могу рассказать их и здесь, — отвечает Марко Поло.

— Нам не до сказок. Ты говоришь о странах, недостижимых, как звезды. Мы бы послушали тебя, если бы ты говорил о ближних дорогах.

— На ближних дорогах, — отвечает Марко Поло, — венецианцы воюют с генуэзцами.

— Ты прав, сопрокомит, — отвечает старик.

Марко Поло узнает красобородого мужчину:

— Етир.

— Господин, — начал Етир, — госпожа наша Качьезе умерла, ей дали отраву в питье или она сама положила в свое питье отраву. Ее похоронили по обычаям монголов.

— А ты почему здесь?

— Госпожа наша Качьезе, — ответил Етир, — дала мне этот рубин перед смертью и велела отнести его к тебе. Я шел пять лет, был в Венеции, господин, и принес камень тебе на выкуп. — И он кладет камень на стол.

— Камень прекрасен, — сказал старший сенатор, взяв рубин. — В твоих рассказах

оказалось зерно истины — этот камень — прекрасное зерно. Камень останется у нас — ты свободен. Ты уедешь от нас, и мы еще оденем тебя в атлас и бакаран.

— Господа, — сказал Марко Поло, — камень очень дорог, он принадлежал самому Кубилаю.

— Ты не отдашь его нам?

— Я прошу дать свободу пизанцу Рустичано.

— Пускай будет свободен и этот второй болтун, — сказал со смехом один из сенаторов.

Венеция. Знакомая нам комната в доме братьев Поло.

Входит Марко Поло. Навстречу встает его отец — помолодевший и пестро одетый. У камина сидит брат Матвей, слегка сконфуженный.

— Мы очень горевали, — мягко сказал отец, — когда ты попал в плен, и поняли, что сделали ошибку, по приезде твоём не женив тебя.

Марко Поло стоит, еще ничего не понимая.

— Мы опасались, — сказал отец, — что плен твой продлится еще долгие годы или что ты умрешь — на горе нам — в тюрьме.

— Выкуп, — вмешался дядя, — назначили за тебя огромный.

— Дом наш нельзя было разорять.

— Мы решили, — продолжал дядя, — что Николай, хотя он и стар, должен взять новую жену. Так мы и сделали. Сейчас у тебя есть новые братья: Стефано, Мафис и Джованни, прекрасные, умные ребята, мачеху твою зовут Марией. Она дочь Салабаэтто.

— Не огорчайся, сын мой Марко. Я решил выделить твою часть капитала и разрешаю тебе разговаривать со мной, не снимая шляпы. Жить ты будешь отдельно, так захотела моя жена. Но как тебе удалось освободиться?

Венеция. По звону колокола разом тушат все огни.

В атласном плаще по набережной идет бородатый Марко Поло.

Причалы канала заняты: на кораблях пришли товары.

Поло подымает зерно перца и нюхает его.

На площади Святого Марка свет в высоких дверях. Гуляют люди в круглых беретах, в белых колпаках, в пестрых, как цветы, кафтанах, но все это слитно потому, что свет луны смягчает и сравнивает краски.

В одном доме свет.

Входит Марко Поло. Играет музыка, в зале шумят, смеются — это маскарад. Здесь пестрота ослепляет глаз. Хохочут и веселятся люди.

Какая-то маска ходит между другими, обращая внимание всех на себя.

Маска с бородой, на плечи ее наброшен халат из китайского атласа. Говорит маска:

— В Китае есть черные камни, они горят, как дрова, даже лучше дров. Есть в Китае бумажные деньги и палочки, которые сами знают, где север и где юг.

Люди хохочут.

— Есть еще в мире, — говорит маска, — змеи с ногами, есть даже небо, на котором нет Полярной звезды... Это небо лжецов.

Хохочет зал. Марко Поло, одетый в красный атлас, подходит к маске, которая одета точно так же, как и он.

— Кто ты? — говорит он маске.

— Я лгун Марко Поло, — отвечает маска. — Я лгун, который рассказывает всем сказки, меня зовут Миллион, потому что я придумал это слово. Я лгун, который говорит о богатстве, а сам не из лучших купцов нашего города.

Марко Поло срывает маску. Перед ним молодое, женственное и знакомое лицо.

— Мария, — говорит он.

— Сын Марии, — отвечает мальчик.

Марко Поло хватают сзади за локти.

— По указу Совета десяти, — говорят ему, — строжайше запрещено срывать маски с людей на маскараде.

— Я все прощаю безумцу. Пускай идет домой лгать и нюхать розы, — смеется юноша.

Музыка. Смех. Пустая площадь залита луной. Отчетливы камни мостовой.

Марко Поло выходит на площадь.

Уже утро. Утренняя звезда Марии висит над водой.

Надо идти, не оборачиваясь на смех.

Марко идет по скользкой лестнице спокойно, но делает лишний шаг и наступает на последнюю ступень: на ней слой воды, тонкий, как бумага. Шаткая черная гондола, скрипя, подплывает низким бортом к ногам капитана.

Хохот будит голубей на пустой площади. Это маски выбежали проводить капитана.

Гондола плывет по отражению дворцов, мимо стен складов: высокие бревенчатые кронштейны над дверями, пробитыми на высоте третьего этажа, отражены в канале.

Етир гребет, сметая веслом отражение.

Гондола плывет мимо деревянной статуи Николая-угодника.

Статуя отражена в ряби канала.

— Друг мой, Етир, — сказал устало Марко Поло, — я осмеян, меня называют лгуном. Скажи мне, друг, выкупивший меня, в чем я виноват?

Гребет Етир черным стонушим веслом, сметая отражения дворцов и дорожку луны.

— Может, мы и не виноваты ни в чем, — отвечает он.

Молчит Марко Поло.

— Ты вез женщину, которая тебя любила, к другому, и вместе мы повернули вон на ту звезду.

— Нас несло течение, — ответил Марко Поло.

— У нас были паруса, но мы поздно узнали свою дорогу.

— Я здесь один, — сказал Марко Поло.

— У тебя есть дочери, — возразил слуга. — Есть жена Доната.

— Да, это добрая венецианка. Я чужой среди чужих людей и вещей.

— Я тоже виноват, — ответил слуга, гребя стонушим веслом. — Я хотел помочь тебе, хотел принести тебе рубин и прошел мимо своей родины.

— Ты любил Качезе? — спросил Марко.

— Любил... как любят звезду.

— Она мне ничего не велела сказать, умирая?

— Сказала, что ты изменил путеводной звезде, вернувшись в известное и бросив свой путь.

Комната в собственном доме господина Марко Поло. Небольшие окна забраны кусками отливающего радугой стекла в тяжелых рамах.

Вдоль стен тянутся невысокие резные лари — скамьи, покрытые узкими стегаными бархатными покрывками.

В кирпичном камине горят дрова.

Над камином, на белой стене, углем крупно написан иероглиф счастья: он сделан с помарками и поправками неуверенной рукой вспоминающего человека.

Неподалеку от каминна, на резном ящике, сидит седая женщина и вышивает, шепотом считая число стежков.

Маленький стол с перекрещивающимися точеными ножками стоит около узкого окна.

Кровать расположена в высокой нише; она устроена, как шкаф, ее дубовые дверцы сейчас открыты. Две ступеньки ящика ведут к высокой нише.

Постель с несколькими цветными подушками и овчинным одеялом. На подушках лежит седая голова господина Марко Поло.

Свет каминна играет на дубовых досках потолка, напоминая отражение океанской ряби.

Господин Марко Поло умирает.

Важный доктор — старик в потертом черном шелковом кафтане — стоит на ступеньках, ведущих к кровати, и улыбается спокойной докторской улыбкой.

— Примите на теплой воде это лекарство. Я сам его делал. Оно стоит, правда, не дешево — десять сольдо, но отодвинет смерть.

— Высокая цена, доктор Гвальтери, но выпейте сами: я отплываю в смерть и не хочу отодвигать пристань.

— Я уже послал за священником, хотя надежда не потеряна.

Гондола со святыми дарами плывет по каналу. Служка звонит в колокольчик. Гондольеры на встречных гондолах приседают и там, не переставая грести, оказывают уважение святыне.

Марко Поло шутит с доктором.

— Ни панты, господин Гвальтери, — говорит он, — снятые с оленя в то время, когда он любит, ни царь трав жень-шень, ни ваше искусство, доктор, не спасут меня, но я знаю, что вы, господин доктор, кроме того нота-риус, и прошу вас составить завещание.

Входит монах.

Доктор склоняется перед святыми дарами. Монах садится на край постели и поправляет рясу. Он кладет свою белую руку на смуглую руку Марко Поло.

— Путь твой, странник, завершен. Рука твоя холодеет.

— Я насыщен днями и дорогами, — отвечает Марко Поло.

— Сеньор, в последний час перед лицом господя нашего признайтесь в своей невинной лжи, скажите, друг, мне, старику, что не бывает досок, с которых можно печатать книги, не бывает камня, который горит, и железных игрушек, которые сами поворачиваются на юг. Дорогой капитан, — продолжает монах, — глаза твои уже тускнеют, я знаю, что ты солгал, говоря, что будто бы проплыл через Индийское море. Я читал Птоломея и знаю, что это море замкнуто, как бутылка, отрекись от карт, которые распространяют под твоим именем, скажи, что нет места на земле, в котором ночью не видно на небе Полярной звезды.

— Под тем небом я был счастлив несколько ночей, — тихо говорит Марко Поло.

— Друг, и ноги твои уже холодеют, тебе показалось все это, бедное дитя мое, ты не ученый и не понимаешь, что если бы существовало такое небо, то это значило бы, что земля кругла, а это злая ересь. Признайся в своей лжи, отрекись от рассказов о море с десятками тысяч островов, и мы даже не сожжем твою книгу о разнообразии мира и только назовем ее сказкой о Великом Хане.

Марко Поло рассмеялся.

— Доктор, ноги мои холодны?

— Холодны, друг.

— Вот и последний вечер настал, — улыбнулся Марко Поло, — погружаются в море солнце и звезды. Господин священник, я видел много разных религий и созвездий. Звездное небо разнообразно. Оно неизвестно, как человеческое сердце, и об нем тоже лгут понаслышке.

— Сын мой, Марко, — сказал монах, передавая Марко Поло маленький листок бумаги.

— Я знаю четыре азбуки четырех языков, — отвечает Марко Поло, — но не умею читать по-итальянски.

— Напрасно, сын мой. На этой афишке рассказано о представлении смешной комедии «Марко Поло лжец».

— Зачем ты оскорбляешь меня в моем доме?

— Кто лучше ученых венецианцев, — отвечает монах, — знает моря, берега морей, и горы, и реки, но мы знаем, что то, что ты говоришь, — ложь, потому что мы не видели того, о чем ты хвастаешься. Только невежды моряки верят тебе.

— Я говорю правду.

— Если ты не стыдишься людей, если тебе не страшен смех на сцене, то постыдись господя нашего, который видит меня и тебя и перед которым вся наша земля стоит на столе, как маленькая тарелка.

— Так ли? — сказал Марко Поло.

— Ты бредишь, дитя мое. Ведь наступили последние моменты для покаяния. Посмотри, господин Марко, как ты жил. Где статуи почитаемых святых? Я не вижу даже распятия... и что это за знак на стене? Я сказал бы, что попал в дом язычника, но ты крещен и кровь господя нашего может искупить тебя. Не людям ты лгал, а своему создателю. Покайся в самом сердце своем, покайся!

— Здесь нет тех, перед которыми я должен был каяться и просить о прощении.

Священник завернул в плат святыне дары и сказал:

— Должен ли я так понять, сеньор, ваши слова, что вы хотите умереть, не покаив-

шнись? В таком случае, завещание ваше будет недействительно.

Седая женщина у камина зарыдала.

Марко Поло засмеялся.

— Я купец и умею покупать, продавать, уступать и сговариваться. Господин нотариус здесь, и он же как доктор засвидетельствует, что я нахожусь в здравом уме и твердой памяти. Ты не плачь, Доната: твоя старость будет спокойна. Ты знаешь ведь, что я суров, но справедлив.

Монах возразил:

— Но вы вот сейчас утверждали ложь!

— Пишите, что я, Марко Поло, послал за Джованни Джустино — священником моего прихода — и в присутствии врача Гвальтери, он же потариус, сказал, что завещаю, кроме законной десятины, которая пойдет городу и клиру, еще две тысячи венецианских лир в доброй монете моему приходу. И отдельно завещаю возлюбленному отцу моему Джованни — священнику — пятьсот венецианских лир и красный плащ из китайского атласа за полезные беседы и добрые заботы.

— Записывайте точно, господин нотариус, — тихо напомнил священник.

— Душеприказчиком моим будет жена моя Доната, а дочерей своих Фанигу, Веллелу и Маретту я прошу выполнить все мои назначения и дарения и слушаться своей матери. Я завещаю монастырю святых Джованни и Паоло держать пристанище для бедных путников и даю им для этого тысячу венецианских лир. Кроме того, вышеупомянутой Донате, жене моей, я завещаю сверх ее доли и имущества, всю домашнюю утварь и все постели и материи, которые собраны в доме. Доната, пойдй прикажи приготовить мне теплой воды для целебного питья. Все будет хорошо, друг мой.

Женщина выходит.

Марко Поло продолжает диктовать завещание:

— Я освобождаю своего слугу Етира от всяческих уз рабства и долга и завещаю ему все, что он заработал трудом в моем доме.

— Сеньор, — перебил его священник, — противно доброму обычаю освобождать ра-

бов в духовном завещании. Говорят, что это побуждает рабов ускорять смерть своих хозяев. Это запрещено даже законами Генуи.

— Я не в генуэзском плену? — произнес Поло, глядя на потолок. — Да, кстати, красный плащ китайского атласа я завещаю доктору.

— Подпишите завещание, — произнес священник. — Я не буду спорить, сберегая ваши силы, я обещаю, что вы будете похоронены у церковного алтаря.

Марко Поло с трудом подписывает завещание, вырисовывая буквы.

Священник доволен.

— Вот это, сеньор, вы сумели подписать и по-итальянски!

— Я столько раз видел это имя на мешках отца, что научился, но теперьзовите ко мне слугу Етира, пускай он расскажет мне о том, как мыплыли мимо неведомых земель под тем небом, где нет Полярной звезды.

Священник вздохнул и сказал, обращаясь к жене Марко Поло:

— Он уже бредит, пойдемте, оставим его.

Входит Етир.

— И рядом с нами была та, — говорит он, — которая не приняла от меня цветы и которую ты оставил, мой господин, мой бедный друг!..

— Послушай, — сказал, улыбаясь, Поло, — посмотри на эту афишку.

Етир смотрит, удивляясь:

— Господин, она не написана — она напечатана...

— Какой веселый и любопытный день! — говорит Марко Поло. — Они смеются надо мной, но уже едят из моих рук и не замечают, что делом повторяют то, что я рассказал.

— Запутана жизнь, — говорит Етир. — Она, как клубок ниток, который нельзя ни распутать, ни разрезать ножницами. Так поется в китайской песне.

Он запекает песню. Поет бухарец.

— Какая смешная и любопытная история — жизнь, — улыбается Марко Поло. На потолке комнаты играет отражение ряби канала так, как рябь океана отра-

жалась на парусе корабля Качезе. Тихо поет Етир. Улыбается старый Марко. Меркнет серебро ряби.

ОТ АВТОРА

Венецианец Марко Поло, сын Николая Поло, родился на острове Риаальто в 1254 году. В это время город был еще беден в своих строениях; дома были крыты соломой и дранкой, но склады товаров были полны богатств.

Венеция исполняла должность морского извозчика; ей заплатили, например, за перевоз крестоносцы кусками константинопольской империи.

Купцы Венеции сами ездили далеко. Отец и дядя Марко Поло бывали в столице внука Чингис-хана, великого владельца полумира — Кубилая. Проехали они туда через Россию по Волге. Оттуда они вернулись в Европу, уверяя, что Кубилай просил их привезти масло из лампад, висящих в Иерусалиме над гробом господним. Действительно, Кубилай интересовался разными религиями и любил расспрашивать о религии у поклонников Конфуция, буддистов, магометан, католиков и несторьян, но в данном случае скорее он нашел повод для разведки.

Отправившись второй раз в Китай, купцы взяли с собой четырнадцатилетнего Марко Поло и поехали с ним через Армению. Путь этот был непрост: битвы и восстания заставляли купцов изменять его и ехать через Памир и страны центральной Азии.

В Китае Марко Поло прожил много лет; ездил по всей стране. Через много лет он получил от Кубилая поручение отвезти в Персию принцессу Кокачин и вторую принцессу, которая происходила из Сунской династии. Из этих двух женщин в сценарии я создаю одну.

На старых китайских кораблях поплыли купцы Поло морем; народу на кораблях было 1200 человек. В многолетнем пути умерло больше половины людей, и корабли вели женщины. Когда они приехали в Персию, то оказалось, что те государи, к которым были посланы принцессы, уже погибли, но принцессы были отданы новым владельцам престолов, а купцы Поло вернулись в Венецию с большими богатствами.

Марко Поло служил потом в Венецианском флоте. В битве у острова Курцеля он был взят в плен генуэзцами, попал в генуэзскую тюрьму: здесь с его слов и написали историю его путешествия.

История путешествия Поло стала известной, но истинность его рассказов подтвердилась только в XIX веке.

Трагедия Марко Поло состояла в том, что он вернулся на родину и одновременно отодвинулся в прошлое. Отсюда непонимание, которое встретил великий путешественник. Вот основа фабулы сценария.

Для сценария необходимо было несколько упростить историю многолетних путешествий Марко Поло, вернуть, объединить их, выделить романтическую историю, о которой глухо рассказывал сам Марко Поло.

Тема сценария состоит в том, что мировая культура является результатом работы не только европейцев, а плодом труда всего человечества.

Марко Поло жил в эпоху, когда Венеция, Генуя, Пиза воевали друг с другом, но он уже чувствовал в какой-то мере единство человеческой культуры и одинаково терпимо относился к различным цивилизациям человечества.

Виктор Шкловский

Елена Райская

МОН ЖЕНЕРАЛЬ

Киноновелла

Он стоял перед черной стеной — сам черно-белый, даже бело-черно-белый, какой-то бескровный... Он кусал усы и отводил в сторону взгляд.

— Ты почему на меня не смотришь? — встревоженно спросил женский голос.

Он опустил глаза, хотел сделать вид, что не расслышал, потом все-таки еле заметно пожал плечами.

— Что-нибудь случилось? — спросил женский голос. — Что случилось?

Он молчал.

— Ты что... Ты что... меня не любишь, да?

Он поднял голову, посмотрел изумленно и снова пожал плечами.

— Ну, что случилось? — настаивал женский голос. — Что? Что? Я не понимаю...

Он усмехнулся и укоризненно покачал головой. Наступило молчание.

— Ах, вот оно что... — устало сказал голос.

Он кивнул.

— Да, да... Я забыла.

Он недоверчиво приподнял бровь.

— Забыла. Я еще не привыкла... И не привыкну никогда!

Теперь он смотрел внимательно.

— Скажи чего-нибудь, — попросил голос. — А, Дим? Скажи... Ну, пожалуйста... ста...

Он отрицательно покачал головой.

— Что же ты молчишь-то? Нельзя же

постоянно молчать, Дим! Ну, скажи чего-нибудь.

Тогда он повернулся спиной.

— Ну, скажи, скажи! — Женский голос сорвался — получился плач. Бессильный и обиженный. Так плачут дети — без рыданий, просто хныкая. А взрослые так плачут во сне.

Возле тахты горела настольная лампа и шипел транзистор. На тахте, поверх пледа, одетая, постоянно вздрагивая и всхлипывая, спала женщина.

Окна были плотно занавешаны. Стенные часы показывали двенадцать.

Женщина была одна в комнате. Она открыла глаза, всхлинула еще несколько раз и окончательно проснулась... Ей было не больше тридцати. На кухне она зажгла свет, поёжилась, подставила чайник под струю воды.

Он, тот самый он, стоял на проезжей части улицы и размахивал руками, пытаясь остановить такси. Шел дождь. Поодаль жалась группка людей, пытавшихся уместиться под одним зонтом.

Он все поднимал руку, а машины все проезжали мимо.

— Димыч, не ересься! — крикнули ему из-под зонта. — Поехали с нами!

Димыч отмахнулся.

— Как медведь — в свою берлогу. Окстись, Димыч!

Димыч обернулся и крикнул довольно нетвердо, но весело:

— Мужики, катитесь к черту!

Под зонтом засмеялись, зашевелились, развернулись в другую сторону и собрались уходить.

— Деньги-то есть? — спросили у Димыча напоследок.

— Да, действительно! — воскликнул Димыч. — Есть ли деньги?.. Мужики, стойте — я посмотрю.

Он полез в карман, достал кучу каких-то мелких вещей и разглядел среди них бумажку.

— Ого! — изумился он. — Пятерка... Гуляйте, братцы! Привет! — И, увидев такси, снова замахал руками.

На сей раз такси затормозило.

Димыч надавил на звонок и заорал:

— Галка! Галка-а-а! Встречай мужа — муж с работы пришел!

Дверь резко открылась. Димыч приложил руки к груди и быстро заговорил:

— Галочка, зайчик, солнышко, прости. Задержался. Совершенно как-то нечаянно. Прости.

Галя изумленно смотрела на Димыча и молчала.

— Галочка, зайчик, солнышко, прости... — снова заканючил он.

— Входи скорее, — сказала Галя. — Дует же.

Димыч разбежался, перепрыгнул порог, обнял жену и продолжал бормотать:

— Понимаешь, совершенно как-то нечаянно... неожиданно... с бухты-барухты...

Димыч стянул плащ, опустил на стул в прихожей.

— Прямо как снег на голову, — добавил он. — Дай тапки.

Галя вопросительно взглянула на него. Помедлив, раскрыла дверцы стенового шкафа, покопалась там и ответила:

— Ты в носках походи. Ничего?

— Ничего! — легко согласился Димыч и стал расшнуровывать ботинки. — Как-

то... вдруг, — продолжил он прерванную тему.

А Галя неуверенно подсказала:

— Как обухом по голове, да?

— Точно! — восхитился Димыч. — Принеси халат.

— Давай чай пить, — поспешно предложила Галя. — Или кофе. Хочешь кофе?

— Угу, — промычал Димыч. — Я все хочу. — И прошлепал в носках на кухню.

Галя внимательно посмотрела ему вслед. Были в этом взгляде изумление и счастье. Сев на табуретку, Димыч прислонился к стене, потянулся и сказал:

— Ну, ты подумай! Как получилось! Совершенно неожиданно-негаданно.

Галя поставила турку на плиту.

— Иди сюда, — позвал Димыч и указал на свои колени: — Садись.

Галя осторожно села.

— Соскучился я по тебе чего-то, — сообщил Димыч.

Галя прижалась лбом к его щеке.

— Я тоже, — прошептала она. — Ужасно... Я думала, умру... Ты мне снился...

Димыч выпрямился и испуганно спросил:

— В дурном сне, да?

— В хорошем, — успокоила Галя, провела по его лицу ладонью: — Худой.

Димыч засмеялся:

— С утра, что ль, толстый был?

— Дим, ты что? — пробормотала Галя. — С какого утра?.. — И вздохнула: — Сумасшедший ты какой-то... К тебе не привыкнешь.

Она поднялась и подошла к плите.

Димыч сделал обиженное лицо:

— Ты, Галка, меня не любишь, как я погляжу...

— Люблю, — сказала она. — Знаешь, как люблю!

Димыч зажмурился.

Галя поставила на стол две чашечки, налила кофе.

— Лучше расскажи, что у тебя на работе.

— Галка, ты озверела, — сообщил Димыч. — Что у меня может быть на работе?.. Всё то же. Как это там? «И завтра то же, что вчера»... Вчера, правда, воскресенье было. Но все равно...

Димыч отхлебнул из чашечки.

— Хорошо... — Он даже облизнулся.

Димыч аккуратно повесил брюки на спинку стула, потянулся и вдруг застыл с раскрытым ртом.

— Кого я вижу! — воскликнул он и бросился к висевшему на стене фотографическому портрету генерала. — Мон женераль!

Галя, уже лежавшая в кровати, неподнялась на локте и тревожно попросила:

— Дима, не надо... Не смей...

Но Димыч не слышал.

— Мон женераль! — продолжал он. — Тестюшка!.. Ка-кой у нас суровый взгляд. Уххх!!! — и Димыч передернул плечами. — Ка-акие мы женерали! Ммм!.. — вытянув губы, Димыч чмокнул воздух возле генеральского носа. — Тестюшка-родимец, не смотри на меня так!.. Смотрит, — кивнул он Гале. — Не любит. О-о-ох, не любит! А мы его — того, — и Димыч снял портрет с гвоздя.

Галя вздохнула и положила голову на подушку:

— Когда ж ты кончишь дурака валять, а?.. Ложись.

Димыч улегся рядом с ней, повернулся.

— Узко чего-то, — удивленно сказал он.

— А ты двигайся ближе.

— Да. Это выход, — заметил Димыч и обнял жену.

— Господи, — прошептала Галя. — Ты совсем пьяный. Ты ничего не помнишь.

— Где нам, дуракам, чай пить, — сонно пробормотал Димыч.

В бассейне переливалась и переваливалась вода. Много воды.

На соседних дорожках поднялись снопы брызг — два тела плюхнулись в воду. За

тумбочками, с которых они прыгнули, остался висеть генеральский костюм с орденскими планками.

Димыч и генерал плыли по соседним дорожкам и разговаривали, поминутно отплеиваясь от воды.

— Даю фору, — сказал генерал. — Две минуты.

— Чего?! — изумился Димыч. — Мне?!

Генерал улынулся, выплонул в сторону Димыча очередную порцию воды и легко, стремительно поплыл вперед.

Димыч рванулся за ним, но догнать генерала не мог — тот постоянно держал его на расстоянии.

— Эх, ты! — крикнул генерал. — Учитель физкультуры!.. Позорник ты!

Димыч сосредоточенно работал руками.

— Ни к чему ты, мой друг, не годен, — продолжал стыдить его генерал. — Пустышка!.. Не люблю я тебя.

Димыч молчал, упорно пытаясь догнать генерала.

— И не полюблю. Зачем ты мне такой нужен?.. Влез, понимаешь, в благородное семейство, на дармовые харчи!

Этого Димыч вынести не смог — он рванулся и генерала достал.

— Ну-ка, повтори! — потребовал Димыч.

— Отдышись сначала... — и генерал засмеялся.

Они, постоянно двигая руками и ногами, удерживались друг против друга на воде.

— А вы злой, — сказал Димыч. — И поганый. Это все могут подтвердить. И нос свой суете куда не надо. Галку запугали до умопомрачения. А кто вы есть-то? Генерал! Ха! Мон женераль... — Димыч от злости начал кривляться. — Жена — генеральша, дочка — генеральская, с приданным, с высшим образованием. А у меня, между прочим, тоже диплом есть. Институт физкультуры — ты еще попади туда с такой фигурой-то!

— Ох ти господи, — просюсюкал генерал и, размашисто загребая руками, поплыл вперед.

— Стойте!.. — заорал Димыч, бросаясь за генералом.

Но тот оглянулся, покачал головой.

— Раздражаешь ты меня, — сказал генерал. — Я буду от тебя избавляться, вот что.

Димыч оглянулся и чуть не пошел ко дну: они с генералом были одни в открытом море. Только на горизонте виднелась маленькая точка.

— Мон женераль, — засипел Димыч, — товарищ генерал, потонем.

— Кто как, — неопределенно ответил генерал и махнул рукой.

Димыч снова оглянулся: то что недавно было точкой у горизонта, превратилось в катер.

— Сюда! — завопил Димыч. — На помощь! — Он почти захлебывался.

От катера плыла лодка. В нее забрался генерал, а подплывшему Димычу страшный бородатый мужик пригрозил веслом и сказал:

— Но, но. Не балуй.

— Люди, вы что — обалдели? — отчаянно шептал Димыч. — Люди, одумайтесь. Товарищ генерал, ведь я вам зять!

— Какой ты зять! — захохотал генерал. — Зять!.. Ты же с Галкой месяц назад развелся. Забыл, что ли?

— Я развелся?! — Димыч был поражен. — Я развелся с Галкой?! — И он опять чуть было не пошел ко дну.

— Да уж не я, наверное, — сухо ответил генерал, и бородатый мужик, как машина, заработал веслами.

А потом катер поплыл в обратную сторону. Рядом с Димычем на воде покачивался спасательный круг, на котором почему-то было написано «МОН ЖЕНЕРАЛЬ». Словно так назывался катер.

Димыч плакал, как ребенок. Он взгромоздился на спасательный круг и все повторял:

— Я развелся с Галкой?.. Да-а-а... Я развелся с Галкой... А ведь правда... Я развелся...

Недалеко от Димыча высунули из воды свои плавники акулы.

— Ух ты! — восторженно пискнула одна. — Прямо в тарелке.

— Не пойдет, — скептически заметила другая. — Он невкусный. Он с Галкой развелся.

— Это точно, — вежливо подтвердил Димыч...

Димыч проснулся и сел в кровати. Рядом никого не было.

В дверях показалась Галя.

— Проснулся? — спросила она. — Сейчас. — И исчезла.

Димыч провел ладонью по лицу, потряс головой.

— Что — голова болит? — спросила Галя. Она поставила на столик чашечку кофе. — Хочешь пива?

— Нет! Что ты! — поспешил отказать Димыч. Он посмотрел на кофе. — Может, я пойду умоюсь?

— Сначала выпей, а потом умоешься.

Димыч покорно выпил кофе.

— Теперь иди в ванную, — сказала Галя.

Но Димыч не поднимался — он не мог вылезти из-под одеяла, пока Галя была в комнате.

Она догадалась — взяла пустую чашку.

— Пойду вымою. — И ушла.

Димыч схватил в охапку свои вещи. Осторожно оглядываясь, юркнул в ванную.

В ванной он повесил одежду на крючок, включил воду. Перелез в ванну, сел на край и стал смотреть на струю воды. Потом, чтобы отвлечься, засунул палец в кран. Во все стороны полетели брызги.

— Да, Димыч... — шептал он, — ты дошел... Как же это получилось? — Он задумался. — Главное же, все помню, что вчера было! Все помню, а об этом забыл.

Раздался стук. Димыч выключил воду.

— У тебя сегодня уроки есть? — крикнула Галя из-за двери. — Не опоздаешь?

— Два последних, — ответил Димыч. — Не опоздаю.

— Давай скорее! Завтрак стынет, — крикнула Галя.

— Сейчас. — Димыч засуетился, выскок из ванны, наскоро ополоснул лицо, выдал на палец зубную пасту. Потом подумал и взял Галину щетку.

Димыч повесил полотенце, надел рубашку.

— А может, к лучшему? — тихо прошептал он, застегивая пуговицы. — Я ведь не сам пришел. Меня что-то привело... — Последняя фраза заставила Димыча глубоко задуматься.

Снова раздался стук. Димыч вздрогнул.

— Иду, — отозвался он. — Иду, зай... — Димыч осекся, хмыкнул и сказал сам себе: — Зайчик. — Удивленно сказал, словно это было бог весть какое странное слово.

Галя и Димыч сидели за столом друг против друга и ели яичницу.

Галя внимательно смотрела в тарелку и отрывала от куска хлеба по маленькому кусочку.

Димыч же вертел свой хлеб в руках — то ллал на клеенку, то снова хватал, кусал и проглатывал, почти не жуя. Он тыкал вилкой в яичницу, и это получалось у него почему-то громко — в то время как Галя ела бесшумно и ловко. Даже глотал Димыч громче. Он мучался, исподлобья взглядывал на Галю.

— Пива хочешь? — спросила она, не поднимая головы.

— Нет! — поспешно отказался Димыч. — Нет, нет... — Потом подумал и добавил: — Ну, может быть, в обед... Бутылочку.

Галя кивнула и стала наливать чай. Димыч внимательно смотрел на струйку кипятка...

— В ванной кафель отваливается... — неожиданно сказал он.

Галя вздохнула и пожаловалась:

— Телевизор не работает.

— Как же без телека?.. — удивился Димыч. — В комнате хорошо бы обои пере-

клеить, — сказал он, помолчав, — а то блеклые какие-то... — И робко проворчал: — Все-то на свой вкус норовишь.

— Теперь на твой вкус будут, — отозвалась Галя. — Немножко на твой, немножко — на мой. Так веселее.

— А то еще и на общий вкус бывает, — уже смелее заметил Димыч.

Галя осторожно размешивала ложечкой чай и смотрела в окно. Димыч тоже посмотрел в окно. Там мальчишки играли в войну: через бумажные трубочки плевались горохом. Одна армия захватила у другой пленника и, выставив заслон, расстреливала его в упор горохом.

— Что же они, гады, своего бросили?! — возмутился Димыч.

— Не могут прорваться, — отозвалась Галя.

— Слева надо обойти — и всё. Там вон какой шпингалет стоит. Главное — натиск... — рассуждал Димыч. — Или нет. Лучше бы они этого шпингалета в плен взяли, а потом обменяли на своего.

Галя укоризненно посмотрела на Димыча, но промолчала.

Вторая армия словно услышала Димыча — с рёвом был выхвачен из заслона шпингалет и уведен в плен. Первая армия бросилась за второй.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал Димыч и стал пить чай. Он сделал несколько глотков, посмотрел на Галю, и вдруг взгляд его остановился.

Галя подняла глаза.

— Галь... — сдавленным голосом сказал Димыч.

— Что?

— Галь... — повторил он и замолчал.

— Ну, что? Что?..

Димыч молчал.

— Ну, скажи!.. Дим! Ну, пожалуйста...

Димыч вздохнул и сказал:

— Ничего... Просто...

Димыч стоял у двери с хозяйственной сумкой в руках.

— Я вот здесь все написала, — Галя подала ему список продуктов. — На тебе карандаш. Как что купишь, сразу отмечай. Легче будет. Не запутаешься... — Галя замолчала, глядя на Димыча.

У него снова был остановившийся взгляд.

— Галь... — пробормотал он. — Галь... — И, конечно, замолчал.

Галя вздохнула.

— Дима, — попросила она с легким раздражением, — будь нормальным человеком.

— А я ненормальный? — с тем же странным выражением лица спросил Димыч.

— Да нормальный. Но только... — Галя поправила воротник его плаща. — Будь попроще, а?

Димыч вытянул шею, как-то сложно повернул головой и поцеловал Галину руку.

Галя, не шевелясь, внимательно рассматривала место поцелуя, словно боялась его потерять.

— А сказать ты ничего не хочешь? — спросила она.

— До свидания, — сказал Димыч и шагнул за порог. — Я мигом!..

...В отделе самообслуживания Димычу выдали корзину для продуктов. Он расхаживал по отделу и со счастливой улыбкой набирал свертки.

Возле подоконника пристроилась молоденькая продавщица с усталыми глазами.

Димыч записывал в корзину продукты и аккуратно делал пометки в списке.

Продавщица у подоконника внимательно следила за ним.

Димыч перехватил ее взгляд.

Продавщица, не моргая, смотрела на него.

Димыч сунул в корзину пачку творога, снова взглянул на продавщицу.

Та на мгновение отвернулась, а потом уставилась на него.

Димыч вздохнул, понимая улыбку, прошелся между прилавками. Потом не выдержал — подошел к ней.

— Девушка, не надо, — прошептал он добрым голосом.

— Надо, — твердо возразила продавщица.

— Девушка, я... — Димыч замаялся. — Я женат... Я очень люблю свою жену...

Продавщица немного растерялась:

— Пожалуйста, любите жену. Я вам не запрещаю...

— Девушка... — Димыч укоризненно покачал головой. — Так нельзя. Я так не могу.

Продавщица молча смотрела на него.

— Я вам обещаю, — сказал Димыч, — вы его встретите... Это только сейчас, временно — вы стоите и смотрите на каждого. С надеждой — я ведь вижу... Главное — терпение. Вы просто не думайте об этом — и тогда вдруг он придет... прямо вот в этот отдел... и...

— Пачку сыра достаньте из кармана, — сказала продавщица.

Димыч недоумевающе спросил:

— Какую пачку?!

— Сыра, — спокойно объяснила продавщица. — Которую вы положили в карман. И больше никогда так не поступайте.

Димыч достал из кармана пачку сыра, удивленно рассмотрел ее. Потом все понял.

— Вот дурак-то! — смущенно засмеялся он.

Продавщица кивнула.

Возле подъезда, как водится, сидели две старушки. Очень интеллигентные старушки — они занимались вязанием и говорили о будущем.

— Говорят, в будущем люди будут жить под водой, — сказала одна.

— Почему? — спросила вторая.

Первая скорбно вздохнула:

— Молодые всё рожают, старые всё живут. Тесно... Лишние будут жить под водой.

— А как определить — кто лишние?

— О! — старушка махнула рукой. — Определят. Это совсем не сложно.

— Хорошо, что к нам сие уже не относится... — И вторая старушка вздохнула.

Мимо них пролетел Димыч, у самой двери подъезда вдруг затормозил и, улыбаясь, подошел к старушкам. В руках Димыч держал два вафельных стаканчика с мороженым.

— Это вам, бабушки. — Димыч протянул старушкам мороженое.

Они взяли стаканчики, растроганно сказали:

— Спасибо.

А когда за ним захлопнулась дверь подъезда, переглянулись.

— Узнала благодетеля? — спросила первая.

Вторая внимательно посмотрела на мороженое и всплеснула руками:

— Ой-ей-ей! Как же это я?! Проморгала!..

...Димыч вошел в комнату с хозяйственной сумкой.

— Вот, — он показал Гале сумку. — Все купил.

Галя бросилась к нему.

— Молодец, — поспешно сказала она. — Дим...

Неожиданно Димыч дотронулся до Галиного плеча и прошептал:

— Галя, я пока ходил, все понял... я тебя... не то что люблю... я тебя... боготворю...

Галя кивнула, оглянувшись на дверь и снова торопливо проговорила:

— Ты понимаешь...

— Ты меня простила, Галь? — перебил ее Димыч.

Галя схватила Димыча за руку и отвела к окну — подальше от двери.

— Простила, простила, — бормотала она. — Там, Дима, понимаешь...

— Ну, можно, я скажу? — попросил Димыч. — А то потом так не получится.

Галя вздохнула, но кивком головы позволила Димычу говорить — она поняла, что спорить бесполезно. Только все время, пока он говорил, она беспокойно оглядывалась на дверь и мученическими гла-

зами смотрела на Димыча, словно подгоняя.

— Я про что... — Димыч судорожно вздохнул. — Вот когда так — лучше нет. Когда я не уверен, понимаешь? Я стою перед тобой, да? а сам думаю, вдруг она меня пошлет? или там... не любит, а жалеет. Неуверен я, понимаешь?.. Я неуверен, так? и я стараюсь, я думаю, как что лучше сделать, как не промахнуться. И у меня внутри все работает... сердце, мозги, кишки все даже работают... Кажется даже, что ни капли воздуха у меня внутри нет, все плотное такое...

— Не пугай меня, Дим! — взмолилась Галя. — Ну, пожалуйста!.. Что же ты как в кино монологи читаешь, а?

— Нет, правда! — воскликнул Димыч. — Даже вот чего чувствую, да? это даже какое-то другое. Ну, то есть... вот я тебя, например, люблю и прямо чувствую, что эту любовь могу руками потрогать, как будто она не «ох-ах», а такое существо, которое чего-то там весит, да? — тяжелое, плотное. И вот я его в себе ношу, а оно... такое же, как я, на шкуру только меньше, понимаешь?

Галя, уныло смотревшая на Димыча, кивнула:

— Понимаю...

— Нет, — возразил Димыч. — Я не так сказал. Оно во мне сидит, а от меня самого только шкура осталась, кожа, а все остальное — оно. Поэтому я и говорю — на шкуру только меньше, понимаешь?

— Понимаю!.. Дима! Там на кухне... — Галя подтолкнула его к двери.

— Что там на кухне?..

На кухне за столом сидел генерал.

Димыч замер в дверях. Генерал тут же поднялся и, просветленно глядя на Димыча, протянул ему руку:

— Здравствуй, Димыч.

— Здравствуйте, товарищ генерал, — растерянно ответил Димыч.

Генерал добродушно захохотал:

— Садитесь, товарищ Димыч.

Димыч сел, положив сумку себе на колени. Генерал не обратил на это внимания. Он по-хозяйски раскрыл холодильник, достал бутылку водки.

— Надо выпить, — сказал генерал.

Димыч, робко и вместе с тем подозрительно глядя на генерала, помотал головой:

— Нет, я не хочу.

— Да брось! — генерал налил в рюмки водку. — За тебя.

Выпили. Генерал крикнул, а у Димыча перекопилось лицо.

— Ты что? — засмеялся генерал и, достав из холодильника банку, вынул из нее пальцами огурец. — Давай по-солдатски.

Димыч надкусил огурец, положил его на край стола. Генерал посмотрел на часы.

— Да... — пробормотал он. — Все это, конечно, хорошо... — Выглянул в окно, потом повернулся к Димычу.

Все это время Димыч напряженно следил за ним, и генерал перехватил его взгляд.

— А ты что такой... — спросил он, — подозрительный?

Димыч хмыкнул, пожал плечами:

— Ну, мы с вами вроде как... со скандальником расставались.

— Ах, вот ты про что... Мы, Димыч, люди взрослые — что было, то было. Забыть пора. И ты виноват, и я... в некоторой степени.

Димыч криво усмехнулся.

Генерал снова выглянул в окно. Возле «Волги» стоял шофер и, подняв голову, смотрел на генерала. Генерал показал ему пятерню. Шофер кивнул.

— В общем, так, Димыч... — Генерал снова налил. — Давай коротко, по-солдатски. Что дальше думаешь делать?

— Жить, — настороженно ответил Димыч.

— Как жить? С кем жить? — потребовал конкретности генерал.

— Хорошо жить. С Галей жить.

Генерал покачал головой:

— Вот я и спрашиваю — как жить?

Димыч недоуменно молчал.

У генерала кончилось время и терпение — тоже.

— Расписаться надо, — жестко сказал он. — Тогда и жить. Ты об этом думал?

— Нет еще, — ответил Димыч. — Я не успел.

Генерал плотно положил ладонь на стол:

— Что значит «еще»? А о чем, кроме этого, можно было думать? Чтоб жениться, сто лет думать не надо... Ну, о чем ты думал?

— Было, о чем, — ответил Димыч, и в его голосе послышалось раздражение.

— Тихо, тихо. Не груби, — попросил генерал.

Димыч наконец поставил сумку на пол и сел удобнее.

— Ну, что надумал? — спросил генерал.

Димыч пожал плечами.

— Опять не успел? — нахмурился генерал. — Сколько же можно?

Димыч выпил налитую генералом водку. Генерал придвинулся к Димычу, обнял его за плечо:

— Димыч, я как отец просто требую ответа!

— Но ведь это наше дело, — сказал Димыч, не поднимая головы.

— Да не совсем, — вздохнул генерал и крикнул: — Галина! Пойди Мишке скажи, что через две минуты едем!

— Сейчас! — раздался Галин голос, и тут же хлопнула дверь.

— Двух минут нам хватит? — спросил генерал у Димыча.

Димыч упорно молчал.

— Нельзя так, Димка, — по-отечески мягко и укоризненно начал генерал. — Хватит уж дурака валять. Что ж ты с девкой делаешь? Ну?.. Ведь я не сам прикатил — у меня дел, ты понимаешь... Меня Галина позвала...

Димыч поднял голову и недоверчиво посмотрел на генерала.

— Звоню ей, а она носом хлюпает, — продолжал генерал. — Папа, так и так, говорит, приезжай... Ну, что ты в самом деле? Не понимаешь ничего? Ведь не баба же тебе предложение будет делать? Ты сам должен. И не мальчик уже — не в первый раз, да еще той же самой бабе. Что тут сложного-то, я не понимаю? А, Димк?

— Так что вам Галина по телефону сказала? — спросил Димыч. — Конкретно.

— Ну, как что? Что разговоров, мол, не заводил и пока не собирается... А ей ведь, Димыч, тоже обидно. Она ведь женщина, ей муж нужен. Муж! А не кавалер с выкрутасами, так?! Только это, Димка, между нами, разговор мужской. Ладно?

— Ладно, — прошептал Димыч. — Вы с ней, значит, испугались, что не женюсь, да?

— Вот будет у тебя дочь, — сказал генерал, — сам испугаешься... А что плохого? Сам подумай: жена, дом, к нам на дачу в любое время — пожалуйста, мы к тебе по-другому относиться будем — это я тебе гарантирую, денег там не хватит, продуктов — всегда поможем. Ну?! — И генерал снова посмотрел на часы.

— Что? — спросил Димыч.

— Надумал? Нет?

Димыч поднялся, прошелся по кухне.

— Да женюсь я на ней, — наконец сказал он. — Так и передайте.

— Ну, все. — Генерал поднялся. — Давай! — он протянул Димычу руку.

Димыч пожал руку генерала и сказал:

— А вы бы, товарищ генерал, дочку квартиру не запускали. В ванной кафель вон обваливается, обои переклеить нужно, телевизор не работает. Не квартира, а сарай — смотреть противно.

— Ну, о чем речь! — воскликнул генерал. — Кстате, с деньгами-то как?

— Туго, — ответил Димыч.

Генерал достал бумажник, протянул Димычу деньги:

— Вот. Все, что с собой есть. Хватит?

— Пока хватит.

— Ну, давай! — Генерал направился к двери.

Две интеллигентные старушки все еще ели мороженое. В руках у каждой оставалось по полстакачика.

— ...Петров, — старушки продолжали уже начатый разговор.

— Какой Петров?

— Из семнадцатой квартиры.

— Да что вы! — изумилась одна из старушек. — Разве Петров лишний?

— Конечно, — подтвердила вторая уверенно. — А разве нет?

Из подъезда вышел генерал и прошел к машине.

— Суетятся, — прокомментировала это явление первая старушка.

— А как же!..

Генерал подошел к машине.

— Поехали, — кивнул он шоферу Мишке.

— Так быстро? — удивился Мишка.

— Пусть вдвоем побудут... — сказал генерал. — Дело молодое... Поехали.

Мишка прыгнул за руль, треснул дверь и, обернувшись к генералу, спросил с широкой улыбкой:

— Так что выходит, все нормально?

Генерал пожал плечами:

— Зря всполошились. Он жениться-то не против.

— Вот видите! — обрадовался Мишка. — Нам доверять надо... Я бы, между прочим, на его месте обиделся!.. Он не обиделся?

— Ну, глупости, — генерал недовольно заворочался на сиденье, захлопнул дверцу.

Мишка продолжал любопытствовать:

— А что он говорил?

— Он не говорил! — начал раздражаться генерал. — Он на вопросы отвечал.

— Понятно... А как отвечал-то?

— Как положено отвечал! — повысил голос генерал. — Давай трогай!

— Есть! — заорал Мишка.

И машина рванула с места.

В кухню осторожно вошла Галя. Остановилась перед Димычем и молчала.

— Галь, ты какого черта папашу на меня натравила? — спросил Димыч, не глядя на нее. — Что ж ты думала, я бы сам не догадался? Я бы и без него... со временем... Ну, какого черта?

Димыч выпил водки. Галя молчала.

— Ежу понятно, — продолжал Димыч, — если уж я пришел, так... само собой...

— Откуда же я знала... — прошептала Галя. — Ну, пришел... Мало ли... Знаешь, как бывает...

— Ну, понятно... — согласился Димыч.

Он достал из банки огурец и с хрустом откусил половину.

Галя робко обняла его голову. Димыч внимательно рассматривал наклейку на водочной бутылке и с громким хрустом жевал огурец.

Главный редактор В. СЫТИН

Редакционная коллегия:

*О. АГИШЕВ, С. АНТОНОВ, Е. ГАБРИЛОВИЧ, С. ЖГЕНТИ
В. СОЛОВЬЕВ, В. ТРУНИН, С. ЮТКЕВИЧ*

Ответственный секретарь Е. КЛЕЙНЕР.

АЛЬМАНАХ «КИНОСЦЕНАРИИ»

**ГОСКИНО СССР, МОСКВА, 1980 г.
ПЕРВЫЙ ВЫПУСК**

*Редактор О. ГОРБАЧЕВА
Техн. редактор Н. РЮРИКОВА
Корректор Т. ПОКРОВСКАЯ
Мл. редакторы М. СЕРГИЕНКО, Т. ЗОРИНА*

Подписано к печати 13/III-80 г. А-10974 Формат 70×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Печ. л. 20.0
Усл. печ. л. 23.4 Уч.-изд. л. 28,2 Тираж 50 000 экз. Заказ № 48 Цена 1 руб. 64 коп.
Всесоюзное объединение «Союзинформкино» Госкино СССР.
Адрес редакции: 103006, Москва, Воротниковский пер., д. 12

Чеховский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома
Государственного комитета СССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли
г. Чехов Московской области

КИНОСЦЕНАРИИ

АЛЬМАНАХ • 1980

1 р. 64 к.

